

ДЖОН ЦАЛЛЕР

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ПРИРОДА
ОБЩЕСТВЕННОГО
МНЕНИЯ

Фонд "Общественное мнение"

Фонд "Общественное мнение"

THE NATURE AND ORIGINS OF MASS OPINION

JOHN R. ZALLER

University of California, Los Angeles

CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS

ДЖОН ЦАЛЛЕР

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ПРИРОДА
ОБЩЕСТВЕННОГО
МНЕНИЯ**

Перевод с английского А.А. Петровой

Москва

Институт Фонда «Общественное мнение»

2004

УДК 361
ББК 60.56
Ца12

Редакционный совет издательской программы
Фонда «Общественное мнение»

А.А. Ослон, Е.С. Петренко, Л.М. Дробижсва,
Г.С. Батыгин, Г.Л. Кертман, И.А. Климов

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института социологии
Российской академии наук

Дж. Цаллер

Ца12 Происхождение и природа общественного мнения /
Пер. с англ. А.А. Петровой. Науч. ред. перевода И.Н. Тар-
таковская. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение»,
2004. — 559 с.

ISBN 5-93947-015-7

«Происхождение и природа общественного мнения» — фундаментальная монография одного из наиболее заметных американских политологов последних 20–30 лет, Джона Цаллера. Главная цель данной работы — построение модели формирования и изменения общественного мнения в результате сдвигов, наблюдающихся в масс-медиа и дискуссиях политических элит. Центральная опосредующая переменная модели — это политическая осведомленность, которая, таким образом, оказывается не только конечным результатом воздействия масс-медиа, но и воздействующим фактором.

Книга предназначена для специалистов в области общественного мнения, социальной психологии, политической социологии, массовой коммуникации, а также для аспирантов и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

ББК 60.56

ISBN 5-93947-015-7 (рус.)

ISBN 0-521-40449-5 (англ.)

© Cambridge University Press, 1992

© Издание на русском языке —

Институт Фонда «Общественное мнение», 2004

© А.Р. Ким, дизайн обложки, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Массовые опросы, дискурс элиты и идеал просвещенного гражданина (предисловие переводчика) . . .	6
Предисловие к русскому изданию	23
Предисловие	27
1. Введение: разрозненность исследований общественного мнения	31
2. Информация, предрасположенности и мнение	39
3. Как граждане получают информацию и превращают ее в общественное мнение	88
4. Приступая к проблеме неустойчивости ответов	106
5. Придумывая по ходу дела	138
6. Господствующая тенденция и эффект поляризации	168
7. Базовые процессы изменения установок	197
8. Тестирование модели с одним потоком сообщений	243
9. Разнонаправленные потоки сообщений	288
10. Информационный поток и голосование на выборах	330
11. Оценка модели и перспективы дальнейшего исследования	400
12. Эпилог: О доминировании элит в общественном мнении	463
Библиография	496
Указатель переменных	511
Указатель аксиом и выводов	529
Указатель таблиц	534
Указатель рисунков	537
Предметный указатель	540
Указатель имен	553

Массовые опросы, дискурс элиты и идеал просвещенного гражданина

(предисловие переводчика)

— Значит, на твой взгляд, мнение более смутно, чем знание, но яснее, чем незнание?

— И во много раз.

— Но оно не выходит за их пределы?

— Да.

Платон. Государство

I

Под результатом изучения общественного мнения чаще всего понимают процентное распределение ответов респондентов. Существует стереотип полстера, исследователя общественного мнения, отлавливающего людей в квартирах и на улицах и задающего множество непонятных вопросов, но это только одна из многих ролей в индустрии массовых опросов. Для получения качественного продукта здесь необходима еще и добросовестная работа по интерпретации и моделированию первичной информации. Чтобы цифры процентного распределения «заговорили», экспертам надо их сопоставить, причем сопоставить не просто «на ощупь» (как это чаще всего и бывает), а при помощи четких и стройных моделей.

К сожалению, таких моделей практически нет, и модель, представленную в этой книге, можно считать исключением. Но несмотря на это, автора данной книги, уже перешедшей в разряд классики, нельзя считать широко известным в нашей стране.

Джон Цаллер занимается исследованиями в области общественного мнения и средств массовой информации. Он является автором множества статей, опубликованных в виднейших американских журналах, но до сих пор самой важной его публикацией остается «Происхождение и природа общественного мнения».

Цаллер изучал историю в Калифорнийском университете в Сан-Диего в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Конец же 1960-х годов — это время, когда происходили события, породившие то изменение общественного мнения, которое стало центральным объектом анализа и которое дало важнейшие данные, подкрепляющие его модель. Прежде чем вновь в конце

1970-х годов продолжить академическую карьеру, Цаллер в течение нескольких лет работал репортером в небольшой газете — занятие достаточно типичное для американских исследователей общественного мнения.

Защищенная в 1984 году (уже в Беркли) диссертация на степень доктора философии «Роль элит в формировании общественного мнения» получила премию им. Е.Е. Шаттшнейдера¹. После защиты Цаллер в течение двух лет преподавал в Принстоне, а с 1986 году и до настоящего времени работает в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В течение восьми лет Цаллер был членом Совета наблюдателей Национальных электоральных исследований. Он входит в редакционный совет журнала «Public Opinion Quarterly» и является членом Американской академии искусств и наук.

Стоит упомянуть недавнюю историю в американских предвыборных исследованиях, связанную с именем Цаллера. В истории политической науки особое место занимают ошибки в предсказаниях результатов выборов. Систематическая ошибка выборки в опросе «Literary Digest» в 1936 года, когда выборка включала недостаточное число представителей низших классов, симпатизировавших Рузвельту, привела к неправильному прогнозу исхода выборов, а в дальнейшем дала толчок развитию технологии выборочного исследования. В 2000 году ситуация оказалась несколько более сложной: все предвыборные прогнозы говорили об огромном преимуществе Гора на предстоящих выборах, но результаты выборов оказались спорными, и Буш-младший выиграл, хотя и с небольшим преимуществом, несмотря на корректность выборок, учет смещений, вызванных формулировками вопросов и прочими особенностями интервью.

Вскоре после выборов был организован симпозиум, посвященный неудаче в предвыборном прогнозе; но и там большинству моделей не удавалось объяснить проигрыш Гора. Этот случай серьезно подорвал веру в возможность математического моделирования и точного предсказания результатов президентских выборов, тем более что ученые даже в ретроспективе были не в состоянии выявить причины случившегося. Складывалось мнение, что каждые выборы — это уникальное политическое явление, не укладывающееся в рамки регрессион-

¹ Премия им. Е.Е. Шаттшнейдера (Schattschneider) — одна из восьми престижных премий (также есть премии им. Габриэля Алмонда, Гарольда Лассуэла, Лео Штрауса и др.), ежегодно присуждаемых за лучшую диссертацию, защищенную в сфере политологии.

ных моделей. В отличие от всех остальных предвыборных и постэлекторальных данных, байесова усредняющая модель Бартелса и Цаллера¹ дала результаты, постфактум прогнозирующие победу Буша-младшего, а не Гора.

По мнению Цаллера и Бартелса, экономический спад конца 2000 года заблокировал преимущества переизбирающейся партии². Преимущество Гора было в лучшем случае умеренным. Он, поскольку кандидатом оказался достаточно невыразительным, нехаризматичным, не смог привлечь на свою сторону большую часть американской публики, не отличающейся высоким уровнем осведомленности и принимающей решение о голосовании буквально накануне выборов. Именно социальное распределение знания и определяемые им особенности избирательного поведения оказались решающими; фактор осведомленности, вкуче с возможностью объединять в одной модели целую серию регрессионных уравнений, позволил (хотя бы уже апостериори) дать правильный прогноз.

Как уже говорилось, монография, предлагаемая Вашему вниманию, до сих пор является главнейшим трудом Цаллера, и в более поздних работах он скорее развивал приложения своей основной модели или же обращался к иным проблемам. Поэтому, осознавая то место, которое книга занимает в области исследований общественного мнения, стоит отметить ее достоинства и недостатки. А далее можно будет уже остановиться на ключевой проблеме — природе и факторах изменения общественного мнения в связи с производством и социальным распределением знания.

¹ Байесова усредняющая модель (Bayesian Average Model) — это серия регрессионных моделей, объединенных в одной (подробнее см. *Erikson R.S., Bafumi J., Wilson B. Was the 2000 presidential election predictable? // PS, Political Science and Politics. December 2001. Vol. 34. No 4. P. 815–819; Zaller J. Presidential Vote Models: A Recount // PS: Political Science and Politics. 2001. Vol. 33. No 1. P. 9–20*).

² Аналогичным образом Конверс объяснял стремительный успех национал-социалистической партии на выборах в Германии. По его мнению, победы нацистов в 30-е годы отражают не поддержку нацистской идеологии, а лишь протест против экономического коллапса Германии. Голосующие делали бы более осознанный выбор, если бы рассчитывали идеологические ставки, которые предполагались при голосовании за нацистов. Конверс несколько пессимистично оценивает способность публики идентифицировать элиты, разделяющие те же ценности, что та или иная группа граждан, и следовательно, выбирать, исходя из тех идеологических ориентаций, которые эти элиты предлагают. Тем не менее он изображает публику, по сравнению с моделью Цаллера, как более автономное образование, в меньшей степени зависящее от доминирования элиты.

II

По мнению рецензентов «Public Opinion Quarterly», книга Цаллера является лучшей книгой об общественном мнении, написанной за последние 30 лет. Что же позволило экспертам дать ей такую высокую оценку? И каким представляется значение книги через десятилетие после ее появления?

Во-первых, определим, что нового внес Цаллер в исследования общественного мнения и какие влияния отражает его работа. Во-вторых, установим, какие преимущества дают предложенная им постановка проблемы, подбор переменных и допущения, положенные в основу модели. Цаллер стремился построить максимально универсальную модель формирования и изменения общественного мнения. Степень решения поставленной задачи и должна стать одним из важнейших показателей для оценки его работы. И, в-третьих, памятуя о том, что самая совершенная модель всегда упрощает реальность, необходимо выяснить, что упускается из виду, что теряется при использовании модели, предложенной Цаллером.

Одной из наиболее цитируемых в «Происхождении и природе общественного мнения» является книга Уолтера Липпмана «Общественное мнение», вышедшая в свет в 1922 году. Эта работа — совершенно беспрецедентное явление в американской политической науке. Описываемые в ней факты и наблюдения лишь через несколько десятков лет после ее публикации стали предметом анализа в лабораторных психологических исследованиях и массовых опросах. Липпман не дал четкого определения общественного мнения, для него оно — «картины в головах этих человеческих существ, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений»¹, т. е. общественное мнение здесь одновременно расширяется до всего содержания сознания людей и сужается до едва ли не чисто индивидуального и субъективного феномена. Однако именно Липпман очертил проблематику воздействия СМИ на сознание людей, их представления о далеких событиях, и в первую очередь событиях политических: «человек — не аристотелевский бог, озирающий все сущее единым взглядом, а продукт эволюции, который может выхватить фрагмент реальности, достаточный, чтобы выжить»². При построении модели формирования и изменения общественного мнения Цаллер тоже исходит из принципов

¹ Липпман У. *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 50.

² Там же. С. 49.

ограниченности восприятия человека, ограниченности времени, затрачиваемого людьми на знакомство с отдаленными от них политическими событиями. Именно этот дефицит времени, эта ограниченность восприятия являются причиной формирования стереотипов (у Липпмана) и односторонности (и, наверное, ущербности) каждой из точек зрения, представленной элитами и выраженной в сообщениях СМИ (в модели восприятия-принятия-формулировки Цаллера).

Другой источник интеллектуального влияния на работу Цаллера — колумбийская школа социальных исследований, давшая классические образцы предвыборных исследований¹ и впервые обратившаяся к систематическому изучению влияния СМИ на общественное мнение. Цаллер достаточно часто цитирует П. Лазарсфельда и Б. Берельсона, однако его вряд ли можно считать их последователем. Он полностью отказывается от социологичности их подхода, почти не использует переменные, характеризующие социальное положение респондентов; наконец, его совершенно не интересует микросоциальный контекст предвыборных кампаний (особенности политической дискуссии). В частности, Цаллер отказывается от двухступенчатости модели коммуникации Катца-Лазарсфельда², т. е. он в принципе допускает, что СМИ оказывают на публику прямое влияние, не опосредованное межличностным обсуждением.

Но, пожалуй, самое существенное влияние на работу Цаллера оказали мичиганские исследования. Уже с начала 1960-х годов при Мичиганском университете закладывается фундаментальная база данных по массовым опросам, в первую очередь предвыборным (здесь имеются в виду и панельные обследования). По данным мичиганских опросов Ф. Конверс проводил исследование избирателей-перебежчиков; его результаты Цаллер одновременно и подтверждает, и пытается переинтерпретировать. Данные мичиганских опросов Цаллер использует для моделирования формирования и изменения общественного мнения в 1960-1990-е годы.

Именно мичиганские исследователи, и в первую очередь Ф. Конверс и А. Кэмпбелл, подорвали наивное убеждение в том, что ответы на вопросы интервью — это и есть настоящее мнение, не исключая случаи, когда граждане не владеют информацией. В исследованиях избирателей-перебежчиков об-

¹ Berelson R.B., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago: The University of Chicago Press, 1954.

² Katz E., Lazarsfeld P. Personal influence. Glencoe, Ill.: Free Press, 1955.

наружилось, что распределение ответов респондентов почти случайно¹, а в исследованиях систем убеждений — что большинство граждан не обладают консистентными системами политических убеждений. Это позволило Конверсу говорить об отсутствии установок. Разумеется, такие выводы подрывали доверие к высказываемым мнениям; более того, они в определенной мере подрывали нормативную теорию современной демократии.

Цаллер стремится реабилитировать смысл высказываемых мнений и значение общественного мнения в современной политике: он вносит в концепцию Конверса незначительное, на первый взгляд, изменение — тезис о том, **что большинство респондентов не имеют однозначных истинных установок**. Установки граждан амбивалентны, т. е. каждый человек обладает множеством конкурирующих суждений. Он формулирует модель ответов респондентов, которая учитывает результаты критических выводов Ф. Конверса, Э. Даунса и А. Кэмпбелла, и поэтому его исследование скорее сфокусировано не на мнении, а на ответах респондентов, иными словами — на вербализации конкурирующих суждений. Цаллер собирает множество теоретических положений и эмпирических данных, и на основе разработанной совместно с С. Фридманом теории ответа на вопросы интервью предлагает обобщающую модель, которая проливает свет практически на все проблемы, с которыми мы сталкиваемся при изучении общественного мнения. Предполагается, что ответы на вопросы интервью являются результатом процесса, в котором действуют четыре принципа, сформулированные им как аксиомы ВПФ-модели (модели восприятия-принятия-формулировки).

Реальные установки Цаллер заменяет предрасположенностями, которые влияют только в момент ответа на вопрос интервью или при принятии решения в кабине для голосования. Закрывают же ответы на вопросы и кандидаты, за которых могут проголосовать избиратели, в ВПФ-модели определяются элитой.

Наиболее релевантные данные для проверки своей модели Цаллер получил, разрабатывая вопросы для национального предвыборного пилотажного исследования 1989 года. Он дополнил эти данные и другими, которые хотя бы минимально подходили для тестирования его модели. Именно поэтому он

¹ *Converse P.E. Information Flow and the Stability of Partisan Attitudes // Public Opinion Quarterly. Winter 1962. Vol. XXVI. No 4. P. 578–599.*

² Несколько раз оговариваясь, что истинные установки все-таки возможны, но для массовой публики это скорее исключение.

охватывает настолько широкий и разнородный ряд вопросов, что порой его книга кажется едва ли не эклектичной. Однако эту широту стоит считать скорее достоинством предлагаемой концепции.

Большая часть книги Цаллера посвящена описанию и проверке многочисленных выводов, сделанных на основе аксиоматической модели. Он предлагает некоторое количество интуитивно очевидных¹ и большое количество неожиданных гипотез. Последние гораздо интереснее и обеспечивают лучшую проверку адекватности модели (например, гипотеза о тематических публиках, согласно которой большее внимание респондента к вопросу ведет к большей устойчивости его установок, или гипотезы D12–D13 на стр. 130 — первая формальная модель (структурное уравнение), предсказывающая вероятность изменения установки при изменении аргументации).

Рассмотрим несколько наиболее важных понятий, используемых Цаллером.

Суждения² — единицы содержания сознания респондентов и в то же время единицы дискурса элиты. Цаллер принимает элитоцентрическую картину политики: элиты производят политический дискурс (или знание) и с большей или меньшей успешностью распространяют его среди публики. В суждениях об актуальных политических событиях и действиях элиты выражают ценности, которые разделяет и публика.

Выражения установки — это, собственно говоря, то же самое, что и суждения. Только, когда Цаллер говорит о суждениях, он в первую очередь отсылает к единицам дискурса элиты и способности масс интериоризировать их, а при упоминании выражений установки в первую очередь подразумевается способность респондентов *выражать* (т. е. экстериоризировать) свои предрасположенности в той форме, которая актуализирована элитами.

¹ Например, чем больше внимания уделяется вопросу в прессе, тем более вероятно, что индивиды изменят свои ответы на вопросы в массовых исследованиях.

² Вариант перевода consideration — суждения — предложен научным редактором И. Н. Тартаковской. Возможны и другие варианты перевода — соображение, аргумент, рассмотрение, однако именно «суждение» ближе всего к тому значению, которое имеет в виду Цаллер. Кроме того, в этом случае мы имеем почти полное совпадение с традиционным для политической науки понятием суждения, выражаемым другим английским словом — judgement. Так, в работах Ханны Арендт о публичной сфере говорится о суждении как о чем-то, что может сообщаться другим и обсуждаться (см. Arendt H. Lectures on Kant's Political Philosophy / Ed. by R. Beiner. Chicago: The University of Chicago Press, 1982).

Связи между установками. Допущение о ~~связанности~~ установок и ценностей позволяет определять, насколько консистентны суждения респондентов. Однако эта связанность отдельных идеологических положений и, как следствие, суждений респондентов является едва ли не результатом случайного стечения обстоятельств.

Идея моделировать связи между установками при помощи структурных уравнений отнюдь не нова; здесь мы имеем дело с одной из наиболее распространенных задач, которую решают американские политологи, предсказывая результаты выборов¹. Только в данном случае Цаллер называет один тип установок *предрасположенностями*, а другой — *реакцией на вопрос интервьюера*.

Осведомленность — основная переменная в модели Цаллера, для ее обозначения он использует несколько разных терминов: «знание» (knowledge), информированность (information), вовлеченность (involvement), внимание (attention) к политике. По мнению Цаллера, это взаимозаменяемые термины, и он обращается к тем или иным из них лишь из стилистических соображений². Но отличия все же есть, по сути мы имеем разные компоненты осведомленности, которая предполагает и внимание, и вовлеченность, и интерес к политике.

Под осведомленностью Цаллер понимает результаты различных тестов на фактуальное политическое знание. Некоторые из них включают вопросы на общее знание о политической системе в США (например, на какой срок избирают сенаторов), и тогда требуется определенный уровень развития абстрактного мышления. В других случаях тесты определяют только, как хорошо респонденты помнят имена или цифры (например, помнят ли они имена всех верховных судей). А есть тесты, которые устанавливают общую способность граждан ориентироваться в политике, т. е. соотносить позиции по отдельным вопросам политических деятелей и партий.

Осведомленность, если она берется как базовая независимая переменная, должна быть чем-то относительно простым и неразложимым. Можно задать вопрос: действительно ли осведомленность такая уж базовая, элементарная характеристика? В том виде, как ее определяет Цаллер (как тестовый показатель фактуального знания о современной политике и политическом

¹ Моделированием связей между установками занимался Кристофер Эйкен, на которого так часто ссылается Цаллер.

² Пожалуй, единственное исключение здесь — термин «знание»: имеется в виду один из вариантов операционализации информированности.

устройстве США), она, безусловно, элементарной характеристикой не является. Это скорее интегральное понятие, включающее в себя и образование, причем не просто количество лет обучения, но и его профиль (что особенно важно для системы образования в США, с характерной для нее узкой специализацией), и социальное положение, и род занятий, и даже личностные черты. Однако именно при такой операционализации переменная «политическая осведомленность» дает наиболее точные результаты в ВПФ-модели. Именно поэтому осведомленность — одновременно наиболее сильное и наиболее слабое место в концепции Цаллера.

Граждане оказываются тем более определенными в своем мнении, консистентными и сознательными по отношению к своим политическим убеждениям, чем большими знаниями они обладают. В этом определении мнения через осведомленность слышатся отголоски и платонизма, и идеологии Просвещения. Мнение является как бы неполноценным знанием. С одной стороны, такое понимание насквозь идеологично и предвзято: Цаллер сводит понятие знания только к одному его типу — знанию, предложенному элитой. С другой стороны, однако, это помогает определить принципы производства и распределения знания в современном обществе.

Здесь возникает вопрос об универсальности цаллеровской модели формирования и изменения общественного мнения. Ее теоретическая ограниченность — это ограниченность представления о современной системе массовых коммуникаций. Образ всемогущих СМИ имеет под собой серьезные основания; несмотря на сильную критику нисходящей модели формирования общественного мнения, которой придерживается Цаллер, именно она прекрасно объясняет большинство крутых поворотов во мнении американского общества в XX веке.

Эмпирическая и методическая ограниченность ВПФ-модели связана с ее фальсифицируемостью¹. Иногда Цаллер указывает на некоторые примеры, противоречащие его данным, но оговаривается, что они не очень заслуживают доверия, так как основаны на небольших или малорепрезентативных выборках. В то же время он старается не подчеркивать, что многие из данных, обосновывающих его модель, обладают тем же недостатком.

¹ Имеется в виду фальсификация в попперовском смысле, т. е. возможность опровержения научного вывода, что предполагает проверяемость гипотез и прозрачность процедур сбора и обработки информации.

III

Книга Цаллера в теоретическом плане — достаточно тенденциозный проект, направленный на реабилитацию концепций современной демократии, причем на настоящий момент один из самых успешных проектов такого рода. Теория современной демократии зародилась в философских построениях Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвиля и многих других известных мыслителей, которые считали, что она существует только тогда, когда общественность обладает высоким уровнем политической грамотности и может принимать рациональные решения.

В качестве основного условия для формирования общественного мнения постулировалась информированность граждан. Вся классическая теория демократии строилась на идеале просвещенного (т. е. информированного) гражданина. Токвиль восхвалял социальную и политическую активность американцев, описывая США в XIX веке¹. Собрания в зданиях муниципалитетов в Новой Англии стали легендарным примером американского политического духа².

Обращение к научно обоснованным выборкам в массовых опросах XX века дало возможность выйти за пределы озарений политических философов и обратиться к эмпирическому изучению общественного мнения. Результатом уже первых обследований стали данные, не очень лестно характеризующие среднего гражданина. Политическая грамотность массовой общественности была далека от идеала сверхгражданина в классической теории демократии. Опросы общественного мнения с 1930-х годов фиксируют низкий уровень вовлеченности американских избирателей в политику. Это позволило Конверсу заявить: «Чаще всего в результате опроса мы узнаем, что публика очень плохо информирована об общественных делах»³.

Берельсон и Лазарсфельд в классическом исследовании 1940-1950-х годов⁴ выявили, что электорат на самом деле совсем не вовлечен в выборы, практически не способен судить

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

² Dalton R.J. Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany, and France. Chatham (N.J.): Chatham House Publishers, 1988.

³ Converse P. Public Opinion and Voting Behavior // Handbook of Political Science. Vol. 4 / Ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. P. 79.

⁴ Berelson R.B., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 307-310.

о рациональности действий правительства, почти ничего не знает об отдельных политических решениях и не может оценивать соответствие выбранных целей и средств их достижения своим интересам. Такие результаты заставляют удивляться тому, что «демократические государства продолжали существовать на протяжении столетий. Это парадокс. Кажется, избиратели сегодня не способны соответствовать представлению о демократической системе правления, сформированному политическими теоретиками»¹.

Аналогичные исследования проводились и в других странах. В частности, неоднократно упоминаемый в этой книге Конверс принимал участие в исследовании, выполненном во Франции². Было обнаружено, что, несмотря на динамичную и поляризованную природу французской партийной системы, уровень интереса к политике среди французов еще ниже, чем среди американцев. Похожие результаты получены и в Великобритании: 60% британцев не смогли соотнести с политикой термины «правый» и «левый».

Позже, в конце 1950-х годов, в известной работе Г. Алмонда и С. Вербы³ сравнивалось общественное мнение в пяти странах — Соединенных Штатах, Великобритании, Западной Германии, Италии и Мексике. Хотя обнаружилось, что уровень политической вовлеченности и понимания политических проблем был наиболее высоким в Соединенных Штатах, данные в целом характеризовали западные демократии скорее негативно. Во всех странах лишь немногие граждане часто обсуждали политические вопросы и регулярно следили за новостями о политике и действиях правительства.

Выяснив, что большая часть населения не соответствует идеалу классической теории демократии, политологи столкнулись с парадоксом: люди чаще всего не были «хорошими» гражданами, однако исследователи считают, что демократия в США и Великобритании существует на протяжении столетий. Чтобы реабилитировать свои представления, исследователи попытались интерпретировать эти открытия в позитивном ключе. Классическая теория демократии начала изменяться. Утверждая, что современная демократия просто не могла бы действовать, они бы все граждане постоянно были активны,

¹ Ibid. P. 312.

² Converse P., DuPeux G. Politization of the Electorate in the U.S. and France // Public Opinion Quarterly. 1962. Vol. 26. No 1. P. 1–23.

³ Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton: Princeton University Press, 1963.

исследователи вспоминали о центробежных силах, разрушивших Веймарскую республику

Исследователи предположили, что идеальный гражданин — не активен, а скорее потенциально активен и проявляет внимание к политическим проблемам лишь при сигнале тревоги¹. Однако здесь отсутствовал ответ на главный нормативный вопрос дискуссии: в какой степени общественность может вносить конструктивный вклад в политическую дискуссию? в какой степени следует позволять публике влиять на правительство и защищаться от произвола политических лидеров и СМИ? Оставалось также непонятным, как СМИ влияют на публику, если публика практически ничего не знает? Ведь общественное невежество и пассивность должны как-то ограждать публику от манипуляций политиканов и СМИ. Следовательно, общественность должна что-то знать. Каким образом, однако, распределено это знание, и как его объем² влияет на способность узнавать что-то новое о политике и способность сопротивляться влиянию СМИ?

Один из пунктов критики модели информированного гражданина³ касался того факта, что она требует от граждан необычайного интереса к общественной жизни, любопытства и серьезных усилий, а это делает демократию невозможной: жесткое требование высокого уровня вовлеченности граждан, в то время как повседневные дела не позволяют им уделять политике большое количество времени, или просто не будет выполняться, или при его выполнении будут нарушаться свободы граждан. В качестве альтернативы некоторые исследователи предположили, что граждане могут принимать эффектив-

¹ Если для первой модели, для объяснения идеала информированного — «просвещенного» — гражданина использовалась метафора полицейского наблюдения, то для второй модели — метафора пожарной тревоги.

² А также содержание, которое остается в стороне в модели Чаллера, как, впрочем, и в любой другой количественной упрощающей модели. Он затрагивает вопрос о влиянии содержания знания, когда говорит о публике, уделяющей особое внимание отдельным политическим вопросам, но он не развивает эту тему.

³ Уже в работе Шютца тип «хорошо информированного гражданина» противопоставляется не только невежественному «человеку с улицы», но и эксперту. Таким образом, хорошо информированный гражданин — это скорее среднеинформированный гражданин (Шютц А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 222–237).

ные решения уже при среднем уровне информированности. Такая модель предполагает три допущения: 1) основой формирования установок являются убеждения граждан, 2) убеждения базируются на более или менее достоверной информации; 3) формирование и выражение установок — активный процесс. При этом считается, что граждане стремятся к когнитивной экономии¹ и могут принимать эффективные решения в условиях недостатка времени и информации, а также низкой мотивации. Они, граждане, реализуют низкоинформационную рациональность посредством стереотипов и эвристик².

Модель Цаллера основана именно на указанных допущениях. Они, конечно, удобны, но приводят к некоторому противоречию. С одной стороны, доминирование элиты делается неизбежным, так как установки общественности зависят от достоверности политической информации. С другой стороны, предполагается наличие каких-то убеждений, не зависящих от мнения элит, которые являются основой формирования установок. Кроме того, часть общественности, как уже известно, вообще практически не обладает информацией о политике; она как бы отгорожена от элит своим незнанием. Означает ли данное обстоятельство, что эта часть общественности независима от элиты и достоверность информации для нее совершенно не важна?

Предложенная концепция безусловно элитоцентрична. Цаллер оправдывает нисходящую модель формирования общественного мнения тем фактом, что существует множество примеров, когда у элиты возникают верные суждения, совместимые с предрасположенностями граждан и становящиеся в дальнейшем общественным мнением.

В последней главе книги Цаллер пишет, что термины «ложное сознание» и «гегемония» применимы только в исключительных случаях, что публика обладает определенной долей независимости. Однако в его концепции только элиты (эксперты) являются источником знания о политике, производят его и представляют собой «специализированную категорию людей, осуществляющих в обществе интеллектуальную

¹ Здесь можно было бы вспомнить принцип экономии мышления Маха, хотя в его философии этот принцип относится исключительно к теоретическому мышлению, которое в понимании исследователей общественного мнения — когнитивистов — является скорее развернутым, а не «экономным».

² Понятие эвристического принятия решения появилось в экономической теории демократии Даунса и изучалось экспериментальными психологами Д. Канеманом и А. Тверски.

функцию»¹. Здесь роль экспертов совершенно идентична роли интеллигенции в теории гегемонии Антонио Грамши. Господствующие представления в концепции Цаллера, как в некоторых околomarксистских концепциях, — это «представления господствующих»².

Способность публики критически относиться к аргументам, к которым апеллируют элиты, по мнению Цаллера, отчасти зависит от того, единодушны ли элиты в каждом определенном вопросе. При согласии элит мнение публики, соответствующее мнению элит, будет тем более распространенным, чем выше информированность по данному вопросу. При разногласиях элит общественность также должна разделиться, причем сегмент, поддерживающий одну из политических элит, будет тем более ей привержен, чем более он информирован по данной теме. При разногласиях между элитами люди почти не будут «видеть» часть политической информации, противоречащей их предрасположенностям. Например, сторонники республиканской партии часто игнорируют аргументы демократов, более внимательно прислушиваясь к доводам республиканской элиты. И тогда, когда в Белый дом приходит президент-республиканец, среди сторонников его партии усиливается поддержка американского вмешательства в международных конфликтах, в то время как уровень поддержки таких действий среди демократов сравнительно уменьшается.

Оптимизм Цаллера относительно автономии общественности основан на двух спорных положениях. Во-первых, он уверен, что общественность в состоянии определить, какая элита разделяет ее предрасположенности, так что ее интересы всегда представляются, «обслуживаются» элитой, решающей, какой вариант политики следует реализовать. При этом предполагается, что СМИ верно отражают идеи этой элиты и возможные варианты политики, не игнорируя менее распространенные идеи и мнения. Во-вторых, в определении доминирования элит Цаллер подчеркивает *доступность* информации, но почему-то не делает различия между двумя ситуациями. В одной ситуации элиты заставляют своих сторонников придерживаться их мнения, в то время как те не согласились бы с ним, имея они более полную информацию и более тщательно

¹ Грамши А. Возникновение интеллигенции // Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1 / Пер. с итал. Т. З. Клебановой. М.: Искусство, 1991. С. 172.

² Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 264—269.

анализируя ее. В другой ситуации мнение самих элит изменилось бы, будь им доступна более полная информация. Однако можно принимать решение при наличии **максимально полной информации и все равно оказаться неправым**. Это значит, что некоторый оптимизм Цаллера по поводу свободы общественного мнения от доминирования элиты не должен создавать иллюзию **компетентности общественного мнения и самой элиты**.

Именно поэтому обращение к исследованию электорального поведения плохо информированных граждан мотивировано и в познавательном, и в нормативном планах. С точки зрения нормативной политической теории интерес к данному вопросу совершенно очевиден: общий уровень политической информированности низок как в странах третьего мира, так и развитой демократии. Учитывая, что результаты выборов часто определяются тем, на чью сторону перейдут граждане, не интересующиеся политикой и плохо в ней разбирающиеся, исследователям важно знать, какие принципы движут именно этой частью общественности и что ее поведение предвещает политической системе в целом.

Познавательную мотивацию обращения к исследованиям плохо информированных граждан Цаллер связывает с необходимостью разработки более совершенных моделей формирования и изменения общественного мнения. Так, в большинстве исследований политического поведения игнорируются информационные различия между гражданами и их влияние на политический процесс. А когда это влияние все-таки учитывается, его описывают при помощи простых линейных моделей, не способных зафиксировать эффекты взаимодействия, зачастую более важные, нежели прямое влияние.

Цаллер признает, что хорошо разбирающиеся в политике граждане обладают многими демократическими добродетелями, но в то же время более склонны к ригидному морализаторству и идеологическому фанатизму. Он пишет, что демократии вряд ли функционировали бы эффективнее, будь большинство граждан хорошо информированы. К тому же, по его мнению, малоосведомленные граждане не настолько выброшены из национальной политики, как думают некоторые исследователи. Во время президентских выборов, по крайней мере, они гораздо более чувствительны к содержанию политических кампаний, нежели их хорошо информированные сограждане. Именно низкий уровень информированности приводит к переизбранию политиков, во время предыдущего срока

которых не происходило ничего плохого (например, к переизбранию президентов, если экономика не находится в кризисе). Цаллер считает это положительной тенденцией. С его точки зрения, переизбрание является своего рода наградой, которую плохо информированные избиратели отдают хорошо поработавшему политику¹. Хорошо информированные граждане, напротив, чаще всего стабильно голосуют за свою партию, независимо от того, насколько эффективна в данном контексте ее политика².

Цаллер, пожалуй, даже слишком оптимистичен в отношении малоинформированной публики. Общества существуют в условиях неравенства; подобно материальным благам информированность также является ресурсом, доступным не всем. Нет оснований считать плохую информированность благом, тем более что неравное распределение знания среди граждан является не просто индивидуальной характеристикой — оно отражает различия в социальном, политическом и экономическом положении, и это ставит под вопрос фундаментальный принцип равенства граждан. В частности, женщины, афроамериканцы, бедные и молодежь обычно меньше знают о политике, нежели мужчины, белые, богатые и пожилые граждане. Эти различия укоренены в нормах, регулирующих формирование жизненных проектов (выбор образования, профессии), а также в структуре досуга разных групп. Именно они (эти различия) оказывают большое влияние на осознание данными группами своих интересов и действия в соответствии с ними.

Политическая осведомленность имеет большое значение для защиты интересов различных социально-экономических групп. Хорошо информированные граждане имеют мнение, более соответствующее их интересам и материальному положению³. Так, разбирающиеся в политике женщины чаще поддерживают правительственные программы по защите женских прав; экономически неблагополучные, но информированные граждане более или менее благосклонно относятся к прави-

¹ Здесь с Цаллером сложно согласиться, особенно если учитывать цикличность экономической динамики, так как кризисы и подъемы экономики, о которых писали Й. Шумпетер и Н. Кондратьев, чередуются независимо от стараний отдельных политиков.

² Zaller J. Perversities in the Ideal of the Informed Citizenry. Paper Presented at Conference on «The Transformation of Civic Life». Middle Tennessee State University. Murfreesboro and Nashville, Tennessee. November 12–13, 1999.

³ Delli Carpini M.X., Keeter S. What Americans Know About Politics and Why It Matters. New Haven: Yale University Press. Dimaggio, Paul, John Evans, and Bethany Bryson. 1996. P. 238–251.

тельствственным программам, предлагающим новые рабочие места, улучшающим их уровень жизни и т. п. Эти данные приводят критиков Цаллера к следующему выводу: общественное мнение в целом было бы иным и в большей степени представляло бы интересы различных общественных групп, если бы граждане получали более полную и верную информацию о политике¹. Тем не менее информированность остается ресурсом, малодоступным большинству граждан.

Таким образом, социальное неравенство в информированности — это сложный и противоречивый феномен. Философия Просвещения объявила знание едва ли не важнейшей ценностью, к которой должен стремиться каждый, однако под знанием понималось нечто единственное, истинное, универсальное и, следовательно, элитарное. Носителем и производителем информации, знания в концепции Цаллера также в первую очередь является элита, точнее — разные группы элит. Однако универсальное знание само по себе вряд ли имеет значение без возможности его передавать, понимать и обсуждать, делать общим.

Знание исследователей общественного мнения, в том числе и предложенная концепция, также вписываются в эту систему коммуникаций и становятся частью общественного знания о политике. Книга Цаллера имеет большое научное значение, и ее издание на русском языке будет способствовать развитию исследований общественного мнения в России. Индустрия массовых опросов находится под ощутимым давлением проблем управления, текущей политики, однако исследователи могут обосновать свою независимость и необходимость, создавая и проверяя универсальные модели формирования и изменения общественного мнения.

Издание данной монографии на русском языке стало возможным благодаря инициативе президента Фонда «Общественное мнение» А.А. Ослона, научным консультациям Г.С. Батыгина, а также тщательной редакторской работе И.Н. Тартаковской и Ф.Н. Духовного, позволившей значительно улучшить качество перевода.

А.А. Петрова

¹ Ibid.

Предисловие к русскому изданию

Я очень признателен Институту социологии Российской академии наук и Фонду «Общественное мнение» за организацию издания моей книги в переводе на русский язык. Это во многом будет способствовать реализации тех целей, которые я ставил перед собой при ее написании.

В настоящем предисловии, которое является моим первым письменным комментарием к книге со времени ее публикации в 1992 году, я хочу затронуть три вопроса: о восприятии книги; о развитии предложенных в ней идей в моих более поздних работах; о моем видении недостатков монографии.

Книга была принята очень хорошо. Но в то же время, и это естественно, не обошлось и без критики. Прежде всего, критике была подвергнута нисходящая модель формирования общественного мнения, которая может показаться неприемлемой в моральном плане или же чересчур упрощающей. Еще одна мишень — последовательное отстаивание повсеместности описываемых процессов и универсальной приложимости модели этих процессов. Я в некоторой степени симпатизирую критическим аргументам в первом случае, но во втором такие аргументы мне очень не нравятся. Ниже я объясню почему. Несомненно, если ученые будут уделять больше внимания построению общей теории, моя попытка объединения исследований в данной области, тщательно проанализированная, скорее всего не выдержит перепроверки. Однако новые исследования, которые заново объединили бы разрозненные открытия в более сильной теории, послужили бы на пользу прогрессу.

В монографии, в гл. 1, я выражаю недовольство разрозненностью исследований общественного мнения. Я до сих пор считаю, что труд «Происхождение и природа общественного мнения» остается одной из наиболее существенных попыток синтезировать отдельные открытия в рамках одной модели. И

меня очень печалит, что после появления этой книги лишь немногие исследователи пытались решать задачу интеграции. Более того, область исследований общественного мнения сейчас является не менее разрозненной, нежели до публикации «Происхождения и природы общественного мнения».

Я предпринял несколько попыток применить модели, предложенные в настоящей книге, в некоторых других ситуациях. Две из этих попыток заслуживают, на мой взгляд, особого внимания. В работе «Возрождение мифа о невероятном влиянии масс-медиа»¹ я пересматриваю многие из случаев, представленных в гл. 10; используются те же данные, но более подходящие и детальные модели. Наиболее важной частью этой работы является тщательный анализ рис. 10.6а, на котором показано влияние информационного потока при выборах в конгресс. В статье «Избиратели-перебежчики на президентских выборах в США»² тщательно анализируется рис. 10.6в, на котором демонстрируется влияние информационного потока на президентских выборах. Я считаю рис. 10.6 одним из наиболее важных во всей книге и рад, что он выдержал все проверки.

В последней статье, однако, я все-таки выявил ошибку в другой части монографии. Обобщая выводы исследования в гл. 11, я писал, что плохо информированные избиратели меняли свое мнение в результате воздействия СМИ, реагируя, казалось бы, лишь на наиболее интенсивное сообщение независимо от его содержания. Я утверждал это потому, что очень старался найти эмпирические свидетельства чувствительности плохо информированных граждан к содержанию сообщений; тем не менее таких свидетельств я не смог найти. Обнаружить их, причем в большом количестве, мне удалось в исследовании, касающемся избирателей-перебежчиков. Как доказывалось и в «Происхождении и природе общественного мнения», плохо информированные избиратели чаще всех прочих реагируют на президентскую избирательную кампанию. При этом они реагируют именно на направленность, на содержание сообщений, а не просто на их интенсивность. Таким образом, плохо информированные избиратели более чувствительны к изменению

¹ Zaller J. The Myth of Massive Media Impact Revived: New Support for a Discredited Idea // Political Persuasion and Attitude Change / D. Mutz, R. Brody, P. Sniderman. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 17–79.

² Zaller J. Floating Voters in U.S. Presidential Elections, 1948–2000 // The Issue of Belief: Essays in the Intersection of Non-Attitudes and Attitude Change / Ed. by P. Sniderman, W. Sans. Princeton: Princeton University Press, 2003.

экономических показателей и идеологической позиции кандидатов. Это открытие может удивить читателей «Происхождения и природы общественного мнения», но оно вполне объяснимо в рамках концепций Конверса и Макгайра. Ведь президентские выборы обычно настолько интенсивны, что информацию о них воспринимают практически все избиратели; при этом менее информированные не так четко идентифицируют себя с конкретной партийной позицией и обычно сильнее реагируют на такие кампании, в том числе и на сообщения о позициях кандидатов по отдельным вопросам, а хорошо информированные обычно четко знают позицию своей партии и голосуют в соответствии с ней, меньше обращая внимания на последнюю кампанию.

Мое последнее замечание касается нисходящего представления о политическом процессе, т.е. представления о том, что именно элиты всегда влияют на массы и ни в коем случае не наоборот. Многим читателям подобная трактовка не нравится, она не нравилась и мне самому, о чем я и писал в гл. 11. Во многих моих работах после публикации «Происхождения и природы общественного мнения» я пытался сформулировать более детализованное представление об отношениях между элитами и массами. К примеру, в одной из работ я доказываю, что СМИ усилили общественную поддержку важного независимого кандидата Перо на президентских выборах в 1992 году, — журналисты считали, что соответствующая информация окажет воздействие на публику, если ее опубликовать¹. Тот же тезис обобщен в моей незаконченной монографии «Теория медиа-политики». В ней я пытаюсь показать, как политики, журналисты и граждане определяют содержание новостей². В другой моей незаконченной работе я рассматриваю проблему лидерства элит и подробно описываю, как политические партии одновременно ведут общественное мнение и следуют за ним, выдвигая кандидатов на пост президента³. Эта проблема

¹ Zaller J. The Rise and Fall of Candidate Perot: The Outsider vs. the System. Part II of a two-part article // Political Communication. 1995. Vol. 12. No 1. P. 97–123; Zaller J., Hunt M. The Rise and Fall of Candidate Perot: Unmediated vs. Mediated Politics. // Political Communication. 1994. Vol. 11. No 4. P. 357–390.

² Zaller J. A Theory of Media Politics: How the Interests of Politicians, Journalists, and Citizens Shape the News. Forthcoming, University of Chicago Press; available at www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/zaller.

³ Cohen M., Karol D., Noel H., Zaller J. Beating Reform: The Resurgence of Parties in Presidential Nominations, 1980 to 2000. Forthcoming, University of Chicago Press; available at www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/zaller.

исследуется мной в контексте поддержки конгрессом войны в Персидском заливе в 1991 году¹ и влияния мнения президента вообще²; здесь большее внимание уделяется предвосхищению общественного мнения (или следованию ему), а не влиянию на него. В целом, мне кажется, ни одна из этих работ не противоречит моим выводам в «Происхождении и природе общественного мнения». Некоторое преувеличение степени автономии элит может вызвать неприязнь кого-то из экспертов, однако такой подход позволяет более правдиво описывать культурный и политический контекст, в котором реализуются модели формирования общественного мнения.

¹ Zaller J. Strategic Politicians, Public Opinion, and the Gulf War // Taken by Storm: The News Media, U.S. Foreign Policy, and the Gulf War / Ed. by L. Bennett, D. Paletz. Chicago: University of Chicago Press, 1994; Zaller J., Chiu D. Government's Little Helper: Press Coverage of Foreign Policy Crises, 1945–1999 // Foreign Policy-making in a Glass House / Ed. by R.Y. Shapiro. Routledge, 2000.

² Zaller J. Coming to Grips with V.O. Key's Concept of Latent Opinion // Electoral Democracy, / Ed. by M. MacKuen, G. Rabinowitz. University of Michigan, in press.

Предисловие

Философы позднего средневековья полагали, что разбирались в целом ряде вопросов лучше, чем греки много веков назад. Однако благоговение перед античными философами не позволяло им считать себя такими же одаренными и проницательными, как их предшественники, — скорее, карликами на плечах гигантов, — и только поэтому им удавалось видеть несколько дальше.

В моем случае все обстоит почти так же: я проявляю достаточную нескромность, думая, что в этой книге делается шаг вперед в понимании определенных проблем, но, как и средневековые философы, понимаю, что мой прогресс в данном вопросе в значительной мере определяется работой моих предшественников; на самом деле, я следую лишь с небольшими отклонениями по намеченному ими пути. И отсюда мой огромный интеллектуальный долг перед ними.

Трех из этих предшественников следует выделить особо.

Первый — Уильям Макгайр, социальный психолог, чей мастерский синтез исследований изменения установок был отправной точкой всей моей работы в этой области. Значительная часть второй половины книги лишь развивает ту модель, которая была им предложена в конце 1960-х годов.

Вторым надо назвать Филипа Конверса, чьи работы, сохранявшие ведущие позиции в сфере изучения политического поведения в течение более чем двух десятилетий, предопределили и мои исследования. Наиболее важное, по моему мнению, прозрение Конверса, состоящее в утверждении, что различия между гражданами в уровне политических представлений и осведомленности столь же закономерны, сколь и различия в ценностях и интересах, отражено мною практически в каждом существенном тезисе. Настоящая книга могла бы, в сущности, рассматриваться как синтез и развитие двух классических работ Конверса: «Природа систем общественных

убеждений» и «Информационный поток и стабильность партийных установок».

Во времена наибольшего влияния на меня Макгайра и Конверса я знал их только через опубликованные работы. Иным образом обстоит дело с третьим из формирующих мои исследования источником влияния — Гербертом Маккლოსки. Учитель, наставник и друг, он познакомил меня с наиболее значительными работами в области политического поведения и показал, как нужно понимать их. Разумеется, на меня огромное впечатление произвели опубликованные работы Маккლოსки, особенно его теория социального научения. Но — и это, как я подозреваю, характерно для великих мыслителей — Маккლოსки знает гораздо больше, нежели способен опубликовать, и учит своих студентов гораздо большему по сравнению с тем, что могут дать его публикации. Я оказался одним из тех, кому посчастливилось учиться у него.

Вне области исследований политического поведения я чрезвычайно обязан Крису Эйкену и Нельсону Полсби. Эйкен научил меня адаптировать статистические модели к содержательным теориям, а не идти кружным путем. Сложно представить себе более важный урок, и я чрезвычайно благодарен ему. Мне также хотелось бы заметить, что практически вся первая часть книги представляет собой дискуссию с одной из наиболее важных и влиятельных работ Эйкена. Он не только не препятствовал мне своей критикой, но и сделал все возможное, чтобы поддержать меня. Моральный долг перед Полсби более неопределенен, но не менее значителен. Когда я еще думал, что вернусь к журналистике, именно он убедил меня в том, что я должен быть политологом. Именно он сказал мне, что аспирантура скорее развивает вкус и способность к суждению, а не дает знание фактов и теорий. И именно он в течение девяти лет в Беркли оказывал постоянное влияние на мои взгляды и вкусы.

Около половины книги посвящено проблеме формирования и изменения установок, в остальных главах рассматривается вопрос об их природе. Существенная часть работы по изучению изменения установок выросла из моей диссертации, которая защищалась в Калифорнийском университете в Беркли в январе 1984 года [254]; основные идеи работы о природе установок были сформулированы в статье, вышедшей летом того же года [255]. С тех пор многие люди ознакомились с текстами, которые вошли в данную книгу, и я благодарен им

за критические замечания. Это Генри Брэди, Патрисия Конноли, Джим Де-Нардо, Шанто Иенгар, Гари Джекобсон, Стенли Келли, Роберт Ласкин, Кэтлин Макгроу, Майкл Маккуен, Джон Мюллер, Винсент Прайс, Пол Снайдерман, Тимоти Вилсон. Среди тех, кто прочитал всю рукопись в одном из вариантов и кому я особенно благодарен, можно назвать Стефана Ансолабере, Ларри Бартелса, Джека Ситрина, Дональда Киндера, Яна Кросника, Милтона Лоджа, Раса Ноймана, Сэма Попкина, Джорджа Тсебелиса, Тома Шварца, Пэм Синф, Джеймса К. Вилсона. Несмотря на то, что Дуг Риверс ограничил свое внимание определенными техническими проблемами, ему удалось сделать ряд бесценных замечаний. Некоторые люди заслуживают особой благодарности. Бартелс оказывал влияние на многие этапы исследования начиная с 1984 года; он давал советы по поводу общей структуры моих аргументов, вычитывал и педантично критиковал первый черновой вариант книги, всегда был готов к обсуждению любых возникающих проблем. Киндер тоже читал первоначальный черновой вариант (как и многие другие вошедшие в него статьи) с чрезвычайным вниманием; он создавал мне дополнительные проблемы, но в итоге помогал улучшить результат. Я за многое в долгу перед Ансолабере, но более всего за то, что он указал мне — как раз когда я думал, что завершил книгу, — на необходимость написать еще одну главу. Именно вследствие его настойчивых убеждений и появилась гл. 12. Кстати, когда была готова сырая, на мой взгляд, и необработанная версия, Киндер заставил меня провести выходные в лесах с бутылкой водки, ноутбуком и моим текстом. Может, это было достаточно глупо, но я это сделал. Винить или благодарить Киндера за такой совет — теперь решать читателю. И наконец, Марк Хант и Пэм Синф очень внимательно прочли практически всю готовую рукопись, избавив меня от множества ошибок.

Огромной благодарности также заслуживают Центр политических исследований (Center for political studies — CPS) и проект Национальных предвыборных исследований (National Election Studies — NES) при Мичиганском университете, где на протяжении многих лет под руководством ряда руководителей (преимущественно Уоррена Миллера) и на средства разных фондов — в основном Фонда Форда и Национального научного фонда (National Science Foundation) — собирались данные, на которых основана эта работа. В общем я использовал результаты 23 исследований CPS/NES. Без этих иссле-

дований никогда бы не были получены и, возможно, даже предложены все прекрасные стандартные комплекты объяснительных и тематических переменных, на которых основана предпринятая мною попытка интеграции. Раздается ворчание по поводу того, сколько дисциплинарных ресурсов потребляют CPS/NES, однако отдача этих ресурсов для индивидуальных исследователей, которые иначе не смогли бы изучать столь широкий круг тем на протяжении долгого времени, просто огромна. Мичиганские исследования являются бесценным национальным достоянием, и я особенно благодарен тем людям, которые осуществили их и сделали общедоступными.

Хотелось бы выразить благодарность и профессионалам, с которыми я работал в кембриджском издательстве (Cambridge University Press) — Синтии Бенн, Катарине Ламоза и Эмили Луз; они делали все возможное, чтобы помочь мне в трудном процессе подготовки книги.

А теперь я обращаюсь к достаточно щекотливой теме благодарности женам.

Мой проект во многом обязан своим существованием Дебре Лавендер Цаллер, на которой я был женат, когда начал свою работу. В сущности, теория ответов в массовом опросе, которая обсуждается в большей части книги, возникла из ее прозрений. Без нее книга в настоящем виде просто не существовала бы. Я выражаю ей самую искреннюю благодарность.

Моя признательность нынешней жене огромна. Барбара Геддс прочитывала и помогала мне улучшать все, написанное мной, с тех пор, как я ее знаю. Не устаю удивляться ее способности понимать все, что я пытаюсь сказать, как бы плохо я это ни выражал. И у нее никогда не бывает головных болей. Я делаю все возможное, чтобы благодарить ее каждый день за это, за дочь Деметру и многое другое.

Читатель может засомневаться и спросить, что же здесь следует считать моим вкладом, если я так сильно обязан столь многим советчикам и мудрецам. Наверное, моя заслуга лишь в том, что я свел вместе огромный материал, и за это я, несомненно, достоин если не чего-то иного, то, по крайней мере, прощения за фактические ошибки и неверные суждения, отпущения грехов деянием или недеянием¹.

¹ Библийское выражение («sins of omission, and commission») — *Прим. ред.*

1. Введение:

разрозненность исследований общественного мнения

Эта книга дает обобщенное представление о формировании политических предпочтений. Автор стремится показать, как новости и политическая аргументация распространяются в большой аудитории, как индивиды оценивают эту информацию в соответствии со своими политическими ценностями и иными предрасположенностями, а также то, как их оценки становятся установками, которые фиксируются массовыми опросами и проявляются в электоральных решениях.

Изложенный в книге подход может быть применен к широкому кругу проблем массового политического поведения, в том числе таких, как расовая и политическая толерантность, поддержка американского вмешательства в военные конфликты, голосование на выборах президентов и конгрессменов, популярность президента, доверие к правительству, а также мнения людей по отдельным экономическим вопросам.

Динамический элемент предлагаемого подхода, его меняющаяся часть — это освещение общественных вопросов в масс-медиа. Оно может включать объективные по форме новостные сообщения, аргументы сторонников разных точек зрения, телевизионное обсуждение новостей или даже оплачиваемую рекламу, как это бывает в предвыборных кампаниях. Действительное же значение для формирования массовых установок имеют относительный баланс и общее внимание средств массовой информации к соперничающим политическим позициям.

Хотя в книге рассматривается формирование политических предпочтений, я стремился придерживаться высокого уровня обобщения. Целью здесь является интеграция возможно большего объема данных о динамике общественного мнения в целостную теоретическую систему.

Идей, необходимых для такой интеграции, относительно немного, и они удивительно просты. Во-первых, ~~они больше различаются по уровню внимания к политике и, следовательно, по степени подверженности влиянию политической информации и аргументации, содержащихся в СМИ.~~ Во-вторых, способность людей критически реагировать на аргументы, с которыми они сталкиваются, определяется степенью их осведомленности в политике. В-третьих, ~~граждане обычно не обладают фиксированными установками по каждому вопросу, который~~ может быть задан интервьюером; напротив, они скорее конструируют «высказываемые мнения» (opinion statements) по мере того, как сталкиваются с новыми вопросами. Наконец, в-четвертых, люди, конструируя высказываемые мнения, активнее всего используют те представления, которые по той или иной причине проще всего актуализируются в их памяти, оказываются на поверхности сознания, если использовать выражение Ш. Тейлора и С. Фиске [235].

Если бы эти основные идеи были приемлемо организованы и в какой-то мере формализованы, отпала бы необходимость в многочисленных специфических теориях и конвенциональных различениях (distinctions) форм политического поведения; сюда включаются даже различия в выборе кандидата для голосования и варианта ответа на закрытый вопрос интервью. Каждая «область политики» («domain») может рассматриваться как всего лишь определенный контекст, где граждане формулируют ответы на основе идей, с которыми они столкнулись и которые восприняли как приемлемые. Некоторые важные методологические вопросы, как и суждения о природе систем массовых представлений, также могут быть интегрированы в данную концепцию.

В области изучения общественного мнения нечасто предпринимаются попытки интеграции результатов исследований. Тенденция, за редким исключением, имеет совершенно противоположную направленность — на умножение понятий и различий, которые могут использоваться лишь в отдельных областях. Таким образом, аналитик объясняет голосование на президентских выборах независимо от голосования на выборах конгрессменов, расовую терпимость — независимо от политической толерантности вообще, установки в отношении международной политики — отдельно от прочих установок и т. д. К некоторым вопросам общего характера (таким, как изменение политических установок) обращаются в основном только в

контексте конкретных важных проблем (таких, как формирование агенды¹ или президентская популярность); поэтому существует не так уж много литературы об изменении общественного мнения. К другим же вопросам общего характера (таким, как природа политических установок) обычно обращаются только в специальной литературе.

В результате подобной специализации поле исследований общественного мнения превратилось в собрание изолированных сублитератур, которые редко перекликаются. В итоге мы больше знаем о детальном распределении зависимых переменных, исходя из теоретических механизмов, которые применимы к разным областям исследования.

Несмотря на это, потенциал теоретической интеграции результатов разных исследований велик. Два типа переменных индивидуального уровня (политическая осведомленность и политические ценности) значимы в широком ряде случаев и, как я пытаюсь показать в настоящей книге, имеют совершенно аналогичные эффекты в различных областях. Станет очевидным и то, что изменение общественного мнения обычно подчиняется одним и тем же принципам в любом контексте. В нашем распоряжении имеются отрывочные свидетельства того, что дискурс элиты оказывает во многом одинаковое влияние на общественное мнение по разным вопросам. И наконец, процесс выбора между противоположными политическими доктринами оказывается похожим на выбор между кандидатами. Таким образом, очевидно, не существует достаточного оправдания для принятой практики, когда почти все исследования общественного мнения сфокусированы вокруг конкретных зависимых переменных. В этой книге предпринимается сознательная попытка порвать с такой практикой.

Все научные теории, как отмечает У. Джемс, дают «трещины» в местах концептуальных сочленений. Моя не будет исключением. В частности, широта и уровень обобщения, к которым я стремлюсь, достигаются за счет серьезных допущений и некоторых важных упрощений. В этом отношении выбор невелик. Любое исследование общественного мнения или другого макросоциального феномена, серьезно учитывающее всякое значимое влияние и каждое предлагаемое концептуальное различие, могло бы обеспечить нечто большее, нежели про-

¹ Агенда (agenda) — устойчивые тематические блоки новостей в массовой информации. — *Прим. ред.*

стые дескриптивные описания исследуемого явления. Широкая социальная теория и сильные результаты требуют серьезных допущений и существенных упрощений, и глупо было бы притворяться, что это не так.

Моя методологическая позиция отвечает вкусам некоторых читателей, однако других она может не вполне устроить. Тем, кто считает мой подход сомнительным, я мог бы ответить следующее. Во-первых, исследования общественного мнения уже давно нуждаются в общей теории, объясняющей наиболее важные эмпирические закономерности, и без некоторых допущений и приближений построить ее невозможно. А во-вторых, я не маскирую мои упрощения, даже напротив — подчеркиваю их, формулируя в виде открытых суждений, и поясняю, в чем их ограниченность. Чтобы не запутывать читателя, чтобы не создавалось впечатление, что я занимаюсь пустой болтовней, я не всегда буду приводить критику своих аргументов в тех же абзацах, в которых они формулируются, а вместо этого оставлю большую часть самокритики на последующие главы. Но самокритика появится обязательно. Критически настроенный читатель, взвесив ее, сможет решить, убедительны ли полученные мной результаты.

Пытаясь сделать мои аргументы настолько ясными и обобщенными, насколько это возможно, я буду лишь ограниченно обращаться к формальным и статистическим моделям. Несмотря на это, данная книга не сложнее большинства исследований общественного мнения и она гораздо менее сложна, чем некоторые из них. Только в гл. 9 читателю надо следовать за пространным математическим рассуждением, но даже здесь можно избежать математики, не теряя центральных идей.

Вероятно, имеет смысл сделать предварительное замечание о дисциплинарной ориентации настоящей работы. Книга, как видно из ее названия, в первую очередь связана с вопросом, как индивиды превращают политическую информацию и аргументацию в политическое мнение (political opinion). По существу, это исследование в области политической психологии. Как вскоре станет видно, представленные выводы во многом опираются на результаты психологических исследований. Тем не менее по дисциплинарной ориентации книга ближе к политологии, нежели к психологии. Явный показатель этого — избегание технических психологических терминов и предпочтение терминов из языка повседневной политики. Например, упрощенный термин, который я использую, обозна-

чая, каким образом организована политическая информация в сознании граждан, — это «суждение», а не «схема». Более важным показателем дисциплинарной ориентации является то, что, в противоположность некоторым психологическим исследованиям политики, в данной книге неизмеримо больше внимания уделяется социальным источникам массовых установок (особенно доступности информации, представленной в дискурсе элиты), нежели более автономным операциям сознания и психики людей по восприятию действительности. И что самое существенное, содержание книги ограничивается кругом идей, легко проверяемых в типичном массовом опросе. Я оставляю феномены, которые могут быть эффективно продемонстрированы только в условиях психологической лаборатории, исследователям, работающим в рамках других дисциплин (включая даже те, которые безусловно значимы и имеют последствия вне лабораторий)¹. Психологи-экспериментаторы должны иметь в виду, что мои утверждения могут оказаться проще, даже радикально проще тех, какие были бы у них при том типе данных, с которым они работают.

Иначе говоря, я как исследователь общественного мнения не занимаюсь разработкой моделей, которые бы с максимальной точностью описывали все тонкости процесса обработки информации в сознании людей. Скорее, я стремлюсь зафиксировать сквозь призму наименее чуждого мне теоретического аппарата те аспекты обработки информации, которые релевантны для понимания динамики общественного мнения по значимым проблемам в том виде, в каком общественное мнение по значимым проблемам обычно измеряется.

Поскольку настоящая книга посвящена преимущественно вопросу о том, как граждане используют информацию из масс-медиа для формирования политических предпочтений, ее содержание в значительной степени пересекается с проблематикой исследования массовых коммуникаций. И если широко определять массовую коммуникацию, как это часто и делается, включая вопрос о природе общественного мнения, то это пересечение еще больше. Я также не смог бы отметить существен-

¹ Это не касается описания экспериментов, организованных так, чтобы их можно было провести в рамках массового обследования. Это не касается также тех идей, которые обязаны своим происхождением психологическим лабораториям, но выводы из которых могут быть проверены в ходе массовых обследований, — например, теории изменения установок Макгайра [160].

ных отличий между общими принципами моего подхода и теми, которые приняты в исследованиях массовой коммуникации.

Одним из последствий стремления к обобщению является то, что книга достаточно непривычно организована. Вместо того чтобы посвящать по главе каждому из значимых направлений исследования — установкам в отношении внешней и внутренней политики, президентских и парламентских выборов и т. п., — я разделяю книгу на главы, посвященные общим теоретическим проблемам: как люди отвечают на вопросы в массовых обследованиях, как происходит изменение установок, каков эффект противоречащих друг другу сообщений СМИ различной интенсивности и т. д.

Такой способ организации дает значительные практические преимущества. В различных областях исследования собираются разные типы данных, и некоторые из них способствуют решению вопросов, не разрешимых на основе данных, реально или предположительно доступных в других областях знания. Сведения о выборах в конгресс 1978 года особенно важны здесь, поскольку они содержат идентичные и очень детализированные результаты измерений установок, инструмент для которых формировался на протяжении многих политических кампаний. Поскольку стало очевидным, что выбор между кандидатами, указанными в избирательном бюллетене, аналогичен выбору между позициями в типичном массовом опросе, данные об этих выборах в конгресс стали особенно полезны для иллюстрации динамики формирования массовых предпочтений вообще.

Аргументация, представленная в книге, разворачивается следующим образом.

В гл. 2 и 3 вводятся важнейшие теоретические понятия, описывается основанная на них простая модель (в последующих главах предлагаются импликации этой модели, которые проверяются на соответствие имеющимся данным).

В гл. 4 и 5 мы имеем дело с сущностью политических установок или, более точно, с тем, как люди трансформируют свои идеи в ответы на закрытые вопросы массовых обследований.

В гл. 6 я обращаюсь к содержательному аспекту политических установок, показывая, как лидеры мнения элиты (elite opinion leadership), индивидуальный уровень внимания к подсказкам элиты и индивидуальные ценностные различия влияют на высказываемые мнения. Материал ограничивается опи-

санием статистических распределений мнений, таких, какие получаются в типичных экспресс-опросах (one-shot surveys).

В гл. 7–10 внимание сосредоточивается на изменении установок, при этом дальнейшее развитие получает аргументация, использованная в гл. 6. Возможным источником затруднений в этих главах может быть то, что я использую данные из разных областей, переходя от одной темы к другой (от расовой толерантности к президентской популярности, от суждений о показателях эффективности национальной экономики к вопросу о поддержке войны в Корее), стремясь получить как можно больше преимуществ при ограниченном наборе подходящих данных. Может, поэтому гл. 7–10 кому-то покажутся более сумбурными. Однако, как я надеюсь, этот недостаток компенсируется теоретическим единством, позволяющим проверить все сложные представления о том, как общественность реагирует на конкурирующие сообщения разной интенсивности, или «громкости».

В гл. 9 и 10 предпринимается всесторонняя проверка модели. В первой из них анализируется эволюция массовых установок по поводу вьетнамской войны за период с 1964-го по 1970 год, а во второй исследуется формирование электоральных предпочтений в конкурентных выборах (президентских, в сенат, конгресс, в процессе внутривнутрипартийного выдвижения кандидата в президенты). Хотя эти два типа случаев кажутся совершенно разными, динамика формирования и изменения установок оказывается совершенно одинаковой.

За основной аргументацией, изложенной в гл. 2–10, следуют две заключительные главы. В гл. 11 оцениваются сильные и слабые стороны модели, описанной в предыдущих главах, предлагаются некоторые ограничения и экстраполяции, иллюстрируются возможности дальнейшего теоретизирования в данном направлении. Поскольку гл. 12 — эпилог, она стоит несколько отдельно. В ней показывается, как элементы системы политической информации в Соединенных Штатах связаны с моделью формирования установок, описанной в книге.

И наконец, я должен сказать несколько слов об источниках моих данных. Весь первоначальный эмпирический анализ в настоящей книге основан на данных, доступных благодаря Межуниверситетскому консорциуму политических и социальных исследований (Interuniversity Consortium for Political and Social Research — ICPSR) при Мичиганском университете. Я всячески старался ясно показать, как использую эти данные,

чтобы заинтересованные ученые могли перепроверить представленные мною результаты. Наиболее часто используются данные предвыборных обследований, проведенных при содействии CPS, а также — за последние несколько лет — Совета наблюдателей (Board of Overseers) NES. Я особенно активно использую данные предвыборного обследования 1986 года и пилотажного исследования NES 1987 года, когда 450 респондентов 1986 года были опрошены вторично. К счастью, в обследованиях 1986–1987 годов были зафиксированы два наиболее интересных случая изменения установок из тех, что я смог найти. По своему методическому дизайну программа этих обследований позволила также тщательно изучить микрооснования политических установок, в том числе оценку эффективности работы Р. Рейгана на президентском посту, которая достаточно быстро изменялась. Без этого пилотажного исследования 1987 года данная работа была бы существенно менее обоснована эмпирически. Всего я использовал результаты 23 исследований CPS/NES и еще одного — 24-го (исследование установок в Бразилии), которое хранится в архиве ICPSR.

2. Информация, предрасположенности и мнение

В каждом мнении сочетаются информация и предрасположенность: информация формирует умозрительный образ данной проблемы, а предрасположенность мотивирует определенное заключение о данном образе. Моя основная задача — показать, как контуры общественного мнения по широкому кругу вопросов определяются вариациями информационного потока, содержащегося в дискурсе элиты, индивидуальными различиями в политических ценностях и другими факторами предрасположенности. Таким образом, эта книга посвящена в основном отношениям между информацией, предрасположенностями и мнением.

В настоящей главе предлагаются и определяются ключевые понятия, исследуются некоторые критические проблемы, связанные с введением этих понятий, и предварительно рассматривается их соотношение одно с другим. Это дает интуитивный образ модели, техническое и более подробное описание которой приводится далее, начиная с гл. 3.

Информация и дискурс элиты

Граждане в современных обществах зависят от невидимых и зачастую неизвестных «других», предоставляющих им большую часть информации о мире, в котором они живут. Степень этой зависимости мало кому нравится, но никто не может ее избежать. У. Липпман в своем классическом трактате «Общественное мнение» писал: «Каждый из нас живет и работает лишь на маленьком клочке земной поверхности, двигаясь по ограниченному кругу, и знает близко лишь небольшое число людей. Мы способны познавать только аспекты или фазы крупных общественных событий, имеющих далеко идущие последствия... В результате наше мнение неизбежно охватыва-

ет большее пространство, более длительный период времени, более широкий круг вещей, нежели мы способны непосредственно наблюдать. Следовательно, это мнение складывается из того, что сообщается другими людьми, и того, что мы сами способны вообразить» [144, р. 59].

«Другие», от кого мы прямо или косвенно информационно зависим, — это чаще всего люди, которые полностью посвящают себя определенным аспектам политики или общественных дел, т. е., попросту говоря, это политические элиты. В эти элиты входят политики, государственные чиновники высокого ранга, журналисты, некоторые активисты и разного рода эксперты и управленцы. Даже когда мы узнаем что-то об общественных проблемах от друзей или членов семьи, мы часто получаем эти идеи, что называется, из вторых рук, т. е. в конечном счете все равно от каких-то элитных групп.

Информация, доходящая до широкой общественности, никогда не представляет полностью все события и процессы, имеющие место в мире. Точнее, информация — высокоизбирательный и стереотипизированный образ происходящего. Данное соотношение практически неизбежно. И даже если бы было не так, сама общественность вряд ли хотела бы поддерживать высокую информированность о безграничном мире, находящемся далеко за пределами ее непосредственного опыта. Общественности требуется краткое, простое и очень тематизированное (одним словом, стереотипизированное) представление новостей. Так, Грабер, подробно изучая, как граждане следят за новостями, обнаружила, что ее испытуемые «зачастую выражали недовольство слишком упрощенным представлением событий в телевизионных новостях». Однако, если «специальные новостные программы или статьи в газетах предоставляли малейшую возможность для более подробного освещения вопроса, они не желали с ними знакомиться. По большей части граждане не читают и не изучают внимательно более пространные версии при освещении выборов и других событий в газетах и журналах. Новости с массой специфических фактов и статистики однозначно характеризовались как скучные, приводящие в замешательство и чрезмерно детализированные» [85].

Липпман, который, возможно, до сих пор является наиболее проникательным исследователем процесса формирования у общественности понимания сложных и далеких событий, посвятил большую часть своей работы «Общественное мне-

ние» стереотипам восприятия новостей, т. е. тому, что сегодня описывается как точки зрения (frames of references)¹. В одном месте он доходчиво изображает то, как воспринимает Первую мировую войну героиня романа Синклера Льюиса «Главная улица»: «Мисс Шервин из Гофер-Прери знает, что во Франции разразилась война, и пытается представить это. Она никогда не была во Франции, и, разумеется, она никогда не была в тех местах, где теперь проходит линия фронта. Она может видеть фотографии французских и немецких солдат, но для нее невозможно представить себе три миллиона человек. В сущности, никто этого не может, и специалисты даже не пытаются это делать. Они представляют их как, к примеру, две сотни дивизий. Но мисс Шервин не имеет доступа к военным картам, и если она думает о войне, она представляет Жоффра и кайзера как если бы они стрелялись на дуэли. Возможно, если бы вы взглянули на происходящее ее глазами, то увиденное мало бы отличалось от гравюр восемнадцатого столетия, изображавших «великого солдата». Он браво стоял без ружья и изображался крупнее, чем в натуральную величину, с призрачной армией хрупких маленьких фигурок, нарисованных на фоне пейзажа вдали» [144, р. 8].

Пример того, как мисс Шервин представляет военные действия в XX веке, опираясь на гравюру XVIII столетия, позволяет Липпману сомневаться в том, что индивиды могут самостоятельно создавать стереотипы и другие символические репрезентации — «картинки в голове», через которые воспринимаются отдаленные и даже смутно описываемые события. На самом деле, указывает он, «в чудовищно пестром беспорядке внешнего мира мы выбираем то, что наша культура уже определила для нас, и склонны воспринимать то, что мы выбрали, в той форме, в какой оно стереотипизировано нашей культурой» [144, р. 61].

Многие стереотипы, к анализу которых обращается Липпман, являются неотъемлемыми чертами американской культу-

¹ Точка зрения (или базовый фрейм, система признаков, пространство признаков, взгляд, система отсчета, система координат, компетенция) — термин, используемый в социальной психологии для обозначения представления, образа некоторой проблемы (явления, события), противопоставленного другим возможным ее представлениям. Например, проблема ядерной энергии может быть представлена как фреймом «прогресс», так и фреймом «взбесившаяся технология» (Англо-русский словарь по лингвистике и семитике. Т. 1. / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Помавский и партнеры, 1996. С. 232). — *Прим. пер.*

ры: коррумпированный политикан, забастовка рабочих, предвыборная борьба, вольные фермеры. Но поскольку общество всегда порождает новые проблемы, значительное число стереотипов появилось лишь недавно. К примеру, исследования показали, что в дискуссии о «Поправке о равных правах» стереотипы туалетов «унисекс» и женских батальонов возникли как отражение организационных и идеологических потребностей соперничавших активистов [166]. Лукер провел аналогичное исследование происхождения стереотипов «за право на выбор» и «за право на жизнь», вытекавших из противоположных мировоззрений участников дискуссии об абортах [150]. Влиятельный стереотип, возникший за последние годы, — образ бездомных. Подобные стереотипы и фреймы важны в процессе поддержания осведомленности публики, поскольку они определяют, как общественность думает о том, о чем ее информируют, что в свою очередь определяет, чью сторону она примет в политических дискуссиях [60; 19; 78; 124].

Определяемые культурой и поддерживаемые элитой стереотипы могут играть решающую роль в формировании общественного понимания событий, находящихся «вне досягаемости, вне вида, вне понимания» [144]. Но они могут быть важны даже в отношении вопросов, находящихся в пределах непосредственного опыта индивидов. К примеру, Иенгар [104] использовал экспериментальные данные для того, чтобы показать, как в зависимости от того, на чем концентрировались телевизионные новости — на рассказах о бедности отдельных людей или же на общих социальных условиях, вызывающих эту бедность, — варьировалось представление публики о виновниках этой бедности и, следовательно, менялась степень готовности поддерживать соответствующие социальные программы.

Возможно, наиболее фундаментальный вопрос, относящийся к новостным стереотипам (или точкам зрения), — это вопрос о том, может ли общественность хоть как-то выбирать между ними в том случае, если существуют альтернативные видения проблемы. **При отсутствии такого выбора общественности ничего не остается, как следовать конвенциональному представлению элиты о том, что надо делать.**

Например, на ранней стадии американского вмешательства в войну во Вьетнаме публике предлагалось только одно видение войны — борьба за сохранение свободы и разгром коммунизма. Даже новостные репортажи, в которых критико-

валась государственная политика, оставались в тех рамках, в которых признавалась огромная важность победы в войне и поражения коммунизма [90; 92]. В это время общественная поддержка американского вмешательства во вьетнамскую войну была очень сильна, и те представители общественности, которые были наиболее подвержены интенсивному воздействию масс-медиа, тверже всего придерживались официальной линии.

На более позднем этапе войны, однако, журналисты начали представлять информацию, показывающую, что это была, по сути, гражданская война между соперничающими вьетнамскими группировками (а отсюда ее несущественность для интересов безопасности США) и к тому же такая война, в которой, скорее всего, победить невозможно. В дальнейшем в новостях война продолжала имплицитно поддерживаться, но она потеряла свое первостепенное значение. Благодаря такому изменению представления событий в СМИ существенно снизилась, как я показываю далее в гл. 9, общественная поддержка военного вмешательства. При этом сильная подверженность влиянию СМИ связана была уже не с автоматической поддержкой американского военного вмешательства, а с поляризацией мнений, которая отражала раскол в политическом дискурсе. Внимательные к политике либералы из числа рядовых людей были склонны принимать позицию, занятую теми группами элит, которые принято было считать либеральными; в то же время политически осведомленные рядовые консерваторы разделяли позицию консервативных лидеров мнения.

Таким образом, когда элиты предлагают ясную картину того, что следует делать, общественность склонна рассматривать события именно с их точки зрения и наиболее внимательные к политике люди особенно готовы принимать позицию элит. Когда элиты разделяются, граждане склонны принимать позицию тех элитных групп, чьи убеждения, идеологию они разделяют; при этом самые политически осведомленные представители общественности в наибольшей степени отражают идеологические разделения элитных групп.

Эти гипотезы о влиянии дискурса элиты, представляющие собой важную часть того, что я пытаюсь продемонстрировать в настоящей книге, являются, очевидно, весьма сильными. Предваряя дальнейшее исследование, мне бы хотелось совершить краткий экскурс в эволюцию расовых предрассудков в Америке XX века. Стоит подчеркнуть, что цель моего экскурса

в столь деликатную тему состоит не в том, чтобы убедить читателя в моей окончательной правоте, а только в том, чтобы как можно более ясно проиллюстрировать мое общее видение проблемы, лежащее в основании более специфических аргументов, приведенных в последующих главах.

Дискурс элиты и расовые установки

На переломе столетий Соединенные Штаты были глубоко расистским обществом, и это выразалось не только в кастовой структуре южных штатов и широко распространенной практике дискриминации, но и в тех политических идеях, которые определяли то, как элиты и массы воспринимают расовые различия. Хотя среди элиты и были определенные разногласия по расовому вопросу, они ограничивались лишь очень узким кругом людей. Практически все белые элиты принимали представление о неполноценности других расовых групп [76]. Было бы и неприятно, и излишне рассматривать здесь эти идеи, но один факт важен в связи с утверждением, которое я собираюсь предложить. Расистские идеи о чернокожих, как, впрочем, и о других неанглосаксонских группах (азиатах, восточно- и южноевропейцах, евреях), поддерживались биологией и психологией того времени. Расистские идеи, таким образом, не ограничивались экстремистскими или подпольными течениями; они были распространены среди белых интеллектуальных лидеров нации в той же мере, как и среди других белых. При таком паттерне расовых установок элиты какие-либо попытки мобилизовать белых в поддержку расового равенства со стороны как чернокожих, так и отдельных симпатизирующих им представителей белых были заранее обречены на провал.

Однако к 1930 году политические установки элиты начали меняться. В этот год назначение президентом Гувером¹ Верховным судьей Северной Каролины Паркера было отвергнуто сенатом в основном потому, что за десять лет до этого в одной из своих известных речей Паркер заявлял, что «негры как класс не желают вступать в политику» и «участие негров в политике есть источник зла и опасности для обеих рас» [128, р. 142]. Эта единственная расистская речь, которая была бы совершенно нормально воспринята в XIX-м или даже в начале XX столетия, смогла оказаться основанием для отклонения его кандидатуры

¹ Герберт Кларк Гувер — 31-й президент США (1929–1933). — *Прим. пер.*

на пост Верховного судьи, что показывает исторический сдвиг, который произошел в расовых установках.

Несмотря на это, расовые отношения явно не были главной общественной проблемой в 1930-е годы [217, р. 217]. Более того, Мирдал [181] в своем широкомасштабном исследовании расовых отношений в Америке обнаружил, что ни материальные условия, в которых жили чернокожие, ни степень дискриминации, с которой они сталкивались в 1940-е годы, не сильно отличались от тех, которые были сразу же после Гражданской войны. Имевшие место улучшения были вызваны исключительно тем, что часть чернокожих мигрировала на Север, где условия всегда были несколько лучше. Тем не менее Мирдал утверждал, что в это время все же наметился значительный прогресс в расовых отношениях. Белые американцы твердо верили в равенство, они начали осознавать справедливость требований чернокожих о равенстве. Поэтому — так он полагал — время сопротивления белых идее расового равенства подходит к концу.

По мнению Мирдала, которое оказалось необычайно пророческим, изменение в установках белых предшествовало любым изменениям в реальном положении чернокожих.

Что же тогда вызвало изменение установок?

Можно предложить множество гипотез. Однако Мирдал дал объяснение, связанное исключительно с интеллектуальным развитием. Ученые, которые еще в 1920-е годы обосновывали утверждение о превосходстве одних расовых групп над другими, опровергли его в ходе последующих исследований. Значительность этого изменения в настроениях научных кругов отражена в приводимых ниже двух отрывках из работы Брихама, который в то время являлся ведущим исследователем расовых различий. В 1923 году он закончил работу «Исследование американской интеллигенции» безапелляционным заявлением о том, что «продемонстрировано интеллектуальное превосходство нашей нордической группы над альпийской, средиземноморской и негроидной группами» [27, р. 192]. Однако в обзоре последующих исследований, опубликованном семь лет спустя, Брихам вынужден полностью отказаться от этого вывода. В заключение своей работы он пишет: «В данной работе дается обзор некоторых последних открытий, которые показывают, что сравнительные исследования различных национальных и расовых групп не могут проводиться с использованием существующих тестовых методик, и это показывает,

в частности, что одно из наиболее претенциозных сравнительных расовых исследований — принадлежавшее автору этой работы — было совершенно необоснованным» [28, р. 165].

Делая обзор этой и других работ, Мирдал писал, что «горстка биологов и социальных исследователей за последние 50 лет постепенно вынудили информированных граждан отказаться от хотя бы наиболее вопиющих из своих биологических заблуждений» [181, р. 92]. Как недавно показал Деглер [54], изменение научных теорий расы в 1920-е годы было частью более широкого научного отхода от биологических объяснений человеческого поведения¹.

После интеллектуального поражения ранних теорий расового превосходства психологи сместили исследовательский интерес к проблематике стигматизирующего влияния на чернокожих того, что мы теперь считаем предрассудками белых, а также к происхождению расовых предрассудков в результате различного рода психологических проблем и пробелов в образовании [6]².

В результате всего этого подверглись значительным изменениям стереотипные схемы, используемые для объяснения расовых различий в материальных условиях жизни. Примерно до 1930 года эти стереотипы подчеркивали расовую неполноценность как обоснование неравенства. Потом доминирующей тенденцией в дискурсе элиты стало объяснение неравенства либо чьей-то индивидуальной неуспешностью, либо, в наиболее распространенном либеральном варианте, последствиями дискриминации чернокожих. Вряд ли можно представить себе более существенный сдвиг в дискурсе элиты.

Вследствие недостатка данных об общественном мнении до конца 1930-х годов, влияние этой «революции» в дискурсе элиты на мнение масс не может быть в полной мере прослежено. Однако три вывода об общественном мнении того времени уже представляются очевидными.

¹ Деглер также сформулировал интересный тезис о том, что новые исследования были идеологически мотивированы в том смысле, что вовлеченные в них ученые бессознательно стремились опровергнуть расистские теории. Деглер не приводит доводов, доказывающих, что в этих исследованиях присутствовали обман или нечестность; он также не представляет каких-либо доказательств того, что большое число ученых, решивших принять эти исследования, руководствовались чем-либо еще, кроме собственных суждений о положении вещей.

² Насколько я могу судить, возможность того, что предрассудки белых могли оказаться (хотя бы отчасти) следствием расистского дискурса элиты предыдущих десятилетий, серьезно не рассматривалась.

Во-первых, произошел значительный сдвиг в общественной поддержке принципа расового равенства белой частью населения. Но этот сдвиг не стал столь значительным, сколь хотелось бы многим; белые оказывали сопротивление многим правительственным попыткам искоренить дискриминацию и в еще большей степени выражали недовольство попытками загладить последствия расовой дискриминации в прошлом. Можно усомниться в искренности заявлений некоторых людей об их приверженности равенству. И все же нельзя отрицать, что изменения произошли значительные [214]. Например, в опросе 1944 года только 45% белых сказали, что чернокожим «следует дать такой же шанс, как и белым, получать любую работу»; в 1972 году эта цифра поднялась до 97%. Подобным же образом процент респондентов, согласных, что «белым и чернокожим учащимся следует посещать те же школы», а не обучаться отдельно, поднялся с 32% в 1942 году до 90% в 1982 году. Наверное, эти изменения только наметились в начале 1940-х годов, во времена первых массовых опросов, посвященных расовым проблемам; может быть, они начались и раньше. В любом случае, изменение массовых установок в целом совпадает с изменением установок элитных групп.

Во-вторых, оказалось, что люди, более всего находящиеся под влиянием нового расового дискурса элиты, т.е. более образованные, предпочитают поддерживать идеи, конституирующие консенсус по расовому вопросу среди элитных групп. Более образованные люди склонны не поддерживать резкие действия, иные противоречивые попытки борьбы с неравенством (такие, как отказ от сегрегации в школьных автобусах), которые не встречают единодушной поддержки элиты; они скорее выказывают диспропорционально большую поддержку принципу равенства и таким мерам по борьбе с расовой дискриминацией, как федеральный закон о запрете сегрегации в пунктах общественного питания (ресторанах) и на транспорте, которые встречали однозначное признание элиты [6; 214]. Таким образом, в точности как и в случае с Вьетнамом, описанном ранее, влияние дискурса элиты обеспечивает поддержку содержащихся в нем идей. (Дальнейшие доказательства либерализации расовых установок вследствие влияния дискурса элиты будут представлены в гл. 8.)

И наконец, в-третьих, общественность реагирует на идеологические подкачки элиты по расовому вопросу. Доказательства этого утверждения, в основном опирающиеся на послед-

ную работу Кэрминса и Стимсона [35], стоит рассмотреть подробнее.

На протяжении 1950-х и в начале 1960-х годов элиты, связанные с республиканцами и демократами, не демонстрировали ясных, однозначных различий в расовом вопросе. Демократическая партия, которая в том, что касалось расового вопроса, была вотчиной многих выдающихся либералов (из них наиболее известен Хамфри¹), под руководством президента Трумэна добилась принятия многих мер для достижения расового равенства, особенно в армии. И это происходило несмотря на то, что консервативные в расовом вопросе южане составляли костяк демократической партии. А президент от республиканской партии Эйзенхауэр, даже не являясь борцом за расовое равенство, назначил либерального в расовом вопросе Уоррена главой Верховного суда и использовал федеральные войска для того, чтобы обеспечить десеграгацию местных школ. В конечном счете, даже при том впечатлении, которое производили такие выдающиеся демократы — либералы в расовом вопросе, как Хамфри, республиканские конгрессмены оказались в нем более либеральными (рис. 2.1а). Как утверждают Кэрминс и Стимсон, в результате недостатка явно дифференцирующих подсказок лидеров мнения демократов и республиканцев по расовому вопросу для большей части общественности не различались.

С конца 1963 года, однако, демократическая партия, преодолевая сопротивление своего южного крыла, выступает как партия расового либерализма, а республиканская партия становится более консервативной в расовом вопросе. Уже президент Джонсон² как официальный глава демократической партии добился в конгрессе поправки к биллю о гражданских правах, в то время как сенатор Голдуотер³, кандидат на президентский пост от республиканской партии в 1964 году, стал наиболее известным оппонентом его законодательной деятельности. Аналогично и голосование в конгрессе по расовым во-

¹ Губерт Хамфри — вице-президент в 1965–1969 годах, во время президентского срока Линдона Джонсона. Начинал политическую карьеру как политический консультант во время избирательной кампании Франклина Рузвельта в 1944 году — *Прим. пер.*

² Линдон Джонсон — 36-й президент США (1963–1969). — *Прим. пер.*

³ Барри Голдуотер (1909–1998) — сенатор в 1953–1964, 1969–1987 годах. Резко выступал против налаживания отношений с СССР, считался символом крайнего консерватизма. — *Прим. пер.*

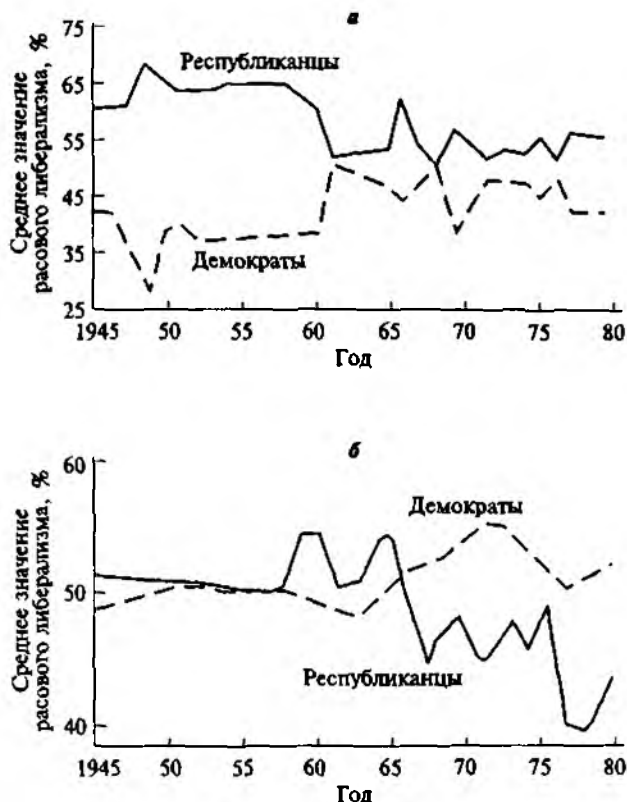

Рис. 2.1. Расовые установки республиканцев и демократов в 1950–1980-х годах [35]: а — тенденции голосования по расовым вопросам среди сенаторов США; б — расовые установки рядовых сторонников партий

просам стало близко следовать линиям разделения мнений республиканцев и демократов (см. рис. 2.1а).

Влияние изменений в содержании «подсказок» лидеров партий ясно видно на рис. 2.1б. Рядовые демократы и республиканцы, начиная с 1964 года, стали демонстрировать значительную поляризацию мнений по расовому вопросу¹.

¹ Кэрминс и Стимсон [35] обнаружили первое свидетельство о массовой поляризации расовых установок в результатах опроса Харриса, проведенного в 1963 году, сразу же после того как президент Кеннеди объявил о своей поддержке общего билля о гражданских правах.

В приведенных результатах есть тем не менее некоторая неоднозначность. Массовая поляризация мнений «по партийным линиям» могла произойти в результате перетасовки сторонников партий (либералы по расовому вопросу присоединились к демократической партии, расовые консерваторы перешли на сторону республиканцев). Это сценарий изменения вследствие трансформации *самих партий*. Поляризация могла стать и следствием изменения мнений (демократы стали более либеральными в расовом вопросе, республиканцы — более консервативными). Это уже сценарий изменения под влиянием *лидеров мнений*. Хотя Кэрминс и Стимсон не пытаются разграничить конкурирующие сценарии, в действительности, кажется, имели место оба процесса. Петросик [192], показав, что с начала 1964 года демократическая партия потеряла белых южан, но зато привлекла на свою сторону чернокожих граждан, отмечает изменение состава сторонников партий в соответствии с линией существовавших ранее расовых установок. По Гербер и Джексону [82], многие демократы и республиканцы, не покидая партийных рядов, изменили свое мнение по расовому вопросу в соответствии с новой политикой своих партийных лидеров; это свидетельствует о массовом отклике на позицию элитных лидеров мнений¹.

Последний феномен представляется более важным в свете поставленных в данной книге задач. Если дискурс элиты может изменить мнение по расовому вопросу, который представляется одним из наиболее укорененных в массовом сознании [34; 44; 48], то он, возможно, оказывает влияние на общественное мнение и в большинстве других областей.

Концептуализация и измерение дискурса элиты

Политическая информация, представленная в дискурсе элиты, как мы увидим, никогда не является нейтральной. На самом деле она представляет собой попытки различного рода элит создать такое изображение действительности, которое было бы достаточно простым и живым, чтобы обычные люди могли воспринять его. Эта информация является искренней в том смысле, что может пониматься как открытые попытки выразить

¹ Гербер и Джексон [82] приводят аналогичные данные о лидерах мнений по вопросу о вьетнамской войне. Франклин и Козаки [75] показывают, что усиленная поляризация установок в отношении аборта последовала за решением Верховного суда в 1973 году по делу «Роу против Вэйда».

наиболее важное из того, что происходит в мире, и представить это в верной перспективе. Но она никогда не является просто информацией, поскольку неизбежно избирательна и неизбежно «запакована» в стереотипные точки зрения, которые выводят на передний план только часть того, что происходит.

Вследствие этого **существующее общественное мнение по определенному вопросу редко может рассматриваться как прямая реакция на состояние дел**. Даже проблемы, находящиеся в пределах непосредственного опыта многих граждан (такие, как бедность, гомосексуализм, расовое неравенство), могут пониматься по-разному, в зависимости от того, как связанные с ними факты представлены или стереотипизированы, а также от того, какая идеологическая позиция элиты с ними связана. Сложно не согласиться с утверждением Липпмана, что в то время как «ортодоксальная теория поддерживает представление, что общественное мнение формирует моральные суждения относительно каких-либо фактов... [было бы более разумно считать, что]... общественное мнение является в высшей степени морализированной и кодифицированной версией происходящего» [144, р. 93].

Таким образом, при обращении по ходу изложения к информации о политике, представленной в дискурсе элиты, я имею в виду стереотипы, опорные фреймы и «подсказки» о позиции лидеров мнения, которые позволяют гражданам формировать концепции и, что более важно, мнения о событиях, выходящих за пределы их личного опыта. Моя цель — показать, как изменение дискурса элиты определяет и направляет, и структуру массовых представлений.

По сравнению с теми моделями, которые могут быть операционализированы и проверены в настоящей книге, подобное понимание дискурса элиты является сложнее. Я изложил его в общих чертах, чтобы в более широком контексте рассмотреть мои аргументы, чтобы сравнить дискурс элиты и совокупность тех простых показателей, которые мною используются. Это важно именно потому, что мои переменные достаточно просты и конкретны. Часто я буду использовать только дихотомический показатель: существует ли среди элиты единая точка зрения на то, что собой представляет данная проблема и как следует на нее реагировать, или между элитными группами по данной проблеме существуют серьезные разногласия (см. гл. 6). В некоторых других случаях я буду оговаривать относительную интенсивность потоков информации, исходя-

щей от противостоящих по какому-то вопросу элит, и то, как эта интенсивность меняется с течением времени. Здесь я буду подсчитывать число медиа-сообщений по данному вопросу и то, в каком направлении каждое из них пытается изменить общественное мнение.

Как показали многие исследования, даже простой подсчет сообщений является достаточным для того, чтобы показать тесную взаимосвязь между дискурсом элиты и общественным мнением [61; 162; 189; 64; 188; 30]. В качестве иллюстрации рассмотрим изменения в новостных репортажах по вопросу затрат на оборону США в конце 1970-х — начале 1980-х годов, а также связанные с ними изменения общественного мнения.

В журнале «Ньюсуик» от 24 октября 1980 года появилась статья «Достаточно ли сильна Америка». Она начиналась следующим образом: «Редко во времена мира Соединенные Штаты были так озабочены разговорами о войне — они и так обеспокоены тем, что страна неспособна ее выдержать. Главнокомандующий генерал Эдвард С. Мейер публично жалуется, что он командует «голой армией» — недообмундированной, недотренированной, недофинансированной. Генерал Лью Аллен, командующий военно-воздушными силами, предупреждает, что его самолетам не хватает запчастей, необходимых для контроля воздуха при полетах любой длительности в любых условиях. Командующий военным флотом Томас Б. Хейвард выражает недовольство тем, что для выполнения операций на трех океанах у Америки имеется только полтора флота. И впервые с поры ракетного кризиса, обсуждавшегося во время президентской кампании 1960 года, создается ощущение, что оборона Америки дала трещину — настолько большую, что нация, возможно, более не способна защищать свои интересы за границей и сдерживать советскую экспансию».

После резкой характеристики неадекватной реакции на такую ситуацию Картера и Рейгана — его республиканского оппонента на осенних выборах — автор статьи продолжал: «Нет сомнений, что состояние американской обороны не таково, каким могло бы или должно было быть. Большая часть военного снаряжения устарела — и даже критически важные Minutemen ICBM и бомбардировщики B-52, чтобы оставаться работоспособными, нуждаются в постоянном дорогостоящем обслуживании. Затраты на ракетные комплексы опустошили фонды, отведенные на их обслуживание, и подорвали подготовку персонала. Низкая оплата и чрезвычайно длительное

время нахождения матросов в морских рейдах, а солдат и летчиков — в перемещениях через океан ускорили массовый исход опытных сержантов, которые составляют ядро любых вооруженных сил. Эти проблемы поднимают законный вопрос о способности вооруженных сил США реагировать на кризис и участвовать в военных действиях».

Подобные статьи были нередкостью в то время. По моим подсчетам, за 24 месяца до выборов 1980 года в «Ньюсуик» было напечатано 57 статей, в которых более или менее явно освещался вопрос затрат на вооружение, причем в 46 из них в целом поддерживалось увеличение этих затрат.

Позиция одобрения роста затрат на вооружение, однако, не была постоянной чертой публикаций в «Ньюсуик» по вопросам обороны. С тех пор как новая администрация Рейгана начала увеличивать уровень затрат на оборону, направленность дискуссий среди элиты по этому вопросу кардинально менялась — наиболее заметно это проявилось в форме возражений многих представителей конгресса, указывавших на то, что затраты на вооружение урезают затраты на социальное обеспечение. Соответственно приобрели совершенно другой характер публикации «Ньюсуик». Страницы журнала стали заполняться информацией о многомиллионных перерасходах, армейских откватах по цене 600 долларов и других злоупотреблениях Пентагона. Вместо картины армии США с устаревшим вооружением публике представляется иная — картина раздутого и дорогостоящего военного ведомства. За два года после выборов 1980 года в журнале было опубликовано 60 статей о затратах на оборону, 40 из которых были направлены против их увеличения. Таким образом, за короткий период времени соотношение публикаций изменилось от 4:1 в пользу увеличения затрат на вооружение к 10:1 в пользу сокращения затрат.

Общественное мнение касательно затрат на вооружение изменялось в соответствии со сдвигами в медиа-дискурсе. К концу вьетнамской войны большая часть американцев хотели сократить затраты на вооружение, хотя еще в 1975 году только 10% считали, что на оборону тратится слишком мало. Но, реагируя на настойчивый поток информации в пользу увеличения затрат (подобной той, которая описана выше), поддержка роста затрат значительно усилилась в конце 1970-х годов. В начале 1981 года значительная часть американцев уже считала, что на вооружение тратится слишком мало. Лишь затем, по мере того как средства массовой информации начали нести преимущественно информацию

против затрат на вооружение, поддержка их увеличения упала (в течение года более чем на 30%), и общественное мнение однозначно настроилось против увеличения затрат.

Выше объяснялось, почему и как дискурс элиты воздействует на общественное мнение. Далее более подробно рассматривается, какая часть публики более подвержена влиянию дискурса элиты.

Внимание масс к дискурсу элиты

Американцы в большинстве своем, если использовать удачное выражение Даунса [57], вполне сознательно невежественны в политике; тем не менее они сильно различаются в степени своей невежественности. Меньшинство (но значимое меньшинство) публики уделяет политике огромное внимание, хорошо разбирается в ней. Эта часть общественности способна узнавать в лицо наиболее известных сенаторов, внимательно просматривает ежедневные выпуски новостей, находится в курсе всех значимых политических событий в Вашингтоне и других мировых столицах. Она, таким образом, сильно подвержена влиянию политического дискурса элиты.

Любые попытки оценить абсолютный размер хорошо информированного меньшинства достаточно спорны [18; 222; 56]. Один из показателей основывается на том, что, когда респондентов в предвыборном обследовании NES 1966 года попросили назвать имена тех членов Верховного суда США, которых они помнят, только 1,9% публики смогли назвать половину имен, причем большая часть тех, кому это удалось, были преподавателями и юристами¹. Лишь немногие американцы, как оказалось, глубоко вникают в работу своего правительства. (Для сравнения было бы интересно выяснить, какой процент американцев может назвать имена пяти или более судей-стартеров в баскетбольной лиге их города; практически нет сомнений, что эта цифра будет больше 1,9%.)

На другом полюсе шкалы внимания к политике находится значительная группа людей, практически ничего не знающих о ней. В конце 1986 года, например, когда Джордж Буш был в середине второго срока на посту вице-президента Соединенных Штатов, 24% граждан или не смогли назвать его имя, или

¹ Никто из 1500 респондентов в этом обследовании не смог назвать имена всех девяти судей.

же не знали, какой пост он занимает¹. Люди со столь низкой политической осведомленностью имеют лишь смутное представление об альтернативах актуальной политической линии, о которых их регулярно спрашивают исследователи, и это представление зачастую относительно независимо от воздействия дискурса элиты.

Наибольшая часть граждан, разумеется, находятся где-то между двумя полюсами². Они (возможно, вследствие того, что значимость современной публичной политики оценивается через призму своеобразного смещения понятий гражданского долга и развлекательности) уделяют достаточно внимания публичным вопросам, стремятся иметь о них какое-то представление. И тем не менее легко недооценить то малое число типичных американцев, которые не знают даже о выдающихся событиях, которые быстро забывают то, что, казалось бы, столь волновало их недавно. К примеру, весной 1989 года спикер палаты представителей Райт был уволен со своего поста вследствие обвинения его в коррупции и скандала, и это был первый подобный случай в американской истории. Хотя событие массированно освещалось в средствах массовой информации на протяжении нескольких месяцев, уже спустя около трех недель после отставки Райта только 45% граждан во время опроса смогли привести какие-то основания этой отставки (даже такие, как просто упоминание скандала или виновности). Или возьмем другой пример. В начале лета 1989 года Верховный суд США вынес заключительное решение о праве женщин на аборт по делу Вебстер против репродуктивных служб (*Webster vs. Reproductive services*). Поскольку активисты, выступающие за аборт и против них, проводили массовые демонстрации, пытаясь оказать влияние на решение суда, в СМИ несколько недель широко освещался как сам процесс до принятия решения, так и его обсуждение после вынесения вердикта. Однако в обследовании, проведенном сразу после вынесения решения, обнаружилось, что только 50% граждан могли что-то сказать о том, как проходил процесс, а в повторном обследовании, проведенном через несколько недель, эта доля упала до 35% [265].

Те 50% населения, кто знал о решении суда по абортam, отнюдь не были случайными гражданами; люди, регулярно интересующиеся политикой, скорее будут в курсе дела. Об

¹ Предвыборное обследование NES 1986 года.

² Нойман [183] пытается быть более точным, чем я, в вопросе о распределении осведомленности публики в целом (см. об этом подробнее [238; 56; 18; 118]).

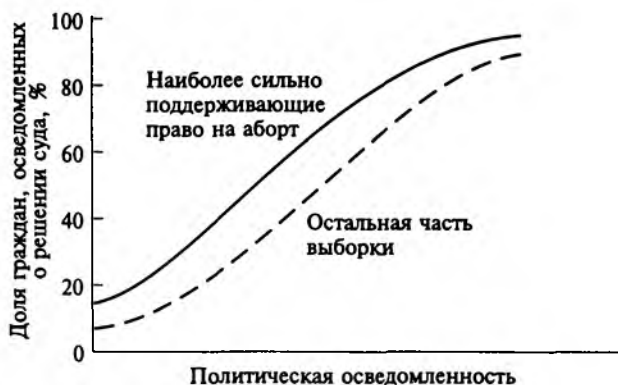

Рис. 2.2. Оценка распространения информации о решении Верховного суда США.

Осведомленность респондентов о решении суда определялась в соответствии с коэффициентами модели Прайса и Цаллера [202]; политическая осведомленность измерялась по методике, основанной на серии простых фактуальных вопросов о политике (см. Указатель переменных); показатель политической осведомленности варьируется на графике в интервале $\pm\sigma$.

Источник. Пилотажное исследование NES 1989 года.

этом свидетельствует и рис. 2.2. Опрошенные были проранжированы в соответствии с их общей политической осведомленностью. Респонденты набирали большое количество баллов по шкале политической осведомленности, если они правильно отвечали на определенное число простых фактуальных вопросов (вроде вопроса о том, какая партия имеет большинство в палате представителей); низкий балл получали те, кто не мог ответить правильно на эти вопросы. Как можно заметить, практически все респонденты с высоким показателем политической осведомленности — до 95% опрошенных в течение первых трех дней после решения суда — смогли при опросе воспроизвести релевантную информацию о постановлении по абортam, но практически никто из тех, кто имел низкие показатели по этой шкале, не смог воспроизвести эти сведения.

Из рис. 2.2 также видно, что люди, признающие право на аборт (в первую очередь то их меньшинство, которое наиболее отстаивает это право), чаще других были осведомлены о решении суда. Правда, степень различия здесь достаточно умеренная.

Не наблюдалось никаких различий в информированности между мужчинами и женщинами. Даже женщины детородного

возраста не отличались от остальной части публики в осведомленности по данному вопросу [202].

Все эти данные приводятся для того, чтобы предостеречь от поспешных выводов читателей, могущих заподозрить, что достаточно часто гражданам, плохо информированным о политике вообще, все-таки удастся узнавать о тех вопросах, которые имеют для них особо важное значение. Такая тенденция хотя отчасти и верна, как подчеркивается в работах Конверса [44], Иенгара [103], Делли Карпини и Китера [55], Макгроу и Пиннея [158] и некоторых других, все же не очень значительна и, разумеется, не повсеместна [202].

Следовательно, можно предложить два наиболее важных вывода о политической осведомленности: 1) люди сильно различаются по степени общего внимания к политике, в том числе и по частным вопросам; 2) средний уровень их информированности достаточно низок. Если говорить короче, наблюдается большое среднее отклонение при достаточно низком среднем показателе политической осведомленности.

Эти выводы хорошо знакомы — пусть в основном довольно поверхностно — профессиональным исследователям общественного мнения [45; 125; 152; 18]. Чаще всего исследователи, пытаясь объяснить общественное мнение и электоральное поведение, выстраивают модели, имплицитно предполагающие, что все граждане адекватно и примерно в равной степени осведомлены о политике, различаясь лишь в предпочтениях и интересах. Другими словами, они предполагают модели, пренебрегающие влиянием фактора политической осведомленности¹. Одна из задач настоящей книги — внести коррективы в эту распространенную практику.

Возможно, аргументируя необходимость поправок, было бы полезно привести пример. Он касается влияния предвыборной кампании на результаты голосования в конгресс, но проблема, которая поднимается попутно, заключается во влиянии дискурса элиты на общественное мнение вообще.

Один из наиболее исследованных в литературе последних лет аспектов выборов в конгресс — это преимущества, которые имеют члены палаты представителей, баллотирующиеся на

¹ Среди исключений Стимсон [229], Най, Верба и Петросик [185] и их критики. В исследованиях, проводимых психологами и психологически ориентированными политологами, несколько больше внимания уделяется показателям политической осведомленности, часто понимаемым как «политическая экспертиза» [227; 124; 237].

второй срок. Средний отрыв в рейтинге переизбирающихся кандидатов настолько увеличился за последние три десятилетия, что большинство мест оказываются практически зарезервированными на второй срок. Членам палаты представителей удалось собственными усилиями сформировать так называемые персональные электораты, лояльно относящиеся к ним независимо от их идеологической позиции. Таким образом, иногда получается, что место в конгрессе оказывается как бы зарезервированным в течение десятилетия или более, однако, когда занимающий пост подает в отставку, место легко переходит к представителю конкурирующей партии. Данное обстоятельство дает членам палаты представителей определенную автономию, уникальную для законодателей в западных демократиях, и, как представляется, оказывает сильное влияние на результаты деятельности американского конгресса [31; 110].

Причина формирования персональных электоратов остается все же неясной. Меньше половины потенциального электората может вспомнить имя своего представителя в конгрессе, и эта цифра не изменилась за тот период, когда появились зарезервированные места. И хотя граждане не могут *вспомнить* имя своего представителя, около 80% могут *опознать* его. Это открытие стало основанием для заявления, что значительная часть преимуществ, получаемых при переизбрании, реализуется прямо на избирательных участках, где граждане получают бюллетени и им требуется лишь *опознать* (а не *вспомнить!*), кто же является в данное время их представителем в конгрессе [165].

Типичные выборы в конгресс, таким образом, проходят в низкоинформационной среде, когда лишь немногие знают имя переизбирающегося кандидата и, возможно, что-то о его деятельности. Большинство же, при наличии подсказки, могут вспомнить его имя и, возможно, смутно припомнить один или два факта из его биографии. Оставшаяся часть вообще ничего не знает о баллотирующемся кандидате.

Такие различия в политической осведомленности значительно влияют на способность кандидата сформировать персональный электорат среди избирателей. Несмотря на это, они обычно игнорируются в исследованиях. В результате динамика персонального электората остается неясной. Предваряя тезис, более подробно развернутый в гл. 10, можно сказать, что люди, лучше разбирающиеся в политике, в большей степени попадают под влияние потока рекламных сообщений о переизбирающемся кандидате. Но в то же время они, как более искушен-

ные в политике, способны лучше оценивать и критически рассматривать новую информацию, с которой они сталкиваются. В конце концов, хорошо осведомленные граждане менее склонны поддаваться влиянию кампании повторно баллотирующихся представителей в конгрессе. Если они привержены партии, к которой принадлежит кандидат, и разделяют ее ценности, то они будут поддерживать этого кандидата, какой бы вялой ни была его медиа-кампания; если же нет, они откажутся от поддержки, несмотря на все его усилия. Между тем граждане, находящиеся на другом полюсе шкалы осведомленности, т. е. те, кто уделяет мало внимания политике, склонны мало или вообще не воспринимать информацию о формировании конгресса. Поэтому они относительно невосприимчивы к попыткам переизбирающегося кандидата сформировать персональный электорат. А вот средне осведомленная часть публики **подвержена влиянию** в наибольшей степени: она уделяет достаточно внимания политике, чтобы узнавать о предвыборных обещаниях кандидата, но обладает недостаточными когнитивными ресурсами, чтобы сопротивляться пропаганде.

На рис. 2.3 показано отношение между политической осведомленностью и вероятностью того, что люди скорее будут голосовать за переизбирающегося кандидата, а не за кандидата от партии, которую они поддерживают. Как видно из рисунка, доля поддерживающих переизбирающегося кандидата не от своей партии значительно выше среди граждан со средними показателями политической осведомленности, нежели среди тех, у кого этот показатель очень высокий или очень низкий¹.

Стоит заметить, что при проверке линейной зависимости — так делают некоторые исследователи — этот феномен не будет выявлен. Осведомленность имеет сильное влияние, но оно немонотонно (отношение влияния определяется как немонотонное, когда связь между переменными положительна для определенной части распределения и отрицательна для остальной части; именно это и показано на рис. 2.3).

То, что верно относительно выборов в конгресс, справедливо и в отношении многих других случаев: политическая ос-

¹ Число случаев, отраженных на рис. 2.3, невелико — всего 24. Можно назвать три причины, объясняющие это. Во-первых, явка на дополнительные выборы относительно низка даже среди респондентов NES; во-вторых, здесь приводится только число сторонников той партии, которая не занимает данное место в конгрессе; в-третьих, не рассматриваются те случаи выборов, когда у переизбирающегося кандидата не было конкурентов либо все кандидаты на данное место баллотировались впервые.

Рис. 2.3. Голосование за кандидата, переизбирающегося в конгресс (общие выборы 1978 года), среди тех, кто не поддерживает его партию; о показателе политической осведомленности см. Указатель переменных.

Источник. Предвыборное исследование NES 1978 года.

ведомленность имеет значимое влияние на многие аспекты общественного мнения и электорального поведения, однако это влияние зачастую совершенно нелинейно. Поэтому его выявление и моделирование затруднены.

Нелинейность не является единственной причиной трудностей в выявлении эффектов политической осведомленности. В обсуждаемом примере мы рассматриваем влияние только одной политической кампании перевыборов в конгресс. Очевидно, что это в высшей степени упрощенный образ электоральной политики. В большинстве выборов в конгресс проходят две важные кампании, и каждая обладает некоторой способностью достичь и мобилизовать симпатизирующих граждан.

Подобные закономерности имеют место и в других случаях массового убеждения. Общественное мнение иногда формируется потоками монолитного, одностороннего дискурса элиты, но гораздо чаще под влиянием множества в основном конфликтующих информационных потоков, некоторые из которых более или менее интенсивны или же более доступны, чем другие. Понимание феномена влияния дискурса элиты на формирование массовых предпочтений требует моделирования эффектов осведомленности как опосредования воздействия каждого из основных потоков сообщений, и это достаточно сложная задача.

И еще одна сложность, как уже указывалось, заключается в том, что формирование мнения — многоэтапный процесс и осведомленность может по-разному влиять на различных его этапах. Политическая осведомленность связана с усиленной вовлеченностью в текущие коммуникации, которые могут изменить мнение, но она также связана с большей или меньшей способностью критически реагировать на новую информацию. Оба названных эффекта могут быть взаимопогашающими, как в случае с выборами в конгресс, где наиболее политически осведомленные граждане, подвергающиеся массированному воздействию кампании переизбирающегося кандидата, оказались наиболее критичными. Но это не обязательно всегда так. Существуют, как мы увидим, ситуации, в которых самые осведомленные граждане являются наиболее доступным и наиболее подверженным убеждению сегментом публики; существуют и другие случаи, когда более поддаются влиянию граждане, очень не внимательные к политике. Систематическое объяснение этих и других моделей влияния политической осведомленности на общественное мнение и электоральное поведение и будет наиболее существенным элементом настоящей книги.

В связи с особой важностью политической осведомленности стоит немного отвлечься и рассмотреть проблему концептуализации и измерения этого понятия. Политическая осведомленность, как она определяется здесь, означает степень, в которой индивиды уделяют внимание политике и понимают смысл того, с чем они сталкиваются. Внимания самого по себе недостаточно, поскольку, например, люди, смотрящие новости по телевизору лежа на диване после двух стаканов вина, вряд ли повысят свою политическую осведомленность.

Ключом к политической осведомленности является восприятие политической коммуникации. Политическая осведомленность означает интеллектуальную или когнитивную вовлеченность в публичные дискуссии, в противоположность эмоциональной или аффективной вовлеченности или же ее отсутствию вообще. Аналитики используют множество понятий и переменных для обозначения того, что здесь называется политической осведомленностью. Это политическая экспертиза, когнитивная сложность (*cognitive complexity*), политическая вовлеченность, внимательность, эрудированность (*sophistication*), политическая восприимчивость (*political acuity*). Хотя выбор ярлыка, возможно, вопрос лишь личного и дисциплинарного вкуса, мое обоснование предпочтительности термина «политическая осве-

домленность» состоит в том, что именно он в наибольшей степени передает ключевые процессы в предлагаемой мною модели (индивидуальное восприятие и понимание коммуникаций, поступающих из политического окружения).

Исследователи используют также несколько разных типов вопросов, чтобы операционализировать то, что я называю политической осведомленностью. Сюда входят: «подверженность воздействию медиа», «политическое участие», «образование» и признаваемый самим респондентом «интерес к политике». Представляется (см. Указатель переменных), что политическая осведомленность как по теоретическим, так и по эмпирическим причинам адекватнее всего измеряется простым тестом, состоящим из нейтральных фактуальных вопросов о политике. Объясняется это, если говорить кратко, следующим образом: тесты политической информации более прямо, нежели любые из альтернативных показателей, передают то, что уже воспринято сознанием индивидов; последнее же, в свою очередь, является решающим для интеллектуальной вовлеченности в политику. Ответ на типичные вопросы, как уже говорилось, требует знания того, какая партия имеет большинство в палате представителей, является ли материковый Китай членом ООН и т. п.

Таким образом, информационные тесты, применяемые мной для оценки политической осведомленности, являются чисто нейтральными или фактуальными. Это важно подчеркнуть потому, что, как показано ранее, большая часть информации, представленной в дискурсе элиты, не является ни нейтральной, ни чисто фактической. Репортажи, сообщающие, что в Пентагоне всплыл скандал в связи со злоупотреблениями, или передающие замечание президента о том, что большинство безработных получили бы работу, если бы прилагали для этого достаточно усилий, подразумевают фактуальную информацию. Имеется в виду, что эти репортажи могут содержать описание некоторых простых фактов, что они представляют искренне выражаемые убеждения о фактическом состоянии дел. В то же время они не нейтральны, поскольку были высказаны для того, чтобы убеждать, и могут быть резонно и справедливо оспорены. Некоторые виды утверждений (такие, как заявление, что распространение абортов означает моральную деградацию Америки) даже не поддаются полностью верификации, хотя распространение такого рода заявлений все же является распространением информации, поскольку отсылает к какому-то суждению (в данном случае об актуальном состоянии нации).

Нейтральная и необязательно фактическая информация неотделима от политической аргументации. Нейтральная, фактуальная информация — например, какая партия имеет большинство в конгрессе, — важна, поскольку она отражает вероятный уровень подверженности ей той, другой (нейтральной и нефактуальной).

Чтобы избежать смещения нейтрального и ненейтрального типов информации, я буду с этого момента использовать термин «информация» исключительно в ненейтральном смысле, как в случае с информацией об «упадке нравов в Америке». Вместо ссылок на тесты нейтральной фактической информации я буду писать о тестах политической осведомленности или политического знания.

Под информацией далее обычно подразумевается именно ненейтральная информация. Также я буду иногда — по эстетическим соображениям — понятие «осведомленность» заменять сходным понятием «внимательность» (например, говоря о политической невнимательности вместо политической неосведомленности).

Политические предрасположенности

Граждане сильно отличаются по степени восприимчивости к дискурсу элиты, но, поскольку они не являются лишь пассивными получателями медиа-сообщений, эти различия сами по себе могут только отчасти объяснить изменчивость индивидуального мнения. Разные интересы граждан, их ценности и опыт могут значительно влиять на их склонность принимать или же, напротив, отвергать убеждающие сообщения.

В книге все эти факторы обозначены как *политические предрасположенности*; под ними подразумеваются стабильные личностные черты, которые регулируют приятие или неприятие получаемых индивидом политических сообщений. Поскольку мнение человека определяется всей суммой воспринимаемых им коммуникаций, его (благодаря тем средствам, которые более подробно будут описаны далее) **предрасположенности** являются критической опосредующей переменной между восприятием сообщений, с которыми люди сталкиваются в масс-медиа, с одной стороны, и выражением их политических предпочтений — с другой.

Источник изменчивости индивидуальных политических предрасположенностей в книге не рассматривается. Я допускаю, однако, что предрасположенности — по крайней мере,

отчасти — являются выражением жизненного опыта граждан; здесь имеются в виду и их социализация в детстве, и прямое вовлечение в составляющие общественной жизни (такие, как зарабатывание денег, оплата налогов, расовая дискриминация и т. д.). Предрасположенности отчасти зависят также от социального и экономического положения и, возможно, не менее сильно (если не сильнее) от наследуемых и приобретенных личных факторов и вкусов¹.

Поскольку в этой книге подчеркивается значение информации, которую обеспечивает дискурс элиты для формирования массовых представлений, важно также отметить, что за элитами *не* признается еще и их роль в формировании индивидуальных политических предрасположенностей. Предрасположенности опосредуют реакцию людей на дискурс элиты (см. выше), но сами не подвергаются непосредственному влиянию элиты.

Вероятно, через значительный период времени идеи элиты, интериоризированные индивидом, окажут влияние на его ценности и прочие предрасположенности. Но я исследую формирование и изменение мнения преимущественно за короткий период времени; поэтому долговременным воздействием элит на предрасположенности (в той мере, в которой оно действительно существует) можно без особых потерь пренебречь².

Из всех различных типов предрасположенностей политическим ценностям далее будет уделяться наибольшее внимание, потому что они понимаются как имеющие более сильное и более глубокое влияние на общественное мнение (по сравнению с прочими факторами предрасположенности). Тем не менее такие факторы, как «раса», «партийная принадлежность» и некоторые другие, тоже являются чрезвычайно важными, и им будет уделяться значительное внимание³.

¹ Хотя академическая литература о связи личностных черт и мнений проблематична, индивидуальные различия в политических установках отражают нечто большее, нежели просто различия в экономическом и социальном положении. Поэтому представляется целесообразным рассматривать их как личностные [5; 223; 154; 7; 49; 248].

² Идеи элиты, будучи интериоризированы, могут оказывать значительное воздействие на восприимчивость к мнению элиты в дальнейшем, но, как я показываю при рассмотрении инерционной сопротивляемости к убеждению в последующих главах, они способны оказывать влияние, не затрагивая политических ценностей.

³ Что касается фактора «раса», существует слишком мало вариантов этого показателя (поскольку население является преимущественно белым). Поэтому нет оснований представлять его в качестве важнейшего типа предрасположенности.

Ценности относятся к «общим устойчивым стандартам», которые «занимают более важное положение, нежели установки», в индивидуальных системах убеждений [125, р. 674] и «заставляют нас занять определенную позицию по социальным вопросам» [210, р. 13]. К примеру, человек, приверженный ценностям экономического индивидуализма, при прочих равных условиях склонен отвергать тезис о необходимости более высоких налогов, идущих на социальную политику, нежели тот, кто менее привержен данной ценности.¶

Политические ценности, понимаемые таким образом, лишь недавно стали предметом серьезных исследований [125]. Хотя эти исследования были достаточно полезными для оживления угасавшей до того старой дискуссии о структуре общественного мнения, в них есть два слабых места. Первое из них будет подробнее рассмотрено в книге — это центральная проблема, второе же может быть условно разрешено (см. ниже).

Итак, первое слабое место. Оно состоит в том, что, подобно большинству исследований общественного мнения, в основных текущих публикациях о ценностях систематически не рассматриваются огромные различия в политической осведомленности граждан. Этот недостаток существенен, поскольку в литературе по ценностям часто встречается такое заявление: граждане, которые, как утверждают аналитики, недостаточно интеллектуальны, чтобы иметь «идеологию», тем не менее обладают достаточной осведомленностью, чтобы, структурируя политические предпочтения, уверенно обращаться к своим «ценностям». Вот характерный для таких исследований пример. Гурвиц и Пеффли [100] предлагают иерархическую модель мнений по поводу внешней политики, в которой базовые ценности определяют общую позицию индивидов, а последняя, в свою очередь, детерминирует мнение по конкретным вопросам внешней политики. Тот факт, что многие американцы достаточно невежественны в вопросах внешней политики, является, в соответствии с представлениями Гурвица и Пеффли, причиной того, что индивиды для формирования своих политических предпочтений прибегают к базовым ценностям и общей позиции: «Мы видим, что индивиды, пытаясь ориентироваться в чрезвычайно сложном мире... структурируют свои взгляды относительно специфических вопросов внешней политики в соответствии со своими более общими и абстрактными убеждениями» (р. 1114).

Хотя это красивый вывод, граждане все же должны обладать минимальной степенью информированности, чтобы быть

способными определить релевантность своих ценностей в отношении данной проблемы. Как уже было показано, достаточно легко недооценить тот факт, что граждане часто не обладают даже минимальной информацией о политике.

В качестве иллюстрации мы могли бы рассмотреть мнение о политике США в отношении повстанцев контрас в Никарагуа. В исследовании NES 1987 года анализировалось, как граждане, в зависимости от степени политической осведомленности и своих предрасположенностей в отношении использования военной силы, отвечали на вопросы по этой теме (рис. 2.4). Индивиды, которые определялись как «ястребы», — это те, кто утверждал, отвечая на ряд общих вопросов, что высоко оценивает военную мощь, агрессивную позицию по отношению к потенциальным противникам и бескомпромиссное противостояние коммунизму. «Голуби» отвергали эти позиции, предпочитали делать акцент на переговорах и сосуществовании с коммунизмом. Политическая осведомленность измерялась простыми тестами на фактуальные знания о политике (вопросы, использовавшиеся для построения шкалы, можно найти в Указателе переменных).

На рис. 2.4а видно, что политически осведомленные «ястребы» и «голуби» сильно отличаются в ответах на вопрос: «Если бы Вы могли оказать влияние на федеральный бюджет, предпочли бы вы, чтобы помощь контрас в Никарагуа была увеличена, уменьшена или оставлена на прежнем уровне»? 42% наиболее осведомленных «ястребов» и только 3% наиболее осведомленных «голубей» поддержали увеличение помощи контрас. Однако среди респондентов, занимающих среднюю часть по шкале осведомленности, «голуби» и «ястребы» различались лишь умеренно; среди же тех, у кого низкий показатель по этой шкале, вообще нет значимого различия. Такой результат вызывает сомнения в уместности для понимания плохо информированными гражданами различия «ястребов» и «голубей».

Но рис. 2.4б подтверждает ценность традиционного взгляда на значимость этого различия. Здесь показано распределение ответов на вопрос: «Вполне ли вы поддерживаете, скорее поддерживаете, скорее против или категорически против того, чтобы послать войска США в Центральную Америку, чтобы остановить распространение коммунизма»? Ясно видны резкие различия между «ястребами» и «голубями» на всех уровнях осведомленности.

Почему между распределениями ответов на эти два вопроса возникло такое различие, особенно среди менее политически

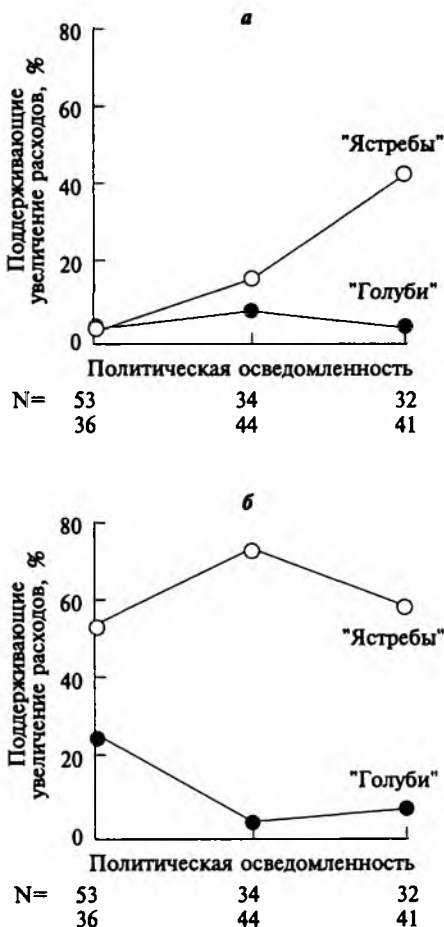

Рис. 2.4. Реакция на два вопроса о политике в отношении Центральной Америки: а — помощь контрас; б — направление американских войск.

Источник. Пилотажные исследования NES 1987 года.

осведомленных респондентов? Возможное объяснение заключается в том, что в вопросах содержится контекстуальная информация и в первом вопросе, хотя он и достаточно ясен, все же требуется, чтобы респонденты знали, кто такие контрас и за кого они воюют. Это требование зачастую не выполняется, особенно среди тех, кто в целом не очень хорошо разбирается в политике (коммерческие исследования, проведенные в 1985 году, свиде-

тельствуют о том, что только около половины американцев имеют представление, чью сторону поддерживают США в войне в Никарагуа). Что касается второго вопроса, то упоминание коммунизма дает ясное представление об идеологическом контексте и, таким образом, гражданам, поддерживающим агрессивную позицию во внешней политике, предоставляется возможность распознать и поддержать ее.

Итак, влияние ценностных предрасположенностей граждан всегда зависит от того, обладают ли они контекстуальной информацией, необходимой для того, чтобы «перевести» свои ценности в поддержку определенного направления политики или кандидата; обладание такой информацией, как показано выше, не должно восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Эта неоднозначность отношений между ценностями и поддержкой определенных политики или кандидата рассматривается на протяжении всей книги, цель которой, повторю, состоит в том, чтобы показать, как индивиды используют информацию из политического окружения для «перевода» своих ценностей и прочих предрасположенностей в более специфические мнения.

Второе слабое место в исследованиях, в литературе по ценностям возникает вследствие неспособности определить и специфицировать природу теоретических отношений различных ценностей между собой и к политической идеологии в целом. Проблема возникает из-за того, что существуют различные ценностные оппозиции (value dimensions)¹, между которыми нет очевидной логической связи, но многие люди тем не менее реагируют на них так, как если бы они были организованы в соответствии со шкалой «левые»-«правые». Другими словами, люди склонны быть достаточно консистентно левыми, правыми или центристами по отношению к таким разным ценностным оппозициям, как экономический индивидуализм, отношение к коммунистам, толерантность/нонконформизм, расовые проблемы, сексуальная свобода и религиозный авторитет. Корреляции между этими ценностными оппозициями никогда

¹ Шкалы для измерения ценностных установок обычно представляют собой два противоположных суждения, т. е. некую ценностную оппозицию. К примеру, ценность экономического индивидуализма может быть операционализирована в виде следующего вопроса, предлагающего респонденту высказать, к какому из предлагаемых суждений ближе его позиция: «индивиды должны брать на себя больше ответственности в обеспечении приемлемого уровня жизни» или «государство должно брать на себя больше ответственности, чтобы обеспечить всем приемлемый уровень жизни». — *Прим. пер.*

не оказываются настолько сильными, чтобы можно было утверждать, будто существует единая базовая ценностная оппозиция, но они всегда существуют по меньшей мере в средней степени выраженности, а среди высокоосведомленных граждан эти корреляции иногда даже очень сильны¹. И разумеется, существует также умеренно сильная корреляция между самоопределением респондентов (как либералов, так и консерваторов) и содержанием их ответов на вопросы о ценностях.

Какова же тогда природа отношений между ценностями, которые рассматриваются в недавних исследованиях, и идеологией, к которой столь серьезно относилось старшее поколение исследователей? Ввиду эмпирической ковариации между переменными, выражающими эти два понятия, данный вопрос представляется очевидным и очень важным.

Пусть ценности — обычный вариант — определяются как специфические для определенной области организующие принципы (например, экономический индивидуализм), причем каждая ценностная оппозиция задает структуру общественного мнения в этой области. Идеология тогда может быть определена как более общая схема оппозиций «правого»/«левого», способная структурировать широкий ряд разнообразных позиций (либо различных ценностных, либо связанных с конкретными проблемами оппозиции, либо и тех, и других).

Такое определение тесно связывает оба понятия без искажения общепринятого значения каждого из них. Однако здесь есть два значительных нововведения. Во-первых, различные ценностные оппозиции более не являются концептуально независимыми; скорее, каждая из них представляет собой одно из нескольких взаимосвязанных измерений главного концепта — идеологии. Во-вторых, идеология считается не четким одномерным понятием, как это было ранее, а констелляцией связанных одна с другой ценностных оппозиций.

В каком-то отношении многомерность идеологии может рассматриваться по аналогии с многомерностью человеческого интеллекта. Как показывается в большинстве психологических исследований и подтверждается повседневным опытом, ошибочно считать, будто существует только один показатель интеллектуального развития. Например, мы все знаем людей, которые лучше справляются только с определенным типом зада-

¹ Данные о разнообразии установок, несомненно организованных вокруг оппозиции «левого»/«правого», см. в работах [178; 156].

ний (предположим, решают математические задачи лучше, чем могут самовыразиться с помощью языка). Правда, редко доводится встретить испытуемого, имеющего очень высокий показатель по одной шкале и очень низкий по другой, — гениального писателя, который бы имел проблемы со сложением и вычитанием, или великого математика, который не мог бы грамотно и бегло писать. Испытуемые, имеющие необычайно высокие показатели по одной из шкал интеллекта, обычно имеют как минимум достаточно высокие баллы и по другим. Подобное характерно и по отношению к идеологии. Сложно встретить респондента, который был бы очень либеральным по одному из измерений идеологии и очень консервативен по другому¹. Существует достаточно явная, хотя и не абсолютная тенденция к тому, чтобы люди высказывали более или менее сопоставимые позиции относительно серии, на первый взгляд, не связанных одна с другой ценностных оппозиций, отражающих левые или правые взгляды.

Эта точка зрения приводит к двум практическим выводам, относящимся к замерам политических предрасположенностей.

Во-первых, следует — при любой возможности в качестве операциональных показателей предрасположенностей граждан принимать или отвергать получаемые ими политические сообщения — использовать специфические для данной области показатели политических ценностей, а не общие переменные, характеризующие идеологическую приверженность. Это важно, поскольку идеология, как наиболее обобщенное выражение приверженности людей «правым»/«левым» взглядам, с большей вероятностью (по сравнению с индикатором) не будет учитывать особенности реакции на специфические вопросы.

Во-вторых, так как ценности в значительной мере организованы общей идеологической ориентацией граждан, при необходимости можно использовать общие показатели идеологической приверженности, чтобы распределить респондентов по шкале «левые»-«правые». Зачастую это действительно необходимо. Однако большая часть этой книги посвящена случаям изменения мнения, причем случаев, которые были бы зафиксированы высококачественными общедоступными об-

¹ Очевидным исключением являются либертарианцы (сторонники свободы мысли и деятельности), которые обычно консервативны в экономических вопросах и либеральны в том, что касается жизненного стиля. Однако либертарианцы достаточно нехарактерны для Соединенных Штатов, и в исследованиях идеологии их можно не учитывать.

следованиями, относительно мало. Мне приходится использовать данные менее надежных, но более доступных исследований, описывающих изменения в общественном мнении. В некоторых из таких исследований проводились очень важные измерения политических ценностей, которые фиксировали как раз те ценностные изменения, которые повлияли на изменение общественного мнения. В других случаях исследования содержали лишь самые общие замеры политических ориентаций (таких, как либеральная/консервативная самоидентификация) или же измерения, которые не вполне отражают те проблемы, по отношению к которым то или иное мнение изменяется. Тогда я конструирую более адекватный показатель общей идеологической приверженности «правым»-«левым» идеям и использую его в дальнейшем, надеясь, что такой показатель будет хотя бы не хуже других (переменные, которые я использую, всегда в общих чертах описываются непосредственно в тексте и более подробно объясняются в Указателе переменных). Подобная практика, помимо насущной необходимости, обосновывается тем, что существует общий принцип организации «левых»-«правых» идей, пронизывающий различные ценностные оппозиции. Она достаточно консервативна. Там, где общие показатели не в состоянии передавать предрасположенности, связанные с изменениями общественного мнения, я буду признавать слабость или несущественность связей этих показателей с ценностями. И действительно, некоторые из обнаруженных связей кажутся мне более слабыми, чем могли бы быть, если бы оказались доступными более корректные замеры ценностей.

И наконец, следует оговорить терминологию. Иногда я буду определять респондентов как либеральных или консервативных. При использовании этих терминов *никогда* не предполагается, что либеральные и консервативные респонденты являются вполне сложившимися ортодоксальными левыми или правыми соответственно. Имеется в виду только то, что эти люди склонны быть ближе к левому или правому полюсу по некоторым специфическим ценностным оппозициям или же ближе к одному из полюсов в общей констелляции либерализма/консерватизма. Таким образом, вместо того чтобы говорить, что респондент характеризуется высоким показателем по шкале эгалитаризма или агрессивности в политике, я буду констатировать, что он либерален или консервативен. Но какой бы термин ни использовался, важно помнить, что для реализации

целей настоящей книги концептам «ценности» и «идеология» приписывается одинаковый теоретический статус: они являются индикаторами предрасположенностей граждан принимать или отвергать определенные политические сообщения.

Что такое мнение

Мюллер начинает свое исследование «Война, президенты и общественное мнение» с ряда предостережений, которые должны были бы появляться, но не появляются на первых страницах всех книг по общественному мнению. Он пишет: «Ситуация интервью является необычным социальным опытом. Респонденту в прихожей или гостиной задается серия вопросов по ряду тем неким незнакомцем — обычно хорошо образованной женщиной за тридцать, которая тщательно фиксирует каждый ответ на листе бумаги. Редкие люди привыкли, чтобы каждое их высказывание полностью записывали, и многие находят такую позицию лестной. И, зная, что их представления «сохраняются на века», они не желают показаться неподготовленными. При таких условиях неудивительно, что респондент начинает с авторитетным видом вещать что-то о вещах, о которых он или она ничего не знают или о которых они никогда не задумывались...» [179, р. 1].

Последствия опроса неинформированных респондентов вполне предсказуемы: их «высказывания мнения» со всей очевидностью оказываются неточными и поверхностными. Они колеблются при повторных интервью (см. табл. 2.1 и [44; 3; 53; 63; 66; 261]). А вполне тривиальные изменения в структуре опросника, такие, как изменение порядка вопросов, могут легко привести к сдвигам в распределении ответов на 5–10%, иногда и в два раза больше [212; 22; 241]. Наконец, различные способы формулировки вопросов изменяют замеренную степень публичной поддержки некоторых решений. К примеру, Расински [205] указывает, что по результатам нескольких обследований 68% американцев считали, что на сдерживание растущей преступности тратится слишком мало денег, и только 55% — что мало тратится на усиление правопорядка. Аналогично 68% считали, что слишком мало тратится на защиту социальной безопасности, но только 53% — на саму социальную безопасность. Вот случай другого рода: 45% американцев «не позволили бы коммунисту выступать с речью», в то время как только 20% «запретили бы» такое же поведение [212, р. 277].

Таблица 2.1

Устойчивость ответов респондентов при повторных интервью (%)

Мнение о сотрудничестве с Россией					Оценка уровня работы государственных служб				
Ответы в июне 1980 г.	Ответы в январе 1980 г.				Ответы в июне 1980 г.	Ответы в январе 1980 г.			
	Сотрудничество	Средняя позиция	Ужесточить	Затруднились ответить		Сократить	Средняя позиция	Сохранить	Затруднились ответить
Сотрудничество	52	25	13	19	Сократить	54	38	19	34
Средняя позиция	14	24	17	16	Средняя позиция	18	24	10	10
Ужесточить	23	40	60	18	Сохранить	11	25	59	15
Затруднились ответить	11	11	10	47	Затруднились ответить	17	13	12	41
	100	100	100	100		100	100	100	100
<i>N</i>	266	153	238	74	<i>N</i>	362	122	208	138

Примечание. Респондентов попросили определить свою позицию по 7-балльной шкале. Баллы 1, 2 и 3 были объединены как первая позиция, 4 — как вторая и 5, 6 и 7 — как третья.

Источник. Панельное исследование NES 1980 года.

Пример влияния формулировки вопроса (question wording) можно встретить в организованном «Нью-Йорк таймс» опросе, в котором обнаружилось, что общественное одобрение замораживания производства ядерного вооружения (это тогда была очень актуальная тема) в зависимости от формулировки вопроса колеблется от 18 до 83%¹.

Достаточно легко понять причины, по которым лишь в немногих работах по общественному мнению на первых стра-

¹ Miller Judith. 1982. 30 May. P. A 1.

ницах, по примеру Мюллера, приводится каталог исследовательских проблем. Наиболее очевидная из них — страх перед тем, что результаты исследования будут отвергаться, что исследователи потеряют аудиторию еще до того, как представят свои результаты, если слишком искренне выдадут информацию о сомнительном характере данных, на которых основано исследование. Однако более важной причиной, очевидно, является то, что никто достаточно хорошо не знает, как быть с многочисленными колебаниями общественного мнения. Большинство аналитиков искренне верят, что общественное мнение является более основательной сущностью, хотя приводящие в уныние только что приведенные данные даже слишком реальны. Исследователь, будучи не способным увязать все факты с тем, что он признает за действительность, нередко просто откладывает в сторону все неувязки с данными, оставляя методологам разбираться с ними, и пишет об этих аспектах общественного мнения так, как они ему видятся.

Очевидным недостатком такого подхода является то, что здесь фактически скрывается информация от читателя. И еще: исследователь оказывается лишенным возможности прийти к реалистичным выводам о том, как формируется и изменяется общественное мнение во всей своей неуловимости и изменчивости (*elusiveness*).

В связи с приведенными соображениями далее я не буду пытаться замалчивать или преуменьшать только что описанный род проблем, связанных с данными о мнении. В результате представление о том, почему существуют указанные проблемы, делается интегральной частью анализа. Это представление гораздо проще, чем мне бы хотелось, но, по крайней мере, оно прямо направлено на решение проблем.

Подход, о котором идет речь, достаточно рискован. Если в центр книги ставится проблема сущности общественного мнения — предмет, который ни я, ни кто-либо еще не понимает в полной мере, то главный тезис оказывается привязанным к некоторым слабым аргументам. Это позволяет критикам вполне корректно жаловаться на то, что такая опора ненадежна. Является ли ценной возможность обрисовать единую схему динамики общественного мнения, полученная за счет такой рискованной стратегии? На этот вопрос пусть ответит читатель.

Изложение своей концепции я начинаю с более детального описания тех странностей общественного мнения по политическим вопросам, которые упоминались ранее, а также с от-

носителем узкоспециальных схем, посредством которых ученые пытались объяснить эти феномены, и более общих теорий, которые будут использоваться для объяснения полученных результатов (с тем, чтобы интегрировать их в модель влияния дискурса элиты на массовые представления).

Проблемы описания общественного мнения: неустойчивость во времени

В табл. 2.1 приведены два типичных примера нестабильности ответов. Респондентов просили определить свою позицию по двум проблемам. Первая — «Некоторые люди считают, что для нас важно прилагать усилия для налаживания отношений с Россией. Другие думают, что поддержка отношений с Россией — серьезная ошибка». Вторая — «Некоторые люди думают, что правительство должно меньше поддерживать социальное обеспечение (даже в таких областях, как здравоохранение и образование), чтобы уменьшить бюджетные расходы. Другие же считают, что правительство должно сохранять уровень социального обеспечения, даже если вследствие этого бюджетные расходы невозможно будет сократить».

В первом случае, где у выборки одних и тех же респондентов в январе и июне 1980 года спрашивалось, следует ли США более активно сотрудничать с Советским Союзом, противником США в холодной войне, или же надо быть более жесткими, можно видеть, что 60% тех, кто выступал за жесткую позицию в январе, все еще защищают ее в июне; в то же время ответы остальных респондентов оказываются разбросанными по другим трем позициям (большее сотрудничество с Россией, средняя позиция, отсутствие ответа). Из тех, кто занимал нейтральную позицию в январе, только 24% все еще придерживаются ее в июне, причем большинство из них теперь склонны поддерживать или большее сотрудничество, или его сокращение. В целом только 50% принимают в июне ту же позицию, что и в январе. (Если бы каждый респондент каждый раз давал ответ наугад, когда ему задавался вопрос, то ожидаемая доля случайно дающих тот же ответ во втором интервью составила бы примерно 32% — исходим из моей перекодировки вопроса.) Те же тенденции проявляются и в ответах на второй вопрос, который касается оценки эффективности государственных служб. Здесь около 55% респондентов удалось дать в повторном интервью тот же ответ.

Очевидным объяснением отмеченных колебаний является то, что мнение многих людей подвергается действительному изменению между интервью. Данные, однако, не подтверждают такую интерпретацию. Когда одним и тем же респондентам задается тот же вопрос в трех разных случаях, обычно можно предсказать его мнение в третьем интервью как на основании первого, так и на основании второго случая. Если бы изменения, произошедшие между первым и вторым интервью, являлись систематическими, это было бы невозможно. Общепринятый вывод, таким образом, заключается в том, что нестабильность ответов типа приведенных в табл. 2.1 представляет собой преимущественно какое-то случайное распределение. Но какого рода это случайное распределение и насколько оно случайное?

В известной работе «Природа систем общественных убеждений» Конверс [44] показывает, что нестабильность возникает в основном за счет тех граждан, у которых нет четкой позиции по данному вопросу, но которые, однако, идут навстречу интервьюерам, вежливо выбирая один из предложенных им вариантов — зачастую практически случайно. «Большая часть электората, — пишет Конверс, — просто не обладает значимыми убеждениями даже по вопросам, которые формируют основу для серьезных политических противостояний между элитами на протяжении долгого времени» [р. 245].

Этот вывод серьезно оспаривается аналитиками, которые настаивают на том, что, хотя реакции респондентов значительно колеблются, граждане обладают глубинными «истинными установками», которые являются чрезвычайно устойчивыми [3; 53; 63; 116; 117; 66; 261]. Другого мнения придерживался Кросник [130]. Общий обзор взглядов на проблему см. в [125; 224]. Колебания, которые обнаруживаются в высказываниях, относятся к так называемой ошибке измерения; она, как утверждается, возникает вследствие изначальной сложности соотнесения сложившихся у индивидов мнений с неизбежно нечетким языком вопросов интервью.

Теория ошибки измерения подразумевает особенно привлекательный вывод. Если верить, что аттитюдные переменные измерялись с большим количеством случайных ошибок, то в дальнейшем их корреляции с другими переменными оказываются искусственно сниженными. И тогда становится оправданным повышение этих искусственно заниженных корреляций посредством стандартных психометрических техник, которые обычно используют исследователи. Следовательно,

аттитюдные переменные, которые в действительности показывают высокую временную нестабильность и низкую корреляцию с другими переменными, после корректирующих процедур почти стабильны и сильно связаны с другими показателями. При таком понимании проблема нестабильности во времени представляется не просто безвредной, но и практически незаметной.

Однако и первый подход (Конверса), и второй (с ошибками измерения) обладают недостатками.

Тезис Конверса, в соответствии с которым нестабильность рассматривается как показатель отсутствия установки (*popattitude*), является крайним утверждением, направленным на характеристику мнения только по определенным чрезвычайно абстрактным вопросам. В более типичных случаях, как показывают Конверс и Маркус [48], мнение граждан может быть более или менее кристаллизованным и вследствие этого более или менее стабильным. Но это только поднимает вопрос о том, в чем конкретно состоит кристаллизация. И поскольку никто об этом не говорит, кристаллизация мнения остается скорее метафорой, нежели проверяемой теорией стабильности мнения [135].

Новейшая теория ошибки измерения, по-видимому, также не обладает разработанным теоретическим пониманием временной нестабильности. Если, при всех согласованных оценках, *ошибка измерения в норме составляет от $1/2$ до $3/4$ дисперсии*, естественно было бы задаться вопросом, из чего складывается эта случайная ошибка и каким образом она формируется. Исследователи мало интересуются этой проблемой. В большинстве случаев, когда проявляется такая нестабильность, аналитики статистически корректируют ее и быстро переходят к содержанию своего исследования. В результате ошибка измерения оказывается своего рода эвфемизмом для необъясненной дисперсии, а не тщательно изученным явлением [212; 131].

Проблемы описания общественного мнения: влияние ответов

Вторая несообразность традиционного подхода к исследованию мнения заключается в открытии значительного количества неслучайных (или систематических) ошибок в высказываниях мнения. Многие респонденты реагируют на контекст, в котором задается вопрос, в том числе на то, в каком порядке

представлены варианты ответа, а также на в целом незначительные и тривиальные изменения в формулировках вопросов. Систематические влияния таких, на первый взгляд, нерелевантных особенностей процесса интервью известны как эффекты ответов (*response effects*).

Рассмотрим хорошо известный эксперимент, проведенный в 70-х годах в Америке, по изучению мнения о советских журналистах. В первой из подвыборок 37% респондентов хотели бы позволить репортерам-коммунистам работать в Соединенных Штатах. Во второй экспериментальной подвыборке респондентов сначала спрашивали, следует ли американским репортерам разрешать работать в России (эта идея в основном встречала поддержку); в результате процент респондентов, соглашавшихся разрешить русским репортерам работать в Америке, удваивался и достигал 73%. Объясняется столь огромная разница, как предполагают Шуман и Прессер [212], тем, что, когда респондентам задавали только один вопрос о репортерах-коммунистах, они формулировали ответ на основе антикоммунистической установки. Однако когда такой вопрос предварялся подобным же об американских журналистах, норма взаимности немедленно заглушала эту установку и значительное число респондентов чувствовали себя обязанными выдерживать более или менее последовательную позицию. Главное здесь — в двусмысленности вопроса о журналистах: с одной стороны, связанного с установкой в отношении объекта (коммунистов), а с другой стороны, отсылающего к установке, касающейся нормы взаимности [р. 28].

Стоит заметить, что такое объяснение имплицитно исключает представление, что индивид обладает единым, фиксированным мнением о правах журналистов из коммунистических стран. Скорее предполагается, что граждане обладают как минимум двумя суждениями, одно из которых — о коммунистах и другое — о нормах честной игры. В ответе же на вопрос в зависимости от структуры анкеты активизируется одно из этих суждений.

Существует множество других данных такого рода: люди менее склонны описывать себя как интересующихся политикой сразу после того, как их спросят о неясных спорных проблемах [22]; на мнение граждан об абортах влияют типы предварительно задаваемых им вопросов (связанных, например, с религией или правами женщин) [240; 241]; люди дают совершенно разные ответы на открытые и закрытые вопросы [213] и др.

Проблемы описания общественного мнения: влияние формулировки вопроса

Обычно изменения порядка вопросов приводят к сдвигам общественного мнения не более чем на 10–15%, причем в большинстве случаев смещения оказываются менее значительными (или их нет вовсе). Что касается формулировки вопросов, их существенные изменения могут приводить, и гораздо стабильнее, к более значительным эффектам в политическом мнении. Однако эти сдвиги, эти изменения обычно не рассматриваются как нечто внушающее беспокойство или заслуживающее особого интереса. Представляется, что на вопросы, сформулированные по-разному, и должны даваться разные ответы, поскольку меняется и эмоциональное звучание темы, и, в некоторых случаях, содержание того, о чем спрашивают респондента.

Неясно тем не менее, чем оправдана подобная реакция. К примеру, хорошо известно, что добавление к политическому вопросу «подсказки» о наличии его связи с известным политиком (например, «Одобряете ли Вы или не одобряете политику президента X в области...?») скорее всего приведет к изменению ответов (в нашем примере — в зависимости от популярности президента X). Но если, как допускает традиционный подход к исследованию общественного мнения, граждане обладают существующими до того истинными установками, которые они просто выражают интервьюерам и организаторам опроса (полстерам), влияние таких дополнительных «подсказок» просто не должно сказываться. В действительности же они имеют место и с очевидностью показывают, что многие респонденты формируют свое мнение — или, по крайней мере, редактируют его и модифицируют — по ходу интервью.

Рассмотрим другой тип влияния формулировки вопроса. В своем исследовании поддержки войны в Корее Мюллер [179] обнаружил, что люди более склонны демонстрировать поддержку войны, если вариант ответа, выражающий антивоенную установку, требует признать, что их страна, вступив в войну, совершила ошибку. Аналогично, число респондентов, поддерживающих войну, оказывалось на 15–20% выше, если война описывалась как необходимая для того, чтобы остановить коммунизм. А когда действовали оба фактора, их общее влияние на мнение было еще более существенным. Таким образом, в одном из опросов осенью 1953 года только 38% общественности согласились с тем, что «следовало принимать

участие в войне в Корее», в то время как в другом опросе, проведенном в это же время, 64% американцев сказали, что Соединенные Штаты «правильно поступили, посылая войска, чтобы остановить вторжение коммунистов». Мюллер замечает: «Эти данные предлагают в некоторой степени противоречащие выводы. С одной стороны, поддержка войны была явно связана с антикоммунистическим духом Америки того времени. Чтобы произвести что-то вроде военной лихорадки, следовало просто забросить в дискуссию слова «коммунистическое вторжение». С другой стороны, коммунистический элемент не был автоматически встроен в реакцию на войну, поскольку американцам еще нужно было напоминать об антикоммунистической направленности войны, чтобы активизировалась соответствующая установка...» [р. 46–48].

Таким образом, мы снова приходим к выводу, что ~~небольшая~~ доля респондентов формируют свое мнение во время интервью на основе тех идей, которые им подсказывают вопросы, и вообще не обнаруживают свои существующие до этого момента истинные установки.

Контраргумент, заключающийся в том, что в эксперименте использовались разные вопросы, которые должны были привести к разным ответам независимо от того, имелось ли у людей предварительное мнение по этой проблеме или нет, кажется не заслуживающим доверия. Вопрос о правильности реакции США на вторжение северокорейского коммунистического правительства в Южную Корею, который задавался респондентам, был тем же независимо от того, использовалась в нем или нет решающая фраза о коммунистическом вторжении. Любой, у кого имелось определенное мнение о войне, должен был оказаться способным выразить его независимо от того, упоминался ли коммунизм или нет.

То, что изменение формулировки вопросов может изменить реакцию на них респондентов, даже когда *речь идет об одной и той же проблеме*, показано в исследовании Тверски и Канемана [242], посвященном отношению к редкой азиатской болезни. Эти психологи предложили одной группе студентов колледжа следующий вопрос: «Представьте себе, что США готовятся к вспышке необычной азиатской болезни, которая предположительно убьет 600 человек. Предлагаются две программы: 1) если принимается программа А, то будут спасены 200 человек; 2) если принимается программа Б, то с вероятностью $\frac{1}{3}$ будут спасены 600 человек и с вероятностью $\frac{2}{3}$ никто не будет спа-

сен. За какую из этих программ Вы бы высказались?» Здесь требовалось, чтобы респондент выбрал между неизбежными и фиксированными потерями и риском только вероятных, но более значительных потерь. И 72% респондентов выбрали определенные потери, т. е. спасение 200 человек по программе А.

Второй группе давалась в точности та же задача, но вопрос формулировался по-другому: в нем по программе В умирали 400 человек и по программе Г с вероятностью $1/3$ никто не умирал и с вероятностью $2/3$ умирали 600 человек. Результат был радикально иным. Только 20% выбрали потерю 400 жизней, т. е. разница в двух экспериментах составила 50%.

Вывод, который может быть сделан на основании этого примера, как и приведенного ранее, заключается в том, что различия в формулировке вопроса могут предопределить то, как люди думают о проблеме и, следовательно, как отвечают на этот вопрос даже тогда, когда точный смысл разных вариантов вопроса идентичен.

Необходимость модели ответов на вопросы интервью

Повторим: существует два типа свидетельств, противоречащих общепринятому представлению о том, что граждане имеют устоявшееся мнение, которое они просто выражают в ответах на вопросы интервью. Свидетельства первого типа — когда имеем часто воспроизводимые результаты, показывающие, что от 50 до 75% дисперсии в типичном вопросе интервью являются случайной ошибкой; этот процент слишком велик, чтобы спокойно объяснять его влиянием неясно сформулированных вопросов. Свидетельства второго типа — когда имеем большое число *систематических* ошибок, возникающих в связи с изменением порядка вопросов в анкете или их формулировки. В обоих случаях мы наблюдаем нечто большее, нежели просто методические несообразности. Серьезно подрывается общепринятое представление о том, что опросы являются лишь пассивным измерителем того, «в чем убеждена публика». Более того, возникает опасение, что *значительная часть* того, что измеряется в исследованиях общественного мнения, является случайным или систематическим шумом.

Последние 15 лет методологи опросов и социальные психологи изучали эту проблему и искали способ ее решения. Они отошли от конвенционального представления о том, что люди уже обладают определенным мнением, которое они лишь *выра-*

жают в опросах, и начали концентрировать внимание на изучении вопросо-ответного процесса, в котором индивиды *конструируют* выражения мнения, реагируя на определенные предъявляемые им стимулы.

В недавнем исследовании Вилсон и Ходжс [250] описывают традиционное представление об установках как модель, представляющую эти установки в виде «выдвижных ящиков»: «Когда людей спрашивают о том, что они думают о чем-либо (к примеру, о легализации абортов, или об их дяде Гарри, или об анчоусе в пицце), предполагается, что они поднимают свое ментальное досье, содержащее оценку этих феноменов. Они заглядывают в дело, обозначенное как «аборты», или «дядя Гарри», или «анчоусы», и выдают оценку, которую оно содержит».

Но Вилсон и Ходжс отрицают валидность традиционной модели. «Люди, — отмечают они, — скорее создают установки, нежели просто описывают содержание «внутреннего архива». Выражения их установок основаны на идеях, содержащихся в огромной, но внутренне противоречивой базе данных; таким образом, выражаемая в данное время установка всегда является лишь временной конструкцией, зависящей от особенностей процесса ее конструирования данным индивидом.

Вилсон и Ходжс — не единственные исследователи, придерживающиеся столь радикального взгляда. Туранжо и Расински [240] также отказались от традиционного понимания политических установок и предложили заменить его общей моделью вопросо-ответного процесса, в котором люди конструируют аттитюдные высказывания (эта модель будет рассмотрена далее). Подобные, хотя и более скромные, шаги были предприняты и некоторыми другими исследователями [212; 22; 105; 14; 124; 197].

К сожалению, большинство последователей новой вопросо-ответной модели склонны концентрировать внимание на эффектах ответа и ничего не могут сказать ни о случайной неустойчивости ответов, ни о более глобальном процессе формирования мнения граждан под влиянием информации, получаемой из политического окружения. Поэтому необходима более обобщенная вопросо-ответная модель. Ее я и пытаюсь создать в настоящей книге. Подобно многим психологам и методологам исследований общественного мнения, я отказываюсь от традиционного, но недостоверного представления о том, что граждане обычно обладают «истинными установками» по любому вопросу, который им может задать интервьюер;

вместо этого предлагается модель того, как граждане конструируют выражения мнения под воздействием определенных встречающихся им стимулов. Модель объединяет в единой теории представление о том, как люди получают информацию о политике (это кратко описывалось в начале главы), и то, как они используют данную информацию, формулируя ответы на типичные вопросы интервью. Она согласуется с описанными выше неясностями и странностями в распределениях ответов в массовых обследованиях и, более того, обеспечивает их объяснение.

Суть модели, впервые сформулированной мной в 1984 году [255], заключается в следующем. Люди постоянно находятся под воздействием потока политических новостей и информации, значительная часть которой направлена на изменение общественного мнения в том или ином направлении. Но, вследствие низкого в целом уровня внимания к политике в нашей стране, большинство людей более или менее некритично относятся к идеям, которые они интериоризируют. В результате они наполняют свое сознание массой лишь отчасти согласованных идей, представлений и суждений. Когда их опрашивают, они вспоминают такое количество суждений, которое легче вспомнить, и используют их для того, чтобы сделать выбор между предлагаемыми им вариантами ответов. Но люди делают такой выбор более чем поспешно — обычно на основе одного или двух суждений, которые оказываются «на поверхности сознания»¹ в момент ответа.

Базовая идея модели заключается, таким образом, в том, что ответы в обследовании являются функцией непосредственно доступных суждений, причем поток информации, содержащейся в дискурсе элиты, определяет, какое из суждений окажется актуализированным. Причина нестабильности ответов, с этой точки зрения, состоит в том, что в разное время на переднем плане оказываются различные суждения; в итоге ответы респондентов при повторных интервью различаются. Изменения в порядке или формулировке вопросов могут вызвать систематические изменения в суждениях, актуализирующихся в сознании респондентов непосредственно в момент опроса; отсюда-то и возникают систематические изменения в распределениях ответов.

Иллюстрируя действие модели, рассмотрим, как типичные граждане могут отвечать на вопрос о том, каким должен быть

¹ Этот термин, который еще не раз появится на страницах данной книги, принадлежит Тейлору и Фиске [235].

в США уровень затрат на оборону во время холодной войны. Большинство из них, несомненно, многое слышали об этой проблеме, даже не имея случая ответить на вопрос соответствующего интервью. Они могли быть огорчены пустыми тратами и плохим управлением в Пентагоне, но могли также быть обеспокоены советской угрозой и способностью Америки противостоять ей — и все мнения высказываются не задумываясь, и люди даже не представляют себе того, что те и другие представления не просто конкурируют, они противоречат одно другому. Когда респондентов неожиданно спрашивают в интервью о затратах на оборону, они должны за секунду или две как-то согласовать самые разные мысли по этому поводу. Они даже не полностью «прочесывают» свою память в поиске релевантных идей. Напротив, респонденты, если им довелось накануне вечером посмотреть новостную программу о скандале в связи с крупными поставками в оборонной промышленности, могут ответить только на основании представленных там суждений. Но, с другой стороны, если им напомнили в более раннем вопросе об угрозе советской агрессии, они могут ответить, что затраты должны оставаться высокими. И наконец, если позже, в повторном обследовании, вопросы будут задаваться в другом порядке или же они посмотрят накануне вечером другую телепрограмму, на поверхности сознания респондентов вполне могут оказаться другие идеи и тогда они могут дать другие ответы.

Важной особенностью такой модели является то, что респонденты, лучше разбирающиеся в политике и более избирательные по отношению к интериоризируемой ими информации, с большей вероятностью отвергнут неконсистентные (со своими ценностями) идеи. В результате такой избирательности воспринимаемые ими идеи окажутся более согласованными и одна с другой, и с их ценностями. Сказанное подтверждается ответами этих людей на закрытые вопросы исследования, демонстрирующими большую стабильность во времени и большую идеологическую консистентность.

Предпосылки вопросо-ответной модели †

Хотя вопросо-ответная модель понимания общественного мнения является все еще достаточно новым в своей области исследований подходом, в некоторых психологических кругах она считается уже почти ортодоксальной. Представляется

уместным сделать обзор тех исследований, которые опираются на традиционные модели.

Одно из направлений исследований, развиваемое математическими психологами и концентрирующееся на механизме решения проблем, рассматривает память как своего рода хранилище, наполненное множеством объяснительных конструкторов. Сталкиваясь с множеством элементарных стимулов (первичных сенсорных впечатлений), составляющих проблему, индивид стохастически ищет в своей памяти конструкторы, которые позволили бы ему определить значение этих стимулов [12]. **Будучи однажды выбран, объяснительный конструктор определяет понимание стимулов и, следовательно, дальнейшей реакции на них.** А суждения индивидов, таким образом, прямо зависят от тех идей, которые оказались на поверхности их сознания в критические моменты процесса решения проблем.

Другая исследовательская традиция — распространенная среди социальных психологов и в основном связанная с изучением социального познания (social cognition), концентрируется на организации образов в сознании. Центральным понятием данной традиции является схема (это термин, воспринятый из когнитивной психологии). **Схема является когнитивной структурой, организующей предварительную информацию во- круг центральной ценности или идеи и направляющей интерпретацию новой информации и опыта.**

В обоих случаях важным моментом является то, что люди обычно имеют несколько доступных схем для понимания любого явления. К примеру, индивид, которого представляют сорокалетнему профессору, ведет себя совсем иначе, нежели если бы вместо сорокалетнего профессора была, предположим, мать троих детей. Значит, у индивида возникают различные ассоциации, им фиксируются разные характеристики личности, делаются разные выводы о манерах собеседника и т. д. Тессер утверждает: **«Установка в любой данный момент времени является результатом процесса конструирования...»** И существуют скорее не единая установка по отношению к объекту, а множество установок, зависящих от множества схем, доступных при мышлении о данных объектах. Люди не имеют *единых* представления или оценки предмета. Чувства различаются в зависимости от того, какие когнитивные схемы мы «включаем» [236, р. 297–298, 307]. Ключевая же идея заключается в том, что индивиды обычно имеют не одно лишь мнение по разным

вопросам, но множество потенциальных мнений. Логически отсюда вытекает следующий вопрос: как при этом людям вообще удается принимать решения?

Вопрос чрезвычайно сложный. Он затрагивает также процессы декодирования поступающей информации, ее восприятия или интерпретации, эффективность поиска в памяти, уровень мотивации и другие аспекты. В результате попыток психологов объяснить все эти различные проблемы были разработаны просто чудовищно усложненные модели (см., например, [253]). Но мысль, что по ходу принятия решения, в том числе и по политическим вопросам, люди редко уделяют время тщательному рассмотрению в сознании всех релевантных идей, представляется достаточно разумной. Жизнь слишком коротка, и человеческая память слишком подвержена ошибкам. Люди принимают решения бессознательно, на основе ближайших, актуализированных в памяти идей. Как заметили Тейлор и Фиске [235], многие исследования показали, что актуализация или подчеркивание какой-либо информации (например, того факта, что определенная личность — женщина или юрист) может сильно повлиять на последующее выражение мнения. Приводя много подобных примеров, они защищали достаточно новый для своего времени тезис, суть которого в следующем. Многие люди формируют социальные суждения, опираясь на «одно достаточное и лежащее на поверхности объяснение... Вместо того чтобы использовать нормативную или конвенциональную точку зрения исходя из логических соображений, люди часто оказываются под влиянием одного яркого фрагмента данных... Вместо того чтобы рассмотреть все данные по конкретной проблеме, люди часто используют информацию, наиболее бросающуюся в глаза или доступную, то, что проще всего вспомнить» [р. 251].

На основе гораздо большего объема данных Вайер и Срулл доказывают, что люди «не склонны проводить в памяти исчерпывающий поиск по всей накопленной информации, релевантной для принятия решения. Скорее, они вспоминают и используют только сокращенный вариант своего знания, предполагая, видимо, что его смысл репрезентативен по отношению ко всему приобретенному знанию» [253, р. 81].

В то же время многие результаты исследований в политологии [120], политической психологии [147] и когнитивной психологии [10] выявили, что люди в процессе принятия решения могут использовать множество разных данных. К при-

меру, Келли [120] показал, что голосующие выбирают между кандидатами в президенты, как если бы они взвешивали различные плюсы и минусы относительно каждой партии и кандидата, и выбирают они того, у которого высший итоговый балл. Усредняющие информационные модели Андерсона [10], широко принятые в психологии, также показывают, что индивиды для формулировки высказываний мнения привлекают огромное множество уместных соображений.

Модель, которую предлагаю я, пытается согласовать модель поверхностного принятия решений, предложенную Тейлором и Фиске, и модель усреднения потенциально огромного количества разнообразной информации, предложенную Келли и Андерсоном. Результат достигается при допущении того, что индивиды принимают решения, рассматривая не случайную, но стохастическую выборку из релевантных суждений, где размер выборки может варьироваться между единицей и достаточно большим числом. Размер и организация выборки зависят от контекстуальных и индивидуальных факторов мотивации, таких, как идеи, актуализированные данной анкетой, и общий объем внимания, уделяемого человеком данному вопросу.

В заключение

Таким образом, исследование концентрируется на трех крупных классах переменных: 1) переменные агрегированного уровня, характеризующие информацию, содержащуюся в дискурсе элиты, включая подсказки элиты о том, как следует оценивать новую информацию; 2) индивидуальные различия во внимании к дискурсу; 3) индивидуальные различия в политических ценностях. Взаимодействие этих переменных определяет «смесь» суждений, приходящих людям в голову. То, какие из суждений оказываются доступны, актуализированы в памяти в момент опроса, и определяет ответы. Модель, основанная на этих идеях, представлена в следующей главе.

3. Как граждане получают информацию и превращают ее в общественное мнение

При анализе общественного мнения первостепенное внимание уделяется двум обстоятельствам, двум процессам: тому, как граждане узнают о вещах, которые по большей части находятся за пределами их непосредственного опыта, и тому, как получаемая информация преобразуется во мнение.

В этой главе предлагается модель обоих процессов. Она не обеспечивает полного и точного представления о том, как люди обрабатывают информацию и формулируют на ее основе суждения о своих установках; поскольку ни одна модель не является одновременно и всеобъемлющей, и проверяемой на данных типичного массового опроса, все мои аргументы как бы ограничиваются с двух сторон. Тем не менее в предлагаемой модели — и я надеюсь убедить в этом читателя — содержится правдоподобное, хотя и приблизительное описание того, что происходит в действительности; кроме того, она превосходно объясняет распределение имеющихся данных о широком круге явлений.

Кратко очертив модель формирования мнения, я далее, на протяжении всей книги, буду проверять следуемые из нее утверждения. Потребуется привлечение некоторых других идей, но их, однако, будет немного, и обращаться к ним мы будем лишь время от времени. Все важнейшие особенности предпринимаемого мною анализа определяются именно представленной здесь моделью.

Основные определения

Я начну описание модели с введения некоторых простых базовых терминов.

Во-первых, *суждение* (consideration). Этим термином обозначается любое основание для решения индивида по какому-

либо политическому вопросу¹. Суждения состоят из когнитивной и аффективной составляющих, т.е. представлений, связанных с объектом, и его оценки на основе этих представлений. Высказывание «план президента Буша по урегулированию федерального бюджета справедлив по отношению к группам, обладающим разными интересами» является *суждением*, которое может побудить индивида при ответе на вопрос в массовом обследовании сказать, что он одобряет политику президента. Когнитивный элемент в этом суждении — информация о программе налогообложения, а аффективный — положительная оценка этой программы².

Еще пример: некто враждебно реагирует, увидев в теленовостях бомжа, и на основе этой враждебности формулирует высказывание мнения, отрицательно оценивая правительственные затраты на бездомных. Сначала может показаться, что эта гипотетическая формулировка мнения основывается скорее на чисто аффективной реакции, а не на смеси когнитивной и аффективной составляющих. Однако когнитивный элемент здесь явно присутствует: человек на улице воспринимается именно как бомж, а не как «подобный мне человек, потерявший, к несчастью, работу». Негативная оценка, следовательно, зависит от специфических когнитивных репрезентаций того, что данный индивид воспринял, т.е. сочетает в себе когнитивный и аффективный элементы.

Можно еще много сказать о суждениях³, особенно об их роли в направленном восприятии (*guiding perception*), но, как станет очевидно, этот термин даже в такой схематичной форме является достаточным для дальнейшего использования⁴.

¹ Термин заимствован у Келли [120]. Он показал, что индивиды принимают электоральные решения в ходе президентских выборов на основе сети оценок, взвешивая множество «за» и «против», которые он назвал «суждениями».

² В большинстве случаев оценка, связанная с суждением, не выражается явно, а лишь подразумевается; так, высказывание: «Пентагон расходует много денег» практически каждый идентифицирует как выражение недовольства по поводу необходимости больших затрат на оборону.

³ В соответствии с трактовкой Цаллера, фрейм для восприятия создают как когнитивные, так и аффективные компоненты суждений. — *Прим. пер.*

⁴ Есть соблазн просто позаимствовать из психологии термин «схема» и использовать его вместо термина «суждение». Однако оба термина, оба понятия в данном контексте нерелевантны. Прежде всего, термин «схема» указывает скорее на когнитивный, чем на эмоциональный аспект. Его использование, даже если оно эффективно для разных областей деятельности, для политики, где люди принимают решения на основе эмоционально, ценност-

Во-вторых, я выделяю два типа политических сообщений — убеждающие и подсказывающие.

Убеждающие сообщения — это доводы, аргументы или образы, создающие рациональные основания для принятия той или иной точки зрения. Если они воспринимаются индивидом, то становятся суждениями в том смысле, в котором мы только что определили этот термин. Речь представителя демократической партии, утверждающего, что «бюджетный план президента Буша — это чистый обман и заблуждение», представляет собой пример убеждающего сообщения.

Из сказанного не следует, что политические сообщения или сформулированные на их основе суждения должны быть холодно-рациональными. Скорее наоборот, политические сообщения могут включать неявные и даже действующие на подсознание образы, а суждения могут быть эмоционально окрашенными. Например, президент может построить свое публичное выступление так, чтобы публика ощутила комфорт и безопасность. И если речь президента воспринимается соответственно, если эти когнитивные репрезентации вызывают чувство безопасности, положительно влияющее на то, как граждане оценивают результаты его работы, то ощущение безопасности может стать основанием для позитивной оценки, т. е. для суждения. Сказанное важно подчеркнуть, поскольку, хотя модель во многом исходит из разработок когнитивной психологии, она в принципе столь же приспособлена для описания нерационального содержания и невербализуемых образов, сколь и для прочих видов политического дискурса.

Подсказывающие сообщения — второй тип сообщений, содержащихся в дискурсе элиты, — содержат контекстуальную информацию об идеологическом значении убеждающих сообщений. Значение подсказывающих сообщений состоит, как показал Конверс [44], в том, что они дают гражданам возможность воспринимать отношения между убеждающими сообщениями, которые граждане получают, и их собственными политическими предрасположенностями и в результате критически реагировать на убеждающие сообщения. Таким образом, при-

но окрашенных идей, не подходит. Термин же «суждение» (оно определяется как довод в пользу определенной позиции), возможно, идеосинкратичен, однако дает существенное преимущество, поскольку подразумевает сочетание когнитивного и аффективного элементов. И еще, слово «суждение» имеет повседневное значение, более совместимое с политическим анализом, нежели слово «схема».

верженец республиканской партии скорее отвергнет критику бюджетного плана президента Буша, если будет знать, что данная критика исходит от демократов.

В предыдущей главе я иллюстрировал важность подсказывающих сообщений примером, когда политически неосведомленные личности были неспособны идеологически обоснованно ответить на вопрос о контрасте в Никарагуа, так как им не хватало информации об этом движении; однако они вполне убежденно отвечали на вопрос о борьбе с коммунизмом в Центральной Америке, поскольку слово «коммунисты» воспринималось как подсказка.

Модель

Предлагаемая модель состоит из четырех утверждений, аксиом о том, как индивиды реагируют на политическую информацию, с которой они сталкиваются. Каждая из аксиом сначала формулируется в максимально обобщенной форме, а затем обосновывается более подробно. Ни одна из них не является сама по себе чем-то новым, не дает полного представления о том, что происходит в действительности. Я надеюсь, однако, показать, что, вместе взятые, эти аксиомы приводят к достаточно новым и вполне эмпирически корректным выводам; что, хотя модель и не дает совершенного, истинного отражения действительности, они являются достаточно правдоподобным приблизительным описанием того, как индивиды воспринимают политическую информацию и используют ее, чтобы сформулировать высказывания о своих политических предпочтениях.

A1 — аксиома восприятия (reception axiom). *Чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет воспринимать, т.е. обращать внимание и понимать, политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом*¹.

Как уже говорилось ранее, сообщения, которые человек получает, бывают убеждающими и подсказывающими. В вопросе о первенстве когнитивного или аффективного компонента модель несомненно подчеркивает когнитивный аспект проявлений политической коммуникации. Для такого предпочтения существуют две причины.

Во-первых, целью построения данной модели является описание того, как индивиды извлекают информацию из ок-

¹ Термин Мак-Гайра [137, 1969].

ружающей их среды и на ее основе формулируют высказывания мнения. Это преимущественно когнитивный процесс, и аффективная вовлеченность здесь значима лишь постольку, поскольку ведет за собой интеллектуальную, т. е. когнитивную, вовлеченность. Следовательно, данная аксиома позволяет определить модель в терминах когнитивной вовлеченности.

Во-вторых, измерения, которые проводятся в процессе опроса и посредством которых определяется когнитивная вовлеченность в политические проблемы, отражают также и меру аффективной вовлеченности. К примеру, респонденты, набирающие высокие баллы в тесте политической осведомленности, обладают значительно более стабильными установками, нежели люди, хуже разбирающиеся в политике [66; 261]; однако граждане, утверждающие, что они очень интересуются политикой (что я интерпретирую как форму аффективной вовлеченности), не более устойчивы в своем мнении, чем те, кто выражает незначительный интерес к политике [261].

Следует отметить: хотя интерес к политике имеет лишь ограниченное влияние на стабильность ответов респондентов, он сильно (даже больше, чем политическая осведомленность) коррелирует с вероятностью участия в выборах. Таким образом, эмоциональная вовлеченность может все же оказаться важной, но без когнитивной вовлеченности она имеет лишь ограниченное влияние на мнение само по себе.

Когнитивная вовлеченность — не просто важнейший показатель в данной модели; она означает нечто в какой-то мере более сложное, нежели может быть определено в тесте политической осведомленности. Учитывая это, далее я буду использовать более простые термины — «внимание к политике» и «политическая осведомленность», причем использовать и тот и другой практически в одном и том же смысле.

Политическая осведомленность в последующем анализе операционально определяется в основном через общий показатель политического знания, т. е. индивидуальную сумму баллов, которые набраны в тесте, состоящем из серии нейтральных, фактических вопросов о политических проблемах. Такая стратегия измерения более чем далека от идеала. Разумеется, предпочтительнее более узко сфокусированные измерения осведомленности, касающиеся, к примеру, только интеллектуальной вовлеченности в вопросы внешней политики или же проблемы расовых взаимоотношений. Однако подобные специализированные замеры редко проводятся в массовых опро-

сах и ни разу не встречаются в тех, которые я использую в этой книге. На практике мне приходится иметь дело только с общими показателями политической осведомленности, хотя (можно утверждать, основываясь на аналогичных исследованиях) различия при использовании общих и специализированных тестов политической осведомленности как индикаторов влияния дискурса элиты на мнение масс минимальны (см. гл. 2, Указатель переменных и [257, 202; 103]).

Важно обратить внимание на то, что в аксиоме восприятия A1 ничего не говорится об источниках политической коммуникации, формирующих общественное мнение. В той мере, в какой это в состоянии отразить аксиома, **политическая коммуникация может исходить из разных источников**: дискурса элиты, личных, неформальных обсуждений политических проблем с друзьями и соседями или чего-то другого. Согласно аксиоме, восприятие релевантных политических сообщений, каково бы ни было их происхождение, имеет сильную прямую зависимость от интеллектуальной вовлеченности в соответствующий вопрос. Если же говорить более обобщенно, измерения политической осведомленности являются показателями склонности респондентов воспринимать политические сообщения вообще, независимо от их происхождения.

Несомненно, желательно измерять подверженность респондентов влиянию межличностного общения независимо от подверженности влиянию дискурса элиты (через СМИ). Но на основе имеющихся данных это не представляется возможным. В некоторых опросах измерялась частота участия в неформальных политических дискуссиях, однако, как и в случае с показателями политической осведомленности, нет гарантии, что эта переменная выявляет воздействие только одного типа политической коммуникации¹.

¹ Прайс и я [202] обнаружили, что, хотя частота неформальных политических дискуссий, в которые оказывается вовлечен респондент, имеет лишь умеренную корреляцию с вероятностью восприятия порций определенного типа новостей, у вовлеченности в политические дискуссии нет значимой связи, если контролируется такая переменная, как осведомленность по текущим политическим проблемам. Даже указываемая самим респондентом частота обращений к информации из масс-медиа не имеет значимой корреляции со степенью восприятия медиа-сообщений, когда контролируется влияние переменной «общая политическая осведомленность». Ни один из этих выводов, однако, ничего не говорит о значимости источника информации. Можно предположить, что, если бы частота обращений к информации СМИ и частота политических дискуссий использовались не в качестве дополнения к общему показателю политической осведомленности, а вместо

Надо также иметь в виду следующее: предположение, что в большей степени именно дискурс элиты, а не личное общение или что-либо еще формирует общественное мнение, не является частью формальной модели, рассматриваемой здесь. Это скорее вспомогательное заключение, и оно требует дополнительного независимого обоснования (см. гл. 2, 11 и 12).

A2 — аксиома сопротивления (*resistance axiom*). *Люди склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политическими предрасположенностями, но только лишь в той мере, в какой они обладают контекстной информацией, необходимой для понимания отношений между этими аргументами и своими политическими предрасположенностями.*

Основанием для критического восприятия, в соответствии с аксиомой A2, является информация об отношениях между аргументом и факторами предрасположенности, которая может содержаться в подсказывающих сообщениях. Вероятность восприятия содержания сообщений-подсказок зависит от индивидуальной осведомленности по соответствующему вопросу. В совокупности аксиомы A1 и A2 подразумевают, что вероятность критического отношения к убеждающим сообщениям возрастает одновременно с уровнем внимания к политическим вопросам. Иначе говоря, граждане, обладающие низким уровнем внимания к политике, зачастую не будут и подозревать о том, что означает для них принятие убеждающих сообщений в идеологическом плане, а в результате это принятие будет ошибочным.

В соответствии с данным тезисом граждане рассматриваются как автоматически реагирующие, не рассуждающие существа: если они хорошо информированы, то механически реагируют на политические сообщения на основе подсказок об идеологическом значении этих сообщений, а если слабо и

него, можно было бы разграничить доли их влияния. Но тогда возникавшая сложность заключалась бы в следующем. Показатели подверженности влиянию СМИ, которые можно использовать в типичном массовом опросе, очень ненадежны, гораздо более ненадежны, чем может показывать обычно достаточно большая ошибка первого рода (α) в индексах подверженности влиянию СМИ. Вследствие этого использование показателей частоты обращений к информации из СМИ вместо показателей политической осведомленности дает совершенно незначимые результаты даже тогда, когда имеется очевидно значимое влияние СМИ. Я подозреваю, что действительная надежность такого показателя, как указываемая самими респондентами частота участия в политических дискуссиях, если ее тщательно исследовать, окажется столь же низкой.

не способны идентифицировать подсказки, то склонны некритически воспринимать любую предлагаемую им информацию¹.

Хотя такой вывод может показаться непривлекательным, он согласуется с теоретическими моделями и эмпирическими данными, полученными в исследованиях политической коммуникации. Конверс тоже считает, что лишь меньшинство людей способны рефлексивно оценивать, как соотносятся одна с другой политические идеи; в основной же своей массе люди критически относятся к политическим идеям, с которыми им доводится столкнуться, только тогда, когда они могут **полагаться на контекстную информацию из дискурса элиты о том, как соотносятся эти идеи** [44]. Контекстная информация (пусть Конверс и не заявляет этого прямо) обязательно включает и сведения о группах и их лидерах, которые выступают против определенных идей.

А центральная идея в исследованиях Конверса состоит в том, что умение идентифицировать контекстную информацию скорее всего зависит от общей политической осведомленности. Только граждане с высоким уровнем политической осведомленности способны реагировать на политические сообщения так, как это «предопределяют» их ценности.

В психологической литературе об изменении общественного мнения также отмечается, что индивиды обычно затрудняются объяснить значение тех убеждающих сообщений, с которыми им доводится сталкиваться. Решая, какую им занять позицию по определенному вопросу, люди обычно полагаются на «подсказки» об источниках сообщения. Макгайр писал: «...сообщение рассматривается как более верное, более соответствующее фактам, более подтвержденное документально, а выводы из него как более обоснованные, даже более грамотные, если указывается, что оно исходит из источника, который пользуется большим доверием» [160].

Этот вывод — хотя в результатах исследований, которые обобщает Макгайр, не измерялось восприятие сообщений, исходящих от демократов, по сравнению с сообщениями, которые исходят от республиканцев, или сообщений, исходящих

¹ Модель не требует, чтобы не уделяя внимания политике граждане принимали все идеи, с которыми они сталкиваются; такие граждане всего лишь более восприимчивы, нежели те, кто больше разбирается в политике, и неспособны выборочно реагировать на разные проблемы на основе своих политических предрасположенностей. Однако и эмпирически измеренные показатели восприимчивости (подверженности влияниям) неинформированных людей оказываются очень высокими (см. рис. 7.4 и 10.1).

от либералов, по сравнению с сообщениями, исходящими от консерваторов, — можно экстраполировать и на различные типы источников в этом случае (см., например, [17; 179; 199]).

Далее Макгайр замечает, что люди не получают больше информации из более надежных источников, просто они охотнее воспринимают информацию от своих лидеров мнения. «Получатель, — пишет он, — может рассматриваться как ленивый организм, который пытается осознать содержание сообщения, только если это совершенно необходимо для принятия решения. Когда целевой источник информации явно позитивно или негативно маркирован, получатель использует эту информацию как подсказку для принятия или отклонения выводов, предлагаемых в сообщении, сам аргумент в действительности не воспринимая».

В недавних исследованиях был обрисован несколько более обнадеживающий образ критических способностей «получателя». К примеру, Райн и Северанс [206] обнаружили, что студенты не обращали внимания на надежность источника информации, когда тема сообщения касалась их интересов (в частности, вопроса о возможном повышении платы за обучение). Эффект источника, как было показано, действовал лишь в области, не связанной с непосредственными частными интересами (например, в вопросе о том, сколько земли должно отводиться под парки в соседнем штате).

Чейкен [36] и Петти и Касиоппо [193] считают, что при определенных обстоятельствах индивиды полностью игнорируют такой фактор, как надежность источника информации, и вместо этого обосновывают свои установки качеством представленной им информации.

Типичный из экспериментов, предлагаемых Петти и Касиоппо, протекал следующим образом. Студентам подготовительного отделения колледжа предлагалось убеждающее сообщение на тему, потенциально представляющую для них огромный интерес, — является ли единый выпускной экзамен обязательным требованием для успешного окончания учебы. Для половины студентов выдвигались сильные доводы в пользу необходимости такого экзамена: 1) увеличивается на 4000 долларов средняя годовая стартовая зарплата у выпускников колледжей, которые ввели единый экзамен за двухлетний период; 2) высшие юридические школы отдают предпочтение студентам, сдавшим единый экзамен. Доводы для другой половины студентов были слабее: 1) многие колледжи признают этот

экзамен, и их школа должна быть в авангарде национальной системы образования; 2) выпускники университетов, которым приходится сдавать единый экзамен, считают, что справедливо было бы и студентам бакалавриата сдавать единый экзамен. В каждой из этих двух групп одной половине студентов говорили, что данное предложение будет реализовано в их колледже в течение года, так что оно коснется их непосредственно (условие сильной заинтересованности), и другой половине — в течение десяти лет (условие низкой заинтересованности). Наконец, для одной половины студентов источником данного сообщения являлся профессор из Принстона (значимый источник информации) и для другой половины — информация из отчета о деятельности местной средней школы (незначимый источник информации). Экспериментальный план, таким образом, получался следующим: 2 типа сообщения × 2 условия заинтересованности × 2 типа источника.

Результаты получились следующие. Мало заинтересованные студенты обращали некоторое внимание на характер сообщения, однако в своих суждениях больше ориентировались на значимость источника, т. е. соглашались с необходимостью единого экзамена, только если заявленным источником информации оказывался профессор из Принстона. Сильно заинтересованные студенты, напротив, не обращали внимания на характер источника, учитывая преимущественно силу аргументов: они решительно поддерживали идею единого экзамена, если аргументы были убедительными, и столь же решительно ее отвергали, если аргументы таковыми не были.

Из примера Петти и Касиоппо видно, кроме того, что различие в реакциях сильно и мало заинтересованных студентов связано с тем фактом, что первые из них должны были гораздо более тщательно обдумывать приводимые аргументы.

Можно только пожелать, чтобы общественность столь же рьяно выявляла слабость предложенных ей аргументов, как и сильно заинтересованные студенты из эксперимента Петти и Касиоппо. Однако в результатах последнего и для сомнений более чем достаточно оснований.

Во-первых, слабые аргументы, использованные в эксперименте Петти и Касиоппо, просто до комичности очевидно слабы. Требуется тщательная работа, чтобы подготовить столь слабые, но согласованные аргументы, и подобной тщательности вряд ли можно ожидать от политтехнологов. Политики (и их медиа-консультанты), как бы ни были плохи аргументы

многих из них, стараются быть убедительными. В реальных политических дискуссиях гражданам приходится сталкиваться с двумя наборами противоположных аргументов, и все они по сравнению с теми, что предлагались Петти и Касиоппо, оказываются сильными.

Во-вторых, большинство политических проблем — по крайней мере, в современных Соединенных Штатах — заведомо не требует высокой заинтересованности и вовлеченности публики. Теоретически ставки в политической игре высоки, однако людям трудно поддерживать заинтересованность (доказательства этого положения см. в гл. 2). А в условиях слабой заинтересованности, как свидетельствуют выводы Петти и Касиоппо, большинство людей ограничиваются периферийной обработкой сообщений, т. е. не учитывают качество аргументов и используют для принятия или отклонения сообщений такие поверхностные подсказки, как значимость источника информации.

В-третьих, в эксперименте Петти и Касиоппо вопрос по экзамену и другие вопросы, предлагаемые студентам, тесно связаны с их повседневным опытом. На такие вопросы практически любой студент, даже не занимаясь специально историей проблемы, способен дать квалифицированный, экспертный ответ. Это совершенно нереализуемо в отношении политических вопросов, где информация и суждения, необходимые для получения надежных выводов, находятся за пределами опыта даже наиболее политически осведомленных граждан.

Одним словом, условия, при которых оказались возможными столь вдохновляющие результаты, т. е. слабые аргументы, «получатели», которые сильно заинтересованы в вопросе и хорошо информированы, просто отсутствуют в обычной ситуации массовых политических коммуникаций. Наоборот, реальные условия, если судить по выводам Петти, Касиоппо и др., способствуют тому, чтобы граждане опирались на «периферийные подсказки» (является ли человек, защищающий ту или иную позицию, либералом или консерватором, профсоюзным лидером или священником и т. д.) [17; 32; 121; 179; 199; 82; 195; 188].

Существуют серьезные эмпирические основания для того, чтобы предположить: граждане обычно реагируют на новую информацию на основе внешних подсказок, определяющих то значение, которое данная информация может иметь для их ценностей и предрасположенностей; обеспечивается это, как

подчеркивает Конверс, достаточно внимательным отношением граждан к политике и в результате их знакомством с упомянутыми подсказками.

Приведа столь сильные аргументы в пользу того, что политическая осведомленность связана с возможностью критически воспринимать убеждающие сообщения, я хочу сделать столь же сильное предостережение: данное положение уместно только в тех случаях, когда необходимая для решения вопроса в свете личных предрасположенностей контекстуальная информация по той или иной причине недостаточна. Как мы видели в гл. 2, рьяные антикоммунисты оказывались вполне способными аргументированно обосновывать свое убеждение о необходимости «остановить коммунизм в Центральной Америке». Только когда с ними заговаривали о поддержке контраст, они затруднялись с ответом. Или вот другой пример. Можно ожидать, что возрастная дифференциация в ответах на вопрос о пенсионном страховании будет значима независимо от политической осведомленности. Причина этого в том, что практически каждый гражданин, даже наименее политически осведомленный, будет обладать контекстуальной информацией, необходимой для того, чтобы ответить на вопрос в соответствии со своими предрасположенностями, в данном случае в зависимости от близости к пенсионному возрасту.

Степень неопределенности контекстуальной информации может зависеть от темы (к примеру, расовые отношения, как пишет Конверс, — это тема, в которой большинство людей могут понять, о чем идет речь) или же от формулировки вопроса (как в примере с контраст).

Вообще же, чем более абстрактна связь между предрасположенностями и политическим вопросом, чем больше имплицитного знания требуется для ее восприятия, т.е. чем более сложна логическая цепочка между ними, тем более важна политическая осведомленность. И наоборот, чем более проста и пряма связь между предрасположенностями и вопросом, тем менее важной оказывается политическая осведомленность.

Здесь важно отметить, что осведомленность с необходимостью повышает вероятность сопротивления убеждающим сообщениям только тогда, когда хотя бы до некоторой степени неясно полное значение вопроса, поскольку данная закономерность несколько ограничивает действие аксиомы А2. Неясность, непонятность в указанном мною смысле чрезвычайно распространены в политике.

A3 — аксиома доступности (accessibility axiom). *Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в памяти, сознании.*

Напротив, чем больше времени прошло с тех пор, как индивид обращался к своему суждению и связанным с ним идеям, тем менее вероятно, что они будут мобилизованы; представление же, которое не было актуализовано в течение длительного времени, может оказаться совершенно недоступным, т. е. забытым.

В этой аксиоме представлена в адаптированной для данной модели форме одна из наиболее изученных в когнитивной психологии закономерностей. Эмпирических доказательств ее более чем достаточно [97; 253], так что она практически общепризнана. Следует отметить, однако, что в аксиоме A3 есть некоторый элемент двусмысленности. Согласно ей, актуализация суждения может повысить доступность других суждений, связанных с ним, но ничего не говорится о том, что означает сама по себе связанность суждений. Здесь я неявно опираюсь на обыденное представление о связи между суждениями.

A4 — аксиома реакции (response axiom). *Индивиды отвечают на вопросы интервью, обдумывая только те суждения, которые оказываются немедленно доступны или мобилизованы в их сознании.*

Эта аксиома, завершающая в моей модели, подразумевает, что респондент, которому задается вопрос, обычно не обдумывает все суждения, которые могут оказаться связанными с данным вопросом; скорее наоборот, ответ на вопрос формируется на основе **любых доступных** мобилизованных в сознании суждений. В некоторых случаях оказываются доступными только одно суждение, только одна точка зрения, в других — два или три суждения, и тогда респондент выстраивает ответ, приближая, усредняя эти суждения, сравнивая доводы за и против.

В соответствии с аксиомой реакции допускается, чтобы разные респонденты отвечали на вопрос на основе суждений разного характера: одни, к примеру, акцентируя идеологическую приверженность, другие — исходя из инстинктивных предпочтений, а третьи — из личных интересов. Результаты многих исследований подтверждают достаточную распространенность такой межличностной гетерогенности [85; 207; 227; 99].

Многим может показаться, что аксиома A4 слишком проста, и это совершенно верное впечатление. Психологи, рабо-

тающие с результатами лабораторных экспериментов и исследований, в которых используется экспериментальный план, разработали более сложные и, следовательно, более реалистичные модели того, как индивиды обрабатывают информацию и принимают решения.

К примеру, Туранжо и Расински [240] предложили четырехэтапную модель, в соответствии с которой индивиды, во-первых, интерпретируют вопрос, идентифицируя, к какой теме его можно отнести; во-вторых, рассматривают представления, релевантные в связи с данной темой; в-третьих, интегрируют эти идеи в более или менее согласованное мнение и, в-четвертых, соотносят это мнение с вариантами ответа на вопрос в интервью. **Поскольку особенности опросника** могут оказать влияние на когнитивные процессы на каждом из четырех этапов, они оказывают влияние и на то, что описывается как общественное мнение в целом.

Хотя модель Туранжо и Расински довольно проста, она все-таки слишком сложна для использования в контексте массового опроса. Да и сами Туранжо и Расински признают, что **единственно важным этапом** в их модели является воспроизведение в сознании доминирующего суждения. К примеру, консерватор, которому доводится обсуждать вопрос о государственных службах в терминах типа «жульничество в социальном обеспечении», скорее всего уже проделал заранее все необходимое для рассмотрения своих представлений, интеграции их в когерентное мнение и согласования этого мнения с вариантами ответа на вопрос интервью. Туранжо и Расински осознают ограниченность возможности соотнести эмпирически этапы модели и данные опроса и делают все возможное, чтобы что-то противопоставить этой ограниченности. Однако, по моему мнению, сложные модели не приносят большой пользы в общем анализе общественного мнения.

Модели же обработки информации, которые более сложны (такие, как модель 43 постулатов, предложенная Вайером и Сруллом [253]), еще сомнительнее в контексте данных массовых опросов. Тем не менее исследователи общественного мнения могут успешно использовать их как эвристические руководства в разработке собственных моделей. Однако, если модели необходимо использовать для строгого анализа данных типичных массовых опросов, их надо радикально упрощать.

Что касается моей упрощенной аксиомы реакции, угрозы в ее адрес могут исходить из недавних психологических иссле-

дований онлайн-обработки данных. Согласно результатам этих исследований, люди не формируют высказывания о своих установках на основе идей, доступных в данный момент, а используют «оператор суждений», чтобы постоянно обновлять свои установки по мере получения новой информации; они хранят обновленные установки в памяти и актуализируют их, когда того требует ситуация (к примеру, ситуация опроса) [95; 147].

Представленная мною модель хорошо обоснована, хотя сомнения в том, может ли она использоваться в политических анализах, остаются. Эти сомнения лучше рассмотреть после того, как будут представлены аргументы в ее пользу. И сразу я кратко упомяну два наиболее важных. Первый из них заключается в том, что было бы просто дико ожидать от граждан обновления всех своих установок с появлением каждого фрагмента новой информации. Так, представленная в новостях, в идеальной модели онлайн-обработки информации, история о страдании бездомных потребовала бы обновления установок, касающихся системы социального обеспечения, значимости высших государственных чинов, эффективности капитализма, попыток президента сократить расходы на соцобеспечение, волонтерской благотворительности, американского стиля жизни и т. д. Разумеется, это находится далеко за пределами возможностей любого из реальных людей. Второй аргумент (он подвергает сомнению применимость онлайн-модели политических установок) связан с тем, что данная модель, в соответствии с которой установки просто актуализируются в памяти и сообщаются интервьюеру, лишь повторяет широко принятую модель истинных установок, которая, как я всячески старался показать, просто неспособна адекватно описывать сущность политических установок. Даваемые респондентами в массовых обследованиях ответы в соответствии с онлайн-моделью могут достаточно адекватно описываться как установки или мнения, в которых представляются истинные чувства людей в момент ответа на вопрос. Однако они не могут описываться как истинные установки (в техническом смысле этого термина), поскольку ответы респондентов не представляют ничего иного, кроме одного из аспектов реакции людей на данный объект установки.

Возможно, наиболее удачный термин для обозначения реакции респондента в рамках ВПФ-модели — высказывание мнения. Он предполагает, что выраженное мнение искренно; при этом не подразумевается, что выраженное мнение пред-

ставляет собой предыдущую рефлексию или будет долго оставаться неизменным. Термин «выражение установки» (attitude report) имеет аналогичные достоинства.

Суждения, как они понимаются в моей модели четырех аксиом, являются результатом процесса, в котором люди воспринимая новую информацию, решают, принимать ли ее, и затем конкретизируют ее, отвечая на вопрос. Далее, для краткости, я буду называть этот процесс так: Восприятие — Принятие — Формулировка, или ВПФ-модель.

Как ВПФ-модель используется в книге

Описанная мной модель состоит из четырех обобщающих утверждений, аксиом о том, как люди получают информацию из политического окружения (в форме убеждающих сообщений и подсказок) и трансформируют эту информацию в ответы интервью. На протяжении всей книги я буду применять эти аксиомы для исследования и объяснения различных аспектов общественного мнения. **Особенно активно они будут использоваться для объяснения распределений ответов в массовых опросах, которые встречаются в политическом окружении различных типов: 1) где люди подвергаются двум одинаковой интенсивности потокам либеральных и консервативных убеждающих сообщений; 2) где большинство сообщений односторонне освещают вопрос; 3) где пропорции либеральных и консервативных сообщений варьируются, приводя, таким образом, к изменению массовых установок.** Четыре аксиомы, которые я использую, по отдельности имеют лишь ограниченную аналитическую пригодность, однако они оказываются релевантными для описания этих разных ситуаций.

Метод, применяемый в книге, включает: импликацию базовых аксиом А1–А4 для конкретных, очень специфических наборов условий; обзор данных, показывающих, являются ли выводы эмпирически корректными; представление новых свидетельств, необходимых для решения некоторых важных эмпирических вопросов. В ряде случаев возникает необходимость дать некоторые непринципиальные дополнения к четырем аксиомам. К примеру, в гл. 7 мне придется оговорить функциональные формы отношений между политической осведомленностью и восприятием политических сообщений. Также на основе аксиом выстраиваются более или менее сложные операциональные модели, различающиеся в зависимости от дан-

ных, доступных для их тестирования. Однако никакие существенные дополнения к нашей модели не потребуются. Моя задача в этой книге — показать, как различные особенности общественного мнения (некоторые уже хорошо известные, а некоторые новые) могут быть выведены с помощью рассмотренных выше четырех аксиом в выделяемых типах политического окружения при различающейся интенсивности либеральных и консервативных потоков сообщений.

Теперь еще об одном аргументе в пользу ВПФ-модели. Как следует из аксиомы реакции, вероятность поддержки или оппозиции данной политической линии зависит от смеси позитивно и негативно окрашенных суждений, доступных в сознании индивида в момент ответа. Если мы пренебрежем здесь вероятностью отсутствия ответа (это может случиться, если в сознании респондента вопрос не способен мобилизовать каких-либо представлений) и допустим, что все интериоризированные индивидом суждения могут быть выражены с равной вероятностью, то для данного респондента вероятность либерального ответа будет равна:

$$\text{Вер(либ. ответа)} = \frac{L}{L + C},$$

где L и C — соответственно число либеральных и консервативных суждений, доступных в сознании респондента. (Я должен повторить, что везде в книге слова «либеральный» и «консервативный» являются просто ярлыками для некоторых суждений; человек может опираться на либеральные суждения как на основу для либерального ответа, даже если он и не является в сущности либералом.)

Баланс либеральных и консервативных суждений в сознании респондента зависит одновременно от переменных группового и индивидуального уровней. Ключевыми переменными группового уровня являются интенсивности потоков либеральной и консервативной информации по данному вопросу. Ключевые переменные индивидуального уровня — политическая осведомленность и политические предрасположенности. Более осведомленные граждане сильнее подвержены политическим коммуникациям (по аксиоме восприятия), но в то же время более избирательны в определении, какие сообщения принимать в качестве собственных суждений (по аксиоме сопротивления). Таким образом, политически осведомленные граждане склонны воспринимать большее число суждений и их суждения будут относительно согласованы между собою и

с их факторами предрасположенности. Менее осведомленные граждане воспринимают меньшее число суждений, и они делают это менее последовательно. В результате более осведомленные граждане более склонны выразить свое мнение; это мнение скорее будет идеологически соответствовать их предрасположенностям. Перемены в относительной интенсивности либеральных и консервативных потоков сообщений ведут к изменениям в типах суждений, формирующихся у людей, что, в свою очередь, ведет к изменениям в высказываниях мнения. Достоинство ВПФ-модели (одно из достоинств) заключается в способности предсказывать, как различные сегменты политической аудитории меняют значимость и даже направленность своих установок в зависимости от политической осведомленности, политических ценностей и изменений характера информационных потоков.

Таким образом, четыре базовых постулата предложенной модели, по отдельности не приводящие к ценным выводам, вместе создают вполне целостное и адекватное представление о том, как формируется и изменяется общественное мнение.

4. Приступая к проблеме неустойчивости ответов¹

Респондентам в пилотажном исследовании NES 1987 года задавался вопрос, который академические исследователи общественного мнения определили бы как совершенно стандартный: «Некоторые люди считают, что правительству в Вашингтоне следует сокращать финансирование государственных служб даже в таких областях, как образование и медицинское обслуживание, чтобы уменьшить дефицит бюджета. Другие думают, что государственный сектор следует расширять. Ваше мнение?»

Однако респондентам, что совершенно непривычно, не позволяли немедленно отвечать на этот вопрос. Вместо этого интервьюер продолжал задавать вопросы. «Прежде чем вы сообщите мне, какова ваша позиция по данному вопросу, не могли бы вы сказать, что приходит вам в голову, когда вы думаете о сокращении государственных служб?.. Что вы еще можете добавить?» Интервьюер дословно записывал замечания респондента, а затем снова спрашивал: «А теперь скажите, что приходит вам в голову, когда вы думаете о расширении государственных служб?.. Что вы еще можете добавить?»

Только потом повторялся первоначальный вопрос, и респонденты, наконец, могли высказать простое дихотомическое суждение о государственном обеспечении. Но к этому времени каждый респондент уже раскрывал, что для него значат проблемы государственного сектора в момент ответа на стандартный закрытый вопрос. Поскольку всем респондентам тот же вопрос задавался четыре недели спустя, методический эксперимент позволял показать, как за указанный отрезок времени изменяется понимание проблемы. Свободные комментарии, полученные с помощью этих зондирующих вопросов, обеспе-

¹ Часть результатов анализа в этой и следующих главах взята из нашего с Фельдманом отчета по пилотажному исследованию NES 1987 года [264], а теоретическое обоснование такого подхода — из моей работы [255].

чивали едва ли не лучшие доступные в настоящее время данные о том, что означают ответы респондентов и почему они столь подвержены всяческому превратностям.

Я находился в Исследовательском центре в Мичигане, когда стали приходиться первые интервью¹. Первые два проводились с респондентом, который определил себя как учителя и категорически высказывался в пользу расширения государственного сектора и увеличения затрат на него. В первом интервью он считал, что страна находится перед лицом кризиса в системе образования и что увеличение расходов является насущной необходимостью; любые снижения федеральных затрат неизбежно приведут к снижению уже и так недостаточного финансирования образования, и это было бы катастрофой. В данном интервью поразительно то, что оно, по-видимому, представляет пример в высшей степени кристаллизованной истинной установки — факт совершенно нормальный с точки зрения многих исследователей. Однако, отвечая на тот же вопрос через несколько недель, учитель высказался за *сокращение* затрат на государственное обеспечение. И давая комментарии в открытом вопросе, он был столь же категоричен, как и в предыдущем интервью, только отстаивал совершенно противоположную позицию. Правительство слишком многочисленно, утверждал он, и что-то следует сделать для того, чтобы сократить его, иначе оно совершенно разрастется. Не было никакой отсылки к кризису образования, который столь занимал респондента всего за несколько недель до этого².

Я тщательно изучал материалы этих интервью вместе с другими сотрудниками NES. Последние решили, что допущена ошибка. «Тупицы с нижнего этажа приписали одинаковые коды и перепутали интервью, — заявил один из исследователей. — Это разные респонденты». Однако коды были припи-

¹ Я помогал формулировать необычные вопросы интервью, помогал бригадирам и отслеживал проблемы.

² Такая общая характеристика точки зрения учителя воспроизводится по памяти, без опоры на текст транскрипта. Я с удовольствием бы привел дословно высказывания этого и других респондентов, но, к сожалению, Совет наблюдателей NES запрещает использование необработанных протоколов опроса. В соответствии с позицией Комитета защиты прав человека (Human Subjects Protection Committee) при Мичиганском университете NES определяет любую публикацию необработанных протоколов как нарушение прав респондентов на конфиденциальность. Но это не дает возможности наиболее полно представить научному сообществу результаты пилотажного исследования.

саны правильно. Хотя ответы на два других вопроса оказались совершенно устойчивыми, хотя для их обоснования иногда использовались даже одинаковые формулировки, ответ на вопрос о государственных службах изменился; при этом респондент не показывал, что делает это осознанно — просто во втором интервью он думал по-другому и соответственно пришел к другим выводам.

Ответ этого респондента оказался достаточно типичным. Подобно ему, многие граждане не имели «только одну установку» в отношении политических проблем, и подобно ему, они обосновывали свои ответы в соответствии с любой из множества иногда конфликтующих установок, актуализированных на определенный момент.

Модель, которую я предлагаю, является попыткой серьезно проинтерпретировать такого рода данные. Она отходит от представления об индивиде как об уже обладающем заранее сформировавшимися установками, которые он лишь воспроизводит, когда интервьюер задает вопросы. Принимается иная точка зрения. Согласно ей, индивиды обладают множеством зачастую неконсистентных суждений по конкретной проблеме и обосновывают ответы в интервью в соответствии с теми из суждений, которые оказываются актуализированными на момент ответа.

Стоит добавить, что ничто в данной модели не предполагает, что индивиды, уделяющие много внимания какому-то вопросу, не могут обладать множеством совершенно консистентных суждений относительно всех его аспектов, что каждое суждение, приходящее им в голову, должно побуждать к высказыванию одного и того же мнения. В сущности, в предельном случае, когда респонденты уделяют огромное внимание вопросу, у них в соответствии с ВПФ-моделью могут кристаллизоваться стабильные установки, и это исследователи принимают как нечто само собой разумеющееся. Но для большинства граждан чаще всего характерна неконсистентность в суждениях о разных аспектах одного и того же вопроса, и вот она остается для исследователей необъяснимой и, возможно, неучтенной. Ответы этих граждан на типичные вопросы интервью зависят от того, какой из аспектов наиболее значителен для них; указанная значимость во многом определяется чисто случайными факторами (такими, как «что показывали по телевизору предыдущим вечером», «что случилось с ними утром на работе»), а также отчасти систематическими факторами (как был сформулирован вопрос или же какие вопросы были заданы до того).

В этой и следующей главах показано, что рассматриваемая модель может объяснить широкий ряд явлений, касающихся природы политических установок. Большая часть данных, представленных далее, знакома профессионалам, которые исследуют общественное мнение, но некоторые, наиболее важные из них (с их помощью делаются попытки напрямую измерить суждения, определяющие ответы на вопросы интервью), основываются на пилотажном исследовании NES 1987 года. Оно не очень широко известно, и поэтому его следует кратко описать.

Пилотажное исследование NES 1987 года

В последнее время в Центре национальных предвыборных исследований при Мичиганском университете в неэлекторальные годы регулярно проводились небольшие опросы для того, чтобы протестировать новые вопросы и идеи для будущих работ. Совет наблюдателей NES выходит на специалистов в области общественного мнения и принимает те их предложения, которые представляются наиболее перспективными. Данные, приведенные ниже, были собраны в 1987 году в пилотажном исследовании NES на основании идей, высказанных Фельдманом (Государственный университет штата Нью-Йорк), Брук и мной. И, разумеется, все они доступны (через ICPSR)¹.

В рамках пилотажного исследования 1987 года последовательно было проведено два телефонных опроса респондентов, ранее участвовавших в предвыборном обследовании NES 1986 года. На первом этапе в начале лета было опрошено 450 респондентов, а на втором, через месяц, 357 из них дали повторные интервью. В обследовании респондентам задавался ряд стандартных вопросов о федеральных трудовых гарантиях, оценке деятельности государственных служб и поддержке чернокожего населения. Сразу после этого случайно отобранным 50% респондентов задавался вопрос: «Пожалуйста, все еще размышляя о вопросах, которые были заданы вам только что, скажите, какие идеи приходили вам в голову, когда вы на них отвечали? Конкретно, какие мысли у вас появились?»

¹ ICPSR (Interuniversity Consortium for Political and Social Research) — Меж-университетский консорциум политических и социальных исследований. См. электронную страницу: <http://www.icpsr.umich.edu/index-medium.html> — Прим. пер.

Этот тест был предложен для того, чтобы выявить наиболее важные суждения, определяющие ответы респондентов.

Другой половине опрошенных интервьюеры обычным образом зачитывали вопросы, но, не ожидая ответов, немедленно просили респондентов высказать мнение об отдельных образах и понятиях, использовавшихся в вопросе (так, как это показано в самом начале этой главы). После проведения теста «остановись-и-подумай»¹ интервьюеры повторяли первоначальные вопросы и фиксировали ответы.

Фельдман и я спроектировали эти два типа вопросов для разных целей. Ретроспективные вопросы, которые задавались уже после того, как человек ответил на обычные вопросы, были разработаны для того, чтобы разобраться с чем-то вроде «свалки памяти», которой обладает респондент на момент опроса. Предварительные тесты «остановись-и-подумай» задавались *перед тем*, как респонденты отвечали на вопросы, и были предназначены для того, чтобы заставить людей более тщательно, нежели обычно, обдумать свое мнение. Предполагалось, что более тщательное обдумывание сделает ответы более достоверными. Тесты «остановись-и-подумай» были также направлены на то, чтобы косвенным образом выявить ряд суждений, которые респондент считал уместными в конкретном случае.

Интервьюеры записывали ответы на открытые вопросы-тесты с максимально возможной точностью². Расшифрованные комментарии были подвергнуты классификации, по каждому тесту кодировались четыре суждения. Респонденты предлагали в среднем четыре кодируемых суждения по каждому вопросу о политике; при этом почти все из них могли дать по крайней мере хотя бы одно кодируемое суждение³.

Каждый комментарий или замечание оценивались по нескольким параметрам в Институте социальных исследований (Institute for Social Research — ISR) при Мичиганском университете. Поскольку задача кодирования оценивалась как очень трудная, работой занимались только опытные кодировщики.

¹ Такое название теста придумала Найт из университета в Хьюстоне.

² Я выслушал около 15 интервью и проверил, насколько хорошо интервьюерам удавалось фиксировать ответы на открытые вопросы. Мне представляется, что интервьюеры прекрасно опросили респондентов, хотя, если респонденты давали более или менее развернутые ответы (примерно 40% случаев), им удавалось фиксировать только ключевые идеи и фразы.

³ По поводу помощи чернокожим предлагалось до шести тестов: три вопроса и после каждого из них дополнительный вопрос «Что-то еще?» По другим вопросам было два предварительных и два последующих теста.

Наиболее важной и самой простой переменной была «направленность комментария», которая показывала то, какую из позиций по данному вопросу (если она была) это суждение поддерживало. Хотя кодировщикам давалась инструкция отмечать амбивалентность, замешательство и несущественные замечания, три четверти всех комментариев были определены как имеющие явную направленность. Около 8% комментариев оказались неcodируемыми из-за того, что, хотя направленность могла и подразумеваться, кодировщики были не в состоянии распознать, какова она. Другая codируемая переменная — «точка зрения» (*frame of references*); здесь классификация включала более 140 категорий и предназначалась для того, чтобы описать содержательный аспект каждого замечания¹.

Около одной десятой всех интервью перекодировалось дважды независимыми кодировщиками. Точные данные о надежности недоступны, но имеется информация о разнице между двумя кодированиями в 10–15% всех случаев; такая разница расценивается как приемлемая для сложных открытых вопросов².

Весь материал, хотя и собранный для специфических целей, которые будут описаны ниже, страдает определенной ограниченностью. Прежде всего это отличия в работе кодировщиков. Пусть и в допустимых пределах, они тем не менее, как вскоре станет ясно, достаточно высоки и могут существенно снизить возможности тщательной проверки гипотез. Надо указать и на сложность в четком разграничении суждений. Когда два суждения имеют противоположную направленность — одно в защиту какой-то конкретной политики, а другое против, никаких проблем нет. Но иногда респонденты предлагают ряд последовательных замечаний, отстаивающих одну и ту же позицию по какому-то вопросу. Представляют ли данные замечания отдельные суждения или же просто уточнения одного и того же суждения? Даже человеку, присутствовавшему при интервью и прослушавшему его целиком, бывает трудно ответить на этот вопрос, а для кодировщика, работающего с несовершенным транскриптом, проблема представляется еще более серьезной. Поэтому, хотя в дальнейшем при анализе иногда делаются попытки подсчитать число высказанных индивидом

¹ Схема кодирования строилась эмпирически на основе предварительных испытаний и изменялась по необходимости во время пробного кодирования.

² Из личного общения с Пиннеем, проверявшим кодировку в Институте социальных исследований.

суждений «за» и «против», читателю следует помнить, что мы имеем дело в лучшем случае с приблизительными расчетами.

Еще три — более общие — проблемы измерения также заслуживают внимания. Во-первых, это малая выборка. После обычного выбывания респондентов во второй серии интервью и отсева так называемых «неответов» («no opinion») оставалось только чуть более сотни полностью заполненных анкет с ретроспективными тестами. Отсюда и вторая проблема. Респонденты, хуже разбирающиеся в политике, гораздо чаще выбывают из исследования. Предвидя это, в пилотажном исследовании была увеличена подвыборка менее осведомленных граждан (на основании баллов в тесте политической информированности в крупномасштабном предвыборном обследовании 1986 года). Но при таких условиях малоинформированные респонденты, прошедшие через три интервью и ответившие на целевые вопросы на обоих этапах пилотажного исследования, являются уже неслучайно отобранной и поэтому нерепрезентативной выборкой политически неосведомленных граждан. В частности, они, при прочих равных условиях, окажутся, вероятно, более интересующимися вопросами интервью, чем респонденты, получившие такие же баллы по шкале осведомленности, но либо выпавшие из исследования, либо не сумевшие дать ответ на вопросы оба раза. И наконец, вследствие необычайно короткого промежутка времени между интервью (один месяц) неустойчивость ответов оказалась меньшей, чем обычно.

Все эти три проблемы снижают возможность статистически зафиксировать и понять неустойчивость ответов — ключевую из анализируемых переменных. Но, несмотря на них (а первые две имеют место при любой попытке собрать данные о суждениях по национальной репрезентативной выборке), переменные, характеризующие суждения респондентов в пилотажном исследовании 1987 года, представляют лучшие из известных мне данных. В сущности, они являются единственными доступными данными, позволяющими проверить определенные импликации ВПФ-модели.

Первые логические выводы из ВПФ-модели

Далее в этой главе я использую аксиомы ВПФ-модели в том виде, как они определены в гл. 3, чтобы на их основе сформулировать выводы, касающиеся сущности ответов респондентов на вопросы интервью, а затем эмпирически прове-

ритель эти выводы. Имеет смысл повторить эти аксиомы, тогда на них легче будет ссылаться в последующем изложении.

A1 — аксиома восприятия. Чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет воспринимать, т. е. обращать внимание и понимать, политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом.

A2 — аксиома сопротивления. Люди склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политическими предрасположенностями, но только лишь в той мере, в какой они обладают контекстной информацией, необходимой для понимания отношений между этими аргументами и своими политическими предрасположенностями.

A3 — аксиома доступности. Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в памяти, сознании.

A4 — аксиома реакции. Индивиды отвечают на вопросы интервью, обдумывая только те суждения, которые оказываются немедленно доступны или мобилизованы в их сознании.

ВПФ-модель (собственно говоря, она является разновидностью модели обработки информации), как уже объяснялось, представляет собой определенное множество утверждений о том, как граждане получают информацию и превращают ее в аттитюдные высказывания; последние, таким образом, фундаментальным образом зависят от объема и направленности информации, предоставляемой публике по определенному вопросу.

Понятно, модель невозможно проверить, не сформулировав некоторых допущений об информационной среде, подкрепляющей установки граждан. Я принимаю следующие простые допущения об этой среде: она состоит из стабильных во времени информационных потоков средней интенсивности; информационные потоки одинаково поддерживают как либеральную, так и консервативную позиции по каждому вопросу. Под *потоком средней интенсивности* имеется в виду такой, который не подразумевает ни важнейших новостей, освещаемых в передовицах (например, о скандале в связи с революцией 1987 года в Иране или войной в Персидском заливе), ни непонятных и эзотерических историй (дебаты в конгрессе об организационной структуре департамента коммерции и т. п.). В случае с вопросом об эффективности деятельности государственных служб мое предположение заключалось в том, что

существовал стабильный, но не чрезмерный поток сообщений, который давал индивиду обоснование в пользу как увеличения государственного сектора (например, истории о детях, живущих в нищете), так и сокращения затрат на государственное обеспечение (сообщения о дефиците федерального бюджета). *Временная стабильность* информационного потока означает, что интенсивность сообщений разной направленности остается стабильной в течение некоторого периода, предшествующего обследованию (если временная стабильность информационного потока за это время нарушается, изменяются и установки, см. последующие главы).

Какие следствия о сущности выражений установок граждан можно вывести из ВПФ-модели при допущении, что информационный поток средней интенсивности стабилен и одинаково поддерживает два противоположных видения проблемы?

Прежде всего я рассматриваю как фундаментальное утверждение об общем понимании установок людей по большинству вопросов, т. е. о том, что они склонны к некоторой амбивалентности.

Согласно аксиоме A2 индивиды могут достаточно критически противостоять аргументам, которые им предъявляют, только в той мере, в какой они обладают информацией о том, как указанные аргументы связаны с их предрасположенностями. Выше уже отмечалось (см. гл. 2), что в сущности большинство американцев не очень хорошо разбираются в политике. Из этих двух положений следует, что граждане скорее всего не обладают высоким уровнем сопротивляемости аргументам, не согласующимся с их ценностями, интересами и прочими предрасположенностями. Другими словами, в информационной среде, где примерно равномерное соотношение сообщений, выражающих противоположные позиции, люди, наверное, будут воспринимать много противоречивых представлений, что может привести к формированию суждений, которые одновременно и «за», и «против» некоторой политики.

Это следствие из модели D1 будем называть выводом об амбивалентности.

История с респондентом-учителем, который в разное время высказывался то за, то против увеличения затрат на государственные службы, уже дала нам пример того, что вывод об амбивалентности корректен. Теперь мы можем задаться другим вопросом: насколько распространен образец внутренне противоречивой установки, встретившийся у колеблющегося учителя?

Исследование Хохчайлд [98] об установках американцев по отношению к равенству, основанное на длительном, состоявшем из открытых вопросов интервью с 28 респондентами, наводит на мысль, что такое явление встречается весьма часто. Рассмотрим ее сообщение об установках одного из респондентов по отношению к государственным гарантиям дохода. «Винсент Сартори не может решить, должно или нет государство гарантировать доход, потому что он не может решить, насколько значима для него ценность производительности. Он верит, что богатые в большинстве своем не сами зарабатывают свои доходы... и недоволен «обманщиками государства благосостояния», которые отказываются работать... Зажатый между стремлением к равенству и пониманием существующей несправедливости, с одной стороны, и страхом, что гарантированный доход дает преимущества даже бездельникам — с другой, он двойственно относится к политике по отношению к бедным» [р. 252].

Один из основных выводов Хохчайлд заключается в том, что большинство личных политических убеждений характеризуется высоким уровнем амбивалентности. Люди с готовностью дают ответы на закрытые вопросы, но, когда им предоставляют возможность высказаться, «они не высказывают простых суждений; они темнят, оговариваются, отказываются от своих слов или же просто останавливаются, расстроившись, в нерешительности. Эти проявления неуверенности столь же значимы и интересны, как и определенные выражения убеждения» [р. 238].

Глубинные интервью — вроде тех, что проводила Хохчайлд, — легко подвергнуть критике, в том числе в связи с вероятностью того, что настойчивое зондирование могло заставить некоторых людей сказать то, в чем они в действительности не столь уверены. Поэтому было бы полезно подкрепить результаты, полученные Хохчайлд, данными массовых проверок. Такие проверки (несколькими способами) возможны при использовании материалов пилотажного исследования NES 1987 года. Хотя эти материалы в агрегированном виде не обладают насыщенностью и эмоциональностью результатов глубинных интервью Хохчайлд, они имеют преимущество в том, что основываются на репрезентативной национальной выборке и собраны с применением стандартных, неактивных и относительно неагрессивных техник тестирования.

Вероятно, наиболее прямой проверкой существования амбивалентности был бы простой подсчет числа взаимосвязан-

ных противоречащих замечаний респондентов. Если, к примеру, респондент при ответе на открытые вопросы представляет два довода в пользу повышения уровня затрат на государственные службы и два, где выражается стремление снизить их, то показатель, характеризующий конфликтность его представлений, равен 2. Если он высказывает три (или более) суждения, защищающих одну позицию, и два — другую, то показатель конфликтности представлений также равен 2. Любой показатель конфликтности выше нуля означает, что индивид в некоторой степени испытывает внутренний конфликт по определенному вопросу.

Можно также подсчитать количество раз, когда люди спонтанно выражают амбивалентность или неуверенность в определении своей позиции. Человек здесь колеблется между двумя противоположными доводами. Кодировщики предупредили о возможности такого конфликта и создали для его фиксирования следующий специальный кодификатор: «Отмечать показатели амбивалентности, конфликта (например, “Я вижу преимущества обеих позиций”, “Это сложный вопрос”, “Это зависит...”, “Обе точки зрения обоснованы”»).

Наконец, в переменную «точка зрения» включались специфические значения, названные «код со звездочкой». Этот код предназначался для тех случаев, когда респонденты имели какое-то предпочтение, однако явно уделяли внимание и другой позиции по данному вопросу. Инструкция по использованию кодов, помеченных звездочкой, была следующей: «Код, помеченный звездочкой, используется только в тех случаях; когда у респондента есть хотя бы одна мысль или одно замечание, включающие два противоположных элемента, например: «Хотя я и думаю, что X, тем не менее отдаю предпочтение Y». Коды со звездочкой используются для обозначения комментариев респондентов, рассматривающих проблему с разных сторон»¹.

Вот примеры высказываний, отмечаемых кодом со звездочкой: «Людям следует стараться добиваться всего самим, но и правительство должно при необходимости помогать»; «Проблемы есть в любой программе по решению данного вопроса, но какая-то из них тем не менее дает результат»².

Число замечаний, помеченных кодом со звездочкой, может, таким образом, рассматриваться как показатель степе-

¹ Кодификатор ICPSR.

² Значения 120 и 313 кодификатора ICPSR.

Таблица 4.1

Распределение индексов амбивалентности по политическим вопросам (%)

Количество амбивалентных высказываний	Ретроспективные тесты			Тесты «остановись-и-подумай»		
	Трудовые гарантии	Загрязнение на государственные службы	Поддержка чернокожих	Трудовые гарантии	Загрязнение на государственные службы	Поддержка чернокожих
<i>Конфликтующие суждения</i>						
0	74	58	73	37	31	29
1	23	34	23	27	29	22
2	4	5	4	22	22	25
3 и более	0	3	0	13	19	24
<i>Спонтанные высказывания, в которых присутствует амбивалентность или конфликт в представлениях</i>						
0	77	84	79	63	72	71
1 и более	23	16	21	37	27	29
<i>Неоднозначные замечания (код со звездочкой)</i>						
0	75	92	81	65	85	72
1 и более	25	8	19	35	15	28
<i>Общий индекс амбивалентности</i>						
0	60	51	64	26	24	25
1 и более	40	49	36	74	76	75
N	108	109	118	174	169	166

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

ни конфликтности представлений респондента по определенному вопросу.

Из этих трех переменных можно создать индекс амбивалентности.

Поскольку внутренний конфликт и амбивалентность одинаково важны, случаются ли они по ходу одного интервью или же в разных интервью, поскольку мы стремимся зафиксировать максимально возможное число противоречащих сужде-

ний, приходящих людям в голову, все четыре из этих индексов рассчитывали на обоих этапах обследования.

Как можно видеть, по всем трем вопросам в таблице респонденты продемонстрировали существенный уровень внутренней конфликтности; этот результат подкрепляет тезис, отстаиваемый Хохчайлд, и, таким образом, еще раз подтверждает вывод об амбивалентности D1. Даже в более консервативных данных ретроспективных тестов, которые относились только к одному вопросу на каждом этапе обследования¹, по суммарному показателю видно, что от 36 до 49% респондентов обладают определенной степенью амбивалентности по каждому из вопросов. И это, несомненно, заниженный показатель. Как уже указывалось, ретроспективные тесты просто объясняют, почему респондент ответил на вопрос именно так; они не фиксируют все идеи, приходящие человеку в голову. Однако тесты «остановись-и-подумай» («stop and think») предназначены как раз для того, чтобы выявить более широкий ряд представлений, имеющихся у респондентов. По данным, полученным из таких тестов, примерно 75% респондентов обладают хотя бы в некоторой степени противоречащими представлениями по всем вопросам. Но и это, наверное, тоже заниженный показатель, поскольку дальнейшие тесты и более надежное и тщательное кодирование открытых вопросов несомненно обнаружили бы более высокий уровень конфликтности.

Таким образом, можно заключить: позиция большинства людей по политическим вопросам, с которыми они сталкиваются, в некоторой степени амбивалентна.

Что еще следует из ВПФ-модели?

Рассмотрим отношение между ответами респондентов на закрытые вопросы о политике и идеями, которые приходят им при этом в голову. В соответствии с моделью ожидается, что между указанными двумя аттитюдными переменными будет сильная связь, поскольку в соответствии с аксиомой реакции A4 люди отвечают на вопросы интервью на основании тех идей, которые оказываются актуализированными для них в момент ответа. Значит, если респондент в открытом вопросе дает два комментария в пользу либеральной позиции и один в пользу консервативной позиции, можно ожидать, что в среднем он займет либеральную позицию при ответе на закрытый

¹ Проводились и другие тесты, но, так как они были направляющими, я их не использовал.

вопрос. Аналогично можно ожидать, что человек, высказывающий преимущественно консервативные суждения, выберет консервативный вариант ответа на закрытый вопрос. И это D2 — второе следствие из модели, второй вывод. Он важен: когда между замечаниями в открытых вопросах и ответами на закрытые вопросы нет связи, амбивалентность, воплощенная в замечаниях, оказывается несущественной.

Кажется, следствие D2 столь непосредственное, что его и не стоит тестировать; все же неочевидно, что оно будет подтверждено. Социальные психологи, работающие в области личностной оценки, обнаружили множество случаев, когда мысли, высказанные в ответ на открытый вопрос, совершенно не связаны или изредка даже отрицательно скоррелированы с ответами на закрытые вопросы о том же предмете [95]¹. Объяснение этому дается такое: оценки у людей формируются в оперативном (онлайновом) режиме по мере того, как они сталкиваются с новой релевантной информацией. Затем оценки сохраняются как долговременные установки и при необходимости используются в дальнейшем в качестве основы для выражения этих установок. Однако между информацией, доступной в памяти, и теми установками, которые люди выражают в ответах интервью, нет необходимой зависимости [147].

Сказанное, разумеется, противоречит ВПФ-модели. По причинам, описанным в гл. 2, ВПФ-модель предполагает, что, по крайней мере в области политики, люди не обладают заранее сформировавшимися, долговременными установками по большинству из тех вопросов, которые им могут задать интервьюеры, и поэтому выражают свои установки исходя из тех суждений, которые оказываются непосредственно актуализированными в их сознании. Таким образом, в соответствии с ВПФ-моделью между суждениями и мнением должна существовать тесная зависимость.

Данные пилотажного исследования 1987 года, где респонденты описывали образы, которые приходят им в голову, когда они отвечают на вопросы интервью, использовались, чтобы проверить эти конкурирующие предположения. Был построен дополнительный индекс, суммировавший все показатели направленности замечаний респондентов в открытых вопросах. Просчитывалась корреляция между этим индексом и ответами

¹ Отсутствие корреляции показало бы, что между высказываемой установкой в ответе на закрытый вопрос и направленностью замечаний в открытых вопросах о том же предмете нет никакой связи.

на два закрытых вопроса о политике, как это показано в табл. 4.2. В тестах с условием «остановись-и-подумай», когда люди говорили о значении вопроса, коэффициент корреляции Пирсона между этим индексом и связанным с ним вопросом в среднем по всем трем вопросам на всех этапах исследования составил 0,42. Корреляция между индексом, построенным при учете всех замечаний по обоим этапам исследования, и индексом, основанным на сумме показателей по двум закрытым вопросам о политике, составила в среднем около 0,51¹. С учетом того, что закрытые вопросы в этих тестах, в сущности, дихотомичны (хотя некоторые люди все же предпочитали отвечать, что поддерживают обе позиции или некую среднюю позицию), ту и другую корреляции надо признать достаточно большими.

Когда в ретроспективном тесте респондентов просили сразу после ответа на закрытый вопрос сказать, о чем они думали, отвечая на него, корреляция между их комментариями и ответами на закрытый вопрос составила в среднем 0,75. Когда комментарии и ответы на закрытые вопросы были просуммированы по обоим этапам исследования, средняя корреляция составила 0,80.

Корреляция в ретроспективных тестах выше; все же то, что показывают тесты «остановись-и-подумай», является более сильным подтверждением вывода D2. В этом случае индивиды не могут скрыто оправдывать уже данный ответ. Они только объясняют своими словами, «что им приходит в голову», когда они думают о вопросе. Тем не менее, несмотря на это и в противоположность результатам из области исследований личностной оценки [95], выражаемые гражданами политические установки значительно связаны с актуализированными в их сознании идеями. Значит, хотя я и не заявляю, что подтверждение вывода D2 является совершенно неожиданным или окончательным доказательством ВПФ-модели, данное доказательство не может считаться само собой разумеющимся и поэтому является полезным свидетельством в пользу модели².

¹ Показатель направленности суждений строился так: (количество либеральных замечаний – количество консервативных замечаний)/(количество либеральных замечаний + количество консервативных замечаний + количество амбивалентных замечаний). Респонденты, не представившие хотя бы одного кодируемого направленного замечания, рассматривались как пропущенные данные (missing).

² В работе Макгроу, Лоджа и Стро [157] доказывалось, что корреляции между актуализированными идеями и аттитюдными высказываниями могут иметь

Таблица 4.2

**Связь между направленностью комментариев
в открытых вопросах и направленностью
ответов на закрытые вопросы**

Тесты, вопросы	Корреляция между высказыванием мнения и комментарием в открытом вопросе		
	Первый этап	Второй этап	По обоим этапам
<i>Ретроспективное</i>			
Трудовые гарантии	0,79 (126)	0,70 (123)	0,79 (105)
Затраты на государственные службы	0,80 (137)	0,70 (105)	0,78 (106)
Поддержка чернокожих	0,67 (144)	0,83 (114)	0,83 (112)
<i>«Остановись-и-подумай»</i>			
Трудовые гарантии	0,39 (212)	0,39 (161)	0,5 (173)
Затраты на государственные службы	0,31 (187)	0,36 (153)	0,41 (165)
Поддержка чернокожих	0,57 (220)	0,48 (165)	0,63 (166)

Примечание. В скобках указано число респондентов.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

Неустойчивость ответов

Как я показывал, неустойчивость выражаемых людьми установок является одним из наиболее беспокоящих, даже если на этом не делается акцент, эмпирических открытий в современных исследованиях общественного мнения. Широко распространенная в соответствии с аксиомой реакции амбивалентность может легко объяснить такое положение.

разные причины; среди последних и рационализация ранее сформировавшихся установок. Это утверждение хорошо обосновано. Однако вывод D2 является лишь одним из многих — около 30 — выводов из ВПФ-модели. Конечно, здесь могут быть найдены альтернативные объяснения некоторых отдельных сведений, трактуемых этими тридцатью импликациями, и тем не менее нет очевидного всеобъемлющего альтернативного объяснения всех тех явлений, которые описываются ВПФ-моделью (в гл. 11 более подробно обсуждается оперативная — онлайнная — модель формирования установок, которую предпочитают Макгроу и др.).

Если у людей по большинству вопросов формируются противоположные суждения, если они отвечают на вопросы интервью на основании любого из этих суждений, того, который оказался «на поверхности сознания» в момент ответа, то следует ожидать, что ответы будут сильно колебаться. Этот вывод (D3) имеет частые подтверждения, о чем свидетельствуют табл. 4.3 и многие публикации [44; 3; 53; 63; 116; 117; 66; 261].

Рассматриваемая ВПФ-модель позволяет также сделать важные выводы, касающиеся структуры неустойчивости ответов при условии, что *информационный поток в политической среде остается неизменным, устойчивым*. Это определение чрезвычайно существенно. Если люди находятся в среде с изменяющимся соотношением потоков либеральных и консервативных сообщений, соотношение суждений в их сознании будет изменяться в направлении более близкой по времени информации, что может привести к систематическим изменениям установок. Но если поток сообщений остается неизменным, баланс позитивных и негативных суждений в памяти каждого человека должен на протяжении какого-то времени в среднем быть примерно одинаковым. В соответствии с моделью варьируются только конкретные суждения, приходящие респонденту в голову во время интервью. И тогда следует ожидать достаточно высокого случайного отклонения вокруг стабильной центральной тенденции (D4).

Большинство исследователей признают правильность последнего вывода. Используя в исследованиях модель, предназначенную для отделения случайных изменений высказываний установки от долговременных, аналитики многократно подтверждали, что неустойчивость ответов основывается исключительно на случайных колебаниях при преимущественно стабильной центральной тенденции [44; 3; 53; 63; 116; 117; 66; 261]; правда, другого мнения придерживался Кросник [130]. Средний балл респондента по 7-балльной шкале может равняться 5, а конкретные значения будут при повторяющихся интервью значительно колебаться вокруг этой долговременной средней — скажем, между 3 и 7.

Используя модель, можно сделать и другое предположение: у более осведомленных в политике респондентов случайных колебаний в ответах на вопросы интервью меньше. Ведь более вероятно (в соответствии с аксиомой A1), что информированные граждане обладают сообщениями-подсказками, необходимыми для критического реагирования на поступающую

Таблица 4.3

Воздействие политической осведомленности на восприятие подсказок лидеров мнения (%)

Показатель	Уровень политической осведомленности									
	низкий			средний				высокий		
Число респондентов, утверждающих, что данные лидер, партия признают, что правительство должно гарантировать работу и нормальный уровень жизни										
Рональд Рейган	9	14	14	12	9	7	5	5	4	4
Джордж Буш	10	16	14	11	8	11	6	6	4	0
Майкл Дукакис	25	19	28	31	41	47	49	61	76	89
Джесси Джексон	30	31	36	45	51	54	60	72	82	100
Демократическая партия	20	17	19	30	31	42	48	57	64	81
Республиканская партия	7	7	8	10	10	6	5	7	5	0
Число респондентов, утверждающих, что данные лидер, партия признают, что следует увеличивать затраты США на оборону										
Рональд Рейган	42	48	57	66	65	73	82	84	89	85
Джордж Буш	36	36	49	62	64	72	74	80	77	70
Майкл Дукакис	15	18	17	15	13	10	11	10	4	7
Джесси Джексон	12	15	17	10	11	10	7	5	4	7
Демократическая партия	19	25	25	18	20	20	18	16	15	19
Республиканская партия	37	42	51	62	58	69	74	80	76	81
N	486	147	178	195	197	230	238	219	123	27

Источник. Исследование NES 1988 года.

информацию. Поэтому они с большей вероятностью, нежели менее осведомленные респонденты, будут отвергать информацию, противоречащую их ценностям, и воспринимать только consistente информацию. Отсюда увеличение гомогенности суждений в выборке из более осведомленных респондентов, рост устойчивости ответов.

Имеем, таким образом, еще три вывода: более информированные граждане, насколько можно ожидать, обладают подсказывающей информацией, необходимой для того, чтобы отвергать сообщения, не consistentные с их ценностями (D5); формирующиеся у более информированных граждан суждения

более гомогенно консистентны с их ценностями (D6); эта гомогенность приводит, помимо всего прочего, к большей устойчивости их ответов (D7).

Вывод D5, как показывает табл. 4.3, легко проверить.

В первом из вопросов, отраженных в ней, предлагалось следующее утверждение: «Некоторые люди считают, что правительство в Вашингтоне должно обеспечивать каждому человеку работу и нормальный уровень жизни. Другие же думают, что правительство должно предоставлять гражданам самим добиваться всего». Затем респондентов попросили выразить свою позицию по 7-балльной шкале в пользу того или иного мнения, а на заключительном этапе определить по этой же шкале позицию некоторых известных политиков или политических групп. Как и ожидалось, информированные респонденты чаще, чем неосведомленные, знают, что поддержка трудовых гарантий свойственна позиции демократической партии и ее лидеров, и осведомлены о том, что республиканцы обычно отвергают данную идею. И это в основном определяет их реакцию на вопрос, касающийся трудовых гарантий.

В таблице также показано действие подобной схемы при ответе на вопрос о затратах на оборону.

Чтобы проверить вывод D6, я определял показатель консистентности на уровне суждений. Сначала осуществлялась классификация всех суждений каждого респондента — на консистентные и не консистентные с его идеологической позицией. К примеру, если человек, которого мы определяем как либерала по шкале эгалитаризма (см. Указатель переменных), говорит, что «черным следует помогать, чтобы загладить последствия дискриминации в прошлом», то это его суждение рассматривается как консистентное; если же такое выскажет кто-либо из консерваторов, оно будет неконсистентным, поскольку идет вразрез с сущностью консервативной идеологии. Показатель консистентности определялся так:

$$\Sigma(\text{консистентные замечания})$$

$$\Sigma(\text{консистентные замечания}) + \Sigma(\text{неконсистентные замечания})$$

Этот показатель, изменяющийся от 0 до 1, выражает долю суждений респондента, консистентных с его идеологической приверженностью.

На рис. 4.1 можно видеть соотношение показателя консистентности и политической осведомленности. Как и ожида-

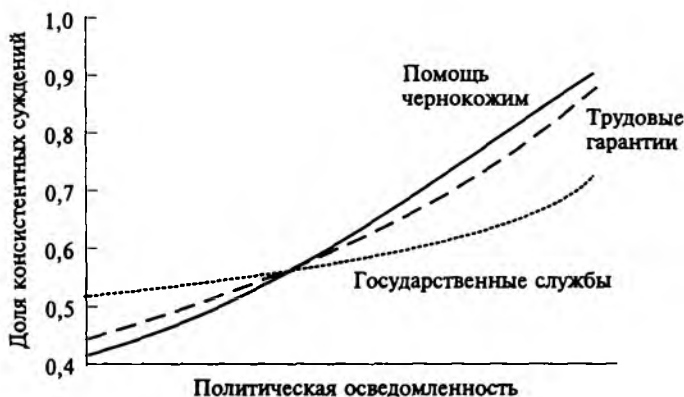

Рис. 4.1. Политическая осведомленность и идеологическая consistency суждений

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

лось, респонденты, обладающие низким уровнем политической осведомленности, не очень идеологически consistentны в своих суждениях; в сущности, они одинаково часто высказывают идеологически и consistentные, и inconsistentные суждения. Респонденты, обладающие высоким уровнем осведомленности, напротив, демонстрируют достаточно высокий уровень consistency, хотя и не столь высокий, чтобы он противоречил выводу об амбивалентности (D1)¹.

Луск и Джудд [151] сообщают и о других свидетельствах, подтверждающих вывод D6.

В существующей литературе явно поддерживается и вывод D7. Хотя некоторым исследователям не удалось найти какую-либо связь между политической осведомленностью и устойчивостью ответов [3; 63], в трех работах было найдено статистически достоверное доказательство тому, что лучше разбирающиеся в политике респонденты менее нестабильны в ответах на закрытые вопросы [53; 66; 262].

Цепь рассуждений, которая привела нас к выводу D7, имеет некоторые дополнительные проверяемые следствия.

Если, как утверждалось, более осведомленные граждане стабильнее отвечают на вопросы (поскольку скорее всего они

¹ Две из трех зависимостей на рис. 4.1 имеют значимость на уровне 0,01, а третья — 0,10.

обладают сообщениями-подсказками, необходимыми для того, чтобы создавать гомогенный набор суждений), то тогда население в целом обладает более стабильными установками в отношении тех проблем, по которым политические элиты разделяются ясно и четко, обеспечивая, таким образом, более ясные подсказки для каждого. Наоборот, стабильность установок должна быть слабее в тех вопросах, где линии противостояния элит размыты или несущественны; в таких случаях публика получает меньше сообщений-подсказок. Это следствие D8. Опираясь на результаты панельных исследований в США и Швеции, Найеми и Вестолм [186] подтвердили, что нестабильность ответов выше в тех вопросах, где подсказки о приверженности лидеров мнения не столь очевидны¹. Таким образом, как следует из модели, степень устойчивости установок граждан лишь отчасти зависит от подсказок, которые выражены в дискурсе элиты.

В выводе D7 политическая осведомленность — только опосредующая переменная относительно внимания к проблеме. Но любой фактор, связанный с большим вниманием к проблеме, должен производить тот же эффект, что и политическая осведомленность. Одним из таких факторов является близость проблемы человеку (в том смысле, что практически каждый из публики может отслеживать сообщения и задумываться об этой проблеме). Когда степень внимания публики к вопросу в целом высока, оказывается, что аттитюдные высказывания респондентов по данному вопросу при прочих равных условиях более постоянны по сравнению с высказываниями по темам более далеким или абстрактным (следствие D9). Неслучайно, что центральная тенденция аттитюдных высказываний о расовых отношениях, абортах и наркотиках более устойчива, нежели по другим темам, — еще одно подкрепляющее доказательство в пользу данного утверждения [44; 48; 66].

¹ Найеми и Вестолм измеряли четкость партийных позиций с помощью связи между партийной принадлежностью и позицией по некоторым вопросам в ряде выборов. Конечно, было бы желательно получить более прямой показатель четкости партийной позиции (party clarity). Но существуют только некоторые дополнительные данные о том, что однозначность подсказок об идеологической принадлежности стабилизирует установки (так, обобщенные показатели устойчивости установок в Швеции выше, поскольку там подсказки о партийных позициях обычно оказываются более ясными, нежели в Соединенных Штатах; более того, различие в степени выраженности национальных особенностей оказывается связанным с различием в роли политических партий в этих двух странах).

Использование модели ведет и к следующему выводу: индивиды, более озабоченные некоторой темой или же относящиеся к тем, кого Конверс окрестил «тематическими публикациями», будут уделять этой проблеме больше внимания, что выразится в меньшей неустойчивости их аттитюдных высказываний (D10). Первоначальные данные Конверса [44] и Шумана с Прессером [212], как представляется, подкрепляют этот вывод. Однако более тщательная его проверка Кросником [130], который различал случайное варьирование ответов и вызванное изменением установок, привела к опровергающим результатам. Рассматривая материалы трех этапов панельного исследования NES 1980 года и другие данные, он заключил: для людей, сильнее озабоченных проблемой, при выражении ими своих установок характерно более случайное варьирование, нежели предполагает ВПФ-модель.

Чтобы объяснить столь неожиданный вывод Кросника, я проверял результаты панельного исследования 1980 года и обнаружил, что люди, оценивавшие проблемы как очень важные, едва ли были осведомлены о них больше, чем те, кто утверждал обратное. К примеру, респондент, оценивавший проблему напряженности отношений с Россией в 100 баллов (максимальный рейтинг) по шкале важности, был осведомлен о том, что Рейган правее Картера по данному вопросу с вероятностью большей только на 13% (по сравнению с респондентом, кто оценивал важность данной проблемы лишь в 25 баллов — нижний уровень оценки важности, который давало сколько-нибудь значимое число респондентов). По одному из вопросов вообще не было связи между оценкой его важности и знанием того, каковы по нему позиции Рейгана и Картера¹.

Причина неожиданного открытия Кросника об устойчивости ответов теперь ясна. Доказывая, что люди, рассматривающие проблему как нечто важное, будут более стабильны в своих ответах, я исходил из допущения, что они будут в данном вопросе иметь более высокий уровень когнитивной вовлеченности. Но если это промежуточное условие не выполняется, в соответствии с ВПФ-моделью не предполагается, что люди

¹ В 1992 году Кросник и др., используя лучшие, нежели в исследовании NES 1980 года, данные, подтвердили вывод о том, что люди, выше оценивающие важность проблемы, лишь в умеренной степени лучше осведомлены в соответствующем вопросе.

будут проявлять большую стабильность в выражении своих установок¹.

Данное заключение об отсутствии влияния оценки важности вопроса на стабильность установок подчеркивает важный момент относительно ВПФ-модели: именно когнитивная вовлеченность в данную проблему, а не заинтересованность или эмоциональное отношение к ней является ключевым фактором в описываемом процессе.

Вплоть до этого момента мое исследование неустойчивости ответов концентрировалось на влиянии осведомленности и интереса на случайное варьирование ответов. Но если менее осведомленные граждане чаще дают более случайно варьирующиеся ответы, то не могут ли в их ответах сильнее выражаться и систематические изменения установок?² Как это ни удивительно, ответ здесь отрицательный или, если быть точнее, отри-

¹ Заключение Кросника [130] — люди, высоко оценивающие важность проблемы, проявляют большее случайное варьирование при ответе на вопрос о ней по сравнению с теми, кто оценивает ее как вообще неважную, — не имеет смысла ни в одной из теоретических перспектив. Представляется, что на самом деле (так предполагает в своей работе Кросник и так подтверждают мои умозаключения) респонденты, оценивающие вопрос как незначительный, располагают себя на нейтральной позиции по 7-балльной шкале и не меняют ее с течением времени. Многие из таких респондентов, использующих среднюю позицию по шкале, показывают в сущности отсутствие мнения. А люди, оценивающие вопрос как важный, редко располагают себя на нейтральной позиции; вместо этого они стараются высказать свое подлинное мнение, что предполагает определенную ошибку измерения. Таким образом, открытие Кросника может оказаться артефактом в том смысле, что оно оказывается эффектом разного понимания разными людьми 7-балльной шкалы.

Я пытался нивелировать этот эффект посредством укрупнения 7-балльной шкалы до трехбалльной (левая, нейтральная, правая), принимая, таким образом, за нестабильность ответов только явные изменения направленности. В этом случае оценка важности была незначительно отрицательно связана со случайной ошибкой распределения ответов. Однако такой подход дестабилизирует центр шкалы, поскольку попавшие в укрупненный центр респонденты оказываются нестабильными в своих ответах чаще, чем те, кто находится ближе к концам шкалы. Это приводит к смещению результата — снижению значимости опровергающего вывода.

Работа Кросника — лишь одно из восьми исследований, посвященных анализу неустойчивости установок во времени и нацеленных на определение того, насколько значительная часть этой неустойчивости проявляется вследствие действительного изменения установок, а не случайного варьирования. Поскольку основной задачей здесь было изучение влияния переменной «важность проблемы», ни Кросник, ни другие исследователи не обратили внимания на этот факт.

² На языке операционализированной модели: не будет ли в ответах менее осведомленных респондентов, помимо большей дисперсии ошибок, еще и более низкий коэффициент стабильности?

цательный при условии стабильности информационной среды в течение длительного времени. Как ясно показывают результаты анализа в этой главе, при условии, что информационный поток остается стабильным, индивиды, идеализированные в соответствии с моделью как информационные процессоры, должны находиться в более или менее равновесном состоянии. А ответы людей на конкретные вопросы могут изменяться вокруг некой точки равновесия; сами же точки равновесия будут постоянными, пока среда остается неизменной (D11).

Уточнение «в течение длительного времени» очень важно. На практике в потоке коммуникаций всегда проявляются кратковременные всплески и незначительные неровности (когда неровность велика, возникают совокупные изменения в массовых установках, что анализируется в последующих главах). Таким образом, если человек становится безработным или смотрит навязчивую новостную программу, для него на несколько дней или даже на несколько месяцев могут актуализироваться какие-то другие суждения. Но через длительный период времени этот человек столкнется с компенсирующими данный эффект сообщениями, которые актуализируют прежние суждения и восстанавливают его представления.

В результате таких краткосрочных колебаний потока сообщений усредненное множество актуализированных суждений в сознании людей обычно будет близко к теоретически предсказанному равновесному состоянию. Возвращение среднего значения к точке равновесия занимает некоторое время, в связи с чем может ввести в заблуждение — возникает впечатление постепенного изменения самих установок (особенно если фиксация изменений проводится достаточно часто и зафиксировать колебания трудно). Следовательно, ожидание того, что склонность действительно менять установки не будет варьироваться в зависимости от уровня осведомленности или вовлеченности в проблему, выполняется только при более грубом измерении.

Мой анализ стабильности установок по результатам панельных исследований 1972–1974–1976 годов, где фиксация изменений установок осуществлялась раз в два года, подтверждает такой вывод: осведомленность не влияет на склонность к систематическим изменениям установок, о чем говорит устойчивость коэффициентов по оценке Вилея-Вилея¹, которые со-

¹ Имеется в виду оценка устойчивости коэффициентов структурного уравнения. — *Прим. пер.*

ставляли около 1,0 и оставались постоянными вне зависимости от уровня политической осведомленности респондентов [257].

Из сказанного можно заключить: имеется достаточное количество данных, консистентных с представлением о том, что неустойчивость ответов возникает вследствие склонности респондентов основывать свои ответы на быстром и неполном обзоре множества внутренне противоречивых суждений. Однако пока мы не обладаем *прямым* и окончательным доказательством нестабильности установок людей по этой причине; у нас нет данных, которые показывали бы, что неустойчивость ответов возникает именно потому, что людям, думающим об определенном вопросе в разное время, приходят в голову разные суждения.

Единственный способ проверки данного предположения заключается в том, чтобы выяснить, связаны ли изменения направленности комментариев в ответах на открытые вопросы с направленностью ответов на закрытые вопросы. Так, если человек высказывает преимущественно либеральные замечания при обсуждении проблемы в первом интервью и преимущественно консервативные во втором, следует ожидать, что ответы на закрытый вопрос также изменятся от либеральных к консервативным. При проверке этого предположения (D12) я использовал следующую модель:

$$\text{установка}_2 = b_0 + b_1\text{установка}_1 + b_2\text{суждение}_1 + b_3\text{суждение}_2,$$

где суждения фиксируются в моменты времени 1 и 2.

Большой коэффициент при b_3 в соединении со средней оценкой для b_2 свидетельствует о важной роли суждений, оказывающихся «на поверхности сознания», в объяснении отклонений ответов на закрытые вопросы в первом интервью.

Данные табл. 4.4 в значительной степени соответствуют этой модели¹.

Другой способ проверки механизма, благодаря которому, по моему мнению, возникает неустойчивость установок, — это выяснение того, будет ли нестабильность ответов на закрытые вопросы выше у тех респондентов, чьи замечания при ответе на открытые вопросы отличаются более высоким уровнем внутренней противоречивости. Чтобы построить показатель консистентности ответов на открытые вопросы на обоих эта-

¹ Если в тесте (см. табл. 4.4) вместо легко интерпретируемого коэффициента β использовать нестандартизированные коэффициенты, результаты в сущности останутся теми же.

Таблица 4.4

Влияние суждений второго интервью на повторяемость ответов

Показатели	Трудовые гарантии	Затраты на государственные службы	Поддержка чернокожих
<i>Ретроспективный тест</i>			
Установка по отношению к политике в момент времени 1	0,51*	0,40*	0,55*
Суждение в момент времени 1	-0,04	0,05	0,04
Суждение в момент времени 2	0,38* (107)	0,36* (108)	0,35* (117)
<i>Тест «остановись-и-подумай»</i>			
Установка по отношению к политике в момент времени 1	0,36*	0,41*	0,48*
Суждение в момент времени 1	0,12	0,03	0,15**
Суждение в момент времени 2	0,16* (177)	0,24* (168)	0,15 (165)

Примечания:

1. В таблице представлены стандартизированные коэффициенты. Зависимой переменной является вопрос о политике правительства во втором обследовании. В скобках указано число респондентов.

2. * $p < 0,05$.

3. ** $p < 0,10$.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

пах исследования для каждого респондента, проводились вычисления по формуле:

$$\frac{|\Sigma(\text{либ. зам.}) - \Sigma(\text{конс. зам.})|}{\Sigma(\text{либ. зам.}) + \Sigma(\text{конс. зам.}) + \Sigma(\text{амбивалентные})}$$

Показатель, равный 1,0, присваивался тем респондентам, направленность комментариев которых была либо полностью либеральной, либо полностью консервативной. Показатель, равный 0, относился к респондентам, высказывавшим одинаковое число либеральных и консервативных замечаний. Люди, показатель consistency которых составлял 1,0, должны были быть *очень* стабильны в своих ответах на закрытые вопросы. Люди, высказывавшие одинаковое число противополо-

ложных суждений, должны были быть стабильны только с вероятностью, предполагаемой чисто случайным распределением, т. е. 50% (D13).

Данные, посредством которых проверяется это предположение, приведены в табл. 4.5. По пяти тестам из шести показатель внутренней консистентности статистически значимо связан с увеличением повторяемости ответов; в одном случае отношение достигает предельно допустимой статистической значимости ($p = 0,07$). Эти результаты, однако, далеки от ожидаемых, и прежде всего по тесту «остановись-и-подумай», где стабильность ответов не варьируется, как ожидалось, между максимальным значением 0,50 и минимальным 1,0. Почему мы наблюдаем такое отклонение от ожидаемых значений и почему оно выше, когда используется формат вопросов «остановись-и-подумай»?

Наиболее вероятным объяснением здесь является обычная ошибка измерения. Как уже сообщалось ранее, результаты работы кодировщиков комментариев в открытых вопросах расходились на 10-15%. Эта ошибка снижает, очевидно, возможность определить, ответы каких респондентов должны (ожидаемо) быть стабильными и каких нет. Доказательство вывода D13 было бы более сильным, если бы мы могли продемонстрировать, что вопросы, где выше уровень ошибки кодирования, в максимальной степени отклоняются от теоретически ожидаемых значений (см. табл. 4.5).

Хотя сами данные об ошибках кодирования не представлены на уровне индивидуальных переменных, существует косвенный способ оценки уровня ошибок. Когда кодировщики не могли определить направленность замечания респондента, даже если она и подразумевалась, они характеризовали ее как неcodируемую. В каждом вопросе было от (самое меньшее) 2 до (самое большее) 16% неcodируемых замечаний. Такой локальный уровень оценки может использоваться как индикатор сложности точного кодирования комментариев, связанных с каждым вопросом.

Отклонение от ожидаемых значений (см. табл. 4.5) выше, очевидно, для тех вопросов, где большее количество неcodируемых замечаний. Рис. 4.2 подтверждает это предположение. Здесь независимая переменная — процент неcodируемых замечаний, а зависимая — угловой коэффициент в регрессионной модели зависимости стабильности ответов от консистентности суждений респондентов. Коэффициент этот использовался для того, чтобы обобщить отношения между стабильнос-

Таблица 4.5

Влияние консистентности суждений на повторяемость ответов

Консистентность суждений	Трудовые гарантии	Затраты на государственные службы	Помощь чернокожим
<i>Ретроспективный тест</i>			
0	0,50 (7)	0,59 (11)	0,57 (7)
0,01–0,50	0,80 (20)	0,70 (25)	0,71 (19)
0,51–0,99	0,77 (15)	0,78 (16)	0,80 (15)
1,00	0,90 (63)	0,87 (54)	0,96 (71)
	p<0,01	p<0,02	p<0,01
<i>Тест «остановись-и-подумай»</i>			
0	0,63 (16)	0,54 (14)	0,57 (14)
0,01–0,50	0,68 (74)	0,77 (63)	0,83 (66)
0,51–0,99	0,73 (37)	0,80 (50)	0,84 (44)
1,00	0,88 (45)	0,73 (37)	0,88 (41)
	p<0,02	p<0,07	p<0,01

Примечания:

1. Показатель внутренней консистентности изменяется от значения полной сбалансированности суждений (0) до совершенной их консистентности (1,00).

2. В скобках указано число респондентов, давших одни и те же ответы на закрытые вопросы на обоих этапах исследования.

3. Значение p подсчитывается на основании невырожденных показателей.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

тью и консистентностью, представленные в табл. 4.5. Упомянутые отношения значительно сильнее в вопросах, в которых ниже процент неcodируемых замечаний ($r^2 = 0,93$, $p<0,05$)¹. Тем самым подтверждается предположение, что ошибка кодирования значительно снижает значение связи по сравнению с ожидаемым.

Рис. 4.2 дает также некоторую дополнительную информацию. По тесту «остановись-и-подумай» (правая нижняя часть

¹ Простое линейное отношение между этими двумя переменными также значимо на уровне 0,05.

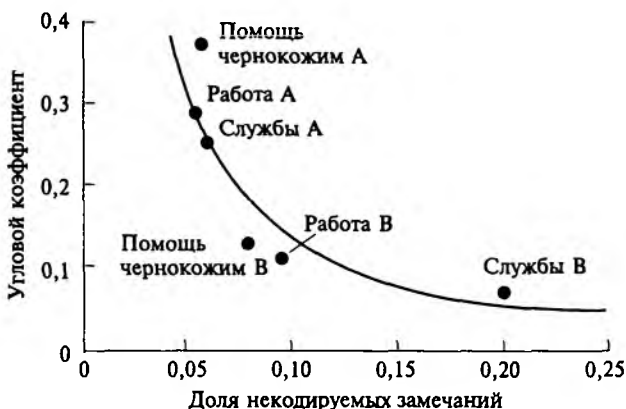

Рис. 4.2. Снижение связи между консистентностью и стабильностью в зависимости от величины ошибки измерения: А — вопросы из ретроспективного теста; В — вопросы из теста «остановись-и-подумай»
 Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

графика) гораздо больше неcodируемых замечаний, нежели по ретроспективному¹. Это, как представляется, наиболее вероятное объяснение того, почему в табл. 4.5 по тесту «остановись-и-подумай» гораздо более слабая зависимость (по сравнению с ретроспективным)².

Наверное, результаты анализа данных в табл. 4.5 столь же значимы, сколь и ожидалось — по крайней мере, в пределах, допустимых для такого рода данных. Они показывают на статистически значимом уровне существенное влияние консистентности суждений в пяти из шести случаев и влияние, близкое к значимому, в шестом случае, и это несмотря на значительное количество ошибок измерения, небольшую выборку, необычно низкий уровень нестабильности вследствие короткого промежутка времени между повторными интервью.

Данные таблицы позволяют сделать еще один вывод. Показатель консистентности ответов на открытые вопросы здесь

¹ Разница в доле неcodируемых замечаний по всем трем вопросам разных тестов достигала уровня значимости 0,01.

² Неудивительно, что уровень ошибки измерения выше в тесте «остановись-и-подумай». Было бы проще априори определить направленность замечаний, если бы они формулировались в обоснование только что высказанного мнения по ретроспективному вопросу, нежели когда они выражаются при обсуждении того, что данная фраза значит для респондента (как в тесте «остановись-и-подумай»).

подсчитывался по обоим этапам опроса, чтобы зафиксировать и внутреннюю консистентность, и консистентность между первым и вторым интервью. Этот показатель, однако, может определяться также для одного интервью и использоваться для предсказания стабильности ответов на закрытые вопросы во втором интервью. Если мы так сделаем, то придем к ясному и недвусмысленному выводу: показатель по одному из этапов практически не обладает предсказательной силой по отношению к устойчивости ответов на других этапах опроса. Сказанное предполагает, что внутренний конфликт, приводящий к неустойчивости ответов, является конфликтом, который не осознается респондентами, поскольку имеет место противоречие между разными интервью, а не на протяжении одного. К примеру, когда некогда сомневавшийся учитель (см. начало этой главы) начинает видеть государственные службы сквозь призму образа «расточительного правительства», он может поставить себя в такое положение, которое не позволит думать о кризисе образования, столь волновавшем его при первом интервью¹. Это предположение хорошо соответствует аксиоме реакции А4, в которой утверждается, что респонденты склонны отвечать на вопросы интервью поспешно и при неполном поиске релевантной информации в памяти.

Благодаря важности феномена, на объяснение которого направлены первые девять выводов (D1–D9), касающиеся существования и природы нестабильности ответов, они (эти выводы) являются наиболее значительными в настоящей книге. Большая часть эмпирических результатов, которые приведены в гл. 4, хорошо известны и заслуживают доверия, новым же здесь является только их объяснение.

Сегодня наиболее признанным объяснением нестабильности ответов является предложенное Эйкеном [3]. Он утверждает (см. также гл. 2), что нестабильность возникает вследствие ошибки измерения. Повседневный язык, используемый при построении вопросов интервью, неизбежно является нечетким, и это приводит к тому, что респондентам сложно соотнести свои установки с приемлемыми вариантами ответов, предложенными в закрытых вопросах.

¹ Туранжо и Расински [240] разграничивают интерпретацию вопроса и поиск релевантной для ответа информации. При таком разграничении мои результаты свидетельствуют о том, что интерпретация является более важной причиной нестабильности ответа.

Следует подчеркнуть, что ВПФ-модель ни в чем строго не противоречит этой точке зрения. Как утверждает модель, респонденты, отвечая на один и тот же вопрос, возможно, часто высказывают разные суждения, потому что большинство вопросов открыто для разнообразных интерпретаций. Точно так же заявляет и Эйкен. Другими словами, и объяснение Эйкена с точки зрения измерительной ошибки, и ВПФ-модель сходятся в том, что ответы отличаются неустойчивостью вследствие того, что обыденный язык редко бывает достаточно точным, чтобы заставить респондентов каждый раз, когда им задают один и тот же вопрос, думать то же самое.

Приведем два примера для акцентирования и одновременно прояснения этого утверждения.

Человек сомневается в том, следует ли правительству «гарантировать работу и уровень жизни каждому гражданину». Легко представить (так подсказывает ВПФ-модель), что подобная его неуверенность зависит от того, думает ли он о данной проблеме в терминах ответственности правительства за поддержку полной занятости (ее одобряет большинство людей) или же в сравнении с образом государства благосостояния в шведском духе (который большинством отвергается). Но было бы корректно объяснить сомнение этого человека и неясностью вопроса, его двусмысленностью.

Другой пример: индивид сомневается, следует ли увеличивать или снижать затраты на оборону. Можно (опять же в духе ВПФ-модели) представить себе, что у этого респондента амбивалентная позиция. Он, с одной стороны, опасается усиления внешних врагов, а с другой — возмущается расточительностью Пентагона. С точки зрения ошибки измерения можно говорить о неясности стимула (что конкретно значат затраты на оборону?).

Как видим, оба теоретических подхода способны — по крайней мере, в техническом плане — объяснить совершенно различные случаи неустойчивости ответов.

Но есть одно фундаментальное различие. По традиции объяснения нестабильности с точки зрения ошибки измерения, ошибка распределения ответов является просто шумом. У нее нет оснований и значения, и она неинтересна, если исходить из сущности общественного мнения. Здесь мы можем объяснить скорее нечеткость естественного языка, а не природу общественного мнения. С точки зрения ВПФ-модели, в противоположность этому, варьирование ответов укоренено в

таком важнейшем сущностном явлении, как общая для ответов респондентов амбивалентность. Далее будет показано, что эта амбивалентность имеет много последствий для таких проблем, как влияние медиа-кампаний, порядок предъявления вопросов, изменение установок. Понимание неустойчивости ответов с точки зрения ВПФ-модели является, таким образом, неотъемлемой частью более всеобъемлющего подхода к изучению общественного мнения.

5. Придумывая по ходу дела

Бишоп и его коллеги из университета в Цинциннати начинали опрос о местном конгрессмене с простого, но изящного эксперимента. Респондентов он должен был действительно приводить в замешательство, поскольку лишь меньше половины из них знали даже имя своего представителя и еще меньшее количество — что-то помимо этого. Один из вопросов звучал так: «Можете ли вы вспомнить, как голосовал ваш конгрессмен хотя бы по какому-либо из законопроектов, рассматривавшихся в палате представителей за последние два года? Если да, то что это за законопроект?» Только 12% людей смогли вспомнить что-либо.

Затем респондентов просили описать их уровень интереса к политике. В целом 45% респондентов сказали, что они следят за политикой «лишь время от времени» или же «вообще едва ли интересуются ею. Это один из самых низких показателей политического интереса, когда-либо регистрировавшихся в крупномасштабном обследовании в США.

В то же время другой группе респондентов задавался вопрос об интересе к политике, но до этого их не мучили сложными вопросами о местном конгрессмене. В этой группе только 22% — вдвое меньше — сказали, что мало интересуются политикой. Урок этого эксперимента прекрасно резюмирован в названии статьи, описывающей его: «Каким должен быть мой интерес к политике, если я только что сказал вам “Не знаю”» [22].

Люди действительно не уверены в том, каково их мнение по большинству политических вопросов, включая даже столь личные вопросы, как уровень их интереса к политике. Они не уверены, потому что лишь в немногих случаях, помимо ситуации стандартного интервью, они призваны формулировать и выражать свое мнение о политике. Когда человек сталкивается с батареей вопросов в исследовании общественного мнения, он придумывает, формирует выражение установки по мере

своих сил по ходу дела. Но поскольку он спешит, на ответы сильно влияет то, что находится на поверхности его сознания. Таким образом, в эксперименте Бишопа наиболее актуальным для многих респондентов, которым только что представилась возможность выяснить, как мало они знают о политике, оказалось понимание того, что они, очевидно, не очень интересуются ею.

Подобный вид зависимости от идей, находящихся непосредственно на поверхности сознания, неизбежно проявляется при опросах общественного мнения и приводит к множеству эмпирических закономерностей, начиная от влияния расы интервьюера до смещений вследствие изменения порядка вопросов и воздействия недавно просмотренных телепередач. Мы можем здесь говорить об эффектах актуализации идей. Большинство отмеченных закономерностей хорошо описаны в исследовательской литературе, но их общая зависимость от механизма актуализации не признана в полной мере.

Эффекты ответа

Позвольте мне начать с рассмотрения эффектов ответа. Этот термин относится к случаям, когда несущественные, на первый взгляд, особенности анкеты влияют на ответы респондентов. Одной из наиболее часто упоминаемых особенностей является влияние порядка вопросов [212; 240]. В гл. 2 рассматривался такой случай: 37% американцев разрешили бы репортеру-коммунисту работать в США, когда вопрос задается отдельно, и почти вдвое больше — 73% — когда прежде задается вопрос о разрешении репортеру из США работать в России.

Наверное, этот и аналогичные случаи — самое простое и прямое свидетельство того, что большинство респондентов придумывают ответы на вопросы интервью по мере того, как вопросы задаются. Я, однако, не утверждаю, что у людей вообще нет представления об общественных проблемах. К примеру, в случае с репортером-коммунистом большинство американцев, очевидно, настороженно относятся ко всему связанному с коммунизмом; многие, несомненно, также заботятся о свободе слова и равной свободе для репортеров из США в России. Но то, которое из суждений определит их ответ на вопрос о репортерах-коммунистах в Соединенных Штатах (а об этом лишь немногие когда-либо думали до интервью), ни в коей мере не могло быть предопределено. Скорее, все зави-

село от того, какое из соображений было актуализировано в процессе опроса.

Эффекты ответа такого рода полностью объясняются аксиомой АЗ, которая подразумевает, что чем ближе по времени данное суждение было актуализировано, тем более доступным оно оказывается для использования при ответе на вопрос интервью. Это происходит так, как если бы идеи, использованные однажды, оставались на поверхности памяти и продолжали быть доступными для использования. Разный порядок вопросов может привести к тому, что в памяти всплывают разные суждения; значит, возрастает вероятность того, что это повлияет на ответы на последующие вопросы (D14). В случае с репортерами-коммунистами предварительный вопрос о праве репортеров из США работать в России актуализировал суждение, которое в других условиях людям не пришло бы в голову.

Появление неожиданного или нового суждения в вопросе-ответном процессе не должно было бы, однако, одинаково влиять на всех респондентов. У некоторых людей могут иметься суждения определенной направленности, не допускающие влияния противоположных соображений. Другие же люди, напротив, могут быть совершенно амбивалентными по данному вопросу, обладающими в целом сбалансированным набором суждений за и против определенной позиции. Последние и склонны в наибольшей степени «изменять» мнение под воздействием порядка вопросов (D15).

Данные Туранжо и др. [241] поддерживают это предположение. Мнение людей, которые сообщают о своей неуверенности в некотором вопросе (и которые одновременно утверждают, что соответствующая проблема является для них важной) оказывается в наибольшей степени подвержено влиянию порядка вопросов, тому, что авторы называют эффектами переноса. На других же людей порядок вопросов вообще не влияет. Эффекты переноса для уязвимых групп респондентов (они разные для разных вопросов) варьируются от 4–8% по вопросу об абортах и социальном обеспечении до 34–36% по вопросу помощи контраст в Никарагуа и затрат на оборону и в среднем дадут смещение в 19%.

До недавнего времени эффекты ответа часто рассматривались как методические артефакты, что указывало на их теоретическую незначимость в вопросе о природе массовых политических установок. Тем не менее некоторым из них давались содержательные объяснения. Рассмотрим три из них.

Расовая принадлежность интервьюера. Сразу после опроса, проведенного «Нью-Йорк таймс» в 1986 году, по результатам которого поддержка президента Рейгана среди черных составила 37%, обнаружилось, что по опросу «Вашингтон пост» эта поддержка достигает лишь 23%. Это различие, слишком большое, чтобы его можно было отнести на ошибку выборки, объяснили следующим образом: в то время как «Нью-Йорк таймс» проводила обычные по процедуре интервью, в обследовании «Вашингтон пост» использовались чернокожие интервьюеры, которые сообщали чернокожим респондентам, что они участвуют в исследовании установок чернокожих американцев. Как убедительно доказывает Сасмен [234], это, вероятно, и заставило респондентов «рассуждать как чернокожие» при оценке деятельности Рейгана (дополнительную информацию по вопросу о влиянии расовой принадлежности интервьюера см. в [9]).

Референтная группа. В классическом социально-психологическом эксперименте Чартерс и Ньюком [37] обнаружили, что католики чаще высказывают установки, соответствующие церковной доктрине (например, о контроле рождаемости), если непосредственно перед опросом для них актуализируется их религиозная принадлежность. Актуализация достигалась за счет кратковременного появления священника в комнате незадолго до того, как проводилось интервью. Влияние такого фактора оценивалось как доказательство важности для установок референтной группы.

«Эффект грунтовки» (priming effect) — влияние телевизионных новостей. Иенгар [104] показывает, что теленовости часто актуализируют некоторые идеи, делая их более доступными для того, чтобы на них можно было опереться при ответе на вопросы об атрибутировании социальной и политической ответственности. Утверждается, что новостные программы на телевидении определяют выражения установок, не изменяя навсегда сами стоящие за ними установки. Например, люди при ответе на вопрос интервью склонны скорее утверждать, что бедные сами, в сущности, виноваты в своей бедности, если они только что просмотрели по телевидению программу, в которой представлены индивидуальные или «эпизодические» истории бедных людей, а не сообщения о бедности как общесоциальном явлении.

Закономерность, определяющая все эти три эффекта, — это склонность людей отвечать на вопросы, основываясь хотя бы отчасти на тех идеях, которые оказываются непосредствен-

но актуализированными для них в данный момент¹. Соответственно, они могут рассматриваться как дополнительные эмпирические закономерности, которым дает объяснение ВПФ-модель, особенно аксиомы А3 и А4 (D16–D18).

Некоторые читатели могут заподозрить, что эффекты актуализации проявляются лишь при измерении установок, где люди могут быть менее твердыми, а не там, где требуется сделать реальный выбор (например, в избирательных кампаниях). Однако это не так. Во время президентских выборов 1984 года произошло поразительное проявление эффекта актуализации. На протяжении летней кампании результаты опросов, пытавшихся оценить вероятность успеха Мондэйла и Рейгана, сильно различались. По данным некоторых опросов, Рейган обогнал Мондэйла на 20%, в то время как в других его шансы представлялись совершенно безнадежными. Подобная разница шансов в разных опросах не может объясняться лишь случайной ошибкой выборки.

Столь устойчивые различия представлялись исследователям не только беспокоящими, но и загадочными. Лучшее объяснение этого явления появилось 15 августа 1984 года в «Нью-Йорк таймс»: «Профессор Липсет обнаружил, что президент Рейган получает более высокий рейтинг в тех опросах, в которых вопрос [о предпочитаемом кандидате] задается в начале [до вопросов о его политике], а не в конце. Он связывает это с двойственным восприятием Рейгана, объясняя, что многие отвергают его после того, как им задают вопросы о его политике».

Исследователи, которых цитировали в этой статье, считали, что расхождения между организациями, проводившими опросы, должны исчезнуть позднее по ходу кампании, когда предпочтения людей кристаллизуются. Однако эти расхождения не исчезли и на протяжении осенней кампании, и оценка Рейгана оказывалась неизменно выше, когда вопрос о предпочтениях задавался до вопросов о проблемах (см. статью Орескеса в «Нью-Йорк таймс» от 20 октября 1984 года).

Нельзя утверждать, что объяснение Липсета правильно, но оно представляется правдоподобным. На всем протяжении президентства Рейгана опросы показывали: граждане гораздо лучше относятся к Рейгану как человеку, нежели к его политической программе. Отсюда большая вероятность того, что

¹ Исследования памяти показывают, что временные эффекты активизации одной идеи могут продолжаться от нескольких секунд до нескольких недель [97].

они оценивали бы президента выше до того, как им напомним о его программе. Гипотеза Липсета отражает и саму кампанию: стратегией Рейгана были стремление избежать вызывающих разногласия вопросов и использование вместо этого своего личного обаяния; Мондэйл же, осознавая, что шарм — не его преимущество, пытался вести более проблемно-ориентированную кампанию. Таким образом, даже если и не предполагалось сыграть на этом, те опросы, в которых раньше задавался вопрос о предпочтении кандидатов, играли на сильных сторонах Рейгана, а в тех, где вопрос о предпочтении кандидатов задавался после, обыгрывались преимущества Мондэйла.

Этот пример по сути ведет к центральному теоретическому вопросу: порядок вопросов не следует определять как методический артефакт; напротив, за ним скрывается фундаментальное свойство массовых политических предпочтений — тенденция (возможно, даже неосознаваемая) к амбивалентности и разрешению этой амбивалентности при принятии решений на основе идей, оказывающихся наиболее актуализированными в данный момент.

Эффект грунтовки как разновидность эффекта актуализации

Эффекты актуализации в действительности значительно более сложны и интересны, нежели я до сих пор показывал. Они могут вести не только к минимальным сдвигам в распределениях ответов (когда, к примеру, в пользу Рейгана высказывается больше людей, если вопрос о голосовании стоит в начале анкеты), но и к изменениям в том, какие люди дают именно такой ответ, что затем проявляется в изменениях в понятиях, *соотносимых* с выражаемыми установками. Например, экспериментальные данные показывают, что оценка президента будет более связана с установками респондентов в отношении затрат на вооружение, если они только что просмотрели серию новостных программ, посвященных этой проблеме [107; 106; 105].

Подобного рода эффект грунтовки наблюдался также и в естественных условиях. Кросник и Киндер [133] доказали, что установки американцев в отношении политики США в Центральной Америке были актуализированы скандалом в связи с Ираном, так что они оказались тесно связанными с оценкой деятельности президента Рейгана. Другими словами, установ-

ки в отношении американского вторжения в Центральную Америку сильно предопределяли оценку деятельности президента Рейгана, когда вопрос об оценке задавался после вопроса о контрреволюции в Иране, даже если в прошлом он не соотносился с рейтингом президента.

ВПФ-модель прекрасно подходит для объяснения подобных эффектов грунтовки.

Проанализируем конкретный пример — случай влияния дебатов об ирангейте на оценку деятельности президента Рейгана.

Чтобы упростить ситуацию, предположим, что до иранского скандала большинство сообщений в СМИ о Рейгане концентрировалось на его деятельности в социальной сфере и что в целом представления людей о социальном обеспечении определяли их реакцию на эти сообщения. Можно сказать, что в такой ситуации предрасположенности людей в области социального обеспечения действовали как гейткиперы¹, регулировавшие (в соответствии с аксиомой A2), какое соображение будет задействовано во множестве суждений, на основании которых строится оценка деятельности Рейгана. В результате люди с консервативными предрасположенностями в области социального обеспечения будут принимать те аргументы, которые заставят их положительно оценивать Рейгана, в то время как люди с либеральными предрасположенностями в отношении данного вопроса будут воспринимать аргументы, ведущие их к его негативной оценке.

Теперь предположим, что иранский скандал создал ситуацию, в которой суждения о деятельности Рейгана в области социального обеспечения практически полностью отсутствуют. Вместо этого СМИ подвергают граждан атаке сообщений о том, что Рейган является ярким антикоммунистом, заигрывающим с противозаконностью, чтобы обеспечить контрреволюционную партизанскую войну в Центральной Америке. В такой ситуации предрасположенности людей в отношении социального обеспечения уже более не действуют как гейткиперы, определяющие принятие про- и антирейгановских аргументов. Роль гейткиперов играют уже предрасположенности людей по отношению к антикоммунизму. Как следствие, жесткие антикоммунисты начнут принимать прорейгановские суждения, а не столь антикоммунистически настроенные люди

¹ Гейткипер (gatekeeper) — привратник, сторож, человек, принимающий решения о допуске или отклонении чего-либо (например, редактор журнала). Термин социальной психологии, введенный Куртом Левином. — *Прим. пер*

будут воспринимать скорее антирейгановские суждения (например, использование незаконных средств для помощи контраст). В итоге антикоммунистические предрасположенности граждан окажутся более вовлеченными в определение оценки деятельности Рейгана на посту президента.

Сказанное, как уже отмечалось, полностью соответствует тому эффекту, который Кросник и Киндер [133] наблюдали на протяжении иранского скандала. Можно, таким образом, утверждать, что суждения, на основании которых граждане оценивают деятельность президента, и выражения других установок подвергаются значительному влиянию того, каким образом тема представлена в дискурсе элиты.

Однако не только дискурс элиты, в виде ли специфических теленовостных историй или же эпизодов длительностью около месяца (вроде иранского скандала), может задать суждения, на основании которых граждане будут выражать установки. Важно и то, каким образом был сформулирован вопрос.

Представим, что по некоторому вопросу граждане имеют суждения двух типов; применительно к ним предрасположенности в области социального обеспечения или антикоммунизма играют роль гейткиперов, т. е. определяют, принимаются ли они или отвергаются. Если при этом при формулировке вопроса в интервью актуализируются суждения, относящиеся к социальному обеспечению, респонденты будут принимать решение на основе суждений, предопределенных их предрасположенностями в области социального обеспечения. И тогда ответы на данный вопрос будут тесно связаны с предрасположенностями в области социального обеспечения. Но если вопрос будет сформулирован в терминах антикоммунистической идеологии, значимыми окажутся антикоммунистические предрасположенности и тогда ответы на вопрос окажутся связанными именно с антикоммунистическими предрасположенностями.

В нескольких недавних исследованиях рассматривались также случаи, когда разные варианты формулировки вопроса приводили к разным типам ответов.

Киндер и Сандерс [124] исследовали влияние двух типов вопросов об аффирмативном¹ действии, предложенных в пилотажном исследовании NES 1987 года.

¹ Аффирмативные действия — позитивные действия в данной области, направленные на изменение ситуации, например оказание помощи чернокожим. — *Прим. пер.*

1. Аффирмативное действие — подчеркивание несправедливого преимущества.

«Некоторые люди говорят, что вследствие дискриминации чернокожих в прошлом следует при приеме на работу и продвижении отдавать предпочтение именно им. *Другие же утверждают, что отдавать предпочтение чернокожим при приеме на работу было бы незаконным, потому что они сами этого не заслужили.* Каково ваше мнение по данному вопросу?»

2. Аффирмативное действие — фрейм дискриминации наоборот.

«Некоторые люди говорят, что вследствие дискриминации чернокожих в прошлом следует при приеме на работу и продвижении отдавать предпочтение именно им. *Другие утверждают, что отдавать предпочтение чернокожим при приеме на работу было бы дискриминацией белых.* Каково Ваше мнение по данному вопросу?»

Когда в первом случае в вопросе говорится о несправедливости преимущества для чернокожих, актуализируется понимание белыми «символического расизма» как противоположности аффирмативному действию. Во втором случае вопрос отсылает к дискриминации белых; здесь оказываются значимыми установки белых в отношении конкуренции между чернокожими и белыми (на рынке труда). Хотя общий уровень отторжения белыми аффирмативного действия не изменяется в зависимости от того, как сформулирован вопрос, отдельные белые респонденты — «символические расисты», и те, кто рассматривает чернокожих как конкурентов на рынке труда, давали разные ответы в зависимости от типа вопроса.

Еще один пример дает эксперимент с порядком вопросов, проведенный в пилотажном исследовании 1989 года. Случайно выбранная группа респондентов отвечала на один из трех вопросов о добыче нефти на Аляске.

1. Добыча нефти — нейтральный фрейм.

«Вы поддерживаете или нет разработку новых нефтяных месторождений в федеральных землях Аляски?»

2. Добыча нефти — фрейм зависимости от иностранных поставщиков.

«Сегодня часто обсуждают план расширения разработки нефтяных месторождений в федеральных землях Аляски. Некоторые люди против увеличения добычи нефти. Они говорят, что следует сохранить дикую природу Аляски нетронутой для будущих поколений. *Другие утверждают, что разработка не-*

обходима, так как США нуждаются в новых источниках энергии, чтобы избежать зависимости от иностранных поставщиков. Каково ваше мнение по данному вопросу? Вы поддерживаете или нет разработку новых нефтяных месторождений на Аляске?»

3. Добыча нефти – фрейм экономических затрат.

«Сегодня часто обсуждают план расширения разработки нефтяных месторождений в федеральных землях Аляски. Некоторые люди против увеличения добычи нефти. Они утверждают, что разработка этих месторождений не понадобится, если более эффективно использовать существующие энергоресурсы. Другие поддерживают расширение добычи. Они говорят, что без новых источников нефти трудящиеся пострадают от высоких цен на бензин и еще большего сокращения производства и числа рабочих мест на американских заводах. Вы поддерживаете или нет разработку новых нефтяных месторождений в федеральных землях Аляски?»

При ответе на первый и второй вопросы респонденты не выказывали озабоченности возможной связью между добычей нефти на Аляске и тем, что означает для экономики отказ от разработки этих месторождений. В частности, не наблюдалось корреляции между общим показателем сенситивности по отношению к экономическим последствиям и установками по отношению к добыче нефти. Однако при ответе на третий вопрос, в котором эксплицитно подчеркиваются возможные экономические последствия, идентификация респондентов с рабочим или средним классом оказывается тесно связана с установками по отношению к добыче нефти¹. Общий уровень поддержки добычи нефти на Аляске при использовании третьего вопроса также повышается, в основном за счет респондентов, принадлежащих к рабочему классу. Таким образом, было бы неверно на основании первых двух вопросов считать, что американцев совершенно не интересуют возможные экономические последствия отказа от добычи нефти на Аляске; просто лишь немногие люди осознают эти последствия, если сама формулировка вопроса не подталкивает их к этому.

Эффект актуализации проявился в рассмотренных случаях потому, что разные варианты формулировки вопроса делали значимыми разные идеи; благодаря этому в качестве коррелятов выражаемых людьми установок привлекались разные гейт-

¹ Вдобавок, установки респондентов в отношении защиты природы при ответах на второй и третий вопросы оказываются более значимыми, нежели при ответе на первый.

киперы. Формулировка вопроса может вызвать эффект актуализации и другим образом: обеспечение контекстуальной информации делает вопрос более понятным, особенно для неосведомленных респондентов, у которых этой информации скорее всего будет не хватать.

Два вопроса, касающиеся затрат США на помощь контрреволюционным партизанским войнам в Никарагуа, дают пример именно такого эффекта. Они задавались случайно выбранной группе респондентов в пилотажном исследовании NES 1989 года.

1. Помощь контрас — нейтральный фрейм вопроса.

«Хотели бы вы, чтобы помощь контрас была увеличена, уменьшена или оставалась на прежнем уровне?»

2. Помощь контрас — фрейм вопроса с контекстуальной информацией.

«Еще один вопрос о внешней политике. Как вы знаете, Соединенные Штаты оказывают помощь контрас, партизанским группам, которые борются с коммунистическим правительством Никарагуа. Некоторые люди говорят, что нам следует прекратить помощь, так как Соединенным Штатам нет дела до внутренних дел Никарагуа. Другие думают, что США следует продолжать оказывать помощь, потому что контрас являются борцами за свободу и стремятся остановить распространение коммунизма в Центральной Америке. Хотели бы вы, чтобы помощь контрас в Никарагуа была увеличена, уменьшена или оставлена на прежнем уровне?»

В гл. 2 уже отмечалось, что лишь немногие из политически неосведомленных респондентов знали, кто такие контрас и за что они воюют. Понятно, когда неосведомленным респондентам предлагался простой, нейтральный фрейм вопроса о контрас, они были склонны рассматривать этот вопрос как вопрос о государственных затратах. И тогда плохо информированные граждане, поддерживающие затраты на большинство внутренних программ, были более позитивно настроены и по отношению к затратам на помощь контрас; в то же время люди, выступающие против увеличения внутренних государственных затрат, не соглашались с увеличением помощи контрас. Более того, установки относительно помощи контрас оказались совершенно не связанными с антикоммунистическими предрасположенностями, которые измерялись в данном обследовании.

Отвечая, однако, на вопрос, в котором содержалась контекстуальная информация, плохо информированные граждане

могли понять, что вопрос о контрасте связан с антикоммунизмом. В этом случае их установки по отношению к внутренним затратам не оказывали влияния на выражаемые ими установки. Здесь уже приверженность антикоммунистическим ценностям определяла установки респондентов относительно затрат на помощь контрасту.

Показательно, что формулировка вопроса не оказывала влияния на политически осведомленных граждан, которые знали, за что борются контрасты.

Технические особенности рассмотренных выше тестов приведены в табл. 5.1.

Попытаемся кратко резюмировать изложенное выше. Ключевая идея заключается в том, что суждения, которые всплывают при ответе на вопрос интервью, зависят от того, что было недавно актуализировано в памяти респондента или же оказалось «на поверхности». Актуализация может быть вызвана: 1) дискурсом элиты, поддерживаемым в течение нескольких месяцев (как в случае с влиянием иранского скандала на оценку деятельности Рейгана); 2) отдельным рассказом в новостях, с которым накануне познакомился респондент (как в эксперименте Иенгара, Киндера и др., где новостная телепередача повлияла на оценку президента); 3) способом формулировки вопроса в интервью, как только что было показано. Во всех трех случаях, и особенно в последнем¹, эффект актуализации может быть объяснен при допущении, что индивиды обычно обладают не «одной установкой» по некоторому вопросу, а множеством мнений (см. импликацию амбивалентности); то, какое из этих возможных мнений будет выражено, зависит от информации, которая была незадолго до того актуализирована (D19).

Милберн [172] приводит данные о другом проявлении эффекта актуализации — имеется в виду порядок вопросов в интервью. Он обнаружил, что, когда респондентам задается вопрос: «Опишите все, что приходит вам в голову, когда вы думаете о либералах (консерваторах)», они выражают идеологически более консистентные установки, нежели респонденты в контрольной группе. Милберн наблюдал этот эффект, однако, только у тех респондентов, которые имели либеральные или консервативные симпатии. Прайс [200] недавно воспро-

¹ Первые два эффекта могут также привести к формированию новых суждений, что отсылает нас к проблеме изменения установок, которая рассматривается в последующих главах.

Таблица 5.1

Влияние формулировки вопроса о поддержке контраст

Переменные	Уровень политической осведомленности		
	низкий	средний	высокий
Отрезок ¹	0,93	0,93	0,04
Антикоммунистические установки	0,03 (0,34)	0,36 (3,70)	0,51 (5,24)
Установки по внутренним затратам	-0,37 (2,01)	-0,50 (2,32)	0,54 (3,16)
Формулировка (фрейм коммунизма — 1, все остальное — 0)	-0,51 (2,25)	-0,29 (1,34)	0,26 (1,46)
Формулировка × антикоммунистические установки	0,34 (1,91)	0,01 (0,04)	-0,10 (0,69)
Формулировка × установки по внутренним затратам	0,50 (1,63)	0,31 (0,98)	-0,10 (1,01)
Откорректированный R ²	0,07	0,15	0,38
N	97	114	119

Примечания:

1. Статистика T приводится в скобках.

2. Максимальные значения переменных предполагают либеральные установки (см. Указатель переменных).

Источник. Пилотажное исследование NES 1989 года.

извел такие результаты в эксперименте со студентами колледжа и по неэкспериментальным данным национальной выборки. В обоих случаях Прайс обнаружил, что простой вопрос на определение своей позиции по шкале либерализма-консерватизма увеличивает идеологическую консистентность ответов на дальнейшие вопросы о политике, но, опять же, это относится только к тем респондентам, которые обладают определенной идеологической приверженностью (т. е. не являются «центристами» или теми, кто не смог оценить свою позицию по указанной шкале).

Подобный тип эффекта актуализации также объясним с точки зрения ВПФ-модели. Актуализировав свою идеологическую ориентацию перед тем, как отвечать на вопросы о политике, респонденты, обладавшие таковой, чаще опирались на нее как на аргумент при формулировке ответов на последующие вопросы; это сделало их ответы более жестко связанными

¹ Отрезок — коэффициент регрессионного уравнения, длина отрезка, который регрессионная прямая отрезает на оси ординат. — *Прим. пер.*

с их идеологической позицией, более консистентными по отношению друг к другу (D20).

Влияние обдумывания на устойчивость выражаемых установок

В соответствии с ВПФ-моделью политическая осведомленность (или интеллектуальная вовлеченность в политику) должна повышать качество выражений установки. Под ее влиянием выражения установки делаются более стабильными, с большей вероятностью отражающими стоящие за ними predispositions (см. далее гл. 6). Но это влияние предполагает, что политическая осведомленность является привычной или долговременной характеристикой. Ниже в данном разделе книги мы увидим, что определенные виды искусственного повышения интеллектуальной вовлеченности могут привести к обратному результату.

Если человек совершенно не критически относится к воспринимаемым им политическим сообщениям, в его сознании содержится смесь конфликтующих между собой суждений, предлагаемых в СМИ. Эти суждения часто противоречат одно другому, и, как следствие, выражаемые установки склоняются к некоей средней позиции. Подобная ситуация может быть характерна для менее осведомленных граждан, которые часто не в состоянии распознавать сообщения-подсказки, не обладают контекстуальной информацией, необходимой для критического восприятия политических сообщений. Мы предполагаем, что такие граждане будут скорее центристами в выражении политических установок.

При повышении политической осведомленности, однако, увеличивается и критическая способность; повышается, таким образом, внутренняя консистентность суждений, воспринимаемых человеком. Поэтому следует ожидать, что более политически осведомленные граждане будут не центристами, а более крайними при выражении политических установок (D21). Данное предположение полностью подтверждается другими исследованиями [219; 151].

Этот так называемый эффект экстремальности может вполне приемлемо концептуализироваться как эффект надежности. Нет основания предполагать, что менее осведомленные граждане в среднем имеют более или менее крайние взгляды в плане стоящих за ними predispositions. Различие

только в том, что вследствие меньшей критической способности менее осведомленные граждане неспособны достаточно уверенно выражать свои предрасположенности в нецентристских политических установках.

И отсюда еще один вывод. Если политическая осведомленность является причиной более крайних выражений установки, то следует ожидать, что политически более осведомленные респонденты могут быстрее вербализовать крайние установки, т. е. меньше колебаться перед ответом, нежели граждане с менее крайними установками. Этот вывод можно аргументировать следующим образом. В аксиоме А3 утверждается, что недавно актуализированные суждения быстрее всплывают в памяти. Политическая осведомленность, определяемая как интеллектуальная вовлеченность в политику, должна подразумевать недавнюю актуализацию политических идей и, значит, возможность более быстрой вербализации установок. Поскольку эти установки, как мы видели, скорее всего окажутся крайними, их вербализация занимает немного времени (D22).

Психологи, которые могут фиксировать разницу реакции в долях секунды, подтверждают, что более крайние установки выражаются быстрее [114]¹.

Перейдем теперь от более обычной, долговременной когнитивной политической вовлеченности к кратковременной. Предположим, что у респондентов можно повысить обычный уровень информированности по данному вопросу лишь на момент ответа на него. Что произойдет тогда?

Более тщательное обдумывание в момент ответа на вопрос не в состоянии повлиять на беспорядочное множество суждений в голове респондента, поскольку сами суждения, в соответствии с моделью, формируются при интериоризации сообщений масс-медиа и дискурса элиты. Кратковременное повышение вовлеченности может, однако, увеличить количество времени, которое респондент затрачивает на поиск в памяти,

¹ В статье Джудда и др. проблема связи экстремальности установок и времени реакции рассматривается только между прочим. Один из важнейших выводов их исследования заключается в том, что, когда люди отвечают на вопросы о двух взаимосвязанных проблемах (например, о правах женщин и абортах), ответ на второй вопрос они формулируют быстрее независимо от того, какой из этих двух вопросов оказывается вторым. Это также объяснимо с точки зрения ВПФ-модели: первый вопрос поднимает суждения, которые, поскольку респондент к ним только что обратился, оказываются на поверхности сознания при ответе и на второй вопрос. В результате появляется возможность ускорить второй ответ.

и, следовательно, количество суждений, с учетом которых респондент будет выражать свои установки.

Одной из целей предложения тестов «остановись-и-подумай» в пилотажном исследовании NES 1987 года было формирование усиленной когнитивной вовлеченности именно такого рода. Требуя, чтобы респондент перед тем, как отвечать на вопрос, выразил, что этот вопрос означает для него, интервьюер способствовал тому, чтобы респондент актуализировал в памяти большее, нежели обычно, количество суждений. Можно предположить, что ответы, сформулированные на основе усредненного образа, составленного из множества суждений, были бы более адекватным, более надежным показателем стоящих за ними предрасположенностей (по сравнению с ответами, основанными на одном или двух суждениях).

Существует два стандартных показателя достоверности ответа: стабильность ответа при повторном опросе и мера связи между ответом и соотносящимися с ним установками, что можно было бы назвать предсказательной надежностью. Оба показателя должны быть выше в случае теста «остановись-и-подумай», чем при ответе на обычный вопрос (D23, D24).

Рассмотрим сначала предсказательную надежность.

Чтобы проверить предположение о большей предсказательной надежности, на основании ряда вопросов о социальном обеспечении строился общий показатель склонности принимать правую/левую идеологию. Предполагалось, что общий показатель по такой шкале в тесте «остановись-и-подумай» окажется более тесно связан с тестируемым вопросом (трудо-вые гарантии, затраты на государственные службы и помощь чернокожим), нежели в ретроспективном тесте. Наличие такой связи проверялось посредством следующей эргантической (интерактивной) логит-модели, в которой переменная «Форма» обозначает тип вопроса:

$$\text{Ответ} = b_0 + b_1 \text{Форма} + b_2 \text{Идеология} + b_3 \text{Форма} \times \text{Идеология}.$$

При оценке модели для 40% респондентов с наиболее высоким уровнем политической осведомленности было выявлено, что критический коэффициент b_3 изменялся в ожидаемом направлении во всех трех вопросах, однако приближался к статистической значимости только в одном случае. Чтобы увеличить статистическую значимость проверки взаимодействия на малой выборке, модель была заново оценена при условии,

Таблица 5.2

**Влияние теста «остановись-и-подумай»
на идеологическую консистентность**

Переменные	Уровень политической осведомленности	
	низкий	высокий
<i>Отрезок</i>	0,01	-0,20
<i>Идеология</i>	0,89 (4,23)	0,62 (4,43)
<i>Форма</i>	-0,36 (1,71)	0 (0)
<i>Идеология × Форма</i>	-0,24 (0,89)	0,62 (2,38)
<i>N</i>	434	437

Примечание. Значения статистики Т приводятся в скобках; основаны на результатах опроса респондентов на первом этапе пилотажного исследования, за исключением тех случаев, когда на вопрос давался ответ «не знаю». О переменных см. в Указателе переменных.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

что коэффициент оставался одинаковым для всех трех вопросов. Результаты этой проверки (они приведены в табл. 5.2, правая графа) подтверждают наше предположение: значимость идеологии в тесте «остановись-и-подумай» в два раза выше и это различие достигает статистической значимости.

Модель взаимодействия оценивалась и для 40% респондентов с низким уровнем политической осведомленности. Для них тест «остановись-и-подумай» не только не привел к увеличению предсказательной надежности, но даже несколько уменьшил ее.

Таким образом, результаты измерения связи в отношении малоосведомленных респондентов оказались противоречащими ожиданиям. К сожалению, в данном случае это видимое противоречие смешивается с методическим артефактом. Поскольку респонденты в ретроспективном тесте (а не в тесте «остановись-и-подумай») выбирали вариант ответа «не интересуюсь», здесь было получено больше «неответов»; это различие сильнее проявилось в ответах именно малоосведомленных респондентов. Количество «неответов» в среднем достигало 38% в ретроспективном тесте и только 4% в тесте «остановись-

Таблица 5.3

Эффекты связи в тестах ретроспективном и «остановись-и-подумай»

Вопросы	Корреляция тест-ретестовых показателей при уровне политической осведомленности					
	низком		среднем		высоком	
	Ретроспективный тест	Тест «остановись-и-подумай»	Ретроспективный тест	Тест «остановись-и-подумай»	Ретроспективный тест	Тест «остановись-и-подумай»
Гарантии работы	0,68 (40)	0,45 (62)	0,64 (29)	0,41 (60)	0,70 (39)	0,55 (51)
Затраты на государственные службы	0,56 (41)	0,43 (58)	0,48 (31)	0,38 (51)	0,61 (37)	0,58 (48)
Помощь чернокожим	0,79 (53)	0,53 (57)	0,81 (33)	0,51 (58)	0,70 (32)	0,86 (45)

Примечание. В скобках указано число респондентов.

Источник. Пилотажное исследование NES 1989 года.

и-подумай»¹. Из этого следует, что в тесте «остановись-и-подумай» мы имеем, особенно для менее информированных респондентов, менее случайную выборку; кроме того, можно предположить, что респонденты окажутся менее достоверными в выражении идеологической приверженности в ретроспективном тесте. Сказанное позволяет сделать вывод: такое явное снижение надежности предсказания идеологической приверженности в тесте «остановись-и-подумай» не может считаться определяющим.

Следует, однако, отметить, что наличие артефакта не подрывает значимости первой части теста: увеличение надежности измерения установок среди более осведомленных граждан проявляется, несмотря на наличие этого артефакта, т.е. достаточно вероятно, что оно действительно существует.

¹ В противоположность этому в группе высокоосведомленных респондентов разница в количестве «неответов» в среднем составила 13% (16 и 3% соответственно).

Второй стандартный показатель достоверности ответа выявляет стабильность установок во времени. Ожидалось, что тест «остановись-и-подумай» приведет к тому, что установки будут более стабильными только потому, что обзор большего количества суждений должен с большей достоверностью дать репрезентативную выборку содержания памяти респондента. Но тест «остановись-и-подумай» не дал ожидаемых результатов. Стабильность выражаемых установок среди хорошо осведомленных респондентов осталась на прежнем уровне, а среди респондентов со средним и низким уровнем осведомленности она снизилась (табл. 5.3).

Таким образом, импликация D24 оказывается неподтвержденной. Однако, как и в предыдущем случае, это неподтверждение подпорчено сдвигом выборки. В менее случайной группе респондентов, прошедших тест «остановись-и-подумай», ответы могут оказаться более стабильными, поскольку эта группа менее случайна¹.

Тем не менее я предлагаю признать опровержение импликации D24 и частичное опровержение импликации D23. В пользу этого предложения говорит видимая значимость обоих опровержений в табл. 5.3. Но, что даже более важно, результаты проверки не только интерпретируемы в свете недавних психологических исследований; их можно было предсказать исходя из этих исследований. Очевидно, последние необходимо детально рассмотреть.

В убедительной серии экспериментов Вилсон и его коллеги показали, что если заставлять людей «анализировать причины» их оценки чего-либо, то выражаемые ими установки зачастую оказываются непредсказуемыми². Типичный экспе-

¹ Следует заметить, что разница в количестве «неответов» в двух вопросах, как описывалось ранее, основывалась на следующем: чтобы проверить стабильность мнения, респонденты должны были дважды ответить на вопросы о политике.

² Вилсон и его коллеги также обнаружили, что если просить людей анализировать основания выражаемых ими установок, то стабильность этих установок снижается [249]. Однако полученные ими результаты несравнимы с теми, которые приводятся здесь, поскольку процедура проверки стабильности Вилсоном и др. требовала, чтобы люди анализировали причины своего выбора в момент времени T₂, а не в момент измерения их первоначальной установки T₁. В исследовании Вилсона и др. в действительности изучается сравнительная равнозначность двух несколько отличающихся методов измерения. По моему мнению, гораздо более существенны, как и показано в тексте, выводы Вилсона и его коллег о предсказательной надежности.

римент Вилсона состоял в следующем. Студентам колледжа давали на выбор несколько бесплатных плакатов — таких, какие часто вешают в спальнях и студенческих комнатах. Половину случайно отобранных студентов попросили, чтобы они, перед тем как выбрать плакат для дома, обосновали свои предпочтения; другой половине этого делать не требовалось. В повторных интервью через несколько недель обнаружилось, что студенты, которые перед тем, как делать выбор, анализировали свои предпочтения, выражали меньшую удовлетворенность своими плакатами, нежели те, кто просто выбрал тот плакат, который понравился [249].

Подобные же выводы о «подрывающих» эффектах обдумывания были сделаны при исследовании выражений установок в отношении кандидатов в президенты, земляничного джема и даже партнеров, с которыми люди встречаются (dating partners). Объясняя полученные результаты, Вилсон, Данн, Крафт и Лисли отмечают: «...когда люди пытаются объяснить свои установки, они не всегда точно знают, почему у них именно такие предпочтения. Поэтому причины, которые они придумывают, кажутся правдоподобными, но могут неверно объяснять их ощущения... Не зная, что придуманные причины не являются действительными или единственными, люди считают, что они представляют их чувства, и принимают те установки, которые они подразумевают» [249, р. 296–297].

В случае с плакатами, например, студенты столкнулись с выбором между репродукциями картин импрессионистов и смешными картинками (например, с котом на натянутом канате и надписью «Скорей бы перерыв»). Студенты достаточно легко формулировали причины, почему им не нравятся репродукции импрессионистов («неясные образы») и легко находили причины, почему им нравятся смешные картинки («это забавно»). Таким образом, исходя из логики их собственных рассуждений, они часто выбирали смешной плакат. И впоследствии уставали от него. А студенты контрольной группы, приходя к решению совершенно обычным способом, чаще выбирали импрессионистскую репродукцию и были более удовлетворены ею.

Важно отметить, что все эти выводы достаточно явно ведут к подтверждению основного суждения ВПФ-модели, в соответствии с которым выражаемые людьми установки (и даже их поведение) отражают идеи, находящиеся на поверхности сознания в момент принятия решения, а не некие гораздо более

глубокие «истинные установки». На самом деле, дополнительное обдумывание, приводящее к появлению новых и, возможно, нехарактерных идей в сознании человека, часто оказывает «подрывающее» действие именно потому, что выражаемые установки зависят от только что актуализированных идей.

Обнаружение этого «подрывающего» эффекта обдумывания также представляет собой проблему, поскольку ничто в ВПФ-модели не может объяснить, почему, когда людей заставляют основываться на большем количестве суждений, снижается надежность выражаемых установок. В действительности ведь ожидалось, как я указывал, совершенно обратное.

По мнению Вилсона, когда людей просят обосновать свои установки, в их памяти всплывают не те суждения, которые бы возникли, если бы им не приходилось обосновывать что-либо. В результате установки, выражаемые респондентами после «аналитического обоснования», могут оказаться незначимыми для предсказания установок и поведения в условиях нормального поиска в памяти. Таким образом, сложность заключается не в самом обдумывании, а в том, что при дополнительном обдумывании не моделируется нормальный процесс поиска в памяти релевантных суждений.

Более подробную информацию по этому поводу можно найти в исследовании Миллара и Тессера [174]. Они обнаружили, что люди могут предпринимать действия или ради удовольствия, которое они могут получить от них (консумматорное поведение¹), или же для достижения какой-либо практической выгоды (инструментальное поведение). Имеют место два типа поведения. Решения, приводящие к первому типу поведения, основываются на установках по отношению к объекту, в то время как в решениях, связанных со вторым типом, большую роль играет когнитивный компонент.

Все еще признавая, что люди в своих установках исходят из тех идей, которые оказываются актуализированными в их сознании, можно ожидать следующее. Если заставить людей обдумывать *основания* установок перед тем, как выражать их, то ответы будут сильно коррелировать с инструментальным поведением по отношению к данному объекту, но окажутся слабо связанными с консумматорным поведением. Аналогично, если людей заставить думать об их *чувствах* до того, как

¹ Консумматорный — относящийся, связанный или являющийся реакцией на действие (например, еда, питье), которое завершает период обычного целенаправленного поведения. — *Прим. пер.*

они выразят их, это приведет к тому, что ответ будет сильно коррелирован с консумматорным поведением и слабо связан с инструментальным. Это именно то, что Миллар и Тессер выяснили в результате искусно спроектированного эксперимента¹.

Вернемся к пилотажному исследованию 1987 года, где половину респондентов спрашивали: «Что приходит вам в голову, когда вы думаете о данном вопросе?». Оказывается, что этот тест чаще заставляет респондентов анализировать рациональные причины, а не чувства. Таким образом, способ формулировки вопроса должен усиливать надежность выражаемых респондентами установок, если они основываются на рациональных доводах, и уменьшать, если они основываются на чувствах.

По данным Снайдермана, Броди и Тетлока [227], установки, выражаемые менее осведомленными гражданами, в большей степени основываются на эмоциональных оценках; в то же время более информированные люди во главу угла ставят идеологические принципы. Из этого следует, что, заставив респондентов тщательнее обдумывать свои ответы в пилотажном

¹ Испытуемым давали задачи пяти типов (например, найти следующую букву в последовательности). Кроме того, половине испытуемых предлагалось «анализировать, почему вы считаете, что вам именно так следует действовать при таком типе задачи», а другой половине — «анализировать, что вы чувствуете». И еще: половине испытуемых было сказано, что после выполнения заданий им будет дан тест на проверку аналитических способностей и что эти головоломки позволяют развивать аналитические способности; другой половине испытуемых не сообщалось, что головоломки чем-либо полезны. После выполнения заданий всем испытуемым сообщался результат по каждому заданию (rating to each puzzle) и давалось свободное время поиграть с любой из головоломок по выбору. Свободное время, потраченное на выполнение каждой из головоломок, было зависимой переменной. У испытуемых, которым предлагалось проанализировать причины их оценок и которые верили, что им предстоит пройти тест на проверку аналитических способностей, рейтинг головоломок коррелировал со временем, затраченным на игру с каждой из них. Другими словами, выражаемые ими установки основывались на «анализе рациональных доводов» и соответствовали инструментальному поведению. У студентов, которые анализировали свои эмоциональные оценки головоломок и которые не думали, что им предстоит проверка аналитических способностей, также была высокая корреляция между рейтингом и поведением. Здесь выражаемые установки подчинялись «анализу эмоциональных оценок» и были связаны с консумматорным поведением. Но в других двух вариантах — сочетание «анализа рациональных доводов» и консумматорного поведения и «анализа эмоциональных оценок» и инструментального поведения — корреляции между рейтингом и поведением были низки. Таким образом, эффекты обдумывания зависят от степени соответствия/несоответствия между типом обдумывания и типом последующего поведения, которое в эксперименте является зависимым.

исследовании 1987 года с бoльшим акцентом на рациональном обосновании, а не на эмоциональной оценке, исследователи подорвали соответствие установок менее осведомленных граждан и оказали подкрепляющее (по крайней мере, не разрушающее) действие в отношении установок более информированных граждан. Это и привело к той конфигурации данных, которая представлена в табл. 5.2 и 5.3¹.

Подобная логика рассуждений позволяет заключить, что метод, предполагающий внушение респонденту необходимости тщательнее обдумывать свои суждения, скорее имитирует, нежели непосредственно передает то, как в действительности люди обдумывают проблемы. Между тем представляется, что выводы D23 и D24 не могут считаться проверенными соответствующим образом, и поэтому они не являются ни подтвержденными, ни неподтвержденными. Но как бы то ни было, психологические исследования, к которым мы обратились, оказались чрезвычайно полезными. Они подтвердили (столь же четко, как и данные массовых обследований), что ответы на закрытые аттитюдные вопросы поразительно сильно зависят от тех идей, которые оказываются актуализированными в сознании респондента в момент опроса, и это верно даже тогда, когда процессы, которые приводят к актуализации, являются искусственными или даже когда аттитюдные вопросы касаются чего-либо личного, вроде отношений с партнерами (см. [216]). Приведенные данные подкрепляют ВПФ-модель в целом, если и не все ее выводы.

¹ Более осведомленные граждане, как мы видели, обладают по сравнению с менее информированными более консистентными суждениями. И то, что у первых и рациональные обоснования, и эмоциональные оценки более консистентны, дает еще одно объяснение, почему обдумывание рациональных доводов не оказалось разрушительным для установок, выражаемых ими. Вилсон, Крафт и Данн [251] показали, что «анализ рациональных оснований» снижает надежность установок, выражаемых менее осведомленными респондентами (как было здесь обнаружено) и не увеличивает надежность установок, выражаемых более осведомленными гражданами (как ожидалось в соответствии с моими рассуждениями). Однако их более осведомленные респонденты — это люди с очень высокими показателями политической осведомленности; в подкрепляющих же модель результатах (см. табл. 5.2) категория высокоосведомленных респондентов — это верхние 40% шкалы осведомленности. Было бы полезно повторить и их, и мои экспериментальные проверки на выборке более однородно высокоосведомленных респондентов.

В заключение

Природа общественного мнения

В этой и последней главах рассматриваются основные теоретические предпосылки настоящей работы, но практически вся теория сводится к двум идеям: это, во-первых, вывод об амбивалентности, т. е. о том, что индивиды по-разному оценивают разные аспекты большинства проблем, и, во-вторых, аксиома реакции, согласно которой индивиды выстраивают ответы на вопросы интервью на основе тех суждений, которые по какой-то причине оказываются на поверхности сознания. Именно эти две идеи, эти два утверждения с самого начала используются для объяснения неустойчивости ответов. Если у людей обычно нет устойчивых установок и они формулируют свои ответы на основании тех суждений, которые оказываются актуализированными в данный момент в их памяти, то исследователи должны сталкиваться с высоким уровнем неустойчивости ответов в массовых опросах. Отталкиваясь от сказанного, оказалось возможным развить и проверить несколько гипотез, и в том числе, что наиболее важно, следующее предположение: наибольшая консистентность суждений по некоторому вопросу (измеряемая при использовании в интервью открытых вопросов) предполагает наибольшую стабильность при ответах на закрытые вопросы по соответствующей теме.

Выше доказывалось, что, когда на вопросы интервью отвечают люди, обладающие внутренне конфликтными установками, любой фактор, который может актуализировать в их памяти какие-то идеи, должен также привести к смещениям в их ответах на вопросы интервью. Среди таких нерелевантных, на первый взгляд, особенностей ситуации интервью, которые на самом деле влияют на содержание ответов, можно назвать порядок задаваемых вопросов, расовую принадлежность интервьюера, отсылку к соответствующей референтной группе, просмотр теленовостей накануне, формулировку вопроса.

И наконец, здесь тщательно анализировались «эффект грунтовки» и влияние дополнительного обдумывания на достоверность ответа. Первый из эффектов возникает вследствие воздействия любого из нескольких факторов (дискурса элиты, просмотра новостей накануне, формулировки вопросов) и может изменить тип суждений, которые люди используют, отвечая на вопросы, и тем самым соотносящиеся с этими ответами предрасположенности. Предполагалось, что второй из эффектов возни-

кает вследствие того, что ответы, основанные на усреднении множества суждений, должны более достоверно представлять совокупность всех имеющихся у респондента суждений.

Из тех двух идей, к которым, как я уже сказал, по сути сводится вся теория, вывод об амбивалентности (в том числе и утверждение, что у респондентов обычно нет единой, фиксированной установки в отношении политических проблем) является наиболее спорным. Обе идеи противоречат доминирующим теориям массовых политических установок — и концепции Конверса, и модели Эйкена, попирают общепринятое представление о мнении масс, которое подразумевает, что публика действительно имеет истинные установки по большинству вопросов. Поэтому в заключение данной главы я представляю аргументы, которые, в свете представленных выше эмпирических данных, могут сделать эти идеи менее неожиданными и интуитивно более правдоподобными.

И вопросы в массовых обследованиях о социальных и политических проблемах, и дискуссии элиты по названным проблемам чаще всего сформулированы в терминах *суммирующих суждений* (следует ли разрешать аборты или нет; следует ли детей привозить в школу в общем автобусе, чтобы способствовать расовой интеграции, или нет). Такая формулировка этих суждений зачастую требует обобщения различных эмоций, которые человек испытывает по отношению к нередко совершенно разным феноменам. Нет никаких оснований полагать, что все элементы, на основании которых человек делает резюмирующие суждения, должны быть консистентными. Гражданин, признающий право женщин контролировать свою репродуктивную способность, не обязательно столь же спокойно относится к убийству нерожденных детей; тот, кто поддерживает расовую интеграцию, не обязательно будет верить, что перевозка школьников из одного района в школу, находящуюся в другом районе, является заманчивым средством достижения этой интеграции. Наконец, человек может возмущенно реагировать на новости о злоупотреблениях в системе соцобеспечения, а затем, несколько недель спустя, так же поражаться новостям о нищенствующих детях и бездомных семьях.

Другими словами, люди могут по-разному реагировать на одну и ту же проблему, отвергая или поддерживая одну и ту же позицию по данному вопросу. Что здесь особенно важно, чаще всего большей части людей не приходится примирять и даже осознавать эти противоречивые реакции на события и проблемы.

Каждая из реакций может представлять истинные чувства, могущие сосуществовать с совершенно противоположными оценками и, в зависимости от актуализации в данный момент в сознании человека, определять ответы респондентов на вопросы интервью.

Исследователи общественного мнения давно знают о том, что лишь немногих граждан можно считать идеологически консистентными в реакциях на разные проблемы [44]. Мой аргумент заключается в том, что большинство граждан в действительности неконсистентны также в реакциях на разные аспекты одних и тех же проблем. У этого утверждения достаточно серьезные последствия. Наиболее важное из них заключается в том, что респонденты обычно имеют не «истинные установки» в отношении всех проблем, как полагают большинство исследователей, а ряд независимых и зачастую неконсистентных соображений; какое из этих соображений респондент выскажет в данный момент, зависит от того, что случайно оказалось актуализированным в его сознании, и от особенностей организации опросника, прежде всего порядка и формулировки вопросов.

Представление, будто граждане обладают только одной установкой по каждому из типичных вопросов, показывает свою несуразность каждый раз, когда множество агентств по исследованию общественного мнения приступают к измерению установки публики по какому-то определенному вопросу. Результаты их исследований — это не «истинная установка» публики, а множество различных установок. В массивах данных времен войны в Персидском заливе, например, поддержка войны против Ирака значительно колебалась, и не только во времени, но и в зависимости от того, какие вопросы использовались различными организациями, изучавшими общественное мнение и пытавшимися измерить ту же установку. Так, два журналиста, пытаясь охарактеризовать общественное мнение за три недели до начала военных действий, обнаружили («Вашингтон пост» от 23 декабря 1990 года), что «в зависимости от того, как формулировались вопросы, поддержка жесткой позиции в этом конфликте может быть снижена до 50–40% или же увеличена до 70–80%».

Признание ответа респондента на вопрос интервью в качестве показателя теоретически истинной установки было бы серьезным упрощением. На самом деле необходим концептуальный аппарат, который позволил бы разграничить все многообразие испытываемых людьми чувств и ту ограничен-

ную информацию, которую можно получить в ответах на любой вариант формулировки вопроса в конкретный момент времени. Такой концептуальный аппарат и предполагается обеспечить в ВПФ-модели.

Мне следует повторить здесь замечание, которое я высказывал ранее, но которое могло оказаться забытым: ВПФ-модель не предполагает, что каждый представитель общественности обязательно имеет амбивалентное отношение к каждой из проблем или что все амбивалентны в одинаковой степени. Напротив, некоторые люди относятся к отдельным вопросам совершенно однозначно, так что каждое суждение, приходящее им в голову, поддерживает одну и ту же позицию. Подобная необычайная неамбивалентность может легко объясняться в рамках предлагаемой модели.

Общественное мнение и демократия

Когда в панельных исследованиях NES 1956—1958—1960 годов в Мичиганском университете был выявлен чудовищно высокий уровень нестабильности политических установок, Конверс объяснил данный факт с точки зрения его известной концепции отсутствия установок: огромный сегмент электората зачастую просто не обладает установками, о которых он мог бы сообщить.

Выводы из этой концепции достаточно неутешительны. Если тезис Конверса об отсутствии установок верен, то, как пишет Эйкен, «теория демократии лишается своей отправной точки» [3, р. 1227]. Осуществленные же Эйкеном эмпирические исследования приводят к более оптимистическим выводам: большая часть общественности обладает истинными установками, которые практически стабильны. Такой беспокояще высокий уровень изменчивости ответов, который был зафиксирован Конверсом, возникает вследствие нечеткости вопросов обследования, а не бесформенности сознания граждан.

Моя позиция — это нечто среднее между взглядами Конверса и Эйкана. Как и Конверс, я признаю наличие в типичном массовом обследовании высокого уровня неопределенности, условности и непонимания. Но проблему нельзя свести просто к неясным вопросам. В то же время, как и Эйкен, я отрицаю исходное условие черно-белой модели отсутствия установок, в соответствии с которой преобладающая часть колебаний ответов является следствием случайного угадывания ответов людьми, которые не имеют отчетливого мнения.

Я утверждаю, что даже когда люди проявляют нестабильность установок, выражая в разное время совершенно противоположные позиции, они все-таки могут (как тот колеблющийся учитель, о котором шла речь в гл. 4) выражать истинные чувства в том смысле, что они высказывают такое мнение о вопросе, какое у них сложилось на данный момент. Хотя восприятие проблемы может со временем измениться, ответы из-за этого не теряют аутентичности.

Абсолютно случайное угадывание при отсутствии какого бы то ни было мнения по данному вопросу подорвало бы политическую значимость даваемых респондентами ответов в том смысле, что оно избавило бы политических лидеров от необходимости уделять им какое-то внимание. Однако абсолютно случайное распределение между противоположными позициями, каждая из которых совершенно искренне принимается, в точности отражает соотношение истинных чувств человека, а в агрегированном виде — соотношение истинных чувств общест­венности.

Следуя дальше в моих рассуждениях, я должен стараться не делать слишком далеко идущих выводов об истинных чувствах. И прежде всего надо сказать об отрицании существования истинной позиции респондентов как на уровне индивида, так и на уровне публики.

Теперь стоит прояснить причины такого отрицания. То, что описывается и измеряется как общественное мнение, неизбежно зависит от формулировки и порядка следования вопросов в интервью. Когда разные формулировки вопроса или разный порядок следования вопросов приводят к разным результатам, это происходит не потому, что они искажают истинное мнение публики; скорее, общественность, не обладая устоявшимся истинным мнением, имплицитно полагается на особенности заданного ей вопроса, пытаясь определить, что за проблема поставлена и какие соображения уместны при ее рассмотрении.

Ничто здесь не заставляет предполагать, что публика не в состоянии иметь надежд, страхов, ценностей и забот, которые в значительной мере независимы от дискурса элиты (см. гл. 6–10). Суть в другом: мнения общественности, находящиеся вне фокуса внимания исследователя, несосредоточены и зачастую противоречивы; какое из чувств окажется актуализированным как выражение общественного мнения, зависит от сложного процесса, в котором исследователи, наряду с прочими факторами, являются ключевыми фигурами.

Если принять такое понимание природы выражаемых политических установок, то измерение общественного мнения в процессе обследования (или как-то иначе) сложно отстаивать как совершенно нейтральную деятельность. И тогда исследователи становятся частью политической элиты (пусть даже когда-либо это и представляло собой предмет сомнений). Как отмечают Киндер и Сандерс при рассмотрении способов формулировки ответа о поддержке политики, «те из нас, кто проектирует исследования, оказываются в той же самой позиции, что и те, кто обладает реальной властью — публичные чиновники, редакторы, журналисты, а также разного рода известные личности. И те, и другие выбирают способы подачи общественных проблем, и в обоих случаях выборы представляются как закономерные» [124, р. 99].

Я успел убедиться, что большинство полстеров, по крайней мере в академической среде, скептически относятся к такой политической публичной позиции. Подобно Кронкиту, который обычно заканчивал сводки новостей торжественным заявлением: «Таково положение вещей», полстеры предпочитают считать, что скромно измеряют то, «что действительно думает публика». На практике же все сводится к тому, что общественность просят выбрать между противоположными позициями в дискуссии элиты по данному вопросу. Речь идет о перекалывании ответственности за вербализацию выражаемого общественностью мнения обратно на большое политическое сообщество — политиков, активистов, лидеров групп интересов, журналистов и медиа-консультантов, многие из которых явно приветствуют возможность активно формировать выражаемое публикой мнение. Именно их публичный дискурс, всегда одним ухом прислушивающийся к реакции общественности, создает специфические вопросы, по ответам на которые в дальнейшем формируется и передается огласке общественное мнение.

Наверное, я являюсь не первым исследователем, заметившим, что элиты регулярно пытаются формулировать проблемы таким образом, чтобы были ясны их причины (см. [60; 19; 78]). Однако я предлагаю новое микрообъяснение того, почему фрейминг¹ и прочие манипуляции с символами часто создают различия, на что они и направлены.

¹ Фрейминг — определенное оформление информации, помещение ее в некоторый контекст, систему координат; при этом разные варианты фрейминга могут привести к изменению в понимании данной информации. — *Прим. пер.*

Фрейминг и символические манипуляции элит иногда обсуждаются, но конспиративно, как будто бы они не могут существовать в здоровом демократическом государстве. С моей точки зрения, они, так это или нет, неизбежны. Публика обладает не фиксированными установками по отношению к тому, что должно делаться, а лишь набором частично консистентных суждений, и, значит, кто-то должен способствовать кристаллизации проблем.

Рассмотрим в связи с этим недавнюю книгу Арнольда «Логика действий конгресса» [11]. Он показывает, что конгресс зачастую предпринимает вопиюще противоречивые действия. Последние благоприятствуют сбалансированности бюджета по каким-то статьям расходов: способствуют увеличению затрат, когда требуется голосовать по отдельным постановлениям о затратах; благоприятствуют налоговым стимулам, когда требуется одновременно утверждать только одну статью расходов; позволяют упростить налогообложение, когда необходимо голосовать за налоговую реформу. Ключевым моментом для всех этих и многих других действий конгресса, по мнению Арнольда, является следующее: стороны, заинтересованные в некотором вопросе, представляют его, связывая с определенным, а не иным распределением общественного мнения. Успех политики в конгрессе заключается в способности заставить своих коллег и другие элиты, в особенности прессу, думать о проблеме так, чтобы обеспечивалась поддержка большинства (при другой формулировке вопроса большинство могло бы оказаться в оппозиции).

Данный аргумент можно было бы отнести и к лидерству вообще. Политические лидеры редко являются пассивными инструментами мнения большинства. В то же время, как мне кажется, они редко пытаются открыто противостоять общественному мнению. Дело обстоит иначе. Лидеры постоянно стремятся играть на противоречивых идеях, которые всегда присутствуют в сознании индивидов, продвигая некоторые из них и используя их для новых начинаний; при этом приглушаются и игнорируются другие идеи, хотя они и являются лишь другим способом представления проблемы.

Исходя из сказанного, я предполагаю, что мое понимание амбивалентности публики является не только более точным в отношении тех микросвидетельств, которые были рассмотрены в этой главе ранее, но и более адекватным по отношению к той сложной роли, которую играет общественное мнение в демократической политике.

6. Господствующая тенденция и эффект поляризации

Когда в конце лета 1971 года инфляция в Америке доходила до удивительного для того времени уровня 7%, президент Никсон выступил по телевидению и объявил неожиданное решение о введении контроля за ценами и заработной платой. Введение госконтроля было серьезным отклонением от политики администрации. Тем не менее это решение в многочисленных комментариях представителей самых разных политических сил сразу стало оцениваться как необходимая мера по борьбе с инфляцией.

К счастью, сохранились прекрасные данные о воздействии речи Никсона на установки общественности: во время заявления президента проходила полевая часть исследования Колумбийского университета о политических активистах; кроме того, эта речь упоминалась в опросе Гэллапа по поводу контроля цен. Исследование Колумбийского университета показало, что объявленное решение мало повлияло на активистов демократической партии, которые были склонны поддерживать контроль цен и уровня заработной платы еще до того, как об этом заговорил Никсон. Но воздействие речи президента на активистов республиканской партии было потрясающим. Практически на следующее же утро поддержка государственного контроля в экономике среди активистов республиканской партии поднялась с 37 до 82%, т. е. на 45% [15]. А согласно опросу Гэллапа, общественная поддержка государственного контроля цен за несколько недель поднялась примерно на 10%.

Этот пример позволяет предположить, что популярный президент, поддерживаемый единым вашингтонским сообществом, может оказать огромное влияние на общественное мнение, особенно на ту часть публики, которая наиболее внимательна к политике.

Настоящая глава — первая в серии глав, посвященных рассмотрению влияния таких сообщений элиты на массовые установки. В ней анализируются две простые идеально типические ситуации. В одной из них элиты достигают или почти достигают консенсуса по поводу какой-либо ценности или направленности политики, и отсюда практически полная поддержка соответствующей позиции во всех сообщениях. В другой ситуации разногласия элит по партийным или идеологическим линиям приводят к тому, что разные позиции поддерживаются примерно одинаковыми потоками сообщений. Случаи с государственным контролем цен и уровня заработной платы и почти единодушной поддержкой американскими элитами войны во Вьетнаме в 1964 года являются примерами ситуации первого типа. Резкое же идеологическое расхождение элит в вопросе о войне во Вьетнаме в конце 60-х годов — пример ситуации второго типа. Как мы увидим, ВПФ-модель позволяет считать, что в обоих случаях оказывается закономерное и предсказуемое влияние на установки публики.

В последующих главах будут рассмотрены более сложные случаи: 1) когда тип сообщений элит переключается с преимущественно консенсусного к преимущественно конфликтному; 2) когда элиты разделяются сразу, но относительная интенсивность потоков коммуникации со временем изменяется. Подобные изменения в потоке сообщений, как станет видно в дальнейшем, ведут к достаточно интересным и неожиданным паттернам изменений в массовых выражениях установки.

Эффект господствующей тенденции

Мы можем задаться вопросом, какое влияние на общественное мнение с теоретической точки зрения окажет такая ситуация, когда различные политические элиты достигают консенсуса в поддержке какого-то определенного направления политики. Или, если сформулировать этот же вопрос на языке модели, что будет происходить с общественным мнением, когда практически все убеждающие сообщения о данном направлении политики, передаваемые СМИ, будут его поддерживать и в то же время будут отсутствовать сообщения-подсказки, предупреждающие людей о том, что это направление политики неконсистентно с их ценностями.

По аксиоме A1, чем выше уровень политической осведомленности граждан, тем выше в этой гипотетической ситуации

вероятность восприятия ими убеждающих сообщений. Если все сообщения-подсказки по данному направлению политики одобряют его, ни у кого, в соответствии с аксиомой А2, не будет оснований критически отвергать эти сообщения. Значит, чем выше уровень политической осведомленности, тем большее число сообщений основной направленности граждане интериоризируют в виде суждений. И тогда при прочих равных условиях больший уровень политической осведомленности предполагает поддержку основной направленности политики (D25).

Исследователи, занимавшиеся различными содержательными проблемами, высказывались в поддержку данного логического вывода из модели. В сущности, некоторые из них, хотя ими и использовались иные формулировки, приводили практически те же аргументы, что и я. Например, Кей в работе «Общественное мнение и американская демократия» [121] писал, что уровень формального образования индивида может служить показателем того, в какой степени на этого человека оказывают влияние традиционные (или официальные) ценности общества. «Возможно, в том, что касается общественного мнения, главный эффект образования заключается в следующем: оно подкрепляет определенного рода влияния, которым подвергается человек на протяжении своей жизни. Чем более продолжителен образовательный опыт индивида, тем выше вероятность того, что он будет втягиваться в обсуждение возникающих проблем. Когда, как это часто бывает, мнения, высказываемые при обсуждении текущих вопросов, определенно направлены в одну сторону, можно ожидать, что обусловленная образованием подверженность интеллектуальным влияниям будет склонять мнение людей в ту же сторону» [р. 341].

Отмечая, что образование связано с большей поддержкой расового равенства и частного здравоохранения, с большей терпимостью к инакомыслящим, Кей объяснял это так: «Формальное образование может знакомить людей с более или менее официальными политическими ценностями культуры» [р. 340].

Несколькими годами позже Гэмсон и Модильяни [77] отметили значительную корреляцию между политической информированностью и поддержкой правительства в вопросах внешней политики (см. также [221]). Их объяснение этого феномена аналогично тезису Кей. Информированность определялась «приверженностью индивида главной тенденции и подверженностью влеледствие этого влиянию масс-медиа» [121, р. 189].

Тезис Маккроски и Брилла [155] о том, что образование способствует «социальному обучению» либертарианским идеям, и заявление Мюллера [179] о том, что более образованные граждане скорее склонны поддерживать войну во Вьетнаме, поскольку они охотнее следуют официальной политической линии, также основываются на представлении о том, что подверженность влиянию господствующих ценностей способствует увеличению их поддержки. Более поздняя тенденция, согласно которой более образованные граждане склонны выступать против изоляции жертв СПИДа [226], отражает, по видимому, интериоризацию консенсуса медиков в вопросе о том, что такая мера не является необходимой для предотвращения распространения этой болезни [42]¹.

В сравнительном исследовании Кэйн, Фирджон и Фьорина [31] пришли к результатам, которые прекрасно иллюстрируют эффект индоктринирования (indoctrinating), часто возникающий вследствие подверженности культуре определенной политической элиты. Граждан в Соединенных Штатах и Великобритании спрашивали, должны ли выборные представители «поддерживать позицию, которую занимает их партия, в голосовании по данному вопросу или они должны принимать решение независимо от того, к какой позиции по этому вопросу стремится склонить их партия». В Британии, где парламент в значительной степени зависит от партийной дисциплины, граждане с высшим образованием были более склонны, нежели те, у кого только среднее образование, говорить, что парламентские представители должны следовать партийной линии. А в Соединенных Штатах с их антипартийными и индивидуалистическими политическими традициями люди с высшим образованием скорее склонялись к тому, что представители должны сами принимать решение о голосовании. Таким образом, более образованные граждане в обеих странах были более преданными сторонниками национальных традиций своей страны.

Если тезис об эффекте основной, господствующей тенденции (mainstream effect) верен, корреляции между осведомленностью и поддержкой определенного направления в политике будут сильнее тогда, когда наиболее очевиден консенсус элит по данному вопросу, и слабее, когда консенсус элит менее

¹ Это моя интерпретация влияния образования по результатам исследований Снайдермана, Броди и Тетлока [227]. Дальнейший анализ данного вопроса см. в гл. 12.

выражен или отсутствует (D25). Большая часть опубликованных данных (которые дополняются далее в гл. 6) подкрепляют это предположение. Например, Мюллер отмечает, что корреляция между образованием и поддержкой войны во Вьетнаме была сильной в начале войны, когда преобладающая часть элит поддерживала ее, и слабой на позднем этапе войны, когда партии и политические элиты жестко разделились. Систематически проверяя эту гипотезу применительно к гражданским свободам, Макклоски и Брилл [155, р. 421] классифицировали более ста вопросов о гражданских свободах согласно степени поддержки каждого вопроса в соответствующем решении Верховного суда и установкам приблизительно 2000 представителей элиты, которых они опросили. Обнаружилось, что в тех вопросах, по которым Верховный суд и другие представители политической элиты явно поддерживали гражданскую свободу, представители общественности, обучавшиеся в колледже, оказались привержены этим свободам в среднем на 24% чаще, нежели те, у кого образование было ниже среднего. При этом образование оказывает значительно меньшее влияние на поддержку политики гражданских свобод при уменьшении поддержки этих свобод элитой. Наконец, образование имеет даже слабую отрицательную связь с поддержкой определенных гражданских свобод в тех (немногих) вопросах, по которым доренквистский суд¹ и большинство элит занимали антилибертарианскую позицию (к примеру, в вопросе о гражданском неповиновении)².

В отличие от модели господствующей тенденции, принято считать, что политическая осведомленность — измеряется ли она как знание, участие или образование — порождает скорее критическое отношение к влиянию элиты. Но, как станет видно в гл. 7–11, эта модель достаточно обоснованна. Важно различать *вообще* критическое отношение к политическим сообщениям власти, которое, по всей видимости, вызывает политическая осведомленность, и преобладающее усиление чувствительности к сообщениям противодействующих элит, особенно идеологических оппонентов режима. Последнее представляется в высшей степени сомнительным.

И еще одно замечание. В каждом обществе существуют идеи, с которыми согласны практически все. Такие идеи (в

¹ Верховный суд до того, как его председателем стал Ренквист в 1986 году. — Прим. пер.

² См. также [38].

Соединенных Штатах это поддержка свободных выборов, содержащихся на налоги публичных школ, государственной организации внешней обороны и др.) вряд ли могут стать предметом исследования общественного мнения, за исключением разве что области исследований культуры. Модель господствующей тенденции менее полезна в исследовании подобных идей, по сравнению с теми случаями, когда общественное сопротивление сочетается с консенсусом элиты (предположим, в вопросах толерантности по отношению к отвергаемым группам или поддержки войны в то время, когда нация не находится непосредственно под угрозой вторжения).

Эффект поляризации

Разумеется, существует множество случаев, когда элиты находятся в жестком противостоянии и господствующая тенденция отсутствует. Тогда, в соответствии с ВПФ-моделью, можно ожидать появления совершенно иных паттернов распределения массовых установок.

Чтобы увидеть, почему так происходит, допустим ситуацию, когда элиты примерно поровну разделены по определенному вопросу, причем один из лагерей продвигает убеждающие сообщения, поддерживающие либеральную позицию, а другой — сообщения в поддержку консервативной позиции. Далее допустим, что каждый лагерь выдвигает сообщения-подсказки, показывающие, почему данная политика является консистентной или нет с либеральными (консервативными) ценностями. И наконец, допустим, что оба эти коммуникативных потока обладают одинаковой интенсивностью, так что при данном уровне политической осведомленности с одинаковой вероятностью можно столкнуться с сообщениями из каждого потока.

Увеличение осведомленности широкой общественности приводит к восприятию большего количества убеждающих сообщений, поддерживающих как либеральную, так и консервативную позицию (по аксиоме A1), и большего количества сообщений-подсказок.

Остановимся сначала на либералах. Поскольку, вероятно, политически осведомленные либералы будут обладать сообщениями-подсказками, позволяющими им видеть, каково идеологическое значение сообщений, с которыми они сталкиваются, они предпочтут отторжение консервативной аргументации по данному вопросу; одновременно все эти сообщения-под-

сказки не будут, однако, препятствовать интериоризации либеральных сообщений. А вот либералы, которые хуже разбираются в политике, напротив, будут воспринимать меньшее количество убеждающих сообщений и, вследствие низкой восприимчивости к сообщениям-подсказкам и меньшей доступности этих подсказок в памяти, окажутся менее разборчивыми по отношению к сообщениям, которые они интериоризируют. Таким образом, в памяти наиболее осведомленных либералов будет храниться огромное количество суждений, которые в общей сложности обеспечат тенденцию поддержки либеральной позиции по обсуждаемому вопросу. В сознании же менее осведомленных либералов будет содержаться меньшее количество суждений, и эти суждения не будут консистентны в отношении поддержки либеральной позиции.

То же самое можно сказать и о консерваторах. Высокоосведомленные консерваторы будут обладать преимущественно консервативными суждениями, в то время как менее осведомленные консерваторы — меньшим количеством суждений, причем менее консистентных по отношению к консервативной идеологии.

Мы предполагаем в связи с этим, что в случаях, когда существует два потока сообщений противоположной направленности и примерно равной интенсивности, доля идеологически консистентных суждений, по сравнению с идеологически неконсистентными, будет расти с увеличением уровня политической осведомленности.

Данные рис. 4.1 подтверждают сказанное. Доля консистентных суждений увеличивается примерно от 0,5 среди наименее осведомленных граждан до примерно 0,8 среди наиболее осведомленных. Для двух кривых на рисунке статистическая значимость 0,01, для одной 0,10¹.

¹ Отношения между переменными, представленные на рис. 4.1, относятся, однако, к выборке в целом. Более тщательное изучение данных показывает, что ожидаемые связи строго выполняются только для либералов; в случае же с консерваторами, по мере того как возрастает осведомленность, появляются лишь небольшие изменения в соотношении консистентных и неконсистентных суждений. Дело в том, что не выполнялись принятые условия проверки гипотезы — не было примерно равного разделения поддержки политических альтернатив, ни в одном из трех вариантов разделение общественного мнения не приближалось к 50/50, т. е. отсутствовало разделение элит на два противоположных равных лагеря. Дальнейший анализ влияния осведомленности и идеологии на интериоризацию суждений см. в гл. 8.

Можно ожидать, что увеличение доли идеологически консистентных суждений реализуется и в высказываемых людьми установках. Более осведомленные либералы будут чаще вспоминать суждения, поддерживающие либеральную позицию, и, таким образом, будут склонны поддерживать ее. Менее осведомленные либералы в меньшей степени способны вспомнить подобного рода суждения, и это приводит к большему количеству «неответов»; если они все-таки высказывают какое-то мнение, то оказываются менее склонными поддерживать либеральную позицию¹.

Аналогично повышение уровня осведомленности делает консервативных представителей общественности более склонными к высказыванию консервативных установок по данному вопросу.

Подытожим: в случае равного разделения партийных элит и сбалансированного потока убеждающих сообщений политическая осведомленность влияет на выражаемые гражданами установки таким образом, что усиливается их *поляризация*, т.е. более осведомленные либералы склоняются к либеральной позиции, а более осведомленные консерваторы с большей вероятностью склоняются к консервативной позиции (D26).

Теперь остановимся на эмпирическом подтверждении эффекта поляризации.

Многие эмпирические данные подтверждают предположение о поляризации позиций консерваторов и либералов при повышении уровня осведомленности по разделяющим вопросам. Впервые поляризующее воздействие политической осведомленности на вопросы, по которым наблюдается противостояние элит (в противоположность наличию единой господствующей тенденции), было отмечено Белнапом и Кэмпбеллом [17], а работа «Американский избиратель» [32, р. 186, 207] признана классикой мичиганской школы. Используя другой теоретический словарь, Гэмсон и Модильяни [77], а также Чонг, Макклоски и Цаллер [38] отмечают тот же эффект. Они исследовали установки публики по отношению к множеству вопросов, по которым проходит линия разделения элит, — от внешней политики и гражданских свобод до благосостояния, расовой дискриминации и экономической политики. В каждом случае повышение уровня политической осведомленности

¹ См. обзор результатов исследований влияния политической осведомленности на уровень «неответов» в работе Кросника и Милберна [134].

оказывалось связано с более жесткой поляризацией установок между либералами (или демократами), с одной стороны, и консерваторами (или республиканцами) — с другой¹.

Данные, представленные на рис. 6.1, иллюстрируют и эффект господствующей тенденции, и эффект поляризации. Когда в 1964 году американские элиты практически безоговорочно поддерживали войну во Вьетнаме, повышение уровня осведомленности среди либеральных и консервативных представителей общественности приводило к увеличению поддержки господствующей тенденции по вопросу о военной политике (рис. 6.1a). Однако когда в 1970 году американские элиты оказались в жестком противостоянии по этому вопросу, увеличение уровня осведомленности было связано с большей поляризацией установок и либеральных, и консервативных представителей общественности (рис. 6.1б)².

Война в Персидском заливе дала другую возможность наблюдать и господствующую тенденцию, и эффект поляризации. Начиная с иракского вторжения в Кувейт в августе 1990 года до выборов в конгресс осенью того же года позиция президента Буша здесь подвергалась лишь незначительной критике и, в частности, практически отсутствовала скольконибудь выраженная оппозиция вводу американских войск в регион. Эппл писал накануне выборов: «Текущая избирательная кампания происходит во время военной угрозы в Персидском заливе, и... важнейшие вопросы внешней политики, стоящие перед нацией, практически не вызывают дебатов среди кандидатов о том, что же следует делать США. Вместо этого президент Буш обменивается оскорблениями с президентом Ирака Саддамом Хусейном, а демократы вообще едва ли упоминают о данной проблеме»³. А через два дня после выборов Буш объявил о решении послать в залив еще несколько сотен

¹ В работе Гэмсона и Модильяни этот эффект ложится в основу понятия когнитивной консистентности в модели формирования мнения; в работе Макклоски и др. он стал основанием «оспариваемых норм» в модели общественного мнения. В обоих случаях, однако, объясняемая эмпирическая закономерность (как и операциональные понятия в модели) является той же, что и в модели поляризации Белнапа и Кэмпбелла.

² Чтобы обосновать эти утверждения о консенсусе и противостояниях элиты, я попросил ассистента классифицировать передовицы о вьетнамской войне в «Ньюсуик» и «Тайм». В 1964 году количество провоенных передовиц превышало количество антивоенных примерно в три раза, а в 1970 году соотношение тех и других приближалось к 1:1 (см. также [92]).

³ New York Times, November 6, 1991.

Рис. 6.1. Иллюстрация эффектов господствующей тенденции и поляризации (респонденты, оценившие либералов на 15 или более пунктов выше, чем консерваторов, по отдельным 100-градусным термометрам настроения, считаются либералами, а те, которые дали противоположную оценку, — консерваторами; люди, поддерживающие войну, — это те, кто сказал, что США следует или «оставить войска во Вьетнаме и попытаться вести борьбу до конца» — позиция администраций и Джонсона, и Никсона, или же «занимать более жесткую позицию в этой войне»). Показатель осведомленности см. в Указателе переменных.

Источник. Исследования CPS 1964 и 1970 годов.

тысяч солдат. Это решение было встречено резкой критикой в конгрессе, что привело к тому, что на слушаниях в конгрессе политика администрации вообще стала решительно критиковаться. Впоследствии в конгрессе произошло голосование по военной политике. Как и в случае с Вьетнамом, если демократы были наиболее явными критиками агрессивной политики администрации, то республиканцы — наиболее заметными ее защитниками.

Судя по всему, следовало ожидать, что мы обнаружим свидетельства эффекта господствующей тенденции в период до критических отзывов конгресса на объявление Буша о вводе войск и эффекта поляризации после того, как на него посыпалась критика. К счастью, опрос 1990 года в рамках программы Национальных предвыборных исследований проходил на следующий день после выборов, и поэтому представилась возможность собрать 250 интервью до того, как конгресс начал критиковать военную кампанию Буша. В опросе также спрашивалось, «правильно ли мы поступили, посылая военные

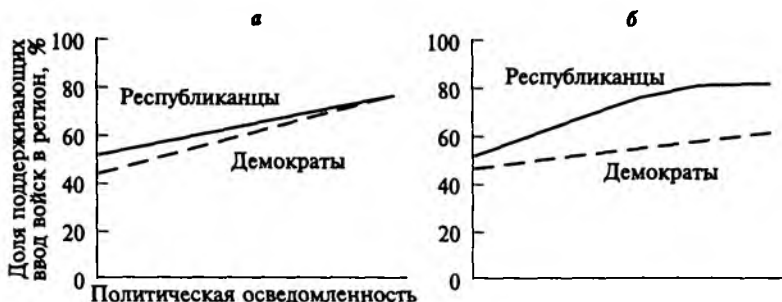

Рис. 6.2. Позиции сторонников партий по вопросу о вводе войск; статистические оценки — на основе данных табл. 6.3: а — до критики в конгрессе; б — после начала критики в конгрессе

Источник. Исследование NES 1990 года.

силы США в Персидский залив, или же нам не стоило вмешиваться в конфликт?»

Результаты, полученные при построении методом максимального правдоподобия логистической регрессии, в которой контролировались переменные «политическая осведомленность», «партийность», «пол», «расовая принадлежность» и «еврейская этничность», показаны на рис. 6.2¹ (регрессионные коэффициенты, по которым построены графики, можно найти в табл. 6.3, см. приложение к данной главе). Как и предполагалось, практически отсутствуют данные о партийной поляризации в период до начала критики в конгрессе и наблюдается явная поляризация после. Противостояние общественности оказывается не столь острым, как в случае с Вьетнамом, но это только потому, что поляризация элиты не была такой сильной, как во времена войны с Вьетнамом, ни по длительности, ни по интенсивности.

Прежде чем продолжить анализ мнений о политике в регионе Персидского залива, я должен обсудить некоторые методические вопросы. При построении графиков на рис. 6.2 на основании коэффициентов логистической регрессионной модели я должен был определить условия кодирования. Например, чтобы показать, каково влияние политической осведом-

¹ Демократы и республиканцы на рисунке определяются как респонденты, набравшие $\pm 1,3$ балла по шкале партийности, крайние значения которой -2 (жесткий республиканец) и $+2$ (жесткий демократ). Значения переменной «осведомленность» варьируются от $-1,8\sigma$ до $+2,57\sigma$.

ленности, я использовал баллы от 1-го до 98-го перцентиля по шкале политической осведомленности. Необходимо установить аналогичные условия построения графиков на основании регрессионных коэффициентов в нескольких последующих главах, и поэтому мне бы хотелось стандартизировать процедуру, представив четкий набор правил, используемых в настоящей книге в дальнейшем.

Для графиков, показывающих отношения между переменными «политическая осведомленность», «политические предрасположенности», «политические установки» и «изменение установок», на протяжении всей книги принимаются следующие правила.

Основные принципы. Во всех случаях политическая осведомленность рассматривается как основная независимая переменная, располагаемая по оси x . Зависимые переменные, обычно вероятность политической установки или изменения установок, располагаются по оси y (как, к примеру, на рис. 6.2). Различия в политических предрасположенностях (предположим, приверженность скорее к демократической, а не к республиканской партии) демонстрируется на графиках отдельными кривыми (опять так же, как на рис. 6.2).

Шкала политической осведомленности. За исключением специально оговоренных случаев, на графиках изображается смоделированный эффект изменения политической осведомленности с 1-го по 98-й перцентиль. Шкала при этом исключает около 1% всех случаев с каждой стороны, хотя, разумеется, неравномерность распределения делает невозможным нахождение эмпирических данных для всех модельных значений. Поскольку различные шкалы осведомленности имеют разную степень асимметрии, в действительности баллы не всегда будут соответствовать конкретным значениям стандартизированного z -распределения, таким, как $\pm 2\sigma$. Особенности z -распределения в модели оговариваются.

Шкалы моделируемых установок. За исключением одного специально оговоренного случая, на графиках показываются вероятности или доли от 0 до 1,0. При использовании средних значений на графиках будет представлена шкала средних значений распределения; в случае со средними эта шкала будет разной на разных графиках. Однако, если это не оговаривается, на графиках при сравнении используются одинаковые шкалы.

Шкалы переменных, характеризующих предрасположенности. В данном исследовании партийная приверженность кодируется по шкале от -2 (жесткий республиканец) до -1 (нестрогий

или независимый республиканец) и от +1 (нестрогий или независимый демократ) до +2 (жесткий демократ); всем остальным приписывается значение 0. В графиках, изображающих влияние принадлежности к республиканской или демократической партии, приемлемый показатель приверженности моделируется от $-1,3$ до $+1,3$. Влияние прочих показателей предрасположенности (таких, как эгалитаризм или воинственность) в разных случаях моделируется по-разному, в зависимости от того, как много переменных доступно в модели. Например, если в модели используется только один показатель, интервал может составлять $\pm 2\sigma$; если же используются три признака, их совместный эффект, т.е. влияние одинакового изменения всех трех переменных, будет изображаться на меньшем интервале. Точные значения оговариваются в каждом случае. Цель заключается в том, чтобы модель приближалась к эмпирическим данным в той мере, в которой эти данные могут быть непосредственно наблюдаемы.

Вернемся к кризису в Персидском заливе.

В исследовании NES 1990 года задавался еще один вопрос, который может оказаться полезным при анализе общественного мнения об этом кризисе. Он звучал следующим образом: «Какие действия, по вашему мнению, нам следует предпринимать в Персидском заливе: 1) полностью вывести войска США; 2) прилагать больше усилий, чтобы найти дипломатическое решение; 3) усилить экономическое эмбарго; 4) применить более жесткие военные меры».

Здесь все варианты, кроме первого, подразумевают поддержку основных принципов военной политики вторжения США в Персидский залив. Поскольку, лишь за возможным исключением закрытых фракционных собраний в конгрессе, практически все представители политической элиты, критиковавшие Буша, приняли его политику, нам следовало ожидать, что среди широкой общественности политическая осведомленность будет связана с большей поддержкой сохранения войск США в заливе, т.е., другими словами, что респонденты будут чаще отвергать первый вариант ответа (о выводе войск) в пользу трех других. Так и случилось (см. рис. 6.3, а также коэффициенты в табл. 6.3 в приложении к этой главе). Даже в группе наибольших противников использования военных сил против Ирака — среди чернокожих женщин-сторонниц демократической партии — отклонение первого варианта ответа

Рис. 6.3. Поддержка сохранения войск США в Персидском заливе; оценки — на основе коэффициентов из табл. 6.3.

Источник. Исследование NES 1990 года.

достигает 54% для наименее осведомленных и 92% для наиболее осведомленных¹.

Тенденции, которые проявляются в кривых на рис. 6.3, оставались практически неизменными на протяжении всего периода обследования².

Сложно интерпретировать три других варианта ответа (кроме первого), которые я определяю как подразумевающие поддержку военного вмешательства США в Персидском заливе. Разумеется, большинство демократов будут, очевидно, отвергать вариант ответа с более жесткими военными действиями, поскольку демократическая партия в конгрессе явно идентифицируется с оппозицией таким действиям. Проблема в том, что непонятно, как должны воспринимать этот вариант ответа республиканцы. Публичная позиция Буша, особенно в первые месяцы кризиса, состояла в том, что введение эмбарго в сочетании с искусной дипломатией позволит избежать использо-

¹ В отдельных регрессионных моделях для чернокожих и белых политическая осведомленность оказывается связанной с отклонением первого варианта ответа (о выводе войск) по крайней мере одинаково сильно. Для простой линейной регрессии (со значениями 0 или 1) с независимой переменной «политическая осведомленность» отрезок и коэффициент наклона регрессионной кривой составляют для чернокожих 0,55 и 0,047, для белых 0,78 и 0,022 соответственно и являются статистически значимыми; уровень политической осведомленности измеряется по шкале от 0 до 13 баллов. Дальнейшее исследование влияния лидеров мнения элиты на афроамериканцев см. в гл. 9.

² Со временем партийная поляризация уменьшалась, но изменение не достигало сколько-нибудь существенной статистической значимости.

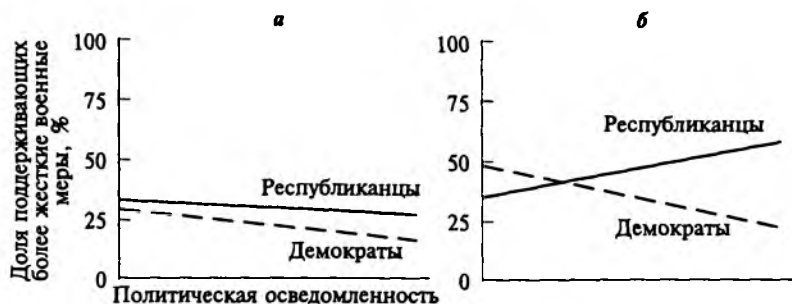

Рис. 6.4. Поляризация сторонников разных партий по вопросу об использовании военной силы; оценки — на основе коэффициентов из табл. 6.3: *а* — когда Буш высказывался за примирение; *б* — когда Буш занял более провоенную позицию.

Источник. Исследование NES 1990 года.

вания силы. Однако в середине декабря администрация Буша отвергла предлагаемую на 12 января встречу в Багдаде на том основании, что она назначена слишком близко ко времени крайнего срока, к которому по ультиматуму Ирак должен вывести войска из Кувейта, чтобы предотвратить военные действия. К этому времени стало ясно, что *готовность* использовать силу была ключевой особенностью политики Буша. Можно предположить, что примерно тогда и началось усиление поляризации широкой общественности по вопросу об использовании военной силы.

Графики на рис. 6.4 подтверждают это предположение. Наиболее осведомленные демократы и республиканцы были особенно поляризованы по вопросу о военном вмешательстве после 15 декабря. Тем не менее усиление поляризации не достигло статистической значимости. Этот факт должно принимать как косвенное подтверждение моей гипотезы.

Важно отметить, что вовлеченность в публичные дискуссии, определяемая по тесту политической осведомленности, имеет значимое влияние на массовые установки, но данное влияние изменяется со временем и различно в разных областях политики, в зависимости от того, какие позиции занимают политические элиты и как эти позиции отражаются в СМИ. Осведомленность связана с поддержкой аспектов политики правительства, находящихся единодушную поддержку элит (политических и СМИ); и, кроме того, с высоким уровнем поля-

ризации по вопросам, по которым проходят линии противостояния элит¹.

Чтобы продемонстрировать эти особенности более детально, я выбрал из панельного исследования NES 1972 года вопросы, по которым наблюдалось единодушие или противостояние элит в начале 70-х годов². Список вопросов приведен в табл. 6.1. Их выбор основывался на моих оценках позиций либеральных и консервативных элит, политических партий и СМИ во время исследований NES. Чтобы обосновать эти оценки, я попросил ассистента прочитать программы демократической и республиканской партий за 1972 год и оценить позиции партий по всем вопросам. Ассистент не знал о моих предположениях и выстраивал оценки на основании письменных инструкций³.

Я предполагал, что обе партии открыто поддерживали направления политики, которые я определил как направления господствующей тенденции, и стояли в жесткой оппозиции одна к другой в отношении тех направлений, которые я определил как направления поляризации. Эти предположения в основном были подтверждены. Единственное исключение — вопрос о том, следует ли федеральному правительству гарантировать чернокожим право на равное обслуживание в отелях и ресторанах. Обеспечение равных условий было ключевым моментом в Акте о гражданских правах 1964 года, который, несмотря на старания сенатора Голдуотера, был принят в конгрессе большинством и республиканской, и демократической партий. Программа демократической партии, как я и ожидал, открыто поддерживала эту политику, но республиканская партия, несмотря на заявляемую общую поддержку равенства

¹ Показывая, что установки обществу в отношении войны во Вьетнаме или Персидском заливе становятся более поляризованными, я на самом деле анализировал изменение общественного мнения. Но это как бы предварительный анализ. Действительные модели изменения в этих случаях являются более сложными. Дальнейшее исследование изменения мнения о войне во Вьетнаме см. в гл. 9; анализ изменения общественного мнения о политике в Персидском заливе см. обзорно в гл. 7 и в работе [263].

² Я обратился к указанному панельному исследованию NES, поскольку данный тест был одним из элементов при проверке гипотезы о сравнительной эффективности использования политического знания, образования, интереса к политике, подверженности влиянию СМИ и политического участия в характеристике отношений, которые должен описывать хороший показатель измерения политической осведомленности. Оказалось, что политическое знание является более адекватным показателем, нежели все остальные альтернативные переменные (см. [261]).

³ Эти письменные инструкции доступны для ознакомления с ними.

Таблица 6.1

Вопросы по проблемам, в отношении которых наблюдались эффект основной тенденции или противостояние

Вопросы, по которым наблюдалось единодушие элит

- Нашей стране было бы лучше, если бы мы оставались дома и не вмешивались в проблемы других стран
- Как вы считаете, должен ли континентальный Китай стать членом ООН или нет
- Следует ли разрешить предпринимателям и фермерам поддерживать деловые отношения с коммунистическими странами или же деловые отношения с коммунистическими странами следует запретить
- Следует ли правительству поддержать право чернокожих посещать рестораны и отели, пребывание в которых они могут оплатить, или ему не стоит вмешиваться в этот вопрос
- Недавно активно поднимался вопрос о правах женщин. Некоторые люди считают, что женщины должны иметь равные с мужчинами права для участия в предпринимательской деятельности, в промышленности и правительстве. Другие же считают, что место женщины дома

Вопросы, по которым наблюдалась поляризация элит

- Активно обсуждается политика по расовым проблемам. Некоторые люди считают, что достижение расовой интеграции в школах настолько важно, что оправдана перевозка детей на автобусах в школы, находящиеся вне района их проживания. Другие же считают, что важна возможность для детей учиться в школах, которые находятся в их районе, и поэтому они выступают против перевозки детей на автобусах
- Некоторые люди считают, что вашингтонское правительство должно гарантировать каждому человеку место работы и определенный уровень жизни. Другие же считают, что правительство должно дать людям возможность самим добиваться всего
- Считаете ли вы, что мы правильно поступили, вмешавшись в войну во Вьетнаме, или же нам не стоило вмешиваться

Источник. Панельное исследование NES 1972 года.

прав, прямо не упоминала данный вопрос. Все же, с учетом истории противостояния в связи с Актом о гражданских правах, с учетом того факта, что даже южная оппозиция к 1972 году вынуждена была его признать, я продолжал считать, что утверждение равенства в условиях обслуживания было политикой господствующей тенденции¹.

¹ В дополнение к вопросам, приведенным в табл. 6.1, я попросил моего ассистента оценить вопрос о том, следует ли государству предпринять действия против инфляции. Такие действия полностью поддерживались обеими партиями, но предельное значение массовой поддержки соответствующей политики препятствовало проверке влияния на нее осведомленности.

Модель, используемая для оценки влияния осведомленности на ответ на каждый из вопросов в табл. 6.1, выглядит следующим образом:

$$\text{Вер(либ. ответа)} = \text{Вер(высказывания мнения)} \times \\ \text{Вер(либ. ответа} \mid \text{высказывания мнения),}$$

т. е. вероятность либерального ответа равна вероятности выражения какого-либо мнения вообще, умноженной на условную вероятность либерального ответа (при условии, что мнение вообще было выражено). Обе части модели оценивались отдельно.

Вероятность либерального мнения, при условии, что мнение было высказано, моделировалась как логистическая функция осведомленности и признаваемых самим респондентом идеологической приверженности¹, партийной идентичности и стандартных демографических переменных (раса, возраст, доход и место жительства в южных штатах). Вдобавок к этим переменным, первоначальная характеристика каждого уравнения содержала произведения «осведомленность × идеология» и «осведомленность × партийность». Уравнения оценивались отдельно для каждого из пяти вопросов о политике, по которым наблюдалось единодушие, и для каждого из трех вопросов, по которым наблюдалось противостояние. Чтобы облегчить сравнение результатов распределения ответов на вопросы разного типа, каждый из

¹ Респондентов просили расположить себя на семибальной шкале от крайних либералов, либералов к умеренным либералам и от умеренных до крайних консерваторов. Вопрос задавался на всех трех этапах исследования, и данные, приводимые в тексте далее, — средняя оценка по всем трем вопросам. Людям, не ответившим на вопрос на одном из этапов исследования, приписывалось среднее значение по двум другим этапам; людям, ответившим на вопрос только один раз, приписывалось это единственное значение; наконец, респондентам, ни разу не ответившим на вопрос, приписывалось среднее значение по выборке. Такой способ не исключать респондентов с пропусками данных предположительно должен был привести к тому, что распределения ответов на разные вопросы будут обладать разной надежностью. Однако, поскольку эти различия одинаковы в отношении всех зависимых переменных, поскольку ключевая гипотеза предполагает варьирование влияния идеологии в разных вопросах, результаты должны все-таки получаться несмещенные. С другой стороны, пропуски данных вследствие неответов могли бы подорвать способность зафиксировать влияние осведомленности на поддержку политики господствующей тенденции, так как респонденты с пропущенными данными — преимущественно малоосведомленные.

вопросов был перекодирован по трехбалльной шкале с делениями 0; 0,5 и 1,0¹.

Посредством модели проверяется следующая гипотеза: для вопросов, по которым имеет место противостояние элит, эффекты взаимодействия «осведомленность × ценности» будут сильными, а по вопросам, по которым наблюдается единодушие, — слабыми. Второе проверяемое предположение заключается в том, что осведомленность имеет сильную положительную связь с поддержкой вопросов, по которым установилось единодушие.

Первое из этих предположений было практически полностью подтверждено. Как и ожидалось, одночлен «идеология × осведомленность» получает наибольшие коэффициенты по трем вопросам, по которым наблюдается противостояние, и незначительные коэффициенты по пяти вопросам, где достигнуто единодушие элит. Одночлен «партийность × осведомленность» оказался изменчивым, но его коэффициенты оказывались или статистически незначимыми, или же слишком малыми, чтобы иметь какое-то влияние. В результате эффект взаимодействия с идеологией оказался доминирующим.

Второе предположение, касающееся влияния осведомленности на поддержку политики, в отношении которой установилось единодушие, подтвердить достаточно сложно вследствие сильной мультиколлинеарности². Во всех пяти вопросах, по которым имело место единодушие, — антиизоляционизм, допущение континентального Китая в ООН, торговля с коммунистическими странами, равные условия обслуживания и права женщин — корреляция между оценками коэффициентов осведомленности и коэффициентов совместного влияния осведомленности и идеологии составляла 0,96 или больше. Вследствие этого ни осведомленность, ни совместный эффект

¹ Когда сам вопрос требовал ответа «согласен» или «не согласен», средние варианты ответа кодировались как 0,5, а другие варианты как 0 или 1,0. Вопросы о гарантиях занятости и правах женщин изначально были вопросами с семibalльными шкалами; четыре позиции кодировались как 0,5, а остальные как 0 или 1,0. Вопрос о перевозке детей на автобусе первоначально также был вопросом с семibalльной шкалой, но распределение ответов было настолько смещено в сторону несогласия с такой политикой расовой интеграции, что возникла необходимость изменить его. Наиболее консервативная позиция, которую приняли 68% респондентов, кодировалась как 0; следующая консервативная позиция кодировалась как 0,5, а оставшиеся пять пунктов шкалы кодировались как 1,0.

² Мультиколлинеарность — наличие сильной связи между независимыми переменными, так что действительное влияние каждой из них на зависимую переменную может оказаться не столь уж велико. — *Прим. пер.*

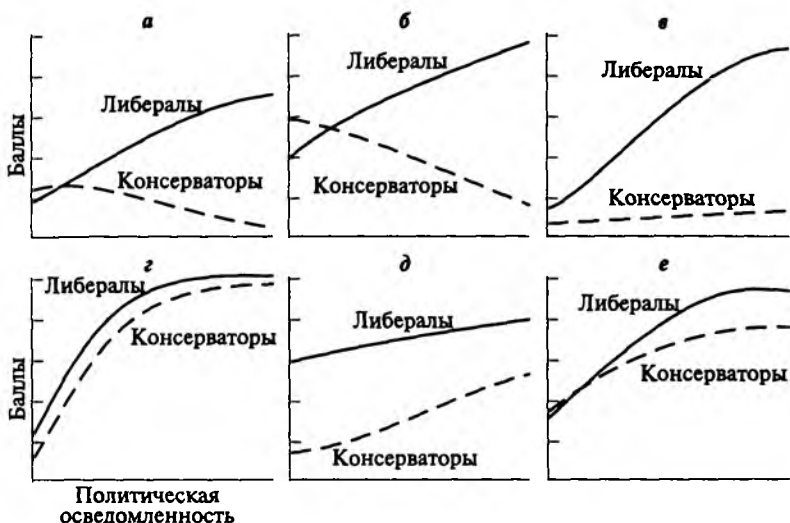

Рис. 6.5. Влияние осведомленности на поддержку по вопросам, по которым наблюдается поляризация мнений или единодушие: а — трудовые гарантии; б — война во Вьетнаме как ошибка; в — перевозка в автобусах как средство интеграции; г — допуск Китая в ООН; д — равноправие женщин; е — равенство в обслуживании чернокожих. Оценки получены на основе коэффициентов из табл. 6.2. Либералы определяются как респонденты, набравшие +6 баллов по семибалльной шкале идеологической приверженности и +1,3 балла по шкале партийности; консерваторы — как получившие по этим шкалам соответственно +2 и -1,3 балла. Политическая осведомленность — на интервале $\pm 2\sigma$ (см. также сноску 1 на с. 185 в данной главе). Первоначальные переменные были перекодированы так, чтобы дисперсия была сравнимой по шкале 0-0,5-1,0, где наибольшее значение кодировалось как либеральная, или господствующая, позиция (см. также сноску 1 на с. 186 в данной главе). Все графики — упрощенный вариант приведенных на рис. 2 в работе Цаллера [261].

Источник. Панельное исследование NES 1972 года.

осведомленности и идеологии не достигли статистической значимости ни в одном из уравнений.

Однако мультиколлинеарность может значительно уменьшить точность оценок, даже когда действительный эффект какой-то из одновременно и однонаправленно действующих переменных равен нулю (см. [94, p. 231–233; 204, ch. 3]). Чтобы проверить, имеет ли эффект взаимодействия «осведомленность × ценности» в ответах на вопросы, по которым наблюдается еди-

нодушие, я заново оценил каждое уравнение без этого одночлена — провел тест Фишера, чтобы посмотреть, оказывает ли исключение одночлена какое-то значимое влияние на остаточную сумму квадратов. По вопросам об антиизоляционизме, допуске континентального Китая в ООН, торговле с коммунистическими странами и правах женщин тест Фишера показал, что эффект взаимодействия не оказывает значимого влияния на адекватность модели. Более того, если отбросить этот эффект, то, как и ожидалось, переменная «осведомленность» имеет статистически значимый положительный коэффициент во всех четырех случаях. В пятом случае, при таких же условиях, коэффициент одночлена «партийность × осведомленность» все же оказывался значимым. Правда, когда я исключал незначимый одночлен «идеология × осведомленность», переменная «осведомленность» оказывала ожидаемое влияние на поддержку в вопросе о расовой политике, по которому наблюдалось единодушие элит¹.

Рассмотрим сначала результаты моделирования распределений по трем вопросам, по которым было противостояние. Коэффициенты для этих трех вопросов перечислены в левой части табл. 6.2; графический анализ коэффициентов представлен на рис. 6.5а-в. Как видим, повышение политической осведомленности связано с большей поляризацией мнений по всем трем вопросам (см. также сноску 1 на стр. 185 в данной главе).

В правой части табл. 6.2 и на рис. 6.5г-е представлены результаты анализа вопросов, по которым наблюдалось единое мнение. Два из вопросов — об антиизоляционизме и торговле с коммунистическими странами — не отражены на рисунке, но модели ответов на эти вопросы очень похожи на модель ответов на вопрос о допуске Китая в ООН.

Из всех пяти вопросов, по которым наблюдается единодушие элит, вызывает некоторые сомнения в адекватности модели лишь вопрос о правах женщин. Хотя осведомленность, как и ожидалось, оказывает положительное влияние на поддержку равенства полов, ее влияние на либералов в этой модели взаимодействия скорее умеренное. Более того, достаточно сильно влияние идеологии, и — я утверждаю — оно особенно сильно, когда все сообщения элиты поддерживают равенство женщин.

Одно из возможных объяснений данного явления заключается в следующем. Несмотря на то, что по вопросу о правах

¹ Здесь неопозволительно проводить параллельный тест с исключением прямого эффекта осведомленности, поскольку осведомленность должна быть в уравнении, если в него включается одночлен «осведомленность × идеология».

Таблица 6.2

Оценки коэффициентов по вопросам, по которым наблюдается
единодушие или противостояние элит

Переменные	Вопросы, по которым наблюдается противостояние			Вопросы, по которым наблюдается единодушие				
	Трудовые гарантии	Война во Вьетнаме	Школьные автобусы	Равное обслуживание	Права женщин	Китай в ООН	Торговля с коммунистическими странами	Антиглобализм
<i>Функция направленности ответа</i>								
Взаимодействие	-1,99	-0,57	-3,52	0,62	-0,74	1,33	0,40	2,28
Политическая осведомленность (стандартизированная)	-0,84*	-0,71*	-0,71*	0,26*	0,50*	0,65*	0,73*	1,12*
Идеология (семибалльная шкала)	0,37*	0,27*	0,60*	0,18*	0,33*	0,13	0,14	-0,11
Осведомленность × идеология	0,18*	0,19*	0,30*	<i>b</i>	-0,07**	<i>b</i>	<i>b</i>	-0,07
Партийность (от +2 до -2)	0,01	-0,07	0,07	-0,09**	0,31*	0,01	0,01	0,01
Осведомленность × партийность	0,06	0,01	-0,13**	0,13	0,02	<i>b</i>	<i>b</i>	-0,06
<i>Функция высказывания мнения</i>								
Взаимодействие	1,98	2,70	2,48	2,64	2,83	2,68	1,35	5,01
Политическая осведомленность	0,89*	0,62*	0,80*	0,99*	0,51*	1,32*	0,73*	1,58*

Примечания:

1. Коэффициенты логистического уравнения описываются в тексте. Оценки основаны на нахождении нелинейного уравнения методом наименьших квадратов. Уравнение также учитывает влияние следующих переменных: раса, возраст, проживание в южных штатах и доход. Коэффициенты аналогичны тем, какие использовались ранее; они не приводятся в целях экономии места [261].

2. *b* — одночлен; был опущен после того, как тест Фишера показал, что данный коэффициент в этом уравнении не обладает статистически значимым эффектом. Незначимые одночлены опускались, если только они приводили к сильной мультиколлинеарности (см. дальнейшее обсуждение этой проблемы в тексте).

3. * Значимость на уровне 0,01.

4. ** Значимость на уровне 0,05.

Источник. Панельное исследование NES 1972–1974–1976 годов.

женщин в 1972 году у партий не было разногласий, он в то время не был однозначно принимаемым; если это так, то тогда нет моментов, противоречащих модели, первоначальным условием которой был консенсус элит. Однако более правдоподобными кажутся другие объяснения. Несильный наклон регрессионной модели для либералов является, в первую очередь, результатом предельно высоких значений поддержки среди либералов. Сложно получить большой положительный коэффициент наклона регрессионной линии, если поддержка данной политики среди малоосведомленных либералов начинается с 71%. Что же касается очень заметного влияния идеологии, можно вспомнить, что 1972 год был почти высшей точкой подъема радикального феминизма — идеологии, практически не находившей поддержки среди широкой общественности, и это, наверное, вело к снижению поддержки равенства женщин в правах [166]. И еще, республиканская партия, хотя и поддерживала равенство женщин в 1972 году, была недалеко от отвода Поправки о равных правах. Все это делает вопрос о правах женщин особенно сложным для проверки гипотезы о господствующей тенденции во мнении. И тем не менее она, гипотеза, оказывается в конечном счете подкрепленной в том смысле, что наблюдается сильное положительное влияние осведомленности.

В целом, модель господствующей тенденции в дискурсе элит и результаты анализа вопросов, по которым наблюдается поляризация, соответствуют двум основным выводам ВПФ-модели: при консенсусе элит по некоторому вопросу политическая осведомленность приводит к увеличению поддержки политики, которая однозначно оценивается элитами, а в случае, когда по этому вопросу проходит линия противостояния элит, политическая осведомленность ведет к усилению поляризации среди представителей общественности, придерживающихся разных ценностных ориентаций¹.

¹ Господствующие нормы определяются не тем, в чем в данное время на самом деле убеждены элиты, а тем, что элиты, имеющие контакт с общественностью, представляют в своих публичных дискуссиях. Если, например, среди избранных на Юге должностных лиц было много тех, кто выступал в 1972 году против равных условий обслуживания для чернокожих, но не имел доступа к СМИ, чтобы выразить свое мнение, и если, с другой стороны, сторонники равных условий обслуживания могли активно выступать в СМИ, представляя свою точку зрения, то вопрос о равных условиях обслуживания определяется как господствующая норма. Элиты, которые признаются как формирующие общественное мнение, имеют или контролируют доступ к СМИ.

Взаимосвязи между установками и системы массовых убеждений

В обширной исследовательской литературе зафиксировано, что люди, принимающие либеральную (или консервативную) позицию по какому-то одному вопросу, склонны в большей или меньшей степени быть либералами (или консерваторами) и по ряду других вопросов. Такая тенденция чаще всего объясняется взаимосвязями установок. Понятие «взаимосвязи установок» подразумевает, что один тип установок (идеологических ориентаций) налагает ограничения на другие установки (политические предпочтения), связывая таким образом ряд установок в образующую единое целое систему убеждений. Классическая формулировка этого определения предложена в известной работе Конверса «Природа систем общественных убеждений» [44]¹.

Так получилось, что логика тезиса о поляризации аналогична логике определения взаимосвязи установок в работе [44]. Объясняя в ВПФ-модели поляризацию массовых установок в вопросах, по которым наблюдается противостояние элит, я рассматриваю и связанность установок.

Этот момент легко продемонстрировать.

По утверждению Конверса, идеология создается немногочисленными, как он говорит – креативными, элитами и в дальнейшем распространяется среди широкой публики. Элиты, таким образом, являются источником массовых идеологий. Конверс, однако, заявляет, что созданные элитами системы убеждений распространяются в неполном виде. Только политически осведомленные граждане уделяют достаточно внимания дискурсам элит, чтобы обнаружить, каково идеологическое значение отдельных политических решений (по терминологии Конверса, «что за чем следует»). В результате взаимосвязи установок в привычных образцах либеральной или консервативной ориентации проявляются только среди наиболее осведомленного слоя публики.

А теперь обратимся к представлению модели поляризации на рис. 6.5а-в. Наиболее осведомленные либералы и консерваторы (или демократы и республиканцы), чтобы выяснить, «что из чего следует», оглядываются на соответствующие партийные элиты. Получив информацию, они способны по ряду вопросов составить consistently либеральные или консерва-

¹ Более поздние исследования и библиографию огромного количества других работ см. в [252; 112].

тивные представления. Менее осведомленные респонденты, как показано на рисунке, с меньшей вероятностью обладают установками, конвенционально приемлемыми для их партийной ориентации, и поэтому в меньшей степени способны связывать свои установки по разным вопросам.

Общепринятый в исследованиях систем убеждений вывод о том, что средняя корреляция между ответами на вопросы выше среди более осведомленных граждан, является лишь генерализацией этой модели поляризации на предметную область исследования идеологии (см., например, [229; 112])¹. Следовательно, и существование консистентности установок по разным вопросам, и общепризнанная тенденция к возрастанию консистентности при повышении уровня осведомленности могут быть объяснены с помощью ВПФ-модели (D27, D28)².

Такой подход к пониманию консистентности установок не имеет, как мне кажется, значимых отличий от подхода Конверса. Это всего лишь нечто вроде конкретизации более общего тезиса.

Подробнее взаимосвязи установок я буду рассматривать в гл. 9; там показано, как взаимосвязи формируются и изменяются в условиях, когда поток сообщений (в отличие от того, каким он представлен в настоящей главе) не является ни стабильным во времени, ни сбалансированным в отношении либеральной и консервативной позиций.

Альтернативные объяснения

Существуют и альтернативные объяснения эмпирических закономерностей, описанных выше. Было бы полезно привести их краткий обзор, поскольку они отражают фрагментарное состояние сферы исследований общественного мнения, той самой, на которую я сетовал в гл. 1. К примеру, Кантрил [33] обнаружил, что люди, набравшие высокие баллы в тесте политичес-

¹ Лэйн [139], а также Маркус, Табб и Салливан [167] критикуют, среди прочих, тезис Конверса о системах убеждений на том основании, что в нем упускаются уникальные, индивидуальные особенности структурирования установок, а идеологическая консистентность приравнивается к искусственности. В моем подходе политическая осведомленность продвигает процесс социализации, в котором преодолеваются идиосинкразические структуры установок. Что касается консистентности, она не приравнивается к искусственности, разве что, возможно, в искаженном смысле: идеологически консистентному индивиду удастся воспринять определенный набор правил.

² Даже критики позиции Конверса обнаруживают свидетельства того, что связанность варьируется в зависимости от политической осведомленности (см. [252]).

кого знания, чаще поддерживали американское вмешательство во Второй мировой войне (в том числе и различные конкретные политические решения администрации Рузвельта, такие, как основание Организации Объединенных Наций в противовес «оси власти» Германия — Италия — Япония). Объяснение Кантрила заключается в том, что более информированные американцы лучше понимают свои истинные интересы. Стауффер [232] утверждал, что более образованные люди чаще поддерживают гражданские свободы, поскольку более склонны к трезвому переосмыслению проблемы; Олпорт [6, р. 405] объясняет повышенную либеральность более образованных людей в расовом вопросе их стремлением к личной безопасности. Бобо и Ликари [23] заявляли, что образование развивает политическую толерантность, потому что оно связано с «более искушенными формами мышления»¹, а Гамильтон [93] и Хан [88] пред-

¹ В исследовании «Политическая толерантность и американская демократия» Салливан, Пирсон и Маркус [233] утверждают, что более образованные люди *не* являются более толерантными, поскольку у них контролируется антипатия к целевой группе.

Здесь необходимы два примечания.

Во-первых, в модели господствующей тенденции предполагается, что образованные люди будут более толерантны, если только стоит вопрос о традиционно защищаемой гражданской свободе (как в случае со свободой политического высказывания, которую успешно защитили в Верховном суде несколько лет назад). Но модель господствующей тенденции не предсказывает связи уровня образования с поддержкой гражданских свобод, не получивших всеобщего признания, — таких, как право самопровозглашенных террористических групп, подобных симбионистской армии освобождения, преподавать в публичных школах. (Симбионистская армия освобождения — террористическая левая организация, действовавшая в 1970-е годы. Ее символом была змея с семью головами. Организацию, в которую входили более десятка молодых выходцев из среднего класса с университетским образованием, возглавлял афроамериканец Дональд Фриз, бывший заключенный. — *Прим. пер.*) Выясняя глобальный эффект образования, Салливан и др. не смогли различить, в каких случаях модель господствующей тенденции предполагает, что образование приведет к толерантности, а в каких случаях такого эффекта не будет. Из табл. 5.2 в работе [233] видно, что влияние образования на толерантность велико в вопросах требования свободы слова для групп, к которым человек испытывает антипатию; однако влияние образования несущественно в тех случаях, когда дело доходит до одобрения отношений своего ребенка с представителем какой-то из таких групп. Возможно, граждане демократической страны должны проявлять толерантность и в таких случаях, но в модели господствующей тенденции ничего не говорится о том, что в данном вопросе более образованные граждане будут более терпимы, нежели менее образованные.

Во-вторых, даже если более образованные люди более толерантны отчасти потому, что они меньше боятся определенных групп (это, по всей видимости, так), поддержка ими гражданских свобод все равно остается политической значимой. Пойдем дальше: вполне возможно, что небоязнь радикальных

предполагали, что более высокий уровень поддержки вьетнамской войны среди более образованных граждан может быть следствием, как пишет Гамильтон, «авторитаризма верхнего среднего класса» [р. 446]. Каждый из этих тезисов, возможно, правдоподобен для конкретного случая, но ни один из них нельзя генерализовать. В соответствии с ВПФ-моделью более образованные — или, иначе говоря, более политически осведомленные — граждане в каждом случае более подвержены господствующим ценностям элиты (даже там, где не проводился анализ, необходимый для выяснения вопроса о существовании господствующих норм, он, я думаю, был возможен).

В одном из тщательно выполненных исследований Джекмен [108] отмечает, что образование связано с либерализмом лишь в некоторых вопросах о расовом неравенстве (например, в вопросе расовой сегрегации), в то время как по другим проблемам (например, перевозка детей в автобусах в другие районы) такой связи нет. Джекмен, в противоположность большей части проводившихся ранее исследований, на этом основании заключает, что образование способствует скорее только «поверхностному» знакомству с демократическими ценностями, а не искренней им приверженности. Альтернативное утверждение ВПФ-модели, разумеется, состоит в том, что в первом случае здесь имеет место единодушие элит, а во втором — противостояние¹.

Объяснение ВПФ-моделью эффекта индоктринирования, который наблюдался в исследовании Кея, подверженностью влияния дискурса элит более предпочтительно во всех упомянутых вариантах, потому что оно соответствует более общей теории, имеющей широкий ряд приложений. В частности, модель может объяснить, почему осведомленность иногда создает то эффект поляризации, то эффект господствующей тенденции, хотя область, к которой относится вопрос, фактически остается той же².

групп является всего лишь одной из составляющих общепринятых гражданских свобод. Приобретение небоязни скорее характерно для более образованных людей. Например, привычка преодолевать иррациональный страх перед коммунизмом внутри страны стала важнейшим «общепризнанным» уроком периода маккартизма.

¹ Критику выводов Джекмен с использованием совершенно иного концептуального аппарата, но приводящую к тем же результатам, что и мои, см. в гл. 4 работы Снайдермана, Броди и Тетлока [227].

² Влияние образования на толерантность, как указывают Дач и Гибсон [59], значительно варьируется в зависимости от нации, и это является еще одним доводом в пользу того, что оно скорее определяет степень социализации, а не различия в когнитивных способностях или психологическом соответствии.

Существуют также альтернативные объяснения взаимосвязи установок. Чаще всего подчеркиваются внутренние источники связи, т.е. схематические ассоциации, которые возникают в сознании в результате обдумывания конкретных вопросов. Обращается внимание и на то, что люди, лучше разбирающиеся в политике (так называемые политические эксперты) в идеологическом плане более консистентны, нежели менее осведомленные («новички»), потому что они больше размышляют о политике [71; 115]. Ласкин [152] совершенно иначе подходит к этой проблеме. Рассматривая отношения между взаимосвязями установок и политической искусностью, он подчеркивает и связи между идеями-элементами в сознании. В ВПФ-модели, даже без отрицания важности обдумывания проблемы индивидом и внутриспсихических связей, которые возникают вследствие такого обдумывания, удастся объяснить консистентность установок без отсылок к такой ментальной организации. Вместо этого подчеркиваются внепсихологические или внешние источники взаимосвязи. ВПФ-модель в состоянии раскрыть совершенно иные эффекты осведомленности, обнаруживаемые в других контекстах (см. рис. 6.1 и 6.5). К тому же она способна лучше объяснять явления, которым в одинаковой степени подвержены и эксперты, и «новички», в том числе случайные колебания ответов и эффекты предыдущих ответов. И наконец, модель, как будет показано в гл. 7–10, добавляет динамический элемент к пониманию того, как осведомленность (или экспертиза) влияет на высказываемые установки.

Приложение

В вопросе о правильности действий США по вводу войск в регион период до 9 ноября, когда началась критика в конгрессе, кодируется как 0, а все последующее время как 1. В вопросе об ужесточении военных действий как 0 кодируется период до 15 декабря, когда президент Буш отверг предложение Ирака о встрече, тем самым показывая твердое намерение привести в исполнение ультиматум о крайнем сроке вывода иракских войск из Кувейта к 15 января, и как 1 — период после 15 декабря.

Таблица 6.3
Оценки коэффициентов регрессионной модели мнений
о войне в Персидском заливе

Переменные	Право посылать войска	Отказ вывести войска	Ужесточение военных действий против Ирака
Взаимодействие	-0,02	-2,19	1,33
Политическая осведомленность (стандартизированная)	-0,24 (0,17)	-0,73 (0,09)	0,13 (0,07)
Партийность (от -2 до +2)	0,09 (0,14)	0,28 (0,07)	0,19 (0,06)
Осведомленность × партийность	-0,03 (0,14)	0,12 (0,07)	0,06 (0,06)
Время	-0,18 (0,19)	—	-0,42 (0,19)
Пол (1 — жен., 0 — муж.)	-0,60 (0,13)	-0,35 (0,16)	-0,81 (0,14)
Расовая принадлежность (1 — чернокожие, 0 — прочие)	1,04 (0,20)	0,69 (0,17)	0,84 (0,25)
Этническая принадлежность (1 — евреи, 0 — прочие)	0,19 (0,49)	-0,15 (0,63)	-0,27 (0,49)
Время × осведомленность × партийность	0,15* (0,15)	—	-0,12 (0,17)
Время × партийность	0,23* (0,15)	—	-0,05 (0,15)
Время × осведомленность	-0,18* (0,19)	—	-0,12 (0,21)
N	1976	1987	1987

Примечания:

1. В таблице даны оценки логистической регрессионной модели, полученные методом максимального правдоподобия; стандартные ошибки приводятся в скобках.

2. * Три коэффициента, статистическая значимость которых по тесту Фишера $p < 0,1$.

Источник. Исследование NES 1990 года.

7. Базовые процессы изменения установок

ВПФ-модель не признает существования установок в общепринятом смысле этого термина. Здесь надо выразиться точнее. Люди создают высказывания установок (или ответы на вопросы интервью) на основании суждений, актуализированных в данный момент в их сознании. В рамках ВПФ-модели изменение установок понимается не как изменение опыта, замена одной кристаллизованной структуры мнений другой, а лишь как изменение баланса позитивных и негативных суждений по некоторому вопросу. Чтобы смоделировать все это, необходимо представить процесс добавления новых суждений к существующему в сознании человека множеству суждений, который тем самым смещает долговременную вероятность выбора определенного варианта ответа. Выражение *«постоянные сдвиги в долговременной вероятности выбора определенного варианта ответа»* является несколько неуклюжим, и поэтому в моих последующих рассуждениях используется более стандартный оборот — изменение установок. Однако читателю следует помнить, что последнее выражение я использую как условное, а в действительности имею в виду именно сдвиги в долговременной вероятности выбора определенного варианта ответа, которые возникают при усвоении новых суждений.

Изменение установок, понятое таким образом, становится гораздо более интересным предметом исследования, нежели простое изучение распределения мнений. Когда релевантные данные доступны, что бывает в некоторых случаях, аналитику не надо делать выводы о динамике процесса на основании статичного распределения мнений, как это делалось в гл. 6; он может напрямую наблюдать процесс формирования мнения. Это позволяет провести более многообещающую и провокационную проверку ВПФ-модели. В частности, появляется возможность в подробностях увидеть, становится ли подвержен-

ность противоположно направленным потокам информации, как утверждается в ВПФ-модели, движущей силой при формировании массовых установок.

В этой главе рассматриваются основы изменения установок, а также проводится первоначальная проверка моих аргументов. Более жесткой и придирчивой проверке модели посвящены последующие главы. Хотя я продолжу использовать в этой главе ВПФ-модель, чтобы проверять выводимые из нее следствия на соответствие данным, выводов будет меньше и за ними проще будет следовать. Поэтому отпадает и целесообразность их нумерации, как делалось ранее.

Моделирование изменения установок

Основные аксиомы ВПФ-модели позволяют сформулировать четкие выводы о том, как изменяются установки (или, в соответствии с только что сказанным, о том, что следует ожидать при изменении установок). Для этого имеет смысл вернуться к базовым принципам нашей модели.

Предположим, что через какой-то период времени изменится общественное мнение по некоторому вопросу. С точки зрения ВПФ-модели такое изменение возможно вследствие того, что соотношение консервативных и либеральных установок в сознании людей стало отличаться от прежнего. А последнее может произойти только в двух случаях.

Первый случай. Недавние события или сообщения усиливают актуальность существовавших до этого либеральных или консервативных суждений, тем самым вызывая изменения в выражаемых людьми установках (см. об эффектах актуализации в гл. 5). Хотя эффекты актуализации могут сохраняться в течение любого времени, в зависимости от того, как долго события или сообщения, их вызывающие, остаются значимыми, они не приводят к изменению чувств людей по отношению к самому вопросу и поэтому не могут определяться как изменения установок. Устойчивые эффекты актуализации скорее можно было бы назвать изменениями настроения.

Эмпирически изменения настроения трудно отличить от изменений установок, разве что в лабораторном эксперименте, где позволительно изменять установки испытуемых, не предлагая им новых идей. Тем не менее я догадываюсь, что хорошо известная президентская стратегия «сплочения вокруг флага», с помощью которой рейтинги президентов США взлетают во

времена международных кризисов [179; 30], срабатывает, вероятно, благодаря изменениям общественного настроения. Это означает, что президентская функция лидерства становится особенно значимой для публики во времена опасности и оценка президента изменяется, даже если суждения, лежащие в основе этой оценки, остаются теми же. Важно, однако, подчеркнуть, что изменение настроений общественности может быть в большинстве случаев лишь частичным объяснением эффекта сплочения, поскольку, как показывал Броди [30], хронометраж и сила эффекта сплочения зависят от того, в какой степени другие политические элиты поддерживают президента во время кризиса. Вследствие недостатка данных я не рассматриваю здесь эффекты настроения более подробно.

Второй случай. Некоторые представители общественности подвергаются воздействию убеждающих сообщений и интериоризируют предлагаемые в этих сообщениях суждения; в результате в их сознании смещается баланс либеральных и консервативных суждений и, следовательно, меняются долговременные вероятности выборов тех или иных вариантов ответов. Этот тип изменения соответствует определению изменения установок, предложенному выше. Изменение установок представляет собой двухступенчатый процесс, состоящий из *восприятия* новых идей и *принятия* некоторых из них в качестве собственных суждений, что в конечном счете изменяет баланс суждений в сознании людей.

Заметим, что в течение периода изменения установок у людей могут появиться и новые либеральные, и новые консервативные суждения. Логически необходимым для изменения установок, если, к примеру, общественное мнение в целом сместилось в консервативную сторону, является преобладание в сознании людей консервативных суждений. Если же первоначально существовавший баланс суждений отражал баланс консервативных и либеральных сообщений за предшествующий период, относительное преобладание консервативных суждений приведет к увеличению *относительной интенсивности* потока консервативных сообщений.

Рассмотрим такой пример. Предположим, каждую неделю в новостях представлены девять либерально ориентированных сюжетов, относящихся к определенному вопросу, и один проконсервативно ориентированный сюжет, причем все десять обладают одинаковыми значимостью и достоверностью. Предположим также, что каждую неделю в СМИ затем появляются

восемь либеральных и два консервативных сообщения. Данное изменение — это фактически прирост относительной интенсивности потока консервативных сообщений, и он может вызвать сдвиг мнений в консервативном направлении.

В предложенном примере полезно опустить ссылки на консервативные и либеральные сообщения и перепроверить гипотезу в терминах доминантного и противостоящего ему сообщений. Таким образом, поток сообщений, который более интенсивен в течение времени изменения установок, определяется как доминантный поток, а менее интенсивный — как поток, противостоящий ему. Иногда, когда противостоящий, менее интенсивный поток, даже оставаясь таковым, тем не менее приобретает большую относительную интенсивность (как в примере с десятью историями), изменение мнения может происходить и в направлении этого потока. Чаще всего, однако, изменение мнения будет происходить в направлении более интенсивного, или доминантного, потока сообщений.

Определим вероятность того, что данный индивид выразит поддержку доминантной позиции в момент времени 1 как

$$\frac{D_1}{C_1 + D_1},$$

где C_1 и D_1 — первоначальное число суждений в сознании человека, имеющих соответственно доминантную и контрдоминантную направленность¹. Таким образом, если некоторые индивиды имеют три доминантных и два противостоящих суждения и если они отвечают на основании первого приходящего им в голову суждения, вероятность того, что они будут основываться на доминантном суждении, составляет $3 / (3 + 2) = 0,6$.

В течение последующего периода люди, реагируя на политические сообщения, с которыми они сталкиваются, могут формировать новые суждения. Будем обозначать через D_2 новые суждения, имеющие доминантную направленность, и через C_2 новые суждения, имеющие противостоящую направленность. При этом изменения долговременных вероятностей выбора того или иного варианта ответа, т.е. изменение установок, могут быть определены как различие между долей суждений, имеющих доминантную направленность в момент вре-

¹ Я вновь предполагаю, что индивиды выстраивают свои ответы на основе первого пришедшего им в голову суждения и что какие-то суждения обязательно приходят им в голову. Другими словами, я не рассматриваю ситуации, когда люди не имеют никакого мнения по определенному вопросу.

мени 2, и долей суждений, имеющих эту же направленность в момент времени 1:

$$\text{Изменение вероятности выбора варианта ответа} = \frac{D_1 + D_2}{(C_1 + C_2) + (D_1 + D_2)} - \frac{D_1}{C_1 + D_1}. \quad (7.1)$$

Уравнение (7.1), в котором лишь утверждается, что изменения долговременных вероятностей зависят от изменений набора суждений, связанных с определенным вопросом, является тем не менее основанием для всего последующего исследования изменения установок. Из этого уравнения можно видеть, что зависимость степени изменения установок от доминантных или противоположных им суждений обуславливается четырьмя переменными — C_1 , D_1 , C_2 и D_2 .

Начиная исследовать степень изменения установок, полезно сфокусироваться на сопротивлении изменениям в направлении доминирующих суждений при фиксированном уровне подверженности доминантным и противоположно направленным сообщениям. Такая сопротивляемость может быть трех форм: сопротивление из-за приверженности, инерционное сопротивление и оппозиционное сопротивление. Сопротивление каждой из форм в большей или меньшей степени зависит от элементов уравнения (7.1).

Сопротивление из-за приверженности (partisan resistance).

Люди могут отказываться интериоризировать новые доминантные сообщения, которые они воспринимают как неконсистентные по отношению к своим предрасположенностям. Вероятность этого восприятия, распознавания зависит (в соответствии с аксиомами А1—А3) от наличия и доступности контекстуальной информации в соответствующих сообщениях-подсказках. Отвергая доминантное сообщение, человек подтверждает, что значение D_2 невелико или равно нулю, а это снижает вероятность изменения в доминантном направлении. Поскольку такое категоричное отклонение доминантного сообщения проявляется вследствие личных предрасположенностей, я называю такое сопротивление сопротивлением из-за предрасположенности, или приверженности.

Инерционное сопротивление. Индивиды (особенно те из них, которые хорошо разбираются в политике) могут обладать большими объемами уже сформировавшихся ранее суждений C_1 и D_1 , так что даже если они интериоризируют какое-то

число новых суждений D_2 , их влияние будет заглушено эффектами суждений, сформировавшихся ранее. Поскольку сопротивление этой формы зависит от инерционной массы сформировавшихся ранее суждений, я называю его инерционным сопротивлением по отношению к убеждающим сообщениям.

Оппозиционное сопротивление. Индивиды могут интериоризировать противоположно направленные суждения (C_2) в течение периода изменения установок. Я называю влияние суждений, противодействующих новым доминантным суждениям, оппозиционным сопротивлением.

В соответствии с логикой ВПФ-модели степень *сопротивления каждой формы* должна возрастать с повышением уровня политической осведомленности. Чтобы увидеть, почему это происходит именно так, можно рассмотреть пример того, как бы воздействовали на либералов доминантные консервативные и оппозиционные по отношению к ним либеральные сообщения.

Очевидно, что либералы с большей вероятностью, чем консерваторы, склонны отвергать доминантные консервативные сообщения, во всяком случае если они обладают контекстуальной информацией, которая позволяет им распознать эти сообщения как неконсистентные по отношению к своим предрасположенностям. Поскольку более осведомленные либералы, в соответствии с аксиомой восприятия, с большей вероятностью обладают контекстуальной информацией, необходимой для такого распознавания, они с большей вероятностью отвергают доминантные сообщения, с которыми они сталкиваются, тем самым демонстрируя большее *сопротивление из-за приверженности*, нежели менее осведомленные либералы.

Наиболее осведомленные либералы, скорее всего, обладают и наибольшим запасом сложившихся либеральных убеждений, что приводит к большей вероятности того, что они проявят *инерционное сопротивление* (ведь поскольку наиболее осведомленные либералы хорошо разбираются в политике, они в большей степени будут подвержены влиянию появившихся ранее либеральных сообщений, многие из которых ими интериоризованы).

И наконец, хорошо разбирающиеся в политике либералы в большей степени подвержены влиянию противодействующих либеральных суждений в течение периода изменения установок; как либералы, они, наверное, будут принимать эти суж-

дения. Поскольку данная группа граждан с наибольшей вероятностью интериоризирует новые либеральные суждения, ее представители также выражают и *оппозиционное сопротивление* изменениям.

Следует отметить, что в приведенном примере и в моих аргументах об изменении установок сопротивление изменению установок означает сопротивление изменению в долгосрочных вероятностях выбора того или иного варианта ответа. Таким образом, люди, хорошо разбирающиеся в политике, могут интериоризировать отдельные консервативные сообщения, но одновременно формировать и некоторые противостоящие им суждения или же выражать инерционное сопротивление, и поэтому их долгосрочные вероятности выбора консервативных вариантов ответа остаются неизменными.

В общем же, повторим, имеются три формы сопротивления доминирующей направленности коммуникации. Люди могут сопротивляться, либо *отвергая* чуждые им по духу сообщения, когда они им встречаются, либо, если же они приняли некоторые из них, *противодействуя* их влиянию, основываясь на противоположных или инерционных суждениях. Поскольку каждая из трех рассмотренных выше форм сопротивления по отношению к убеждающей коммуникации ведет к разным эффектам, можно продемонстрировать, что каждый из них вносит свой вклад в противодействие изменению установок. В гл. 8–10 подтверждается наличие таких независимых эффектов сопротивления.

Что касается настоящей главы, она имеет иную направленность. В ней анализируется модель изменения установок, в которой не учитывается ни один из этих механизмов сопротивления, не принимается во внимание поток коммуникации противоположной направленности. Предлагается модель, где индивидам предъявляется только одно сообщение; здесь относительной интенсивностью обладают только сообщения одной направленности, которые и вызывают изменение установок. Модель изменения установок с одним сообщением должна приблизить читателя к пониманию сложных схем изменения установок, которые предполагаются в ВПФ-модели; она может также использоваться как редуцированная форма модели изменения установок в большинстве ситуаций, в которых недоступны данные, необходимые для распознавания независимых эффектов сопротивления из-за приверженности, инерционного и оппозиционного сопротивления.

Процессы восприятия и принятия при изменении установок

Из сказанного выше можно заключить, что изменение установок предполагает, как минимум, восприятие и принятие одного или нескольких суждений. Исходя из этого, я буду представлять изменение установок как результат следующего вероятностного процесса восприятия и принятия суждений:

$$\text{Вер(изменения)} = \text{Вер(восприятия)} \times \text{Вер(принятия|восприятия)}, \quad (7.2)$$

где *Вер(изменения)* — вероятность изменения долговременной вероятности выбора того или иного варианта ответа; *Вер(восприятия)* — вероятность восприятия сообщения, приводящего к изменению установок (восприятие предполагает, что человек сталкивается с сообщением и понимает его); *Вер(принятия|восприятия)* — вероятность принятия (или интериоризации) данного сообщения при условии, что оно воспринято.

Таким образом, если, к примеру, некто воспринимает сообщение с вероятностью 0,5 и принимает его (восприняв) с вероятностью 0,5, то вероятность того, что его установка изменится, является в соответствии с данной моделью просто произведением этих вероятностей восприятия и принятия, т.е. $0,5 \times 0,5 = 0,25$.

Очевидно, в таком представлении о процессе изменения установок упускаются сами суждения, которые в большинстве ситуаций изменения установок не могут измеряться напрямую. Зато большое внимание уделяется вероятности изменения выражаемых установок в целом. Кроме того, модель пренебрегает влиянием сообщений противоположной направленности, хотя они зачастую присутствуют при изменении установок. Надо признать, что это существенные упрощения. Тем не менее уравнение (7.2) описывает процессы восприятия и принятия суждений, как это и требует ВПФ-модель; его, это уравнение, можно изменить, чтобы в нем учитывались *эффекты* самих суждений и влияние сообщений противоположной направленности на степень изменения установок.

Добавим в уравнение (7.2) более специфические характеристики входящих в него переменных восприятия и принятия суждений. Из предыдущих глав нам известно, что вероятность восприятия сообщений, которые могут вызвать изменение установок, положительно коррелирована с личным уровнем по-

литической осведомленности. Значит, можно заранее оговорить, что вероятность восприятия *Вер(восприятия)* в этом уравнении увеличивается при повышении функции (позитивной) политической осведомленности.

Если говорить о функции принятия в уравнении (7.2), то более осведомленные граждане вследствие большего внимания к сообщениям-подсказкам, большего запаса суждений и большей подверженности влиянию сообщений противоположной направленности обладают относительно большим сопротивлением по отношению к эффектам доминантного сообщения, не консистентного с предрасположенностями сообщений-подсказок. Следовательно, можно использовать осведомленность, уже операционализированную переменную, для того чтобы распознавать эти три трудно уловимых механизма сопротивления. Выражаясь более точно, можно конкретизировать функцию принятия в уравнении (7.2), в котором вероятность принятия снижается при одновременном увеличении осведомленности и идеологического несогласия с данным сообщением.

Прежде чем конкретизировать эту функцию восприятия и принятия суждений, имеет смысл проиллюстрировать предлагаемые здесь идеи, сформулировать основные выводы.

Рассмотрим (табл. 7.1) гипотетические данные, которые включают вероятности восприятия, принятия и изменения установок для людей с разным уровнем политической осведомленности.

Таблица 7.1
Изменение установок вследствие влияния гипотетического сообщения

Подфункции	Уровень политической осведомленности		
	низкий	средний	высокий
<i>Вер(восприятия)</i>	0,10	0,50	0,90
<i>Вер(принятия восприятия)</i>	0,90	0,50	0,10
<i>Изменение (восприятия×принятия)</i>	0,09	0,25	0,09

Здесь из первой строки видно, что при увеличении политической осведомленности от низкой к средней и далее к высокой вероятность восприятия возрастает от 0,10 к 0,50 и затем к 0,90. Эти гипотетические цифры описывают центральную для ВПФ-модели тенденцию, в соответствии с которой вос-

приимчивость по отношению к политическим сообщениям увеличивается по мере повышения уровня осведомленности. Вторая строка — вероятность принятия уменьшается с 0,90 до 0,10 по мере того, как осведомленность изменяется с низкой до высокой; эти цифры отражают описанную выше тенденцию, согласно которой уровень принятия тяготеет к уменьшению по мере увеличения осведомленности. Вероятности изменения приведены в третьей строке. Как видим, наибольшая вероятность изменения установок в этом гипотетическом случае именно у респондентов со средним уровнем осведомленности.

По сути, модель подразумевает, что отношения между осведомленностью и изменением установок могут быть немоноктонными, т. е. скорее всего будут изменяться установки респондентов со средним уровнем осведомленности. Краткое рассмотрение выборов в конгресс в гл. 2, многие другие материалы подтверждают, что немоноктонные паттерны изменения установок достаточно закономерны для данных об общественном мнении. Дальнейшие конкретизация и уточнение функций восприятия и принятия в уравнении (7.2) являются центральным моментом в объяснении изменения установок на протяжении четырех последующих глав.

Следует добавить, однако, что изменение установок не всегда соответствует немоноктонному паттерну. Предполагается, что в зависимости от того, как взаимодействуют различные переменные индивидуального уровня и переменные, характеризующие сообщения, формируются совершенно разные паттерны изменения. *Немоноктонный паттерн изменения установок является лишь одним из возможных вариантов.* Эти различные варианты не случайны, а соотносятся с определенными теоретическими моделями. Чтобы представить их, удобнее всего предложить обзор работ Макгайра [159; 160] — социального психолога, первым предложившего модель восприятия-принятия в том виде, в котором она представлена в уравнении (7.2).

Паттерны изменения установок

Макгайр исходил из давно волновавшей социальных психологов проблемы — речь идет о соотношении типа личности и внушаемости. Он отмечал, что некоторые черты личности (самооценка, интеллект, отсутствие тревожности) связаны с немоноктонным паттерном изменения установок в экспериментальных лабораторных исследованиях внушаемости. Объясняя

это явление, Макгайр предположил, что названные личностные черты могут иметь положительную связь с восприятием убеждающих сообщений и негативную — с расположением к принятию сообщения при условии его восприятия¹. Когда, например, подтверждается ожидаемая положительная связь между самооценкой и восприятием, есть основания утверждать, что высокая самооценка связана со снижением потребности в защите эго, возрастанием возможности фокусировать собственное внимание и снижением уровня тревожности, а в совокупности все это приводит к повышению вероятности восприятия убеждающих сообщений². В случае, когда подтверждается ожидаемая отрицательная связь между самооценкой и принятием полученных сообщений, можно считать, что люди с низкой самооценкой склонны некритически принимать любые сообщения, с которыми они сталкиваются.

Исходя из того, что самооценка имеет положительную связь с восприятием и отрицательную с принятием сообщений, Макгайр предложил логику процесса восприятия-принятия, описанную в уравнении (7.2) и проиллюстрированную только что рассмотренными гипотетическими данными, которые объясняют, почему ожидаемые отношения между самооценкой и изменением установок при определенных условиях немонотонны.

Макгайр, однако, приходит к выводу, что уравнение (7.2) соответствует и множеству других паттернов изменения мнений. Действительно, огромная ценность модели восприятия-принятия, предложенной Макгайром, заключается в следующем: она позволяет исследователю объяснить противоречивые, на первый взгляд, результаты.

Рассмотрим типичную ситуацию «затрудненности обучения», при которой убеждающее сообщение по некоторым причинам с трудом доходит до адресата. Причинами возникающей затрудненности могут быть шум, искажения и сложность самого сообщения. Пример такой сложной ситуации — лекция по физике в колледже; наверное, все студенты-физики в высшей степени предрасположены принимать содержание лекции, но только наиболее сообразительные в состоянии понять его. Будем исходить в этом примере из того, что каждый индивид имеет вероятность принятия содержания лекции по физике 1,0

¹ Макгайр для обозначения того, что я называю принятием (acceptance), использовал термин «соглашение» (yielding).

² Свидетельства о связи самооценки с подверженностью политическим ценностям во внелабораторных условиях см. в работе Снайдермана [225].

Таблица 7.2

Изменение установок в ситуации «затрудненности обучения»

Подфункции	Уровень политической осведомленности		
	низкий	средний	высокий
<i>Вер(восприятия)</i>	0,10	0,20	0,30
<i>Вер(принятия восприятия)</i>	1,00	1,00	1,00
<i>Изменение (восприятия×принятия)</i>	0,10	0,20	0,30

и воспринимает ее. Но эффективность восприятия положительно связана с интеллектом. Если мы представим соответствующие отношения в виде табл. 7.2, то обнаружим, что изменение установок вследствие влияния убеждающих аргументов преподавателя будет чаще всего происходить у наиболее способных студентов (третья строка).

Как будет показано в дальнейшем, существуют политические ситуации, когда потоки сообщений обладают столь низкой интенсивностью или их так сложно понять, что они доходят лишь до наиболее осведомленных людей. В подобных случаях, в этих ситуациях «затрудненности обучения», мнение изменится скорее всего у наиболее осведомленных людей. Хотя последние в целом более критичны к аргументации, только на них новая информация может оказывать эффективное воздействие.

Теперь рассмотрим противоположный тип ситуации убеждения — ситуацию «легко идущего обучения», в которой кто-то будто бы стоит перед большой аудиторией и суггестивно повторяет: «Ваша голова движется вперед-назад, вперед-назад». Именно простота и ясность убеждающего сообщения облегчает обучение в такой ситуации, и мы можем предположить, что практически все (за исключением, возможно, плохо слышащих) это сообщение воспримут. Будем считать вероятность восприятия сообщения для всех людей равной 1,0. Если мы примем, что вероятность восприятия в данной ситуации отрицательно коррелирована с интеллектом, то обнаружим: мотать головой вперед-назад будут скорее люди с низким интеллектом (табл. 7.3).

Макгайр цитировал многочисленные работы, в которых приводимые результаты исследований являются, на первый взгляд, противоречивыми, но все они могут прекрасно интерпретироваться в свете данной модели. Отношение между любой чертой личности, имеющей положительную связь с восприятием убеждающих сообщений и негативно связанной с

Таблица 7.3

Изменение установок в ситуации «легко идущего обучения»

Подфункции	Уровень политической осведомленности		
	низкий	средний	высокий
<i>Вер(восприятия)</i>	1,00	1,00	1,00
<i>Вер(принятия восприятия)</i>	0,90	0,50	0,10
<i>Изменение (восприятия×принятия)</i>	0,90	0,50	0,10

вероятностью их некритического принятия, и изменением установок может быть положительным, отрицательным или немонотонным. Зависит это от того, подчеркивается ли в ситуации убеждения способность субъектов воспринимать сообщение (как это происходит в образовательных ситуациях или ситуациях «затрудненности обучения»), их желание принимать сообщение (как в случае с простыми повторяющимися сообщениями), или же имеет место и то и другое (что может иногда приводить к немонотонной модели изменения).

Политическая осведомленность, как и черты личности, которые исследовал Макгайр, должна быть положительно связана с восприятием убеждающих сообщений и отрицательно связана с вероятностью некритического их принятия. Из этого следует, что отношения между осведомленностью и изменением установок тоже могут быть положительными, отрицательными или же немонотонными. Теория позволяет предложить целый ряд кривых и связать их с реальными данными, в зависимости от того, как предрасположенности и осведомленность индивидов взаимодействуют с отдельными сообщениями. Разные виды кривых (а не одну кривую) приходится использовать именно потому, что убеждающие сообщения сильно отличаются и могут быть как очень сложными («низкой интенсивности»), так и очень простыми («высокой интенсивности»). А если меняется интенсивность потоков сообщений, сильно меняется и форма кривой, описывающей вероятность изменения установок в зависимости от характеристик сообщения.

Аналогично критическое отношение к сообщению в разных группах людей может различаться в зависимости от соответствия между их политической приверженностью и политической окраской источника сообщения. Этот фактор, который Макгайр вообще не рассматривал, может очень сильно повлиять на форму кривых, описывающих изменения установок.

Таблица 7.4

**Изменение установок в результате восприятия
либерального сообщения тремя идеологическими группами**

Подфункции	Уровень политической осведомленности								
	среди либералов			среди центристов			среди консерваторов		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
<i>Вер(восприятия)</i>	0,10	0,50	0,90	0,10	0,50	0,90	0,10	0,50	0,90
<i>Вер(принятия восприятия)</i>	0,90	0,85	0,80	0,90	0,55	0,20	0,90	0,46	0,02
<i>Изменение(принятия×восприятия)</i>	0,09	0,425	0,72	0,09	0,275	0,18	0,09	0,23	0,018

Позвольте мне привести несколько иллюстраций.

В табл. 7.4 даны паттерны восприятия и принятия либерального сообщения тремя идеологическими группами — либералами, центристами и консерваторами. Кривые, описывающие связь оценок восприятия и принятия, приведенных в таблице, имеют разную форму.

Для всех трех групп вероятность восприятия либерального сообщения увеличивается от 0,10 до 0,50 и 0,90 по мере повышения политической осведомленности (первая строка). Интенсивность убеждающего сообщения остается для всех групп одинаковой. Уровень принятия, тоже для всех трех групп, уменьшается при снижении осведомленности. При этом надо отметить, что снижение уровня принятия более резко среди консерваторов (здесь он падает от 0,90 до 0,02) по сравнению с либералами (падение от 0,9 до 0,8); центристы же оказываются где-то посередине. В результате изменение установок происходит по двум разным сценариям: вероятность изменения возрастает среди либералов (от 0,09 до 0,425 и 0,72) и оказывается немонотонной по отношению к осведомленности среди центристов и консерваторов.

Поскольку рассмотренные паттерны под разным видом появляются в книге и дальше, в целом повторяя данные оценки восприятия и принятия (см. также рис. 7.4 и 10.1), важно более отчетливо, полностью определить, каким образом возникает указанная выше немонотонность: установки консерваторов и центристов, обладающих более низким уровнем осведомлен-

ности, сильно не меняются, поскольку только 10% из них когда-либо подвергались воздействию сообщения, вызывающего изменение установок. Консерваторы и центристы, хорошо разбирающиеся в политике, с большой степенью вероятности воспримут либеральное сообщение (их уровень восприятия 90%), но уровень принятия ими сообщения настолько низок (от 2 до 20% соответственно), что лишь у очень немногих в результате изменятся установки. Это приводит к тому, что консерваторы и центристы, средне разбирающиеся в политике, оказываются наиболее склонными к изменению установок: они уделяют политике, с одной стороны, достаточно внимания, чтобы воспринимать либеральные сообщения, и, с другой стороны, недостаточно внимания, чтобы отвергать те из них, которые неконсистентны с их ценностями. Как можно видеть, немонотонные формы кривой изменения установок для консерваторов и центристов различны, поскольку отрицательное влияние осведомленности на восприятие в первом случае сильнее, чем во втором.

В связи с этим примером попутно встает вопрос о том, почему среди либералов вообще наблюдается тенденция сопротивляемости по отношению к либеральным сообщениям в зависимости от осведомленности. В самом деле, может ли *не* возрастать уровень принятия сообщения в зависимости от политической осведомленности, когда сообщение близко по духу?

Мой ответ на данный вопрос основан на эмпирических наблюдениях. Если в конструкции модели допускается немонотонный тип взаимодействия между переменными, между осведомленностью и вероятностью принятия сообщения должна быть отрицательная зависимость, даже когда сообщение идеологически консистентно. Влияние осведомленности на принятие сообщения может оказаться несильным, как в примере с либералами, реагирующими на либеральное сообщение, но, как мне представляется, оно всегда будет негативным¹. Это означает, что, наверное, более осведомленные граждане по причине инерционного сопротивления всегда оказываются менее склонны к изменению установок при восприятии убеждающего сообщения, чем менее осведомленные граждане.

¹ В частности, не наблюдается тенденции взаимодействия осведомленности с идеологией в процессе принятия, что могло бы привести к положительному коэффициенту наклона кривой для одной идеологической группы и отрицательному для другой. За исключением табл. 7.7 и 9.1, я не ссылаюсь на результаты соответствующей проверки, поскольку рассматриваю эти данные исключительно как иллюстративные.

Предварительное тестирование модели

Хотя рассмотрение сокращенного варианта модели восприятия-принятия еще не завершено, полезно было бы продемонстрировать, как только что представленные модели изменения установок проявляют себя в реальном политическом мире. Я приведу два примера; в одном из них мнение изменяется в либеральном направлении, в другом — в консервативном.

Первый пример — анализируются установки общественности по отношению к затратам на оборону. В предвыборных исследованиях NES 1980 и 1982 годов задавался следующий вопрос: «Некоторые люди считают, что нам следует тратить намного меньше денег на оборону. Другие же думают, что затраты следует значительно увеличить. Какова ваша позиция по данному вопросу или же вы не задумывались о нем серьезно?» Затем респондентов просили оценить свою позицию по семи-балльной шкале — от жесткой позиции за сокращение затрат (1 балл) до позиции в защиту увеличения затрат (7 баллов).

За два года, прошедших между исследованиями, публикации по вопросу о затратах на вооружение преимущественно поддерживали их снижение. Как отмечалось в гл. 2, контент-анализ новостных репортажей в «Ньюсуик» показал, что соотношение сообщений за и против затрат на оборону составляло примерно 1 к 2. Конечно, сообщения противоположной направленности появлялись, но доминирующими в тот период были сообщения, поддерживавшие сокращение затрат. В результате воздействия таких доминирующих сообщений число граждан, поддерживавших сокращение затрат (респондентов, отметивших по шкале позиции 1, 2 или 3) в двух исследованиях NES, возросло с 10 до 28%¹.

Второй пример — анализируется политика США в Центральной Америке. Вопрос, который задавался респондентам осенью 1986 года и части этих же респондентов в июне 1987 года, звучал следующим образом: «Некоторые люди считают, что Соединенным Штатам следует больше вмешиваться во внутренние дела стран Центральной Америки. Другие же

¹ В период с 1978-го по 1980 год публикации в том же журнале по вопросу об обороне в большей степени склонялись к поддержке *увеличения* затрат примерно в том же соотношении, в каком они склонялись к поддержке сокращения затрат на оборону в 1980—1982 годах. Однако в исследованиях NES не проводились альтернативные параллельные измерения установок по отношению к затратам на вооружение до периода 1980—1982 годов.

думают, что следует меньше вмешиваться. Какова ваша позиция по данному вопросу или же вы не задумывались о нем?»

Противостояние элит по делу Иран-контрас началось в ноябре, когда проходил полевой этап исследования NES, и достигло высшего пика через несколько месяцев. Центральными для этого противостояния были утверждения, что администрация Рейгана незаконно использовала доходы от продажи оружия Ирану, чтобы поддержать контрреволюционных партизан, боровшихся с коммунистическим правительством Никарагуа. Слушания в сенате по иранскому делу проходили во время повторных интервью в июне. Как мы увидим в следующей главе, это противостояние привело к снижению популярности президента Рейгана. Но оно также вызвало повышение популярности политики президента в Центральной Америке, что иллюстрируется дерзкими показаниями подполковника Оливера Норта на слушаниях в сенате. В результате общественность стала больше поддерживать вмешательство США в Центральной Америке. Согласно исследованиям NES 1986—1987 годов эта поддержка выросла с 28 до 38%¹.

Если изменение массовых установок действительно произошло, то модель восприятия-принятия позволяет определить, какими же будут паттерны этих изменений. Когда общественное мнение изменяется в результате влияния преимущественно *либеральных* сообщений (см. случай с затратами на оборону), надо ожидать, что у либералов будет наблюдаться положительная связь между политической осведомленностью и вероятностью изменения мнения. В отношении консерваторов, воспринимающих либеральное сообщение, следует ожидать немонотонного паттерна, при котором наиболее подверженными изменению окажутся консерваторы, средне разбирающиеся в политике. Но когда, как в связи с вопросом о Центральной Америке, массовые установки начинают изменяться вследствие влияния *консервативного* сообщения, все должно происходить наоборот: мы предполагаем, что между осведомленностью и изменением мнения у консерваторов будет наблюдаться положительная зависимость, а для либералов отношения между этими переменными окажутся немонотонными.

Чтобы проверить все эти гипотезы, нам для каждого исследования необходимо определить уровень политической ос-

¹ Данные коммерческих исследований, свидетельствующие именно о таком увеличении поддержки вмешательства США в Центральной Америке, см. в работах Собела [228] и Боуэна [24].

ведомленности и ценности (или политическую приверженность индивида). Осведомленность в обоих примерах можно легко найти по тестам нейтрального политического знания. Для исследований 1980 и 1982 годов наиболее приемлемый показатель ценностей — традиционный вопрос о партийной приверженности. Поскольку главным вопросом межпартийного конфликта между республиканцами и демократами в начале 1980-х годов был вопрос о затратах на оборону, именно в этом вопросе целесообразно использовать партийную приверженность как показатель политических предрасположенностей. А в исследованиях изменения установок по отношению к Центральной Америке использовался такой прекрасный показатель политических ценностей, как вопросы Гурвица—Пеффли об антикоммунизме и военной бдительности [101]¹.

Результаты проверки гипотезы см. в табл. 7.5 и 7.6².

Обратимся сначала к табл. 7.5. В ней показан уровень поддержки сокращения затрат на вооружение отдельно в 1980 и 1982 годах для групп демократов и республиканцев с разным уровнем осведомленности.

Как видим, в 1980 году за сокращение затрат на оборону высказывались 12% демократов с наименьшим уровнем осведомленности; в 1982 году за сокращение затрат высказывались уже 16% демократов с тем же уровнем политической осведомленности. Разница 4%. В то же время уровень поддержки наиболее осведомленных демократов поднялся с 20 до 57%, т. е. разница составила 37%.

Нас здесь интересует вероятность изменения установок, т. е. вероятность того, что индивид, который еще не убежден в целесообразности сокращения затрат на вооружение, перей-

¹ В постэлекторальном исследовании NES 1986 года был вопрос о вмешательстве США в Центральной Америке. Этот вопрос повторялся на одном из этапов пилотажного исследования NES в июне 1987 года, в котором проводились повторные интервью с 457 респондентами из осеннего исследования. Вопросы Гурвица — Пеффли о милитаризме предлагались и на втором этапе пилотажного исследования, который проходил в августе и в котором были опрошены только 360 респондентов из этих 457. Поскольку для анализа необходима шкала милитаризма, он основан на интервью, взятых осенью 1986 года и в июне 1987 года у тех респондентов, которые согласились дать интервью на втором этапе пилотажного исследования в августе.

² Первоначально в вопросах о затратах на оборону и вмешательстве в Центральной Америке респондентам предлагалось оценить свою позицию по семибальной шкале. Для целей данного исследования позиции 1, 2 и 3 по вопросу о затратах были объединены в позицию поддержки сокращения затрат; в вопросе о Центральной Америке позиции 5, 6 и 7 были объединены в позицию поддержки усиления американского вмешательства в Центральной Америке.

Таблица 7.5

Поддержка сокращения затрат на оборону, 1980 и 1982 годы

Партийная приверженность	Уровень политической осведомленности			
	наименьший	низкий	высокий	наибольший
<i>Демократы</i>				
1980 год	12 (318)	11 (131)	12 (129)	20 (123)
1982 год	16 (304)	36 (185)	41 (128)	57 (153)
Уровень изменения	4	28	33	46
<i>Республиканцы</i>				
1980 год	8 (134)	12 (78)	3 (125)	4 (161)
1982 год	10 (113)	23 (103)	29 (100)	14 (128)
Уровень изменения	2	13	27	10

Примечания:

1. В таблице указан процент тех, кто поддерживал сокращение затрат на оборону; в скобках — соответствующее число респондентов.

2. Уровень изменения, %, находили по формуле $(\text{Мнение}_{82} - \text{Мнение}_{80}) / (100 - \text{Мнение}_{80}) \times 100$.

Источник. Исследования NES 1980 и 1982 годов.

дет на позицию поддержки этих затрат ко времени второго исследования. Если в 1980 году сокращение затрат поддерживали 20% хорошо разбирающихся в политике демократов, а в 1982 году 57%, то процент людей, сначала не признававших необходимость сокращения, но затем изменивших свое мнение, составляет:

$$\text{Уровень изменения} = \frac{57 - 20}{100 - 20} 100 = 46\%.$$

Из табл. 7.5 видно, что уровень изменения, подсчитанный для разных групп респондентов, в целом соответствует ожиданиям: более осведомленные демократы чаще склонны изменить мнение в пользу поддержки сокращения затрат.

Обращаясь к республиканцам, следует отметить: вероятность изменения установок возрастает от 2% для группы респондентов с наименьшим уровнем осведомленности до 13 и 27% в двух следующих категориях и падает до 10% в последней категории. Это означает, что, как и ожидалось, зависимость является немонотонной.

Таблица 7.6

**Поддержка усиления вмешательства США
в Центральной Америке, 1986 и 1987 годы**

Поддержка усиления вмешательства	Уровень политической осведомленности			
	наименьший	низкий	высокий	наибольший
Политическая приверженность				
<i>«Ястребы»</i>				
1986 год	22	30	43	60
1987 год	33	48	50	80
Уровень изменения, %	14 (18)	26 (40)	12 (44)	50 (15)
<i>Центристы</i>				
1986 год	17	8	18	21
1987 год	23	30	38	21
Уровень изменения, %	7 (30)	24 (37)	24 (40)	0 (14)
<i>«Голуби»</i>				
1986 год	20	10	8	8
1987 год	20	10	18	19
Уровень изменения, %	0 (15)	0 (31)	11 (50)	12 (26)

Примечания:

1. В таблице указан процент тех, кто поддерживал усиление вмешательства США в Центральной Америке; в скобках — соответствующее число респондентов.

2. Уровень изменения, %, находили по формуле, приведенной в табл. 7.5.

Источник. Обследование NES 1986 года и пилотажное исследование NES 1987 года.

В целом, таким образом, результаты опросов мнения о затратах на оборону подтверждают теоретические предположения.

В табл. 7.6 приводятся сравнимые данные по вопросу о Центральной Америке. Соответствие этих данных теоретической модели достаточно велико, но не абсолютно (по крайней мере, на первый взгляд). Наблюдается позитивная зависимость между политической осведомленностью и вероятностью смещения мнения в сторону поддержки большего вмешательства США в Центральной Америке среди «ястребов». Для центристов зависимость является совершенно немонотонной, что вполне со-

ответствует модели. Не все так гладко, однако, с «голубями». Как и можно было бы ожидать, «голуби» гораздо менее охотно принимают промилитаристские сообщения, по сравнению с «ястребами» или центристами. Противоречит же модели то, что к консервативной позиции чаще всего склоняются «голуби» не со средним, а с высоким уровнем осведомленности.

Это противоречие, это отклонение от предсказанных моделью распределений является скорее видимым, а не реальным. Во-первых, число подобных случаев (см. таблицу) таково, что небольшие отклонения от ожидаемых значений не следует принимать слишком серьезно¹ (другие ответы лишь двух респондентов в группе «голубей» с высоким уровнем осведомленности привели бы к снижению вероятности изменения до 0,04). К тому же в табл. 7.6 показано влияние только одной переменной предрасположенности; другие типы предрасположенностей также могли оказывать влияние, которое здесь стоило бы контролировать, чтобы получить более ясную картину того, как изменяются установки.

Необходимость контролировать и проводить статистические тесты подчеркивает ограниченность анализа таблиц для проверки ВПФ-модели. Чтобы преодолеть эти недостатки, надо перейти к статистической модели процесса изменения установок. Поскольку модификации этой модели будут находиться в центре исследования на протяжении всей книги, я подробно опишу каждый шаг ее конструирования. Может, детальное описание покажется статистически подкованному читателю излишне нудным, но, как я надеюсь, оно будет полезным для всех остальных.

Статистическая модель изменения установок

В основе статистической модели лежит уравнение (7.2), которое еще раз приводится ниже.

$$\text{Вер(изменения)} = \text{Вер(восприятия)} \times \text{Вер(принятия|восприятия)}.$$

Изменение установок, таким образом, является мультипликативной функцией, состоящей из двух отдельных функций — восприятия и принятия. Чтобы превратить это уравне-

¹ Оценивая данные табл. 7.6, следовало бы помнить, что стандартная ошибка для разницы средних с вероятностью $p = 0,20$ и $n = 25$ составляет 0,11.

ние в статистическую модель изменения установок, необходимо определить природу функций восприятия и принятия.

У нас уже есть изрядное количество данных о том, каковы должны быть обе функции. Известно, что политическая осведомленность положительно коррелирована восприятием политических сообщений, что осведомленность и политические ценности (а возможно, и другие переменные) имеют отрицательную связь с вероятностью некритического принятия сообщений. Но извлечь максимальную выгоду из этого знания можно, если мы знаем *форму функции*, описывающей отношения между независимыми переменными, с одной стороны, и зависимыми переменными — восприятием и принятием, с другой. Короче, мы должны знать, являются ли эти отношения строго линейными, экспоненциальными или же какими-то иными.

Наверное, кому-то все сказанное не до конца ясно, и поэтому рассмотрим такую проблему.

Предположим, мы спросили миллион школьников, начиная от первого класса и заканчивая двенадцатым, «что будет, если из 4 извлечь квадратный корень». И еще предположим, что нам нужно построить модель зависимости между количеством лет обучения в школе и вероятностью получения правильного ответа на вопрос. Очевидно, мы прежде всего предположим, что между этими переменными есть положительная зависимость — чем дольше индивид обучался в школе, тем более вероятно, что он даст правильный ответ. Но из рис. 7.1 следует, что здесь могут быть три типа отношений. На рис. 7.1а имеем строгую линейную зависимость, т. е. вероятность дать правильный ответ одинаково увеличивается с каждым годом. На рис. 7.1б изображена экспоненциальная зависимость: в начале обучения в школе вероятность дать правильный ответ о квадратном корне из 4 растет достаточно медленно, а ближе к старшим классам — быстро. Таким образом, переход из первого класса во второй мало влияет на результат, но из 11-го в 12-й оказывается очень значимым. Наконец, на рис. 7.1в показано, что зависимость между количеством лет обучения в школе и знанием математики строится по логистической функции: если первые и последние годы в школе мало значимы, то средние классы оказываются наиболее ощутимыми.

В данном случае, для того чтобы построить модель отношений между двумя переменными, необходимо знать нечто больше, нежели то, что между ними есть положительная кор-

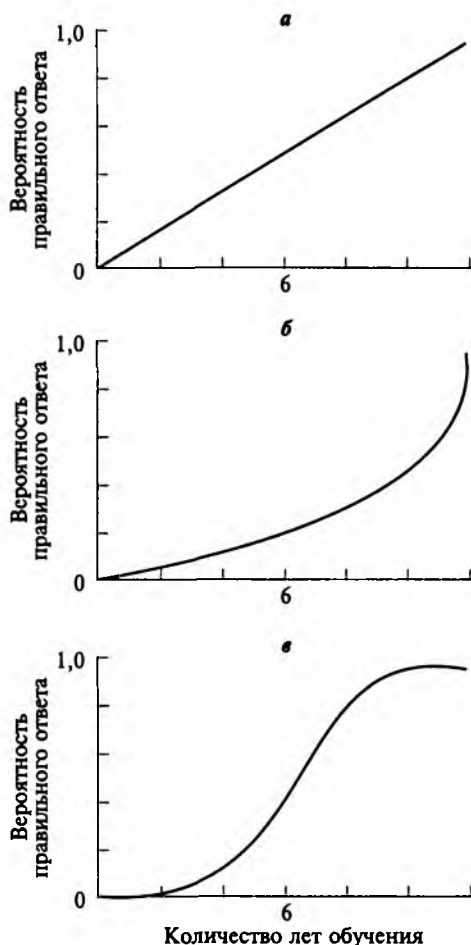

Рис. 7.1. Три вида зависимости между переменными: а — линейная; б — экспоненциальная; в — логистическая

реляция. Важно знать (или, по крайней мере, делать правдоподобные предположения) форму зависимости между переменными. Опять же, возвращаясь к примеру с миллионом школьников, мы должны для решения проблемы использовать наше фоновое знание о том, как организована система образования в Соединенных Штатах. Но если нам сообщат, что квадратные корни обычно преподают между третьим и восьмым классами,

то будут все основания предположить: учеба в первых и последних классах мало даст по части квадратных корней и, следовательно, отношение между количеством лет обучения в школе и вероятностью правильного ответа точнее всего описывается логистической функцией.

Выбор формы зависимости в случае с осведомленностью и восприятием также оказывается совершенно ясным. Поскольку мы имеем дело с *вероятностью* восприятия, необходима функция, принимающая значения от 0 до 1. Этому требованию отвечает та же логистическая функция, именно она изменяется от 0 до 1. В эмпирических исследованиях распространения идей также часто показывается, что именно логистическая функция (или ее близкий эквивалент) в наибольшей степени соответствует приближенным к действительности [198; 184]¹.

С учетом сказанного я допускаю, что отношение между осведомленностью и восприятием может быть представлено следующей логистической функцией.

$$\text{Вер(восприятия)}_i = 1 - \left[\frac{1}{1 + f + e^{(a_0 + a_1 \text{Осведомленность}_i)}} \right], \quad (7.3)$$

где Вер(восприятия)_i — вероятность того, что индивид (i) получит убеждающее сообщение;

a_0 — коэффициент интенсивности сообщения;

a_1 — коэффициент силы отношений между осведомленностью и восприятием;

f — минимальный показатель;

$e = 2,7214$ — основание натурального логарифма.

¹ В тестах на индивидуальные различия в способностях, таких, как тесты IQ, исследователи рассматривают каждый вопрос как тест, который люди могут пройти или не пройти в зависимости от общего уровня способностей. Исходя из элементарных статистических соображений, исследователи также утверждают, что отношение между конкретными тестовыми вопросами и общим показателем способностей описывается нормальным распределением, которое близко логистической функции [239; 149]. Аналогично можно и восприятие конкретного убеждающего сообщения рассматривать как тест, который некоторые пройдут, а некоторые нет, в зависимости от общего уровня политической осведомленности. Как и в теории тестов, из этого следует, что отношение между восприятием конкретного убеждающего сообщения и общим уровнем политической осведомленности описывается логистической функцией.

Уравнение (7.3) можно записать и так:

$$\text{Вер}(восприятия)_i = 1 - [1 + f + \text{Exp}(a_0 + a_1 \text{Осведомленности})]^{-1}. \quad (7.3a)$$

Поскольку многие читатели не очень хорошо знакомы с этим типом логистической функции и поскольку она интенсивно и несколько нетрадиционно используется в моем исследовании изменения установок, стоит сделать отступление, чтобы поближе познакомиться и с этой функцией, и с ее коэффициентами.

Коэффициент a_1 , как уже было указано, есть коэффициент силы отношений между политической осведомленностью и восприятием конкретного сообщения. Он аналогичен угловому коэффициенту в линейной регрессии. На рис. 7.2а показано, как изменяется зависимость между осведомленностью и восприятием при типичных значениях коэффициента a_1 (0,5; 1,0; 2,0)¹. Чем больше значение a_1 , тем сильнее зависимость между осведомленностью и восприятием. Когда $a_1=2,0$, уровень восприятия начинает резко возрастать где-то с -2 , а достигает максимума (1,0) при уровне $+2$.

На рис. 7.2 политическая осведомленность измеряется в стандартных единицах. Показатель политической осведомленности, который я буду использовать при моделировании изменения установок, также будет выражаться в стандартных единицах. Поскольку осведомленность обычно имеет почти нормальное распределение, уровень осведомленности примерно 96% людей попадает на рис. 7.2 в интервал ± 2 . Зная об этом, читатель может интерпретировать величину коэффициентов в дальнейших главах, возвращаясь к этому рисунку. К примеру, если a_1 равен 1,0, а a_0 близок к нулю, то предполагается, что уровень восприятия варьируется от 0,1 при низком уровне осведомленности до 0,9 при наиболее высоком уровне осведомленности.

Такие и даже более сильные зависимости между переменными часто встречаются в исследованиях.

Коэффициент a_0 фиксирует сложность, или «громкость», конкретного сообщения; он аналогичен величине отрезка, отсекаемого на координатной оси в стандартной регрессии. Из рис. 7.2б видно, как варьируется уровень восприятия сообщения при трех разных значениях этого коэффициента (и фиксированном значении $a_1=2,0$). Большие значения a_0 , предпо-

¹ В этом примере политическая осведомленность изменяется от -3 до $+3$.

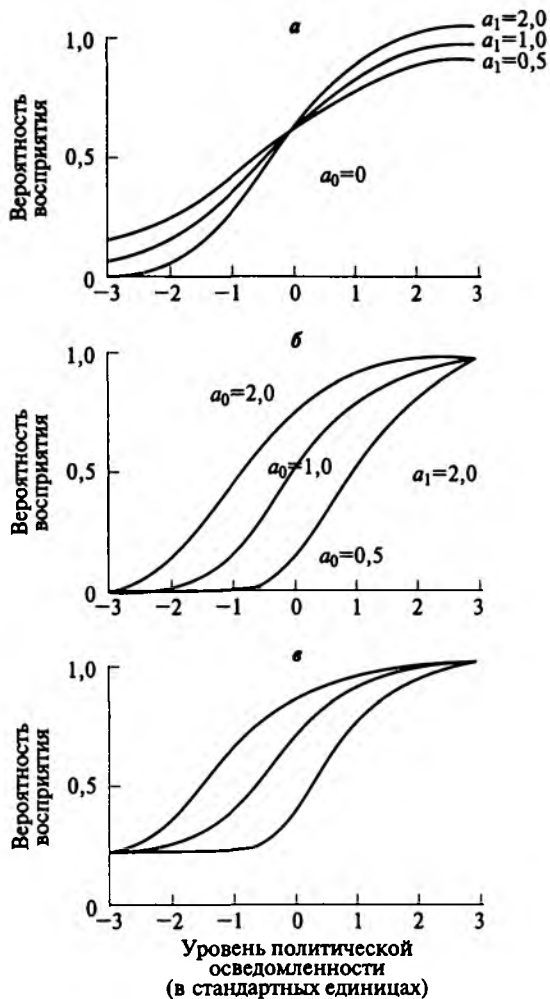

Рис. 7.2. Варианты логистической функции

лагающие очень интенсивные сообщения, означают высокий уровень восприятия при данном уровне осведомленности. Если правильно сконструировать переменные, можно будет проводить сравнительный анализ коэффициентов a_0 для разных моделей, что, в свою очередь, позволит выяснить, в какой из них поток сообщений оказался наиболее интенсивным.

Сказанное подводит нас к коэффициенту f . Все проекции на рис. 7.2а,б принимают значение коэффициента f , равное нулю. Когда же он принимает положительные значения, устанавливается минимальное (нижнее) значение уровня восприятия, причем независимо от уровня осведомленности. На рис. 7.2в изображены три кривые восприятия, идентичные тем, что показаны на рис. 7.2б, за исключением того, что здесь минимальный уровень восприятия принимается равным 0,30. Таким образом, вместо того чтобы изменяться от минимального значения 0, вероятность восприятия изменяется от минимального значения, определяемого коэффициентом f^1 .

Коэффициент f необходим в тех случаях, когда люди могут отвечать на вопросы интервью, не получив предварительно информации по этим вопросам, т.е. чаще всего просто догадываясь. Без коэффициента f , определяющего уровень «восприятия» при догадке, модель, которую я конструирую, не могла бы учитывать тот факт, что ответы на вопросы интервью даются вообще при отсутствии дополнительной информации. Фактически коэффициент f является параметром помехи, корректирующим модель, но при этом не смещающим серьезно ее значимости. Как показывает рис. 7.2, он ощутим лишь на нижнем уровне осведомленности, когда вероятность угадывания ответа будет наибольшей².

Вероятность того, что индивид примет убеждающее сообщение (восприняв его), уменьшается с повышением осведомленности и идеологической дистанции от позиции, которую отстаивает сообщение. И вновь, допустив, что такую форму отношений описывает логистическая функция, мы можем записать:

$$\begin{aligned} & \text{Вер(принятия|восприятия)}_i = \\ & = [1 + \text{Exp}(-b_0 - b_1 \text{Осведомленность}_i - \\ & \quad - b_2 \text{Предрасположенность}_i)]^{-1}, \end{aligned} \quad (7.4)$$

где $\text{Вер(принятия|восприятия)}_i$ — вероятность того, что индивид (i), восприняв убеждающее сообщение, примет его;
 b_0 — коэффициент сложности сообщения, или доверия к нему;

¹ Об установлении минимальных коэффициентов в таких ситуациях см. работу Лорда и Новика [149].

² Можно считать также, что коэффициент f делает функцию более гибкой, основанной на трех параметрах. Он может пониматься как определение минимального уровня восприятия, который не зависит от политической осведомленности.

b_1 — коэффициент влияния осведомленности на сопротивляемость по отношению к убеждающему сообщению;

b_2 — коэффициент влияния предрасположенностей на сопротивляемость убеждающему сообщению.

Уравнение (7.4) отличается от уравнения (7.3) в двух важных аспектах. Во-первых, в нем более понятные коэффициенты. В частности, если, как ожидалось, более высокий уровень осведомленности связан с более низким уровнем принятия, коэффициент при осведомленности принимает отрицательные значения¹. Во-вторых, в функции принятия есть термин, учитывающий различия в политических предрасположенностях, т. е. идеологию, партийность, религиозную принадлежность и т. п.

Важная черта логистической функции заключается в том, что, когда используются две и более переменных, они *автоматически взаимодействуют одна с другой*. Другими словами, значения каждой из переменных зависят от того, какие значения принимают другие. Таким образом, в уравнении (7.4) влияние осведомленности всегда зависит от влияния одной или нескольких предрасположенностей. А учет взаимодействия осведомленности и предрасположенностей необходим, поскольку ВПФ-модель предполагает, что предрасположенности незначимы, если индивид не разбирается в политике настолько, чтобы обладать определенной контекстуальной информацией, которая позволила бы ему сопротивляться чуждым по духу сообщениям. Из табл. 7.5 видно, что неосведомленные демократы и республиканцы не различаются по уровню сопротивляемости сообщениям о необходимости снижения затрат на вооружение: вероятность того, что первые примут такую позицию, снизилась на 4%, в то время как вероятность, что вторые примут эту позицию, снизилась на 2%. В то же время партийная приверженность достаточно сильно влияет на сопротивляемость сообщениям в пользу сокращения затрат среди более осведомленных приверженцев: число демократов, выступающих против сокращения затрат, уменьшилось на 46%, а число республиканцев — на 10%.

¹ В ранних работах, описывающих эту модель [260; 262; 80], функция принятия определялась таким образом, что *положительный* коэффициент при переменной «осведомленность» указывал на отрицательную связь между осведомленностью и вероятностью принятия сообщения. В настоящей книге я изменил форму функции принятия, чтобы исключить вероятность путаницы.

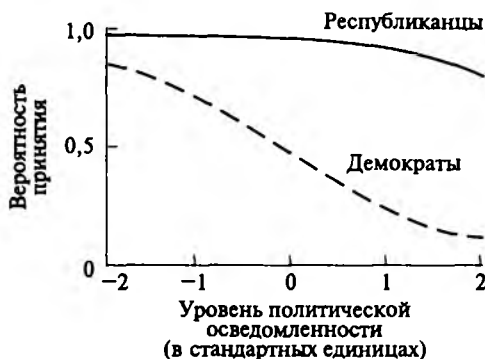

Рис. 7.3. Учет взаимодействия переменных в логистической функции, по уравнению (7.4)

Такой же тип взаимодействия переменных осведомленности и предрасположенности характерен и для случая с принятием консервативного сообщения «голубыми» и «ястребами» (табл. 7.6).

На рис. 7.3 показано, как в уравнении (7.4) учитывается взаимодействие осведомленности и предрасположенностей. Здесь $b_0 = +2$; $b_1 = b_2 = -1$; партийная принадлежность изменяется от -2 для республиканцев до $+2$ для демократов. Эти значения, что будет видно в дальнейшем, совпадают с рядом значений, полученных эмпирически при приложении модели, описываемой уравнением (7.4), к реальным данным. Как следует из рисунка, увеличение уровня осведомленности приводит к снижению уровня принятия и среди демократов, и среди республиканцев, но для демократов это снижение является гораздо более резким. Таким образом, влияние осведомленности на уровень принятия зависит от того, является ли индивид республиканцем или демократом. (Подобное взаимодействие наблюдается, когда сообщение, приводящее к изменениям, оказывается консервативным; для либеральных сообщений коэффициент b_2 будет иметь противоположный знак, и тогда осведомленность окажет более сильное влияние на уровень принятия у республиканцев.)

Читателю, может быть, интересно, почему, если в ВПФ-модели предполагается такой тип взаимодействия между переменными, я просто не включаю в уравнение (7.4) отдельный элемент, учитывающий это взаимодействие. Делается это по практическим соображениям: чаще всего указанный элемент

будет мало влиять на соответствие модели действительности, но приведет к достаточно высокому уровню неудобной мультиколлинеарности. Или, другими словами, в уравнении (7.4) обычно учитывается эффект взаимодействия, для которого не нужно вводить специальный элемент (табл. 7.7). Однако в случае, описываемом в гл. 9, я считаю полезным ввести элемент взаимодействия и включаю его в функцию принятия.

Кроме того, иногда я буду предлагать читателям, имеющим доступ к программам табличных вычислений, повторить результаты, представленные на рис. 7.2 и 7.3, чтобы поэкспериментировать с другими значениями коэффициентов и построить графики более сложных функций по сравнению с предлагаемыми в книге. Это в значительной степени облегчит понимание аргументов в пользу ВПФ-модели.

Теперь мы можем скомбинировать функции восприятия и принятия сообщений, используя уравнения (7.3) и (7.4) в уравнении (7.2):

$$\begin{aligned} \text{Вер(изменения)} = & (1 - (1 + f + \text{Exp}[a_0 + a_1 \text{Осведомленность}])^{-1}) \times \\ & \times (1 + \text{Exp}[-b_0 - b_1 \text{Осведомленность} - \\ & - b_2 \text{Предрасположенность}])^{-1}. \end{aligned} \quad (7.5)$$

Первый член в этом уравнении является монотонно возрастающей функцией осведомленности, в то время как второй — такой же, но убывающей функцией осведомленности и ценностной дистанции от позиции, представленной в сообщении.

В такой формулировке модели восприятия-принятия есть одна важная и совершенно неочевидная особенность. В ней неявно допускается следующее: предрасположенности индивида хотя и влияют на принятие убеждающих сообщений, однако не влияют на их восприятие. Проявляется допущение в том, что переменные предрасположенностей включаются только в уравнение функции принятия сообщений. Эта особенность модели была бы неприемлема, если бы, как показывали ранние исследования общественного мнения, индивиды воспринимали политическую информацию выборочно, т.е. если бы они позволяли себе сталкиваться в основном только с теми идеями, которые, на их взгляд, приемлемы, и старались избегать чуждых по духу идей. Однако более поздние исследования свидетельствуют о неприемлемости представления о селективном восприятии [215; 160; 246; 50; 191; 190]. Большинство людей, как утверждается в этих исследованиях, просто не

настолько ригидны при поиске информации, чтобы выбирать лишь близкие себе по духу идеи. В той мере, в которой селективное восприятие вообще имеет место, оно проявляется лишь в специальных условиях и обычно не встречается в ситуациях массового убеждения¹.

Есть несколько вероятных причин относительной незначимости селективного восприятия. Прежде всего, большинство людей получают информацию из огромного количества источников, которые чаще являются общественными проводниками национального потока политической коммуникации [121]. Далее, селективное восприятие требует более высокого уровня бдительности, нежели тот, что обычен для преобладающего числа граждан, которые относительно аполитичны [85, р. 128]. И наконец, большинство новостных событий, достаточно важных для того, чтобы привлечь внимание политологов, являются долгими историями вроде вьетнамской войны или ирангейта, так что люди, уделяющие хоть сколько-нибудь внимания политике, вряд ли неосведомлены об этих событиях, даже если они не очень интересуются их деталями.

Гипотеза о селективности восприятия не может быть полностью ложной. Все-таки было бы очень странно, если бы, к примеру, приверженцы либеральной идеологии столь же охотно подписывались на «National Review», как и на «Nation». Но, по имеющимся данным, селективность восприятия, вероятно, не столь широко распространена, чтобы влиять на распространение важнейших политических идей, и поэтому она не очень значима при конструировании модели восприятия-принятия².

¹ Например, в случае, когда, по утверждению Коттона [50], селективное восприятие досконально фиксировалось во внелабораторных условиях у покупателей новых автомобилей. Покупатели новых автомобилей чаще, чем те, кто уже купил автомобиль годом раньше, смотрели объявления о том автомобиле, который они купили, а не о тех, которые они осматривали, но решили не покупать.

В недавнем исследовании Прайса и Цаллера [202] были приведены свидетельства, подтверждающие существование селективного восприятия новостей. Эффекты обычно были небольшими или несущественными, но оказались достаточно велики в двух случаях, причем в обоих случаях речь шла о внимании к историям о меньшинствах (данные лабораторных исследований о селективном восприятии см. в работе [168]).

² Читатель может поинтересоваться, почему я не провожу эмпирическую проверку аргументов об избирательном восприятии, вводя переменные политических предрасположенностей в функцию восприятия. Если бы эти переменные получили значимые коэффициенты, подтвердилась бы избирательность восприятия; в противном случае можно было бы утверждать об отсутствии избирательности. Я не провожу такую проверку потому, что

Уравнение (7.5) является моделью изменения установок. Но прежде чем использовать это уравнение для описания двух анализируемых нами примеров, его необходимо адаптировать. И сделать это надо по трем причинам.

Во-первых, потому, что в случае с затратами на оборону нет переменных индивидуального уровня, характеризующих изменения установок; есть лишь два отдельных исследования по разным периодам времени, в которых сравниваются скорее *похожие*, а не одни и те же индивиды. Так, малоосведомленные демократы, участвовавшие в опросе 1980 года (данные см. в табл. 7.5), не были повторно проинтервьюированы в 1982 году (тогда можно было бы выяснить, насколько изменились их установки). Напротив, в 1982 году малоосведомленные демократы были представлены новой выборкой. Из подобного рода данных можно определить переменные агрегированного уровня, показывающие степень изменения для разного типа личностей, как в табл. 7.5, а не на индивидуальном уровне, но именно это требуется в уравнении (7.5).

Во-вторых, в уравнении (7.5) учитывается только одностороннее изменение — в сторону доминантного сообщения. В связи с этим проблемы возникают даже тогда, когда доступны переменные индивидуального уровня (как в примере с Центральной Америкой). Если поддержка милитаристской политики поднимается с 28 до 38%, то, в соответствии с уравнением (7.5), в выборке 10% респондентов изменили свои установки в направлении доминантного сообщения, а остальные 90% остались при прежнем мнении. Однако, вследствие случайной вариации ответов (см. табл. 2.1), действительный паттерн изменения оказывается более сложным. Следовательно, в примере с Центральной Америкой 22% респондентов изменили мнение в направлении доминантного сообщения, но 12% склонились к антивоенной позиции; чистое изменение составило 10%. Уравнение (7.5) не может учитывать такой двусторонний паттерн изменения.

И в-третьих, если, как в уравнении (7.5), мы моделируем только изменение переменных индивидуального уровня, неоправданно отбрасывается информация об исходном и итоговом распределе-

уравнение (7.5) не сойдется, если ввести все переменные политических predispositions и в функцию восприятия, и в функцию принятия. И тогда между двумя функциями наблюдалась бы полная коллинеарность, невозможно было бы различить влияние переменных на этапах восприятия и принятия сообщений.

нии мнений, та информация, которая часто значима для выяснения баланса процесса восприятия-принятия в целом.

С учетом изложенных соображений нам надо сформулировать модель изменения установок, в которой можно было бы зафиксировать изменение между исходным и последующим распределениями мнений и в которой не подразумевалось бы, что все переменные индивидуального уровня изменяются в направлении доминантного убеждающего сообщения.

Сформулируем такую модель, предложив отдельные оценки для исходных установок в момент времени t_1 и вероятности изменения установок; установки в момент времени t_2 описываются как функция от исходных установок и вероятности изменения.

$$\text{Вер(мнения}_2) = \text{Вер(исходного мнения)} + \text{Вер(изменения)} \times (1 - \text{Исходное мнение}). \quad (7.6)$$

Вероятность принятия определенного мнения в момент времени t_2 есть вероятность того, что это мнение уже было принято в исходный период t_1 , плюс вероятность изменения мнения на противоположное тому, что было в исходный период.

Функции исходного мнения и изменения определяются последовательно как отдельные модели восприятия-принятия, каждая из которых строится подобно уравнению (7.5). Следовательно, исходное мнение определяется как процесс восприятия-принятия, описываемый уравнением (7.5); изменение установок — также результат процесса восприятия-принятия, описываемого тем же уравнением.

Модель изменения установок должна статистически оцениваться по данным в моменты времени t_1 и t_2 :

$$\text{Вер(мнения)}_t = \text{Вер(исходного мнения)} + \text{Дит}_t \times \text{Вер(изменения)} \times (1 - \text{Исходное мнение}). \quad (7.7)$$

Здесь переменная Дит_t равна 0 в момент времени t_1 и 1 в момент времени t_2 . Таким образом, мнение в момент времени t_1 зависит лишь от исходного процесса восприятия-принятия, а в момент времени t_2 — и от исходного мнения, и от модели изменения. Поскольку коэффициент f в функции восприятия должен передавать вероятность догадок и поскольку эти эффекты учитываются в исходной модели, его необходимо включить в функцию восприятия модели изменения.

Коэффициенты для уравнения (7.7) при исследовании данных о затратах на оборону приведены в левом столбце табл. 7.7 (без ограничивающих условий). Зависимая переменная принимает значения 0 или 1 и отделяет тех, кто поддерживает сокращение затрат, от всех остальных, включая и тех, кто не ответил на соответствующий вопрос¹. Чтобы поддержать повторные эксперименты, я включил в приложение к данной главе программу для статистического пакета SAS², которую использовал для получения этих результатов.

По сравнению с коэффициентами, использованными при построении рис. 7.2, коэффициенты в табл. 7.7 достаточно велики, и знаки при них соответствуют теоретическим ожиданиям. Однако для функции принятия исходного мнения коэффициенты отличаются значительной статистической неточностью. Причиной последней является то, что дисперсия поддержки сокращения затрат на оборону в 1980 году невелика (см. табл. 7.5). Чтобы снизить неточность, я ограничил значения наиболее неустойчивого коэффициента, т. е. коэффициента партийной приверженности, как одинаковые для исходной модели и модели изменения. В результате оценки оказываются более устойчивыми (см. центральный столбец в табл. 7.7, с одним ограничением). Ограничение привело к статистически значимому снижению соответствия модели эмпирическим данным ($F(1, 2,993)$; $4,12$; $p < 0,05$), но не повлияло на визуальное или качественное соответствие модели необработанным данным, приведенным ранее в табл. 7.5.

В правом столбце табл. 7.7 указаны коэффициенты, полученные при введении в модель элемента «партийная привер-

¹ Такой способ подсчета зависимой переменной имеет и преимущества, и недостатки. Очевидный недостаток заключается в том, что при объединении респондентов в группы со значением 0 или 1 не учитывается информация, полученная из первоначальной семибальной шкалы. С другой стороны, при использовании этой семибальной шкалы мне бы пришлось отбросить респондентов, не ответивших на вопрос, тех, чей низкий уровень политической осведомленности показывает, что они не получили информацию, которая позволила бы сформировать мнение, помогает определить влияние осведомленности на восприятие. Но отбросить их — значит усложнить определение влияния осведомленности на восприятие, заметно сместить результаты. Второе преимущество заключается в том, что сохраняется простая метрика «процента поддержки» данной позиции, что делает результаты более понятными (обратите внимание на соотношение рис. 7.4 и 8.2). Я еще вернусь к этому вопросу в гл. 11.

² SAS (Statistical Analysis System) — статистический пакет, по популярности не уступающий SPSS (см. подробно <http://www.sas.com>). — *Прим. пер.*

Таблица 7.7

Кoeffициенты изменения установок
по вопросу о затратах на оборону

Функции, коэффициенты	Без ограни- чивающих условий	С одним ограничением	С учетом элемента взаимодействия переменных
<i>Функция исходного восприятия</i>			
a_0	-4,18	-3,51	-4,29
a_1	1,24 (0,82)	0,96 (0,66)	1,35 (0,85)
f	0,10 (0,03)	0,10 (0,03)	0,10 (0,02)
<i>Функция принятия исходного мнения</i>			
b_0	6,56	1,96	6,25
b_1	-0,59 (0,49)	-0,41 (0,40)	-2,31 (2,63)
b_2	6,12 (6,96)	2,03* (0,46)	5,81 (5,06)
Партийная привер- женность× осведом- ленность	—	—	-1,65 (2,52)
<i>Функция изменения восприятия</i>			
a_0	-1,07	-1,16	-1,13
a_1	1,03 (0,19)	0,91 (0,14)	0,97 (0,16)
<i>Функция принятия измененного мнения</i>			
b_0	2,37	3,70	3,80
b_1	-1,39 (0,53)	-1,65 (0,64)	-2,08 (1,02)
b_2	1,23 (0,37)	2,03* (0,46)	2,26 (1,07)
Партийная привер- женность× осведом- ленность	—	—	-0,52 (0,57)
Остаточная сумма квадратов	538,23	538,97	537,94

Примечания:

1. Модель [уравнение (7.7)] оценивается методом максимального правдоподобия.

2. Максимальное значение переменной «партийная приверженность» обозначает демократическую ориентацию.

3. Детальное описание оценок см. в приложении к главе.

4. Стандартные ошибки приведены в скобках.

5. Коэффициенты, отмеченные звездочкой, определяются как равные.

6. В момент времени t_1 $N=1602$, в момент времени t_2 $N=1402$.

Источник. Исследования NES 1980 и 1982 годов.

женность × осведомленность». Включение этого элемента не повышает статистически значимо статистическое соответствие модели; я представляю эти коэффициенты здесь исключительно для того, чтобы удовлетворить интересы читателей, которые могут захотеть узнать о влиянии элемента взаимодействия переменных на характеристики модели.

Визуальный анализ коэффициентов модели позволяет получить также некоторые дополнительные сведения о динамике изменения установок. Я использовал коэффициенты в соединении с уравнением (7.7) для того, чтобы сделать графическую репрезентацию предполагаемого этими коэффициентами влияния. На рис. 7.4 приведены графики, основанные на коэффициентах модели без введения ограничений и построенные в соответствии с принципами, описанными в гл. 6.

Оценки уровня восприятия сообщений, направленных против затрат на оборону, в 1980 и 1982 годах. На рис. 7.4а данные были получены путем переноса коэффициентов восприятия из модели изменения (табл. 7.7) в функцию восприятия [уравнение (7.3)] и подсчета уровня восприятия при разном уровне политической осведомленности. Как и ожидалось, восприятие информации, направленной против увеличения затрат на оборону, более вероятно при более высоком уровне осведомленности¹.

Вероятность принятия сообщения, при условии его восприятия, приведена на рис. 7.4б. Данные были получены при переносе коэффициентов из табл. 7.7 в функцию принятия [уравнение (7.4)]. Как можно видеть, показатели для республиканцев и демократов сильно различаются. Более высокий уровень политической осведомленности республиканцев определяет более низкий уровень принятия информации, направленной против увеличения затрат, или, говоря иначе, более высокий уровень сопротивляемости. Более высокий уровень политической осведомленности у демократов также приводит к увеличению сопротивляемости, но не такому сильному. Таким образом, как и ожидалось, осведомленность взаимодействует с политическими предрасположенностями и приводит к избирательной сопротивляемости по отношению к убеждающей коммуникации.

¹ Стандартизированные по дисперсии значения осведомленности на рис. 7.4а варьируются от -1,86 до +1,96; эти значения соответствуют примерно 1-му и 98-му процентиллям распределения политической осведомленности.

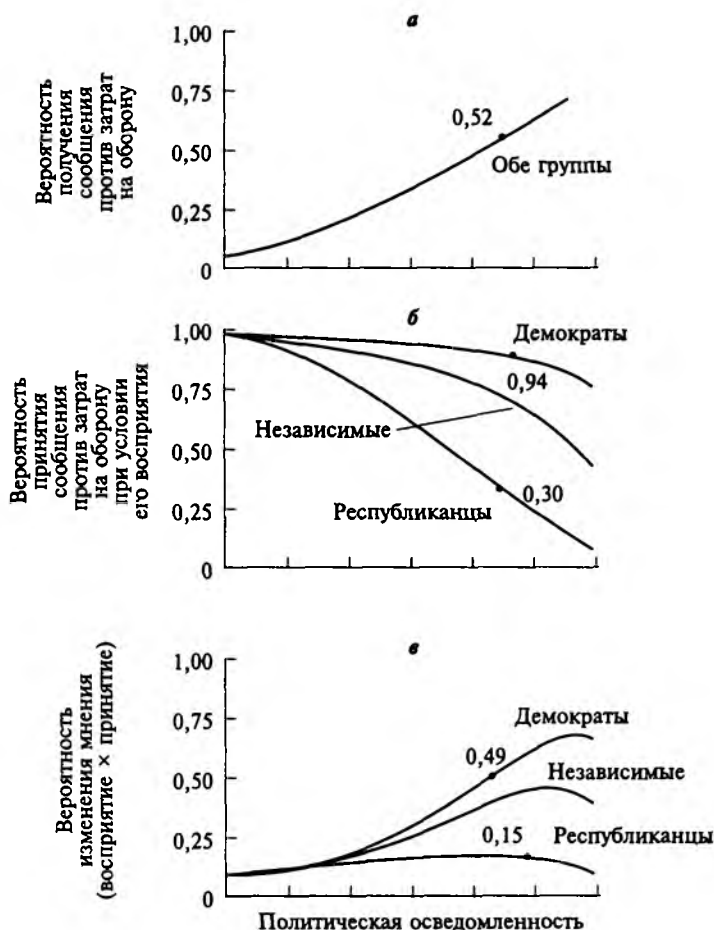

Рис. 7.4. Оценки влияния восприятия и принятия на изменение поддержки сокращения затрат на оборону; основаны на функции изменения в уравнении (7.7) и коэффициентах из модели без ограничивающих условий, табл. 7.7.

Источник. Исследования NES 1980 и 1982 годов.

Умножение уровня восприятия (рис. 7.4а) на уровень принятия (рис. 7.4б) дает оценочный уровень изменения установок по отношению к сокращению затрат на оборону (рис. 7.4в). Чтобы проиллюстрировать, как это выглядит, на рисунке пред-

ставлены гипотетические демократы и республиканцы, обладающие уровнем осведомленности выше медианы. Вероятность восприятия информации, направленной против затрат, для обеих групп составляет 52%, но уровень принятия существенно отличается: 30% для республиканцев и 94% для демократов. Умножение этих показателей восприятия и принятия дает вероятность изменения установок, см. рис. 7.4в. Так, для республиканцев она составляет $0,52 \times 0,30 = 0,15$. Оценки уровня изменения установок согласуются с необработанными данными, приведенными в табл. 7.5.

Теперь обратимся к вопросу о вмешательстве США в Центральной Америке. Коэффициенты для уравнения (7.7) при анализе этих данных приведены в табл. 7.8. Здесь вследствие гораздо меньшей выборки оценки даже менее точны (по сравнению со случаем затрат на оборону); неустойчивость проявляется как в функции принятия исходного мнения, так и в функции принятия измененного мнения. Из шести важнейших коэффициентов только два оказываются статистически значимыми. Чтобы увеличить точность оценок, я приравнял коэффициенты политической осведомленности в моделях исходного и измененного мнения. Эти ограничения (осведомленность оказывает одинаковое влияние на восприятие и принятие в оба периода времени) дали теоретически важным коэффициентам, как можно видеть в табл. 7.7, статистическую значимость 0,05, причем не снижая сколько-нибудь значимо соответствие модели эмпирическим данным ($F [2, p. 707]$). А качественное соответствие ограниченной модели столь же высоко, как и модели без введения ограничений.

Интересно, что шкала установок «ястребы»-«голуби» оказывается гораздо более важной для определения установок в отношении Центральной Америки, нежели оценка действий президента¹. Поскольку шкала «ястребы»-«голуби» была стандартизирована и показатель неодобрения политики Рейгана изменялся от -2 до +2, обе переменные имели примерно одинаковый размах. Таким образом, если респонденты, в целом поддерживающие Рейгана, в основном соглашались и с необходимостью вмешательства США в Центральной Америке в период ирангейта, то это в основном «ястребы». (Дальнейшее обсуждение данного вопроса см. в гл. 8.)

¹ Шкала «ястребы»-«голуби» остается доминирующей и при замене переменной «неодобрение политики Рейгана» на показатель партийной ориентации.

Таблица 7.8

**Коэффициенты изменения установок по вопросу
о вмешательстве США в Центральной Америке**

Функции, коэффициенты	Без ограничи- вающих условий	С двумя ограничениями
<i>Функция исходного восприятия</i>		
a_0	-1,15	-1,27
a_1 (стандартизированный)	2,52 (1,69)	2,13* (1,20)
f	0,37 (0,17)	0,35 (0,16)
<i>Функция принятия исходного мнения</i>		
b_0	-0,33	-0,19
b_1	-0,76 (0,42)	-0,80* (0,37)
«Ястребы»-«голуби» (стандартизированный)	-1,38 (0,43)	-1,42 (0,46)
Неодобрение политики Рейгана (от -2 до +2)	-0,30 (0,19)	-0,33 (0,20)
<i>Функция изменения восприятия</i>		
a_0	-1,40	-0,60
a_1	1,17 (1,16)	2,13* (1,20)
<i>Функция принятия измененного мнения</i>		
b_0	1,50	-0,10
b_1	-1,39 (1,56)	-0,80* (0,37)
«Ястребы»-«голуби» (стандартизированный)	-0,66 (0,93)	-0,52 (0,47)
Неодобрение политики Рейгана	-0,29 (0,47)	-0,14 (0,28)
Остаточная сумма квадратов	155,99	156,18

Примечания:

1. Модель [уравнение (7.7)] оценивается методом максимального правдоподобия.

2. Зависимая переменная принимает значения 0 или 1 и отделяет тех, кто поддерживает вмешательство в Центральной Америке, от всех остальных.

3. Максимальное значение других политических переменных говорит о либеральной ориентации.

4. Стандартные ошибки приведены в скобках.

5. Коэффициенты, отмеченные звездочкой, определяются как равные.

6. В моменты времени t_1 и t_2 $N=360$.

Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

Оценки паттерна изменения установок по вопросу о Центральной Америке показаны на рис. 7.5¹. Кривые, построенные на основе коэффициентов изменения из табл. 7.8, очень похожи на те, что получились по вопросу о затратах на оборону. Единственное важное различие здесь заключается в том, что в вопросе о Центральной Америке сопротивляющимися изменению являются «левые», в то время как в случае с затратами на оборону большую сопротивляемость по отношению к сообщению проявляют «правые». Таким образом, в целом вопросы о Центральной Америке и затратах на оборону показывают, что используемая модель описывает сдвиги мнения при его смещении как вправо, так и влево.

Мне важно убедиться, понимает ли читатель, что показывается и что не показывается на рис. 7.5. С этой целью я привожу еще рис. 7.6, на котором данные о Центральной Америке представлены с другой точки зрения. Здесь уже речь идет не об *уровне изменения* установок за определенный период времени, как на рис. 7.5, а об *уровне поддержки* в разное время. Так, 79% наиболее осведомленных «ястребов» поддерживали вмешательство США осенью и 89% летом. Абсолютная разница в 10% подразумевает степень изменения мнения у около 50% высокоосведомленных «ястребов», не поддерживавших вмешательство еще осенью: $10/(100-79) = 0,48$. В то же время наблюдается сдвиг на $46 - 35 = 11\%$ среди «ястребов», чья политическая осведомленность ниже медианного значения. Это изменение в 11% соответствует только 17% «ястребов» с таким уровнем политической осведомленности: $11/(100-35) = 0,17$. Указанные масштабы изменения отражены на рис. 7.5. Таким образом, модель восприятия-принятия не рассчитывается по *абсолютной величине* изменения в отдельных подгруппах; она строится на основании доли изменивших свое мнение по отношению к количеству тех, кто остался при прежнем мнении в отдельных группах. Разница достаточно велика.

Рис. 7.6 выявляет еще одну важную особенность. Может показаться странным, что ирангейт привел к изменению установок в сторону поддержки вмешательства. Гораздо менее странно другое: ирангейт привел к еще большей поляризации

¹ Стандартизированные z-значения осведомленности на этом графике равны $-1,87$ и $+1,92$. Значения осведомленности оказываются максимальными у 2% респондентов (а не у 1%, как обычно); я отбрасываю эту часть выборки, что позволяет достичь большей репрезентативности. «Ястребы» и «голуби» определяются как значения ± 2 по шкале «ястребы»-«голуби» или же $\pm 1,5$ по шкале неодобрения политики Рейгана, которая имеет значения от -2 до $+2$.

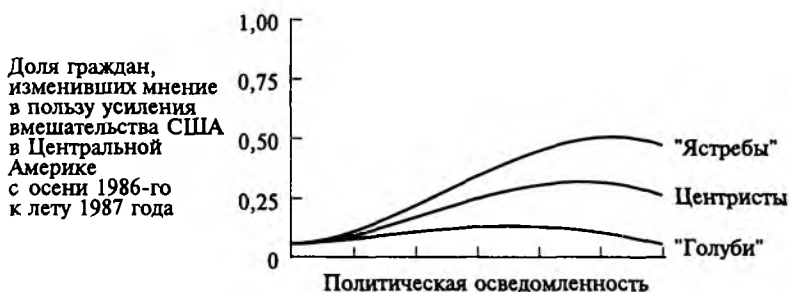

Рис. 7.5. Изменение установок по отношению к вмешательству США в Центральной Америке; оценки получены с использованием функции изменения из уравнения (7.7) и коэффициентов из табл. 7.8
Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

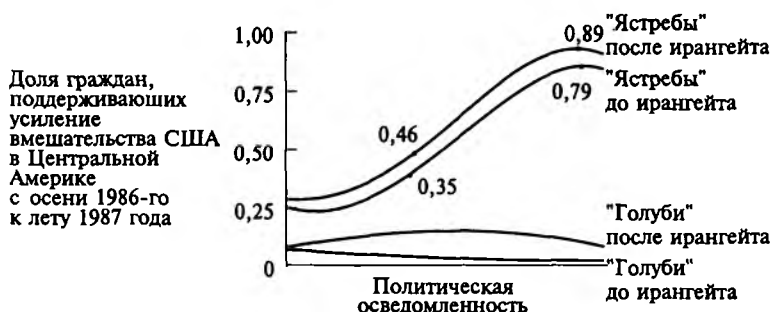

Рис. 7.6. Оценка поддержки усиления вмешательства США в Центральной Америке до и после ирангейта; оценки получены с использованием уравнения (7.7) и коэффициентов из табл. 7.8
Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

установок общественности по отношению к вмешательству США в Центральной Америке. Кривые на рис. 7.6 как раз и подтверждают рост поляризации шкалы «ястребы»-«голуби». Если же поляризация привела к увеличению поддержки вмешательства, то это случилось потому, что общественность в самом начале иранского скандала была в значительной степени против вмешательства.

Нельзя все же не отметить, что большой доверительный интервал коэффициентов в безусловной модели вызывает некоторые подозрения; я вернусь к этому вопросу в гл. 11, где

будет предложена всесторонняя оценка модели. Пока же позволю себе кратко обозначить две причины данного явления: 1) мультиколлинеарность, возникающая потому, что переменная «осведомленность» появляется в модели четыре раза (в подфункциях восприятия и принятия, в исходной модели и в модели изменения); 2) зависимость некоторых коэффициентов от распределений в небольших группах респондентов — людей, которые одновременно обладают высоким уровнем политической осведомленности и достаточно критически настроены по отношению к сообщению.

В заключение

В настоящей главе описываются некоторые базовые принципы изменения установок, предлагается упрощенная модель, соответствующая этим принципам, и предпринимаются простейшие ее проверки. Наиболее важный тезис, содержащийся в главе, состоит в том, что изменение установок может пониматься как двухступенчатый процесс, включающий в себя, во-первых, восприятие убеждающей коммуникации и, во-вторых, принятие или же неприятие ее содержания.

Этап восприятия в двухступенчатом процессе зависит от уровня политической осведомленности индивида: чем выше осведомленность, тем выше вероятность получения, т. е. вовлечения в коммуникативный процесс и понимания сообщения, приводящего к изменению мнения.

Этап принятия более сложен. Центральная идея здесь заключается в том, что политически осведомленные граждане в большей степени, чем менее осведомленные, способны критически противостоять убеждающей коммуникации, содержание которой неконсистентно по отношению к их базовым ценностям. Уровень сопротивляемости, основанной на осведомленности, зависит от ценностной дистанции позиции индивида от позиции, представленной в убеждающем сообщении. Когда дистанция минимальна, осведомленность мало или незначительно влияет на изменение мнений, вызванное убеждающим сообщением (как в случае с демократами, реагирующими на сообщение в поддержку сокращения затрат на вооружение, рис. 7.4). Но когда дистанция велика, осведомленность сильно связана с сопротивляемостью изменениям (как в случае с республиканцами, реагирующими на это же сообщение, рис. 7.4).

В дальнейших главах этот тезис будет дополняться в нескольких аспектах.

Прежде всего надо обратиться к изучению влияния сообщений разной интенсивности. Как показывает анализ ситуаций трудно и легко проходящего обучения в работах Макгайра, ожидаемый паттерн изменения массовых установок сильно варьируется в зависимости от того, насколько интенсивному потоку убеждающей коммуникации подвергается население, т. е. оказывается ли сообщение общедоступным или же достигает только наиболее осведомленной части публики.

Важно разобраться и в том, что касается новизны или свежести содержания убеждающего сообщения. Если вопрос хорошо известен, большинство граждан будет обладать относительно значительным числом суждений о нем, и это приведет к высокому уровню инерционного сопротивления по отношению к данному сообщению. Такое сопротивление не только снижает общий *уровень* изменения установок в результате воздействия сообщения, но и смещает *паттерн* изменения.

Следует решить еще одну оставшуюся без внимания задачу — представить свидетельства того, что в ВПФ-модели динамика изменения установок фиксируется на уровне самого базового элемента, т. е. формулирования суждений в результате воздействия убеждающей коммуникации. Я отдельно оговорил вопрос о роли суждений в процессе изменения установок, но еще не привел свидетельств верности этого утверждения.

Наконец, в предлагаемой в данной главе модели допускается, что изменение установок происходит в результате воздействия на публику одного доминирующего потока сообщений. Это, как я пояснил, является главным упрощением. В действительности, в вопросе о вмешательстве США в Центральной Америке, когда сдвиг мнений в направлении поддержки вмешательства происходит в разгар иранского скандала, упрощение оказывается настолько крайним, что совершенно неправдоподобно. Предположение о существовании только одностороннего потока информации в случае с затратами на оборону является гораздо менее серьезным, поскольку, как я смог подтвердить, поток информации в СМИ преимущественно поддерживал сокращение затрат. Но даже тогда публике предлагались некоторые сообщения совершенно иной направленности со стороны администрации Рейгана, которая пыталась обосновать политику повышения расходов. Возможно, наиболее интересным усложнением, которое имело смысл добавить к

первоначальному описанию изменения установок, было бы добавление, учитывающее существование разнонаправленных потоков информации.

Приложение

Ниже объясняется, как получить оценки уравнения (7.7) методом максимального правдоподобия.

Уравнение (7.7) принимает следующий общий вид:

$$\text{Вер}(y = 1) = f(X, \beta),$$

где y — зависимая переменная, принимающая значения 0 или 1; X — вектор действия независимых переменных; β — коэффициент при этом векторе.

Первый шаг построения функции максимального правдоподобия выглядит следующим образом:

$$L = \prod D_1 \times f(X, \beta) \times \prod D_2 \times [1 - f(X, \beta)],$$

где D_1 принимает значение 1, если $y = 1$, и 0 в другом случае, а D_2 принимает значение 1, если $y = 0$, и 1 при другом значении.

Логарифм функции максимального правдоподобия, таким образом, — это

$$\log(L) = \sum D_1 \times \log[f(X, \beta)] + \sum D_2 \times \log[1 - f(X, \beta)].$$

Здесь следует максимизировать значение $\log(L)$. Так как логарифм чисел между 0 и 1 принимает отрицательные значения и $0 < f(X, \beta) < 1$ (это функция вероятности), последнее выражение можно переписать следующим образом:

$$-\log(L) = \left(\sqrt{-\sum D_1 \times \log[f(X, \beta)] - \sum D_2 \times \log[1 - f(X, \beta)]} \right)^2.$$

Нелинейная регрессия основывается на значениях коэффициентов в правой части выражения, которые минимизируют сумму *квадратов* разности модельных и действительных значений из левой части выражения; поэтому можно рассчитать

значения β , при которых минимизируются *не возведенные в квадрат* значения $-\log(L)$. Результат будет тем же, что и при максимизации не возведенного в квадрат значения $\log(L)$, если использовать для оценки нелинейную регрессию

$$0 = \sqrt{-D_1 \times \log[f(X, \beta)] - D_2 \times \log[1 - f(X, \beta)]}. \quad (7.8)$$

Этот широко применяемый, но ранее не публиковавшийся алгоритм расчета максимально правдоподобных оценок был предложен Риверсом из Стенфордского университета.

Чтобы использовать уравнение (7.8) для моделирования данных об изменении установок за определенный период времени в случае, когда $f(X, \beta)$ приравнивается к уравнению (7.7), необходимо совместить данные разного времени в одном большом файле, добавив дихотомическую переменную, принимающую значение 0 для мнения в момент времени 1 и 1 в момент времени 2. Следующая программа для статистического пакета SAS может использоваться для расчета оценок максимального правдоподобия для данных в таком файле. В предлагаемом примере рассматриваются изменения установок по отношению к затратам на оборону в период с 1980-го по 1982 год; значение 1 переменной DEFSPN указывает на то, что респондент поддерживает сокращение расходов, а значение 1 переменной YEAR указывает на установки в 1982 году.

```
DATA;
INFIL MYDATA;
INPUT AWARE 1-11 DEFSPN 12-19 PID 20-27 YEAR 28-35;
IF DEFSPN EQ 1 THEN D1=1;
IF DEFSPN EQ 0 THEN D1=0;
IF DEFSPN EQ 0 THEN D2=1;
IF DEFSPN EQ 1 THEN D2=0;
VAR1=0;
PROC NLIN METHOD=DUD;
PARMS B99 = 0,10 B0 = -3.9 B1 = 1,2 B2 = 4 B3 = -0,6 B4 = 4
B10 = -1,1 B11 = 1 B21 = 2,4 B31 = -1,4 B44 = 1,2;
T1 = (1-(1/(1+B99+EXP(B0+B1*AWARE))))*(1/(1+EXP(-B2-
B3*AWARE-B4*PID)));
T2 = (1-(1/(1+EXP(B10+B11*AWARE))))*(1/(1+EXP(-B21-
B31*AWARE-B44*PID)));
PI = T1+YEAR*T2*(1-T1);
MODEL VAR1 = (-D1*LOG10(PI)-D2*LOG10(1-PI))**0,5;
```

можно также использовать нелинейную регрессию для оценки более простого выражения:

MODEL DEFSPN = P1.

Это позволит получить несмещенные консистентные, но достаточные вычисления, приведет к неправильным значениям стандартной ошибки вследствие гетероскедастичности распределения дихотомической зависимой переменной¹.

¹ Единственная сложность в расчете оценок — правильный выбор начальных значений коэффициентов модели. Для небольших выборок это может оказаться серьезной проблемой, поскольку, если начальные значения большинства коэффициентов не будут близки действительным значениям, мы получим совершенно бессмысленные вычисления. Мой подход к нахождению начальных значений заключается в следующем. Во-первых, исходя из визуального анализа первичных данных, подтверждать, что есть основание верить в то, что здесь применима модель восприятия-принятия, как это было сделано в табл. 7.5. Сказанное означает, что необходимо подтвердить существование явной немонотонности распределения данных; если соответствие паттерна данным неочевидно, дальнейшее моделирование вряд ли имеет смысл. Во-вторых, исключить из модели все переменные, кроме существенно важных, т.е. использовать в большинстве случаев в функции восприятия только показатель осведомленности, а в функции принятия — тоже показатель осведомленности и только одну переменную, характеризующую предрасположенности. В-третьих, ограничить значения коэффициентов этих трех переменных правдоподобными значениями. Если все три переменные стандартизированы и если показатель предрасположенности рассчитывается таким образом, что его максимальное значение означает наличие сопоставляемости изменению, то правдоподобными значениями являются +1, -1 и -0,4 соответственно. Затем, опираясь на начальное значение 0 для пересечения функций восприятия и принятия, оценивать сначала только функцию исходного мнения, опираясь на данные в момент времени t_1 . После того как будут получены оценки модели исходного мнения, они могут использоваться в качестве начальных значений. Поскольку ограничения последовательно ослабляются, в модель возвращаются остальные компоненты и дополнительные переменные.

Альтернативный подход заключается в том, что используется таблица, организованная как табл. 7.5, для ручной подгонки соответствия модели, с помощью которой выбираются соответствующие значения коэффициентов. Я подозреваю, что многие исследователи, прежде чем начать использовать статистические пакеты для обработки данных, должны сначала научиться пользоваться такой таблицей.

8. Тестирование модели с одним потоком сообщений

Моей целью в предыдущей главе были ознакомление читателя с логикой процесса восприятия-принятия, разработка модели, которая способна передать существенные характеристики данного процесса, проявляющиеся и в ограниченных массивах данных об изменении установок, таких, какие можно получить в типичном опросе. В настоящей главе предлагаются и тестируются дедуктивные выводы из этой модели, причем некоторые из них оказываются довольно неожиданными. Мне важно убедить читателя в том, что успешность модели на этапе предварительного тестирования была неслучайной; напротив, она является следствием действительного соответствия ее структуры реальной динамике общественного мнения.

Глава делится на три части. В первой из них анализируется влияние двух независимых переменных, характеризующих соотношение, которое вызывает изменение установок, а именно: интенсивности потока сообщений и степени знакомства публики с темой сообщения. Эти факторы делают предсказуемыми разные сценарии изменения установок. Во второй части изучается динамика сопротивляемости убеждению на уровне суждения, элементарного понятия, используемого в ВПФ-модели. И наконец, в третьей части ВПФ-модель используется для того, чтобы пролить свет на классическую для исследований общественного мнения проблему межпоколенческих различий в восприятии новых идей.

Должен предупредить, что по ходу проведения различных тестов модели восприятия-принятия я буду пересказывать от одного эмпирического примера к другому — от общественной поддержки ведения войн в других странах к президентским рейтингам и к установкам по расовому вопросу, не давая при этом ясной картины мнений в каждой из исследуемых областей. Может, в результате глава становится похожей на какой-то

винегрет, но я взялся всесторонне проанализировать те ограниченные данные, которые позволяют проверять мои гипотезы, и альтернативного решения не вижу.

Типичные паттерны изменения установок

Исследование изменения установок до сих пор концентрировалось на двух переменных *индивидуального уровня*, т. е. на том, как различия в общей политической осведомленности и политических предрасположенностях, взаимодействуя, влияют на изменение установок. Ниже предлагается введение двух переменных, *характеризующих сообщение*; они тоже систематически влияют на паттерны изменения установок.

Первая из этих переменных — «проникающая сила», или интенсивность сообщения, приводящего к изменениям. Идея заключается в том, что некоторые сообщения в большей степени, по сравнению с другими, обладают способностью влиять на представителей общественности, уделяющих разное внимание политическим вопросам. Интенсивность ряда сообщений столь высока, что они доходят практически до каждого, независимо от уровня его внимания к политике. К таким сообщениям, например, относятся те, которые касались политики противостояния США, с одной стороны, и Германии и Японии, с другой, во время Второй мировой войны [33]. Однако многие сообщения доходят только до относительно внимательных к политике людей. Большинство действий конгресса, решений Верховного суда и президентских указов (даже тех, которые освещаются в передовицах газет и вызывают оживленные дебаты) относятся, как мы увидим, именно к этой категории.

Наверное, то, что я подразумеваю под интенсивностью, а именно способность сообщений оказать влияние на сознание публики, является целиком функцией продолжительности времени вещания или печатных площадей в прессе, посвященных какому-то вопросу. Но есть и другой, столь же важный фактор — число людей, уже знающих о данном вопросе и интересующихся им. Чем выше их интерес и первоначальное знание, тем более вероятно, что они заметят это сообщение и воспримут дополнительную информацию. Здесь уже мы имеем дело со второй переменной, характеризующей сообщение.

Обратимся к пилотажному исследованию NES 1989 года, в котором измерялось распространение определенных новостей среди публики. Следующие три новостных сюжета проис-

ходили непосредственно перед или во время пилотажного исследования.

— Подполковник Оливер Норт был условно осужден и приговорен к штрафу и 1200 часам работ на коммунальные службы по обвинению в преступлениях в связи со скандалом Иран-контрас. Вынесение приговора Норту было настолько ярким событием, что на один день стало ведущей новостью национального телевидения и большинства газет.

— В связи с этим скандалом спикер Джим Райт ушел в отставку и покинул палату представителей. Отставка Райта была завершающим актом этого длительного политического противостояния, которое оставалось практически главной новостью в течение нескольких месяцев.

— Верховный суд США выпустил постановление о допущении смертной казни несовершеннолетних и умственно отсталых за совершение убийства. Подобно осуждению Норты, это было ярким событием, ставшим на короткое время ведущей новостью и затем исчезнувшим из поля зрения.

В опросе респондентов просили сказать, что они узнали из новостей о данных событиях и узнали ли они вообще что-либо: «Слышали ли вы или читали об уходе в отставку конгрессмена Джима Райта из палаты представителей?» Людям, давшим хотя бы в какой-то степени правильный ответ, предлагался следующий вопрос: «Если «да», знаете ли вы, почему он ушел в отставку?» Любое, хотя бы смутное, упоминание о скандале или обвинениях в правонарушении засчитывалось как признак того, что респондент «воспринял» историю об отставке Райта.

Полученные данные показали, что примерно 75% общественности знали о приговоре Норту, около 45% знали об отставке Райта и 25% слышали о решении Верховного суда о смертной казни [202].

Единственный способ объяснить эти цифры — допустить, что способность сообщения оказывать воздействие на публику зависит от аудитории, которая находит его интересным или неинтересным, и количества медиа-сообщений, посвященных данной проблеме. История осуждения Оливера Норты за один день получила бóльшую известность, нежели скандал в связи с Райтом — за несколько месяцев. Аналогично, когда бывший президент Рейган, отдыхая в Мексике, упал с лошади, общественность знала об этом больше, чем о причинах отставки Райта, даже несмотря на то, что эпизод с падением произошел в субботу и получил лишь минимальное освещение в новост-

Рис. 8.1. Распространение политических новостей; оценки получены с использованием уравнения (7.3) и коэффициентов из табл. 8.6

Источник. Пилотажное исследование NES 1989 года.

ных передачах в выходные (таким передачам обычно уделяют мало внимания)¹. Следовательно, когда я ссылаюсь на интенсивность сообщения, читателю надо помнить, что я подразумеваю и сообщение само по себе, и то, интересуется ли соответствующим вопросом аудитория².

Паттерны распространения новостей разной интенсивности стоит изучить более подробно, потому что, в отличие от случаев изменения установки, которые мы уже рассмотрели, здесь можно измерять восприятие отдельных сообщений независимо от того, вызвали ли они изменение мнения или нет. В результате мы в состоянии ясно увидеть, как распространяется информация среди населения.

Информация о распространении сообщений о Норте, Райте и смертной казни представлена на рис. 8.1а. Как и ожидалось, между общим уровнем политической осведомленности и восприятием отдельной новости наблюдается сильная зависимость. Некоторые представители общественности (обладающие высоким уровнем общей политической осведомленности) узнают практически обо всех важнейших политических новостях, в то время как до остальных новости практически не доходят³.

Кривая на рис. 8.1б построена по сравнительным данным о распространении неполитической истории — катастрофе

¹ Более сложные истории, по сравнению с простыми, тоже хуже воспринимаются. Однако мне кажется, что все упоминаемые здесь истории достаточно просты и, таким образом, именно разная степень интереса к ним играет ключевую роль в наблюдаемых различиях силы их влияния.

² В принципе можно выделить отдельные показатели представленности вопроса в СМИ и знакомства публики с проблемой.

³ Ср. эти данные с результатами Тиченора, Донохью и Олиена [238].

самолета DC-10 при попытке аварийной посадки. Это бедствие, когда погибли более ста человек, было записано на видеопленку и не один раз повторялось в местных и национальных теленовостях, широко освещалось в информационных еженедельниках, на радио, в прессе. Ввиду такого активного освещения, ввиду естественного интереса к событию, яркости визуального представления на телевидении и на фотографиях в прессе, ввиду простоты сюжета было бы удивительно, если бы большое количество людей так и не узнали об этой истории. Оказавшимися неинформированными могли быть либо люди, просто отрезанные от всех СМИ, либо те, кто ухитрился вообще ничего не запомнить из того, что видел в новостях.

Паттерны распространения для четырех новостных историй разной интенсивности, показанные на рис. 8.1, имеют огромную значимость для исследования изменения установок. Кривые изменения установок, приведенные в гл. 7, принимают разный вид в зависимости от того, обладает ли история, о которой рассказывается в сообщении, такой же силой влияния, как катастрофа самолета DC-10, вынесение приговора Нурту или же решение Верховного суда о смертной казни.

Сообщения, обладающие не одной и той же степенью интенсивности, могут также различаться по степени знакомства общественности с тем или иным вопросом (здесь имеется в виду, обладают ли граждане определенным набором суждений в соответствующей области). Исходя из изложенных ранее соображений об инерционном сопротивлении, можно предположить, что хорошее знакомство с вопросом снижает влияние новых сообщений. Другими словами, сообщения по вопросу, с которым общественность хорошо знакома, при прочих равных условиях приведут к менее сильному изменению установок, нежели те, которые связаны с новыми или незнакомыми темами¹.

Модель изменения установки, сформулированная в виде уравнения (7.5) и приведенная повторно ниже, была сконструирована для того, чтобы выяснить влияние обеих переменных, характеризующих сообщение:

$$\text{Вер(изменения)} = \left(1 - (1 + f + \text{Exp}[+a_0 + a_1 \text{Осведомленность}])^{-1}\right) \times \\ \times (1 + \text{Exp}[-b_0 - b_1 \text{Осведомленность} - b_2 \text{Предрасположенность}])^{-1}.$$

¹ Из сказанного следует, что интенсивность сообщения не является совершенно независимым показателем, поскольку зависит от первоначальной информированности публики по данному вопросу.

Варьирование интенсивности сообщения определяется коэффициентом a_0 в функции восприятия; большие значения этого коэффициента означают, что люди, обладающие данным уровнем политической осведомленности, при прочих равных условиях чаще будут воспринимать сообщение (ср. рис. 7.2б с рис. 8.1). Различия в степени знакомства с сообщением, влияющие на степень его принятия, определяются коэффициентом b_0 в функции принятия; более низкое значение этого коэффициента означает меньшую степень принятия сообщения при данном уровне восприятия убеждающих сообщений.

Поскольку в модели восприятия-принятия существенную роль играет взаимодействие переменных (влияние одной переменной зависит от значений другой), влияние изменений a_0 и b_0 сильно варьируется и создает большое количество версий модели. Иллюстрируют указанное влияние примеры типичных паттернов изменения установок, показанные на рис. 8.2. Оценки получены с использованием уравнения (7.5) и типичных значений коэффициентов при переменных индивидуального уровня (осведомленности и предрасположенностей); значения коэффициентов a_0 и b_0 , характеризующих сообщения, — типичные показатели интенсивности сообщения и степени знакомства с ним публики¹. Чтобы облегчить конструирование представленной на рис. 8.2 типологии, я допустил, что среди либеральной, центристской и консервативной частей публики распространяется либеральное сообщение; однако и при иных идеологических дистанциях между источником сообщения и его получателями мы имели бы те же теоретически предсказанные паттерны изменения.

Посмотрим сначала на рис. 8.2а-в. Как видим, теоретически предсказанные паттерны изменения в «менее знакомых» вопросах для сообщений низкой, средней и высокой интенсивности примерно соответствуют тем, какие мы имели по решению Верховного суда о смертной казни, отставке Райта и катастрофе самолета DC-10 на рис. 8.1.

Когда сообщение, приводящее к изменению мнений, обладает низкой интенсивностью, изменение установок в основном затрагивает только наиболее осведомленных граждан

¹ $a_1 = 1,25$; $b_1 = -1,25$; a_0 для сообщений низкой, средней и высокой интенсивности соответственно $-2,5$; 0 и $2,5$; b_0 для сообщений, с которыми публика знакома мало или хорошо, соответственно $+3$ и 0 ; либералы, центристы и консерваторы обладают дополнительной степенью сопротивляемости — соответственно $+1,5$; 0 и $1,5$; $f = 0$. При построении модельных значений осведомленность изменяется от -2 до $+2$. Эти значения при подстановке в уравнение (7.5) в точности воспроизводят кривые на рис. 8.2.

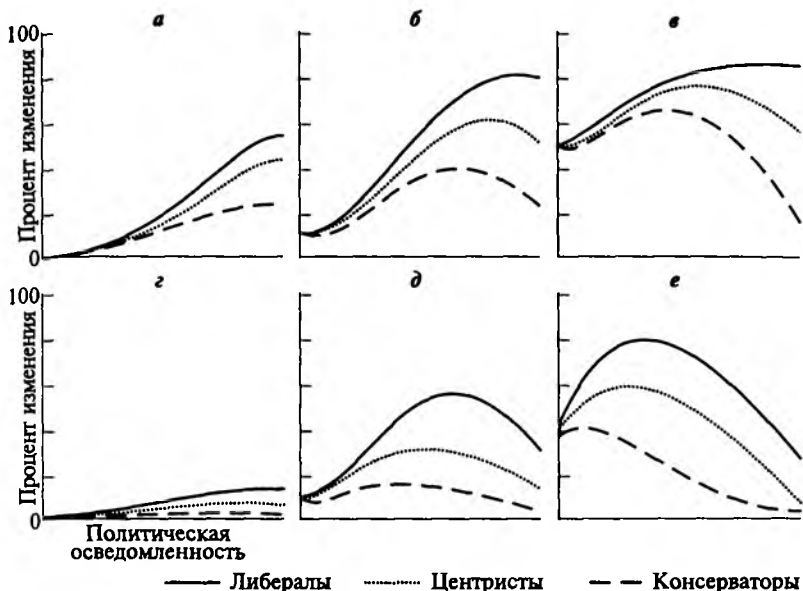

Рис. 8.2. Моделирование влияния интенсивности и знакомства с сообщением на изменение общественного мнения: *a-f* — малознакомая тема (соответственно низкая, средняя и высокая интенсивность потока сообщений); *g-e* — хорошо знакомая тема (соответственно низкая, средняя и высокая интенсивность потока сообщений)

(рис. 8.2*a*). Это происходит потому, что хорошо разбирающиеся в политике граждане являются единственными, кто может здесь выполнить первое условие изменения установок — воспринять соответствующее сообщение. Но если сообщение, приводящее к изменениям, становится более интенсивным (рис. 8.2*b* и особенно 8.2*e*), изменение установок начинает затрагивать средне и, наконец, умеренно осведомленных граждан. В целом же *чем ниже интенсивность сообщения, тем меньше уровень изменения установок среди граждан, обладающих меньшим уровнем политической осведомленности. И наоборот, чем выше интенсивность сообщения, тем больше доля менее осведомленного населения, которую затронуло это изменение установок.*

Следует отметить, что паттерны изменения установок по вопросу о вмешательстве США в Центральной Америке (см. рис. 7.5) в основном соответствуют паттерну на рис. 8.2*b*. Это соответствие станет критическим элементом при тестировании валидности типологии в следующей части гл. 8.

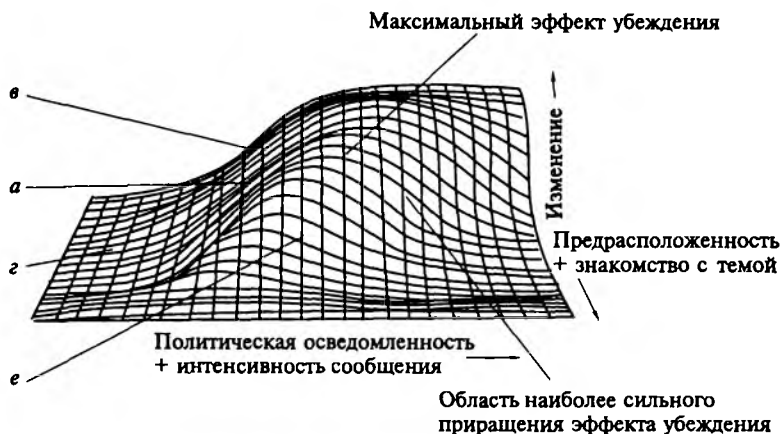

Рис. 8.3. Моделирование влияния интенсивности и знакомства с сообщением на изменение общественного мнения (трехмерный график)

Для рис. 8.2г-е значения коэффициентов, за исключением коэффициента b_0 , те же. Это говорит о том, что изменение установок связано со степенью знакомства публики с вопросом. Большее знакомство оказывает на изменение установок двойное влияние. Во-первых, как и следовало ожидать, сообщения по знакомой теме в целом меньше изменяют установки. Во-вторых, что менее заметно, *наиболее высокий уровень изменения установок по более знакомому вопросу (по сравнению с менее знакомым) наблюдается именно среди наименее осведомленных граждан*. Об этом можно судить по кривым: их пики в основном смещены в сторону малоосведомленной части респондентов¹.

Кривые на рис. 8.2 не представляют всех паттернов изменения установок, которые можно рассчитать исходя из уравнения (7.5) и встретить в реальности. В частности, мы сталкиваемся иногда с сообщениями, у которых уровень интенсивности гораздо более высокий и для которых скорость изменения установок среди наименее осведомленных граждан (см. рис. 8.2в) была бы гораздо выше. Мы сталкиваемся иногда с темами, еще менее знакомыми публике по сравнению с теми, что исследуются на рис. 8.2; в таких случаях наблюдается еще более высокая скорость изменений, особенно среди высокоосведомленной части публики. Важная особенность рис. 8.2, таким образом, заклю-

¹ При условии, что осведомленность оказывает влияние и на этапе восприятия, и на этапе принятия.

чается не в том, что на нем представлено все, что можно ожидать в любой возможной ситуации, а в том, что он дает основу для предположений, как в самом общем виде изменения интенсивности сообщения и степени знакомства публики с вопросом влияют друг на друга и на переменные индивидуального уровня, характеризующие процесс изменения установок.

Поскольку выведенные из модели частные кривые, описывающие процесс изменения установок, зависят от используемых при их построении конкретных значений коэффициентов, я хотел бы найти подтверждение тому, что типология не слишком сильно зависит от значений коэффициентов, которые мною используются. С этой целью и был построен график, представленный на рис. 8.3, который обобщает графики на рис. 8.2 в трехмерном изображении и показывает совместное влияние интенсивности сообщения и степени знакомства с вопросом на более широком интервале значений коэффициентов. Чтобы облегчить интерпретацию, соответствующие места на рис. 8.2 и 8.3 обозначены теми же буквами. Я обнаружил, что трехмерная репрезентация модели типа показанной на рис. 8.3 сохраняет ту же общую форму при всех правдоподобных значениях коэффициентов a_0 и b_0 ¹ (при условии, что осведомленность остается положительно скоррелированной с восприятием сообщений, направленных на изменение установок, и в той же степени отрицательно скоррелированной с принятием тех же самых сообщений).

Следовательно, рис. 8.3 представляет нам общую модель изменения установок, такую, какой она должна быть, если уравнение (7.5) верно передает динамику процесса изменения установок.

Типология теоретических паттернов изменения установок (см. рис. 8.2 и 8.3) позволяет достаточно строго по стандартам социальных наук тестировать модели восприятия-принятия.

Вопрос о популярности президента

Независимое измерение обеих переменных, характеризующих сообщение (интенсивности и степени знакомства с вопросом, темой), — достаточно непростая задача.

Если говорить об интенсивности, проблема заключается в том, что, как было показано, эта характеристика предполагает

¹ Т. е. при значениях этих коэффициентов в пределах ± 10 .

нечто большее, нежели просто степень внимания СМИ к какому-то вопросу. Внимание само по себе уже довольно трудно измерить. Но интенсивность подразумевает еще уровень заинтересованности и вовлеченности публики в проблему. Теоретически такой менее четкий показатель можно было бы измерить, выясняя, что знает общественность по разным вопросам и чем она озабочена, однако данные для подобного сравнительного измерения пока недоступны.

Что же касается степени знакомства с вопросом, здесь с измерением аналогичная проблема. Было бы проще использовать массовые опросы для сбора данных о том, что знает общественность о различных проблемах, и выстраивать показатель знакомства с каждой из них на агрегированном уровне. К сожалению, в настоящее время таких данных нет. Сравнивая количество «неответов», как это делается в исследовании Бартелса [14], посвященном информации, которой обладает электорат о различных кандидатах, можно было бы построить правдоподобный показатель степени знакомства с вопросом агрегированного уровня, однако при не одном и том же формате вопросов возникают разного рода препятствия для выражения отсутствия мнения по различным вопросам.

Как видим, строгое измерение интенсивности и степени знакомства в настоящей книге невозможно, но, по крайней мере по некоторым вопросам, можно предложить правдоподобные неформальные сравнительные показатели. В качестве отправной точки в моей методике измерения принимается вопрос о вмешательстве США в Центральной Америке; по сравнению с ним и будут оцениваться остальные вопросы.

О серьезном внимании СМИ к вопросу о вмешательстве в новостях периода 1986–1987 годов может свидетельствовать частое упоминание вмешательства США в партизанские войны в Центральной Америке (к примеру, неоднократные передовицы в «Тайм» и «Ньюсуик»). В то же время утверждение о том, что этот вопрос прочно укоренился в общественном сознании, было бы голословным. Общеизвестно, что показатель уровня общественной фактической осведомленности по проблеме вмешательства при прямых тестах политической информированности был низким. Например, только 38% американцев в 1986 году знали, что Соединенные Штаты поддерживали партизан контраст, а не никарагуанское правительство [218].

Как мы могли видеть ранее, изменение установок по вопросу о Центральной Америке соответствовало паттерну сред-

ней интенсивности информационного потока и низкого уровня знакомства с вопросом (см. рис. 8.2б). Будем считать ситуацию по вопросу о Центральной Америке стандартной при средней интенсивности потока убеждающих сообщений и низком уровне знакомства с вопросом. Отличие других ситуаций от этой стандартной позволит определять их как обладающих более или менее низким уровнем интенсивности и более или менее низким общим уровнем знакомства публики с соответствующим вопросом.

Первый из анализируемых при принятом стандарте случаев — оценка деятельности президента Рейгана во время противостояния, связанного со скандалом Иран-контрас. За период с ноября 1986-го по июнь 1987 года уровень неодобрения действий Рейгана из-за обвинений в том, что президент знал о нелегальном использовании государственных фондов для поддержки партизанской войны в Никарагуа, возрос с 32 до 48%. Что можно сказать здесь об интенсивности информационного потока и степени знакомства с вопросом?

По сравнению с сообщениями о Центральной Америке сообщения об эффективности работы президента Рейгана можно определить как более интенсивные. Во-первых, если говорить об общем внимании СМИ, скандал Иран-контрас был главной непрекращающейся новостной историей Соединенных Штатов в течение нескольких месяцев, т.е. занимал такой статус, которого вопрос о Центральной Америке сам по себе никогда бы не достиг. Во-вторых, президент — перейдем теперь к интересу публики — являлся главной политической фигурой в стране и находился в фокусе ежедневного информационного вещания Соединенных Штатов [86; 105]. Таким образом, его деятельность на президентском посту была, наверное, гораздо более интересным вопросом, нежели партизанская война, в которой воюющие стороны не были даже хорошо известны.

И еще. Можно было ожидать, что американцы обладают большей исходной информацией о Рейгане, который к тому времени уже шесть лет был президентом, по сравнению с делами в Центральной Америке. Тогда вопрос об эффективности работы президента Рейгана надо считать более знакомым публике.

Итак, при оценке деятельности Рейгана информационный поток обладает большей интенсивностью, сам вопрос более знаком публике, нежели сообщения о Центральной Америке. Поэтому паттерн изменения установок, т.е. оценок деятельности Рейгана, должен отличаться от паттерна изменения ус-

Рис. 8.4. Изменение мнений о деятельности президента Рейгана на протяжении скандала Иран-контрас; оценки получены с использованием уравнения (7.7) и коэффициентов из табл. 8.5; политическая осведомленность варьируется от $-1,87\sigma$ до $+2\sigma$

Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

тановок по Центральной Америке подобно тому, как отличаются одна от другой кривые на рис. 8.2б и 8.2е.

Данные об изменении установок, необходимые для проверки верности сделанного предположения, см. на рис. 8.4. Как видим, оценка деятельности президента Рейгана за период с ноября 1986-го по июнь 1987 года изменилась в сторону неодобрения.

Кривые на рис. 8.4а построены на основе первичных данных (так же рассчитывались данные в табл. 7.5 и 7.6). Соответствие между этими кривыми и кривыми на рис. 8.2е достаточно сильно.

Кривые на рис. 8.4б построены на основе модели восприятия-принятия. Контролируются переменные «партийная самоидентификация», «эгалитаризм» и установки по отношению к вмешательству США в Центральной Америке, которые измерялись в исходном опросе. Когда контролируется влияние двух переменных, как в случае трех кривых на рис. 8.4 — для центристов-республиканцев, независимых центристов и центристов-демократов, паттерн изменения установок почти точно повторяет и эмпирические данные, и теоретически предсказанные модели, см. рис. 8.2е (центристы-демократы определялись как респонденты со значением партийной самоидентификации в 1,3 балла и средними значениями по шкалам эга-

литаризма и «ястребы»-«голуби»). Если обратиться к четвертой кривой на рис. 8.4б, т. е. к распределению мнений либеральных демократов¹, то может показаться, что типология неверна. Здесь распределение не является немонотонным. Более того, представляется, что налицо противоречие с эмпирическими данными на рис. 8.4а с весьма немонотонным распределением среди демократов. В чем же дело?

Очевидное противоречие с эмпирическими данными, а оно очевидно, — проблема состава групп. Эмпирические данные показывают распределение установок среди *демократов, способных изменить мнение в антирейгановском направлении*, т. е. тех демократов, кто осенью 1986 года еще одобрял действия Рейгана. В этой группе было не много либеральных демократов, поскольку большинство либеральных демократов, особенно обладающих высоким уровнем политической осведомленности, уже в 1986 году не одобряли политику Рейгана. Таким образом, моделирование изменения установок среди либеральных демократов не направлено на то, чтобы объяснить, что происходило осенью среди большинства демократов, которые могли сменить свою позицию на антирейгановскую. Модель описывает установки центристов-демократов, и в этом она в целом соответствует эмпирическим данным.

Но если паттерны изменения установок полностью зависят от идеологического партийного состава групп, в которых происходит изменение установок, сможем ли мы провести корректное тестирование типологии? Да, если будем в состоянии контролировать партийный состав групп.

Обратимся к рис. 8.5. Здесь такой контроль обеспечивается посредством сравнения кривых изменения установок центристов по вопросам о президентской популярности и вмешательстве в Центральной Америке; тем самым определяется ситуация со средней интенсивностью сообщения и низкой степенью знакомства с вопросом. Поскольку контролируется партийный состав групп, можно заметить следующее: антирейгановские сообщения, даже несмотря на то, что общий уровень изменения установок одинаков по обоим вопросам, были более интенсивными, так как успешнее достигали граждан с низким уровнем осведомленности. Эти сообщения касались более знакомого публике вопроса, из-за чего и встретили более

¹ Либеральные демократы определяются как респонденты со средним значением партийной самоидентификации, равным 1,3 балла, и значениями на 1σ выше среднего по шкалам эгалитаризма и «ястребы»-«голуби».

Рис. 8.5. Паттерны изменения мнения по двум вопросам среди центристов; статистические оценки — на основе данных рис. 7.5 и 8.4

высокий уровень сопротивления среди хорошо разбирающихся в политике людей.

Поразительно, что скандал Иран-контрас практически не оказал влияния на оценку деятельности Рейгана среди хорошо разбирающихся в политике центристов. Заманчиво было бы списать это устойчивое сопротивление на счет действия идеологии, но мы имеем дело с центристами, и это было бы неправомерно. Очевидно, следует говорить об инерционном сопротивлении, которое проявляется в случае хорошо знакомых вопросов. За шесть лет президентства Рейгана внимательные к политике центристы уже получили достаточное количество информации, так что слушания по делу Иран-контрас мало что могли добавить.

Скандал оказал наибольшее влияние как раз на тех, чье знание о Рейгане, судя по общему уровню политической осведомленности, было достаточно ограниченным.

Формирование мнения по новым вопросам

Ниже модель восприятия-принятия используется для описания трех других случаев: 1) формирование установок по отношению к деятельности федерального правительства в области десегрегации школ в середине 1950-х годов; 2) формирование установок по вопросу о предлагаемом замораживании производства ядерных вооружений с начала 1980-х годов; 3) формирование оценки функционирования национальной экономики в то время, когда страна казалась выходящей из периода рецессии 1981–1982 годов. В каждом из этих случаев наблюдался значительный изначальный интерес к вопросу, но моя

главная исследовательская задача заключается в том, чтобы обеспечить дальнейшую проверку типологии характерных паттернов изменения установок (см. рис. 8.2).

Важно отметить, что в только что перечисленных трех случаях, в отличие от ранее рассмотренных, речь идет преимущественно не об *изменении*, а о *формировании* установок. Причина очевидна: я имею здесь дело с установками, которые формируются и измеряются на ранней стадии существования проблемы, в тот момент, когда вопрос только поднимается на национальном уровне и начинает привлекать внимание исследователей. В таких ситуациях изменение установок не может соотноситься с исходным состоянием общественного мнения. Обычно (по крайней мере, в этих трех случаях) вопрос оказывается настолько новым, что отсутствуют предварительные измерения; возможно, нет и уже существующего мнения. Следовательно, можно допустить, что большинство мнений по поводу новых вопросов формируется под влиянием недавних сообщений и (наверное, это более важно) все они формируются в соответствии с типичным процессом восприятия-принятия. Другими словами, я допускаю, что *формирование установок* является тем типом изменения установок, который зависит от двухступенчатого процесса, когда политическая осведомленность оказывается положительно связанной с восприятием сообщений по новому вопросу, причем принятие этих сообщений зависит от осведомленности и политических ценностей.

Теперь остановимся на вопросе о десегрегации школ в 1950-е годы.

До постановления Верховного суда по делу «Браун против Совета образования» («Brown v. Board of Education») представление о том, что федеральное правительство должно взять на себя ведущую роль в десегрегации публичных школ в южных штатах, просто не являлось темой публичных дискуссий. Соответствующих обоснований не было в программах обеих важнейших партий, в конгресс не поступали сколько-нибудь существенные законопроекты по данному вопросу, ни один сколько-нибудь заметный политик не высказывался в поддержку таких действий. Короче, десегрегация школ не была проблемным вопросом (в том смысле, в каком это понятие рассматривали Бекрэк и Баратц [13]), и поэтому ни одно исследовательское агентство не изучало установки общественности по данному вопросу до того, как Верховный суд внезапно не ввел его в повестку дня [188].

В 1956 году Центр политических исследований Мичиганского университета в общенациональном опросе предложил следующее утверждение, по отношению к которому респонденты должны были выразить свое согласие или несогласие: «Вашингтонское правительство не должно определять, надо ли белым и цветным ходить в одни и те же школы».

Учитывая новизну вопроса, можно прийти к здравому выводу, что большинство граждан (за исключением чернокожих), поддержавших усилия федерального правительства по десегрегации школ в этом опросе, лишь совсем недавно стали выступать за десегрегацию¹.

Аналогичное объяснение процессов можно представить для двух следующих вопросов.

Вопрос о замораживании производства ядерных вооружений в начале 1980-х годов на короткое время оказался весьма популярным. Он обсуждался в ток-шоу на телевидении, ему было посвящено огромное количество новых книг, в конгрессе выпускались постановления в поддержку этой меры. Хотя ни одно национальное исследовательское агентство не затрагивало проблему замораживания в своих анкетах до поднятия этого вопроса в 1981 году, уровень поддержки замораживания во всех ранних опросах был достаточно высоким.

Осенью 1982 года в исследовании NES задавался следующий вопрос: «Следует ли США в любом случае заморозить производство ядерных вооружений, или только в том случае, если Советский Союз согласится сделать то же самое, или же вообще не следует замораживать производство ядерных вооружений». Поддержка замораживания ядерных вооружений, выражаемая выбором одного из двух первых вариантов ответа, могла быть только новым мнением, поскольку идея замораживания была сознательно изобретена антивоенными активистами лишь за несколько месяцев до того, как этот вопрос появился в центре внимания широкой публики [203].

¹ Как указывают Пэйдж и Шапиро [188], в расовом вопросе общественное мнение американцев неуклонно склонялось влево, начиная, по крайней мере, с середины 1940-х годов. Это было вызвано, вероятно, в какой-то мере другими решениями Верховного суда о расовой дискриминации, попытками президента Трумэна добиться расового равенства в сфере трудоустройства и агитацией Хамфри и других представителей демократической партии. Таким образом, совокупность сообщений в СМИ обо всех этих действиях можно считать сообщением, которое, запустив процесс восприятия-принятия, привело к определенной степени поддержки десегрегации школ в 1956 году.

Что касается функционирования национальной экономики, в первой половине 1982 года в стране наблюдалась глубочайшая со времен Великой депрессии 1930-х годов экономическая рецессия; к осени, однако, в СМИ начали появляться сообщения о том, что намечается некоторая тенденция развития. В основном эти сообщения имели форму новостных материалов о различных экономических показателях и прогнозах различных экономистов. В ноябре и декабре в исследовании NES задавался следующий вопрос: «Экономическое положение страны за последний год ухудшилось, осталось прежним или же улучшилось?»

Учитывая гнетущее состояние экономики на протяжении предыдущих месяцев 1982 года, согласие с утверждением, что в экономике намечается рост, может в осеннем опросе рассматриваться как поддержка новой точки зрения.

Чтобы протестировать паттерны формирования установок по трем этим темам по сравнению с типологией, представленной на рис. 8.2, необходимо примерно оценить интенсивность сообщений и знакомство с вопросом во всех случаях.

Начнем с интенсивности сообщений. Сегрегация и замораживание производства ядерных вооружений представляются, исходя из моего несистематического анализа периодики 1950-х и 1980-х годов, типичными примерами вызывающих полемику вопросов. В прессе этим вопросам уделялось достаточно много внимания, иногда они становились главным сюжетом дня, но ни один из них не был политической новостью месяца, не являлся доминирующим для политического сообщества в Вашингтоне. Таким образом, поток сообщений по обоим вопросам можно примерно оценить как имеющий среднюю интенсивность (почти как в случае с политикой США в Центральной Америке). Поток сообщений об экономическом положении был, по всей видимости, гораздо менее интенсивным. Большая часть сообщений была новостями второстепенной значимости, заслуживающими 30-секундного репортажа в национальных вечерних теленовостях или же крупной статьи на страницах газеты, посвященной бизнесу, но вовсе не статуса передовицы.

Переходя к общему знакомству с вопросами, я бы оценил расовую проблематику как самую широкоизвестную; этот вопрос, как отмечали многие исследователи (например, [44; 34; 35]), являлся одним из тех немногих, по которым американцы могли иметь четко кристаллизованное мнение. Вопрос о замораживании производства ядерного вооружения находится, видимо, на другом полюсе шкалы знакомства и, следовательно, тре-

бует совершенно нового подхода к проблеме, которая, хотя и является достаточно важной, все же относится к области внешней политики, т.е. достаточно далека от жизненных интересов большинства людей. А вот знакомство с новостями об экономическом положении достаточно трудно оценить в свете моей модели. С одной стороны, экономические показатели страны являются чем-то таким, что непосредственно касается каждого и, значит, хорошо знакомо. С другой стороны, лишь немногие люди внимательно изучают показатели национального экономического развития; поэтому любая новая информация подобного рода не будет накладываться на значительное количество существовавших до того суждений¹. Ввиду сложности определения степени знакомства с вопросом об экономическом положении страны, данный вопрос я оставляю открытым.

Исходя из сказанного можно ожидать, что паттерн формирования установок по вопросу о замораживании производства ядерного оружия будет соответствовать графику *в* нашей типологии (средняя интенсивность и низкое знакомство с вопросом), по вопросу о сегрегации — графику *д* (средняя интенсивность и высокая степень знакомства), а по оценке экономического положения страны — одному из графиков с низким значением интенсивности потока сообщений (*а* или *з*). Кривые, которые описывают процессы формирования установок, необходимые для проверки этих предположений, представлены на рис. 8.6. Как можно видеть, наблюдается достаточно сильное соответствие теоретическим значениям².

Важно еще подчеркнуть, что в двух вопросах, имеющих либеральную направленность, — по десегрегации и замораживанию производства ядерного оружия, наблюдаются, как и ожидалось, положительная зависимость между осведомленностью и поддержкой новых идей среди либералов и немонотонный паттерн зависимости среди консерваторов. Что касается экономики, где утверждение об экономическом росте

¹ Например, только 15% респондентов в пилотажном исследовании NES 1985 года оказались способны идентифицировать Волкера как председателя Федерального резерва.

² Осведомленность изменялась от $-2,54$ до $+1,35$ по вопросу о школах и от $-1,86$ до $+1,96$ по двум другим вопросам. Чтобы облегчить сравнение этих трех случаев, значения переменной по двум шкалам в вопросе о школах устанавливались в пределах от $-0,85$ до $+0,85$; для двух других вопросов значения переменных на отдельных шкалах варьировались в интервале $\pm 1,5$. Интервал значений переменных «партия» и «одобрение» составлял $\pm 1,3$. Значение возраста — 45.

Рис. 8.6. Оценка паттернов изменения мнения по трем вопросам; оценки получены с использованием уравнения (7.5) и коэффициентов из табл. 8.7

Источник. Исследование NES 1982 года и исследования CPS 1956—1958—1960 годов.

имеет скорее консервативную направленность, здесь паттерны противоположны: связь с осведомленностью положительна для консерваторов и немонотонна для либералов.

Оценка типологии паттернов изменения установок

Полученные выше результаты, наряду с выводами, представленными в гл. 7, в значительной степени подкрепляют модель восприятия-принятия и предположения о типичных паттернах изменения установок, основанных на этой модели, и позволяют сформулировать следующие несколько выводов.

1. Распространение либерального сообщения среди убежденных либералов или консервативного среди убежденных консерваторов создает монотонный паттерн изменения установок, при котором наиболее осведомленные граждане с большей вероятностью будут изменять свои установки (по крайней мере, в тех случаях, когда вопрос относительно незнаком им).

2. Распространение либерального сообщения средней интенсивности среди консерваторов или консервативного сообщения такой же интенсивности среди либералов приводит к формированию немонотонного паттерна изменения установок, при котором чаще всего изменяются установки граждан со средним уровнем осведомленности.

3. Распространение сообщений низкой интенсивности, по сравнению с сообщениями высокой интенсивности, вызывает больший уровень изменений установок у высокоосведомленных граждан (см. рис. 8.2).

4. Изменение установок по менее знакомым вопросам, по сравнению с более знакомыми, также в большей степени затрагивает более осведомленных людей (см. рис. 8.2).

Свидетельства в поддержку первых двух выводов представляются достаточно существенными, дополнительные доказательства будут представлены далее. Во всяком случае, уже можно утверждать, что в значительном количестве случаев в соответствии с ожиданиями имеют место монотонные или немонотонные паттерны.

Два последних вывода, а они более сложные в типологии изменения установок, менее обоснованы по двум причинам: во-первых, это слабые измерения основных независимых переменных, интенсивности и знакомства с сообщением и, во-вторых, незначительное число случаев, которые, несмотря на ненадежные измерения, можно с большой долей правдоподобия соотнести с категориями типологии. Тем не менее доступные свидетельства положительны. Как и ожидалось, сообщения низкой интенсивности (об экономическом положении) создают большую вероятность изменения установок среди хорошо осведомленных граждан, нежели более интенсивные сообщения (о Центральной Америке)¹; среди респондентов со средним уровнем осведомленности большая доля изменений наблюдается по двум более знакомым вопросам (сегрегация и неодобрение политики Рейгана), нежели по менее знакомым.

Прежде чем перейти к последующему изложению, очень важно еще раз подчеркнуть, что в этой главе и далее я пытаюсь построить модель распространения одного сообщения, точнее — потока сообщений, который поддерживает только одну позицию. Когда, как это часто бывает, изменение общественного мнения происходит в результате воздействия потоков со-

¹ Сообщения средней интенсивности по расовому вопросу вызывали более высокий уровень изменений установок среди хорошо осведомленных респондентов, нежели более интенсивные сообщения о деятельности президента. Однако опровергающим фактором в данном случае является то, что расовый вопрос, возможно, является более знакомым вопросом, нежели деятельность президента; влияние этого различия скорее усиливает (а не уменьшает) различия в интенсивности. В результате затрудняется определение причин указанного явного различия — интенсивности, степени знакомства или же обоих факторов.

общений, в которых содержится информация, поддерживающая разные позиции, и особенно если противоположно направленные потоки сообщений отличаются по интенсивности один от другого и меняют интенсивность, ожидаемые паттерны изменения установок будут совершенно иными.

В настоящей главе, как и в гл. 7, поток сообщений ни в одном из случаев строго не соответствовал определению информационного потока, поддерживающего лишь одну позицию. Удовлетворительное решение проблемы требует развития модели двух потоков сообщений, которая могла бы заменить простую модель с однонаправленным потоком. Такая простая модель (ее я до сих пор и применял), очевидно, достаточно неплохо использовалась, несмотря на отклонения от допущения о строго однонаправленном потоке сообщений. Это означает, что она может быть полезным теоретическим инструментом в случаях, когда недоступны данные, необходимые для тестирования более сложной модели двух потоков сообщений. Но о последней — в гл. 9.

Микрооснования сопротивляемости убеждающим сообщениям

Особенность модели восприятия-принятия заключается в том, что более высокий уровень политической осведомленности приводит к более высокому уровню сопротивляемости неконсистентным политическим идеям, а степень сопротивляемости хорошо разбирающихся в политике людей определяется дистанцией между собственной идеологической позицией и позицией, представленной в сообщении. Хотя представленные выше свидетельства делают такое влияние осведомленности на сопротивляемость практически несомненным (по крайней мере, в определенных условиях), стоит все же описать причины очевидного идеологического сопротивления. Выше, в гл. 7, предлагались три объяснительных механизма.

1. Более осведомленные граждане чаще обладают значительным числом сформировавшихся до того суждений по большинству вопросов. Этот информационный «балласт» противодействует влиянию любых новых воспринимаемых сообщений.

2. В памяти более осведомленных граждан оказываются доступными те сообщения-подсказки, которые позволяют им распознать сообщения, неконсистентные по отношению к их ценностям.

3. Более осведомленные граждане чаще подвергаются влиянию относительно скрытых сообщений, которые по содержа-

нию могут противопоставляться содержанию доминантных политических сообщений. Принятие таких противоположно направленных сообщений противодействует влиянию любого воспринимаемого доминантного сообщения.

Все три механизма, три формы сопротивления предполагаются в ВПФ-модели и описываются соответственно как инерционное сопротивление, сопротивление приверженности и оппозиционное сопротивление. Моя задача в этой главе заключается в том, чтобы найти данные об эмпирической валидности первых двух форм сопротивления. Далее, в гл. 9 и 10, будут представлены свидетельства об оппозиционном сопротивлении.

Исходные суждения и инерционное сопротивление

Идеально, если есть возможность напрямую измерять имеющиеся у респондентов суждения, которые лежат в основе инерционного сопротивления убеждающим сообщениям. Но такая возможность обнаружилась только в одном случае — при падении рейтинга президента Рейгана во время скандала, связанного с Ираном в 1986—1987 годах. Тогда рейтинг президента снизился в наибольшей степени среди граждан со средним уровнем политической осведомленности. А граждане, которые хорошо разбирались в политике и могли воспринимать большее количество сообщений об ирангейте, оказались менее затронутыми изменением рейтинга. Вопрос, наверное, целесообразно сформулировать следующим образом: существуют ли доказательства того, что именно инерционный эффект вносит свой вклад в сопротивляемость хорошо разбирающихся в политике людей?

Показатель суждений, оказавших влияние на оценку деятельности Рейгана, можно найти в результатах июньского этапа пилотажного исследования NES 1987 года.

Респондентов просили дать оценку деятельности Рейгана сразу после того, как им задавался открытый вопрос¹: «Все еще

¹ Вопрос о поддержке Рейгана задавался почти в конце интервью и давал часть данных в эксперименте по изучению эффектов актуализации. Это означает, что вопросу об одобрении предшествовала серия вопросов, которые актуализировали положительные или отрицательные аспекты политики Рейгана. Открытый вопрос после них должен был позволить замерять прямой эффект этой актуализации.

Эксперимент по актуализации не дал положительного результата в том смысле, что в нем наблюдался минимальный сдвиг в одобрении деятельности Рейгана. Однако у половины респондентов из выборки актуализировалась информация об ирангейте, и эти респонденты несколько чаще упоми-

думая о вопросе, на который вы только что ответили, не могли бы вы сказать, какие идеи приходят вам в голову, когда вы отвечаете на этот вопрос? Что точно приходит вам в голову?» (И до трех раз: «А что еще?»). Большая часть замечаний, полученных в этом тесте, могла кодироваться при использовании стандартного кандидатского основного кодификатора (обычного кодификатора для классификации ответов на вопрос о том, что нравится и что не нравится респондентам в участвующем в выборах кандидате, в регулярных опросах NES). Однако некоторые замечания о деятельности Рейгана никогда не всплывали в связи с оценками других кандидатов и поэтому требовали новых кодов. Три из этих новых кодов, как кажется, предполагают прямые или не прямые отсылки к скандалу Иран-контрас: 1) не информирован (кажется, что ничего не знает о проблемах в стране, в правительстве); 2) не проявляет усердия на своем посту, недостаточно вовлечен в работу в соответствии со своими служебными обязанностями, слишком часто делегирует свои полномочия другим, назначает слишком плохих/некомпетентных заместителей, заместители плохо справляются со своими обязанностями; 3) расход денег на помощь контрас (в нарушение закона)¹.

Замечания, соотнесенные с одним из этих новых кодов, а также прямые упоминания попыток освободить заложников (эти варианты учитывались в имеющихся кодификаторах), были объединены в простом указателе и учитывались как прямой индикатор суждений, имеющих отношение к иранскому скандалу и оказавших влияние на оценку деятельности Рейгана.

Указатель этот является достаточно приблизительным. В-первых, то, что люди были в состоянии многое сказать о Рейгане, могло быть инспирировано ирангейтом; данное обстоятельство в специальных кодификаторах не учитывалось. Во-

нали скандал Иран-контрас в ответах на открытый вопрос. Все они были исключены из последующего анализа.

Следует отметить, что вопрос об одобрении, использованный для того, чтобы измерять изменение установок по поводу оценки деятельности президента, задавался как отдельный вопрос на предыдущем этапе исследования, и поэтому на него не повлиял неудавшийся эксперимент по актуализации.

¹ По невнимательности коды ответов на открытые вопросы о Рейгане не были включены в бюллетень кодификатора в пилотажном исследовании 1987 года. Однако затем эти новые коды постоянно включались в основные кодификаторы NES, их можно найти и в основных кодификаторах по оценке партий/кандидатов в раннем выпуске предвыборного исследования 1988 года. Новые коды можно отличить от принятых ранее кодов — они отмечены звездочкой.

Таблица 8.1

**Взаимозависимость политической осведомленности
и замечаний о деятельности Рейгана**

Показатели	Уровень политической осведомленности				
	низкий	средний		высокий	
Среднее число замечаний, не относящихся к ирангейту	0,68	1,21	1,30	1,55	1,63
Среднее число замечаний, относящихся к ирангейту	0,09	0,23	0,41	0,42	0,28
Доля замечаний об ирангейте	0,08	0,15	0,23	0,21	0,13
N	44	52	54	38	46

Примечание. В первых двух строках приведены средние количества замечаний, не относящихся и относящихся к ирангейту. Эти средние количества рассчитывают при учете всех респондентов, в том числе и тех, у кого не было мнения о результатах деятельности президента Рейгана. В третьей строке показатели определяют как средние на индивидуальном уровне.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

вторых, некоторые люди, особенно хорошо разбирающиеся в политике демократы, могли иметь гораздо более существенные (для них) основания для неодобрения деятельности Рейгана, и поэтому им не удавалось упомянуть скандал Иран-контрас, даже если он и проходил в их сознании как негативное суждение. В-третьих, люди, вероятно, неспособны сразу вспомнить все идеи, которые повлияли на их оценку [147]. Именно по этим причинам в указателе почти наверняка недооценивается влияние скандала на рейтинг Рейгана.

Тем не менее данные исследования NES позволяют проверить наше представление о том, как взаимодействовали информация об ирангейте и другие сведения о деятельности Рейгана, влияя на его общий рейтинг.

Что конкретно мы хотим проверить?

Если уже имеющаяся информация может вызвать сопротивляемость у хорошо осведомленных граждан, то скорее всего эти граждане будут обладать большим набором суждений, не связанных с контрас; с другой стороны, суждения, не связанные с контрас, могут компенсировать влияние суждений, имеющих отношение к скандалу. Как можно видеть из табл. 8.1, первое предположение в значительной степени подтверждается: чем

больше внимания люди уделяют политике, тем проще им вспомнить не связанные с контраст суждения, на основании которых они могут оценивать деятельность Рейгана. Подтверждается и второе предположение: отношение количества суждений, связанных с контраст, к количеству суждений, не связанных с контраст, выше для тех граждан, которые обладают средним уровнем политической осведомленности. Немонотонность этой функции, которую подтверждают (при регрессионном анализе) статистически значимые оценки¹, возникает отчасти вследствие того, что большая часть суждений, не связанных с контраст, у хорошо информированных о политике людей может нивелировать влияние суждений, связанных со скандалом. Таким образом, данные табл. 8.1 соответствуют представлению о том, что общая информация о деятельности Рейгана на президентском посту способствует снятию эффекта негативных новостей, касающихся скандала Иран-контраст.

Относительно табл. 8.1 можно сделать еще два замечания. Прежде всего надо отметить крайне низкую вероятность спонтанного упоминания скандала в группе наименее осведомленных респондентов; даже если допустить, что часть замечаний этого рода была недоучтена, 9% — очень низкий уровень внедрения для такой важной новости, как ирангейт. Поэтому, наверное, и изменился столь незначительно рейтинг Рейгана среди наименее осведомленных граждан. И наконец, следует указать на немонотонный паттерн в спонтанных ответах о скандале. Эта немонотонность обеспечивает немонотонное распределение показателя в третьей строке табл. 8.1. Объяснение данного обстоятельства см. далее.

Сопrotивление приверженности на уровне суждений

Инерционное сопротивление, как мы уже убедились, является механизмом, который затормаживает влияние новых суждений. Более эффективной формой сопротивления, однако, является категоричное отвержение новых суждений при столкновении с ними, если они не соответствуют предрасположенностям человека.

¹ Если отношение количества суждений, связанных с контраст, к количеству суждений, не связанных с контраст, является зависимой переменной, а информация и информация в квадрате — это независимые переменные, то коэффициенты при обеих независимых переменных значимы на уровне 0,05 по одностороннему критерию.

В соответствии с ВПФ-моделью люди могут отвергать идеи, если только в них содержится подсказывающая информация, позволяющая распознать эти конкретные идеи как неконсистентные по отношению к своим основным ценностям; люди, хорошо разбирающиеся в политике, чаще всего обладают такой информацией и пользуются ею (см. табл. 4.3). Следует ожидать, что наиболее высокий уровень сопротивления приверженности будет наблюдаться в отношении сообщений, которые чужды людям по духу. А в типичных идеологических вопросах, по которым проходят линии разделения между партиями, столкновение с неконсистентными суждениями, т.е. суждениями, неконсистентными по отношению к идеологии респондента, приведет к немонокотным паттернам отношений между уровнем сопротивления и политической осведомленностью.

Логика такой связи нам уже известна. Хорошо разбирающиеся в политике индивиды при нормальном положении вещей чаще воспринимают неконсистентные суждения, но, будучи хорошо осведомленными, обладают контекстуальной информацией, необходимой для их распознавания и отклонения. Наименее осведомленные респонденты воспринимают меньшее количество таких сообщений, и поэтому у них формируется меньшее количество неконсистентных суждений. У респондентов же со средним уровнем осведомленности неконсистентные суждения появляются с наибольшей вероятностью; здесь мы имеем достаточное внимание к политике и восприятие большого количества неконсистентных сообщений, но зачастую отсутствует «ключ» к этим сообщениям, позволяющий распознать их консистентность или неконсистентность.

Можно также предположить, что между осведомленностью и принятием консистентных суждений, т.е. суждений, консистентных по отношению к идеологии индивидов, будет наблюдаться положительная зависимость. Осведомленность означает большую вовлеченность в политическую коммуникацию; кроме того, в данном случае отсутствует эффект сопротивления, обычно возникающий при высоком уровне осведомленности

Таким образом, скорее всего при прочих равных условиях политическая осведомленность имеет положительную связь с вероятностью принятия консистентных суждений и немонокотный паттерн зависимости с вероятностью принятия неконсистентных сообщений. Или же, другими словами, типология

на рис. 8.2 описывает не только случай формирования новых суждений, но и случай изменения установок.

Чтобы проверить это предположение, я возвращаюсь к данным пилотажного исследования NES 1987 года. В этом опросе, как мы помним, есть показатели, основанные на трех вопросах — о трудовых гарантиях, затратах на государственные службы и помощи чернокожим. Все суждения определялись как консистентные или неконсистентные при либеральной или консервативной ориентации респондента (описание этих показателей см. в Указателе переменных). К примеру, для либерала любые суждения, которые могут привести на либеральный ответ, классифицировались как консистентные, а те, которые могли склонить его к консервативному ответу, — как неконсистентные. Для кодирования консистентных и неконсистентных суждений предусматривались отдельные индексы. Чтобы максимально увеличить вероятность того, что эти индексы будут точно соответствовать полному набору суждений в сознании человека, они строились с учетом всех релевантных замечаний на обоих этапах исследования. Соответствующие данные берутся из тестов «остановись-и-подумай», потому что, следует напомнить, эти тесты были направлены на то, чтобы, помимо прочего, выявить в памяти респондентов как можно большее количество суждений.

Данные о консистентных и неконсистентных суждениях представлены на рис. 8.7. Чтобы компенсировать небольшое число случаев и высокий уровень случайных ошибок в этих данных (см. анализ в гл. 4), использованы результаты агрегирования по всем трем вопросам. Как можно видеть, эти результаты соответствуют предположениям. Когда те же данные анализируются на уровне индивидуальных суждений (табл. 8.2), указанное соответствие не столь однозначно, но оно все же присутствует¹.

¹ В табл. 8.2 шкала идеологии как бы сложена вдвое, так что суждения либералов и консерваторов можно исследовать одновременно, что позволяет увеличить число анализируемых случаев. Ожидаемая связь, однако, для одних либералов должна быть гораздо сильнее, нежели для либералов и консерваторов вместе (как в таблице). Мои попытки моделирования предполагают, что что-то подобное этому паттерну распределения получилось бы, если бы поток консервативных сообщений по вопросам социального обеспечения оказался более интенсивным (отражая национальную традицию экономического индивидуализма) и более достоверным (т. е. коэффициент b_0 в функции принятия имел бы более низкие значения), нежели поток либеральных сообщений (доказательства этого см. также в [67]).

Немонотонный паттерн в распределении замечаний о скандале Иран-контрас в табл. 8.1 также предполагает наличие сопротивления приверженности. Наиболее информированные граждане, очевидно, чаще воспринимают новости об ирангейте, но они, несомненно, с меньшей вероятностью будут принимать их, нежели индивиды со средним уровнем осведомленности. Кроме того, хорошо разбирающиеся в политике республиканцы будут, наверное, проявлять большее сопротивление по отношению к новостям о скандале Иран-контрас, чем хорошо разбирающиеся в политике демократы. При отдельном анализе данных о демократах или республиканцах можно ожидать, что отношение между осведомленностью и замечаниями об ирангейте среди республиканцев будет немонотонным, а среди демократов — положительным. Данные табл. 8.3 подтверждают это предположение.

Обобщим сказанное выше. Ожидаемые паттерны монотонных и немонотонных распределений были получены отдельно для идеологических групп по трем вопросам о социальном обеспечении и по вопросу об оценке деятельности президента, причем в последнем случае паттерны оказались особенно четкими. Вероятность того, что такие паттерны распределения могли получиться случайно, составляет всего 0,06¹.

Возраст и сопротивляемость изменениям

До сих пор мое исследование было сфокусировано на эффектах некоторых видов политических предрасположенностей: партийной принадлежности, пацифизма, эгалитаризма и т.п. Однако влиять на изменение установок могут не только политические предрасположенности. Одной из важных предрасположенностей, отнюдь не политической, является биологический возраст. Есть множество свидетельств, подтверждающих влияние возрастных различий на восприимчивость к новым идеям [2; 84].

ВПФ-модель, если она действительно является обобщенной моделью формирования и изменения установок, должна объяснять влияние возрастных различий на восприимчивость к убеждающим сообщениям так же, как объясняет влияние других факторов предрасположенности.

¹ Данные табл. 8.2 и 8.3 выводят на ожидавшиеся монотонные и немонотонные паттерны во всех четырех случаях. Вероятность совершенно случайно получить такие результаты составляет 0,06. Следует также отметить, что индивидуальные тесты основываются на небольшом количестве случаев.

Рис. 8.7. Влияние политической осведомленности на формирование consistent и inconsistent суждений; данные, по которым построен график, см. в табл. 8.2.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

Таблица 8.2

Идеология, осведомленность и consistentность суждений

Вопросы, суждения	Уровень политической осведомленности					
	низкий	средний			высокий	
<i>Трудовые гарантии</i>						
Консистентные суждения	1,50	2,82	3,14	3,68	3,37	4,23
Неконсистентные суждения	2,08 (12)	2,94 (17)	2,79 (34)	2,54 (37)	2,57 (30)	1,31 (13)
<i>Затраты на государственные службы</i>						
Консистентные суждения	2,62	3,57	2,95	3,25	4,73	5,29
Неконсистентные суждения	1,46 (13)	1,95 (21)	3,16 (37)	2,64 (36)	3,03 (30)	1,86 (14)
<i>Помощь чернокожим</i>						
Консистентные суждения	2,92	3,70	4,26	5,42	6,06	5,36
Неконсистентные суждения	3,58 (12)	3,70 (20)	4,09 (34)	3,58 (38)	3,23 (31)	3,07 (14)
<i>Невзвешенное среднее</i>						
Консистентные суждения	2,34	3,36	3,33	3,74	4,72	4,96
Неконсистентные суждения	2,37	2,86	3,35	2,92	2,94	2,08

Примечание. В таблице даны средние количества замечаний соответствующего типа, в скобках — число респондентов.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

Очевидно, что взаимодействие между политической осведомленностью и возрастом имеет место. Рассмотрим, к примеру, проблему расового равенства. Возрастные различия в вопросе поддержки расового равенства изучены хорошо. В частности, известно, что более молодые выражают большую степень либерализма в данном вопросе. Возраст практически всегда определяет объем жизненного опыта индивида. Применительно к рассматриваемой проблеме важно заметить, что большинство пожилых американцев выросли в период, когда и политические нормы, и повседневная практика позволяли и даже вынуждали к расовой дискриминации; естественно, возраст поэтому может тормозить склонность к расовому либерализму, причем безотносительно к уровню политической осведомленности или любому другому фактору в ВПФ-модели.

Но, предположим, расовое равенство является не неясной тенденцией, а новой нормой, предложенной различными элитами и распространенной посредством политической информации среди публики. Здесь представители любой возрастной группы, лучше разбирающиеся в политике, будут чаще сталкиваться с этой новой идеей, и тогда уровень изменения установок (по крайней мере, потенциальный) окажется выше среди наиболее осведомленных граждан.

Теперь предположим, что способность защищать свои предрасположенности от новых влияний зависит от обладания релевантной контекстуальной информацией. Если это так, то более осведомленные граждане из старших возрастных групп, которые чаще воспринимают сообщения, защищающие расовое равенство, будут чаще отвергать последние, нежели их менее осведомленные сверстники. И отсюда вывод в более общем виде: переменная «возраст» в ВПФ-модели должна активно взаимодействовать с политической осведомленностью.

Далее я рассмотрю влияние возраста на три исторических изменения в американском общественном мнении: поворот от изоляционистских установок, которые преобладали в начале Второй мировой войны, к либеральному интернационализму в конце 1940-х и в 1950-х годах; отказ общественности от первоначальной доктрины либерального интернационализма во время вьетнамской войны; принятие большей частью публики расового равенства как нормы в 50-х годах. В каждом случае особое внимание будет уделяться вопросу, почему политическая осведомленность могла взаимодействовать с возрастом, усиливая сопротивляемость убеждающим сообщениям.

Таблица 8.3

Отношения между партийной принадлежностью, осведомленностью и замечаниями об ирангейте

Партийная принадлежность	Уровень политической осведомленности			
	низкий	средний		высокий
Республиканцы	0,25 (20)	0,33 (18)	0,30 (20)	0,23 (26)
Демократы	0,07 (27)	0,28 (32)	0,41 (32)	0,46 (26)

Примечание. В таблице указано среднее количество отрицательных замечаний об ирангейте, в скобках — число респондентов.

Источник. Пилотажное исследование NES 1987 года.

Сопrotивляемость либеральному интернационализму

В 1930–1940-х годах представители демократической партии, в особенности ее либерального крыла, были интернационалистами. Они поддерживали активистскую внешнюю политику, в соответствии с которой США как военная держава должны были защищать интересы Америки и держать под контролем потенциальных врагов страны. Самыми главными врагами, разумеется, были нацистская Германия и сталинистская Россия. В то же время республиканская партия, особенно ее консервативное крыло, была партией изоляционизма. Ее представители считали, что Соединенным Штатам не нужна интернационалистская внешняя политика, страна может находиться в мире и безопасности за океаном, оставляя заботу о своих интересах другим странам.

Во время Второй мировой войны и после нее республиканская партия в целом отошла от такой изоляционистской позиции. Опыт военного времени доказал, как это казалось руководителям военной экономики, что Америка более не может находиться в стороне от мировых событий, не страдая при этом от катастрофических последствий многих из них. Поэтому под предводительством сенатора Ванденберга партия стала поддерживать инициативы президента-демократа Трумэна по экономической реорганизации Европы, системе военных альянсов, в которых Соединенные Штаты всегда были ключевой силой, членству США в ООН и, наконец, американскому вмешательству в корейскую войну.

Поддерживаемый республиканской партией либеральный интернационализм в 50-е годы был господствующей политической нормой в Соединенных Штатах. Если говорить в терминах ВПФ-модели, то наблюдался устойчивый поток сообщений, защищавших такую политику; небольшое количество сообщений-подсказок напоминали о неконсистентности между интернационализмом и консерватизмом¹. Мнение основных групп населения, таким образом, должно было распределяться в соответствии со стандартным паттерном господствующей тенденции в общественном мнении, т.е. в данном случае должна была проявиться сильная положительная связь между политической осведомленностью и поддержкой господствующей нормы.

А как вели себя хорошо разбирающиеся в политике республиканцы из старшей возрастной группы? Могли ли они противостоять господствующей тенденции? На протяжении 1920-х, 1930-х и части 1940-х годов республиканцы этой группы регулярно сталкивались с достаточно большим количеством консервативных сообщений, исходящих из республиканских источников и жестко направленных против либерального интернационализма. Скорее всего, они интериоризировали многие из таких суждений, а некоторые, возможно, все еще были свежи в их сознании в начале 1950-х годов. Тем самым обеспечивалась основа для сопротивляемости новой господствующей политике интернационализма.

Если ситуация складывалась именно так, то наши ожидания относительно паттернов распределения поддержки интернационализма среди республиканцев в период около 1950 года должны быть следующими. Среди более молодых республиканцев, напрямую малознакомых с пиком республиканского изоляционизма в 1930-е годы, следует ожидать положительную связь между осведомленностью и поддержкой господствующей идеологии интернационализма. Что касается республиканцев старших «возрастных» групп, здесь связь с осведомленностью будет немонотонной. Наименее осведомленные республиканцы уделяют слишком мало внимания политике, чтобы улавливать сообщения, направленные в поддержку новой господствующей нормы, и поэтому, очевидно, они вряд ли будут ее под-

¹ Некоторые республиканцы под предводительством сенатора Брикера продолжали противостоять либеральному интернационализму. Коэн [40], однако, утверждает, что в прессе того времени изоляционизм представлялся в основном как «провинциальная» точка зрения и поэтому игнорировался

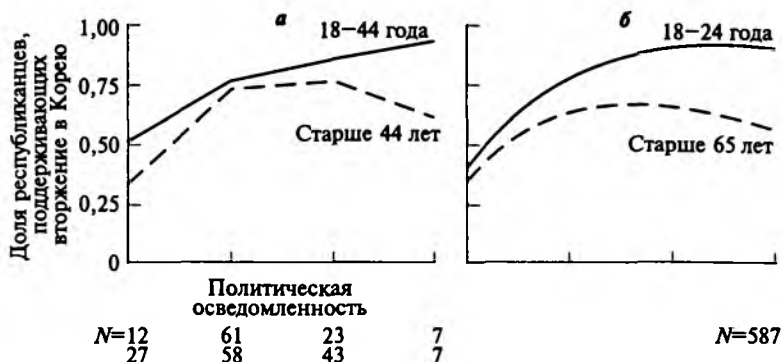

Рис. 8.8. Влияние возраста на связь между осведомленностью и поддержкой войны в Корею; оценки основаны на уравнении (7.5) и коэффициентах из табл. 8.7 в приложении к главе: *а* — по эмпирическим данным; *б* — модельные значения

Источник. Исследование CPS 1951 года.

держивать. Наиболее осведомленные республиканцы также будут оказывать сопротивление новой норме, но не потому, что не знают о ней. Причина в данном случае иная: они (с 1930-х годов) обладают контекстуальной информацией, необходимой для того, чтобы противостоять этой идее, и, возможно, большим количеством изоляционистских суждений, накопившихся за предыдущие десятилетия и создававших своего рода инерцию. Поддержка интернационализма, таким образом, должна оказаться наиболее высокой среди республиканцев со средним уровнем осведомленности: они уделяют политике достаточно внимания, чтобы воспринимать сообщения, защищающие господствующую норму, но не владеют достаточным количеством контекстуальной информации и информационным балластом, позволяющими критически к ней относиться.

Исследование CPS 1951 года позволяет проверить эти гипотезы. В нем можно найти показатели политической информированности, что достаточно редко для того времени, и несколько вопросов об американской внешней политике. Наиболее жесткой проверкой либерального интернационализма тогда была политика Трумэна в корейской войне (от Америки требовались значительные «жертвы» в интересах того, что, с изоляционистской точки зрения, было всего лишь незначительным недвижимым имуществом в Азии). Поскольку исследование 1951 года в последующие годы было направлено на измерение только одного

показателя, у нас нет данных об изменении установок. Но так как любая поддержка американского вмешательства в Корею скорее всего должна была быть относительно новой, следует все же использовать предположения модели восприятия-принятия.

Переменная «поддержка военной политики Трумэна» определялась как несогласие с утверждением, что Соединенным Штатам «следует вывести войска из Кореи и оставаться в стороне от этого конфликта». Модель, которая используется для измерения поддержки политики Трумэна, является прямым приложением уравнения (7.5); единственное дополнение здесь — переменная «возраст».

Полученные результаты основаны на небольшом количестве случаев в наиболее важных группах населения. Тем не менее они подтверждают наши предположения (рис. 8.8). Среди демократов (данные не приводятся) и молодых республиканцев наблюдается сильная положительная связь между осведомленностью и поддержкой американского вторжения в Корею. Для республиканцев более старшего возраста имеет место немонокотонное отношение, что является, наверное, результатом сопротивления новой политике части хорошо разбирающихся в политике республиканцев, еще не забывших прежнюю изоляционистскую линию партии. Хотя некоторые коэффициенты в модели не достигают приемлемого уровня статистической значимости, критический коэффициент при переменной «возраст» значим на уровне 0,07.

Сопротивляемость либеральному антивоенному движению во время вьетнамской войны

Вьетнамская война представляет собой еще один случай изменения мнения, позволяющий проверить влияние возраста. Единственное различие заключается в том, что здесь все происходит как бы в зеркальном отражении, а именно: хорошо разбирающиеся в политике старшие по возрасту *либералы* вынуждены изменить свои взгляды.

Хорошо известно, как в общих чертах изменялась либеральная идеология во время вьетнамской войны. Выше отмечалось, что до войны (по крайней мере, за поколение до нее) либеральная идеология была тесно связана с активистской внешней политикой. Либералы из более старших возрастных групп должны были помнить уроки Мюнхена, в том числе, конечно, и то попустительство в отношении нации-агрессора, которое привело к еще большей агрессии. Они должны были

быть свидетелями коммунистических «переворотов» в Восточной Европе и Китае. Наконец, эти либералы должны были убедиться на примере Кореи, Греции, Турции и Западного Берлина, как демонстрация силы может сдерживать агрессию. Если бы старшие по возрасту либералы (и — в большей степени — более «возрастные» консерваторы) принимали партийные интерпретации этих событий, они бы непременно сталкивались со значительным количеством аргументов в пользу «противостояния коммунизму» и в таких странах, как Вьетнам. Более молодые и хорошо разбирающиеся в политике либералы тоже, очевидно, слышали обо всех этих «уроках», но только слышали, причем в гораздо меньшем объеме.

В период вьетнамской войны либеральная поддержка интернационализма сначала снизилась, а затем превратилась в свою противоположность. Либерализм стал связываться с представлением, что американское вторжение во Вьетнам было трагическим и недозванным вмешательством во внутренние дела суверенного государства.

Таким образом, можно ожидать, что возраст окажет влияние на динамику изменения установок именно в либеральном лагере¹. Среди более молодых либералов будет наблюдаться положительная связь между политической осведомленностью и изменением установок на поддержку новой либеральной нормы. У либералов из старших возрастных групп, напротив, будет наблюдаться немонотонное отношение. Те из них, кто хорошо разбирается в политике, проявят большую инерционную сопротивляемость по отношению к новой политике. А в наибольшей степени изменение установок затронет тех либералов из старших возрастных групп, которые обладают средним уровнем политической осведомленности.

Данные, позволяющие проверить эти предположения, являются гораздо более строгими, нежели в случае с корейской войной; они позволяют проверить сами паттерны изменения во времени (а не просто распределение установок в отношении новой партийной политики в национальном опросе, как это было раньше). То, что в каждом из четырех электоральных опросов CPS с 1964-го по 1970 год респондентам задавался вопрос о поддержке вьетнамской войны, позволяет напрямую

¹ Я говорю об изменениях скорее в группе либералов, а не в демократической партии вообще, потому что либеральная идеология изменялась быстрее, нежели взгляды демократической партии в целом (ведь в ней есть и значительное консервативное крыло).

Таблица 8.4

**Возрастные различия у либералов в поддержке
вьетнамской войны в 1966 и 1970 годах**

Уровень поддержки	Уровень политической осведомленности			
	низкий	средний	высокий	
<i>Возраст 21–35 лет</i>				
Количество поддерживающих в 1966 году, %	60 (30)	89 (47)	86 (22)	92 (50)
Количество поддерживающих в 1970 году, %	50 (38)	67 (33)	54 (35)	43 (49)
Уровень изменения	17	25	37	53
<i>Возраст 36–55 лет</i>				
Количество поддерживающих в 1966 году, %	44 (59)	71 (52)	92 (36)	83 (59)
Количество поддерживающих в 1970 году, %	43 (51)	61 (38)	54 (41)	57 (51)
Уровень изменения	2	14	41	31
<i>Возраст от 56 лет</i>				
Количество поддерживающих в 1966 году, %	32 (54)	75 (36)	73 (15)	79 (24)
Количество поддерживающих в 1970 году, %	34 (47)	56 (39)	21 (19)	67 (21)
Уровень изменения	-6	25	71	15

Примечания:

1. Возраст указан по состоянию на 1966 год.
2. Либералы определяются как респонденты, попавшие в верхние 40% шкалы «голуби»-«ястребы» (см. гл. 9).
3. Уровень изменения респондентов рассчитывался как (*поддержка₆₆-поддержка₇₀*)/ *поддержка₆₆*×100.
4. Число респондентов дано в скобках.

Источник. Исследования CPS 1966 и 1970 годов.

оценивать изменение установок. Вопрос звучал следующим образом: «С каким из следующих действий вы бы согласились: 1) полностью вывести войска из Вьетнама; 2) оставить наши войска во Вьетнаме, но постараться скорее закончить конфликт; 3) занять более жесткую позицию, даже если это означает вторжение в Северный Вьетнам».

Второй и, разумеется, третий варианты ответа будут в дальнейшем рассматриваться как поддержка войны (второй потому, что он представляет официальную политику администраций и Джонсона, и Никсона [81]). Первый вариант ответа рассматривался как неприятие войны.

Данные об изменении мнений о войне между 1966 годом (когда наблюдался наиболее высокий уровень поддержки) и 1970 годом среди трех возрастных групп либералов приведены в табл. 8.4. Хотя и с некоторыми помехами вследствие незначительных частот в ряде случаев¹, таблица ясно показывает, что наши предположения об инерционном сопротивлении среди хорошо разбирающихся либералов более старшего возраста оказались верны. Среди более молодых либералов наблюдается положительная связь между политической осведомленностью и снижением поддержки войны, а для либералов среднего возраста, и особенно для пожилых, это отношение немонотонно. (Показатель идеологической приверженности, использованный в табл. 8.4, детально рассматривается в гл. 9, где более подробно анализируются установки в отношении вьетнамской войны.)

Читатель, наверное, заметил, что в данных таблицы есть очевидная аномалия; имеется в виду шестипроцентное увеличение поддержки войны среди наименее осведомленных либералов старше 55 лет. В следующей главе будет рассмотрено это оппозиционное изменение, т. е. изменение, направленное в противоположном направлении по сравнению с основным изменением. Для объяснения этого явления требуется более сложная модель, нежели та, что предлагается здесь. В целом же данные табл. 8.4, вкуче с приведенными ранее данными о корейской войне, говорят о том, что ВПФ-модель помогает точно определить влияние возраста на подверженность изменению установок.

Поколения и расовый вопрос

Выше уже описывались причины, по которым возраст может взаимодействовать с политической осведомленностью во влиянии на принятие новой нормы в расовом вопросе. Поскольку идеология тоже является важным фактором сопротивляемости по отношению к расовому равенству, следует ожидать, что здесь будет наблюдаться тройственное взаимодействие. У более молодых либералов не будет сопротивления расовому равенству или же оно окажется незначительным. Вследствие этого в группе молодых либералов (и только в ней) связь между осведомленностью и расовым либерализмом будет положительной линейной. По мере увеличения возраста и консерватизма отношения между осведомленностью и поддерж-

¹ Стандартная ошибка для различия в тесте средних при соотношении двух показателей в таблице, где $N=25$, а истинное среднее 0,40, равна 0,14 при 95%-ном доверительном интервале $\pm 0,28$.

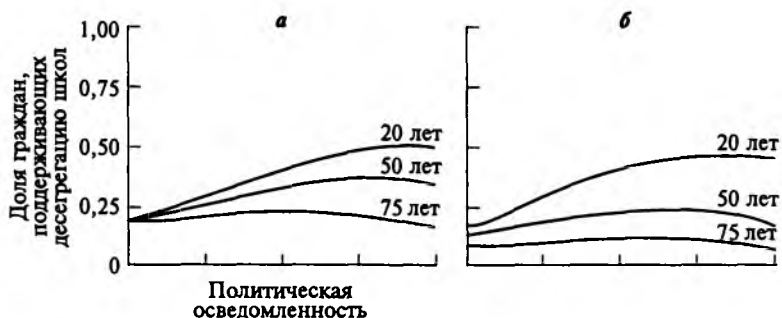

Рис. 8.9. Различия между поколениями в поддержке десегрегации школ в 1956 году; оценки основаны на уравнении (7.5) и коэффициентах из табл. 8.7: *a* — либералы; *b* — консерваторы

Источник. Исследования CPS 1956—1958—1960 годов.

кой расового равенства становятся все более немонотонными. Графики на рис. 8.9 позволяют проверить это предположение, они демонстрируют уровень поддержки десегрегации школ в зависимости от возрастной группы, идеологии и уровня политической осведомленности¹. Статистические оценки здесь основаны на той же модели, что и на графиках рис. 8.6, за исключением того, что возрастные различия не сглаживаются, а показываются. Как можно видеть, данные графиков соответствуют нашим предположениям.

Можно задаться таким вопросом: что же конкретно заставляло хорошо разбирающихся в политике пожилых либералов противостоять судебному решению о десегрегации школ на Юге? почему именно возраст, а не либеральная идеология предрасположила их к противостоянию федеральному вмешательству в эту проблему?

Ответ на этот вопрос хотя и может показаться неясным для людей, живущих в конце XX столетия, все же, по моему мнению, совершенно очевиден для либералов середины века. С конца XIX века и до нападок Франклина Рузвельта на Верховный суд в конце 1930-х годов судебный активизм в Соеди-

¹ В панельных исследованиях CPS 1956—1958—1960 годов вопрос о десегрегации задавался на всех трех этапах. Между 1956 и 1958 годами произошло некоторое повышение поддержки десегрегации (возможно, в результате того, что президент Эйзенхауэр для обеспечения выполнения указа о десегрегации использовал в Литл-Роке федеральные войска). Однако изменение было слишком мало, чтобы указывать на отчетливый паттерн.

ненных Штатах практически неизменно служил консервативным интересам; в те же годы принципы независимости штатов и самоограничение судебной власти чаще всего защищали либеральных политиков от федерального судебного вмешательства. Это происходило потому, что либерально настроенные законодательные учреждения Северо-Востока и Среднего Запада пропускали экономические постановления, которые Верховный суд, исходя из конституционных принципов, регулярно признавал недействительными. Недовольные решениями Верховного суда, либералы особенно отстаивали «демократический» принцип, в соответствии с которым Юридическая палата должна была считаться с более близкими к народу ветвями власти, особенно с властью штатов и местных муниципалитетов. Как хорошо разбирающиеся в политике либералы старшего возраста слишком хорошо помнили уроки Мюнхена, чтобы противиться вьетнамской войне, так и эта группа либералов 1950-х годов слишком учитывала «опасности судебного активизма», чтобы полностью принять вердикт по делу «Браун против Совета образования»¹. (Можно провести параллель с установками некоторых современных либералов, которые прежде лично выступали против расовой дискриминации, а теперь противостоят позитивным действиям в этой области, потому что политика дополнительных шансов противоречит принципу равенства.)

Общее влияние возраста

Я детально проанализировал эти три случая, три изменения в американском общественном мнении, чтобы показать, почему конкретно в рамках ВПФ-модели можно зафиксировать влияние возраста на подверженность новым идеям. Если, однако, возраст, как и любая другая переменная, является фактором предрасположенности, то не нужно обосновывать каждый такой фактор в отдельных случаях. Когда люди из старших возрастных групп более предрасположены к принятию какой-то идеи — вследствие ли обучения, физиологического состояния, заинтересованности, жизненных условий, общего консерватизма или же чего-то еще, следует применять логику ВПФ-

¹ См. свидетельство о том, в какое замешательство привели вопросы о расе и гражданских свободах в 1950-е годы одного из старых либералов, Феликса Франкфуртера, в работе Уайта [245]. Как судья в Верховном суде, Франкфуртер разрывался между приверженностью доктрине судебного самоограничения, распространенной во времена его молодости, и столь же сильной приверженностью идеям расовой и гражданской свободы.

модели. И в соответствии с ней более осведомленные граждане старшего возраста должны подвергаться более сильному воздействию политических сообщений, могущих вызвать изменение мнения, они способны оказывать большее сопротивление идеям, которые противоречат их предрасположенностям.

В то же время стоит добавить, что нет оснований верить в то, что возраст в целом связан с большим сопротивлением изменению. Если предложение по увеличению льгот в медицинском обслуживании станет очень актуальным политическим вопросом, то не надо, наверное, ожидать, что пожилые будут склонны противостоять этой идее. Поддержка этой идеи среди старшего поколения будет увеличиваться по мере роста политической осведомленности без увеличения сопротивляемости среди самых осведомленных. Сопротивления, если оно и проявится, можно ожидать только от хорошо разбирающейся в политике молодежи.

Таким образом, я не утверждаю, что возраст связан с сопротивлением новым идеям, какова бы ни была их направленность; нет, в рамках ВПФ-модели можно определить влияние возраста как предрасположенности при любой направленности изменений.

В заключение

Итак, хотя модель изменения установок с одним потоком сообщений и является серьезным упрощением того, что происходит в действительности, она все же обладает достаточной внутренней сложностью, чтобы на ее основе можно было в разных обстоятельствах выдвигать разные интересные предположения, и достаточной валидностью, чтобы эти предположения оставались правдоподобными даже после эмпирической проверки. При разных типах вопросов и сообщений возникают разные паттерны изменения установок, а формирование суждений, которые определяют ответы на закрытые вопросы в интервью, также соответствует логике модели с одним потоком сообщений. Эта модель фиксирует влияние и еще одного важного типа неполитической предрасположенности, а именно возраста.

Множество разного рода рассмотренных в гл. 8 свидетельств, ни одно из которых не является окончательным, свидетельствуют в пользу ВПФ-модели. Две последующие главы добавляют к этому множеству подробный анализ двух существенных проблем: речь идет об изменении установок по отношению к вьетнамской войне и оценки кандидатов на партийных выборах.

Приложение

Рейтинг Рейгана, хотя он резко упал в начале ноября 1986 года в результате разоблачений, связанных с ирангейтом [30], оставался, если судить по выборке в исследовании NES 1986 года, устойчивым на протяжении большей части ноября. В данных по 28 ноября (т. е. через день после Дня Благодарения и через три дня после объявления генерального прокурора Миса о начале внутреннего расследования в администрации по вопросу о скандальных обвинениях) наблюдается резкий разрыв. До 28 ноября уровень неодобрения деятельности Рейгана составлял по выборке 32% без какой-либо тенденции к изменению; начиная же с 28 ноября и до конца опроса уровень неодобрения составлял в среднем 39%. Как видим, изменение достаточно значимое. В пилотажном исследовании NES 1987 года, в котором было проведено повторное интервьюирование 457 респондентов из тех, кто участвовал в осеннем опросе, уровень неодобрения составлял уже 48%. Отталкиваясь от этих данных, я определяю период до 28 ноября 1986 года как исходный, а июнь 1987 года как период после изменений¹.

Статистические оценки, полученные с использованием уравнения (7.7), см. в табл. 8.5. Как можно видеть, все теоретически важные коэффициенты принимают достаточно большие значения, но стандартные ошибки также велики. Поэтому я добавляю в базовую модель два ограничения. Во-первых, убирается коэффициент минимального уровня осведомленности, который явно превосходил возможную вероятность угадывания и у которого было очень большое значение стандартной ошибки. Кроме того, я считаю одинаковым влияние осведомленности в функциях исходного восприятия и изменения восприятия. Эти два ограничения не сильно

¹ Я проанализировал также изменение установок 457 респондентов в пилотажном исследовании NES 1987 года, обращаясь к ответам этих же людей осенью как к исходному мнению. При работе с этой маленькой выборкой невозможно было учесть тот факт, что некоторые респонденты опрашивались после 27 ноября. Таким образом, данных в моем анализе оказалось меньше и они в меньшей степени показывали действительное изменение установок. Тем не менее паттерны изменения в первичных данных пилотажного исследования значительно подошли на те, что получены при сравнении данных за более длительный период. Однако я не смог добиться того, чтобы модель более надежно соответствовала данным по небольшой выборке, и поэтому решил использовать, как описано выше, в качестве исходного мнения данные о всех респондентах постэлекторального исследования NES, которые были опрошены до 27 ноября.

Таблица 8.5

Коэффициенты модели изменения (одобрение деятельности Рейгана)

Переменные	Без ограничений	С ограничениями
<i>Функция исходного восприятия</i>		
Отрезок	0,62	2,12
Осведомленность (стандартизированная)	3,35 (4,39)	0,79 (0,43)
Параметр минимума	2,84 (4,18)	—
<i>Функция исходного принятия</i>		
Отрезок	-0,88	-0,92
Осведомленность	0,03 (0,14)	0,07 (0,15)
Партийная приверженность (от -2 до +2)	0,94 (0,11)	0,91 (0,10)
Эгалитаризм (стандартизированный)	0,35 (0,09)	0,36 (0,08)
Установки по вопросам о Центральной Америке* (стандартизированные)	0,28 (0,09)	0,23 (0,09)
<i>Функция изменения восприятия</i>		
Отрезок	-0,25	-0,22
Осведомленность	0,68 (0,39)	0,79* (0,43)
<i>Функция изменения принятия</i>		
Отрезок	1,24	0,68
Осведомленность	-2,68 (2,16)	-2,17 (1,22)
Партийная приверженность	2,02 (1,59)	1,76 (0,94)
Эгалитаризм	1,81 (1,71)	1,64 (1,14)
Установки по вопросу о Центральной Америке	3,67 (3,00)	3,10 (1,74)
Остаточная сумма квадратов	421,21	421,91

Примечания:

1. Модель [уравнение (7.7)] оценивается при использовании метода максимального правдоподобия.

2. Зависимая переменная «неодобрение результатов деятельности» принимает значения 0 или 1.

3. В момент времени 1 $N=1463$, в момент времени 2 $N=457$.

4. Стандартные ошибки приводятся в скобках.

5. Звездочкой отмечены вопросы о затратах на поддержку контраст и о вмешательстве в Центральной Америке, которые использовались в 1986 году.

Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

уменьшили общее совпадение модели с эмпирическими данными (F [2, 1905]; 1,6, не значимо) и не оказали значимого влияния на качественное соответствие модели этим данным при графическом анализе. Но они позволили стабилизировать результаты; в частности, два наиболее теоретически важных коэффициента, которые описывают влияние осведомленности на восприятие и принятие в модели изменения, приняли статистически приемлемые значения.

Интересная особенность данных таблицы заключается в том, что влияние факторов предрасположенности — партийности, эгалитаризма и установок по отношению к вмешательству США в Центральной Америке — на рейтинг Рейгана за рассматриваемый период увеличилось. Из всех этих очевидных сдвигов в соответствии с тестом Фишера¹ статистически значимо только влияние установок по отношению к вмешательству в Центральной Америке. Тем самым подтверждаются результаты анализа Кросника и Киндера [133], которые обнаружили, что скандал Иран-контрас «актуализировал» установки людей по отношению к политике в Центральной Америке и привел к тому, что эти установки стали сильнее связаны с факторами, определяющими рейтинг президента.

В табл. 8.6 и 8.7 приводятся коэффициенты моделей изменения по вопросам, которые фигурировали в этой главе (см. рис. 8.1, 8.6 и 8.8).

Таблица 8.6

Коэффициенты распространения новостей

Коэффициенты	Обвинение Норта	Отставка Райта	Смертная казнь	Катастрофа DC-10
Отрезок	0,88 (0,11)	-0,42 (0,10)	-1,96 (0,17)	3,48 (0,65)
Осведомленность	1,12 (0,12)	1,92 (0,18)	1,03 (0,15)	2,43 (0,51)

Примечания:

1. Модель [уравнение (7.3)] оценивается методом наименьших квадратов нелинейной регрессии.

2. Стандартные ошибки указаны в скобках.

Источник. Пилотажное исследование NES 1989 года.

¹ Тест статистической значимости, назван в честь английского статистика и генетика Рональда Фишера (1890—1962). — *Прим. пер.*

Таблица 8.7

**Коэффициенты моделей формирования мнения
о десегрегации школ, об экономических новостях,
замораживании производства ядерного оружия и войне в Корее**

Переменные	Десегрегация школ	Замораживание производства ядерных вооружений	Экономический рост	Корейская война
<i>Функция восприятия</i>				
Отрезок	0,35	2,14	-1,02	1,52
Осведомленность	0,72 (0,32)	1,15 (0,31)	1,21 (0,28)	1,58 (0,41)
<i>Функция принятия</i>				
Отрезок	2,17	2,05	1,35	3,59
Осведомленность	-0,71 (0,40)	-0,33 (0,22)	-0,61 (0,34)	-0,35 (0,46)
Возраст	-0,038 (0,017)	-0,008 (0,008)	-0,033 (0,01)	-1,60 (1,09)
Установки по внутренней политике (стандартизированные)	0,55 (0,23)	—	—	—
Установки по внешней политике (стандартизированные)	0,38 (0,22)	0,91 (0,20)	—	—
Одобрение деятельности Рейгана (от -2 до +2)	—	0,08 (0,08)	—	—
Партийная приверженность (от -2 до +2)	—	—	-0,66 (0,16)	—
Экономические установки (стандартизированные)	—	—	-0,13 (0,13)	—
Голосование в 1948 г. (Дьюи-1, Трумэн-0)	—	—	—	-0,77 (0,60)
<i>N</i>	848	1400	1413	596

Примечания:

1. Модель, использованная для всех вопросов, — уравнение (7.5), которое оценивается методом максимального правдоподобия.

2. Зависимая переменная принимает значения 0 или 1 в следующих случаях: несогласие с позицией невмешательства федерального

правительства в десеграцию школ (V74); поддержка присоединения к соглашению о замораживании производства ядерного оружия или одностороннее замораживание (V305); утверждение, что экономическое положение за последний год улучшилось (V327); несогласие с тем, что Соединенным Штатам следует вывести войска из Кореи и не вмешиваться в конфликт. Значения других политических переменных изменяются в либеральном направлении, за исключением вопроса о голосовании за Дьюи. Дополнительную информацию см. в Указателе переменных.

3. Стандартные ошибки указаны в скобках.

4. Переменная «возраст» считается в годах, за исключением вопроса о Корее, где используется шкала, распределяющая всех респондентов на пять когорт с интервалом 0–1, так как более точные данные не доступны.

5. По голосованию в 1948 году — не голосовавшие были исключены, так как неизвестны их политические предрасположенности.

Источник. Исследования CPS 1956—1958—1960 годов (по десегрегации школ); Исследование NES 1982 года (по замораживанию ядерного производства и экономическому росту); Исследование CPS 1951 года (по корейской войне).

9. Разнонаправленные потоки сообщений

В предыдущих главах изменение установок представлялось как реакция на односторонний поток коммуникации; это, например, негативное влияние скандала Иран-контрас на популярность президента, распространение идеологии либерального интернационализма после Второй мировой войны. Такой подход многое дает для понимания динамики изменения установок, ведь очень часто поток политических сообщений (по крайней мере, некоторое время) остается односторонним. Однако он редко остается *полностью* односторонним в течение длительного времени. Даже во время скандала, связанного с ирангейтом, некоторые сенаторы-республиканцы защищали президента, и их замечания могли в какой-то степени затормозить падение его рейтинга.

Моя цель в этой главе заключается прежде всего в построении модели, способной описать влияние на изменение общественного мнения двух противоположно направленных потоков сообщений: информационного потока, который содержит сообщения доминантной направленности и воздействует на общественное мнение в преобладающем объеме в одном направлении, и менее интенсивного информационного потока, который содержит сообщения, защищающие противоположную позицию, и частично противодействует влиянию доминантных сообщений. Подобная модель вполне возможна. Далее будет показано, что доминантные и противоположно направленные сообщения имеют, как правило, разные эффекты у различных групп населения в зависимости от осведомленности и идеологической ориентации этих групп, от относительной интенсивности потоков сообщений.

Но есть еще одна цель, может быть более важная, — интеграция результатов, полученных в предыдущих главах, в виде обобщенного описания влияния двух разнонаправленных, оп-

позиционных потоков сообщений на общественное мнение. В гл. 6 было показано, что, когда дискурс элиты односторонне поддерживает некоторое направление в политике, возникает модель господствующей тенденции, в соответствии с которой наиболее осведомленные представители общественности чаще всего присоединяются к консенсусу элит, а когда в дискурсе элит наблюдается противостояние, общественное мнение также поляризуется. Ниже, в настоящей главе, эти результаты обобщаются; показывается, как формируются и изменяются паттерны господствующей тенденции и поляризации при изменении интенсивности двух разнонаправленных потоков сообщений. Кроме того, я утверждаю, что изменение относительной интенсивности таких потоков сообщений может привести к формированию еще более сложных паттернов изменения установок по сравнению с описанными в гл. 7 и 8.

В сущности, материал гл. 9 направлен на представление общественного мнения как реакции на относительную интенсивность и стабильность разнонаправленных потоков либеральных и консервативных сообщений. (Я вновь подчеркиваю, что использование этих идеологических ярлыков позволяет обозначить лишь направленность сообщений.) Стабильность и баланс разнонаправленных потоков сообщений определяют, будет ли изменяться или оставаться прежним паттерн господствующей тенденции или поляризации.

К несчастью, вопросов, в связи с которыми относительная интенсивность коммуникативных потоков четко и однозначно изменялась за короткий промежуток времени, не так уж и много; мне известен только один случай, когда изменение установок в результате изменения интенсивности было зафиксировано в серии высококачественных опросов. Он, однако, важен и по существу интересен. Речь идет об общественной поддержке американского вмешательства во вьетнамскую войну и оппозиции ему. Рассмотрение именно этого случая лежит в основе изложения настоящей главы.

Для реализации поставленных задач необходимо обратиться к статистическому моделированию и тщательно проанализировать находящиеся в нашем распоряжении данные. Чтобы облегчить понимание технического аспекта работы, я сначала даю простую иллюстрацию эффектов двух разнонаправленных потоков информации. Затем я представляю статистическую модель, описывающую изменение установок в результате изменения двух коммуникативных потоков. В заключительной

части главы приводятся переменные, использованные при тестировании модели, и результаты моделирования.

Усиление и ослабление потоков сообщений в поддержку войны во Вьетнаме

Война во Вьетнаме дала возможность очень плодотворно исследовать динамику общественного мнения. Наиболее привлекательные особенности этого исследования заключаются в следующем.

— Быстрое изменение мнения элит по данному вопросу. Либеральные лидеры в 1964 году преимущественно поддерживали войну, а в 1970 году уже выступали против нее. Консервативные, напротив, продолжали поддерживать войну на протяжении всего периода американского вмешательства.

— Изменение интенсивности доминантного сообщения. Президент Джонсон в 1965 году, после увеличения присутствия во Вьетнаме сухопутных войск, гораздо более энергично пытался заставить публику поддерживать войну, чем за год до этого, когда он занимался своей предвыборной кампанией.

— Изменение интенсивности противоположно направленного потока сообщений. До 1964 года антивоенные сообщения почти не появлялись, в 1966 году их количество было весьма незначительным, а к 1970 году этот поток антивоенных сообщений стал интенсивным (возможно, даже более интенсивным, нежели провоенных).

— Превращение вопроса о Вьетнаме из вопроса господствующей тенденции в 1964 году в вопрос поляризующий в 1970 году.

Предвыборные исследования, проведенные на протяжении вьетнамской войны Центром политических исследований Мичиганского университета, представляют нам прекрасные данные о реакции общественности на проблему. Практически такой же вопрос, какой приводится в гл. 8, задавался в четырех разных опросах, и в каждом из этих опросов обеспечивалась хорошая подборка объяснительных переменных (в частности, политической осведомленности и политических ценностей).

Однако, прежде чем перейти к этим данным, полезно проанализировать источники политических сообщений о Вьетнаме. Я разработал несколько показателей, характеризующих поток сообщений. Первый и наиболее важный из них — это контент-анализ сообщений о войне в журналах «Тайм», «Нью-

Рис. 9.1. Две оценки тенденций направленности медиа-сообщений по вопросу о Вьетнаме (в сюжеты, число которых указано на рис. 9.1а, включены все про- и антивоенные сюжеты, встречающиеся в передовицах о вьетнамской войне в журналах «Тайм», «Ньюсуик» и «Лайф» в 1964—1970 годах)

суик» и «Лайф» за период 1964—1970 годов, выполненный по моей просьбе ассистентом. Последний не знал о моих предположениях о возможных результатах этого исследования. Следуя инструкциям, он определил все номера журналов, в которых на обложке упоминались вьетнамская война или связанные с ней события (к примеру, антивоенные протесты), и затем прочитал все статьи о войне в названных трех журналах. Сюжеты, отобранные таким образом, можно рассматривать как приемлемую выборку наиболее доступных публике военных репортажей. Ассистент оценивал каждый сюжет как провоенный, антивоенный или более или менее нейтральный.

Итоговые результаты этой оценки тенденций описания войны в журналах см. на рис. 9.1а.

Как видим, в 1964 году провоенные сообщения лишь немного преобладали, на обложках — около четырех статей (ра-

зумеется, в самих журналах было множество статей о Вьетнаме, заголовки которых на обложке отсутствовали). Тем не менее поток провоенных новостей был гораздо более интенсивным, нежели антивоенных (на обложках примерно 1,5 статьи в год). Тщательный анализ ранних антивоенных новостей показывает, что вдобавок их авторы не категорически выступали против войны, как в более поздних статьях; в этих статьях скорее отмечались сложности ведения войны (а такую интерпретацию можно рассматривать как основание для активизации действий США).

Интенсивность потока провоенных сообщений повысилась между 1964 и 1966 годами, а затем последовали незначительное снижение к 1968 году и резкое после 1968 года. К 1970 году количество провоенных сообщений почти сравнялось с уровнем 1964 года. В то же время количество антивоенных сообщений увеличивалось с каждым годом, примерно в 1969 году сравнялось с количеством провоенных и к 1970 году даже превзошло его.

При анализе полученных данных обнаружилась одна странность: к 1970 году общее количество сообщений о войне практически сошло на нет. Но означает ли это на самом деле, что объем новостей о войне уменьшился в 1970 году, чуть ли не в разгар военных действий¹, или что они даже просто исчезли из периодических изданий?

Чтобы проверить это предположение, я просто подсчитал количество страниц в указателе к «Нью-Йорк таймс», на которых появлялись статьи о Вьетнаме. Результаты (рис. 9.1б) свидетельствуют о том, что общий объем сообщений о войне оставался значительным и в последние годы войны. Видимо, новости о войне в завершающий период конфликта просто потеряли свою новизну и исчезли со страниц наиболее чувствительной к политической моде периодики. В других же СМИ общий объем сообщений оставался высоким.

Для дальнейшего исследования информационного потока во время войны я обратился к опубликованной работе Хэллина [91], где анализируются провоенные и антивоенные высказывания в телевизионных новостях. Хэллин отмечает: «...на раннем этапе войны (до весны 1968 г.) преобладали высказывания

¹ Есть еще один источник, в котором было подсчитано число статей о Вьетнаме. Это Указатель периодической литературы (*Readers Guide to Periodical Literature*). В нем отмечается, что подобное снижение наблюдалось и в других СМИ.

с точки зрения административной политики, а после Тэт¹ установился относительный баланс между высказываниями за политику администрации и против нее» [р. 9]. В беседе со мной он также сообщил, что общий объем сообщений о войне на телевидении увеличился где-то к 1966 году и оставался примерно на том же уровне еще и в начале 1970-х годов.

В качестве показателя тенденции в политических коммуникациях на тему войны можно рассмотреть также действия политических лидеров. Например, когда в 1964 году президент Джонсон обратился к конгрессу за санкцией на акцию в Тонкинском заливе, решение о санкциях было принято 414 голосами против 0 в палате представителей и 88 голосами против 2 в сенате. Такие действия конгресса, анализ СМИ того времени свидетельствуют о том, что поток политических сообщений на начальном этапе войны преимущественно поддерживал американское вторжение.

После расширения действий американской армии в 1965 и 1966 годах Джонсон стал в своих публичных речах уделять больше внимания военной политике. Однако в то же время начинается настоящая дискуссия о вьетнамской войне, появляются первые намеки на оппозицию по отношению к ней; все это особенно заметно обнаружилось в слушаниях, инициированных сенатором Фулбрайтом в 1966 году. С 1967 года в конгрессе предпринимаются попытки сократить затраты на ведение войны. Но первоначальные попытки были совершенно

¹ Тэт — поворотный момент во вьетнамской войне, когда 31 января 1968 года, в праздник лунного нового года, северовьетнамская партизанская армия начала военные действия в Южном Вьетнаме. Нарушив временное затишье, она ворвалась в более чем сотню городов и поселков, в том числе и в Сайгон. Перенос войны из сельской местности в неуязвимый, по общему мнению, южновьетнамский урбанистический район был необычайно быстрой и широкомасштабной операцией и оказал огромное воздействие на общественное мнение в США. Атака небольшой группы боевиков, в результате которой было захвачено здание американского посольства в Сайгоне, потрясла командование армии и президентскую администрацию, оказалась решающей для изменения установок американской публики.

Впервые пятидесяти миллионам американцев показали бойню — реальные кадры о том, как проходило наступление.

Все это окончательно подорвало рейтинг Джонсона (в начале президентского срока он превышал 80%, к 1967 году упал где-то до 40%, а после наступления Тэт снизился до 26%). Доверие к президенту было совершенно подорвано, что достаточно редко для американской политики, и он не выставил свою кандидатуру на повторных выборах.

Операция Тэт считается критическим событием: с этого времени широкая общественность признала, что войну, стоившую Америке 30 млрд. долларов в год, выиграть невозможно. — *Прим. пер.*

провальными, из чего можно заключить: элита конгресса все еще сильно поддерживала войну¹. И опять же, направленность действий политических лидеров полностью соответствовала медиа-тенденциям (см. рис. 9.1а).

1969 и 1970 годы отмечены усилением антивоенного протеста. В то же время администрация Никсона организует широкое освещение своей программы вьетнамизации, чтобы показать успешность политики США, а попытки в конгрессе сократить затраты на вьетнамскую кампанию, пусть и с меньшим перевесом, продолжали проваливаться². Здесь, таким образом, наблюдается несоответствие между двумя показателями потока сообщений; хотя данные о журнальных новостях свидетельствуют, что поток сообщений в 1970 году поддерживал антивоенную позицию, действия официальной власти говорят о наличии потока сообщений и в поддержку американского вторжения.

Все сказанное позволяет сделать такой вывод: поток провоенных и антивоенных сообщений между 1964 и 1966 годами стал более интенсивным, причем сначала поток провоенных сообщений был сильнее, а к 1970 году потерял свое преимущество; в 1970 году потоки провоенных и антивоенных сообщений могли быть примерно одинаковыми, и, возможно, в целом еще весьма интенсивными.

В данном случае мы имеем более сложный паттерн изменения потока политических сообщений по сравнению с теми, что рассматривались ранее, и его невозможно описывать при помощи простой модели, которая представлена в гл. 7. Для учета всех наблюдаемых при этом эффектов нужна модель, которая описывает влияние двух потоков сообщений на изменение общественного мнения.

Важнейшая идея модели двух потоков сообщений заключается в том, что граждане подвергаются влиянию двух коммуникационных потоков, каждый из которых защищает определенную позицию по некоторому вопросу. Разнонаправлен-

¹ Предложение аннулировать решение о Тонкинском заливе, поступившее в 1966 году, провалилось при голосовании в сенате (92 против отмены решения и 5 за); в палате представителей поправка 1967 года о прекращении финансирования военных операций в Северном Вьетнаме получила лишь 18 голосов против 372 [161, p. 112].

² Поправка Купера-Черча в 1970 году по сокращению затрат на военные операции в Камбодже прошла в сенате 58 голосами против 37, но провалилась в палате представителей при 237 голосах против 153. Позднее в том же году поправка Макговерна-Хатфилда, устанавливавшая крайний срок для вывода американских войск из Вьетнама, провалилась в сенате (55 голосов против 39); в палате представителей эта мера даже не обсуждалась.

Рис. 9.2. Паттерны поддержки вьетнамской войны среди либералов в 1964 и 1966 годах: *a* — по эмпирическим данным; *б* — по логистической регрессии. Показатель либерализма, или пацифизма, использованный для построения кривых, будет описан далее; при построении логистических кривых использована модель, в которой в качестве независимых переменных взяты только осведомленность и осведомленность, возведенная в квадрат; о показателе осведомленности см. сноску 1 на с. 313; о показателе поддержки войны см. в гл. 8; по причинам, о которых см. текст по рис. 9.6, в выборке оставлены только белые американцы

Источник. Опросы CPS 1964 и 1966 годов

ные потоки, в зависимости от их относительной интенсивности, могут оказывать различное влияние на разные группы населения. Наверное, между 1964 и 1966 годами поток антивоенных сообщений, который был еще очень слабым даже в 1966 году, оказывал влияние прежде всего на либералов, уделявших политике большее внимание: высокий уровень осведомленности давал им возможность воспринять антивоенные сообщения, а либерализм заставлял симпатизировать соответствующей позиции. И наоборот, скорее всего увеличение количества провоенных сообщений с 1964-го по 1966 год оказывало более сильное влияние именно на граждан со средним и низким уровнем осведомленности. Достаточно распространенные уже в 1964 году провоенные сообщения воспринимались, вероятно, большинством тех, кто в то время уделял значительное внимание политике; поэтому увеличение интенсивности потока сообщений должно было, в первую очередь, оказать влияние на тех, кто еще не воспринял провоенные сообщения в 1964 году, т. е. на граждан со средним и низким уровнем осведомленности.

Сделанные предположения подтверждаются графиками на рис. 9.2. Поддержка войны среди менее осведомленных «голубей» выросла между 1964 и 1966 годами преимущественно потому, что на них, наконец, начали воздействовать провоенные сообщения. Напротив, наиболее осведомленные «голуби» между 1964 и 1966 годами чаще переходили к антивоенной позиции: они уже столкнулись с антивоенными сообщениями и приняли их, в то время как менее осведомленные скорее всего с антивоенными сообщениями еще не сталкивались.

Такое понимание изменения установок в период 1964–1966 годов, хотя и является несколько упрощенным и неполным, все же достаточно ясно иллюстрирует главную идею этой главы. Установки общественности по важнейшим вопросам изменяются в результате изменения относительной интенсивности потоков политических сообщений по мере того, как они проходят через фильтр восприятия-принятия. Однако, как я указывал, это все же предварительное представление. Чтобы сделать его полностью заслуживающим доверия, необходимо объяснить изменение установок не только «голубей» с 1964-го по 1966 год, но и всего населения в 1964–1970 годах (в исследованиях CPS вопрос о Вьетнаме после 1970 года изменился, в связи с чем я ограничиваю мое исследование именно этими временными рамками).

Модель изменения установок под воздействием двух потоков сообщений

В соответствии с основным принципом ВПФ-модели люди должны реагировать на вопросы интервью исходя из тех суждений, которые немедленно приходят им в голову, т. е. легко вспоминаются. В свою очередь, формирование суждений происходит под воздействием потока сообщений, с которым человек сталкивается в своем политическом окружении. Поэтому изменение относительной интенсивности разнонаправленных потоков сообщений определяет склонность людей формировать либеральные или консервативные суждения и, как следствие, их ответы на вопросы интервью.

Чтобы проверить это базовое утверждение, надо несколько упростить ВПФ-модель.

Во-первых, невозможно измерять восприятие и принятие всех отдельных сообщений — официальных речей, пресс-релизов, новостей и т. п., которые формируют поток про- и антивоенных сообщений по поводу вьетнамской войны. Я буду

считать, что в рамках каждого двухлетнего периода все относящиеся к войне коммуникации могут быть сведены к фиксированному, но небольшому набору категорий, которые я называю сообщениями. Я также допускаю, что все сообщения определенной направленности в указанный промежуток времени имеют равную интенсивность. Таким образом, на протяжении каждого из двухлетних периодов появится N провоенных сообщений одинаковой интенсивности и N антивоенных сообщений другой, но также одинаковой интенсивности. Поскольку действительных сообщений слишком много и они плохо сопоставимы, если их организовать в виде четкого числа тем, представленных как некие абстрактные объекты, мы, очевидно, ничего не потеряем от подобного упрощения.

Второе допущение заключается в том, что ни одно из суждений не остается актуализированным в сознании человека более чем два года, если только оно не подкрепляется восприятием аналогичных аргументов; этот случай можно рассматривать как восприятие новых суждений. Такое допущение означает, что результаты измерения общественного мнения в каждом из четырех опросов по Вьетнаму имеет смысл представить как реакцию на сообщения за предшествующие два года; тогда отпадает необходимость учитывать сообщения, появившиеся ранее¹. Хотя, несомненно, поток сообщений в состоянии воздействовать на публику более двух лет, четыре опроса по Вьетнаму не дают достаточного основания для определения этого воздействия. Из сказанного следует, повторю опять, что второе допущение не приведет к каким-то существенным потерям.

И последнее допущение: индивиды отвечают на вопросы интервью скорее на основе первого суждения, которое приходит им в голову, а не опираясь на все доступные суждения (см. аксиому А4). Это допущение позволяет значительно упростить формальную структуру модели; вместе с тем оно не приводит к потере тех эмпирических данных, которые используются для моделирования.

Теперь мы можем разрабатывать модель распространения конкурирующих сообщений о вьетнамской войне — либеральных и консервативных. Модель описывает двухступенчатый процесс воздействия на индивидов политических сообщений, которые при их восприятии и принятии становятся основанием для мнения.

¹ См. Приложение II в гл. 10 — там описывается модель, учитывающая отложенное влияние предыдущих сообщений.

Сначала я обращаюсь к модели процесса восприятия, которая выглядит следующим образом:

$$\text{Вер(восприятия)}_{ikt} = 1 - [1 + f + \text{Exp}(a_{0kt} + a_1 \times \text{Осведомленность}_i)]^{-1} = RE_{ikt}. \quad (9.1a)$$

Здесь мы имеем стандартную логистическую функцию, принимающую значения в интервале от минимума 0 до максимума 1. В индексации i определяет индивидуальные различия, k — идеологическую окрашенность сообщения (провоенную — P или антивоенную — A) и t — время опроса (1964, 1966, 1968 или 1970 год). Поскольку коэффициент a_0 имеет индексы k и t , изменение величины отрезка¹ в логистической функции зависит от идеологической окрашенности сообщения и времени опроса; это позволяет изменять интенсивность каждого сообщения в разные моменты времени. Если читатель обратится к моему описанию основной функции восприятия в гл. 7, то убедится в приемлемости такого способа определения изменения интенсивности сообщений².

Нами рассматриваются четыре момента времени и два типа (по идеологической окрашенности) сообщений; поэтому индексы k и t показывают, что при моделировании будут оцениваться восемь значений коэффициентов a_0 для интенсивности про- и антивоенных сообщений в каждый момент времени. Таким образом, я представляю значения отрезка в логистической функции как переменную, описывающую различия в интенсивности сообщений в разные моменты времени.

Теперь обратимся к модели процесса принятия. В аксиоме сопротивления утверждается, что люди отвергают те политические сообщения, которые неконсистентны по отношению к их предрасположенностям только в том случае, если у них есть

¹ Речь идет об отрезке, отсекаемом регрессионной кривой на оси координат. — *Прим. пер.*

² Коэффициент a_1 , который обозначает силу отношений между восприятием и осведомленностью независимо от интенсивности сообщения, также должен различаться в зависимости от k и t . Если, к примеру, сообщение появлялось только в политических СМИ и только на раннем этапе войны, а на позднем этапе появлялось и в развлекательных, и политических медиа, то можно допустить, что между подверженностью влиянию СМИ и осведомленностью на раннем этапе войны будет наблюдаться более сильное отношение. Однако, поскольку данных о Вьетнаме недостаточно, чтобы в полной мере проверить эту нулевую гипотезу, я определяю коэффициент a_1 как инвариантный относительно времени.

контекстуальная информация о связи их предрасположенностей с идеологической ориентацией сообщения. В соответствии с аксиомами А1 и А3 восприимчивость контекстуальной информации и доступность этой информации (при условии ее восприятия) оказываются связанными с более высоким общим уровнем политической осведомленности. Поэтому принятие «входящих» сообщений, если они восприняты, должно уменьшаться при совместном увеличении политической осведомленности и идеологической дистанции (я использую это выражение вместо «дистанции предрасположенности») от позиции, представленной в сообщении. Следующая логистическая функция удовлетворяет этим условиям:

$$\begin{aligned} & \text{Вер}(принятия|восприятия)_{ikl} = \\ & = [1 + \text{Exp}(-b_{0k} - b_{1l} \times \text{Осведомленность}_i - \\ & \quad - b_{2l} \times \text{Дистанция}_i)]^{-1} = \text{Принятие}_{ikl}. \end{aligned} \quad (9.2)$$

В коэффициенте отрезка b_0 индекс k показывает, что по отношению к некоторым сообщениям граждане проявляют большее сопротивление. К примеру, можно предположить, что либеральное антивоенное сообщение встретит большее сопротивление при данном уровне осведомленности и идеологической дистанции, нежели консервативное провоенное сообщение, потому что оно противоречит установившейся политике правительства. Или — другой пример — либеральное сообщение может вследствие соображений патриотизма или риторики политического объединения изначально казаться менее привлекательным и убедительным. Индекс k позволяет модели учитывать такое варьирование на уровне сообщения в общем показателе принятия.

При коэффициентах осведомленности и идеологической дистанции есть индекс l . Поскольку, как я уже говорил, влияние этих переменных зависит от наличия в дискурсе элит сообщений-подсказок и поскольку сообщения-подсказки изменились после того, как либеральные элиты стали выступать против войны начиная с 1966 года, такая конкретизация позволяет нам проверить предположение о том, что с 1966 года осведомленность и идеологическая дистанция сильнее связаны с сопротивлением убеждающим сообщениям.

Функция восприятия в уравнении (9.1а) и функция принятия в уравнении (9.2) дают точное описание того, как индивиды реагируют на политические сообщения, с которыми они сталкиваются, избирательно интериоризируя некоторые из предлагае-

мых им новых суждений. Нам остается только показать, как эти суждения превращаются в ответы на вопросы интервью.

ВПФ-модель, как уже отмечалось, предполагает, что индивиды при ответе учитывают только те суждения, которые актуализированы в их сознании на момент опроса. Пусть R_i — это функция вероятности того, что некоторое типичное суждение, если оно сформировалось в сознании человека, окажется актуализированным на момент ответа на вопрос. Допустим также, что R_i изменяется только в зависимости от политической осведомленности следующим образом¹:

$$\begin{aligned} & \text{Вер(вспоминания)}_i = \\ & = 1 - [1 + \text{Exp}(c_0 + c_1 \times \text{Осведомленности})]^{-1} = R_i. \end{aligned} \quad (9.3)$$

В этом уравнении не используются индексы k и t ; функция описывает состояние каждого суждения в сознании человека, и вероятность того, что человек его вспомнит, не зависит от того, когда оно сформировалось и какую оно имеет направленность. Можно представить гораздо более сложную или в большей степени учитывающую идеологию функцию вспоминания, но доступные данные не позволяют тестировать более сложные модели; они даже не дают оснований пытаться построить такие более сложные модели, поскольку для моделирования прекрасно подходит уравнение (9.3).

Используя R_i , мы можем записать уравнение вероятности того, что сообщение, влиянию которого индивид был подвержен, окажется актуализированным в его памяти. Это просто произведение трех сомножителей: вероятности того, что индивид получил сообщение; вероятности того, что он его воспринял; вероятности того, что сообщение окажется доступным в памяти в тот момент, когда человек будет отвечать на аттitudный вопрос, т.е.:

$$\text{Вер(доступности)}_{ikt} = RE_{ikt} \times \text{Принятие}_{ekt} R_i = AC_{ikt}. \quad (9.4)$$

¹ В принципе любая переменная, оказывающая влияние на внимание к вопросу, влияет также и на вероятность того, что индивид вспомнит суждение, связанное с этим вопросом, однако в данных о Вьетнаме нет других релевантных переменных, кроме общего уровня осведомленности. Из аксиомы А3, кроме того, следует, что вероятность вспоминания может со временем изменяться уже после того, как у индивида сформируется определенное суждение. В уравнении (9.3) я не учитываю этого соображения, потому что в контексте данной проблемы оно не дает проверяемых выводов.

Поскольку мы уже допустили, что существует N провоенных сообщений ($k=P$) и N антивоенных сообщений ($k=A$), относительная доступность провоенных суждений равна:

$$\frac{\sum^N RE_{iPt} \times \text{Принятие}_{iPt} R_i}{\sum^N RE_{iPt} \times \text{Принятие}_{iPt} R_i + \sum^N RE_{iAt} \times \text{Принятие}_{iAt} R_i} \quad (9.5)$$

Это выражение можно упростить. Во-первых, элементы R_i в числителе и знаменателе сокращаются. Во-вторых, в соответствии с допущением мы имеем одинаковое число про- и антивоенных суждений; поскольку все суждения каждого типа должны быть одинаковой интенсивности, знак суммы также становится лишним. И тогда показатель относительной доступности провоенных суждений по сравнению с антивоенными суждениями в сознании индивида i в момент времени t равен:

$$\frac{RE_{iPt} \text{Принятие}_{iPt}}{RE_{iPt} \text{Принятие}_{iPt} + RE_{iAt} \text{Принятие}_{iAt}} \quad (9.6)$$

Здесь функции восприятия и принятия берутся из уравнений (9.1а) и (9.2). Выражение (9.6) является достаточно простым и наглядным: относительная доступность суждений зависит от вероятностей восприятия и принятия этих сообщений, и эти вероятности изменяются со временем и определяются индивидуальными различиями в осведомленности и идеологической дистанции.

Одна проблема все же остается: что делать с «неответами»? По вопросу о Вьетнаме, как и по другим вопросам, множество респондентов утверждают, что у них нет никакого мнения. Вероятно, люди так отвечают, когда они вообще по определенному вопросу не могут вспомнить какие-либо суждения, которые дали бы им основания принять некоторую позицию. Если вероятность того, что конкретное суждение окажется актуализированным в сознании i -го индивида, равна AC_{ikt} [см. уравнение (9.4)], то вероятность того, что у кого-то в сознании не будет ни одного актуализированного суждения по $2N$ сообщениям, составит:

$$\begin{aligned} & \text{Вер(отсутствия мнения)}_{it} = \\ & = (1 - AC_{ikt_1})(1 - AC_{ikt_2})(1 - AC_{ikt_3}) \dots (1 - AC_{ikt_{2N}}). \end{aligned}$$

При одинаковом количестве либеральных и консервативных суждений это выражение можно представить следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{Вер(отсутствия мнения)}_{ii} &= \prod^N (1 - AC_{iPt}) \prod^N (1 - AC_{iAt}) = \\ &= \prod^N (1 - RE_{iPt} \text{Принятие}_{iPt} R_i) \prod^N (1 - RE_{iAt} \text{Принятие}_{iAt} R_i). \end{aligned}$$

И тогда вероятность того, что у человека вообще сложится какое-то мнение,

$$\begin{aligned} \text{Вер(вспоминания любого суждения)}_{ii} &= \\ &= 1 - \prod^N (1 - AC_{iPt}) \prod^N (1 - AC_{iAt}). \end{aligned} \quad (9.7)$$

Объединив это выражение с выражением, описывающим относительную доступность провоенных суждений, мы получим базовое уравнение, определяющее поддержку вьетнамской войны:

$$\begin{aligned} \text{Вер(провоенного ответа)}_{iPt} &= \text{Вер(вспоминания любого суждения)}_{ii} \times \\ &\times \frac{\text{Вер(доступности провоенных суждений)}}{\text{Вер(доступности провоенных суждений)} + \text{Вер(доступности антивоенных суждений)}} = \\ &= (1 - \prod^N (1 - AC_{iPt}) \prod^N (1 - AC_{iAt})) \frac{RE_{iPt} \times \text{Принятие}_{iPt}}{RE_{iPt} \times \text{Принятие}_{iPt} + RE_{iAt} \times \text{Принятие}_{iAt}}. \end{aligned} \quad (9.8)$$

Уравнение (9.8) вместе с уравнениями, описывающими вероятности антивоенных ответов и «неответов», и есть моя модель общественного мнения о войне во Вьетнаме. Эта модель, модель воздействия двух потоков сообщений на общественное мнение, сильно отличается от модели с одним потоком сообщений (см. гл. 7), которая была предназначена для упрощенного описания процесса восприятия-принятия. Однако, как будет показано дальше, обе модели очень сходным образом могут описывать многие паттерны изменения установок. Но модель с двумя потоками сообщений является гораздо более универсальной и точной.

В дополнение к сказанному следует отметить, что модель, представленная здесь, не является единственной формой модели с двумя потоками сообщений. В Приложении I к настоящей главе я описываю альтернативную модель; поскольку в ней опускаются переменные, характеризующие сообщения, в математическом плане она проще.

Прежде чем оценивать модель с двумя потоками сообщений на соответствие результатам исследования CPS по вьет-

намской войне, нужно остановиться на некоторых особенностях этих результатов. Несмотря на достаточно высокое качество данных в целом, могут появиться некоторые проблемы при их адаптации для использования в процессе оценки модели.

Данные и результаты

Ни одно из крупнейших исследований CPS за период с 1964-го по 1970 год не включало повторных интервью с теми же самыми респондентами. Исследование массовых установок требует поэтому диахронического сравнения среди людей определенных типов, например уровня поддержки войны среди хорошо информированных «голубей» в 1964, 1966, 1968 и 1970 годах. И тогда, следовательно, необходимо построение подобных показателей осведомленности и политических ценностей во всех четырех опросах (чтобы везде были выделены аналогичные подгруппы респондентов).

Если говорить об осведомленности, то сделать это довольно легко. В каждом опросе (см. Указатель переменных) содержится группа вопросов, которых достаточно для построения шкалы осведомленности с уровнем надежности $\alpha=0,80$ и выше. Хотя большинство вопросов об информированности в разных опросах не повторяется, оснований полагать, что они изменялись сколько-нибудь существенно, нет. Как знание орфографии можно оценить, предложив написать любую случайную выборку из двадцати слов, так и оценка политической информированности будет примерно той же самой при использовании разных тестов информированности в опросах CPS.

Гораздо сложнее построить сравнимые показатели политической ориентации. У того же показателя «идеологической» позиции индивида по шкале «правое-левое», который в исследованиях CPS можно рассчитать как разницу показателей «эмоционального термометра» в отношении либералов и консерваторов, есть существенный недостаток: хотя идеология должна оказываться внешним фактором при формировании мнения по вопросу о Вьетнаме, не исключено, что влияние здесь направляется в совершенно противоположную сторону и люди оценивают либеральную и консервативную партии на основе мнения о Вьетнаме¹.

¹ Вместо идеологии можно использовать партийную приверженность, однако переменная «партия» менее надежно предсказывает установки в отношении войны, и к тому же при ее построении появляется та же проблема тавтологии.

Можно использовать и шкалу «ястребы»-«голуби» в качестве показателя предрасположенности в вопросе о поддержке войны. Ее преимущество заключается в том, что скорее всего именно такое измерение политической ориентации будет оказывать влияние на мнение по отношению к вьетнамской войне. Проблема заключается в том, что в исследованиях CPS 1964–1970 годов этого показателя нет. Однако она не столь сложна, как кажется на первый взгляд. Можно использовать технику Франклина [73] построения инструментальных переменных на основе двух подвыборок для того, чтобы получить промежуточный аттитюдный показатель по шкале «ястребы»-«голуби». Эта техника, когда информация из одной выборки применяется для построения инструментальной переменной для другой выборки, дает асимптотически несмещенный и эффективный показатель.

Использование техники Франклина заключается в следующем. Прежде всего мы находим выборку данных, в которых есть надежная шкала «ястребы»-«голуби». Данные, на которые я здесь опираюсь, — это результаты Национального предвыборного исследования 1988 года, в котором задавалось несколько вопросов такого типа: «Каков, по вашему мнению, наилучший способ сохранить мир: поддерживая сильную армию, чтобы другие страны не могли нападать на нас, или же решать разногласия за столом переговоров?»¹

Для предсказания предрасположенности по вопросу о поддержке войн в других странах использовалась обойма подобных вопросов.

Второй шаг — определение набора «вспомогательных» демографических и идеологических переменных (пола, религии, расовых установок), которые соотносились с показателем политической ориентации в 1988 году и которые в таком же виде задавались в исследовании о Вьетнаме. Сделав это, необходимо провести регрессионный анализ для выяснения отношений между показателем по шкале «ястребы»-«голуби», с одной стороны, и вспомогательными переменными — с другой. В регрессионной модели допускается, что коэффициенты регрессионного уравнения, хотя они и основаны на данных исследования 1988 года, фиксируют *инвариантные во времени* отношения между показателем политической ориентации по шкале «ястребы»-«голуби» и вспомогательными переменными.

¹ Гурвиц и Пеффли [101] сформулировали и протестировали серию вопросов, связанных со шкалой «ястребы»-«голуби».

Затем мы возвращаемся к данным о Вьетнаме и используем вспомогательные переменные (такие же, как и в исследовании 1988 года), чтобы определить, какие люди скорее всего были «ястребами» и «голубыми» в 1960-е годы. Таким образом, если в 1988 году женщины, квакеры и расовые либералы чаще всего «голуби», то, очевидно, и в 1960-е годы представители этих групп респондентов были ими же.

Но как скомбинировать баллы на основе разных вспомогательных переменных в предсказании общей вероятности того, что респондент был «ястребом» или «голубем» в 1960-х годах?

Здесь используются коэффициенты регрессионного уравнения, основанного на данных 1988 года. Если коэффициенты, как предполагалось, зафиксировали инвариантные во времени отношения между вспомогательными переменными и шкалой «ястребы»-«голуби», они должны предсказывать, насколько точно вспомогательные переменные соотносятся со шкалой «ястребы»-«голуби» в период войны во Вьетнаме. Другими словами, мы используем коэффициенты регрессионного уравнения в качестве весов при вспомогательных переменных, чтобы сформировать новую инструментальную переменную. Эта новая переменная — перевзвешенный объединенный показатель, основанный на множестве вспомогательных переменных, — должна предсказывать вероятность того, что индивид в 1960-е годы был «ястребом» или «голубем».

Недостаток такого подхода заключается в том, что, как и при использовании других инструментальных переменных, объединенный показатель будет настолько надежен, насколько надежны вспомогательные переменные, которые использовались для его построения. В нашем же случае они не слишком надежны, поскольку R^2 в регрессионной модели на первой стадии равен только 0,14. Тем не менее эффективность объединенного показателя была достаточной (описание этого показателя см. в Приложении II и сноске 1, с. 312).

Необходимо обратиться еще к одной переменной. Хотя, как я показывал, во всех четырех мичиганских опросах задавался практически один и тот же вопрос о Вьетнаме, все же данные разных лет несколько неоднородны. В 1964 и 1966 годах респондентов спрашивали, «уделяют ли они какое-то внимание проблемам во Вьетнаме», и только тем, кто отвечал утвердительно, задавались последующие вопросы о поддержке американского вмешательства в этот конфликт. В 1964 году минимальный тест на интерес к проблеме не прошли 20% респондентов, и их не

спрашивали, поддерживают ли они войну; в 1966 году отсеб составил только 7%. А затем в 1968 и 1970 годах этот фильтр был опущен, так что в группу отсева попали только те, кто выбрал вариант ответа «затрудняюсь ответить».

Такая неоднородность усложняет доверительные оценки изменений в категории «неответов» между 1964 и 1966 годами, хотя за указанный отрезок времени уровень «неответов» снизился (с 20 до 7%), а это предполагает, что в 1968 году скорее всего было еще меньше респондентов, не интересовавшихся вопросом о Вьетнаме.

Разумеется, респонденты все еще могли выбирать при ответе и вариант «затрудняюсь ответить». В 1968 году его предпочли 7% респондентов, что на 9% меньше, чем в 1966 году, и на 13% меньше, чем в 1964 году. Тот факт, что количество выборов этого варианта ответа продолжало падать с 1966-го по 1968 год (несмотря на то, что убрали вопрос-фильтр об интересе), и другие опубликованные результаты [194, р. 142] дают основания считать, что доля выбирающих вариант ответа «затрудняюсь ответить» действительно продолжала падать с 1966-го по 1968 год. В данных CPS эта группа респондентов, вероятно, переоценивается.

Возникающих сложностей можно избежать, добавив в функции восприятия к коэффициенту минимального уровня осведомленности индекс времени t следующим образом:

$$\text{Вер(восприятия)}_{ikt} = 1 - [1 + f_i + \text{Exp}(a_{0kt} + a_1 \times \text{Осведомленности}_{bi})]^{-1} = RE_{ikt}, \quad (9.16)$$

где f_i может принимать разные значения в 1964–1966 и 1968–1970 годах. Этот коэффициент (с индексом t) позволяет определять минимальный уровень осведомленности, при котором формируется мнение, в зависимости от наличия или отсутствия вопроса-фильтра.

Оценка модели

Модель представляет собой полиномиальные оценки вероятности выбора одного из трех вариантов ответа: поддержка войны, выступление против войны и отсутствие мнения¹. Эти

¹ Как объясняется в последней главе, в варианте ответа о поддержке войны на самом деле объединены два варианта ответа: сохранять военное присутствие США во Вьетнаме, пытаясь остановить конфликт, и усилить военные меры, даже если это означает вторжение в Северный Вьетнам. Первый вариант ответа представляет позицию администраций Кеннеди, Джонсона и Никсо-

оценки были основаны на четырех выборках. Первоначальный анализ модели показал, что паттерн изменения мнения среди белых англосаксов отличался от паттернов изменения установок среди респондентов других групп. Для чернокожего населения были определены отдельные оценки, они приводятся ниже. Исключены из выборки при расчетах были испаноязычные и азиатско-американские респонденты, так как для построения отдельных оценок их было слишком мало.

Первые оценки модели дали правдоподобные значения всех коэффициентов, однако графический анализ показал, что оценки коэффициентов несоразмерны с первичными данными: те тенденции, которые очевидно проявлялись в первичных данных и которые заметны на рис. 9.2, не были адекватно зафиксированы в модели. Преуменьшение невелико, но тем не менее оно все же заметно. Чтобы исправить этот недостаток, я добавил в функцию принятия показатель осведомленности в разные моменты времени, что позволило приблизить значения модели к первичным данным (однако, надо признать, проблема заниженных модельных значений коэффициентов осталась)¹.

Оценки коэффициентов уравнения (9.8) для белого населения, полученные методом максимального правдоподобия, приведены в табл. 9.1 (графа «Модель без ограничений»). Здесь коэффициенты соотносятся и с конкретными переменными, при которых они находятся, и с подфункциями.

Таблица 9.1

Коэффициенты распространения провоенных и антивоенных сообщений о войне во Вьетнаме

Переменные	Модель без ограничений	Модель с ограничениями
<i>Функция восприятия — уравнение (9.16)</i>		
Отрезок (a_{0kt})	См. рис. 9.3	—
Отрезок интенсивности сообщения	—	-5,68 (1,29)

на, а второй защищали критики президентской администрации из правого крыла. «Голуби» и «ястребы» выбирали разные варианты провоенных ответов, и поэтому предпочтительным представляется выстраивание модели трех потоков сообщений, в которой бы учитывалось указанное варьирование.

¹ Следует добавить, что ни один из существенных выводов в данной главе не потеряет значения, даже если убрать произведение «Ценностная ориентация» \times «Осведомленность». Включение этого одночлена в уравнение дает только большую ясность в визуальном представлении модели (см. рис. 9.4).

Угловой коэффициент интенсивности сообщения	—	1,71 (0,64)
Осведомленность*	0,51 (0,32)	0,50 (0,17)
f_i (минимальный уровень, 1964—1966 годы)	0,008 (0,11)	0,01 (0,02)
f_i (минимальный уровень, 1968—1970 годы)	0,04 (0,53)	0,06 (0,03)
<i>Функция принятия — уравнение (9.2)</i>		
Отрезок консервативного сообщения (b_{0k})	1,43 (2,36)	2,31 (1,48)
Отрезок либерального сообщения (b_{0k})	-1,06 (3,83)	-1,23 (0,43)
Осведомленность	-0,08 (1,09)	0,06 (0,50)
Осведомленность × время (время — 0 в 1964 году и 1 позже)	-0,27 (0,78)	-0,43 (0,51)
«Ястребы»—«голуби»**	0,11 (0,26)	0,19 (0,30)
«Ястребы»—«голуби» × осведомленность**	0,01 (0,27)	-0,07 (0,32)
Время	0,29 (2,55)	0,47 (0,41)
«Ястребы»—«голуби» × время**	0,19 (0,33)	0,14 (0,30)
«Ястребы»—«голуби» × осведомленность × время**	0,09 (0,27)	0,22 (0,35)
Пол** (0 — жен., 1 — муж.)	-0,18 (0,21)	-0,05 (0,16)
<i>Функция вспоминания — уравнение (9.3)</i>		
Отрезок (c_0)	3,19 (2,48)	3,47 (2,36)
Осведомленность (c_1)	1,66 (0,94)	1,75 (0,94)
Количество сообщений (N)	35,2 (560)	24 (фиксир.)
Количество степеней свободы	9980	9987
Остаточная сумма квадратов	1643,67	1650,77

Примечания:

1. Зависимая переменная — три варианта ответа на вопрос о политике во Вьетнаме: за войну, против войны и нет мнения. Модель основана на уравнении (9.8), подфункции которого конкрети-

зируются уравнениями (9.1б), (9.2) и (9.3). Для построения уравнения используется метод максимального правдоподобия. Общая выборка составила 5002 респондента.

2. По коэффициентам указаны примерные значения стандартных ошибок.

3. * В модели без ограничений интенсивность сообщения со временем изменяется, и это находит выражение в восьми дихотомических фиктивных переменных (*dummy variables*) в функции восприятия, по одной для потоков либеральных и консервативных сообщений за четыре года (см. рис. 9.3). В модели с ограничением отрезков и коэффициенты рассчитаны для восьми перевзвешенных значений переменной «количество сообщений» (см. рис. 9.1); это дает восемь значений интенсивности потока сообщений.

4. ** Коэффициенты принимают отрицательные значения в функции принятия консервативных сообщений (что показывает более низкий уровень принятия среди либералов) и положительные — в функции принятия либеральных сообщений.

Источник. Исследования CPS 1964, 1966, 1968 и 1970 годов.

Наиболее заметная особенность приведенных в таблице значений коэффициентов — отсутствие статистической точности, т. е. очень большие стандартные ошибки. Объясняется это, во-первых, тем, что в самих данных нет показателей действительной интенсивности потоков сообщений, которые, по нашим предположениям, формируют мнения; различны только год получения массива данных и количество отдельных сообщений, предъявляемых населению. Результат — сильная мультиколлинеарность: в модели никак не показывается, было ли небольшое количество очень интенсивных сообщений или же множество сообщений низкой интенсивности. Во-вторых, переменная «осведомленность» имеет значения в трех процессах — при поиске в памяти, восприятии и сопротивлении. И сверх того, в функции принятия осведомленность появляется несколько раз. Следствием этого является опять же возникновение сильной мультиколлинеарности.

Пытаясь снизить мультиколлинеарность, я ввел в модель несколько правдоподобных ограничений. Однако, прежде чем представить результаты оценки модели с ограничениями, нужно проанализировать коэффициенты модели без ограничений.

В первую очередь важно отметить, что в функции принятия при переходе от периода консенсуса элит по вопросу о войне (1964 год) к периоду, когда начались разногласия по этому вопросу (1966—1970 годы), влияние идеологии и осведомленности начинает заметно увеличиваться. Степень усиления совместного влияния переменных политической ориента-

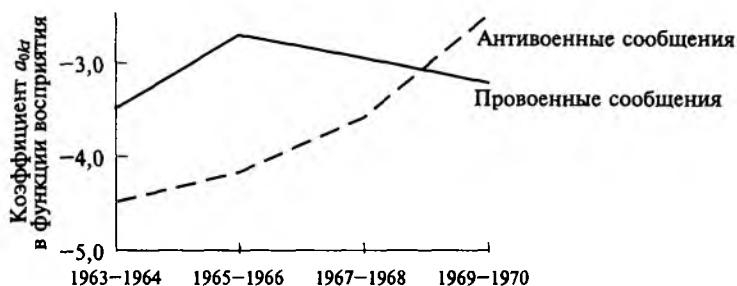

Рис. 9.3. Оценка интенсивности потоков провоенных и антивоенных сообщений в 1963–1970 годах.

ции составляет 1,7, прямого влияния осведомленности 3,4, а переменной «ястребы»-«голуби» × осведомленность»⁹¹. Тем самым подтверждается мой ключевой тезис: влияние ценностей и осведомленности на политические установки не является чем-то само собой разумеющимся, а зависит от наличия сообщений-подсказок, активизирующих другую информацию.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, в модели оценивается интенсивность про- и антивоенных сообщений, которые должны привести к появлению определенных паттернов изменения по вопросу о войне во Вьетнаме. Для оценки влияния сообщений разного уровня интенсивности используется значение отрезка в регрессионном уравнении (a_{0kr}). Значения этого коэффициента см. на рис. 9.3 (а не в табл. 9.1). Они очень малы, но ясно показывают, как со временем изменяются относительные интенсивности двух потоков сообщений. Согласно оценкам, интенсивность провоенных сообщений увеличилась с 1964-го по 1966 год, несколько упала к 1968 году и еще более снизилась к 1970 году. А поток антивоенных сообщений первоначально был очень слабым, но устойчиво набирал интенсивность вплоть до 1970 года, когда стал более интенсивным, нежели поток провоенных сообщений.

Соответствие этих оценок интенсивности сообщений, которые, как я подчеркиваю, были получены исключительно в результате применения модели для опросных данных, с результатами подсчета действительного количества провоенных и анти-

¹ По данным моего более раннего исследования мнений о вьетнамской войне [262], осведомленность имела положительный коэффициент в функции принятия. Такое различие — результат той формы, в которой была записана эта функция (объяснение см. в сноске 1, с. 211).

военных новостных историй в журналах (см. рис. 9.1а) достаточно велико. В каком-то смысле оно, может быть, даже слишком велико. Дело в том, что разные показатели внимания СМИ к вопросу о войне во Вьетнаме дают результаты, которые отличаются от представленных на рис. 9.1а; другой вариант модели с двумя потоками сообщений (см. Приложение I к этой главе [262]) дает другие оценки потоков провоенных и антивоенных сообщений¹. Тем не менее в целом результаты свидетельствуют о высокой степени соответствия между двумя совершенно разными типами оценки потоков коммуникации. Несомненно, это существенный успех для модели с двумя потоками сообщений.

Перестраивая модель, я ввожу два ограничения. Первое из них заключается в том, что коэффициент a_{okt} определяется как линейная функция перевзвешенного количества новостных историй (см. рис. 9.1а). Теперь интенсивность провоенных и антивоенных потоков сообщений не принимает каждый год случайные значения, а подчиняется ограничениям и отражает действительное количество провоенных и антивоенных новостных историй в СМИ. Что касается второго ограничения, я условно определил число месяцев между опросами равным 24 (ведь количество сообщений за двухлетний период есть чисто теоретическая конструкция). Второе ограничение увеличило остаточную дисперсию модели (но только слегка, поскольку варьирование числа сообщений между восемью и шестьюдесятью также дает хорошие статистические оценки) и в то же время уменьшило величину стандартных ошибок².

Как видно из табл. 9.1, в модели с ограничениями значительно повысилась точность коэффициентов. Все они, кроме одного, в функциях восприятия и вспоминания статистически значимы; исключение — коэффициент f_i , который по 1964–1966 годам в соответствии с ожиданиями не должен отличаться от нуля.

¹ Корреляция между восемью коэффициентами a_{okt} , приведенная в работе Цаллера [262], и логарифмом количества новостных историй на рисунке 9.1 равна 0,79; вариант модели с двумя потоками сообщений, используемый в настоящей книге, дает корреляцию, равную 0,89.

² Другое преимущество модели с ограничениями заключается в том, что она быстрее сходится с окончательными оценками коэффициентов. Хотя первоначальные значения коэффициентов уже имеют неплохо вписывающиеся значения, модель без ограничений сходится только после нескольких сотен итераций (повторений той же операции); лишь тогда можно получить более устойчивые значения коэффициентов. Большая эффективность модели с ограничениями при расчетах позволяет проводить тест Фишера отдельных коэффициентов, что в некоторых случаях все еще необходимо.

Все же коэффициенты в функции принятия остаются не слишком надежными, хотя тест Фишера для ряда коэффициентов показывает их статистическую значимость. В целом коэффициенты «осведомленность», «ценностная ориентация» и «ценностная ориентация × осведомленность» своего влияния не проявляют (это относится только к 1964 году), но показатели усиления влияния в 1966—1970 годах коэффициентов «осведомленность × время», «ценностная ориентация × время», «ценностная ориентация × осведомленность × время» и «время» оказались статистически значимыми ($F[4, 9987]; 2,39; p < 0,05$).

Другими словами, осведомленность и ценностная ориентация значимо влияют на сопротивляемость провоенным и антивоенным сообщениям только после того, как противостояние элит по вопросу о войне во Вьетнаме активизировало предрасположенности массовой публики к ее поддержке или неприятию.

Из всех существенных переменных в модели с ограничениями незначимой является лишь переменная «пол». Это в какой-то степени неожиданно, поскольку очевидно, что в первичных данных пол — достаточно значимая переменная [262]. Думаю, дело в том, что переменная «пол» могла воздействовать на показатель по шкале «ястребы»—«голуби»; она поэтому как бы присутствует в модели дважды. С учетом данного обстоятельства я заменил переменную «пол» прямым показателем идеологической приверженности (различием в оценке либерализма и консерватизма по 100-градусному термометру оценки, описанному выше) в функции принятия и провел статистическую оценку модели заново. В этой новой модели коэффициент «пол» оказался статистически значимым в F-тесте ($F[2, 9987]; 13,68; p < 0,01$)¹.

Паттерны мнений за и против ведения войны

Содержательная интерпретация того, что происходило в действительности в политике того времени, гораздо более важна, нежели соответствие модели данным. Рис. 9.4 позволя-

¹ Мультиколлинеарность других переменных в функции принятия повлияла на точность оценки отрезка, которая, в свою очередь, повлияла на точность коэффициента при переменной «пол».

Интересно, что уменьшение остаточной дисперсии при использовании термометров оценки в качестве показателя ценностей не столь уж и велико по сравнению с получаемым при использовании шкалы «ястребы»—«голуби». Это свидетельствует о некоторой тавтологии в самих термометрах оценки и впечатляющем качестве шкалы «ястребы»—«голуби» как измерительного инструмента.

ет сделать это¹ (графики на рис. 9.4 и последующих рисунках основаны на модели с ограничениями).

Рассмотрим сначала установки «голубей» (рис. 9.4а). Политическая осведомленность в 1964 году была практически линейно связана с процентом поддерживающих войну. Здесь мы практически имеем пример модели приверженности или господствующей тенденции, о которой шла речь в гл. 6. Ближе к 1966 году, однако, администрация Джонсона пытается противостоять зарождающемуся антивоенному движению посредством действий в поддержку мира, осуждения коммунистической агрессии и других политических уловок. Более интенсивные провоенные сообщения влияют на респондентов со средним и низким уровнем информированности; эти люди, а они прежде, скорее всего, не так уж часто воспринимали провоенные сообщения, теперь с готовностью поддерживают их. В то же время антивоенные сообщения, хотя они и не достигают широкой публики, начинают доходить до наиболее осведомленных «голубей» и оказывать на них влияние. Именно наиболее осведомленные «голуби» менее всего поддерживали войну между 1964 и 1966 годами.

На среднем графике рис. 9.4а показано, что и в 1968 году заметна незначительная провоенная тенденция среди наименее осведомленных «голубей», которые все еще сталкиваются с провоенными сообщениями (этот эффект не столь существ-

¹ «Ястребы» и «голуби» определяются как респонденты, набравшие $\pm 1,85$ по шкале «ястребы»—«голуби» (для сравнения, на рис. 9.2 среднее значение по этой шкале для «голубей» превышает +2). Ниже приведены z-стандартизированные значения осведомленности, которые используются при построении графиков на рис. 9.4. Здесь же указаны максимальные значения осведомленности по годам.

Переменные	Стандартизированные значения осведомленности по годам			
	1964	1966	1968	1970
Минимальное значение	-2,51	-1,57	-2,58	-2,14
5-й процентиль	-2,03	-1,57	-2,00	-1,70
98-й процентиль	1,61	2,24	1,61	2,13
Максимальное значение	1,84	2,66	1,96	2,57

Следует отметить, что наименьшее значение осведомленности на рис. 9.4 определяется как 5-й процентиль (а не 1-й, как на всех остальных рисунках). Это связано с тем, что наименьшее стандартизированное значение осведомленности в 1966 году составляло -1,57; такой показатель у 7,7% всех респондентов. Чтобы обеспечить сопоставимость минимальных значений в разные годы, я использовал 5-й процентиль.

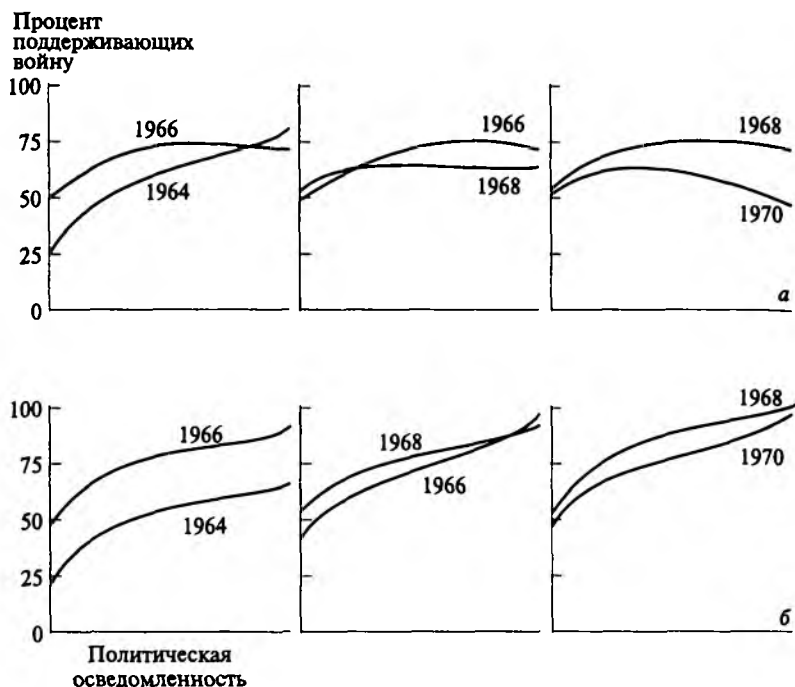

Рис.9.4. Паттерны поддержки вьетнамской войны среди «голубей» и «ястребов» в 1964—1970 годах; дополнительную информацию о кодировании переменных см. в сноске 1, с. 313.

Источник. Исследования CPS 1964, 1966, 1968 и 1970 годов.

венен статистически). Незначительная провоенная тенденция среди наименее осведомленных граждан перекрывается гораздо более сильным антивоенным движением, которое поддерживали «голуби» со средним и высоким уровнем политической информированности. Можно сказать, что соотношение про- и антивоенных сообщений в 1966 году скорее склонялось в пользу провоенной позиции, а в 1968 году — в пользу антивоенной.

Наконец, в 1970 году все «голуби», независимо от уровня осведомленности, выступают против войны (правый график).

Следует отметить, что общественное мнение сильнее всего сдвинулось к либеральной позиции после того, как в 1969 году Никсон занял пост президента. Многие «голуби» стали больше склоняться к антивоенной позиции, когда военную политику стал проводить республиканец, а не демократ. Это впервые

отметил Мюллер [179] при исследовании изменения паттернов поддержки войны. И еще одно обстоятельство важно подчеркнуть: в модели с двумя потоками сообщений четко фиксируется усиление либеральных антивоенных настроений после 1969 года, причем дополнительно не учитывается смена президента. Единственной причиной изменения мнений о Вьетнаме в это время, как показывается на рисунке 9.1а, является изменение потоков про- и антивоенных сообщений в СМИ.

Изменение паттернов мнений о войне среди «ястребов» в целом соответствует модели изменений среди «голубей»; единственное заметное исключение — то, что наиболее осведомленные «ястребы» по-прежнему продолжают поддерживать войну. Между 1964 и 1966 годами поддержка войны повышалась независимо от уровня осведомленности. В 1968 году возрастание поддержки войны наименее осведомленными гражданами примерно уравнивало небольшое уменьшение поддержки среди наиболее осведомленных. В 1970 году, несмотря на усиление потока антивоенных сообщений, поддержка войны среди «ястребов» снизилась лишь незначительно, причем больше всего среди граждан со средним уровнем осведомленности. Таким образом, на протяжении всей войны у «ястребов» наблюдалась положительная связь между политической осведомленностью и идеологической приверженностью.

Интересно сравнить влияние политической осведомленности на «голубей» и «ястребов». Здесь прежде всего можно наблюдать сходство среди, по крайней мере, наименее осведомленных представителей каждого лагеря. Вследствие обычной невнимательности к политической жизни они позже начинают поддерживать войну, запоздало реагируют на антивоенную информацию. «Ястребы» и «голуби» со средним уровнем осведомленности тоже достаточно схожи: на начальном этапе войны они не поддерживают ее, так как она еще недостаточно распропагандирована, а по мере усиления потока провоенных сообщений все более и более склоняются к провоенной позиции; затем с такой же скоростью они начинают переходить к антивоенной позиции (когда негативный образ войны в СМИ становится настолько распространенным, что его уже невозможно проигнорировать). Что касается граждан с наивысшим уровнем политической осведомленности, т.е. идеологически грамотных, их мнение меняется совершенно иначе. Среди них «голуби» переходят на антивоенную позицию уже в 1966 году; наиболее же осведомленные «ястребы», на-

Рис. 9.5. Процент «неответов» среди «голубей»; оценки — на основе коэффициентов модели с ограничениями табл. 9.1

Источник. Исследования CPS 1964, 1966, 1968 и 1970 годов.

против, в основном придерживаются той же позиции, и уровень поддержки ими военных действий в 1970 году почти столь же высок, как и в начале конфликта. Это, разумеется, можно объяснить тем, что мнение наиболее осведомленных «ястребов» подкреплялось устойчивым потоком провоенных сообщений, но они в то же время достаточно критично относились к антивоенным сообщениям.

Хотя мое исследование в основном сфокусировано на изменении поддержки войны во Вьетнаме, в модели учтены также оппозиция по отношению к войне и доля «неответов». Ожидаемая сильная связь между долей «неответов» и уровнем политической осведомленности оказалась гораздо более значительной в начале войны, когда у плохо разбирающихся в политике граждан еще не было мнения о войне, нежели позднее, когда у большинства граждан это мнение уже сложилось (рис. 9.5). В модели можно учитывать изменение доли «неответов». В функции формирования мнения — уравнение (9.4) — есть переменная, характеризующая интенсивность потока сообщений о войне¹; при большей интенсивности потока информации доля «неответов», разумеется, снижается.

Модель предсказывает увеличение доли «неответов» между 1968 и 1970 годами (на рис. 9.5 данный факт не отражен). Оно не столь уж и велико — около 2% среди наименее осведомленных и еще меньше среди граждан других групп и в результатах исследования не обнаруживается. Однако Пирс, Битти и Хагнер сообщают, что по результатам нескольких исследований

¹ Более точно, член RE_{ikt} в уравнении (9.4) содержит коэффициент a_{0kr}

доля «неответов» в 1971 году начала увеличиваться; возможно, сказывалось снижение интенсивности потока сообщений о войне [194, р. 142].

Поддержка войны среди афро-американцев

Небольшое количество афро-американцев в выборках исследований CPS (хотя в некоторые годы доля чернокожих в выборке превышена) затрудняет оценку тенденций изменения установок чернокожих в отношении войны. Тем не менее, как показано на рис. 9.6, в доступных данных можно обнаружить некоторую структуру (кривые на рисунке построены на основе простого полиномиального регрессионного уравнения, что позволяет сгладить неровности, возникающие вследствие ошибки выборки).

На рис. 9.6а приведены распределения мнения о войне среди чернокожих в 1964 и 1966 годах. Эти распределения в целом скорее повторяют распределение мнений белых консерваторов, но не белых либералов (см. рис. 9.4); другими словами, наблюдаются общая положительная зависимость между осведомленностью и поддержкой войны и увеличение доли тех, кто поддерживает войну (в основном за счет граждан со средним и низким уровнем осведомленности). Рост поддержки военных действий отражает повышение интенсивности потока провоенных сообщений. В противоположность некоторым исследованиям, данные выводы не свидетельствуют о том, что чернокожие с самого начала неохотно поддерживали войну во Вьетнаме¹.

После 1966 года установки чернокожих по отношению к войне стали соответствовать установкам белых либералов; чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить рис. 9.6б с кривыми изменения установок среди либералов (см. рис. 9.4а). В результате постепенного распространения антивоенных сообщений под-

¹ В действительности чернокожие меньше поддерживали войну в 1964 и 1966 годах. Если, однако, контролировать переменную «осведомленность», то между расовой принадлежностью и поддержкой войны нет связи. Тщательный анализ позволяет заключить, что хорошо разбирающиеся в политике чернокожие гораздо больше поддерживали ведение войны, нежели белые консерваторы с высоким уровнем осведомленности (или представители других групп) и в 1964, и в 1966 году. В то же время среди чернокожих, которые были хуже информированы, уровень поддержки был ниже, чем среди белых консерваторов (и среди представителей всех остальных групп). Эти, казалось бы, очевидные расовые различия не столь уж и достоверны, так как группы респондентов с очень высоким и очень низким уровнями осведомленности очень малы.

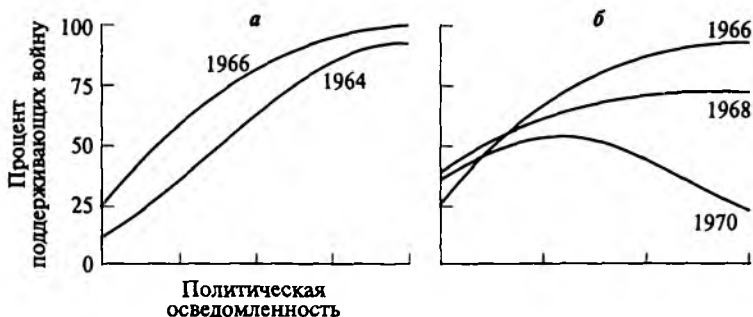

Рис. 9.6. Тенденции поддержки вьетнамской войны чернокожим населением в 1964—1970 годах; дисперсия показателя осведомленности $\pm 1,75\sigma$

Источник. Исследования CPS 1964, 1966, 1968 и 1970 годов.

держка войны значительно снизилась, особенно среди чернокожих со средним и высоким уровнем осведомленности.

В самих данных опросов нет ответа на вопрос, почему до 1966 года мнение чернокожих соответствовало установкам белых консерваторов, а после — установкам белых либералов. Одно объяснение все же очевидно. Вьетнамскую войну вел президент Джонсон, который в 1964 и 1965 годах получил одобрение конгресса по двум историческим биллям о гражданских правах и взялся за претенциозный проект борьбы с бедностью. Вследствие этого чернокожие представители общественности доверяли высказываниям о войне Джонсона в большей степени, чем высказываниям кого-либо другого. Но к 1968 году достижения Джонсона в сфере гражданских прав были далеко позади; многие лидеры движения за гражданские права чернокожих, в том числе и недавно убитый Мартин Лютер Кинг-младший, уже выступали против войны¹. В таких условиях чернокожие стали более восприимчивы к особенно интенсивному в то время потоку антивоенных сообщений.

Общий вывод: чернокожее население реагировало на поток про- и антивоенных сообщений о Вьетнаме так же, как и белое, однако чернокожие оценивали эту информацию в свете других сообщений-подсказок.

¹ Рейтинг Джонсона среди чернокожих с 1966-го до середины 1968 года снижался быстрее, чем среди белых, но затем восстановился ко времени выборов [51].

В заключение

Результаты, полученные в этой главе, позволяют расширить наше понимание динамики общественного мнения в нескольких аспектах.

Во-первых, мы имеем четкие свидетельства оппозиционного сопротивления, особенно заметного с 1964-го по 1966 год. В указанный период хорошо осведомленные «голуби» критически относились к доминантным провоенным сообщениям отчасти потому, что подвергались противоположно направленному потоку антивоенных сообщений. Он, хотя и был менее интенсивным в начальный период войны, не только нейтрализовал поток провоенных сообщений, но фактически давал возможность наиболее осведомленным «голубям» оказывать сопротивление общенациональной тенденции и отходить от провоенной позиции. Объяснить такое влияние противоположно направленного потока сообщений в случае с Вьетнамом нетрудно, поскольку и поток сообщений противоположной направленности, и поток доминантных сообщений одновременно становились все более интенсивными, способными приводить к разным изменениям в различных группах общественности.

Подобный паттерн изменения информационных потоков, наверное, достаточно необычен (см. рис. 10.5). Но скорее всего он характерен и для множества других случаев, когда поток противоположно направленных сообщений, даже не являясь достаточно сильным для того, чтобы противодействовать общенациональной тенденции, все же остается важным в той степени, которая заставляет некоторых граждан критически относиться к господствующему мнению. В гл. 10 будут приведены явные доказательства влияния сообщений противоположной направленности.

Во-вторых, материал гл. 9 позволил нам увидеть, что изменение установок под влиянием двух потоков сообщений в разные моменты времени может принимать различные формы в зависимости от относительной интенсивности этих разнонаправленных потоков и первоначального распределения мнений. Некоторые из паттернов, оказалось, не соответствуют типологии, представленной в гл. 8, — типологии, основанной на предположении, что на общественное мнение влияет только один поток информации.

Что же тогда делать с типологией, представленной в гл. 8?

Рис. 9.7. Изменение поддержки вьетнамской войны в 1968–1970 годах; оценки рассчитаны исходя из показателей на рис. 9.4
 Источник. Исследования CPS 1968 и 1970 годов.

Хотя я и не могу сказать точно, но моделирование изменения установок на основе уравнения (9.8) и эмпирические данные, представленные в гл. 8, позволяют утверждать: эта типология, пусть она и основана на допущении, что существует только один поток сообщений, все же достаточно хорошо подходит для описания множества случаев. Типология, представленная в гл. 8, особенно верно описывает паттерны изменения, когда можно ожидать, что один из информационных потоков остается одинаково интенсивным или теряет интенсивность со временем, в то время как другой становится сильным. Очевидно, такие паттерны изменения мнений при двух потоках информации являются наиболее распространенной формой воздействия в массовой коммуникации; все известные мне случаи изменения массовых установок, за исключением периода с 1964-го по 1966 год во время войны во Вьетнаме, в большей или меньшей степени соответствуют именно этому типу воздействия. Например, в конце вьетнамской войны, когда поток провоенных сообщений был более или менее стабилен или даже терял свою интенсивность, в то время как антивоенные сообщения становились все более распространенными (см. рис. 9.3), паттерн изменения установок приближается к описанному в типологии (см. также рис. 9.7).

Все же остается фактом то, что паттерны, описанные в гл. 8, действительны только в том случае, если в политической среде есть лишь один информационный поток. Подобная ситуация в наибольшей степени соответствует действительности, когда интервал времени, через который происходит повторное измерение установок, является достаточно коротким и когда

усиление относительной интенсивности одного из потоков сообщений достаточно велико.

В-третьих, в этой главе, наряду с описанием влияния возраста на мнение о вьетнамской войне, дано очень подробное представление о том, как системы массовых убеждений формируются и изменяются в результате воздействия комплекса стимулов¹. Теоретически подход к пониманию такого феномена, представленный в работе Конверса «Природа систем общественных убеждений» [44], в течение долгого времени оставался преобладающим. Напомню, что его позиция заключалась в том, что определенные «творческие элиты» формируют широкомасштабные системы убеждений, т. е. группы установок, которые публикой воспринимаются как взаимосвязанные. Затем эти системы убеждений неравномерно распространяются среди общественности, так что лишь наиболее осведомленные граждане способны воспринимать системы целостно.

Выводы, к которым я пришел в настоящей главе, в некоторых частных аспектах дополняют этот более общий аргумент и, кроме того, несколько корректируют его.

Прежде всего, доказывается, что антивоенная позиция в вопросе о Вьетнаме только постепенно вошла в либеральную систему убеждений, которая операционально определяется здесь как общая склонность к более агрессивной или мирной внешней политике. (Такой же паттерн изменения установок обнаруживается, только более резко, если вместо шкалы «ястребы»-«голуби» используется прямой показатель идеологической предрасположенности — оценки либерализма и консерватизма по 100-градусному термометру симпатии.)

Подобный сценарий вполне соответствует концепции Конверса: наиболее чуткие к политике либералы первыми восприняли этот новый идеологический элемент, в то время как лучше всего разбиравшиеся в политике консерваторы в целом чаще всего отвергали его.

Однако обнаруживаются и некоторые неожиданные следствия.

По теории Конверса, идеология является связующим элементом в организации установок отдельных граждан. Предполагается, что если человек — либерал, он должен принимать все элементы либеральной идеологии. Это утверждение, одна-

¹ Другие подходы к пониманию эволюции массовых систем убеждений см. в работах [176; 35; 102].

ко, не относится к хорошо разбирающимся в политике либералам старшего возраста, которые продолжали сопротивляться антивоенному элементу системы либеральной идеологии вплоть до 1970 года. Внутренняя логика либеральной идеологии толкала их скорее всего к *поддержке* вьетнамской войны как еще одному проявлению послевоенного интернационализма. Такое запаздывание в принятии политики, которую либералы старшего возраста вроде бы должны одобрить в соответствии с их общей философией, представляет собой интересную и пока неизученную сторону взаимосвязанности идеологических элементов в динамике.

Другое неожиданное следствие — колебания либералов со средним и низким уровнем политической осведомленности. Либералы, которые в период с 1964-го по 1966 год занимали провоенную позицию, могли думать (если бы им пришлось задуматься об этом), что они принимают именно *либеральную* позицию. Все-таки интернационализм целых тридцать лет был центральным элементом либеральной системы, и продвигал провоенную политику именно президент-демократ Джонсон. Если, однако, ориентироваться на наиболее разумное представление об идеологии как предпочтениях авангарда элит, то мы имеем еще один случай, когда представления людей о либерализме «принуждают» их принять такую политическую установку, которая с достоверностью лакмусового теста указывает на приверженность консервативным ценностям.

Исследование изменения установок во время вьетнамской войны дает нам уникальную возможность наблюдать эволюцию идеологической системы, редкую потому, что сообщения-подсказки по большинству вопросов остаются стабильными из года в год. Хотя здесь изменяются установки в отношении внешней политики, иногда эти изменения, т. е. своего рода перегруппировки, происходят с идеологическими подсказками по другим вопросам. Итогом же являются аналогичные изменения установок.

Следует добавить, что между моим исследованием мнений о вьетнамской войне и общей теорией Конверса противоречий нет. Ситуация времен войны просто дает примеры того, как в динамике различные виды запаздывания могут привести к неожиданным формам взаимосвязи идеологических элементов.

И еще один — последний и наиболее важный — вывод; он заключается в том, что результаты, представленные в настоящей главе, обеспечивают надежное доказательство следующего утверждения: общественные установки по большинству вопро-

Рис. 9.8. Идеологическая поляризация в период войны во Вьетнаме: а — 1964 год; б — 1966 год; в — 1970 год

Источник. Исследования CPS 1964, 1966, 1968 и 1970 годов.

сов формируются вследствие влияния двух разнонаправленных потоков сообщений по некоторому вопросу. Когда мнение элит едино и создает в обществе господствующую тенденцию, публика реагирует на данный вопрос в целом неидеологически, причем более осведомленные представители общественности вернее отражают консенсус элит. Когда же разногласие элит принимает идеологическую окраску, общественность тоже реагирует на вопрос идеологически и те представители общественности, которые лучше разбираются в политике, более точно схватывают идеологию разногласия. Степень идеологической поляризации по какому-то конкретному вопросу отражает относительную интенсивность разнонаправленных информационных потоков. Таким образом, если, как во время войны во Вьетнаме в 1966 году, поток консервативных сообщений становится намного более интенсивным, нежели поток либеральных сообщений, степень поляризации оказывается умеренной и смещенной в сторону консервативной позиции; если же разнонаправленные информационные потоки становятся более или менее одинаковыми, уровень поддержки консерваторов в целом снижается и идеологическая поляризация усиливается. Отмеченные особенности находят отражение на рис. 9.8; на нем просто иначе представлены те же данные, что и на рис. 9.4¹. (Поляризация также оказывается сильнее, если вместо

¹ Интересно, что, даже если по статистическим оценкам интенсивность потока антивоенных сообщений в 1970 году была выше, уровень общественной поддержки войны в соответствии с моделью все же был выше. Это объясняется тем, что модель допускает, чтобы по отношению к антивоенной пози-

того инструментария, который использую я, берется идеологический термометр, см. [262, рис. 8].

В этой главе в качестве единицы анализа простейшей единицы аргументации берется суждение, которое определяется как отдельный довод, направленный за или против конкретной идеи. Тем не менее общественное мнение о Вьетнаме не измерялось на уровне суждений. В результате мне не удалось получить прямых данных о динамике изменения установок на индивидуально-психологическом уровне, когда люди интериоризируют или отвергают сообщения, с которыми они сталкиваются. В следующей главе этот пробел будет восполнен; в ней показывается, как относительная интенсивность разнонаправленных потоков сообщений определяет формирование новых суждений, которые, в свою очередь, обуславливают итоговые предпочтения людей.

Приложение I. Альтернативный вариант модели с двумя потоками сообщений

В этом приложении я предлагаю альтернативную форму модели с двумя потоками сообщений. Хотя в ней опускаются все ссылки на уровень суждений, она все же соответствует модели, предложенной в данной главе выше.

Представим себе политический мир, в котором за каждый период времени t по каждому политическому вопросу гражданам предъявляются два информационных потока (или, условно говоря, сообщения), в одном из которых дается либеральная позиция по вопросу, а в другом — консервативная. Оба информационных потока — сумма всех идеологически окрашенных сообщений по конкретному вопросу за определенный период.

Следующие три аксиомы показывают, как динамика изменений интенсивности либерального и консервативного потоков в таком политическом мире может объяснить и распределение общественного мнения в каждый из моментов времени, и его изменение во времени.

1. Аксиома восприятия. *Индивидуальная вероятность восприятия либерального или консервативного сообщения в данный*

ции публика проявляла больше сопротивления, чем по отношению к провоенной, при сопоставимом уровне восприимчивости по отношению к обоим потокам сообщений. Такое различие фиксируется разницей в величине отрезка в функциях принятия двух сообщений (см. рис. 9.1).

период времени t является независимой возрастающей функцией общего уровня политической осведомленности.

Математическая формулировка данной аксиомы — это уравнение (9.1б).

2. Аксиома принятия. Вероятность того, что индивид будет отвергать, т.е. откажется принять данное сообщение при условии, что он уже воспринял его, увеличивается, если (1) возрастает дистанция между ценностями индивида и идеологической окрашенностью данного сообщения и (2) возрастает вероятность того, что индивид знает «контекстуальную информацию» об идеологической окрашенности сообщения, которую определяет элита.

Математическая формулировка данной аксиомы представлена в виде уравнения (9.2).

Прежде чем сформулировать третью аксиому, я введу понятия «подкрепляющие сообщения» (это сообщения, консистентные по отношению к существующему мнению) и «противостоящие сообщения» (неконсистентные). Итак, третью аксиому можно сформулировать следующим образом.

3. Аксиома изменения. Два таких типа изменения мнений, как перемена взглядов и ослабление позиции, могут происходить, когда (1) индивид, восприняв противостоящее сообщение, принимает его, но не принимает подкрепляющего сообщения (независимо от того, воспринял ли он таковое) и переходит к противоположному мнению и когда (2) индивид не воспринимает сообщений в данный период или же принимает и подкрепляющие, и противостоящие сообщения и его первоначальная установка угасает и с фиксированной вероятностью d превращается в «отсутствие мнения».

Мы можем использовать эти аксиомы, чтобы сформулировать выражение для определения вероятности того, что в следующий период времени индивид, который первоначально занимал либеральную позицию или же не имел мнения, перейдет к консервативному мнению.

$$\begin{aligned}
 P_{i \rightarrow C_{t+1}} &= \text{Вер}(\text{перехода к консервативной позиции за период с } t \text{ до } t + 1) = \\
 &= RE_{iC}(1 - RE_{iL}) \times \text{Принятие}_{iC} + RE_{iC}RE_{iL} \times \\
 &\quad \times \text{Принятие}_{iC}(1 - \text{Принятие}_{iL}).
 \end{aligned}
 \tag{9.9}$$

Здесь $RE_{iC}(1 - RE_{iL})$ — вероятность того, что индивид будет воспринимать только консервативные сообщения; Принятие_{iC} — вероятность того, что, восприняв эту информацию, индивид примет ее (интериоризирует). Второй член в правой

части уравнения — это вероятность того, что индивид будет воспринимать оба типа сообщений ($RE_{iC}RE_{iL}$), но примет из них только консервативное [$Принятие_{iC}(1-Принятие_{iL})$].

Уравнение для определения $P_{i \rightarrow L_{t+1}}$ формулируется аналогично.

Можно также найти вероятность того, что индивид, первоначально придерживавшийся консервативного или либерального мнения по некоторому вопросу, потеряет определенную позицию по этому вопросу, т.е. просто не будет иметь никакого мнения. Она равна произведению коэффициента d на вероятность того, что индивид вообще не будет воспринимать сообщения или же будет интериоризировать и либеральные, и консервативные сообщения:

$$\begin{aligned} P_{i \rightarrow Non_{t+1}} &= d[(1 - RE_{iC})(1 - RE_{iL}) + RE_{iC}(1 - RE_{iL})(1 - Принятие_{iC}) + \\ &+ RE_{iL}(1 - RE_{iC})(1 - Принятие_{iL}) + RE_{iC}RE_{iL}Принятие_{iC}Принятие_{iL}] = \\ &= d(1 - P_{i \rightarrow C_{t+1}} - P_{i \rightarrow L_{t+1}}). \end{aligned} \quad (9.10)$$

В какой-то первоначальный момент у каждого индивида есть фиксированная вероятность принятия либерального, консервативного или неопределенного мнения. Обозначим соответствующие вероятности через Lib_t , Con_t и Non_t . Вероятность того, что индивид, в момент времени t имевший либеральное мнение, будет его придерживаться и в момент времени $t + 1$,

$$Lib_{t+1} = Lib_t - [P_{\rightarrow C}Lib_t] - [P_{\rightarrow Non}Lib_t] + [P_{\rightarrow L}(Con_t + Non_t)]. \quad (9.11)$$

Аналогично выражение и для вероятности сохранения консервативного мнения в момент времени $t + 1$.

Посредством некоторых алгебраических преобразований можно придать уравнению (9.11) иную форму, и тогда вероятность сохранения либерального мнения после N периодов времени

$$Lib_{t+N} = Lib_t X^N + P_{\rightarrow L} \frac{1 - X^N}{1 - X}, \quad (9.12)$$

где $X = 1 - P_{\rightarrow C} - P_{\rightarrow L} - d + d(P_{\rightarrow C} + P_{\rightarrow L})$.

Время можно представить как последовательность бесконечно малых временных единиц. Если N стремится к бесконечности, элемент X^N в уравнении (9.12) обращается в нуль. В этом случае

$$Lib_{t+N} = P_{\rightarrow L} \frac{1 - X^N}{1 - X} = \frac{P_{\rightarrow L}}{P_{\rightarrow C} + P_{\rightarrow L} + d - d(P_{\rightarrow C} + P_{\rightarrow L})}. \quad (9.13)$$

Таким образом, мнение в любой момент времени представляет собой равновесный результат, который независим от начальных значений. На агрегированном уровне равновесие зависит от интенсивности разнонаправленных потоков сообщений, а на индивидуальном уровне — от внимания к политике и ценностей данного индивида. Изменение мнений в результате воздействия убеждающих сообщений (это центральная тема моего исследования) может описываться через изменение во времени точек равновесия, причем смещение равновесия должно определяться изменением разнонаправленных потоков сообщений.

Такая модель использовалась [262] для анализа влияния идеологии и осведомленности на уровень поддержки военных действий во Вьетнаме. Получены результаты, аналогичные представленным в настоящей главе. Основное различие заключается в том, что в этой модели менее четко фиксируется интенсивность антивоенного и провоенного потоков сообщений, воздействию которых подвергается общественность (модельные оценки меньше сходятся с данными о количестве новостных историй, см. рис. 9.1 и сноску 1, с. 311).

Приложение II. Шкала «ястребы»-«голубы»

Техника построения инструментальной переменной Франклина позволяет выяснить отношения между переменными, часть которых не была представлена в том же наборе данных [73, р. 23]. Эта техника заключается в следующем. Предположим, у нас есть значения переменной X в наборе данных A , которых нет в наборе данных B , однако в наборе данных B имеются значения зависимой переменной Y . Мы берем определенное множество вспомогательных переменных в обоих наборах данных. Затем рассчитываем регрессионную зависимость переменной X от этих вспомогательных переменных по набору данных A ; исходные данные для построения этой переменной X — коэффициенты регрессионного уравнения. Эти коэффициенты и множество вспомогательных переменных из набора данных B используются для предсказания значений переменной Y . В данном случае переменная X — показатель по шкале «ястребы»-«голубы», который измерялся в Национальном предвыборном исследовании 1988 года; переменная Y — мнение о вьетнамской войне, которое изучалось в исследованиях CPS 1964–1970 годов.

При определенных допущениях посредством техники Франклина можно построить инструментальную шкалу «яст-

ребы»-«голуби» для результатов опросов CPS на основании информации, полученной в исследовании NES 1988 года.

Наиболее важное из этих допущений основывается на том, что обе выборки строятся для одной и той же генеральной совокупности, т. е. для того же населения, и отношение между вспомогательными переменными и переменной X остается таким же. Указанное допущение является, очевидно, довольно сомнительным, поскольку опросы проводились с разницей в 18–24 года. Тем не менее представляется вполне правдоподобным, что и в 1960-е годы, и в 1988 году «голубями» были те же типы людей — женщины, атеисты, борцы за гражданские права, если им давались одинаковые идеологические сообщения-подсказки об их позиции. И на самом деле все эти переменные связаны с мнением о войне во Вьетнаме именно таким образом, как мы и предполагали. С учетом сказанного, несмотря на некоторые сомнения, разумно признать, что условия, при которых допустима техника Франклина, удовлетворяются.

Следует, однако, особо оговорить две переменные. Первая из них — возраст — в 1988 году была связана с полюсом «ястребы» по шкале агрессивности во внешней политике, а в 1960-е годы чаще соотносилась с меньшим уровнем поддержки военных действий. Реального отражения изменения с течением времени здесь все же нет, поскольку люди более старшего возраста, даже если они в 1991 году были «ястребами», в гораздо меньшей степени поддерживали американское вторжение в Персидском заливе¹. Вторая переменная — образование — в 1988 году была отрицательно связана с вероятностью стать «ястребом», но совпадала с более высоким уровнем поддержки военных действий во Вьетнаме (по крайней мере, на начальном этапе войны). Это «переворачивание» позиций лучше всего объяснил в своем исследовании Мюллер [179]. Он утверждает, что более образованные граждане, хотя и не расположены становиться «ястребами», все же являются более чуткими к подсказкам лидеров мнения, больше прислушиваются к мнению элиты. И опять же, отмеченное различие не отражает изменения за последние 20 лет, поскольку образование всегда связано с более высоким уровнем поддержки господствующей политики в отношении последних войн, даже если отрицательно связано с полюсом «ястребы» в шкале «ястребы»-«голуби», появившейся в исследовании NES 1988 года.

¹ New York Times, December 14, 1990, p. A8

Даже если за рассматриваемый период не произошли действительные изменения, «неправильные» корреляции между возрастом, образованием и предрасположенностью к агрессивности во внешней политике показывают, что эти переменные не стоит использовать для построения инструментального показателя, посредством которого предсказывается предрасположенность к поддержке военных действий во Вьетнаме.

Коэффициенты регрессионного уравнения, которые используются для построения шкалы «ястребы»-«голуби», а также другие сведения о вспомогательных переменных приведены в табл. 9.2.

Таблица 9.2
Первый этап построения инструментальной шкалы «ястребы»-«голуби»

Переменные	Коэффициент	T-тест
Агностики и атеисты	0.40	4.04
Католики	0.15	2.51
Фундаменталисты (коды 130-149 и 152 переменной V527)	-0.18	2.54
Свидетели Иеговы	0.98	1.05
Иудеи	0.55	2.99
Пацифизм по религиозным мотивам (коды 153, 155 и 156 переменной V527)	0.43	1.53
Посещение церкви (переменная V530, градации 14)	0.08	3.57
Слишком медленная кампания по гражданским правам (переменная V845)*	0.50	6.01
Слишком быстрая кампания по гражданским правам	-0.38	6.75
Пограничные штаты	-0.01	0.16
Южные штаты	-0.13	1.91
Членство в профсоюзах	-0.11	1.68

Примечания:

1. Зависимая переменная представляет собой латентный показатель, выявленный посредством метода главных компонент при анализе пяти вопросов: военная мощь или мирные соглашения (V966); важность военной силы (V967); Соединенные Штаты должны оставаться наиболее сильной державой (V972); всегда есть угроза агрессии со стороны коммунистов (V973); Соединенные Штаты должны остановить коммунизм (V974).

2. Большое количество баллов означает склонность к позиции «голубя».

3. $N=1441$; стандартизированный $R^2=0,14$.

4. * При построении инструментария формы II (Form II) для данных CPS 1970 года было необходимо перекодировать вопрос о помощи меньшинствам.

Источник. Исследование NES 1988 года.

10. Информационный поток и голосование на выборах

Электоральные кампании следует понимать как попытки идеологических элит наладить контакт с гражданами и заставить их принять свою точку зрения. В этом отношении они сильно напоминают те кампании по формированию общественного мнения, которые мы рассматривали в предыдущих главах, и, следовательно, есть все основания предполагать, что и здесь степень влияния политической информации на граждан определяется их общим уровнем политической осведомленности, их предрасположенностью принимать воспринимаемые ими сообщения.

Моя цель в данной главе — проверить это. Речь будет идти о четырех типах конкурентных выборов: в палату представителей и сенат США, типичных президентских, а также о внутрипартийных кампаниях по выдвижению кандидатов в президенты. Я попытаюсь в новом свете проанализировать, как граждане выбирают своих представителей (не развивая всеобъемлющей теории электорального поведения во всех четырех типах выборов, а скорее расширяя, с использованием систематических различий между разными типами выборов, понимание того, как в целом в результате воздействия противоборствующих потоков политической информации формируются и изменяются массовые установки). Учитывая то, что в большинстве кампаний по выборам в конгресс доминирует кандидат, уже занимающий пост конгрессмена, особенно интересно на примере данного типа выборов рассмотреть сопротивление граждан доминирующему потоку сообщений.

Огромным преимуществом электоральных установок является то, что на их изучение было потрачено больше ресурсов, нежели на любой другой вид политических установок. Наборы данных включают все основные переменные ВПФ-модели, и в том числе, что важнее всего, суждения, на основе которых

люди выстраивают высказывания, т.е. (в нашем случае) голосуют за определенных кандидатов. И еще, здесь проще найти готовые переменные, характеризующие относительную интенсивность разных потоков сообщений (политических кампаний разных кандидатов), оказывающих воздействие на граждан.

Одним из наиболее насыщенных с точки зрения ВПФ-модели наборов данных по выборам являются результаты опроса NES перед выборами в конгресс 1978 года. В исследовании использовались одинаковые переменные индивидуального уровня, характеризующие осведомленность, идеологию и установки по отношению к разным кандидатам, по 77 выборным округам. Если в случае с установками по отношению к вьетнамской войне у нас были результаты только четырех опросов, когда наблюдалось влияние конкурирующих потоков сообщений разной интенсивности, то указанный выше опрос NES 1978 года — это фактически 77 опросов¹.

Доступность столь определенных данных позволяет нам относительно полно проверить, как в динамике проявляются основные механизмы сопротивления в ВПФ-модели (в частности, инерционное и оппозиционное сопротивление). А случаи варьирования информационного потока, когда конкурирующие потоки сообщений, взаимопересекаясь, воздействуют на формирование мнения в различных сегментах общества в зависимости от уровня внимания к политике и относительной интенсивности потоков, дают возможность получить гораздо более четкую картину того, как сложные потоки информации влияют на формирования предпочтений граждан.

Поскольку большая часть настоящей главы посвящена анализу данных о выборах в палату представителей, я начну с краткого обзора исследований в этой области.

Инерционное сопротивление в кампаниях кандидатов, повторно баллотирующихся в палату представителей

Центральной проблемой в исследовании выборов в конгресс за последние годы было изменение в преимуществах повторно баллотирующихся кандидатов. После того как Мэйхью в известной работе 1974 года поднял вопрос об «исчезновении

¹ В опрос NES 1978 года попали 108 округов, но я сфокусировал исследование на 77 из них (на тех, где член палаты представителей повторно выставлял свою кандидатуру против кандидата от другой партии).

регионов, где кандидат избирается с минимальным преимуществом» [170], ученые в огромном множестве работ пытались объяснить, почему политически пограничные регионы, т.е. такие, в которых партия выигрывает выборы с перевесом в 5% и меньше, за последние два десятилетия начали исчезать. При анализе акцент делался на способностях представителя наладить контакт с избирателями, создать имидж и сформировать «личный» электорат, который в значительной степени не зависит от партийных ориентаций граждан в соответствующем регионе [62; 68; 69; 164; 31].

Поскольку члены палаты представителей должны устанавливать контакт с избирателями, которые различаются по уровню внимания к политике и своим предрасположенностям, и убеждать их, модель восприятия-принятия лучше всего подходит для исследования процесса вербовки сторонников среди избирателей.

Начнем с изучения восприятия информации о представителе.

Иногда члены палаты представителей пытаются продвигать себя посредством отдельных акций (например, добиваясь возвращения отмененного социального пособия), которые привлекают внимание всех избирателей независимо от их общего уровня политической осведомленности. Все же большая часть того, что делается представителями в рекламных целях, скорее всего становится известной только тем, кто постоянно уделяет много внимания политике. Это рассылка информационных бюллетеней (которые в основном будут читать политически осведомленные граждане), попытки добиться особых привилегий для района (известность подобных фактов зависит от газет и инициативных гражданских групп), сбор подписей, выступления с речами, посещение собраний. С другой стороны, когда те люди, которые безразличны к политике, сталкиваются с сообщениями о своем представителе, они могут забыть их, проигнорировать или же не среагировать на них по каким-то иным причинам, т.е. в конечном счете проявить то, что называется политической апатией.

Таким образом, действия членов палаты представителей произведут впечатление, очевидно, на граждан с достаточно высоким уровнем политической осведомленности. Поскольку чаще всего выборы в палату проходят сравнительно тихо и только переизбирающемуся кандидату удастся развернуть серьезную кампанию, большая часть информации о действиях

кандидатов, с которой сталкиваются разбирающиеся в политике граждане, направлена именно на продвижение переизбирающегося кандидата [110].

Но это еще не все. Как раз политически осведомленные граждане могут оказывать большее сопротивление тем призывам, которые несет в себе поток доминантных сообщений, если последние имеют другую партийную или идеологическую приверженность. Хорошо разбирающиеся в политике граждане с большей вероятностью обладают предварительной информацией, которая уменьшает эффект воздействия новых идей. Наверное, они будут воспринимать оппозиционные сообщения (в нашем случае информацию о кампании конкурирующего кандидата), с большей вероятностью будут обладать контекстуальной информацией, необходимой для распознавания и отклонения тех сообщений, которые неконсистентны с их предрасположенностями. Другими словами, более осведомленные граждане чаще проявляют инерционное, оппозиционное сопротивление и сопротивление приверженности по отношению к предвыборным обещаниям переизбирающегося кандидата.

Если же более осведомленные граждане в большей степени подвержены влиянию доминантной кампании переизбирающегося кандидата, более способны быть критичными по отношению к ней (при условии, что они о ней знают), то в соответствии с логикой процесса восприятия-принятия можно предположить, что между осведомленностью и выбором кандидата наблюдается немонотонное отношение; отступать от своей партийной приверженности в пользу переизбирающегося кандидата будут в основном индивиды со *средним* уровнем информированности, которые, таким образом, и составят его «личный» электорат.

Многие читатели могут вспомнить, что Конверс обнаружил эту немонотонность в своем классическом исследовании президентских выборов в 1952 году «Информационный поток и стабильность партийных установок» [43]. Объяснение, теперь уже в знакомых терминах, выглядело так. Более осведомленные граждане сильнее подвержены воздействию предвыборной кампании, но, поскольку у них уже сформировались устойчивые установки, на них сложно влиять. В то же время люди, уделяющие политике мало внимания, также относительно стабильны в своих предпочтениях, но не из-за значительной партийной приверженности, а потому, что они просто не сталкиваются с сообщениями, которые могли бы изменить их пред-

почтения. И наконец, граждане со средним уровнем осведомленности уделяют политике достаточно внимания, чтобы воспринимать новые политические сообщения; однако они не столь привержены своим первоначальным предпочтениям, чтобы быть устойчивыми и не поддаваться переубеждению. Поэтому данная часть электората наиболее изменчива. «Хорошо информированные избиратели опираются на большой запас политических знаний, а для неинформированных характерна слабая способность помнить, что происходило в политике раньше. Поэтому, наблюдая просто поразительные различия в информированности электората, мы на самом деле сталкиваемся с серьезными различиями в объеме знаний у разных граждан. И вероятность того, что любой из избирателей достаточно отклонится от своей партийной приверженности и будет голосовать на конкретных выборах за другую партию... находится в обратной зависимости от объема имеющейся у него информации о политике» [р. 140–141].

Если — это представляется достаточно разумным — заметить выражение «объем имеющейся информации» на выражение «уже имеющиеся суждения», то объяснение Конверсом феномена критического отношения к убеждающим сообщениям, возникающего вследствие осведомленности, практически полностью соответствует моему понятию инерционного сопротивления. Вместе с тем у Конверса нет ничего об упомянутых мною выше оппозиционном сопротивлении и сопротивлении приверженности.

В своей статье об информационном потоке Конверс кратко рассматривал данные о выборах в палату в 1958 году. Он не нашел свидетельств наличия немоногообразного образца партийной нестабильности и вполне правдоподобно объяснил это недостаточным освещением выборов в палату в новостях — они прошли «не замеченными никем, кроме самых рьяных читателей политических новостей» [43, р. 143]; соответственно случаев изменения своей позиции на этих выборах было очень мало, и «дезертирство», если оно и случалось, было в основном распространено среди избирателей с высоким уровнем осведомленности.

Конверс основывал свои результаты на исследовании того, как проходили выборы в конгресс три десятилетия назад. За последние несколько десятков лет выборы в палату стали более напряженными, возможно столь напряженными, что информация о них уже доходит до граждан со средним уровнем вни-

мания к политике. Да и распространение телевизионной рекламы и кампании, направленные на постоянное переизбрание тех же кандидатов, также способствуют вовлечению в предвыборную дискуссию большего сегмента электората (по сравнению с 1950-ми годами)¹. Если все это верно, то может оказаться, что граждане со средним уровнем осведомленности стали более подверженными воздействию кампаний по выборам в конгресс, нежели самые осведомленные.

Если вернуться к гл. 8, можно найти основное отличие подхода Конверса в исследовании выборов в палату представителей в 1958 году от моих предположений о выборах 1978 года — имеется в виду разница между рис. 8.2а и б в типологии изменения установок. На рис. 8.2а описывается влияние потока сообщений низкой интенсивности, в то время как рис. 8.2б характеризует воздействие сообщений средней интенсивности.

Чтобы проверить, проявляется ли динамика процесса восприятия-принятия на выборах в палату представителей так же, как и в других политических контекстах, обратимся к конкретным данным; если это предположение подтвердится, постараемся выяснить, действительно ли, как думал Конверс, имеющаяся информация о политике играет решающую роль в возникновении сопротивления убеждающим сообщениям.

Обычно кандидат при переизбрании на выборах в палату представителей организует более сильную кампанию, что приводит к переходу многих сторонников другой партии на его сторону [1; 110]. Ниже я ограничусь рассмотрением именно этого вопроса.

«Перебежчики», вызывающие значительный интерес у политиков, привели, отступая от своей партии и поддерживая переизбирающегося кандидата, к исчезновению регионов, где прежде выборы проходили с минимальным преимуществом, и появлению «личных» электоратов. Представляется важным и еще одно обстоятельство: «перебежчики» поддаются влиянию доминантных сообщений несмотря на их неконсистентность со своими предрасположенностями. Наша задача, таким образом, заключается в том, чтобы определить, почему это происходит.

¹ Хотя способность избирателей вспомнить имя их представителя в конгрессе с 1950-х годов не изменилась [182], имеется множество свидетельств большей интенсивности кампаний [69; 164]. Возможно, как утверждают Манн и Вольфингер [165], увеличилась вероятность узнавания имени, но не его вспоминания.

Мой подход заключается в объяснении перехода на сторону переизбирающегося кандидата вследствие обычного процесса восприятия-принятия, где источником убеждающих сообщений является доминирующая кампания этого кандидата. Модель имеет следующий вид [на основе уравнения (7.5)]:

$$\text{Вер(перехода)} = 1 - (1 + \text{Exp}[a_0 + a_1 \text{Осведомленность} + \dots])^{-1} \times \\ \times (1 + \text{Exp}[-b_0 - b_1 \text{Осведомленность} - \dots])^{-1} \quad (10.1)$$

Привлекательность выборов в палату представителей с точки зрения модели восприятия-принятия заключается в том, что интенсивность доминирующей кампании переизбирающегося кандидата сильно варьируется от региона к региону, и ее легко измерить как объем расходов на кампанию. Интенсивность кампании кандидата от другой партии, т. е. интенсивность оппозиционного информационного потока, тоже сильно варьируется и ее тоже легко измерить.

Чтобы зафиксировать влияние изменений интенсивности информационного потока, я включил в две функции модели следующие переменные:

Функция восприятия

Политическая
осведомленность

Интенсивность
медиа-потока

Затраты на кампанию
переизбирающегося
кандидата

Затраты на кампанию
кандидата от другой
партии

Количество лет в должности
представителя (стаж)

Стаж × затраты на кампанию
кандидата от другой партии

Функция принятия

Политическая
осведомленность

Сила партийной
приверженности

Инерция (имеющиеся
суждения)

Затраты на кампанию
кандидата от другой
партии

Каждый ряд переменных требует отдельного комментария.

По ряду переменных, характеризующих восприятие, следует отметить, что здесь только одна переменная индивидуаль-

ного уровня — политическая осведомленность; остальные — интенсивность медиа-потока, затраты на кампанию кандидата от другой партии и стаж — переменные агрегированного уровня, обуславливающие поток сообщений и политическое окружение. Использование логистической функции в модели восприятия означает, что переменные агрегированного уровня будут взаимодействовать с индивидуальными различиями в политической осведомленности и, следовательно, определять, сколько информации будут воспринимать разные люди.

Чтобы измерить общий объем медиа-публикаций на данных выборах, я начал с ответа на вопрос: «Сколько газетных статей вы прочитали о кампании по выборам в палату представителей США в вашем районе — очень много, несколько или одну-две?» Среднее значение этой переменной подсчитывали для каждого избирательного района и выравнивали по отношению к разнице в среднем уровне осведомленности в том же районе¹. Пересчитанные средние (их значения изменялись от 0,6 до 1,9) можно использовать как агрегированный показатель объема медиа-публикаций.

То, сколько лет представитель занимает данную должность, учитывалось в функции восприятия, поскольку у переизбирающихся кандидатов с большим стажем больше времени «достучаться» до своих избирателей, посылая им бюллетени, выступая перед ними, появляясь в СМИ, участвуя в каких-либо событиях, поскольку они могут более эффективно привлекать избирателей — сторонников другой партии. Стаж, таким образом, косвенно характеризует интенсивность коммуникации между выборами, когда переизбирающийся кандидат может найти личных последователей в своем районе.

Стаж, однако, оказывает ожидаемое влияние только в слабokonкурентных выборах. Когда же имеет место сильная конкуренция, длительный стаж скорее вредит переизбирающемуся кандидату, а не помогает. Я попытался зафиксировать это взаимодействие, включив в уравнение произведение количества лет стажа на затраты кандидата от другой партии².

¹ Если, например, население одного района имеет высокий уровень образования, среднее число прочитанных статей о выборах может оказаться достаточно большим, даже несмотря на то, что конкуренция не слишком высока. Такой тип эффектов переменных индивидуального уровня я выравнивал на основе средних значений по району.

² Это произведение представляет собой адаптацию *ad hoc** характеристик интенсивности информационного потока, направленного против переизбирающегося кандидата на выборах, где очень сильна конкуренция. Адаптация

Перейдем теперь к ряду переменных, характеризующих принятие.

Здесь наиболее интересной переменной является инерция, под которой я подразумеваю число суждений, которое заставляет избирателя склониться к выбору одной из партий и которое должна преодолеть кампания переизбирающегося кандидата для того, чтобы привлечь на свою сторону приверженцев другой партии.

Описывая модель с одним потоком сообщений, я утверждал: политическая осведомленность связана с критическим отношением к аргументации отчасти потому, что она говорит об инерционном сопротивлении. Добавив переменную «инерция» в функцию принятия, я могу впервые осуществить прямое измерение инерционного сопротивления. Были использованы стандартные вопросы NES типа «нравится — не нравится» о политических партиях. Эти открытые вопросы, в которых избиратели должны были сказать, нравится или не нравится им каждая из партий, выглядели так.

— Я хочу спросить вас о хороших и плохих особенностях наших партий. Есть ли в демократической (республиканской) партии какая-нибудь особенность, которая вам нравится? Что именно? Что-нибудь еще? (Кодировалось до пяти ответов.)

— Есть ли в демократической (республиканской) партии какая-нибудь особенность, которая вам не нравится? Что именно? Что-нибудь еще? (Кодировалось до пяти ответов.)

Инерция рассчитывалась следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{Инерция} = & \sum(\text{достоинства другой партии}) + \\ & \sum(\text{недостатки партии переизбирающегося кандидата}) - \\ & \sum(\text{недостатки другой партии}) - \\ & \sum(\text{достоинства партии переизбирающегося кандидата}). \end{aligned}$$

Чем выше показатель инерции сторонников другой партии, тем сложнее при определенном уровне интенсивности кампании повторно баллотирующегося кандидата привлечь их на свою сторону при голосовании в палату представителей.

нужна, потому что уравнение (10.1) — это скорее модель с одним потоком сообщений. Чем более интенсивной становится кампания кандидата от другой партии, тем больше уравнение (10.1) отклоняется от того, что происходит в действительности. Здесь, в соответствии с положениями, приведенными в гл. 9, нужна модель с двумя потоками сообщений.

* Ad hoc — для данного случая, для данной цели (лат.) — Прим. пер.

Последняя переменная в функции принятия, требующая комментариев, — затраты на кампанию кандидата от другой партии. Смысл этой переменной заключается в том, что сторонники другой партии хуже воспринимают сообщения о переизбирающемся кандидате не от своей партии, если одновременно проводится сильная кампания кандидата от их партии. Значит, переменная, характеризующая затраты на кампанию кандидата от другой партии, должна фиксировать влияние оппозиционного потока информации.

В целом, уравнение (10.1) описывает комплекс взаимодействий между индивидуальными различиями в предрасположенности воспринимать и принимать сообщения и переменными агрегированного уровня, характеризующими интенсивность доминантного и оппозиционного потоков сообщений. Следует, однако, отметить, что уравнение (10.1) не является в полной мере моделью с двумя потоками сообщений; в нем нет отдельных функций восприятия и принятия разных потоков, как в модели, описывающей установки в отношении вьетнамской войны (см. гл. 9). Но подобно модели с одним потоком сообщений, рассмотренной в гл. 7 и 8, модель, описываемая в этой главе, может использоваться для исследования влияния двух потоков сообщений (см. сноску 2, с. 337).

Коэффициенты, полученные для уравнения (10.1), приведены в табл. 10.1. Как обычно, интерпретация этих коэффициентов требует графического анализа, но некоторые выводы можно сделать уже по таблице.

Поскольку выборка состоит только из 277 респондентов, голосовавших за переизбирающегося кандидата не от своей партии, многие из коэффициентов в таблице являются статистически неточными. Тем не менее при всех переменных индивидуального уровня коэффициенты статистически значимы, что подтверждает приемлемость ВПФ-модели для описания данного случая.

Важно обратить внимание на статистически значимый отрицательный коэффициент при переменной «политическая осведомленность» в функции принятия¹. В ВПФ-модели, и особенно в модели, которую предложил Конверс [43], полити-

¹ В моем более раннем исследовании по выборам в палату представителей [260] выявлена положительная связь с осведомленностью в функции принятия. Различие вызвано изменением формы функции (см. сноску 1, с. 224). К сказанному можно добавить, что я обнаружил типографскую ошибку в формулировке функции восприятия в работе [260]: коэффициенты A в уравнениях (2) и (4) должны быть отрицательными.

Таблица 10.1

**Коэффициенты модели голосования на выборах
в палату представителей среди сторонников партии,
оппозиционной переизбирающемуся кандидату**

Функция восприятия		Функция принятия	
Отрезок	-1,71	Отрезок	3,39
Политическая осведомленность	2,24 (1,20)	Политическая осведомленность	-1,01 (0,41)
Затраты на кампанию переизбирающегося кандидата (десятки тысяч долларов)	-0,11 (0,09)	Партийная приверженность	-1,32 (0,48)
Затраты на кампанию кандидата от другой партии (десятки тысяч долларов)	0,28 (0,18)	Партийная инерция*	-0,22 (0,12)
Объем медиа-публикаций (от 0,59 до 1,9)	3,51 (2,72)	Затраты на кампанию кандидата от другой партии	-0,05 (0,02)
Стаж (по интервалам)	2,84 (2,13)		
Стаж×затраты на кампанию кандидата от другой партии	-0,41 (0,26)		

Примечания:

1. Модель — это уравнение (10.1); статистические оценки определялись методом максимального правдоподобия.
2. Стандартные ошибки приведены в скобках.
3. Зависимая переменная — голосование за повторно баллотирующегося кандидата среди сторонников другой партии.
4. * Более высокие баллы означают большую приверженность другой партии.

Источник. Исследование NES 1978 года.

ческая осведомленность является основой сопротивления отчасти потому, что характеризует количество суждений, сформировавшихся до кампании. Если, как в уравнении (10.1), количество суждений контролировать, можно было бы ожидать, что осведомленность окажет лишь незначительное прямое влияние на сопротивляемость. Но то, что осведомленность все же производит эффект, который мы предполагали, свидетельствует о другом: она является чем-то большим, нежели просто косвенный показатель количества инерционных суждений, противодействующих кампании повторно баллотирующегося кандидата. Это что-то большее, как станет ясно, и есть оппозиционное сопротивление и сопротивление приверженности.

Пока же, до кампании, эффект инерции, хотя он статистически значим, является скорее умеренным. Достаточно сравнить влияние инерции с влиянием партийной приверженности. Чтобы произвести такой же эффект, как партийная приверженность, которая при коэффициенте $-1,32$ имеет единичный интервал значений, при коэффициенте инерции $-0,22$ само значение переменной должно быть не меньше шести, а это много. Если из модели исключить переменную «инерция», то остаточная дисперсия увеличится на 2%, в то время как исключение переменной «партийная приверженность» приведет к увеличению остаточной дисперсии на 4%.

Из всех коэффициентов при переменных агрегированного уровня статистической значимости достигает только один. Однако тест Фишера для всех шести агрегированных показателей показывает, что их общий эффект статистически значим ($F[6; 265]; 2,62; p < 0,05$)¹.

Наиболее интересная из переменных агрегированного уровня — стаж, который положительно связан с голосованием за переизбирающегося кандидата, но имеет отрицательный эффект при взаимодействии с показателем затрат кандидата от другой партии. Это означает, что, как отмечалось ранее, стаж помогает переизбирающемуся кандидату на выборах с незначительным уровнем конкуренции, но вредит при выборах, где конкуренция высока.

Поскольку очевидно, что общий эффект стажа оказался и статистически минимально значимым², и в полной мере не предвиденным, осторожный читатель будет склонен не принимать его в расчет. Однако тест Фишера для двух коэффициентов, относящихся к переменной «стаж», говорит о том, что их общее влияние близко к статистической значимости ($F[2; 265]; 2,96; p < 0,06$). Как уже отмечалось, существуют доказательства и прямого влияния стажа, и его влияния при взаимодействии с затратами; поэтому я предлагаю допустить значимость эффектов стажа и попытаться объяснить, как эффекты реализуются.

¹ Вследствие вероятного смещения самих переменных «затраты», нет смысла даже пытаться интерпретировать отдельные коэффициенты. Вместо этого я обращаюсь к графическому анализу, чтобы показать влияние переменных «затраты» в общем влиянии переменных, характеризующих интенсивность кампании.

² Т. е., по статистическим тестам, дающим минимальное приемлемое значение. — *Прим. пер.*

Перейдем теперь к графическому исследованию смысла коэффициентов из табл. 10.1¹.

На рис. 10.1 процесс убеждения избирателей разделен на три части. На левых графиках показан уровень восприятия сообщений, призывающих голосовать за кандидата от другой партии, на центральных — уровень принятия этих сообщений, а на правых — уровень голосования за переизбирающегося кандидата не от своей партии. Анализируется поведение трех идеальных типов сторонников партий: убежденные (с сильной приверженностью — СП) четко идентифицируют себя со своей партией и по шкале «инерция» набирают 3 балла; колеблющиеся сторонники (с несильной приверженностью — НП) — не столь убежденные приверженцы или люди, просто симпатизирующие данной партии, которые по шкале «инерция» набирают —3 балла (видят больше негативного в своей партии); умеренные сторонники (с типичной приверженностью — ТП) набирают в среднем 0,7 балла по шкале «инерция». По шкале партийной приверженности избиратели указанных трех типов набирают соответственно 2; —1 и 1,3 балла. Результаты моделирования на всех графиках описывают выборы с низким уровнем конкуренции (переизбирающийся кандидат тратит на кампанию 25 тыс. долларов — 1978 год, а его противник не дает отчета о затратах); объем медиа-публикаций примерно 0,75, т. е. почти приближается к минимуму. Примерно таким образом проходят около 10% всех выборов в палату представителей.

Обратившись к рис. 10.1, сосредоточимся на анализе поведения убежденных сторонников — тех, кто набирал по шкале осведомленности выше медианного значения. Согласно рис. 10.1а, на выборах, на которых кандидат выставляет свою кандидатуру на второй срок, вероятность того, что сообщения, призывающие голосовать за него, будут воспринимать такие избиратели, равнялась 0,72, а вероятность того, что они будут эти сообщения принимать, если восприняли, — 0,56. И тогда вероятность того, что данная группа избирателей будет голосовать за кандидата в палату представителей не от своей партии, составляет $0,72 \times 0,56 = 0,40$. В выборах, где кандидат выставляет свою кандидатуру на шестой срок (рис. 10.1б), вероятность восприятия сообщения, призывающего голосовать за

¹ На рис. 10.1, 10.2 и 10.6 политическая осведомленность берется в интервале от -1,88 до +1,8.

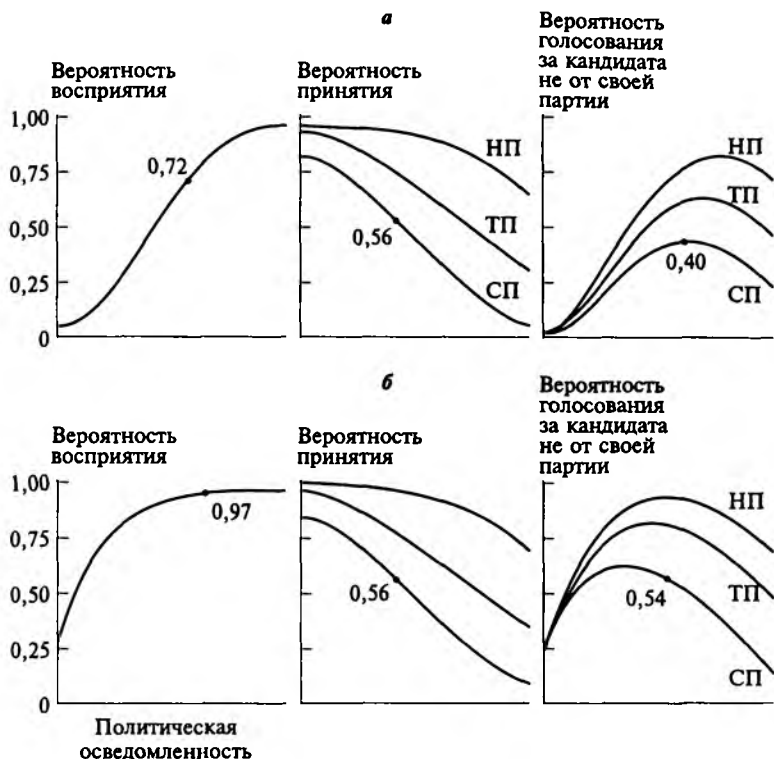

Рис. 10.1. Уровень восприятия, принятия и голосования за переизбирающегося кандидата не от своей партии на слабоконкурентных выборах в палату представителей; статистические оценки — на основе коэффициентов из табл. 10.1: *а* — стаж переизбирающегося кандидата два года; *б* — стаж переизбирающегося кандидата 10 лет

Источник. Исследование NES 1978 года.

кандидата не от своей партии, поднимается до 0,97, что при прочих равных условиях дает вероятность голосования за него $0,97 \times 0,56 = 0,54$.

Далее перейдем к вопросам содержательным.

Начнем с более тщательного анализа того, как влияет стаж переизбирающегося кандидата на голосование за него сторонников другой партии. Члены палаты представителей (это уже отмечалось) практически постоянно проводят кампании по переизбранию. Они могут со временем «достучаться» даже до далеких от политики людей. Избиратели со средним и низким уровнем осведомленности гораздо чаще воспринимают сообщения пере-

избирающегося кандидата, если он занимает свой пост больше пяти сроков, а не один (см. левые графики на рисунке). Типичный избиратель со средним уровнем осведомленности имеет примерно 25%-ную вероятность воспринять сообщение, призывающее голосовать за переизбирающегося кандидата, если он занимал свой пост один срок. У этого же избирателя вероятность воспринимать сообщения о кандидате повышается до 65%, если последний занимает свой пост уже пять сроков.

Влияние стажа на различия в интериоризации сообщений, призывающих голосовать за переизбирающегося кандидата, как видно из правых графиков, дает повышение вероятности голосования за этого кандидата со стажем 10 лет среди менее осведомленных избирателей. А вот для граждан с высоким уровнем осведомленности выше вероятность голосования за кандидата с небольшим стажем его пребывания в должности.

Что касается вероятности принятия (центральные графики), она снижается при повышении как уровня осведомленности, так и значимости партийной ориентации, которая выражается через силу партийной приверженности и баллы по шкале инерции. По сути, мы имеем здесь визуальное повторение того, что говорилось раньше о значении осведомленности для сопротивляемости, даже при контроле партийной ориентации. Без независимого влияния осведомленности на принятие суждений кривые на правых графиках не были бы немонотонными при контроле партийной приверженности и инерции.

Из центральных графиков на рис. 10.1 видно также, что политическая осведомленность и партийная приверженность сильно взаимодействуют. Следовательно, переменные, характеризующие партийную приверженность, мало влияют на сопротивляемость, разве что только при среднем и высоком уровне политической осведомленности (тогда это влияние велико). Тем самым подчеркивается значение политической осведомленности как фактора сопротивляемости.

И наконец, следует отметить, что модели голосования за кандидата не от своей партии полностью соответствуют паттернам изменения установок в результате влияния убеждающих сообщений по малознакомой теме (см. рис. 8.2а-в). Кампания представителя, занимавшего пост два года, оказывает такое же влияние, как и поток сообщений средней интенсивности (см. рис. 8.2б), а кампания представителя со стажем в десять лет выглядит как поток сообщений высокой интенсивности (см. рис. 8.2в).

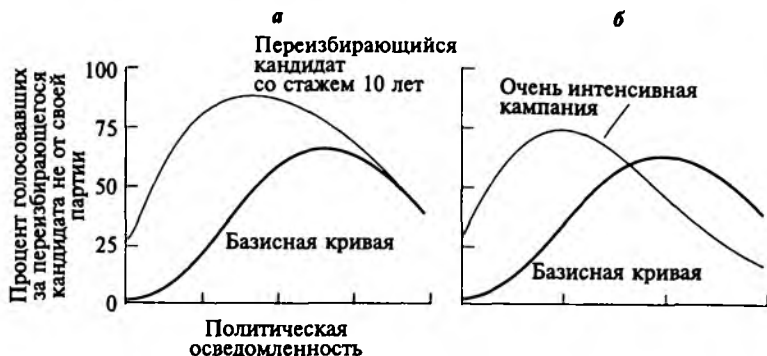

Рис. 10.2. Влияние информационного потока на голосование избирателей с типичной приверженностью за кандидата не от своей партии на выборах в палату представителей; статистические оценки — на основе коэффициентов из табл. 10.1

Источник. Исследование NES 1978 года.

Однако было бы неправильным предполагать, что многие выборы в палату представителей создают поток сообщений высокой интенсивности. Если подсчитать долю голосующих за кандидата не от своей партии от всего населения, то окажется, что рис. 8.2б в типологии изменения установок соответствуют и случай, когда представитель имеет большой стаж, и случай, когда он занял свой пост недавно. Таким образом, более корректно предположить: типичная предвыборная кампания, в которой доминирует повторно баллотирующийся кандидат, формирует поток сообщений средней интенсивности по мало-знакомой теме.

Завершая исследование влияния стажа, надо подчеркнуть, что выше анализировался только тип выборов с низким уровнем конкуренции. Вследствие взаимодействия переменных «стаж» и «интенсивность кампании» влияние стажа на выборах с высоким уровнем конкуренции совершенно иное. На рис. 10.1 нет графического представления данного эффекта, потому что случаев, когда у кандидата большой стаж и на выборах наблюдается сильная конкуренция, очень мало, из-за чего визуальное представление не будет отличаться надежностью. И тем не менее с определенностью можно утверждать, что большой стаж в сочетании с высокой конкуренцией на выборах уменьшает число тех, кто будет голосовать за переизбирающегося кандидата не от своей партии (об этом свидетельст-

вует и произведение стажа на затраты на кампанию кандидата от другой партии в табл. 10.1).

Основной смысл рис. 10.1 заключается в констатации того, что стаж переизбирающегося кандидата делает сообщения, убеждающие переходить на его сторону, более эффективными и это обеспечивает ему большую поддержку среди избирателей со средним и низким уровнем политической осведомленности. Разумеется, не только стаж (кумулятивный эффект формирования личного электората в определенном районе) содействует голосованию за переизбирающегося кандидата. Очень интенсивная кампания по переизбранию кандидата может привести к тем же результатам (рис. 10.2). Наверное, стоит объяснить, как организованы оба графика. Базисная кривая, одинаковая в обоих случаях, показывает долю голосующих за кандидата не от своей партии, который занимал свою должность два года и проводил не очень интенсивную кампанию. Я назвал эту кривую базисной, поскольку она описывает происходящее при минимальной интенсивности потока сообщений (этот минимальный информационный поток, однако, не слишком мал; ведь конгрессмены, занимающие свой пост первый год, очень старательно работают над привлечением личных сторонников среди избирателей [68; 96]).

Обратимся к рис. 10.2а. Ясно видно влияние десятилетнего стажа на долю голосующих за кандидата не от своей партии. Если небазисная кривая здесь кажется знакомой, то это потому, что при ее построении использована часть данных, представленных на рис. 10.1 (я привожу ее, чтобы в дальнейшем облегчить некоторые сравнения).

Рис. 10.2б дает новую информацию об эффектах высокоинтенсивной кампании. По определению, в высокоинтенсивной кампании переизбирающийся кандидат тратит примерно 200 тыс. долларов, а его соперник — порядка 150 тыс.; объем медиа-публикаций 1,25. Эти значения переменных попадают в верхние 10% распределения общего показателя интенсивности кампании.

Поскольку мой идеализированный образ очень интенсивной кампании предполагает, что переизбирающийся кандидат занимал свой пост именно два года, отличия в доле голосующих по двум кривым на рис. 10.2б — это результат высокой интенсивности кампании, причем сильная интенсивность создает встречный эффект: среди наименее осведомленных избирателей доля голосующих за переизбирающегося кандидата

не от своей партии выше, а среди наиболее осведомленных избирателей — ниже.

Существование этого встречного эффекта подрывает логику модели с одним потоком сообщений, когда предполагается, что все изменяется в направлении позиции доминантного сообщения. Модель встречных эффектов, показанная на рис. 10.2, возникает вследствие взаимодействия доминантной кампании переизбирающегося кандидата и менее интенсивной (уравновешивающей) кампании его соперника. Указанное взаимодействие — это покажет дальнейшее исследование — происходит следующим образом. Высокоинтенсивной кампании переизбирающегося кандидата удастся воздействовать на менее осведомленных избирателей, в то время как менее интенсивная кампания соперника до них не доходит. В итоге переизбирающийся кандидат получает много голосов среди наименее осведомленных граждан, которые он мог бы точно так же получить при десятилетнем стаже (см. рис. 10.2а). Но кампания соперника, хотя она и слишком слаба для того чтобы воздействовать на малоосведомленных сторонников другой партии, может склонить на его сторону внимательных к политике людей. Конечно, и внимательные к политике граждане подвергаются сильному воздействию кампании переизбирающегося кандидата, но как сторонники другой партии они чаще будут воспринимать сообщения его соперника. В результате снизится (по сравнению с базисной кривой) вероятность того, что ими будет поддержан повторно баллотирующийся кандидат.

Сказанное объясняет разницу между обоими графиками на рис. 10.2. Большой стаж не приводит к снижению доли голосующих за повторно баллотирующегося кандидата ни в одной из групп избирателей, потому что здесь проявляется в основном лишь один поток сообщений (попытки переизбирающегося кандидата сформировать личный электорат). Такой тип информационного потока дает однонаправленное изменение, по крайней мере при кампаниях низкой интенсивности. Но очень интенсивная кампания, в которой обнаруживаются два потока сообщений, может создать модель встречных эффектов.

Встречные эффекты при интенсивной кампании с двумя разнонаправленными потоками мы видели в первые годы вьетнамской войны. Оба потока сообщений по-разному влияли на различные сегменты публики; это зависело от взаимодействия относительной интенсивности потоков и уровня осведомленности граждан.

**Оппозиционное сопротивление
и сопротивление приверженности
на выборах, в которых доминирует
переизбирающийся кандидат**

До сих пор в анализе учитывался только один прямой показатель влияния кампании — голосовал ли сторонник другой партии за переизбирающегося кандидата. Ниже это исследование развивается в двух направлениях. Во-первых, рассматривается влияние кампаний на оценку гражданами и переизбирающегося в палату представителей кандидата, и его соперника, причем учитываются и позитивные, и негативные суждения о каждом из них. Направленность оценок кандидатов позволит получить гораздо более ясное представление о том, каким образом кампания воздействует на избирателей. Во-вторых, поскольку между голосующими и неголосующими, между сторонниками разных партий наблюдается измеримое различие в оценках кандидатов, анализируются все респонденты, живущие в соответствующем районе. Такой большой охват значительно увеличивает число доступных для исследования случаев и тем самым повышает значимость тестов, которые можно провести на основании этих случаев. Далее я продолжу изучать данные только по тем районам, где проводились доминантная и противодействующая кампании, т.е. по районам, в которых в конкурентных выборах один из кандидатов баллотировался еще на один срок.

В исследовании NES 1978 года содержатся прекрасные показатели оценки гражданами кандидатов в палату представителей. Каждого из респондентов о каждом кандидате спрашивали: «Дальше мне хотелось бы задать вам несколько вопросов о кандидатах, которые баллотируются от этого района в палату представителей. Есть ли что-нибудь, что вам особенно нравится в кандидате... (имя кандидата) демократической/республиканской партии, баллотирующемся в палату представителей США? Что именно? Что-нибудь еще? (Кодировалось до четырех ответов). Есть ли что-нибудь, что вам особенно не нравится в (...). Что-нибудь еще?»

Ответы на эти вопросы можно использовать как показатели влияния положительных или отрицательных сообщений, которые избиратели восприняли и интериоризировали в качестве собственных суждений. Что касается соперников, большинство из них являются новичками и большая часть их сообщений доходит до избирателей в период самой кампании по выборам в

палату. А вот по переизбирающимся кандидатам часть информации о них — память об их деятельности на своем посту, а часть — влияние кампании. Тем не менее в целом разницу между тем, что избиратели узнают при весьма низких по интенсивности кампаниях и кампаниях высокой интенсивности, можно рассматривать как свидетельство влияния предвыборной кампании.

Разумеется, есть основания проявлять осторожность в использовании данных о нравящихся/нравящихся чертах кандидатов в качестве показателей представления людей о них. Очевидно, эти данные не обеспечивают идентичного и исчерпывающего отображения всех суждений о кандидате в сознании конкретного человека. Например, некоторые граждане могут забыть часть информации о кандидате, повлиявшей на их решение при голосовании [147]; другие в состоянии предложить огромное количество комментариев (вероятно, просто потому, что им легко говорить о политике).

Не следует, однако, и преувеличивать ограниченность данных о нравящихся/нравящихся чертах кандидатов. Прежде всего можно контролировать индивидуальные различия в словоохотливости. Здесь важно еще отметить, что число замечаний о кандидате, как будет продемонстрировано ниже, зависит от контекста избирательной кампании; модельное среднее значение в высококонкурентных выборах составляет 2,5 замечания у респондента, а в низкоинтенсивных выборах оно может быть меньше 0,5 замечания. Если допустить, что такое варьирование по районам отражает нечто большее, чем просто индивидуальные различия в желании поговорить (а именно так и нужно сделать), то данные о том, что нравится и что не нравится в кандидатах, можно использовать как показатель влияния кампании на разные типы избирателей в различных предвыборных ситуациях. Наконец, данные о том, что нравится или не нравится избирателям в кандидатах, при поверхностном анализе оказываются именно тем показателем, который и нужно измерять в соответствии с ВПФ-моделью, т. е. дискретным множеством позитивных и негативных суждений о кандидатах, интериоризированных избирателями.

Несмотря на некоторые основания для беспокойства, я считаю, что данные о разного рода чертах кандидатов прекрасно подходят для решения ближайших задач; они на самом деле являются лучшими из известных мне данных, позволяющими исследовать микрооснования формирования и изменения установок в динамическом политическом окружении.

Таблица 10.2

Осведомленность и интериоризация электоральных суждений

Средние оценки кандидатов	Уровень политической осведомленности				
	низкий		средний		высокий
Сумма всех нравящихся/нравящихся черт в двух кандидатах при выборах в палату представителей в 1978 году	0,50 (311)	0,86 (316)	1,13 (305)	1,50 (334)	2,06 (302)
Сумма всех нравящихся/нравящихся черт в обеих партиях в 1978 году	0,67 (311)	1,01 (316)	1,61 (305)	2,41 (334)	4,06 (302)
Сумма всех нравящихся/нравящихся черт в кандидатах на пост президента в 1984 году	2,35 (518)	4,11 (466)	6,26 (398)	6,62 (426)	7,81 (434)

Примечания:

1. В учитываемых выборах 1978 года участвуют переизбирающийся кандидат и его соперник.

2. Число респондентов указано в скобках.

Источник. Исследования NES 1978 и 1984 годов.

Табл. 10.2 позволяет получить нам первоначальное представление об этих данных. Как и следовало ожидать, лучше разбирающиеся в политике граждане обладают большей информацией о конкретных кандидатах в палату представителей. Кроме того, они чаще накапливают значительное количество суждений об обеих партиях. Для сравнения в таблице приведены также данные о числе суждений о переизбирающемся кандидате и его сопернике в президентских выборах 1984 года.

Бросается в глаза то, что у избирателей гораздо больше суждений о партиях, а не об их кандидатах в палату представителей. В связи с этим немедленно возникает вопрос, насколько каждый тип суждений влияет на решение избирателей на выборах. Если влияние суждений о партиях (они являются основой для переменной «инерция», проанализированной ранее) на суждения о кандидатах достаточно велико, то, возможно, нет смысла выяснять происхождение информации о кандидатах.

Простейший способ устранить сомнения — построить логистическое регрессионное уравнение, где зависимой переменной будет число голосов за определенного кандидата, а в качестве независимых переменных будут использоваться показатели суждений о партиях и кандидатах (что нравится/не нравится в кандидатах и партиях).

Коэффициенты такого логистического уравнения, показывающие влияние информации о партиях и кандидатах на голосование за переизбирающегося кандидата в палату представителей в 1978 году среди сторонников партии его соперника, приведены ниже.

Отрезок	-0,36
Общее число суждений о том, что нравится/не нравится в кандидатах (информация о кандидатах)	-1,14 (0,19)
Общее число суждений о том, что нравится/не нравится в партиях (информация о партиях)	-0,29 (0,11)
«Сильная» идентификация со своей партией (0 или 1)	1,11 (0,41)
Шкала политических вопросов	0,06 (0,06)
<i>N</i>	277

Коэффициенты эти получены методом максимального правдоподобия.

Поскольку я фокусирую внимание на вопросе сопротивления в кампаниях, в которых доминирует переизбирающийся кандидат, в регрессионном уравнении учитываются только сторонники партии его оппонента. Суждения о партиях включаются в него как общее число суждений о том, что нравится/не нравится в партии. Суждения же о кандидате определяются по формуле:

$$\begin{aligned}
 \text{Общая оценка переизбирающегося кандидата} = & \\
 & \sum (\text{Положительные черты переизбирающегося кандидата}) + \\
 & \sum (\text{Отрицательные черты его соперника}) - \\
 & \sum (\text{Отрицательные черты переизбирающегося кандидата}) - \\
 & \sum (\text{Положительные черты его соперника}). \quad (10.2)
 \end{aligned}$$

В регрессионном уравнении контролируются переменная партийной приверженности («сильная» или другая) и позиция по общей шкале левой/правой ориентации (более высокий показатель означает большую идеологическую дистанцию от переизбирающегося кандидата, который понимается как либе-

Рис. 10.3. Формирование суждений при выборах в палату представителей

Источник. Исследование NES 1978 года.

ральный, если представляет демократов, и консервативный, если представляет республиканцев).

Обращение к логистической регрессии подтверждает, что суждения о кандидате являются самым важным независимым признаком, предсказывающим голосование на выборах в палату представителей. Еще одно суждение в пользу или против одного из кандидатов дает такой же эффект, как и признание сильной приверженности своей партии, и в четыре раза сильнее влияния суждений о том, что нравится или не нравится в партиях. Хотя идеологическая дистанция от позиции переизбирающегося кандидата, как мы увидим, имеет косвенное значение для интериоризации суждений о кандидатах, практически она не имеет видимого прямого влияния на голосование.

Анализ регрессионной модели дает дополнительные свидетельства в пользу того, что инерционные суждения, существующие в сознании избирателей независимо от конкретных кампаний по выборам в палату представителей, играют значительную роль в предотвращении голосования за переизбирающегося кандидата не от своей партии. На рис. 10.1 и 10.2 это особенно заметно среди граждан с высоким уровнем осведомленности, обладающих наибольшим количеством таких инерционных суждений. Но тот же анализ показывает и другое: главным действующим фактором на выборах в палату представителей являются суждения о кандидатах, их влияние «подавляет» влияние всех остальных переменных.

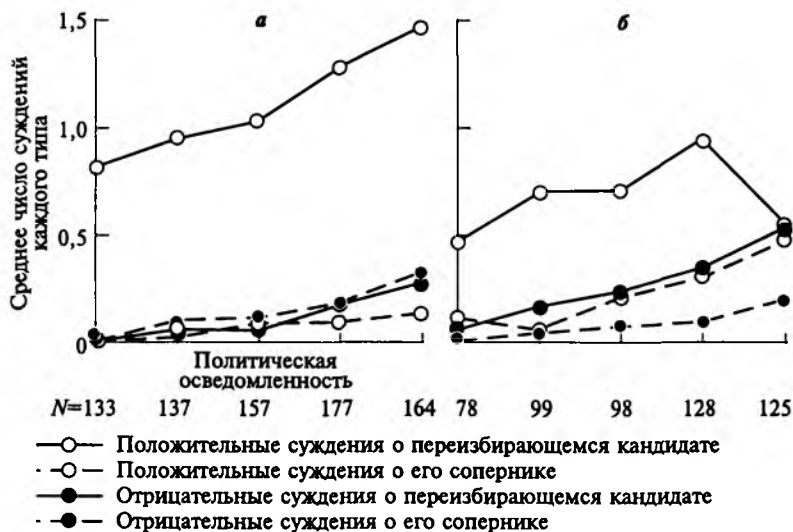

Рис. 10.4. Типы суждений о кандидатах, сформированные во время кампании по выборам в палату представителей, у сторонников партии переизбирающегося кандидата — *a* и партии его соперника — *b*
 Источник. Исследование NES 1978 года.

Продолжим рассмотрение того, каким образом избиратели приобретают в политических кампаниях суждения о кандидатах.

Мы можем достаточно много узнать об этом из представления распределения первичных данных на рис. 10.3. Здесь даны отдельные обобщенные показатели общей оценки переизбирающегося кандидата при низкоконкурентных (*a*) и высококонкурентных (*b*) выборах в палату представителей, которые определяются как выборы, на которые затрачивают менее или более 40 тыс. долларов. При обоих типах выборов наблюдается сильная положительная связь между политической осведомленностью членов партии переизбирающегося кандидата и их общей оценкой. Наибольшие значения общей оценки переизбирающегося кандидата говорят о его одобрении, а применительно к сторонникам его партии — о том, что более высокий уровень политической осведомленности связан с устойчивой большей поддержкой переизбирающегося кандидата. В кривых, описывающих такую положительную связь, нет даже намека на немонотонность, проявляющуюся вследствие сопротивления хорошо разбирающихся в политике граждан.

И это неудивительно. У хорошо информированных избирателей — сторонников партии переизбирающегося кандидата — нет оснований сопротивляться сообщениям, с которыми они сталкиваются во время кампании и которые убеждают голосовать за него.

Среди избирателей, которые не являются членами партии переизбирающегося кандидата, наблюдается сильная немонотонность между политической осведомленностью и общей оценкой кандидатов. И еще, общая оценка переизбирающегося кандидата среди хорошо разбирающихся в политике сторонников другой партии сильно снижается при высокой конкуренции на выборах (см. рис. 10.3б); значит, вероятность того, что они будут голосовать за переизбирающегося кандидата, при высокоинтенсивной кампании гораздо ниже. Другими словами, сторонники партии соперника, хорошо разбирающиеся в политике, хотя и в наибольшей степени подвержены влиянию кампании, проявляют тем не менее бóльшую сопротивляемость доминирующим сообщениям о переизбирающемся кандидате, нежели их сторонники со средним уровнем осведомленности. А особенно высокий уровень сопротивления кампании переизбирающегося кандидата они демонстрируют при выборах с высоким уровнем конкуренции.

Почему так происходит?

Расчленим общую оценку переизбирающегося кандидата сторонниками партии соперника на составные части, т. е. выделим, что им нравится/не нравится в переизбирающемся кандидате. Результат получается поразительный (рис. 10.4б): наблюдается только слабая немонотонность, вызванная сопротивлением приверженности хорошо разбирающихся в политике сторонников этой партии. И данную немонотонность, точнее — намек на немонотонность, мы имеем лишь на одной кривой рис. 10.4. Главный же вывод, который можно сделать при анализе рис. 10.4, заключается в следующем: чем выше уровень политической осведомленности индивида, тем более вероятно, что он будет говорить о чертах, которые ему нравятся или не нравятся в обоих кандидатах, *даже вопреки своей партийной приверженности*.

Признаемся, примечательный, но несколько обескураживающий вывод. Если рост политической осведомленности означает усиление восприимчивости по отношению к обоим влияниям (это, по всей видимости, показывает рис. 10.4), то как же получается, что между осведомленностью и долей го-

лосующих за кандидата не от своей партии наблюдается отмеченное нами ранее немонотонное отношение? Ответ достаточно очевиден. На рисунке ясно видно, насколько количество суждений о переизбирающемся кандидате превышает количество всех остальных суждений. Среди наименее осведомленных избирателей от своей партии положительные суждения о переизбирающемся кандидате являются едва ли не единственным типом ответа. Больше того, среди избирателей от другой партии число положительных суждений о переизбирающемся кандидате примерно в четыре раза превышает число положительных суждений о его сопернике.

Многие кандидаты, впервые баллотирующиеся в палату представителей, являются чуть ли не невидимками. Однако, хотя их и не видит большинство избирателей, наиболее осведомленные граждане все же получают некоторую информацию. Это, оказывается, и есть ключ к пониманию того, как хорошо разбирающиеся в политике сторонники другой партии оказывают сопротивление доминирующей кампании переизбирающегося кандидата. Только наиболее осведомленные избиратели воспринимают противодействующие суждения кампании его соперника, что дает им информационную основу для сопротивления переизбирающемуся кандидату.

Сторонники партии соперника переизбирающегося кандидата, хорошо разбирающиеся в политике, не просто критически относятся к последнему; они интериоризируют оппозиционную информацию, которая позволяет им поддерживать кандидата от своей партии.

Что касается отрицательных суждений о переизбирающемся кандидате, их количество резко возрастает вместе с политической осведомленностью, причем особенно среди избирателей от другой партии. Это дает хорошо осведомленным избирателям от другой партии, и никому больше, еще одно информационное основание для сопротивления переизбирающемуся кандидату.

Таким образом, хорошо разбирающиеся в политике представители оппозиционной партии являются единственной группой электората, где суждения в пользу переизбирающегося кандидата не подавляют все остальные. Только граждане из указанной группы способны заметить относительно низкоинтенсивную кампанию своего кандидата и тем не менее, в соответствии со своей партийной приверженностью, принимать предлагаемую о нем информацию. Их со-

противление переизбирающемуся кандидату основано на восприимчивости слишком слабого информационного потока, который не в состоянии повлиять на массу их менее осведомленных сторонников.

Все это, разумеется, является ясной и прямой демонстрацией противодействующего сопротивления. По сути, мы имеем тот же механизм, посредством которого объяснили непроницаемость искушенных в политике либералов по отношению к доминантным сообщениям на раннем этапе войны во Вьетнаме. Единственное отличие здесь заключается в следующем: благодаря тому, что в связи с выборами в палату представителей оказываются доступными более подходящие данные, можно напрямую наблюдать влияние противодействующего потока сообщений на уровне суждений.

До сих пор исследование концентрировалось на инерционном и оппозиционном сопротивлении по отношению к доминантной кампании переизбирающегося кандидата, и мы обнаружили, что и то, и другое сопротивление чаще встречается среди граждан с более высоким уровнем осведомленности. А как обстоит дело с сопротивлением приверженности, т. е. со склонностью людей отказываться принимать суждения, которые неконсистентны с их политическими предрасположенностями?

Хотя я этого и не подчеркивал, нам уже встречались свидетельства сопротивления приверженности. Достаточно обратиться, например, к рис. 10.3. Нетрудно заметить, что приверженцы партии переизбирающегося кандидата гораздо чаще, чем сторонники другой партии, набирали большое количество положительных суждений о переизбирающемся кандидате в показателе общей оценки кандидатов. И неудивительно, сторонники партии переизбирающегося кандидата предпочтительно принимали соответствующую их убеждениям информацию о нем и отвергали информацию противную.

Пока остается только неясным, усиливает ли политическая осведомленность сопротивление приверженности. В процессе анализа отношений между осведомленностью и суждениями о кандидатах (см. рис. 10.4) были обнаружены лишь слабозаметные следы немонотонности, возникшей вследствие большего сопротивления приверженности политически осведомленных граждан. Эти первичные данные надо проверить более тщательно.

Провести соответствующую проверку я предлагаю, сделав положительные и отрицательные суждения о каждом кандидате зависимыми переменными в уравнениях, описывающих

процесс их восприятия и принятия. При статистической оценке четырех уравнений, подобных уравнению (10.1), по каждому будут определяться, в зависимости от влияния индивидуальных и агрегированных переменных, вариации одного из показателей количества суждений о каком-то кандидате.

Если наши предварительные выводы были верными, то при такой статистической оценке мы должны обнаружить: на восприятие информации о кандидате наибольшее влияние на агрегированном уровне оказывает интенсивность кампании, а на индивидуальном — различия в степени внимания к политике, причем обычный уровень осведомленности лишь незначительно воздействует на принятие суждений или вообще не имеет значения. Другими словами, мы должны обнаружить, что осведомленность влияет на формирование суждений только в процессе восприятия (об этом свидетельствует и рис. 10.4).

Модель, которую мы будем тестировать, выглядит следующим образом.

Общая оценка кандидатов $ij =$

$$\frac{\sum^4 (\text{Положительные черты} | \text{Отрицательные черты})_n}{\sum^4 (\text{Восприятие}_{ij}) (\text{Принятие}_{ij} | \text{Восприятие}_{ij})_n} \quad (10.3)$$

Здесь индекс i относится к индивидуальным различиям, j — к различиям между районами, а n — к одному из четырех типов суждений. При оценке этой модели я допускаю, что функции восприятия и принятия являются логистическими, как и уравнение (10.1).

Переменные в модели (10.3) несколько сложнее, чем обычно, так что они требуют дополнительного внимания.

Измерение восприятия информации в избирательной кампании. В качестве переменных индивидуального уровня, оказывающих влияние на восприятие информации в предвыборной кампании, в уравнении (10.1) используются политическая осведомленность, которая измеряется как обычно выражаемый респондентом уровень интереса к политической кампании, а также его участие в выборах в конгресс в 1978 году. Последние два показателя я добавляю, потому что в исследовании NES 1978 года меньше вопросов на политическое знание и они слабее, нежели в большинстве других опросов NES.

Обращение к переменным «интерес к кампании» и «участие в выборах» в качестве показателей восприятия поднимает

достаточно глубокий вопрос. На протяжении этой книги я пытался измерять *обычный* уровень политической осведомленности индивидов, под которым я понимаю долговременную осведомленность, не зависящую от уровня осведомленности в какой-то конкретной кампании или по какому-то конкретному вопросу. Я настаиваю именно на постоянном уровне, в противовес эпизодическому вниманию. Человек, уделяющий много внимания политике во время одной кампании, может проявить меньше сопротивления приверженности или инерционного сопротивления, нежели тот, кто постоянно уделяет внимание политике, даже если во время данной кампании их внимание к политике одинаково.

Эта особенность очень важна, поскольку и признаваемый самим респондентом уровень внимания к политике, и участие в выборах несколько выше в тех районах, где предвыборная кампания интенсивная. Ее интенсивность и побуждает граждан проявлять больший интерес к политике, большую избирательную активность, чем обычно. Возникающую сложность, однако, легко преодолеть, очистив оба показателя от эффекта варьирующейся по районам интенсивности кампании, которая понимается как объем медиа-публикаций. После такой корректировки любая из переменных становится показателем обычного уровня осведомленности, который не зависит от конкретной кампании.

Влияют же на восприятие информации в избирательной кампании следующие различия *между районами*: затраты на проведение кампании переизбирающегося кандидата и его соперника; интенсивность медиа-потока; срок пребывания на своем посту в палате представителей переизбирающегося кандидата.

По затратам на проведение кампании требуется краткий комментарий.

Как показывают другие исследования, затраты переизбирающегося кандидата отчасти определяются уровнем затрат его соперника и тем, насколько успешно провел этот переизбирающийся кандидат свою предыдущую избирательную кампанию. Затраты его соперника, в свою очередь, зависят от его качеств (их можно операционализировать, например, как политические навыки или прошлый опыт), от того, насколько успешно переизбирающийся кандидат провел свою предыдущую избирательную кампанию (чаще всего против слабого переизбирающегося кандидата выставляется сильный сопер-

ник, тратящий на кампанию много денег), и от стажа переизбирающегося кандидата [109; 113].

Что касается интенсивности медиа-потока, объем газетных сообщений о выборах в конгресс зависит от затрат переизбирающегося кандидата, затрат его соперника и качеств обоих кандидатов [244].

Никто еще не смог выяснить, как именно взаимодействуют эти несколько переменных, и я тоже не могу распутать клубок. В дальнейшем мною будут использоваться в модели все переменные (чтобы зафиксировать их влияние в редуцированной форме). Пытаться же делать выводы на основании относительной величины отдельных коэффициентов я не буду. Вместо этого я намерен использовать все коэффициенты для моделирования общего влияния выборов: высокоинтенсивных (высокие затраты обоих кандидатов, большой объем медиа-публикаций) и низкоинтенсивных (средние затраты переизбирающегося кандидата, низкие затраты его соперника и незначительный объем медиа-публикаций).

Измерение принятия информации в избирательной кампании. Я буду использовать четыре переменных индивидуального уровня, каждая из которых соотносится с определенным теоретическим понятием. Очень важно прояснить, что же это за понятия.

Первая переменная в функции принятия — *партийная идентификация*, которая измеряется при помощи традиционного вопроса о партийной идентификации. Сильный коэффициент при этой переменной показывает *влияние партийной приверженности на обработку информации*, т. е. склонность сторонников определенной партии, при прочих равных условиях, принимать положительную информацию о кандидате от своей партии и сопротивляться информации о кандидате от оппозиции. Как обычно, первая переменная кодируется по пятибалльной шкале, в которой различаются сильно идентифицирующие себя с партией (± 2), слабо идентифицирующие себя с партией и не идентифицирующие себя с партией, но симпатизирующие ей (± 1) и совсем не идентифицирующие себя с какой-либо партией (0). Большие баллы получают сторонники партии кандидата от оппозиции.

Вторая переменная в функции принятия — *идеологическая дистанция* от переизбирающегося кандидата и его соперника.

Показатель идеологической дистанции от переизбирающегося кандидата фиксирует расстояние вправо/влево между

политическими предпочтениями индивида (которые измеряются на основании вопросов NES) и регистрацией переизбирающегося кандидата. Последняя операционализируется как рейтинг в поименном голосовании в организациях «Американцы за демократические действия» («Americans for Democratic Action») и «Американский консервативный союз» («American Conservative Union»)¹. Большой коэффициент при этой переменной свидетельствует о влиянии партийной приверженности на интериоризацию поступающих сообщений.

Данные о политической ориентации кандидата от оппозиционной партии недоступны, и поэтому я не мог построить для него такой же надежный показатель идеологической дистанции. Однако мною учитывалось то, что либеральные представители общественности (демократы чаще всего занимают позицию левее республиканцев) будут скорее всего ближе к демократам, чем к республиканцам, в то время как массы консерваторов будут склоняться к республиканской партии. Исходя из этого, я использовал вопросы о правой/левой ориентации и соотносил их с принадлежностью кандидата к демократической или республиканской партии, чтобы рассчитать идеологическую дистанцию от него.

Третья переменная в функции принятия — *инерция*. Эта переменная, которая рассчитывалась как общее число положительных и отрицательных суждений о партиях, описана выше. Большой коэффициент при этой переменной показывает, что имеющаяся у избирателя информация о партиях отталкивает информацию о кандидате, которая неконсистентна с партийной ориентацией индивида. Следует отметить, что в рамках ВПФ-модели не предполагается, что уже имеющиеся суждения влияют на интериоризацию новых суждений; считается, что они дают только инерционное сопротивление, т. е. снижают влияние новых суждений.

И последняя переменная в функции принятия — *политическая осведомленность*. Эта переменная не только является косвенным показателем объема имеющихся суждений и вос-

¹ Идеологическая дистанция рассчитывается поэтапно. Сначала строят показатель левой/правой ориентации для каждого опрошенного респондента. Далее находят среднее из рейтингов переизбирающегося кандидата в организациях «Американцы за демократические действия» и «Американский консервативный союз» за последние два года. Оба показателя стандартизируют. Из одного стандартизованного z-показателя вычитают другой и берут абсолютную разницу между показателями (более подробно см. в Указателе переменных).

приятия оппозиционной информации; она может усилить сопротивление приверженности по отношению к доминантным сообщениям, поскольку показывает, что данный индивид может воспринимать сообщения-подсказки, которые позволяют ему видеть отношения между своими ценностями и убеждающим сообщением. Так как инерция и восприятие оппозиционной или противодействующей информации определяются в функции принятия другими показателями, оставшееся влияние политической осведомленности можно отнести на счет сопротивления приверженности.

Осталось обсудить еще один вопрос. Как говорилось раньше, было бы совершенно нереалистично допускать, что положительные и отрицательные суждения о кандидатах полностью исчерпывают все, что интериоризировал индивид за время избирательной кампании. При прочих равных условиях беспокоит только то, что некоторые индивиды могут быть более разговорчивыми (или они лучше помнят релевантную информацию, или просто более говорливы). Чтобы проконтролировать эти индивидуальные различия, я взял общее число положительных и отрицательных суждений каждого индивида (независимо от их направленности) о политических партиях в качестве характеристики памяти и/или говорливости и использовал его как показатель помехи в функции принятия. Люди, которые могли много что сказать о партиях, как и ожидалось, при прочих равных условиях говорили больше и о кандидатах. (То, что здесь понимается как говорливость, пересекается с индивидуальным уровнем политической осведомленности. Поскольку осведомленность измеряется при помощи других переменных, это не имеет значения.)

Опираясь на число положительных и отрицательных суждений, можно моделировать распространение положительных и отрицательных суждений о каждом из кандидатов под влиянием нескольких показателей агрегированного уровня, характеризующих информационные потоки, — кампании переизбирающегося кандидата, кампании его соперника, объема медиапубликаций и сообщений о переизбирающемся кандидате, накопленных за время его деятельности на посту представителя (стаж). На индивидуальном уровне респонденты могут быть более или менее вовлеченными в эти информационные потоки, в зависимости от своего уровня политической осведомленности. Они могут проявлять большее или меньшее сопротивление сообщениям, с которыми они сталкиваются, что пред-

определено их партийной идентификацией, политической ориентацией, уже сформировавшимися суждениями и осведомленностью.

Результаты оценки модели приведены в табл. 10.3¹. Как и в других моделях процесса восприятия-принятия, необходимо провести графический анализ, чтобы в полной мере определить роль коэффициентов. Однако некоторые выводы можно сделать уже на основании анализа самих коэффициентов².

¹ Зависимой переменной в модели является сумма всех суждений данного типа, перекодированных в интервале от 0 до 1. Исходя из теоретического предположения, что интервалы между первым, вторым, третьим и четвертым суждениями могут быть неравными, я провел эксперименты с различными модификациями зависимой переменной. Существенного изменения результатов не было.

² Мне бы хотелось прокомментировать две переменные из функции восприятия: преимущество переизбирающегося кандидата на предыдущих выборах и число дней между выборами и интервьюированием данного респондента. Играя лишь косвенную роль в моем исследовании, они тем не менее представляют значительный интерес.

Первую переменную — преимущество переизбирающегося кандидата на предыдущих выборах — используют, чтобы учесть влияние восприятия на предыдущих кампаниях, в которых он доминировал. Знак при коэффициенте этой переменной показывает, что, как и ожидалось, переизбирающиеся кандидаты, которые выиграли предыдущие выборы с большим преимуществом, при прочих равных условиях имеют лучшее сальдо положительных и отрицательных суждений, чем те кандидаты, которые в прошлый раз победили лишь с небольшим отрывом. Этот эффект статистически незначим и очень невелик. А значение практически нулевого результата заключается в том, что напряженное соперничество на предыдущих выборах косвенно влияет на свойства кандидата и его затраты, но не оказывает прямого долговременного воздействия на оценку кандидата. Данное заключение схоже с доказательствами Джекобсоном и Кернеллом [111] того, что влияние экономики на результаты выборов в конгресс в значительной мере опосредовано промежуточным эффектом стратегии политиков.

Другая переменная — число дней между выборами и интервьюированием респондента — используется для контроля вероятности того, что прошедшее время может уменьшить способность или мотивацию людей к объяснению, почему им нравятся или не нравятся кандидаты. Отрицательное значение коэффициента этой переменной показывает, что она оказывает влияние в ожидаемом направлении в трех из четырех случаев, однако ее воздействие не является ни большим, ни статистически значимым.

Я уже отмечал, что говорливость — число положительных и отрицательных суждений — влияет в ожидаемом направлении: чем больше человек говорит о двух политических партиях, тем больше он говорит и об обоих кандидатах в палату представителей. Эффект этот имеет среднюю величину и является статистически значимым, однако в теоретическом плане он неинтересен. Тем не менее способность контролировать разговорчивость повышает адекватность модели и тем самым возможность правильно оценить все остальные факторы.

Таблица 10.3

**Коэффициенты распространения положительных
и отрицательных суждений в кампании
по выборам в палату представителей в 1978 году**

Переменные	Положительные суждения о переизбирающемся кандидате	Отрицательные суждения о переизбирающемся кандидате	Положительные суждения о его сопернике	Отрицательные суждения о его сопернике
<i>Функция восприятия</i>				
Отрезок	-4,43	-8,92	-7,90	-8,21
Политическая осведомленность (стандартизированная)	0,58 (0,08)	1,11 (0,29)	0,71 (0,18)	0,71 (0,34)
Общий интерес (шкала 1-3)	0,20 (0,07)	0,06 (0,15)	0,88 (0,14)	0,43 (0,14)
Участие в выборах в 1978 г. (шкала 0-1)	0,85 (0,11)	0,74 (0,24)	0,28 (0,18)	1,05 (0,24)
Затраты переизбирающегося кандидата (десятки тысяч долларов)	0,86 (0,21)	2,36 (0,58)	1,10 (0,46)	1,54 (0,45)
Затраты его соперника (десятки тысяч долларов)	-0,11 (0,11)	0,25 (0,24)	1,61 (0,25)	1,61 (0,24)
Объем медиа-публикаций (интервал 0,6-1,9)	1,34 (0,19)	2,59 (0,69)	0,86 (0,26)	1,48 (0,31)
Стаж (логарифм количества лет в должности)	0,42 (0,16)	2,02 (0,51)	— —	— —
Преимущество переизбирающегося кандидата на предыдущих выборах (логарифм разницы в процентах)	0,13 (0,12)	-0,13 (0,27)	— —	— —
Число дней после выборов (интервал 1-75)	-0,0024 (0,0027)	0,004 (0,006)	-0,006 (0,005)	-0,008 (0,005)
<i>Функция принятия</i>				
Отрезок	1,60	-2,26	0,07	-0,54
Политическая осведомленность (стандартизированная)	-1,43 (0,32)	-0,25 (0,30)	-0,89 (0,39)	-0,04 (0,55)
Говорливость (число суждений о партиях)	0,32 (0,08)	0,11 (0,03)	0,15 (0,07)	0,21 (0,09)
Партийная приверженность (шкала от -2 до +2)	-0,45 (0,13)	0,20 (0,06)	0,19 (0,12)	-0,14 (0,12)

Инерция приверженности (общее число положительных и отрицательных суждений о партии)	-0,00 (0,07)	0,07 (0,04)	0,27 (0,11)	0,20 (0,10)
Идеологическая дистанция от переизбирающегося кандидата	-0,47 (0,16)	0,52 (0,07)	— —	— —
Шкала вопросов о политической ориентации (стандартизированная)	— —	— —	0,13 (0,12)	-0,47 (0,19)

Примечания:

1. В качестве зависимых переменных берется общее число всех замечаний данного типа, перекодированное в интервале от 0 до 1. В каждом вопросе кодировалось до четырех суждений, за исключением вопросов о недостатках соперника переизбирающегося кандидата (здесь учитывались только два замечания, поскольку никто не высказывал четырех суждений и меньше половины процента людей высказали хотя бы три).

2. Модель на основе уравнения (10.1) оценивалась нелинейным методом наименьших квадратов.

3. Примерное значение стандартной ошибки указано в скобках.

4. Число опрошенных в районах, где в выборах повторно участвовал уже занимающий пост конгрессмен, составляет 1545 человек.

Источник. Исследование NES 1978 года.

В функции восприятия в первую очередь следует отметить: переменная «стаж» имеет значимый коэффициент в уравнениях, описывающих количество и положительных, и отрицательных суждений о кандидате. Это определенно говорит о том, что стаж, как и предполагалось ранее, производит неоднозначные эффекты, т. е. создает немонотонный паттерн.

Наверное, такие эффекты действуют взаимопогашающе. Но не везде. Поскольку отрезок в функции восприятия в уравнении, описывающем количество отрицательных суждений о переизбирающемся кандидате, невелик, стаж оказывает сильное влияние только при больших значениях всех остальных переменных в функции восприятия. Таким образом, негативное влияние стажа проявляется лишь при высоком уровне конкуренции на выборах. В то же время отрезок в функции восприятия в уравнении, описывающем количество положительных суждений о переизбирающемся кандидате, гораздо больше. Если быть более конкретным, он наибольший во всех четырех уравнениях. Значит, положительное воздействие стажа обнаруживается даже при небольших значениях других переменных в функции восприятия, т.е. и на выборах низкой ин-

тенсивности (о том, почему переменные в логистической функции взаимодействуют одна с другой, см. гл. 7, рис. 7.3).

Анализ данных табл. 10.3 свидетельствует о неоднозначном влиянии стажа: оно положительное при низкоинтенсивных выборах и отрицательное при больших затратах на проведение кампаний. Этот вывод, непосредственно подтверждаемый и при графическом анализе, подкрепляет результаты моего предыдущего исследования: среди избирателей, голосующих за кандидата не от своей партии, стаж помогает переизбирающемуся кандидату при слабой конкуренции и вредит при сильной (см. также табл. 10.1).

Сенатор Эдвард Кеннеди из Массачусетса представляет собой пример политика, стаж которого именно так неоднозначно проявил себя. При низкоинтенсивных выборах его обаяние и семейная принадлежность дают ему фору, помогая выиграть выборы с большим преимуществом. Но при выборах с высоким уровнем конкуренции опытный политик может, даже не касаясь вопросов о личной жизни Кеннеди, обратить большой стаж сенатора против этого невозмутимого либерала. Таким образом, возможный негативный эффект большого стажа Кеннеди обнаруживается только в присутствии сильного потенциального соперника.

Настоящее исследование неоднозначного влияния стажа представляется более обоснованным, чем прежде: оно опирается на статистически значимые коэффициенты и более полную выборку, в которую входят все респонденты, а не только те, которые голосуют за кандидата не от своей партии¹. Такой анализ дает, кроме того, более информативные в теоретическом плане результаты; разложив политическую кампанию на составные части и определив их относительную интенсивность, мы смогли показать причины неоднозначного влияния стажа.

По переменным в функции восприятия нужно отметить еще одно обстоятельство. Хотя в каждой из четырех моделей распространения суждений о кандидатах есть три показателя индивидуального уровня, характеризующие внимание к политике, коэффициенты при каждом из этих показателей во всех случаях имеют тот знак, который и предполагался, и являются статистически значимыми в десяти случаях из двенадцати.

¹ Возможно, что здесь проявится взаимодействие между переменными, так как против переизбирающихся кандидатов с большим стажем не выставляют свою кандидатуру сильные соперники (если в их профессиональной биографии нет никаких проблем). Чтобы рассмотреть эту возможность, надо провести анализ в духе того, что делал Вестли [244, гл. 8].

Если к сказанному добавить большие, как обычно, значения коэффициентов, то очевидно, что индивидуальные различия между гражданами — важнейшие факторы в процессе интериоризации суждений о кандидатах.

Теперь о коэффициентах в функции принятия.

Показатель инерции оказался совсем ненадежным. Два коэффициента при этом показателе варьируются от умеренно сильного и действующего в ожидаемом направлении до тоже умеренно сильного, но действующего в совершенно другом направлении; в двух случаях коэффициент почти равен нулю¹. Это свидетельствует об ограничении, налагаемом сформировавшимися ранее суждениями, о которых говорит переменная «инерция» и которые являются основой для сопротивления поступающим сообщениям доминантной политической кампании. Инерция — важный противовес новой информации в рамках кампании в момент принятия решения о голосовании; она, однако, не имеет однозначного влияния на интериоризацию новой информации о кандидате в виде положительных или отрицательных суждений.

С другой стороны, переменные «партийная приверженность» и «идеологическая дистанция» во всех уравнениях действуют в предполагаемом направлении; в пяти случаях из восьми коэффициенты при них являются статистически значимыми. Это говорит о наличии влияния партийности на обработку гражданами информации о кандидате, с которой они сталкиваются: при условии восприятия определенного множества сообщений люди склонны принимать из них те, которые близки им по духу, и отвергать те, которые неконсистентны. Все это нельзя с уверенностью утверждать на основе элементарного просмотра коэффициентов; тем не менее их общее влияние достаточно велико, что вскоре станет видно при графическом анализе.

Сказанное приводит нас к последней из важных переменных в функции принятия — политической осведомленности. Осведомленность, играя роль в возникновении сопротивления приверженности по отношению к положительной информации о переизбирающемся кандидате и его сопернике в момент

¹ Единственный коэффициент, получивший правильный знак и статистически значимый, возникает в модели положительных суждений о кандидате-сопернике, в которой, как отмечалось выше, мой показатель идеологической дистанции до кандидата достаточно спорен. Поэтому можно быть уверенными, что инерция проявляется здесь скорее как заместитель идеологической дистанции, а не как показатель инерционного сопротивления.

ее предъявления, не создает сопротивления по отношению к негативной информации об обоих кандидатах.

Не зная, что делать с такими разнородными результатами, я провел параллельно исследование эффектов осведомленности в формировании сопротивления суждениям о кандидатах на выборах в сенат и президентских выборах 1984 года. Исследование позволило мне сделать следующий вывод: осведомленность не имеет сильной связи с сопротивлением положительным и отрицательным суждениям и о переизбирающемся кандидате, и о его сопернике¹. И с учетом всех трех типов выборов можно предположить, что осведомленность оказывает относительно небольшое воздействие на сопротивление приверженности по отношению к убеждающим сообщениям на уровне информации о кандидате, даже если, как мы видели на рис. 10.1, политическая осведомленность сильно связана с сопротивлением кампании переизбирающегося кандидата при голосовании на выборах в палату представителей. (Для сравнения см. данные о выборах в сенат и президентских выборах на рис. 10.6.)

Вроде бы налицо противоречие: осведомленность, повысившая сопротивление приверженности в тот момент, когда человек столкнулся с сообщением, дала только один из трех возможных эффектов сопротивления доминантному сообщению; два же других механизма сопротивления, опосредованные осведомленностью (инерционное и особенно противодействующее сопротивление), сильно влияют даже тогда, когда сопротивление приверженности незаметно. И все же вполне уместно спросить, почему, в отличие от того, что происходит в других областях, в партийных выборах осведомленность почти или даже совсем не усиливает сопротивления в процессе формирования суждений о кандидатах. Вспомним, в частности, что политическая осведомленность была связана с сопротивлением идеологически неконсистентным суждениям в вопросах, по которым элиты разделены (трудовые гарантии, затраты на государственный сектор, помощь чернокожим, а также эффективность работы президента, см. табл. 8.2, 8.3 и рис. 8.7).

Сложно найти определенный ответ на данный вопрос, опираясь на доступные нам в настоящее время данные, однако некоторый вывод сделать можно.

¹ В частности, ни в одном из случаев я не обнаружил, чтобы коэффициент при показателе осведомленности в функции принятия модели восприятия-принятия суждений о кандидате был бы статистически значимым, за исключением двух случаев в табл. 10.3.

Прежде всего, следует отметить, что при формировании суждений о кандидатах сопротивление полностью не отсутствует. Суждения, формирующиеся у демократов и либералов, сильно отличаются от тех, которые формируются у республиканцев и консерваторов (см. табл. 10.3). Суждения о кандидатах отличаются от суждений о политических проблемах только тем, что в первом случае наименее осведомленные граждане руководствуются принципом партийности не меньше, чем наиболее осведомленные. Если ВПФ-модель верна, то это может происходить только по одной причине: подсказывающая информация, необходимая для сопротивления приверженности, в предвыборных кампаниях (особенно при выборах в сенат или президентских) гораздо более доступна, чем в других политических ситуациях. Добавим, настолько доступна, что ее могут воспринимать даже наименее осведомленные граждане.

Скорее всего, фактическая ситуация именно такая. Конкурентные выборы представляют собой соперничество оппозиционных партийных групп. В новостных сообщениях, как и в политической рекламе — основном источнике информации о кандидате, обычно указывается партийная принадлежность кандидатов. Поэтому любой, кто сталкивается с информацией о кандидате, легко может понять его партийную принадлежность. Иначе обстоит дело в неэлекторальных политических сообщениях. Мне неизвестны соответствующие исследования, но наблюдения говорят о том, что здесь новостные сообщения о политических проблемах редко дают четкую подсказку о партийных позициях.

Если это впечатление верно и если, как следует из ВПФ-модели, политическая осведомленность усиливает сопротивление приверженности именно благодаря ее связи с малодоступной или нечеткой подсказывающей информацией, то связь осведомленности именно с партийным сопротивлением, возникающим при партийных выборах, намного слабее, чем в других контекстах.

Таким образом, в целом внимание к политике, выражающееся в осведомленности, интересе и участии в голосовании, постоянно оказывает чувствительное и обычно статистически значимое влияние на восприятие информации о кампании. В то же время осведомленность влияет на процесс восприятия непоследовательно. Действие внимания к политике на интериоризацию суждений о кандидатах проявляется лишь в том, что оно влияет на восприятие информации.

Моделирование эффектов интенсивности кампании

Коэффициенты из табл. 10.3 в сочетании с уравнениями, при помощи которых они были получены, позволяют всесторонне проанализировать, как в кампании по выборам в палату представителей формируются установки. Применяя эти коэффициенты для графического моделирования, мы можем получить более ясное представление о динамике сопротивления предвыборным обещаниям.

Рассмотрим модели сначала с методологической точки зрения.

При использовании вопросов о положительных и отрицательных чертах кандидата в качестве показателя информации о нем, дошедшей до избирателей, я отметил одну деталь, которая может насторожить некоторых читателей, — все эти вопросы в основном фиксируют индивидуальные различия в мотивированности к обсуждению политики. Коэффициенты из табл. 10.3 в состоянии помочь нам проверить это. Итак, имеем слабо- и сильноинтенсивные выборы. Допустим, что в первых повторно баллотируется кандидат, уже занимавший свой пост два года, а во вторых — десять лет. Среднее количество суждений типичного представителя партии оппозиции при низком уровне конкуренции составляет 0,27, а при выборах с высоким уровнем конкуренции 2,51. Различие в полной мере объясняется разной интенсивностью кампаний. Модельное число замечаний в гипотетических выборах, где вообще нет предвыборной агитации (без затрат обоих кандидатов, при самом низком объеме медиа-публикаций и с нулевым стажем переизбирающегося кандидата, который мог бы быть источником информации о нем), составляет 0,20. При этом практически все замечания исходят от граждан со средним и особенно высоким уровнем осведомленности, которые объясняют, почему им нравится переизбирающийся кандидат. Такой результат можно считать довольно скромным, во всяком случае в свете того, что члены палаты представителей постоянно стараются получить поддержку избирателей между выборами.

Приведенные данные должны устранить всякие основания для предположения, что объем положительных и отрицательных суждений отражает всего лишь индивидуальные различия в желании говорить о политике. Конечно, между людьми существуют индивидуальные различия в восприимчивости к политическим кампаниям, однако способность высказываться о

кандидатах в значительной степени зависит от того, насколько интенсивной была кампания.

Теперь перейдем к более содержательным вопросам.

Из рис. 10.2 было видно, что увеличение стажа и интенсивности кампании приводит к значительным изменениям моделей голосования за переизбирающегося кандидата не от своей партии (по сравнению с базисной кривой, описывающей влияние информационного потока на голосование за переизбирающегося кандидата, занимавшего свой пост два года и проводившего достаточно слабую кампанию). Тому же влиянию стажа и интенсивности кампании посвящен рис. 10.5; единственное отличие — на уровне суждений.

Из рис. 10.5а следует, что увеличение стажа переизбирающегося кандидата с двух лет до десяти приводит к небольшому увеличению его общей оценки, и это измерение сравнимо с базисным распределением. Указанное же увеличение проявляется в основном среди сторонников партии оппозиции, которые обладают средним и низким уровнем осведомленности, т. е. в той группе избирателей, на которую в исследовании голосования за кандидата не от своей партии стаж раньше оказывал наибольшее влияние.

Согласно рис. 10.5б, увеличение интенсивности кампании приводит к увеличению поддержки переизбирающегося кандидата среди наименее осведомленных и к ее уменьшению среди наиболее осведомленных сторонников другой партии (по сравнению с базисным распределением). Как нетрудно заметить, эти результаты соответствуют отраженным на рис. 10.2 эффектам интенсивности кампании в отношении голосования за кандидата не от своей партии¹.

При тех различиях в методах, которые были использованы для построения графиков на рис. 10.2, где представлены дан-

¹ В этой и последующих моделях суждений о кандидатах влияние политической осведомленности имитируется посредством одновременного использования трех показателей осведомленности: знания, интереса и участия в выборах. Знание варьируется в интервале от $-1,8\sigma$ до $1,5\sigma$, и эта асимметрия отражает перекося в распределении показателя. Интерес на рис. 10.2 включался в шкалу осведомленности, а здесь он используется как отдельная переменная в функции восприятия и для удобства моделирования варьируется в интервале от 1,0 до 2,6 по первоначальной трехбалльной шкале, откорректированной, чтобы она была адекватной. Показатель участия в выборах принимает значения от 0 до 1 и тоже откорректирован. Показатель говорливости, т. е. общее число замечаний о партиях, фиксируется для всех случаев на уровне 2,0; поэтому нет необходимости в его корреляции с политической осведомленностью.

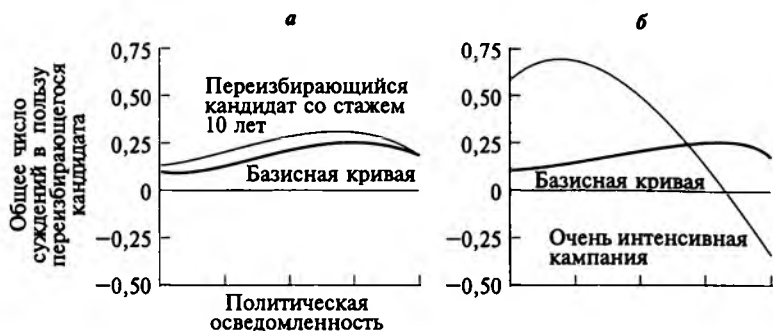

Рис. 10.5. Влияние информационного потока на формирование суждений среди сторонников партии оппозиции с типичной приверженностью на выборах в палату представителей; статистические оценки — на основе коэффициентов из табл. 10.3

Источник. Исследование NES 1978 года.

ные по 277 избирателям от оппозиционной партии, и рис. 10.5, где приведены данные по положительным и отрицательным суждениям полутора тысяч респондентов, соответствие результатов двух исследований кажется вполне впечатляющим. И тем не менее влияние стажа на суждения выглядит достаточно небольшим по сравнению с тем, какое влияние он оказывал на голосование за кандидата не от своей партии.

Объяснение этому можно найти в важном исследовании Манна и Вольфингера [165]. Они отмечают, что формирование личного электората у кандидатов, переизбирающихся в палату представителей, явно не связано с увеличением со временем способности избирателей вспомнить имя своего представителя. Преимущество переизбирающихся кандидатов заключается не в способности помнить, необходимо только распознавать имя переизбирающегося кандидата, находясь в кабинке для голосования. Следовательно, формирование личного электората может быть основано на чем-то большем, чем увеличение способности избирателей распознавать имена переизбирающихся кандидатов.

В чем суть этого тезиса? В том, что преимущество переизбирающегося кандидата, которое в наибольшей степени проявляется при заполнении избирательного бюллетеня, покоится на чрезвычайно непрочном когнитивном фундаменте. И это полностью соответствует полученным мною результатам: влияние стажа, который — я повторяю — просто репрезентирует то, что делает кандидат, чтобы сформировать личный электорат, заметно проявляется на рис. 10.2, т. е. при голосовании за

кандидата не от своей партии, и незначительно на рис. 10.5, который описывает суждения о кандидатах¹.

Наверное, незначительность влияния стажа, обнаруживаемая на рис. 10.5, является скорее всего надежным показателем того, что оно в действительности невелико, но не настолько, чтобы вообще не сказываться на голосовании, когда против переизбирающегося кандидата выставляет свою кандидатуру едва известный политик.

Прежде чем закончить с рассмотрением рис. 10.5, мне хотелось бы вернуться к вопросу о том, почему именно сильная интенсивность кампании оказывает неоднозначное воздействие. То, что графики на рисунке построены на основе компьютерного моделирования, позволяет с точностью определить причину такого неоднозначного эффекта. Как я и предполагал ранее, она заключается в особенностях информационных потоков. Обратимся к базисной кривой. Здесь общая оценка кандидатов формируется под влиянием не очень интенсивного доминантного потока сообщений о переизбирающемся кандидате и совсем уж слабого оппозиционного потока сообщений, призывающих голосовать за его соперника. При увеличении интенсивности кампании доминантные сообщения в поддержку переизбирающегося кандидата начинают доходить до избирателей с низким уровнем осведомленности, которые при слабой кампании этой информации не получали. Естественно, поддержка переизбирающегося кандидата среди наименее осведомленных сторонников другой партии повышается вместе с ростом интенсивности кампании. Оппозиционные сообщения о сопернике переизбирающегося кандидата также становятся более распространенными, но достигают только хорошо разбирающихся в политике граждан, которые, если они являются сторонниками оппозиционной партии, уже меньше симпатизируют переизбирающемуся кандидату.

Табл. 10.4, в которой приведены модельные средние количества доминантных суждений (положительных о переизбирающемся кандидате и отрицательных о его сопернике) и оппозиционных суждений (положительных о сопернике и отрицательных о переизбирающемся кандидате) при слабой и интенсивной кампаниях, проясняет сказанное выше. Модельные числа указаны

¹ Последнее влияние слабо в том смысле, что стаж мало воздействует на общую оценку; коэффициенты, относящиеся к его влиянию на количество положительных или отрицательных суждений в отдельности (см. табл. 10.3), не так уж и малы.

Таблица 10.4

**Влияние интенсивности кампании
на формирование суждений среди сторонников
оппозиционной партии с типичной приверженностью**

Тип кампании и ее эффект	Высокий уровень осведомленности		Низкий уровень осведомленности	
	В поддержку переизбираю- щегося кандидата	В поддержку его соперника	В поддержку переизбираю- щегося кандидата	В поддержку его соперника
Слабая кампания	0,24	0,07	0,16	0,01
Интенсивная кампания	1,09	1,43	0,92	0,26
Эффективность кампании	+0,85	+1,36	+0,76	+0,25
Чистая эффективность кампании	-0,41		+0,51	

Примечание. Модель основана на коэффициентах из табл. 10.3.

Источник. Исследование NES 1978 года.

отдельно для хорошо разбирающихся в политике и плохо информированных сторонников оппозиционной партии.

При малоинтенсивной кампании сторонники другой партии и с высоким, и с низким уровнем осведомленности не высказывают много суждений, и большая их часть — доминантные. А кампания соперника остается почти невидимой даже для хорошо разбирающихся в политике сторонников его партии.

В случае высокой интенсивности выборов у хорошо разбирающихся в политике избирателей больше суждений, но в основном оппозиционных, из-за чего общая оценка переизбирающегося кандидата оказывается ниже базисной кривой. В то же время влияние интенсивной кампании на сторонников оппозиционной партии с низким уровнем осведомленности проявляется совершенно иначе. Они, разумеется, предрасположены принимать оппозиционную информацию (см. табл. 10.3), однако до них в основном доходят лишь доминантные сообщения. Поэтому, в отличие от хорошо разбирающихся в политике сторонников оппозиционной партии, они принимают больше доминантных суждений, нежели оппозиционных; в результате для них общая оценка переизбирающегося кандидата выше базисной кривой.

Приведенные данные о влиянии разных информационных потоков поразительно похожи на примечательный случай изменения общественных установок в отношении вьетнамской войны между 1964 и 1966 годами, когда наименее осведомленные либералы стали больше поддерживать войну, в то время как наиболее осведомленные стали выступать против нее. Единственное отличие заключается в том, что в случае выборов в палату представителей мы можем зафиксировать влияние двух потоков информации и на уровне общих высказываний о предпочтениях (т. е. решения о голосовании, см. рис. 10.2), и на более элементарном уровне суждений, которые лежат в основе общей оценки.

Резюме о выборах в палату представителей

Исследование выборов в палату представителей позволило нам наилучшим образом описать динамику сопротивления доминантному политическому сообщению, и особенно роль осведомленности в этом сопротивлении.

Что же мы выяснили?

Конверс в своем исследовании информационного потока в партийных выборах предположил, что осведомленность создает сопротивление посредством одного четко действующего механизма. Более осведомленные граждане, как он утверждал, обладают большим объемом информации о своей партии, причем в течение длительного времени, и этот интериоризированный «балласт» позволяет им не поддаваться влиянию встречающихся им сообщений. Данные о выборах в палату представителей подтверждают такую точку зрения. Постоянно внимательные к политике граждане владеют большим числом исходных партийных суждений (см. табл. 10.2), которые связаны с сопротивлением по отношению к доминантной кампании переизбирающегося кандидата (см. табл. 10.1, вывод на стр. 340 этой главы и рис. 10.1). Сопротивление этого типа я назвал *инерционным*.

Но политическая осведомленность остается связанной с сопротивлением, даже когда контролируется опосредующий эффект инерционных суждений. Дело в том, что осведомленность, помимо всего прочего, усиливает также *сопротивление приверженности* по отношению к политическим сообщениям при их восприятии и решении вопроса, можно ли их принимать (см. табл. 10.3).

Здесь надо подчеркнуть: влияние основанного на осведомленности сопротивления убеждающим сообщениям не являет-

ся ни большим, ни консистентным; оно играет роль в сопротивлении доминантной кампании переизбирающегося кандидата, и эта роль невелика.

Сказанное подводит нас к сопротивлению третьего типа — сопротивлению по отношению к доминантным политическим кампаниям, или *оппозиционному*. Оно предполагает восприимчивость к источникам информации, существующим помимо доминантной кампании, т. е., в нашем случае, восприимчивость во время избирательной кампании к отрицательной информации о переизбирающемся кандидате и положительной информации о его сопернике.

Главный вывод (см. также рис. 10.4) заключается в следующем. Хорошо разбирающиеся в политике граждане — сторонники оппозиционной партии, в отличие от большинства других людей, получают значительные объемы информации из оппозиционной кампании кандидата-соперника; в результате у них, в отличие от всех остальных, появляются основания противодействовать переизбирающемуся кандидату и поддерживать его соперника. И еще, хорошо осведомленные сторонники оппозиционной партии имеют возможность сопротивляться доминантной кампании переизбирающегося кандидата хотя бы просто потому, что они его не поддерживают (пусть даже они и приняли о нем определенное число положительных суждений).

Противодействующее сопротивление хорошо разбирающихся в политике граждан есть не сопротивление само по себе, а способность воспринимать в политическом окружении не очень интенсивные сообщения. Оно оказывается наиболее важным источником сопротивления доминантным политическим кампаниям.

Можно возразить, что противодействующее сопротивление доминантной кампании на самом деле вообще является не сопротивлением, а всего лишь восприимчивостью к альтернативным коммуникативным источникам. Такое возражение, может быть, и обоснованно в тех случаях, когда противодействующий поток информации почти столь же интенсивен, как и доминантный. Но не следует забывать, что противодействующее сопротивление на более фундаментальном уровне предполагает влияние двух потоков сообщений и выбор того, который более соответствует убеждениям человека, а не того, который более интенсивен. Имеет смысл говорить о том, что одно сообщение выбрано, а другое отвергнуто, только если возможен этот автономный выбор.

Выборы в палату представителей в сравнительной перспективе

Большинство исследований электорального поведения, как я показывал в гл. 1, концентрируются только на одном типе выборов. Поскольку настоящее исследование выборов в конгресс описывалось в терминах ВПФ-модели, было бы целесообразно попытаться обобщить его, распространив на большее число случаев. Именно это я и собираюсь предпринять ниже.

Не следует, конечно, ожидать, что в разных случаях будут проявляться совершенно одинаковые модели голосования. Можно, однако, предположить, что одинаковым окажется *базовый процесс*. Если это так, то электоральное поведение при разных типах выборов будет в своей основе схоже (когда принимается во внимание систематическое варьирование информационных потоков). Поскольку выборы в палату представителей дают избирателям меньше информации по сравнению со всеми остальными типами выборов в Америке и в этом смысле возникают определенные ограничения, встает естественный вопрос: что происходит с электоральным поведением при увеличении интенсивности кампании, которая дает избирателям больший объем информации о кандидатах.

Чтобы ответить на него, я сравнил данные о голосовании за переизбирающегося кандидата не от своей партии при других типах выборов: в сенат (сильно- и слабоинтенсивные кампании) и президентских 1984 года, рис. 10.6.

Опишем кратко процедуры, при помощи которых я эти данные получил.

При сильно- и слабоконкурентных *выборах в палату представителей* паттерны голосования за кандидата не от своей партии повторяют график на рис. 10.26. Можно вспомнить, что указанные паттерны описывают влияние интенсивности кампании; чистое влияние стажа зафиксировано на минимальном уровне.

При *выборах в сенат* данные о голосовании за кандидата не от своей партии берутся из исследования выборов в сенат, проведенного NES в 1990 году. Они касаются прохождения выборов в 25 штатах, где сенатор от каждого штата повторно выставлял свою кандидатуру против соперника от оппозиционной партии. Модель и процедуры, которые используются для оценки паттернов голосования за кандидата не от своей партии, такие же, как и в случае с выборами в палату представителей. Паттерны (рис. 10.6б) описывают голосование за кан-

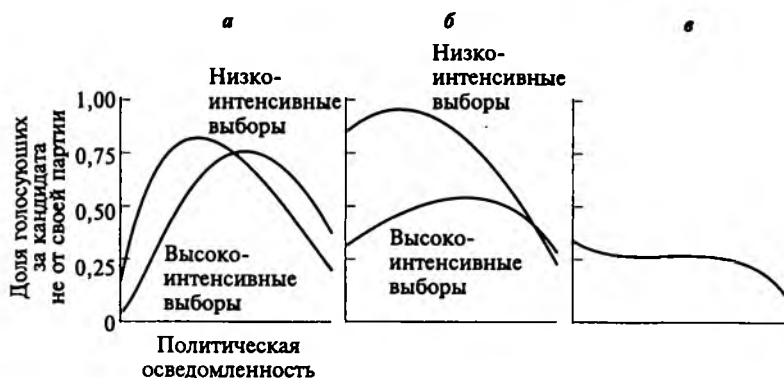

Рис. 10.6. Голосование за кандидата не от своей партии на общенациональных выборах в США; оценки голосования: *а* — в палату представителей в 1978 году (на основе коэффициентов из табл. 10.1); *б* — в сенат в 1980 году (на основе коэффициентов из табл. 10.6); *в* — в президентских выборах 1984 года (на основе полиномиальной регрессионной модели)

Источник. Исследования NES.

дидата не от своей партии среди типичных сторонников оппозиционной партии, как они определены в Приложении I к этой главе. Подобно выборам в нижнюю палату конгресса, низкоинтенсивные выборы фиксируются посредством трех переменных; примерно 10% низкоинтенсивных выборов имеют наименьшие показатели интенсивности кампании. Аналогичная картина по высокоинтенсивным выборам — 10% с максимальными показателями¹. И опять же, подобно выборам в палату представителей, допускается только один срок переизбирающегося кандидата на своем посту до выборов. Подробное описание того, как строились переменные, можно найти в Приложении I к этой главе.

При президентских выборах 1984 года данные о голосовании за кандидата от оппозиционной партии оказались настолько аде-

¹ Чтобы проконтролировать различия в размере населения штатов, я поделил затраты на кампанию на количество избирательных округов по выборам в конгресс. Общие затраты переизбирающегося кандидата при низкоинтенсивных выборах, включая партийные и прочие источники, должны составлять 1,5 млн. долларов, а его соперника — 500 тыс. долларов на округ; агрегированный показатель объема медиа-публикаций при этом является практически минимальным — 0,05. При высокоинтенсивных выборах затраты переизбирающегося кандидата и его соперника составляют 10 млн. долларов, а объем медиа-публикаций — 0,75.

кватными, что их можно было без изменений использовать для построения простой регрессионной полиномиальной модели.

При анализе рис. 10.6 бросается в глаза, что немонотонность, которая часто обнаруживается в модели восприятия-принятия и которая сильно проявляется при голосовании в палату представителей, практически отсутствует при выборах других типов. Как объяснялось в гл. 8, для ВПФ-модели это не проблема и не неожиданность, поскольку немонотонность — отнюдь не единственный возможный результат процесса восприятия-принятия. Если поток сообщений, приводящий к изменениям, достаточно интенсивен и доходит до наименее осведомленных слоев электората, то можно ожидать, что наибольшее влияние кампания окажет как раз на них. Драйер [58] обнаружил, что немонотонность распределений, которую Конверс нашел в данных о президентских выборах 1952 года, проявлялась не при всех последующих президентских выборах. Наоборот, между осведомленностью и вероятностью голосования за кандидата не от своей партии наблюдалась монотонная отрицательная зависимость. Как объясняет Драйер, «поток кратковременных стимулов эффективно воздействует на все сегменты электората», тем самым сглаживая немонотонность и приводя к изменению установок даже среди наименее активного слоя электората [р. 533].

Графики на рис. 10.6 добавляют к объяснению Драйера еще и то, что даже кампании по выборам в сенат в последнее время становятся столь интенсивными, что оказывают влияние на наименее осведомленный слой электората; при большинстве выборов в палату представителей этого не происходит.

Обращаясь к рис. 10.6, можно заметить одну особенность, которая не укладывается в рамки модели с одним потоком сообщений. Вероятность голосования за кандидата не от своей партии достигает максимума на выборах в палату представителей и при низкоинтенсивных кампаниях на выборах в сенат и минимума в президентских выборах, интенсивность которых является наибольшей¹. Ничто в моей типологии изменения установок (см. рис. 8.2) или в других модификациях модели с

¹ В президентских выборах 1984 года наблюдался более высокий уровень голосования за кандидата не от своей партии, нежели в других президентских выборах; во всех же остальных отношениях они вполне типичны. Даже в высокоинтенсивных выборах в палату представителей уровень голосования за кандидата не от своей партии меньше, чем в низкоинтенсивных (41% против 59%, $t=2,87$, $p<0,01$).

одним потоком сообщений не может объяснить этого. Неоднозначное влияние интенсивности кампании в случае с выборами в палату представителей также нарушает логику модели с одним потоком сообщений. Чтобы объяснить модели голосования за кандидата не от своей партии на рис. 10.6, которые в самом общем виде можно понимать как паттерны изменения установок, необходимо учитывать оба коммуникативных потока, воздействующих на граждан.

Применительно к выборам в палату представителей эта цель уже достигнута в моем исследовании влияния разных потоков информации на формирование суждений о кандидатах. На рис. 10.7 представлены данные, которые необходимы для обобщения результатов исследования на случаи выборов в сенат и на пост президента. Обобщенные показатели оценок кандидатов в выборах всех трех типов основаны на применении в каждом случае тех же вопросов о положительных и отрицательных чертах кандидатов: оценки по выборам в палату представителей — на уравнении (10.1) и коэффициентах из табл. 10.3; оценки по выборам в сенат — на коэффициентах из табл. 10.6; оценки по президентским выборам 1984 года представляют собой первичные данные (простой график средних оценок среди демократов и республиканцев в зависимости от их уровня политической осведомленности).

Графики с очевидностью свидетельствуют о том, что более интенсивная кампания и в рамках выборов каждого типа, и выборов разных типов в сравнении приводит к большей партийной поляризации общих оценок кандидатов, которые понимаются как взвешенный результат четырех типов суждений о кандидатах. При этом, как мы могли уже заметить, суждения о кандидатах сильно влияют на результаты голосования, т. е. идеологическая поляризация суждений проявляется в партийной поляризации голосования при большей интенсивности кампаний и, следовательно, приводит к более низкой вероятности голосования за кандидатов не от своей партии.

Поскольку такой вывод основан на моделировании, повышенная поляризация общей оценки кандидатов при очень интенсивных предвыборных кампаниях вполне объяснима. Здесь действуют два важнейших фактора: более интенсивные кампании предполагают (как при расчете ожидаемых результатов, так и на практике) и большую сбалансированность коммуникативных потоков, и большой объем информации в целом. Неудивительно, что примерно равные коммуникативные по-

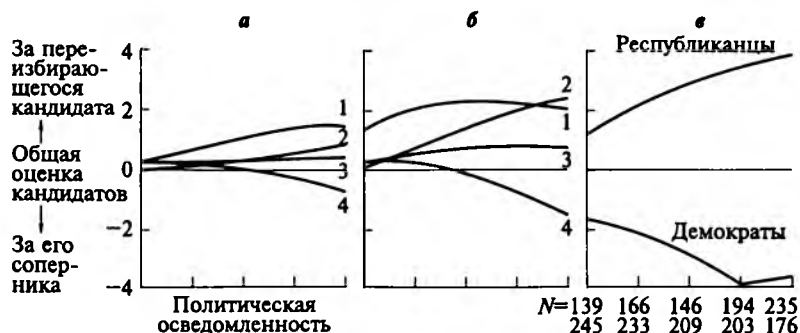

Рис. 10.7. Оценки кандидатов на общенациональных выборах в США: *a* — по выборам в палату представителей в 1978 году (основаны на уравнении (10.1) и коэффициентах из табл. 10.3); *б* — по выборам в сенат в 1980 году (основаны на коэффициентах из табл. 10.6); *в* — по президентским выборам в 1984 году (первичные данные); 1 — сторонники партии переизбирающегося кандидата, высокоинтенсивная кампания; 2 — сторонники партии переизбирающегося кандидата, низкоинтенсивная кампания; 3 — сторонники оппозиционной партии, высокоинтенсивная кампания; 4 — сторонники оппозиционной партии, низкоинтенсивная кампания

Источник. Исследования NES.

токи обостряют партийную поляризацию — ведь каждая из сторон получает информационный базис для партийной оценки кандидатов. Однако и общий объем информации тоже очень важен.

Рассмотрим почему.

Как ранее уже отмечалось, демократы склонны принимать скорее продемократические суждения, с которыми они сталкиваются, нежели прореспубликанские; среди республиканцев наблюдается противоположная тенденция. Допустим (для упрощения последующих рассуждений), что вероятность интериоризации близкого по духу сообщения составляет 67%, а сообщения, противоречащего идеологической позиции, 33%. Такова и сила влияния партийной принадлежности на обработку информации. Она примерно соответствует тому уровню, который обуславливается коэффициентами из табл. 10.3 по медиане распределения оценок. Если демократу предъявить три продемократических и три прореспубликанских сообщения, то ожидаемая общая оценка составит +1 в пользу демократов (он примет два сообщения первого типа и одно второго). Но если ему предъявить по шесть сообщений каждого

типа, то ожидаемая общая оценка составит +2 (он примет четыре идеологически близких сообщения и два неконсистентных). В целом же, чем больше сообщений с демократическим уклоном, тем более продемократической оказывается общая оценка. Разумеется, аналогичный процесс приводит к более прореспубликанским оценкам республиканцев.

Эти доводы объясняют, каким образом при прочих равных условиях в более интенсивных (более информационных) выборах проявляется большая партийная поляризация. Кроме того, тот факт, что хорошо осведомленные сторонники разных партий потребляют больше информации, нежели те, кто хуже осведомлен, делает понятным, почему хорошо разбирающиеся в политике демократы и республиканцы более поляризованы в своих оценках кандидатов.

Еще одно обстоятельство: основной причиной большей поляризации более осведомленных избирателей — особенно в президентских выборах, где поток информации о кандидатах сбалансирован (почти точно поровну), — является не то, что более осведомленные граждане избирательнее относятся к выбору информационного потока. Такая тенденция, возможно, и проявляется, но скорее всего более осведомленные сторонники разных партий формируют более поляризованные общие оценки кандидатов. Здесь сказывается влияние осведомленности на восприятие: потребляется больше информации, нежели менее осведомленными сторонниками партий, и соответственно обрабатывается *большой объем информации при (почти) том же влиянии партийной принадлежности*, что и у всех.

Теперь становится понятным, из-за чего при интенсивной кампании в голосовании больше дает о себе знать партийная приверженность и из-за чего в выборах в сенат и на пост президента наблюдается большая партийная лояльность среди более осведомленных избирателей. При голосовании в палату представителей имеет место немонотонная зависимость между осведомленностью и голосованием за кандидата не от своей партии, и причины такого исключительного паттерна вполне ясны. Объем информации о кандидатах, которая доходит до менее осведомленных избирателей, при выборах в палату представителей является минимальным для выборов всех типов; фактически этот объем почти нулевой¹. Если избирателям во-

¹ Модельное среднее число замечаний об обоих кандидатах для избирателей с наименьшим уровнем осведомленности при слабой избирательной кампании и переизбирающемся кандидате с двухлетним стажем составляет 0,13.

обще не предоставляется новая информация, они не голосуют за кандидатов не от своей партии.

Модифицированная версия первоначального тезиса Конверса об информационном потоке в свете всего сказанного объясняла бы немонотонный тип на рис. 10.6 следующим образом. Избиратели с наименьшим уровнем осведомленности и в условиях низкоинтенсивных выборов остаются лояльными по отношению к своей партии, потому что, как первоначально утверждал Конверс, у них практически нет новой информации. Когда объем информации, доходящей до избирателей, увеличивается от нуля до некоторого определенного уровня, партийная нестабильность достигает максимального значения среди граждан со средним уровнем осведомленности при слабой интенсивности выборов в палату представителей и с низким уровнем осведомленности при слабой интенсивности выборов в сенат. Причина поразительной нестабильности этих избирателей заключается в том, что большая часть информации, которую они получают, — это информация, призывающая голосовать за переизбирающегося кандидата; в отношении такой информации они вряд ли могут проявить инерционное сопротивление. По мере возрастания интенсивности кампании, направленной на избирателей от оппозиционной партии, нестабильность начинает падать. Предел — практически полное отсутствие нестабильности — достигается среди хорошо разбирающихся в политике избирателей на президентских выборах. Инерционное сопротивление только отчасти объясняет такое снижение нестабильности после того, как она при определенных условиях достигала максимума. Основная причина здесь заключается в том, что *более внимательные к политике избиратели* получают *большой объем информации* и она *более сбалансирована*; в совокупности это приводит к большей партийной поляризации оценок кандидатов, к более высокому уровню партийной лояльности.

Выполненный анализ подводит нас к некоторым важным теоретическим выводам. Хотя сопротивление граждан доминантной политической кампании в значительной степени зависит от их индивидуальных качеств — объема устоявшихся суждений, политических ценностей, приверженности и политической осведомленности, — индивидуальная внутренняя predisposition к сопротивлению сама по себе все объяснить не может. Чтобы оказывать действительное влияние, названные выше факторы, индивидуальные качества должны поддер-

живаться воздействием оппозиционного информационного потока. Когда на людей оказывают влияние два оппозиционных потока информации о выборах, они (люди) в принципе способны сделать выбор между потоками на основе своей приверженности и своих ценностей, даже если их показатели по тестам политической осведомленности не являются необычайно высокими. Но когда на индивидов влияет только один коммуникативный поток, как при низкоинтенсивных выборах в сенат и палату представителей, их способность к критическому сопротивлению оказывается очень ограниченной.

Очевидно, наиболее важным из источников сопротивления доминантным кампаниям является оппозиционная информация, которую можно найти в общем потоке политической информации. Это безусловно верно для электоральной ситуации и, как показывает модель господствующей тенденции, скорее всего остается справедливым и в других контекстах.

Динамика выдвижения на пост президента

В рамках партийных выборов возникает одна исследовательская сложность. Дело в том, что большинство избирателей обладают очень устойчивой партийной идентификацией и практически невозможно обнаружить хоть какие-то изменения. Например, при анализе голосования за кандидатов не от своей партии на выборах в палату представителей приходилось отбрасывать большую часть избирателей на том основании, что они были приверженцами своей партии и у них почти отсутствовали случаи голосования за кандидата не от своей партии. Но на президентских выборах такой сложности, очевидно, нет. Здесь предпочтения изменяются порой настолько быстро, что их невозможно более или менее четко зафиксировать. Поэтому было бы интересно выяснить, можно ли распространять представление об электоральной динамике, которое столь хорошо соответствовало действительности в рамках относительно стабильных партийных выборов, и на ситуацию более свободных выборов.

История вопроса

В 1984 году, в первые недели выдвижения кандидата от демократической партии, казалось, что на этих выборах скорее всего не будет серьезной конкуренции. Глен разворачивал какую-то нелепую неуверенную кампанию, и Мондэйл остался

практически без конкурентов среди других кандидатов, выдвигавшихся от партии; среди всех кандидатов от партии он один был известен публике. Незадолго до предварительного предвыборного собрания в Нью-Гемпшире, на котором выдвигают кандидатов, «Нью-Йорк таймс» опубликовала результаты общенационального опроса, которые показывали, что Мондэйл намного опередил всех кандидатов, заявивших на тот момент о намерении участвовать в выдвижении на пост президента.

Но крупные перемены происходят в Айове. За неделю до собрания в Нью-Гемпшире Харт начал быстро набирать очки, и об этом прошла информация в общенациональных еженедельных обзорах новостей. Если «Тайм» или «Ньюсуик» печатали фотографию какого-то кандидата, но не Мондэйла или Глена, то это обычно был Харт. Последний хорошо показал себя в Айове, заняв второе место после Мондэйла. И, что более удивительно, он после этого обошел Мондэйла в Нью-Гемпшире, получил широкую известность и, казалось бы, был на грани того, чтобы вышибить Мондэйла из игры. Фотографии Харта появились, разумеется, на обложках еженедельников, и уже на следующий день его имя знали все домохозяйки. Тем не менее, даже получив достаточно большую поддержку на предварительных партийных выборах, на главном вторичном собрании две недели спустя после Нью-Гемпшира Харт не смог вытеснить Мондэйла. Наоборот, он неожиданно обнаружил, что является мишенью для шуток по поводу своего имени и возраста и его коллеги задают друг другу вопрос: «Где оленина?»¹ В течение остатка марта, в апреле и мае Харт и Мондэйл вели позиционную войну, и Мондэйл, наконец, победил.

Эти события, которые надо рассматривать как сложный стимул общественного мнения, и все, что было предметом исследования выше, дают нам последнюю возможность проанализировать влияние информационного потока на эволюцию политических предпочтений публики.

Данные и модель

В течение всего периода выдвижения кандидатов на пост президента NES проводила продолжительные опросы об установках в отношении соперничающих кандидатов. Хотя в рамках этого исследования каждую неделю опрашивали только 45 демо-

¹ Hart — олень (англ.). — Прим. пер.

кратов, была получена серия весьма ценных, хотя и немного смазанных «моментальных снимков» процесса выдвижения.

Анализируя эти данные, я разбил время выдвижения на несколько периодов, которые совпадают с основными колебаниями установок общественности. В первый период, включающий январь и начало февраля, казалось, что Мондэйл уже закрыл вопрос о том, кто будет выдвигаться от демократической партии, а Харт по результатам общенациональных опросов был едва ли не в конце рейтингового списка. Второй период — последние две недели февраля, когда создавалось впечатление, что Мондэйла не остановить, хотя Харт уже набирал силу в кампаниях в Айове и Нью-Гемпшире. В ходе третьего периода (три недели сразу после Нью-Гемпшира и до собрания в Иллинойсе, где на выборах Харт потерпел свое первое серьезное поражение) Харт головокружительно поднялся в рейтинге, но также впервые начал сталкиваться с вопросами о своей личности и своих предположительных «новых проблемах». Четвертый период начинается с конца марта и продолжается до конца процесса выдвижения; в это время Мондэйл пережил множество мелких подъемов и спадов и в конце концов стал победителем.

На рис. 10.8 виден средний уровень поддержки Харта и Мондэйла среди демократов в каждый из периодов. Графики ясно передают историю воздействия разных информационных потоков, историю различной степени влияния сообщений о кандидатах, распространявшихся с разной интенсивностью.

До собрания в Айове более высокий уровень политической осведомленности связан с определенно более высоким уровнем поддержки Мондэйла — кандидата, который в тот момент не имел никаких проблем и который, по данным прессы, был единственным демократом, имеющим наибольшие шансы на победу в выдвижении на пост президента [25, табл. 7 и 8]. Харт имел тогда минимальную поддержку, и она исходила лишь от наиболее политически осведомленных членов демократической партии (ведь только они проявляли достаточно внимания к политике и могли знать о таком кандидате «второго эшелона»)¹.

То, что наиболее осведомленные демократы были более подвержены влиянию доминантной кампании Мондэйла в первый период, кажется несколько удивительным. Но удивления не должно быть. Если осведомленность связана с сопро-

¹ Как отмечал Попкин на семинаре в Сан-Диего (февраль 1988 года), политически осведомленные граждане часто являются «ведущими индикаторами» будущих изменений.

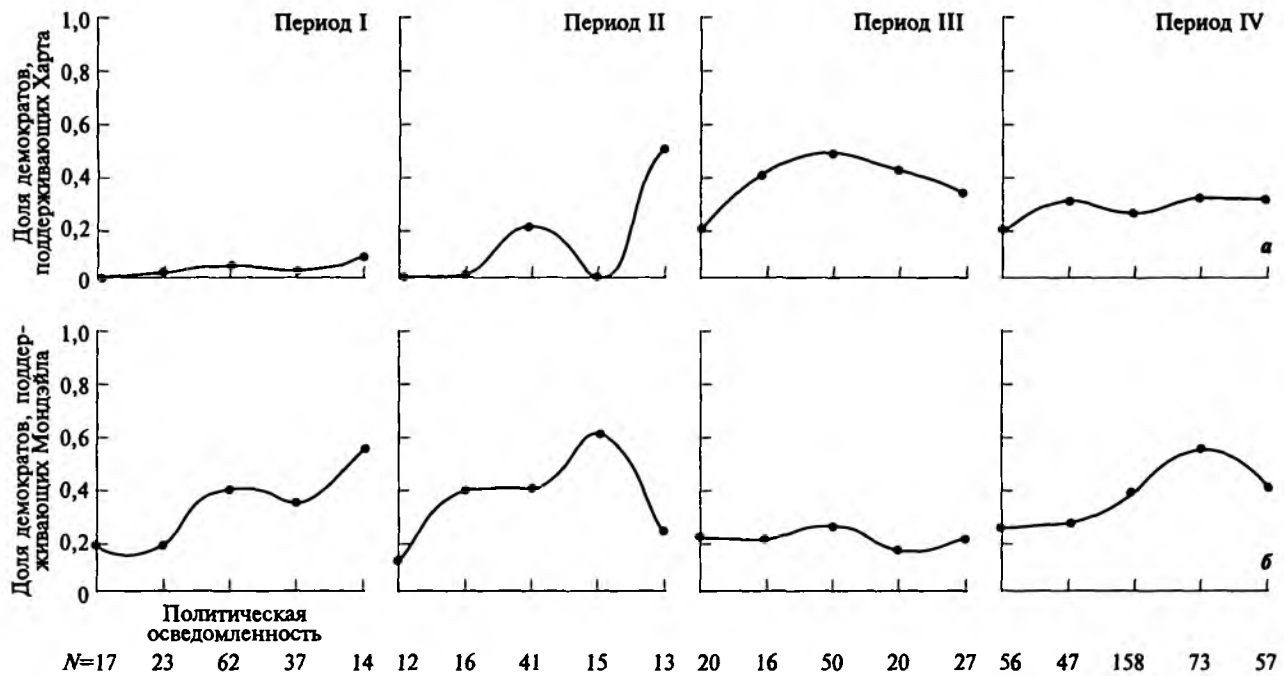

Рис. 10.8. Тенденции в поддержке Харта (а) и Мондэйла (б) среди демократов
 Источник. Циклическое предвыборное исследование изменений NES 1984 года.

тивлением убеждающим сообщениям, потому что она характеризует восприятие информации из альтернативных источников, обладание подсказывающей информацией и оппозиционный информационный поток, то нет оснований полагать, что в этот период проявится сопротивление, основанное на осведомленности. На памяти демократов не было никаких неприятностей с Мондэйлом. Американские элиты в основном поддерживали его кандидатуру; во всяком случае, лидеры мнения не давали о нем негативных подсказок. Кампания же Харта была слишком слабой, чтобы стать эффективным источником противодействующей информации. В таких условиях не мог сложиться информационный базис для сопротивления убеждающим сообщениям, не было подсказывающих сообщений, которые бы воспрепятствовали интериоризации сообщений в поддержку Мондэйла. Влияние, следовательно, всецело зависело от уровня восприятия доминантного потока сообщений.

За две недели до собрания в Нью-Гемпшире Харт начал набирать очки. Но в этот момент неясные сообщения, исходящие от Харта, могли дойти только до четверти наиболее осведомленных рядовых демократов. В отношении данных сообщений не было сопротивления. Прессой создавался односторонне положительный образ Харта (подобно Мондэйлу), и у демократов еще не было какой-то информации о нем, которая могла бы стать основанием для сопротивления. В то же время сообщения о Мондэйле, остававшиеся более интенсивными, продолжали привлекать на его сторону рядовых избирателей со средним уровнем осведомленности, тех, кто не был достаточно внимателен к политике и не знал о нем до кампании. А вот наиболее осведомленных демократов сообщения о Мондэйле уже не могли привлекать на его сторону, потому что именно в рамках этого сегмента партийного сообщества происходила наиболее напряженная конкуренция между избирательными кампаниями Мондэйла и Харта.

Таким образом, во втором периоде еще нет свидетельств информационного сопротивления. Сильная немонотонность в общей поддержке Мондэйла не является признаком сопротивления изменению. Она лишь говорит о том, что наиболее осведомленные демократы оставляют Мондэйла, чтобы присоединиться к Харту; до наименее же осведомленных демократов сведения о восходящей звезде Харта еще не дошли.

Третий период отмечен совершенно иными тенденциями. Хотя Харт после Нью-Гемпшира был на гребне известности,

он уже не получал больше поддержки среди наиболее осведомленных демократов. И Мондэйл тоже не терял поддержки среди избирателей этой группы. Следовательно, наиболее осведомленные граждане начали проявлять в отношении доминантной кампании сопротивление: они получили достаточный объем информации об обоих кандидатах, и их мнение уже не могло изменяться при каждом новом повороте кампании. В то же время известность Харта после Нью-Гемпшира стала, наконец, достаточной, чтобы дойти до демократов со средним уровнем осведомленности. Последние начали усиленно оставлять Мондэйла и переходить на сторону Харта. Наибольший уровень изменения установок в третьем периоде наблюдается в основном среди граждан со средним уровнем осведомленности. Сила этого «народного движения», в которое демократы с высоким и низким уровнем осведомленности внесли лишь минимальный вклад, была такова, что Мондэйл едва не выбыл из игры.

В последнем периоде демократы со средним уровнем осведомленности, узнавая из новостей об успехах Мондэйла на позднейших предвыборных собраниях, возвращаются к нему. В то же время наиболее осведомленные демократы продолжают оставаться на прежних позициях. Здесь опять политическая осведомленность связана с сопротивлением изменению (вероятнее всего потому, что хорошо разбирающиеся в политике граждане к этому времени уже могут подкреплять свои оценки инерционной массой сложившихся суждений об обоих кандидатах). Что касается наименее осведомленных демократов, они также были достаточно устойчивыми, причем большинство из них так и не смогли определиться с предпочтениями в предвыборной конкуренции. В итоге наиболее подверженными временным изменениям оказались избиратели со средним уровнем осведомленности¹.

К сожалению, у нас нет сведений о количестве положительных и отрицательных суждений о кандидатах для проверки этого представления на уровне микродинамики изменения установок. Однако есть возможность проверить соответствие модели восприятия-принятия данным из табл. 10.7, чтобы выяснить, имеет ли то, что я сказал выше, какую-то статистическую значимость. Этому посвящено Приложение II в конце главы. Пока же ограничимся лишь констатацией того факта, что модель доста-

¹ Бартелс [14] и Брэди с Джонстоном [25] с разных точек зрения также подчеркивали, что обучение избирателей происходит в течение всего процесса выдвижения кандидатов на пост президента.

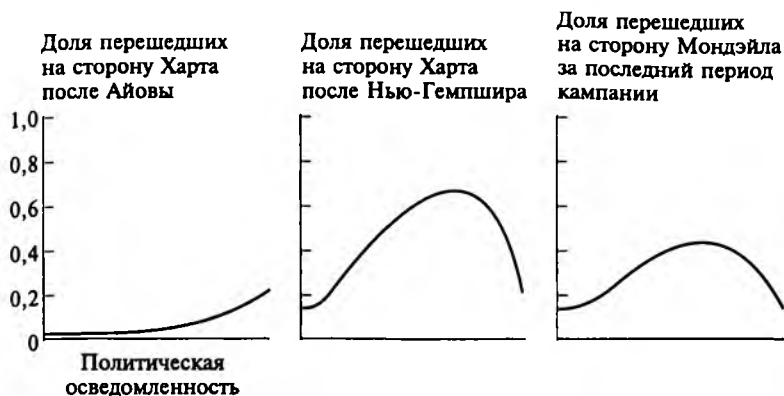

Рис. 10.9. Оценки изменения предпочтений в конкуренции Мондэйла и Харта; оценки основаны на коэффициентах из табл. 10.7 и учитывают данные только по демократам

точно хорошо соответствует данным таблицы; тем самым подтверждается мое объяснение практически во всех его основных моментах. Подтверждением являются и графики на рис. 10.9, показывающие уровень изменения установок в отношении Харта и Мондэйла на заключительном этапе кампании.

Резюме

Подытоживая все сказанное о выдвижении кандидатов на пост президента, укажем на важный теоретический момент: сопротивление доминантной политической кампании, основанное на осведомленности, не возникает автоматически; оно зависит от доступа к альтернативной информации — либо в форме сохранившихся с прошлых кампаний суждений и прочей информации, либо в качестве восприятия оппозиционных сообщений или подсказок в настоящее время. Когда у наиболее осведомленных граждан нет информационного базиса для сопротивления (как на ранних стадиях процесса выдвижения на пост президента в 1984 году), они его совершенно не выражают. Наоборот, в такой момент они быстрее и сильнее реагируют на кампании, нежели все остальные сегменты публики. Только на более поздних стадиях кампании, когда действуют два потока сообщений и начинают формироваться инерционные суждения, мы можем обнаружить проявление сопротивления изменениям у высокоосведомленных демократов.

В заключение

Обращение к материалам выборов в настоящей главе было достаточно случайным. Моя истинная цель состояла в том, чтобы показать, как итоговые политические решения людей, будь то решения, за кого голосовать, или ответы на закрытые вопросы интервью, связаны с суждениями, которые, в свою очередь, возникают из противоположно направленных влияний. В этой главе впервые появилась возможность (с использованием многих примеров) измерить изменения интенсивности оппозиционных потоков сообщений, оказывающих влияние на граждан, зафиксировать суждения, которые лежат в основе итогового выражения политических предпочтений. И как следствие, теперь мы можем напрямую наблюдать эффекты инерционного сопротивления (в виде положительных и отрицательных суждений о партиях) и оппозиционного, или противодействующего, сопротивления (в виде потоков положительных и отрицательных сообщений о переизбирающемся кандидате). Однако теоретический аппарат, позволяющий проводить все эти наблюдения, был тем же самым, что и в предшествовавшем исследовании формирования и изменения установок.

Приложение I. Голосование за кандидата от другой партии на выборах в сенат

Модель, использованная для исследования голосования за кандидата не от своей партии в сенат, была такой же, как и в случае выборов в палату представителей. В ней используются перечисленные ниже переменные.

Политическая осведомленность. В исследованиях выборов можно найти набор только необычайно слабых вопросов на осведомленность. Тем не менее я сделал все возможное, чтобы построить на их основе более или менее хороший показатель, который описан в Указателе переменных.

Интенсивность кампании. В исследовании выборов в сенат в 1990 году респондентов спрашивали: «Сколько вы читали, видели или слышали сюжетов, касающихся кампании по выборам в сенат в вашем штате? Могли бы вы сказать, что вы читали, видели или слышали сюжетов достаточно много, один-два или ни одного?»

Как уже отмечалось в случае с данными о палате представителей, я преобразовал ответы в общий для страны показатель интенсивности медиа-публикаций¹.

Переменная изменяется в интервале от 0 до 0,74 (в единицах оригинальной шкалы с двумя значениями).

Политические ценности. В исследовании выборов в сенат есть традиционный вопрос о партийной идентификации, который дает обычную в таких случаях шкалу. Можно также измерить идеологическую (политическую) дистанцию от переизбирающегося кандидата. Для построения показателя дистанции суммировались баллы переизбирающегося кандидата по рейтингам организаций «Американцы за демократические действия» и «Американский консервативный союз» за год, предшествующий выборам. Затем этот показатель стандартизировался и вычитался из стандартизированного показателя идеологической самоидентификации респондента. Переменная кодировалась таким образом, что если кандидат от демократической партии считался более левым, чем кандидат от республиканской партии, то больший балл говорил о большей близости по взглядам к сопернику переизбирающегося кандидата.

Коэффициенты модели голосования в сенат за кандидата не от своей партии приведены в табл. 10.5. Стоит указать на один интересный момент, касающийся этих коэффициентов. Хотя стаж влияет на выборах в сенат меньше, чем на выборах в палату представителей (см. табл. 10.1), и не является статистически значимым, выборы в сенат проходят по тому же паттерну, т. е. наблюдаются в целом положительный эффект стажа и негативное взаимодействие его с затратами соперника переизбирающегося кандидата.

Обратимся к рис. 10.6, где политическая осведомленность по оси x дана в интервале от $-1,9\sigma$ до $+1,86\sigma$ (это, как обычно, 98% всей шкалы), а у идеализированных представителей оппозиционной партии, действия которых отражены на нем, показатель партийной идентификации 1,3 и политическая дистанция 2. Влияние предрасположенностей, которое я не показываю на рисунке, поскольку здесь фиксируются тенденции только среди типичных сторонников данной партии, является

¹ При измерении агрегированного объема медиа-публикаций может возникнуть некоторая гетероскедастичность, но она, вероятно, будет не очень большой, поскольку количество средних показателей по стране является примерно таким же.

Таблица 10.5

Коэффициенты, предсказывающие голосование за кандидата, переизбирающегося в сенат, среди избирателей не его партии

Функция восприятия		Функция принятия	
Отрезок	0,19	Отрезок	4,05
Политическая осведомленность (стандартизированная)	0,40 (0,39)	Политическая осведомленность (стандартизированная)	-1,31 (0,50)
Затраты на кампанию переизбирающегося кандидата (в 10 тыс. долл. на конгресс. округ)	0,015 (0,008)	Партийная приверженность (на интервале 1-2)	-1,18 (0,57)
Затраты на кампанию его соперника (в 10 тыс. долл. на конгресс. округ)	-0,12 (0,008)	Политическая дистанция (см. текст)	-0,70 (0,31)
Объем медиа-публикаций (от 0 до 0,74)	-2,65 (1,42)	Затраты на кампанию соперника	0,001 (0,001)
Стаж (фиксированный)	1,14 (1,41)		
Стаж×затраты на кампанию соперника	-0,0035 (0,0031)		

Примечания:

1. Модель — это уравнение (10.1); статистические оценки определялись методом максимального правдоподобия.
2. Стандартные ошибки приведены в скобках.
3. Зависимая переменная — голосование за переизбирающегося кандидата среди сторонников другой партии.
4. Число респондентов $N=450$.

Источник. Исследование NES выборов в сенат 1990 года.

достаточно сильным. Среди избирателей, чья политическая дистанция до переизбирающегося кандидата более короткая, снижение доли голосующих за него увеличивается по мере роста политической осведомленности. У тех, кто идеологически более дистанцирован, уменьшение числа «отступников» связано с осведомленностью гораздо сильнее, чем показано на рис. 10.6. Таким образом, паттерн голосования за кандидата не от своей партии среди избирателей с разной силой партийной приверженности примерно повторяет кривые, описывающие голосование за кандидата не от своей партии, на рис. 10.1; единственное отличие в том, что во втором случае более интенсивны избирательные кампании обоих кандидатов.

Таблица 10.6

**Коэффициенты распространения положительных
и отрицательных сообщений о кандидатах
в кампании по выборам в сенат в 1990 году**

Переменные	Положительные суждения о переизбирающемся кандидате	Отрицательные суждения о переизбирающемся кандидате	Положительные суждения о его сопернике	Отрицательные суждения о его сопернике
<i>Функция восприятия</i>				
Отрезок	-1,60	-2,96	-3,10	-2,20
Политическая осведомленность (стандартизированная)	1,00 (0,18)	0,82 (0,14)	0,62 (0,12)	0,94 (0,16)
Голосовал ли в 1978 г. (1 или 0)	1,20 (0,24)	0,35 (0,15)	0,71 (0,18)	0,94 (0,23)
Затраты на кампанию переизбирающегося кандидата (десятки тысяч долларов на избирательный округ)	5,11 (2,23)	5,37 (1,57)	2,91 (1,51)	-1,77 (2,20)
Затраты на кампанию его соперника	-3,80 (2,02)	-4,99 (1,45)	-2,73 (1,37)	1,18 (1,99)
Объем медиа-публикаций (от 0 до 0,75)	-0,89 (0,53)	1,70 (0,42)	2,51 (0,52)	5,45 (0,89)
Стаж (число лет на посту сенатора)	1,02 (0,36)	0,03 (0,20)	— —	— —
Выборная должность до этого (0 или 1)	— —	— —	0,12 (0,07)	0,27 (0,09)
<i>Функция принятия</i>				
Отрезок	-0,50	-1,32	-0,79	-1,32
Партийная приверженность (на интервале от -2 до +2)	-0,21 (0,03)	0,30 (0,06)	0,43 (0,09)	-0,12 (0,04)
Политическая дистанция от переизбирающегося кандидата	-0,12 (0,05)	0,38 (0,09)	— —	— —

Идеологическая идентификация (стандартизированная)	—	—	0,03 (0,07)	-0,29 (0,05)
Установки в отношении местных затрат (стандартизированные)	-0,06 (0,04)	0,06 (0,06)	0,21 (0,08)	-0,13 (0,05)

Примечания:

1. Модель — это уравнение (10.1).
2. Зависимая переменная определяется как сумма суждений каждого типа, перекодированная на интервале от 0 до 1.
3. Для каждого респондента фиксировалось до пяти суждений в каждом из вопросов.
4. Примерные значения стандартных ошибок даны в скобках.
5. Общее число случаев во всех штатах, в которых сенатор повторно выставлял свою кандидатуру на выборах в 1990 году, $N=1866$.

Источник. Исследование NES выборов в сенат 1990 года.

Что касается рис. 10.7, здесь мои оценки итогового числа суждений о кандидатах на выборах в сенат были получены при помощи того же общего метода, который использовался при исследовании выборов в палату представителей (см. табл. 10.3). Переменные в функции восприятия — политическая осведомленность, участие в выборах (откорректированное в отношении интенсивности кампании), фиксированное значение затрат на кампанию переизбирающегося кандидата, фиксированное значение затрат на кампанию его соперника, фиксированные значения стажа и объема медиа-публикаций. В моделях положительных и отрицательных суждений о переизбирающемся кандидате фигурировал также показатель предыдущего электорального опыта соперника. Переменные в функции принятия — партийная приверженность и политическая дистанция. Последний показатель в функции принятия я определил как абсолютное значение политической дистанции (я допускаю, что расположение справа или слева, как уже говорилось выше, влияет на электоральное решение, но абсолютное значение политической дистанции сказывается только на положительных или отрицательных суждениях; к примеру, консервативный избиратель, который правее консервативного сенатора, не будет голосовать против него, но он может относительно него отрицательно высказываться).

В опросах предлагалась также серия вопросов о приоритетах бюджета штата. Я скомбинировал эти вопросы в одну шкалу, стандартизировал ее, откорректировал ее значения таким образом, чтобы они показывали близость по взглядам к переизбирающемуся кандидату. Для измерения показателя политической дистанции относительно его соперника использовался вопрос об идеологической самоидентификации респондентов. Затем я стандартизировал значения этого показателя и перекодировал его, чтобы он соотносился с партийной приверженностью кандидата от оппозиционной партии.

Нужно отметить, что я не включал в функцию принятия при моделировании положительных и отрицательных суждений о кандидатах в сенат политическую осведомленность. В противном случае переменная начинает странно себя вести: коэффициенты принимают большие положительные значения (свидетельство меньшего сопротивления среди наиболее осведомленных граждан), а это, в свою очередь, приводит к тому, что коэффициенты осведомленности в функции восприятия становятся отрицательными (свидетельство меньшей восприимчивости более осведомленных граждан). Мне непонятно, почему уравнение (10.1), которое столь хорошо показало себя в других случаях, ведет себя так абсурдно. Исключение осведомленности из функции принятия восстанавливает статистическую осмысленность оценок (табл. 10.6)¹.

Значения, которые использовались для описания идеализированных приверженцев разных партий на рис. 10.7, такие же, как и при исследовании положительных и отрицательных суждений о кандидатах в палату представителей: баллы партийной дистанции — от 1,3 до -1,3; абсолютная политическая дистанция — от 2 до 0; баллы по бюджету — от 1 до -1; идеологическая дистанция до переизбирающегося кандидата — от 1 до -1, соответственно для сторонников оппозиционной и его партий.

¹ При моделировании положительных и отрицательных суждений на выборах в палату представителей имела место очень похожая тенденция, когда из модели был исключен показатель говорливости (число всех суждений о партии, независимо от их направленности). Этот показатель, который, разумеется, имел положительную связь с осведомленностью, не был доступен в данных о выборах в сенат. Возможное объяснение данного явления заключается в том, что модель не идентифицируется, если содержатся некоторые из переменных и в функции принятия, и в функции восприятия и если при этом истинное значение коэффициента осведомленности в функции принятия равно нулю.

Приложение II. Моделирование соперничества Мондэйла и Харта

Чтобы смоделировать поддержку кандидатов при их выдвижении на пост президента от демократической партии в 1984 году, я задал следующие уравнения:

$$H_1 = P_{HC1}; \quad (10.4a)$$

$$M_1 = P_{MC1}, \quad (10.4б)$$

где H_1 и M_1 — уровень поддержки Харта и Мондэйла в период 1, а P_{HC1} и P_{MC1} — функции, которые определяют эту поддержку в зависимости от уровня осведомленности, соответственно для Харта и Мондэйла. Каждый последующий период рассматривается как кампания, которая увеличивает поддержку Мондэйла, отнимая ее у Харта, или наоборот.

В течение второго периода некоторая часть демократов перешла на сторону Харта. В соответствии с уравнением (7.7) имеем:

$$H_2 = H_1 + P_{HC2}(1 - H_1); \quad (10.4в)$$

$$M_2 = M_1 - P_{MC2}M_1, \quad (10.4г)$$

т.е. поддержка Харта в период 2 равна первоначальной его поддержке плюс доля тех, кто ранее не поддерживал Харта, но теперь перешел на его сторону. Поддержка Мондэйла в период 2 равна первоначальной его поддержке минус доля тех, кто сначала поддерживал Мондэйла, но теперь перешел на сторону Харта.

Остальные уравнения выглядят следующим образом.

$$H_3 = H_2 + P_{HC3}(1 - H_2); \quad (10.4д)$$

$$M_3 = M_2 - P_{MC3}M_2; \quad (10.4е)$$

$$H_4 = H_3 + P_{HC4}H_3; \quad (10.4ж)$$

$$M_4 = M_3 + P_{MC4}(1 - M_3), \quad (10.4з)$$

где P_{HC3} и P_{MC4} — это доли тех, кто перешел на сторону Харта в период 3 и на сторону Мондэйла в период 4. Множители P_{Ci} моделируют влияние доминантного потока сообщений в каждом из периодов, и каждый множитель является формой обычного процесса восприятия-принятия, который был описан ранее, см. уравнение (7.5).

Уравнения (10.4а) — (10.4з) представляют собой серию вложенных уравнений, так что функция из предыдущего уравнения появляется в последующем. После соответствующих

подстановок уравнения, описывающие, например, поддержку Харта, приобретают следующий вид.

$$\begin{aligned} H_1 &= P_{HC_1}; \\ H_2 &= P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}); \\ H_3 &= P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}) + P_{HC_3}[1 - (P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}))]; \\ H_4 &= P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}) + P_{HC_3}[1 - (P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}))] - \\ &P_{MC_4}(P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}) + P_{HC_3}[1 - (P_{HC_1} + P_{HC_2}(1 - P_{HC_1}))]). \end{aligned}$$

Здесь каждая из функций P_{HC} представляет собой описание процесса восприятия-принятия в виде уравнения (7.5).

Четыре уравнения, описывающие поддержку Мондэйла, имеют аналогичную форму.

Каждая из функций P_{C_i} в этих уравнениях имеет четыре коэффициента: отрезок и коэффициент внимания к политике в функциях восприятия и принятия. Это дает нам в результате сразу двадцать коэффициентов.

При оценке такой громоздкой модели я использовал агрегированные данные, показанные на рис. 10.8, — примерно 40 точек (четыре периода, два кандидата, пять групп по осведомленности). Чтобы ограничить число степеней свободы, я упростил модель, ограничив или убрав столько коэффициентов, сколько было можно. Во-первых, я зафиксировал, что осведомленность оказывает одинаковое влияние во всех подфункциях восприятия P_{C_i} , предоставив отрезкам a_0 фиксировать все различия в интенсивности разных сообщений. Это достаточно сильное, но разумное ограничение: после того как с помощью изменения величины отрезков проконтролирована интенсивность сообщений, осведомленность *должна* иметь одинаковую зависимость от восприятия каждой из кампаний в каждый из периодов. Во-вторых, поскольку анализ графического представления данных и первоначальных оценок показывает, что функция принятия не играет никакой роли в уравнениях (10.4а) — (10.4г), она была исключена из них, что позволило сохранить некоторые коэффициенты¹. Показатель осведомленности в функции принятия в уравнении (10.4б) был исключен по тем же соображениям. Наконец, я зафиксировал, что осведомленность оказывает одинаковый эффект в функции принятия в уравнениях (10.4д) — (10.4з). Здесь предпочтительнее было бы брать отдельные коэффициенты осведомленнос-

¹ Коэффициент b_0 стремился к $+\infty$, что говорит об отсутствии сопротивления.

Таблица 10.7

Коэффициенты модели выдвижения кандидатов в президенты

Переменные	Функция восприятия	Функция принятия
Отрезок в уравнении (10.4а)	-4,92 (2,12)	—*
Отрезок в уравнении (10.4б)	1,17 (0,64)	-0,02 (0,27)
Отрезок в уравнении (10.4в)	-2,59 (0,50)	—*
Отрезок в уравнении (10.4д)	0,32 (0,40)	2,44 (1,46)
Отрезок в уравнении (10.4з)	-0,44 (0,41)	2,41** (1,62)
Политическая осведомленность (стандартизированная)	1,17 (0,80)	-2,87 (1,43)

Примечания:

1. Данные для этой модели берутся из 40 агрегированных средних значений, см. рис. 10.8.

2. Стандартные ошибки указаны в скобках.

3. * Функция принятия исключается, чтобы ограничить число степеней свободы (см. в тексте).

4. ** Коэффициент, описывающий влияние осведомленности, относится к функции принятия только в третьем и четвертом периодах.

Источник. Исследование NES выдвижения кандидатов на пост президента в 1984 году.

ти, но ни один из них не смог достичь статистической значимости при оценке по отдельности.

Введение этих ограничений дало десять коэффициентов для 40 точек графика. Уравнения (10.4а) — (10.4з) одновременно просчитывались программой по статистической оценке нелинейных регрессионных уравнений.

Коэффициенты модели выдвижения кандидатов в президенты приведены в табл. 10.7. Поскольку большая часть подфункций описывает изменение отрезка в функциях восприятия и принятия и поэтому соотносится только с пятью или десятью случаями, не стоит беспокоиться из-за того, что у некоторых из них невысокая статистическая значимость с сильным взаимодействием между переменными. Важно то, что коэффициенты, описывающие влияние осведомленности на восприятие и принятие, достигают определенной степени ста-

статистической значимости¹. И как показывает критерий согласия, можно заметить, что корреляция между \hat{y} оценками модели и эмпирическими данными составляет 0,92 ($r^2 = 0,84$). Учитывая ошибку выборки в первичных данных и ограничения модели, это наибольшая степень точности, на которую мы могли рассчитывать.

¹ Поскольку модель оценивалась на основе агрегированных данных, полученных на участках разного размера, к тестам статистической значимости следует относиться крайне осторожно, как к грубым оценкам.

11. Оценка модели и перспективы дальнейшего исследования

Если бы у общественности было мнение, но отсутствовал исследователь, чтобы его измерять, можно ли было бы считать, что общественное мнение существует? Этот вопрос, как и вопрос в старой шутке о падающем в лесу дереве¹, не является бессмысленным. Ответ на него зависит от того, что мы понимаем под общественным мнением. Если это надежды обычных людей в их частной жизни, их опасения, чувства и реакция на события, то тогда оно существует независимо от того, измеряют ли его исследователи или нет. Но если под общественным мнением мы подразумеваем находящиеся вокруг обычных граждан, которые говорят себе что-то вроде: «Я очень одобряю действия Джорджа Буша на посту президента» или «Я думаю, что нам следует принимать более жесткие меры, даже если это означает вторжение в Северный Вьетнам», то большая часть того, что мы понимаем под общественным мнением, без опросов не существует.

ВПФ-модель соотносится и с суждениями, которые люди формируют под воздействием потока политических сообщений, и с ответами на вопросы интервью, которые формируются на основе этих обычно плохо организованных суждений. Именно ответы на вопросы интервью сегодня практически все понимают как основу общественного мнения².

Если рассматривать ВПФ-модель исходя из общепринятых критериев эмпирического охвата и теоретической простоты, она выглядит достаточно привлекательно. Ее четыре аксиомы могут использоваться для раскрытия множества феноменов, в том числе и изменения установок, которое достаточно сложно

¹ Карикатура с подписью «Папа, если в лесу падает дерево, но там нет журналистов, чтобы сообщить об этом, можно ли считать, что дерево упало?» из «Saturday Review». — *Прим. пер.*

² За исключением Гинсберга [83]. Исследование различных концепций общественного мнения см. в [201].

объяснить, разве что только отталкиваясь от похожих предположений.

Наиболее важной чертой модели является сочетание теории распространения информации среди населения, различающегося по уровню внимания к политике (аксиомы А1 и А2), и теории трансформирования людьми этой информации в ответы на вопросы интервью (аксиомы А3 и А4). Именно объединение обеих теорий в одной модели обеспечивает ширину охвата, создает возможности для дальнейших обобщений и приложений.

Правда, достоинства имеют и обратную сторону: широта охвата и простота достигнуты за счет серьезных упрощений и пропусков; поэтому можно говорить, что каждая из четырех аксиом что-то упускает.

Ниже я попытаюсь окончательно оценить и преимущества, и недостатки ВПФ-модели. Поскольку моя аргументация уже отчасти ушла из поля зрения читателя, я начну с краткого повторения, а затем укажу на важнейшие недостатки модели, предложу возможные улучшения и обобщения и, наконец, оценю значение данной модели для исследований общественного мнения.

Переформулировка основного тезиса

Суждения общественности формируются под воздействием политических кампаний, которые состоят из множества зачастую противоречащих одно другому убеждающих сообщений. Чем выше уровень обычной внимательности граждан к политике, тем более вероятно, что они будут воспринимать эти сообщения. Кроме того, чем выше уровень осведомленности индивида, тем проще ему при определенных обстоятельствах сопротивляться информации, не соответствующей его базовым ценностям или партийной приверженности.

Будучи интериоризированными, политические сообщения превращаются в сознании индивида в суждения, т.е. становятся доводами в пользу принятия в некотором политическом вопросе определенной позиции. Когда респондентам в интервью задают вопросы, они отвечают исходя из тех суждений, которые оказываются непосредственно доступными в их сознании. А причина неустойчивости их ответов на вопросы повторных интервью заключается в том, что набор таких непосредственно доступных суждений довольно изменчив и случаен.

Отсюда вовсе не следует (я уже это подчеркивал), что индивиды отвечают на вопросы интервью совершенно случайно. Соотношение числа различных сообщений, воздействующих на граждан, а также их избирательность в интериоризации некоторых из них и отклонении других систематически воздействуют на набор суждений, закрепляющихся в их памяти, и, таким образом, влияют на вероятность выбора какого-то конкретного варианта ответа на закрытый вопрос. Респонденты достаточно часто колеблются при ответах на вопросы, но их колебания, неуверенность неслучайны и проявляются только в определенных рамках. Неслучайно и то, какая из множества конкурирующих идей окажется более актуализированной в сознании человека в данный момент; имеют значение многие факторы: что передавалось в последних известиях, как были сформулированы и в каком порядке задавались вопросы, что в последнее время переживал данный респондент и т.д.

Изменение установок, понимаемое как изменение в долговременных вероятностях выбора определенных ответов на закрытые вопросы интервью, происходит вследствие изменения набора идей, оказывающих влияние на индивидов. Здесь важно подчеркнуть: изменение потока политических сообщений приводит к изменению установок не благодаря внезапной трансформации опыта человека, а вследствие постепенных смещений баланса суждений, присутствующих в его сознании и доступных при ответе на вопросы интервью.

Влияние любого убеждающего сообщения зависит от того, какие другие идеи в данное время актуализированы в сознании человека и воздействуют ли на него оппозиционные идеи. Это превращает сопротивление политической кампании (или потоку сообщений), где обычно присутствуют *доминантная* и *оппозиционная* составляющие, в достаточно сложный феномен. Если в памяти человека хранится большой объем *инерционных* суждений или же он воспринимает информацию из оппозиционных источников, то ни одно из сообщений доминантной кампании не будет оказывать на него сильного воздействия. Однако если у данного индивида мало предварительной информации или же он не имеет доступа к альтернативным информационным потокам, то тогда сообщения доминантной кампании будут производить большой эффект.

Сопротивление изменению установок зависит и от политических предрасположенностей индивида, особенно от его ценностей. Последние регулируют интериоризацию оппозици-

онных и инерционных суждений так же, как и сообщений доминантной кампании. Демократы или республиканцы склонны отвергать сообщения не своей партии, либералы и консерваторы отвергают убеждающие сообщения, которые неконсистентны с их идеологией. Такая форма сопротивления, которую я называю сопротивлением *приверженности*, в основном проявляется среди хорошо разбирающихся в политике людей, поскольку во многих ситуациях они чаще обладают контекстуальной информацией (сообщениями-подсказками), необходимой для того, чтобы понимать, что означает в отношении их ценностей тот или иной вопрос.

Далее, влияние политических кампаний зависит от относительной интенсивности оппозиционных потоков сообщений и имеющейся у индивидов предварительной информации о партиях. Иногда наименее осведомленные граждане оказываются наиболее восприимчивыми к влиянию (в ситуациях, когда информационный поток очень интенсивен, как в президентских выборах). В других случаях наиболее восприимчивыми оказываются граждане со средним уровнем осведомленности (в ситуации потока сообщений средней интенсивности и актуализации партийных ориентаций, как при конкурентных выборах в палату представителей, при определении рейтинга президента, на поздних стадиях вьетнамской войны). А наиболее открытыми влиянию оказываются самые осведомленные граждане (в ситуациях, когда практически отсутствуют партийные и идеологические основания для сопротивления убеждающим сообщениям, как на ранних этапах выдвижения кандидата в президенты в 1984 году, или же при низкой доступности оппозиционной информации, как на раннем этапе вьетнамской войны). Эти различия в ситуациях убеждения зависят от того, воздействовали ли (или воздействуют ли) на людей два потока информации, от относительной интенсивности оппозиционных потоков сообщений, но не от индивидуальных психологических различий в разных политических контекстах.

Во второй половине книги я обращал особенное внимание на динамику сопротивления доминантному потоку сообщений. Выполненное исследование позволило сделать вывод о том, что сопротивление убеждению сильно зависит от доступности оппозиционных сообщений (в форме либо оппозиционной информации, либо сообщений-подсказок оппозиционных элит). Инерционное сопротивление — единственная форма сопротивления, которая не зависит от восприятия текущей ин-

формации и основывается на внутреннем источнике — памяти индивида. В тех случаях, когда было возможно проанализировать влияние всех трех механизмов, а именно в исследовании электоральных установок, оно оказывается наименее важным.

Кто кого ведет

Выше я, можно так сказать, переформулировал свою аргументацию. Перейдем теперь к ее критике.

Начнем с часто рассказываемого анекдота об одном революционере в XIX веке. Однажды, в послеобеденное время, он сидел в кафе и потягивал вино. Вдруг на улице собралась толпа. «Боже мой, — воскликнул революционер, — люди выступили, я их предводитель, и я должен последовать за ними». Он немедленно выскочил на улицу и возглавил толпу. Анекдот остается анекдотом, но в этом поднимается достаточно реальная проблема. «Предводителей» массовых движений мы видим регулярно. Однако, если иметь в виду элиты, нельзя быть уверенными, что они действительно предводительствуют. Элиты могут, разумеется, вести, но, скорее всего, они также и следуют.

За одним исключением¹, я не мог систематически рассматривать эту проблему в своем исследовании. Я обращаюсь к интенсивности оппозиционных потоков информации как к внешним переменным и ограничиваю свое исследование предполагаемым влиянием этих потоков информации на общественное мнение. Моя рабочая гипотеза, таким образом, предполагает, что именно сообщения элиты формируют общественное мнение, а не наоборот.

Есть две посылки для обоснования этой рабочей гипотезы.

Во-первых, в нескольких изученных случаях по самой ситуации видно, что стимулы элиты по отношению к изменению массовых установок были полностью или в основном внешним фактором. Возможно, самый очевидный случай — ирангейт, который привел к изменению рейтинга президента и установок по политике в Центральной Америке (см. гл. 7 и 8). Когда разразился скандал, популярность президента Рейгана была

¹ При анализе влияния кампании по выборам в палату представителей я, чтобы выяснить, были ли наиболее интенсивные кампании направлены против переизбирающихся кандидатов, которые уже были слабыми, контролировал наличие преимущества переизбирающегося кандидата на предыдущих выборах. Было показано, что практически нет оснований для такого предположения (см. сноску 2, с. 362).

очень высока и в перспективе у него не намечались какие-либо проблемы. Атаки конгресса на политику Рейгана в ходе событий, связанных с ирангейтом, произошли вопреки его первоначальному образу в представлении публики, а не потому, что его популярность уже была низкой.

Аналогичную аргументацию можно привести и по другим случаям.

Дело «Браун против Совета образования». Трудно утверждать, что решение Верховного суда по этому делу в последние годы существования сегрегации в школах в южных штатах было реакцией на народное давление. Внутренние оценки свидетельствуют об обратном. Суд считал реакцию публики преимущественно враждебной к федеральным действиям в данной области. На самом деле у него не было проблем с общественным мнением. Вопрос заключался не в том, насколько сильно на него могли давить, чтобы он предпринял действия против дискриминации, а в том, как далеко он мог бы зайти, не вызывая политического скандала [128]. Национальная ассоциация развития цветных (National Association for the Advancement of Colored People) выступала, конечно, за введение законов о десегрегации, однако в то время ее политическое воздействие было минимальным. Таким образом, принятие решения по делу Брауна мотивировалось в основном моральными убеждениями судей. Каким образом формировались эти убеждения и почему они приняли такую форму именно в середине 1950-х годов — это, очевидно, глубокий и важный вопрос, но он незначим в связи с моим допущением, что суд в данном случае был источником влияния, а не следовал за общественным мнением.

Движение за замораживание производства ядерных вооружений в начале 1980-х годов. Это движение предполагало серьезные действия широкой общественности. Несомненно, многие политики сильно выиграли, поставив на замораживание, именно потому, что данный вопрос был очень популярен. Стимул к движению за замораживание, однако, явно можно связать с теми людьми, которые относятся к элитам. Речь идет о представителях сообщества профессионалов в области контроля над вооружениями, которые не могли собственными силами заставить политиков обратить на себя внимание и поэтому постарались мобилизовать общественную поддержку [203]. Толчком к продвижению политиков, выигравших на замораживании производства ядерного вооружения, послужила деятельность других элит, которые вполне сознательно пытались руководить мнением.

Сообщения о тенденции экономического роста, которые сформировали оптимистические оценки экономики США в конце 1982 года среди представителей общественности. Сообщения, несомненно, сочетали в себе обнадеживающие прогнозы президента Рейгана и делового сообщества, а также некоторые технические экономические подробности, но нельзя сказать, что они были реакцией на то, во что уже верила публика.

Мобилизация общественной поддержки администрации Буша во время войны в Персидском заливе. Это один из наиболее поразительных из проанализированных в книге случаев лидерства мнения элиты. В августе 1990 года только очень небольшая доля американцев подозревала о существовании Кувейта, куда вторгся Ирак [140]. Однако за две недели общественная поддержка использования американских войск для предотвращения дальнейшей иракской агрессии, по данным опросов, достигла 80%, и эта поддержка переросла в признание необходимости войны за освобождения Кувейта [180]. Впечатляющей такую мобилизацию общественного мнения делает то, что она была достигнута при отсутствии коммунистической угрозы, которая на протяжении 40 лет была стандартным оправданием использования американских войск на чужой территории, и несмотря на то, что перед началом войны многие люди предполагали гибель на ней многих американских солдат. Поскольку, по всей видимости, в период между вторжением Ирака и заявлением Буша о невозможности терпеть агрессию на эту тему не проводились опросы, у нас нет достаточных эмпирических доказательств, чтобы полностью исключить вероятность того, что Буш просто реагировал на идущее снизу общественное требование жесткой реакции Америки. Однако лишь немногие информированные свидетели событий склонны рассматривать подобную вероятность серьезно. Война в Персидском заливе, по всей видимости, была ситуацией, когда политически опытный президент при поддержке прессы и большинства элит искусно формировал общественное мнение.

Таким образом, как бы сложно ни было иногда теоретически определить направление влияния между элитами и массами, в конкретных случаях сделать это можно вполне правдоподобно.

Во-вторых, даже когда политики начинают под давлением общественности предпринимать какие-либо действия, очень важно понимать, что здесь зачастую имеет место не действи-

тельное давление, а его предвосхищение. Именно это подчеркивал Кей [121]. Общественное мнение, на которое пытаются реагировать элиты, — это не то общественное мнение, которое отражается в опросах в момент принятия решения, а то, которое оппонент данного политика может актуализировать на следующих выборах. Как утверждает Кей, политики, которые рабски следуют за сформировавшимся общественным мнением, в конечном счете могут проиграть.

Приведу пример ~~предвосхищающего~~ влияния. Внезапное объявление президента Никсона о введении государственного контроля над ценами и зарплатами летом 1971 года (см. гл. 6) было, несомненно, действием, рассчитанным на предупреждение критики его хозяйственной политики во время приближающегося предвыборного периода. В этом смысле Никсон реагировал на общественное мнение. Однако он и направлял общественное мнение, поскольку его речь в значительной мере предопределила сдвиг общественного мнения в сторону поддержки контроля.

Теперь рассмотрим неизмеримо более сложный случай.

Из сообщения Гелба [81] мы знаем, что президент Джонсон был прекрасно осведомлен обо всех трудностях, которые может вызвать попытка использовать военные силы США для стабилизации некоммунистического правительства в Южном Вьетнаме. Джонсон также хорошо знал, что у него нет низкой общественной поддержки для отправления войск во Вьетнам. Однако он опасался, что его, если он допустит объединение Южного Вьетнама с Северным, будут обвинять в «мягком отношении с коммунистами», в «потере Вьетнама» (так же, как Трумэна обвиняли в «потере Китая»). Вполне вероятно, Джонсон боялся, что это подорвет его внутреннюю программу «Великого общества» и приведет к новому раунду маккартистской реакции, в которой он будет проигравшим.

В такой ситуации Джонсон втянул общественность в войну, которую ни он, ни она не стремились развязывать. Он следовал общественному мнению в том смысле, что предвосхищал суровое ретроспективное осуждение, которое бы последовало при победе коммунистов, но вел общественное мнение в том смысле, что мобилизовал общественную поддержку своей политики, которая ни в коей мере не была сразу же популярной, во избежание этого осуждения.

Если Джонсон в определенном смысле действительно управлял общественным мнением о войне, можно сделать вывод о том, что антивоенные политики скорее следовали за обще-

ственным мнением, а не формировали его. Наверное, это предположение выглядит более правдоподобным, но доказать его сложно. Именно в период наибольшего прилива народной поддержки войны в 1966 году ведущие политики начали выступать против нее. И еще, ранние оппоненты войны были из тех избирательных округов, которые никак нельзя назвать очагами антивоенных настроений. Возьмем того же Фулбрайта из Арканзаса, первую политическую фигуру, выступавшую против войны. Конечно, Фулбрайт должен был действовать так, чтобы его антивоенная позиция не привела к непреодолимым проблемам с электоратом. Однако просто неправдоподобно предположение, что он как-то более прямо реагировал на давление своих избирателей в Арканзасе. Как известно, Фулбрайт занял антивоенную позицию вопреки советам своего политического окружения (и следуя совету персонала по внешней политике) [89]. Другой известный политик, член палаты представителей из Массачусетса О'Нейл, объяснял свои ранние выступления против войны реакцией на частные беседы с военными авторитетами, которые говорили о тщетности войны. Поэтому он и решился на антивоенные выступления вопреки убеждению, что оппозиция войне сродни политическому самоубийству [187, р. 195].

СМИ, разумеется, были другим важным источником антивоенных сообщений. Однако масс-медиа, как всегда, отражали мнение своих источников. Вот что писал, к примеру, Мор, корреспондент «Тайм» и позднее «Нью-Йорк таймс», об антивоенных сообщениях, которые основывались на отчетах репортеров из Южного Вьетнама: «Спор, вопреки тому, что думают некоторые, не разворачивался между прессой и американскими чиновниками в Южном Вьетнаме. Скорее, это было разногласие между фракциями американской миссии. Полевые консультанты, наиболее часто сталкивающиеся с войной и с вьетнамцами, приняли пессимистичную точку зрения. Некоторые высшие чиновники в Сайгоне, которые сообщали в Вашингтон об успехах программ, ими координируемых, были открыто и упорно оптимистичны. Корреспонденты вскоре узнали об этих разногласиях, потому что молодые блестящие полевые офицеры, такие, каким потом был Джон Пол Ван, все чаще общались с журналистами. Корреспонденты не придумывали эту ужасающую информацию, которая иногда появлялась в их сообщениях» [177, р. 56].

Поскольку источниками антивоенной информации в основном были военные ведомства, ЦРУ и государственный де-

партамент [92; 177; 89], представляется совершенно невероятным, чтобы такие утечки антивоенной информации были всего лишь реакцией на изменение общественного мнения¹.

Пресса, в целом, склонна отражать мнение источников, но бывают и исключения. Пожалуй, самое важное мы наблюдали при наступлении вьетнамцев во время Тэт в начале 1968 года; тогда то, что явно было решающей военной победой американцев, пресса представила как нечто противоположное — как их серьезное поражение [26]. Эта очевидная дезинформация антивоенной направленности не была, однако, реакцией на общественное мнение в Соединенных Штатах (ведь население во время Тэт в основном поддерживало войну). Скорее, такие сообщения отражали удивление представителей прессы: последние не ожидали, что противник окажется еще способен начать общенациональное военное наступление, и это после того, как американские чиновники заявили о его почти полном поражении (расхожая истина американской предвыборной политики гласит, что любой конкурент, который ведет себя «лучше, чем ожидалось», оказывается в центре слишком острой восторженной реакции прессы, см. [196]).

Ничто из сказанного выше не отрицает важности реагирования элит на мнение масс, а на последней стадии вьетнамской войны особенно. Напротив, можно предположить (хотя сложно определить степень уверенности в этом), что постепенное снижение общественной поддержки войны делало все более безопасными открытые антивоенные высказывания для тех политиков, которые и раньше не были расположены к войне. Очевидно, аналогично взаимодействие между общественностью и прессой. Здесь, правда, стоит заметить, что медиа-элита передавала значительное количество антивоенной информации еще в 1965 и 1966 годах, т. е. задолго до того, как начала снижаться общественная поддержка войны.

Каждое усиление оппозиционности элиты, которое становится более безопасным благодаря сдвигу в общественном мнении, может привести к дальнейшему изменению общественного мнения, затем к еще большему стимулированию вероятной оппозиции элиты и т. д. Позднее выдвижение Роберта Кеннеди как антивоенного кандидата на предварительных выборах кандидата на пост президента от демократической пар-

¹ Сведения о том, что элита международных работников относилась к общественному мнению с презрением, см. в работе [41].

тии в 1968 году может служить примером действий политика, проявившихся только после предварительного озвучивания общественного мнения — в форме успеха Маккарти на собрании в Нью-Гемпшире (там он говорил, что антивоенная позиция в политическом плане представляется многообещающей).

Такая динамика взаимодействия элит и масс ни в коей мере не противоречит гипотезе о лидерстве мнения элит. С одной стороны, ослабление общественной поддержки вьетнамской войны заставило элиты благоразумно сдвинуться в том же направлении. Те из них, которые извлекли преимущество из этого сдвига, были скорее всего предрасположены к тому идеологически или из расчета. Но все они, формируя мнение, действовали автономно, причем только после того, как убедились, что им безопасно осуществлять соответствующие мероприятия.

В соответствии с альтернативным тезисом о лидерстве мнения элит предполагается, что степень автономии отнюдь не одинакова. Наиболее мобильные политики быстро реагируют на общественное мнение; большинство же экспертов по внешней политике, военных и государственных чиновников, критически относящихся к войне, в целом независимы от общественного мнения. В соответствии с этим тезисом, наиболее автономный сегмент использовал масс-медиа, чтобы создать давление общественности, к которому затем присоединился другой сегмент. Опираясь на тот же тезис о лидерстве мнения элит, можно сделать и иное заключение (правда, оно кажется мне слишком слабым). Антивоенно настроенные элиты *просто* реагируют на мнение масс, но их реакция принимает форму антивоенных сообщений, которые распространяются через СМИ так, как это описывает процесс восприятия-принятия. Все это приводит к дальнейшему изменению массовых установок, что заставляет элиты еще сильнее изменить свое мнение. Здесь уже на общественное мнение оказывают влияние неавтономные элиты.

Важно понимать, что, строго говоря, результаты моего моделирования нельзя использовать даже для доказательства последнего (слабого) заключения. ВПФ-модель, в том виде, в котором она сформулирована, совершенно не учитывает источники политических сообщений, влияющих на общественное мнение. Это модель, в которой элиты, включая СМИ, не оказывают никакого влияния на общественное мнение и все политические сообщения распространяются среди населения при личном контакте, как бактерии. Поскольку политическая

осведомленность положительно связана с восприятием политических сообщений и отрицательно с их принятием, модель оказывается приложимой при любом сценарии распространения — «заражающем» либо под влиянием элит. Последнее обстоятельство отчасти объясняет причины того, что модель хорошо показала себя: так как процесс распространения имеет те же формальные характеристики и при влиянии СМИ и доминировании элит, и при простой передаче «из уст в уста», модель восприятия-принятия может передать совместный эффект обоих способов распространения информации¹.

«Заражающий» сценарий распространения — метафора совершенно не случайная. Процесс восприятия-принятия, формализованный в настоящей книге, является общей моделью распространения. При использовании приемлемых показателей подверженности и сопротивления эта модель может использоваться для описания распространения новой моды, религиозных верований или даже болезней. Среди взрослого населения, например, подверженность распространяющимся в обществе болезням может немонотонно соотноситься с возрастом. Высокая частота взаимодействий у молодых взрослых людей может создать повышенную опасность заражения, но в то же время они более здоровы, и отсюда их большая сопротивляемость. Пожилые люди более уязвимы, но в то же время и более изолированные. В результате в группе риска оказываются люди среднего возраста. Распределение СПИДа представляет собой пример такого рода взаимодействия (первичные данные, опубликованные Центром контроля болезней

¹ Следует, однако, отметить, что классические исследования личного влияния не описывают механизма формирования систематических изменений в распределении общественного мнения вследствие межличностной коммуникации, независимо от влияния элит. Эти исследования скорее подчеркивают роль личных обсуждений или как консервативной силы, которая помогает индивидам противостоять внешним влияниям (см. работу Берельсона, Лазарсфельда и Макфи «Голосование» [21]), или же как опосредующей силы (см. работу Катца и Лазарсфельда «Личное влияние» [119], где показано, как местные лидеры мнения воспринимают идеи из СМИ и передают их своим друзьям). В первом случае изменения установок не происходит, а во втором, можно сказать, лидеры мнения просто помогают распространению информации, которую производят элиты. Кстати, Маккуен и Браун [163] пришли к заключению, что политическая дискуссия является еще одним «информационным каналом» [р. 485]: «Социальные круги не являются независимой силой в политике, они лишь придают определенные формы той информации, которая приходит извне. Таким образом, правильнее будет считать, что социальная среда является не источником влияния, а промежуточным механизмом в более крупной коммуникативной системе» [р. 483].

США, говорят, что это распределение, по крайней мере некоторое время, было немонотонным относительно возраста [65]).

Следовательно, сильное соответствие модели восприятия-принятия и эмпирических данных об изменении установок само по себе ничего не говорит о степени влияния элит. Модель просто является средством описания процесса распространения влияния элит; основания же полагать, что распространяется именно влияние элит, а не что-то еще, должны выводиться независимо от модели (см. об этом подробнее на стр. 92–93).

Как я показал только что (и утверждал ранее, в гл. 2), таких оснований вполне достаточно. Все же полностью адекватное представление о лидерстве мнения элит не заключается в том, что общественность совершенно механически реагирует на их инициативы, хотя последние, тщательно подготовленные, обычно все же встречают положительную реакцию. Элиты производят идеи автономно, и у них всегда есть потенциальные разногласия в соответствии с партийными линиями. Они маневрируют относительно этих линий и, стремясь вести и в то же время следовать, постоянно оглядываются на общественность, на то, что она думает сейчас или будет думать в будущем. Иными словами, вопрос заключается не в том, ведут ли элиты общественность или же следуют за ней, а в том, *насколько* и *какие элиты* скорее ведут, чем следуют за общественным мнением, и *при каких условиях* они это делают. Всестороннее исследование данной проблемы выходит за рамки книги, а единственная цель этого моего краткого рассуждения заключалась в том, чтобы, во-первых, представить, что моя формальная модель распространения установок точно доказывает и что не доказывает в вопросе о лидерстве мнения элит, и, во-вторых, показать правдоподобность того, что во многих обстоятельствах степень автономного лидерства мнения элит очень значительна.

Критический обзор базовых аксиом

Критическую оценку ВПФ-модели можно организовать вокруг ее аксиом-определений.

В аксиоме восприятия А1 утверждается, что повышенное внимание к некоторому вопросу связано с большим объемом воспринимаемых сообщений по этому вопросу.

На первый взгляд, это утверждение безупречно. Однако что же именно воспринимают люди? Безусловно, разные люди,

которым *предъявляют* одно и то же сообщение, *воспринимают* сообщения совершенно различно. Бывает, они вообще не воспринимают понятных сообщений. Все это определяется предварительным знанием людей по соответствующей теме.

Обратимся к гл. 8. В ней я уже отмечал: люди лучше понимают сообщения на те темы, которые им раньше были более знакомы. Например, о приговоре колоритному морскому офицеру Норту узнало больше людей, нежели о причинах отставки сравнительно блеклого спикера палаты представителей Райта, даже несмотря на то, что последняя история разворачивалась на протяжении нескольких месяцев и вызвала намного больше публикаций (правда, по данным одного из опросов, о причинах отставки Райта с поста спикера знало столько же людей, сколько знало имя странного помощника Норты — Холла). Более гипотетично предположение, что индивиды, которым *предъявляют* одно и то же сообщение, могут, если они заметят это сообщение, по-разному его понимать. Так, военно-воздушные силы могут организовать искусное зрелище, продемонстрировав первый полет своего нового бомбардировщика В2 типа «летающее крыло», показав его в работе. Сообщение об этом зрелище некоторые представители общественности могут воспринимать в пользу самолета, другие же как очевидно бесполезную машину Бэтмена. В обоих случаях различия в восприятии (при равном внимании к сообщению) будут зависеть от имеющихся предварительных представлений (или схем), которые могут различаться и по содержанию, и по степени сложности [71]. Но, как ранее отмечалось, ВПФ-модель не предполагает влияния предварительно сложившегося мнения на восприятие или идеологическую интерпретацию сообщений, с которыми сталкивается индивид.

Рассмотрим теперь аксиому А2, в которой утверждается, что люди могут сопротивляться убеждению только в той мере, в которой обладают соответствующими сообщениями-подсказками, причем предполагается, что сообщения-подсказки люди получают (по крайней мере, в принципе) не из того же источника, что и убеждающее сообщение.

Такая формулировка аксиомы сопротивления соответствует представлению Конверса [44]. По Конверсу, чтобы сформировать конвенциональную систему левых или правых убеждений, люди должны получать контекстуальную информацию о том, «что чему соответствует». Аксиома А2 вместе с выводом из аксиомы А1 о том, что более осведомленные люди чаще

обладают такой подсказывающей информацией, играет решающую роль в объяснении изменения установок. При прочих равных условиях более осведомленные граждане сильнее сопротивляются сообщениям, которые они восприняли и которые неконсистентны с их базовыми ценностями. Другими словами, они проявляют большее сопротивление приверженности.

Но действительно ли именно обладание контекстуальной информацией, а не что-то иное, объясняет большее критическое сопротивление более информированных граждан? Как читатели могли заметить, я не смог здесь получить никаких *прямых доказательств*; у меня нет каких-либо данных, когда в связи с принятием или отклонением нового суждения фиксировалось бы присутствие или отсутствие у индивида определенного сообщения-подсказки. Однако я приводил множество доказательств важности контекстуальной информации о происхождении сообщения, появившегося в СМИ, — данных о том, что информация или подсказки об источнике сведений сильно влияют на то, как люди реагируют на сообщение. Таким образом, акцент на сообщениях-подсказках достаточно полно обоснован в предыдущих исследованиях. Более того, я смог привести огромное количество косвенных свидетельств важности подсказывающей информации.

Одно из наиболее важных свидетельств связано с войной во Вьетнаме. Когда господствующие элиты придерживались единого мнения, влияние консенсуса элит, измерявшееся как индивидуальный уровень политической осведомленности, было связано с большей поддержкой войны, причем наиболее осведомленные граждане не были настроены критически. Однако в 1966 году стали проявляться разногласия элит; в результате разбирающиеся в политике либералы начали воспринимать антивоенные сообщения и критически относиться к провоенным сообщениям. Следовательно, подсказки элит активизировали идеологические предрасположенности среди наиболее осведомленных граждан.

Исследование моделей господствующей тенденции и поляризации в гл. 6 дало нам еще несколько случаев, когда политическая осведомленность была связана или не связана с политической поляризацией в зависимости от структуры подсказок элит. Наверное, наиболее поразительным случаем было признание коммунистического Китая в 1972 году. Политическая осведомленность не была связана с сопротивлением этой политике, даже несмотря на то, что по идее некоторые разби-

раующиеся в политике консерваторы должны были критиковать ее, если бы представители консервативной элиты дали соответствующие подсказки¹.

Итак, бóльшая часть моих свидетельств о важности сообщений-подсказок опирается на исследование установок политически осведомленных граждан, которые чрезвычайно быстро реагировали на то, к чему побуждали их близкие им по идеологии элиты. Однако в одном типе случаев партийные подсказки были важны для широкой общественности, а не только для наиболее осведомленных граждан. Это случаи конкурентных выборов, когда все граждане примерно одинаково «партийны» в своей склонности принимать информацию, выдаваемую кандидатом от своей партии, и отвергать сообщения кандидата от оппозиционной партии.

Ясно, что иногда осведомленность связана с сопротивлением убеждению, а иногда нет. Можно отвергать мое объяснение того, что сообщения-подсказки в некоторых ситуациях едва различимы (в партийных вопросах типа трудовых гарантий), в других совершенно очевидны (партийные выборы) или же совершенно несущественны (относительно противодействия общепринятым доминантным сообщениям); благодаря этому более осведомленные граждане в состоянии проявлять большее сопротивление приверженности именно в первом типе ситуаций, а не во втором или в третьем. Отвергать можно, но тогда нужно предложить какое-то другое объяснение, почему осведомленность имеет именно такой паттерн связи с сопротивлением. Поскольку на данный момент у нас, по всей видимости, нет иных объяснений, стоит принять следующее: во многих, хотя и не во всех, случаях осведомленность дает скрытое знание о том, «что с чем связано», а контекстуальное знание является важной составляющей сопротивления убеждающим сообщениям.

Более серьезная критика аксиомы сопротивления связана с теоретическими соображениями.

Выше уже шла речь о бомбардировщике В2. Некоторые люди видели в нем комическую машину Бэтмена. Видели ее потому, что опирались на воспринятое ранее, потому, что интериоризировали, будучи «голубями», сообщения о низком ка-

¹ В «Congressional Quarterly» сообщалось и о «хвалебном хоре» установлению отношений с Китаем, и о некоторой критике. Среди критиков были Эшбрук, кандидат на пост президента от республиканцев, и обозреватель Бакли (March 4, 1972, p. 472–473).

честве высокотехнологичного оружия. В то же время другие видели в самолете В2 внушительную летающую машину. Когда предварительные представления настолько влияют на восприятие людей, им уже не нужно думать о том, следует ли воспринимать данное сообщение как суждение в пользу бомбардировщика. Восприятие и оценка представляют здесь единое основанное на схеме действие. Поэтому вряд ли разделение восприятия и принятия в ВПФ-модели является чисто теоретическим.

Можно было бы построить альтернативную теорию, в которой предварительная интериоризация идеологических сообщений-подсказок влияла бы и на вероятность восприятия, и на то, в какой форме будет воспринято некоторое сообщение. Если, к примеру, какой-нибудь индивид из заслуживающего доверия источника узнал, что бомбардировщик В2 — дорогостоящий и бесполезный колосс, то, скорее всего, он в дальнейшем будет обращать внимание на новости о самолете и интерпретировать их в соответствии с этим первоначальным информационным предубеждением.

В социальной психологии существует множество исследований об организации сознания, показывающих, что восприятие теоретически нагружено. При построении ВПФ-модели следовало бы использовать теорию восприятия. То, что это не сделано, является, на мой взгляд, одним из существеннейших на настоящий момент недостатков модели.

Аксиома доступности А3, возможно, наиболее защищенная из всех четырех аксиом. Представление о том, что индивидам проще вспомнить те идеи, к которым они недавно или часто обращались, хорошо подкреплено данными экспериментальной психологии (как в [253]) и исследованиями политических установок [105; 104], а ВПФ-модель просто использует эти результаты. Сказанное, однако, должно говорить скорее о доступности, чем о недавнем использовании. Например, исследования Вилсона и др. (см. обзоры в [251; 249]), а также Миллара и Тессера [174] ясно показывают, что, когда людей просят указать причины их установок и когда просят подумать об их чувствах, они вспоминают разные суждения в отношении некоторого предмета. Отсюда с неизбежностью следует, что поиск в памяти зависит от мелких особенностей задания. Кроме того, на этот поиск влияют, наверно, такие вещи, как настроение, социальный контекст, какие-то недавние действия, даже если они не связаны напрямую с заданием.

Допустив высокую степень простой случайности в процессе поиска в памяти (моя формулировка — случайность идей, находящихся в данный момент на поверхности сознания данного индивида), я обходил потенциальные сложности. Хотя для первоначальной стратегии мое допущение кажется и приемлемым, исследователям, желающим построить соответствующие модели в будущем, стоит уделить больше внимания тому, как происходит поиск в памяти. Тогда они смогут намного лучше объяснить неустойчивость ответов на вопросы массовых исследований во времени.

Другой недостаток аксиомы доступности заключается в следующем: в ней допускается, что актуализация одной идеи увеличивает доступность связанных с ней или аналогичных идей. Естественно задаться вопросом — чем же конкретно определяется связь или сходство данных идей. В настоящее время ВПФ-модель не учитывает этого, но могла бы, если репрезентации потенциально доступных идей в сознании человека уделялось бы больше внимания. Вполне может оказаться, например, что логика или лингвистика меньше определяют связанность идей одна с другой, чем подсказки элиты и другие особенности внешней среды.

В целом же, поскольку, несмотря на отмеченные ограничения, аксиома А3 вполне адекватно выполняет свою роль в модели, она, кажется, нуждается в усовершенствовании в меньшей степени по сравнению с другими аксиомами.

Аксиома реакции А4, утверждающая, что индивиды отвечают на вопросы интервью, опираясь на усредненный набор суждений, которые оказались наиболее доступными в их памяти, является наиболее спорной из всех четырех аксиом. Один из ее важнейших недостатков заключается в том, что она не позволяет учитывать силу (или «крайность») установок, которые люди хотят высказать. Другими словами, аксиома А4 позволяет людям принять одну из позиций по определенному вопросу, но при этом не учитывается, насколько сильной, насколько радикальной будет эта позиция.

В этом бинарном подходе нет ничего изначально неверного. Чаще всего общественное мнение входит в политику элиты в виде одной цифры — процента тех, кто одобряет деятельность президента, или тех, кто поддерживает перевозку детей на автобусах в школы, находящиеся вне района их проживания, для достижения расовой интеграции, или же тех, кто за вывод войск из Вьетнама. Да и все выборы, проводимые в

Таблица 11.1

Отношения между силой оценки
и лежащими в ее основе суждениями

Переменные	Рейтинг Рейгана по 100-балльной шкале						
	0-25	26-35	36-45	46-55	56-65	66-75	76-100
Средняя разность положительных и отрицательных суждений	-2,75	-2,09	-1,78	-0,91	-0,52	0,39	1,90
Средняя сумма положительных и отрицательных суждений	3,02	2,97	2,68	1,76	2,69	2,98	3,14
Общее количество суждений	287	123	146	234	245	419	757

Источник. Исследование NES 1984 года.

США, также принимают агрегированную форму выбора — либо 1, либо 0. Тем не менее в ВПФ-модели стоило бы учитывать силу установок. Можно было бы допустить, что сила индивидуального выражения установки индивидом зависит от общей направленности его суждений, от общего числа актуализированных суждений. Преобладание совершенно консистентных суждений, таким образом, оказалось бы причиной сильных выражений установки.

Мне неизвестны данные, позволяющие проверить эти предположения в связи с какими-нибудь политическими вопросами, но проверку легко провести по оценкам политиков. В исследовании NES 1984 года, например, респондентов просили сказать, что им нравится и что не нравится в Рейгане, и сразу после этого предлагали оценить его по 100-балльной шкале-термометру. Ответы на первый вопрос можно рассматривать как показатель числа и направленности суждений о Рейгане, которые оказались наиболее актуализированными в сознании респондентов, а ответы на второй вопрос можно использовать как показатель силы установок.

Как видно из табл. 11.1, между общим балансом положительных и отрицательных суждений о Рейгане и его общей эмоциональной оценкой наблюдается сильная положительная зависимость. А между общим количеством суждений о Рейгане и эмоциональной оценкой имеет место немонотонное отношение. Таким образом, люди с большим числом положитель-

ных и отрицательных суждений о Рейгане давали ему более крайнюю оценку.

Этот небольшой анализ говорит о том, что сила установок может быть достаточно простой функцией числа и направленности доступных суждений.

Другая сложность с моей аксиомой реакции заключается в том, что она противоречит результатам значительного числа исследований, согласно которым суждения не основаны на поиске в памяти наиболее доступных суждений, а формируются обычно в оперативном режиме, в момент первоначальной обработки поступающей информации [95; 143; 147; 158]. Когда людей просят выразить их установки, они вовсе не конструируют свои выражения установки на основе наиболее актуализированных суждений, как я утверждаю, а просто восстанавливают в памяти свою оценку на данный момент и сообщают ее.

Такая онлайн-модель достаточно правдоподобна, но не во всех ситуациях. Стоит отметить, в первую очередь, что большая часть свидетельств, приводимых Хасти и Парк, относится к вопросам неполитическим — чаще всего это оценки личностей. Как установили Хасти и Парк, при получении информации людям очень сложно удержаться от формирования интегрированных оценок других людей; очевидно, именно эти оценки люди делают совершенно естественно и без усилий.

Из сказанного, однако, совершенно не следует, что то же самое верно в случае политических разногласий. Более правдоподобной представляется обратная картина. По косвенным свидетельствам из многих источников, даже в самых лучших условиях трудно заставить граждан сформировать более или менее согласованные впечатления о политических проблемах (см., например, [137; 44; 98, гл. 9]).

Парк и Хасти указывают на особые условия, при которых люди делают оценки на основе актуализированных в памяти идей. Нередко случается, люди сталкиваются с информацией, настолько для них неважной, что они не заботятся о том, чтобы на ее основе оперативно делать какие-то оценки. И тут их внезапно о таких оценках просят. Когда подобное происходит, люди вынуждены основывать свои суждения, опираясь на те идеи, которые смогут вспомнить. Я предполагаю, что эти ситуации совершенно нормальны при обработке политической информации. Вопросов, по которым респондентам нужно высказать свое мнение, просто слишком много, они слишком многозначны и в целом слишком неясны, чтобы респонденты

могли применительно к ним оперативно обрабатывать информацию [158].

Наиболее сильное доказательство неприемлемости онлайн-модели для политических установок заключается в том, что выражаемые людьми установки *случайно* изменяются со временем, причем на них постоянно оказывает влияние порядок вопросов, которые в соответствии с логикой онлайн-модели должны быть нерелевантными. Даже выражение установок, касающихся известных политиков, как показал эксперимент Вилсона, Крафта и Данна [251], зависит, по всей видимости, от актуализированных в сознании индивидов идей, а не от более глубоких истинных установок. Значит, онлайн-модель страдает теми же недостатками, что и конвенциональная модель истинных установок, которая обсуждалась выше. В сущности, онлайн-модель представляет собой всего лишь вариант старого представления — ответ на вопрос интервью является *откровением* о сложившемся мнении, представлением, которое (это уже отмечалось) не очень соответствует действительности.

Основательно, как я думаю, оградив аксиому реакции от критики со стороны онлайн-модели, мне хотелось бы вернуться немного назад. Хотя я и оправдал процесс суждения, основанный на поиске в памяти и воплощенный в аксиоме A4, последнюю стоит считать только приблизительным описанием того, что происходит в действительности. Я предполагаю, что люди ведут себя подобным образом только при *ограниченной оперативной обработке* политической информации. Это означает, что они оперативно оценивают отдельные предметы, однако им не удается интегрировать всю поступающую информацию в одной новой глобальной оценке. Таким образом, если, например, люди сталкиваются с информацией о семьях, которые на протяжении трех поколений живут на пособия, они оперативно обновляют свои суждения о значимости социального обеспечения для облегчения бедности. Если через некоторое время они столкнутся с информацией о нуждах бездомных, им придется обновлять свои суждения о неудовлетворенных потребностях нации в социальном обеспечении. Но если какое-нибудь необычное событие, вроде опроса общественного мнения, не заставит их обновить обобщенную установку относительно системы социального обеспечения, такой установки у них и *не* будет. Следовательно, когда в интервью людей попросят сформулировать обобщенное высказывание о

необходимом уровне затрат на социальное обеспечение, у них не будет обновленной общей оценки, которую они могли бы выразить, и поэтому они должны будут опираться в своем высказывании непосредственно на все те (обновленные) суждения о бездомных или еще на что-нибудь близкое к теме, что придет им в голову. Аксиома А4 является не столько неверной, сколько не окончательно определенной: принятие решений на основе поиска в памяти происходит, но, пусть и на другом уровне, происходит также оперативная обработка информации.

Рассмотренные выше ограничения указывают на более общие недостатки структуры ВПФ-модели, и, в первую очередь, на ее неспособность описать механизм интеграции полученной информации. В соответствии с аксиомами ВПФ-модели, люди отбирают информацию, когда сталкиваются с ней, а после того, как она уже интериоризирована, каждая единица информации становится просто еще одним суждением в «мусорном ведре» памяти, полном таких же атомизированных мыслей.

Разумеется, это очень сильное упрощение, хотя в сознании представителей некоторых сегментов общественности и может проявиться подобная тотальная несвязанность [152]. Некоторые люди (может, их даже большинство) обязательно строят сложные разработанные представления, которые нельзя описать при помощи моего элементарного понятия «суждение». В отличие от того, что описывается в ВПФ-модели, ментальные структуры разрастаются и становятся более сложными по мере того, как индивиды сталкиваются с новой информацией и интегрируют ее; в результате усиливается, причем на длительный срок, доступность структур. Интегрированные информационные структуры могут также играть большую роль и в восприятии, и в критическом рассмотрении поступающих сообщений.

Другой недостаток ВПФ-модели заключается в том, что в ней не учитывается многократное восприятие одного и того же сообщения. Дает ли двукратное или еще чаще повторяющееся восприятие сообщения два или более суждений? Или же, если следовать духу ВПФ-модели, повысит ли повторное восприятие данной идеи ее актуализированность и тем самым вероятность обращения к ней? Или, наконец, увеличит ли повторное восприятие идеи вероятность ее интеграции в более общие ментальные структуры? Ответы на все эти вопросы, каждый из которых бросает вызов всей системе ВПФ-модели, будут, скорее всего, положительными.

Причина, почему я не учитываю в ВПФ-модели многое из того, что считаю верным, проста — в этом совершенно нет необходимости. Структура модели в состоянии объяснить большую часть варьирования результатов опросов общественного мнения, и мне бы не хотелось делать ее более усложненной.

В будущем, однако, стоит более детально разрабатывать ВПФ-модель. Возможно, пятая аксиома могла бы описывать эффекты обдумывания предмета, даже такого, которое не зависело бы от влияния элит [236] и позволяло построить интегрированные когнитивные структуры (вероятнее всего, схемы). Такие структуры по мере разрастания могут колонизировать или нейтрализовать оппозиционные, менее развитые суждения, что приводит к снижению нестабильности ответов на вопросы интервью. Кроме того, они могут влиять на интерпретацию и обработку новых сообщений, тем самым предотвращая формирование в будущем оппозиционных суждений.

Но представление об интегрированных когнитивных структурах можно распространить и слишком далеко. В частности, не стоит недооценивать *недостаточную* интегрированность большинства политических идей индивидов в согласованные ментальные структуры и вполне комфортное сосуществование противоположных идей и чувств в сознании людей, значительную долю случайности процесса отбора идей, оказывающихся на поверхности сознания человека и контролирующих поведение или высказывание установки.

Лучше всего было бы построить не ВПФ-модель, которую я предложил, а модель Восприятия-Принятия-Интеграции-Формулировки, в которой результат первоначальной обработки информации влияет на восприятие, принятие и интеграцию последующих суждений. Правда, я сомневаюсь, что теоретическая разработка ВПФ-модели в этом направлении будет плодотворна для исследования общественного мнения; сначала надо научиться измерять нечто большее, нежели просто положительные и отрицательные суждения, которые фигурировали в моем исследовании. Здесь, помимо всего прочего, потребуется и обращение к некоторым способам измерения объема и сложности отдельных понятий, когда в потоке устных высказываний опрашиваемого респондента мысли перестают быть организованными одной когнитивной структурой и начинается их ассоциация с другой когнитивной структурой. В ближайшей перспективе, насколько я знаю, такого рода усовершен-

ствования измерительных возможностей массовых опросов не планируются.

Таким образом, я готов признать феномены, которые в настоящее время невозможно описать в рамках ВПФ-модели, и уже в состоянии ясно и конкретно предполагать, как минимально доработать мою модель, чтобы она описывала их. Тем не менее я не вижу оснований для подобной доработки модели, пока не получены данные, необходимые для ее проверки.

Модели процесса восприятия-принятия

Для ВПФ-модели характерна не только интеграция в ее рамках широкого ряда эмпирических закономерностей. Базовая идея модели заключается в том, что и восприимчивость к убеждающим сообщениям, и способность сопротивляться неконсистентным сообщениям увеличиваются вместе с внимательностью к политике. Это как бы двойное утверждение, появившееся в работах Конверса и Макгайра в 1960-е годы, привело к открытию некоторых интересных паттернов изменения установок и обеспечило основу для их организации, как это было показано в гл. 8.

Даже если будущие исследователи обнаружат случаи изменения установок, которые нельзя объяснить при использовании рассмотренной выше типологии (что сомнительно), им тем не менее не стоит сбрасывать со счетов динамику процесса восприятия-принятия, роль политического внимания как переменной, опосредующей этот процесс. Как я отмечал, индивидуальные различия в склонности воспринимать политические сообщения настолько велики и находятся под влиянием такого количества разнообразных условий, что практически учитывать все различия невозможно. Влияние внимательности на принятие или непринятие уже воспринятого убеждающего сообщения является менее универсальным (в частности, оно, по всей видимости, размывается в очень интенсивных партийных выборах), однако все равно является чрезвычайно важным во многих ситуациях; поэтому влиянием внимательности не стоит пренебрегать.

Несмотря на общую важность динамики процесса восприятия-принятия, существует огромное количество вопросов, которые можно задать относительно разработки конкретно моей модели восприятия-принятия. Я объединил их в две группы: вопросы общие теоретические и вопросы методические.

Теоретические вопросы

В начале моего рассуждения об изменении установок (гл. 7) я говорил, что в ВПФ-модели изменение установок нельзя понимать как изменение опыта — замену одного кристаллизованного убеждения другим. Речь идет об изменении баланса положительных и отрицательных суждений о каком-то определенном вопросе. Вследствие недостатка подходящих данных я не смог полностью обосновать это теоретическое положение. Если точнее, мне не удалось показать, как изменение баланса суждений в сознании людей со временем ведет к постепенным изменениям ответов на закрытые вопросы интервью, вроде перехода от «сильного согласия» с определенными политическими действиями до «сильного несогласия». На протяжении всего исследования я скорее имел дело с дихотомическим случаем: люди либо меняли первоначальную позицию на противоположную, либо их мнение оставалось неизменным.

Дихотомическое измерение изменения установок имеет технические преимущества: дихотомическая шкала со значениями 0 и 1, которая выделяет тех, кто поддерживает данную позицию, относительно всех других, в том числе и тех, кто говорит «не знаю», является единственной одномерной шкалой, в которой ответы «затрудняюсь ответить» не считаются пропусками. Некоторые люди, отвечающие «затрудняюсь ответить», просто хуже разбираются в политике, нежели их современники, отвечающие на вопросы интервью; отношение к ответам «затрудняюсь ответить» как к пропускам сильно исказит оценки влияния осведомленности на формирование и изменение мнения. Например, значительная часть изменений установок на ранних стадиях вьетнамской войны относилась к переходу граждан, не имевших до того мнения, на позицию поддержки войны.

Реальную информацию о мнении людей передают аттитюдные шкалы, которые измеряют силу выражаемых установок. Изменение силы установок, даже если люди не переходят к противоположной позиции, все-таки тоже несет в себе информацию. Проблема заключается в том, как использовать эти шкалы.

В табл. 11.2 рассматриваются две возможности. Установки по вопросу о вмешательстве США в Центральной Америке дважды измерялись по 7-балльной шкале. В верхней части таб-

Таблица 11.2

**Два показателя изменения мнения
о политике США в Центральной Америке**

Переменные	Уровень политической осведомленности			
	низкий		высокий	
<i>Изменение установок как разность средних</i>				
<i>«Ястребы»</i>				
Среднее по 1986 году	3,67	3,65	4,23	5,26
Среднее по 1987 году	4,28	4,15	4,59	5,60
Разность средних	0,61 (18)	0,50 (40)	0,36 (44)	0,34 (15)
<i>Центристы</i>				
Среднее по 1986 году	3,47	2,76	3,53	3,71
Среднее по 1987 году	4,07	3,95	4,05	3,71
Разность средних	0,60 (30)	1,19 (37)	0,52 (40)	0,00 (14)
<i>«Голуби»</i>				
Среднее по 1986 году	3,87	2,97	2,60	2,27
Среднее по 1987 году	4,07	3,16	3,00	3,19
Разность средних	0,20 (15)	0,19 (31)	0,40 (50)	0,92 (26)
<i>Пропорциональное изменение установок</i>				
<i>«Ястребы»</i>	0,18 (17)	0,03 (37)	0,09 (41)	0,18 (13)
<i>Центристы</i>	-0,01 (29)	0,23 (37)	0,14 (37)	-0,19 (14)
<i>«Голуби»</i>	-0,09 (14)	0,03 (30)	0,05 (49)	0,16 (26)

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

лицы просто берется разность средних по 7-балльной шкале, причем вариант ответа «затрудняюсь ответить» опускается. Как можно видеть, здесь паттерн изменений радикально отличается от того, что присутствовал выше.

Существует, однако, очевидная сложность, вызванная способом измерения изменения установок: сила установки многих хорошо разбирающихся в политике «ястребов» при первом интервью равна 5 или 6, так что усиление поддержки

вмешательства было возможно только до 7; после этого изменение вправо уже исключается. В целом же, чем выше оказывалась склонность респондента изменить свое мнение в направлении усиления своей позиции, тем более узкими были границы реализации такого изменения. В то же время хорошо разбирающиеся в политике «голуби» чаще всего выбирали по этой шкале значения 1 и 2, и у них были просто огромные возможности изменять мнение вправо, даже не переходя на позицию действительной поддержки усиления вмешательства США в Центральной Америке.

Чтобы принять во внимание факторы ограничения минимума и максимума, я рассчитал следующим образом показатель изменения для каждого респондента:

$$\text{Изменение} = \frac{\text{Время}_2 - \text{Время}_1}{7 - \text{Время}_1}$$

Этот показатель, определяемый на основе данных панельных исследований, характеризует изменение мнения каждого респондента как долю вероятности такого изменения. Поскольку деление на нуль невозможно, такой подход предполагает исключение респондентов, которые при первом интервью набрали 7 баллов (требование вполне оправданное, ведь сдвиг вправо уже невозможен).

Результаты соответствующего маневра приведены в нижней части табл. 11.2. Они оказались несколько ближе к результатам моего предыдущего исследования, где также имплицитно контролировались минимальные и максимальные значения¹. Однако, не принимая во внимание эффект максимума,

¹ Паттерн в табл. 11.2 можно было бы считать совершенным, но мнение хорошо разбирающихся в политике «голубей» изменилось гораздо сильнее, нежели ожидалось. Естественно, меня заинтересовала эта проблема, и я изучил ее. Решающую роль сыграли два индивида (случай с 26 респондентами), которые изменили мнение о вмешательстве в Центральной Америке по 7-балльной шкале от 1 балла в 1986 году до 7 баллов в 1987 году, т. е. в максимально противоположном направлении.

Сразу же после этого вопроса в исследовании 1987 года им задавался вопрос о том, следует ли увеличить, уменьшить или оставить на том же уровне помощь партизанам контраст. Оба проблемных «голубя» добровольно, вне рамок закрытого вопроса, ответили, что стоит вообще прекратить поддержку контраст! Очевидно, прежние их заявления о поддержке «большого вмешательства США в Центральной Америке» были обманчивыми. Не исключено, что оба респондента хотели, чтобы Соединенные Штаты больше занимались проектами развития в данном регионе или осуществляли гуманитарную помощь. Скорее же всего, они просто ошиблись в использовании 7-балльной шкалы. Это могло легко случиться, поскольку в 1987 году интер-

полученные данные теоретически не более обоснованны, чем в первом случае. Нам не удастся в вопросе с градациями связать вероятность о переходе на другую позицию с набором суждений в сознании людей.

Чтобы выяснить, какой может оказаться эта связь, рассмотрим некоторый дихотомический вопрос, сообщения о котором в большей степени поддерживают одну из позиций, например либеральную, так что даже консерваторы в этом вопросе переходят на сторону либералов. Такая поддержка со стороны консерваторов будет скорее всего амбивалентной, поскольку любое усиление потока консервативных сообщений перекосит баланс суждений в сознании многих консерваторов, и они быстро перейдут на еще более консервативную позицию. Либералы (они изначально менее амбивалентны) вряд ли будут переходить на другую позицию. Таким образом, даже если у обеих групп будут формироваться одни и те же новые суждения, даже если мнение у тех и других будет меняться одинаково, более склонными перейти на другую позицию окажутся консерваторы, и в первую очередь хорошо осведомленные консерваторы, благодаря большей восприимчивости к новым идеям и (наверное) большей первоначальной амбивалентности, связанной с предыдущим восприятием оппозиционных сообщений. Я думаю, что подобного рода аргументация могла бы послужить хорошим стартом для дальнейших исследований в этой области¹.

Другой важный вопрос, касающийся процесса восприятия-принятия, заключается в следующем: почему именно способность к критическому сопротивлению убеждающим со-

вью проводились по телефону. При таком способе опроса интервьюеры описывали 7-балльную шкалу, вместо того чтобы, как в обычном опросе NES, показывать карточку, на которой эта 7-балльная шкала нарисована. Я проверил многие из телефонных интервью 1987 года и обнаружил один случай, когда — я просто уверен — респондент, описывая свою позицию по вопросу о Центральной Америке, указал неправильный номер, и еще один случай, когда респондент ошибся. Интервьюеры опросного центра Мичиганского университета обычно неохотно используют 7-балльные шкалы при телефонном опросе. Приведенные факты подтверждают оправданность такого решения.

¹ Поскольку сложно предвидеть, в отношении каких вопросов в действительности будет происходить изменение установок, связь между суждениями и подверженностью изменениям, очевидно, необходимо изучать в лабораторных условиях. Для изучения в естественных условиях особенно подходит рейтинг президента; в этом случае есть возможность наблюдать относительно сильное варьирование во времени.

общениям усиливается вместе с уровнем политической осведомленности. Я предложил здесь трехсоставное объяснение, указывая на механизмы инерционного сопротивления, оппозиционного сопротивления и сопротивления приверженности.

Утверждение об оппозиционном сопротивлении, о том, что более информированные граждане более способны к сопротивлению доминантному потоку сообщений, потому что они с наибольшей вероятностью узнают о низкоинтенсивном потоке оппозиционной информации, оказывается самым эмпирически обоснованным. Сложно представить, как можно было бы объяснить конкретные паттерны изменения мнений, проявившиеся во время вьетнамской войны и при голосовании на выборах в конгресс, не ссылаясь на влияние оппозиционных сообщений.

Утверждение о сопротивлении приверженности — люди отвергают те идеи, которые они могут распознать как неконсистентные со своими ценностями, — также кажется достаточно обоснованным.

И наконец, третье утверждение — об инерционном сопротивлении, которое предполагает, что люди, обладающие большим запасом инерционных суждений по некоторому вопросу, более критически относятся к последующим изменениям. Этот механизм сопротивления, хотя и возникает при введении Конверсом [43] представления о динамике восприятия-принятия, открыт для критики. В связи с ним возникают теоретические и эмпирические проблемы.

Сначала — о теоретических проблемах.

Предположим, что C_1 и D_1 — это оппозиционное и доминантное суждения в сознании человека в начальный момент времени 1, а C_2 и D_2 — это оппозиционное и доминантное суждения в сознании человека в последующий момент времени 2. Ожидаемое изменение ответов на вопрос интервью рассчитывается следующим образом.

$$\text{Вер(изменения ответа)} = \frac{C_1 + C_2}{(C_1 + C_2) + (D_1 + D_2)} - \frac{C_1}{C_1 + D_1} \quad (11.1)$$

Тезис об инерционном сопротивлении говорит, что чем больше C_1 , тем больше сопротивляемость человека влиянию доминантного сообщения. Если данное условие выполняется, то производная уравнения (7.1) в отношении C_1 должна быть положительной; это показывало бы, что большее первоначаль-

ное количество оппозиционных суждений при прочих равных условиях связано с более высоким уровнем длительной поддержки оппозиционной позиции. На деле, однако, производная уравнения (7.1) в отношении C_1 не оказывается положительной; мы имеем сложную функцию, которая показывает, что между C_1 и сопротивлением доминантному сообщению нет явной связи¹.

При всем при том представление об инерционном сопротивлении остается интуитивно правдоподобным. Более того, у нас есть некоторые эмпирические доказательства его существования, полученные при анализе голосования в палату представителей. Да и убежденность и лояльность искушенных пожилых приверженцев соответствующих партий в отношении Кореи и Вьетнама (здесь надо обратиться к гл. 8) можно считать свидетельством в пользу инерционного сопротивления. Идея заключается в том, что пожилые приверженцы своих партий имеют более долгий опыт в отношении своих установок и, следовательно, больший объем инерционных суждений, позволяющих им сопротивляться убеждениям.

Если говорить об эмпирических проблемах, то особенно беспокоят данные по общественной реакции на инициативу президента Никсона в отношении коммунистического правительства континентального Китая (см. гл. 6). Этот вопрос занимал консерваторов целых два десятилетия, и я ожидал, что искушенные консерваторы, прежде всего пожилые, будут проявлять некоторое инерционное сопротивление в отношении допуска Красного Китая (он тогда так назывался) в ООН. Я старательно искал свидетельства инерционного сопротивления, которое должно было придать немонотонность отношению между осведомленностью и поддержкой признания Китая, но ничего не смог найти. Отношение к новой господствующей норме было, как отмечалось в гл. 6, монотонно положительным и среди консерваторов, и среди всех остальных людей.

Другим разочарованием в связи с инерционным сопротивлением был поразительный переход республиканцев-активистов

¹ Численный анализ производной при правдоподобных значениях ключевых терминов выявил, что показатель C_1 , как и ожидалось, часто связан с сопротивлением доминантному сообщению, но зависимость эта никогда не становится сильной.

При проверке влияния C_2 и D_2 , связанных с оппозиционным сопротивлением и сопротивлением приверженности, у производных уравнения (7.1) оказался именно тот знак, который ожидался.

тов с максимальными показателями партийной приверженности и осведомленности к поддержке контроля цен и заработной платы, о введении которого Никсон объявил в начале 1971 года (см. гл. 6). Можно представить, насколько такой контроль был противоположен традиционному республиканскому консерватизму; тем не менее он почти не вызвал сопротивления.

Эти два случая и, кроме того, данные об умеренном эффекте инерционного сопротивления на выборах в конгресс укрепляют ощущение, что инерционное сопротивление как источник сопротивления доминантной политической кампании менее важно, чем сопротивление приверженности или оппозиционное. Наверное, следует все-таки сохранить понятие инерционного сопротивления, однако его стоит держать в резерве, пока переформулированная теория или же более качественные данные не обеспечат более надежных доказательств.

Я считаю, что инерционное сопротивление, как и две другие формы сопротивления, зависит от поддержки актуальной политической среды. В случаях проявления чего-то похожего на инерционное сопротивление новой идее, когда искушенные пожилые консерваторы возражали против войны в Корее, а искушенные пожилые либералы выступали против антивоенной пропаганды во времена вьетнамской войны, в этих двух случаях, как бы зеркально перевернутых, наблюдалось значительное усиление сложившихся ранее в дискурсе элиты установок. При полном изменении Никсоном политики США в отношении коммунистического Китая, как мне казалось, инерционное сопротивление должно было проявиться. Этого, однако, не произошло. По отношению к новой политике Никсона практически не было ни оппозиции элиты, ни сопротивления среди хорошо разбирающихся в политике консерваторов.

То, что я называю инерционным сопротивлением, может проявляться примерно следующим образом. Люди, обладающие большим объемом сформировавшихся ранее суждений о каком-то вопросе, могут проявлять невероятное сопротивление по отношению к новым идеям, но только тогда, когда дискурс элиты показывает, что чувства этих людей еще уместны. При отсутствии хотя бы минимальной легитимации со стороны элиты старые чувства могут быть затоплены новыми идеями, как это случилось с крутым поворотом политики Никсона в отношении Китая. Легитимации элиты может быть недостаточно, чтобы внедрить в чье-либо сознание новую идею,

но она может пробудить и укрепить существовавшие ранее суждения.

В данный момент уместно вспомнить, что два из трех механизмов сопротивления — сопротивление приверженности и оппозиционное сопротивление — зависят от поддержки элиты (от сообщений-подсказок в первом случае и оппозиционной информации во втором). Как оказывается, и инерционное сопротивление, наименее важное из всех трех механизмов, тоже может зависеть от сообщений элиты. Вывод из этого до боли прост: способность граждан к автономному сопротивлению доминантным сообщениям элиты очень четко ограничена.

Перейдем теперь к наиболее сильному, хотя и наименее заметному, упрощению модели восприятия-принятия. Речь идет о неявном допущении, согласно которому индивиды никогда не думают сами, а вместо этого полагаются исключительно на сообщения, воспринятые ими из внешней среды. Технически это допущение выглядит следующим образом.

$$\text{Вер}(\text{изменения установки}) = \text{Вер}(\text{восприятия}) \times \\ \times \text{Вер}(\text{принятия}|\text{восприятия}) + \text{Вер}(\text{принятия}|\text{без восприятия}),$$

где $\text{Вер}(\text{принятия}|\text{без восприятия})$ всегда равна нулю.

Сложно сказать, насколько это допущение сильное. Но прежде чем определить это, мне бы хотелось представить ограничение, касающееся независимости мышления с той точки зрения, что *допускает* модель восприятия-принятия. А она допускает следующее: люди обладают различными политическими предрасположенностями и могут быть в большей или меньшей степени предрасположены в отношении равенства, агрессивной военной политики, терпимости к инакомыслию и т.д.; вне зависимости от того, являются ли предрасположенности продуктом социализации, взрослого опыта, личного интереса, врожденных особенностей или же рационального выбора, они представляют собой критическое, внутренне мотивированное влияние на мнение и, значит, обеспечивают гражданам значительную степень автономии относительно информационных потоков элиты.

Другими словами, формулировка модели не предполагает, как утверждал один из первых читателей черновика этой книги, что индивиды являются пассивными реципиентами того, во что их заставляют верить элиты; модель скорее предполагает выбор гражданами, *исходя из своих предрасположенностей*, тех альтернатив, которые сформировали и предложили им элиты.

Это достаточно жесткое, но все-таки не оскорбительное заявление. Мой тезис заключается в том, что большинство граждан (в той мере, в какой они проявляют внимание к политике) связывают себя с лидерами или группами, которые разделяют их предрасположенности и имеют больше информации, нежели они сами. Таким способом они избегают необходимости и, очевидно, практической невозможности действительно думать о соответствующих вопросах (нормативные и исследовательские выводы из последнего утверждения см. в гл. 12).

Раскроем сказанное на конкретном случае, который подробно изучался в настоящей книге, — я имею в виду войну во Вьетнаме. Вопрос был мучительно сложным для многих людей, особенно для образованных либералов. Эти люди были склонны поддерживать войну в ее начальный период, но потом обнаружили, что поддержка становится все более затруднительной; со временем они, очень огорчаясь, все больше настраивались против вьетнамской войны.

Моя модель восприятия-принятия, разумеется, объясняет и изначальную поддержку, и последующую оппозицию образованных либералов в результате воздействия подсказок либеральных элит. Для многих образованных либералов было сложно перейти на антивоенную позицию, когда лидеры мнения либеральной элиты стали все больше выступать против войны. Здесь вполне возможно появление амбивалентности — противоречия двух противоположных суждений; эта амбивалентность возникает вследствие действия инерционного сопротивления по отношению к новому антивоенному сообщению. Такое инерционное сопротивление в соответствии с моделью будет более сильным среди пожилых либералов, которые, в отличие от молодых, хранят в памяти большое количество антикоммунистических и других суждений, связанных с холодной войной. Хотя только немногие образованные либералы могли осознать свои мучения из-за эффекта инерционного сопротивления новой норме элиты, в модели, мне кажется, совершенно справедливо утверждается, что именно так все и было.

Я менее уверен в том, что аргументы, представленные в этой книге, столь же точно могут описать процессы, посредством которых формировались выражения установок менее внимательных к политике людей. Когда люди проявляют меньше внимания к политике, влияние на них потока политических сообщений, представление о котором является ключевым для данной книги, более слабое.

Как менее внимательные к политике люди реагируют на политические проблемы при отсутствии внимания и информации по соответствующим вопросам — это загадка. В какой-то мере объяснение заключается в том, что выражаемые этими людьми установки обычно ненадежны, они изменяются со временем и мало связаны с их политическими предрасположенностями. Согласно другому объяснению, в ряде случаев невнимательные к политике граждане часто «ошибочно» выражают свои установки: они отвечают, делая неправильные догадки о смысле вопросов, которые им задают. Я сумел ясно описать один такой случай в гл. 5, где показывалось, как невнимательные люди отвечали на определенным образом сформулированный вопрос о затратах США на помощь партизанам контрас и на вопросы о правительственных затратах вообще. В результате либералы, выступающие за социальное обеспечение, больше всего поддерживали помощь контрас, а консерваторы — противники социального обеспечения — чаще всего выступали против. Однако эта неправильная корреляция с идеологией исчезла, как только в более развернутом вопросе появилась информация, что контрас были противниками коммунистов.

Выше подчеркивались негативные элементы, делался акцент на том, что исчезает из установок, которые выражают невнимательные к политике граждане. Но есть и позитивная сторона; поэтому нужно указывать на то, что остается в установках.

Очевидно, те же предрасположенности, которые побуждают выражение установок политически осведомленных граждан, влияют и на менее осведомленных. Просто предрасположенности могут действовать на мнение более прямо (по крайней мере, вне всякого опосредования через информацию и подсказки лидеров мнения, которые содержатся в политическом дискурсе элиты). Например, Снайдерман, Броди и Тетлок [227] сообщают, что у малообразованных граждан на выражаемые ими установки по отношению к различным политическим или социальным группам могут сильно влиять чувства или эмоции, а у более образованных людей на передний план выступают показатели идеологии.

Динамика общественного мнения, основанного на межгрупповых чувствах, не должна сильно отличаться от динамики общественного мнения, основанного на дискурсе элиты. Люди, уделяющие мало внимания дискурсу элиты, должны

тем не менее получать информацию о мире и оценивать в свете своего понимания ее значимости; они все-таки будут формулировать свои выражения установки на основе актуализированных в сознании идей (или чувств), со всеми вытекающими из этого последствиями. Другими будут только источники под-сказок лидеров мнения и информационные потоки: источниками могут быть неформальные и соседские субкультуры, а не господствующая элита; информация же может распространяться посредством слухов и устных рассказов, а не через СМИ. Такие коммуникативные потоки могут и подкреплять, и опровергать информацию, передаваемую по каналам СМИ (в качестве примера я сошлюсь на бывший Советский Союз), но они не обязательно противоречат принципам модели восприятия-принятия. По моим наблюдениям, коммуникация лицом-к-лицу, когда информация передается как при заражении, может протекать в соответствии с принципами той же модели, что и коммуникация от элиты к массам через СМИ.

Могут ли идеи, которые появляются у самой публики и распространяются через слухи, отличаться от тех идей, которые предлагают элиты? Да, могут. Бунты налогоплательщиков и разного вида негативные реакции, в том числе выступления против федеральных действий по обеспечению расового равенства, являются, возможно, одним из тех типов установок, которые возникают скорее у общественности, а не у элиты. Правда, бывают случаи, когда политики раздувают возмущения и избиратели бунтуют, потому что политики хотят извлечь выгоду из этих мятежей.

Сказанное возвращает нас к обсуждавшемуся выше вопросу: как часто элиты автономно управляют общественным мнением? как часто они просто следуют за публикой, которая движима своими собственными внутренними принципами? И здесь опять у меня нет общего ответа. Я могу только наблюдать, что в тех конкретных случаях, которые рассматриваются в настоящей книге, есть основания полагать, что элиты скорее ведут, чем ведомы.

Методические вопросы

Во второй половине книги я стремился показать, как формируется общественное мнение под влиянием взаимодействия изменения интенсивности потоков политических сообщений на агрегированном уровне и различий в политической осве-

домленности и политических ценностях на индивидуальном уровне. При статистическом моделировании этого взаимодействия возникают дополнительные вопросы.

Я обратился к двум общим подходам, в одном из которых допускалось, что на общественность воздействует один поток сообщений, а в другом — два конкурирующих потока сообщений. Первый подход, хотя и основан на упрощении, дает удивительно точные предсказания о том, чего нам следует ожидать при определенном ряде условий. Однако, как стало ясно из гл. 9 и 10, некоторые важные особенности общественного мнения нельзя объяснить в рамках модели с одним потоком сообщений. В частности, неоднозначность изменения мнений либералов в начале вьетнамской войны и обратная связь между интенсивностью кампании и долей избирателей на агрегированном уровне, голосующих за кандидата не от своей партии, требуют точного моделирования влияния двух информационных потоков.

Наверное, некоторые читатели следят за развитием моей аргументации от модели с одним потоком сообщений к модели с двумя потоками сообщений с некоторой долей смятения. Со статистической точки зрения модель с двумя потоками сообщений несколько неуклюжа, требует таких данных, какие редко можно найти, и не делает четких предсказаний того, что произойдет в конкретной ситуации. И если предсказания в модели с одним потоком сообщений, которые не только ясны, но и эстетически привлекательны, имеют лишь ограниченную приложимость, то, как могут спросить читатели, чего же после всего этого стоит моя модель восприятия-принятия?

Однако я думаю, что любое пренебрежение в отношении варианта модели с двумя потоками сообщений необоснованно. Пусть эта модель вряд ли может использоваться для дедуктивного вывода, зато ее можно применять, например, в таких случаях, как война во Вьетнаме и выдвижение кандидатов на пост президента, в качестве основы для строгого статистического моделирования. Более того, модель с двумя потоками сообщений играет важную роль в объяснении того, почему более простая модель с одним потоком сообщений в некоторых случаях не работает и при этом оправдывает некоторые существенные принципы процесса восприятия-принятия.

Если уж и критиковать представленную мной модель восприятия-принятия, то тогда за то, что так слабо связаны один

с другим два ее варианта — модели с одним и двумя потоками сообщений. Конечно, предпочтительнее было бы иметь одну статистическую модель, которую посредством эксплицитных упрощающих допущений можно было бы сводить к различным более простым формам. Однако я не смог сформулировать такую сводную модель восприятия-принятия.

Другой проблемой является статистическая устойчивость. Можно было заметить, что некоторые из моих результатов достаточно неустойчивы. Эта неустойчивость проявляется в значительных стандартных ошибках коэффициентов, в необходимости вводить ограничения коэффициентов для получения приемлемо значимых оценок. В итоге иногда затрагиваются два самых теоретически важных эффекта ВПФ-модели — влияние осведомленности на восприятие и на сопротивление воспринятым убеждающим сообщениям.

Здесь следует заметить, что современная статистическая теория, в отличие от большинства исследований общественного мнения, склонна преуменьшать важность статистической значимости, полученной в одном тесте модели на одном наборе данных. Вместо этого отмечается важность стабильности результатов, полученных при исследовании близких проблем и при разных наборах данных, подчеркивается величина отдельных влияний и теоретического паттерна, которому они должны соответствовать [4]. Результаты, оцененные в свете этих критериев и представленные в гл. 7–10, являются достаточно строгими. Политическая осведомленность, в частности, оказалась чрезвычайно значимой, она производила серьезные, теоретически объяснимые и иногда неожиданные эффекты. Когда величина влияния осведомленности варьировалась, различия часто соответствовали теории (так, как это было при отсутствии в некоторых ситуациях влияния осведомленности на сопротивление). Общий вес всех полученных данных, включая стоящую за ними теорию и эксперименты, на которых основана ВПФ-модель, позволяет не беспокоиться по поводу стандартных ошибок отдельных коэффициентов.

И все же информация о за частую больших стандартных ошибках и потере статистической точности вполне реальна. Даже после ограничений, которые я добавил в ВПФ-модель, многие коэффициенты так и остались очень неточными.

У этой проблемы несколько причин.

Прежде всего, в моделях с одним и с двумя потоками сообщений переменные сильно взаимодействуют. Теоретически

предполагается, что политическая осведомленность появляется в модели несколько раз. Таким образом, в модели с одним потоком сообщений — уравнение (7.7) — переменная «осведомленность» используется дважды в функции восприятия (в исходной функции и функции изменения) и еще дважды в функции принятия. В модели с двумя потоками сообщений (см. гл. 9) осведомленность появляется в функции восприятия и либерального, и консервативного сообщений, в функции принятия обоих сообщений, а также в функции вспоминания. Переменные предрасположенности возникают дважды. В результате всего этого, даже если и вводятся определенные ограничения, имеет место очень сильная мультиколлинеарность, и поэтому теряется статистическая точность модели.

Другой источник статистической неточности связан с тем, что модель должна описывать, как изменяются характеристики небольших подвыборок. В частности, модельная оценка влияния осведомленности на сопротивление сильно зависит от небольшого количества людей, которые воспринимают много сообщений и очень критически к ним относятся. Такие люди могут составлять около половины верхнего дециля всего распределения политической осведомленности, т. е. около 5% выборки, которая в некоторых случаях изменения установок была достаточно небольшой. Мультиколлинеарность при небольшом объеме критических подгрупп может нарушить статистическую точность любой модели, какой бы хорошо разработанной она ни была.

Вследствие всего сказанного различие в оценках случаев, когда политическая осведомленность влияет на сопротивление убеждающим сообщениям и когда она не оказывает такого влияния, может быть очень незначительным. Это подтверждает и рис. 11.1, где показано, насколько малы различия коэффициентов моделей изменения мнений о вмешательстве США в Центральной Америке при исключении осведомленности из функции восприятия¹ (на рисунке я изменил шкалу по оси ординат, заменив обычную от 0 до 1, чтобы облегчить понимание того, что происходит). Кажется странным, но на основе представленного графика влияние осведомленности на сопротивление не так уж легко точно зафиксировать.

¹ Оценивая модель на рис. 11.1, я приравнял коэффициенты исходной функции к тем, что были в табл. 7.8; поэтому свободно варьироваться могли только коэффициенты функции изменения.

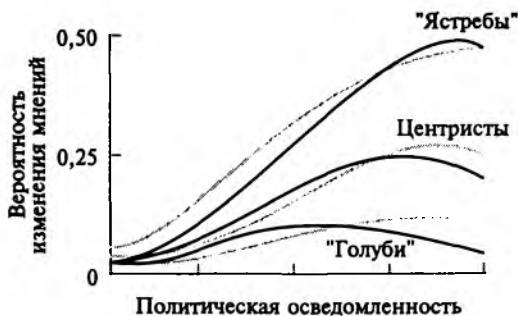

Рис. 11.1. Вероятность изменения мнений о вмешательстве США в Центральной Америке в соответствии со стандартной моделью (черные линии) и при исключении политической осведомленности из функции принятия (серые линии). Основанное на осведомленности сопротивление сведено до нуля

Источник. Исследования NES 1986 и 1987 годов.

Даже влияние осведомленности на восприятие, которое по всем статистическим оценкам достаточно надежно, иногда не так просто выявить. Вернемся, например, к паттернам голосования за кандидата от республиканской партии среди демократов (см. рис. 10.6). Более высокий уровень осведомленности связан с большим сопротивлением президентской кампании, однако здесь нет и намека на то, что осведомленность имеет положительную связь с восприятием. Аналогично и в данных о голосовании за кандидата не от своей партии в сенат, как показывает тот же рисунок, почти нет визуальных или статистических свидетельств влияния политической осведомленности на восприятие. Тем не менее значительная часть данных, представленных во второй половине книги (как и конкретные цифры о выборах в сенат, рис. 10.7), позволяет понять, что осведомленность в этих и во многих других рассмотренных нами случаях связана с сильными индивидуальными различиями в восприятии.

И что же можно сделать перед лицом перечисленных выше трудностей — мультиколлинеарности, зависимости от результатов вычислений, полученных на весьма небольших подвыборках, и эффектов, которые могут быть очень незначительными или незаметными? Прежде всего, важно понимать, что ни одна из трудностей не является проблемой самой ВПФ-модели. Тот факт, что переменная «осведомленность» влияет и на восприятие, и на принятие и что эти влияния могут при определенных

условиях взаимодействовать, давая слабонемонотонные кривые, которые сложно отличить от прямых, описывающих несильную отрицательную зависимость, и даже от просто прямых, перпендикулярных оси y , — отнюдь не проблема самой модели. Сложность скорее заключается в том, чтобы найти способы проверки модели, которые дадут возможность проявиться ожидаемым эффектам, несмотря на типичный «шум» в данных опросов.

Предосторожности, необходимые для проведения надежных тестов статистических моделей, в целом хорошо известны, однако я все-таки добавлю несколько замечаний, касающихся особенностей ВПФ-модели.

Надежность показателей. Поскольку результаты часто зависят от поведения характеристик сравнительно небольших подвыборок респондентов с очень низким и очень высоким уровнем осведомленности, важно получить показатели политической осведомленности, которые могут надежно различать эти подвыборки.

Как объясняется в гл. 2 и в Указателе переменных, простой тест политического знания выполняет функцию измерения лучше, чем прочие альтернативные показатели. В каждом случае, когда у меня была возможность для сравнения, другие виды переменных оказывались хуже в том смысле, что они давали более слабые эффекты по сравнению с теми, какие могли выявить показатели политического знания. Таким образом, когда я использовал в тестах модели восприятия-принятия не переменную «политическое знание», а другие переменные, я получал значительно более слабые результаты; в некоторых случаях полученные результаты вообще не представляли интереса.

В разных дисциплинах — это стоит отметить — предпочитают разные типы вопросов, измеряющих то, что я называю политической осведомленностью. Например, политологи расположены к переменной «интерес к политике», особенно к признаваемому самими респондентами уровню интереса к предвыборным кампаниям¹. Специалисты в области медиа-исследований предпочитают показатель признаваемого респондентами внимания к СМИ (см. в связи с этим [202]). Социологи же на передний план выдвигают образование, которое они считают характеристикой социальной стратификации. Только психологи (по причинам, в какой-то мере связанным с предрассудками их дисциплины) часто используют политическое

¹ См. на стр. 511–515 описание подвохов при использовании показателей этого типа.

знание, которое они понимают как показатель экспертизы; о последней ими написано множество работ. В любом случае важно применять статистически надежные показатели. Шкалы, построенные на основе трех или четырех вопросов примерно одинаковой средней степени сложности, обычно не могут хорошо различать крайние группы респондентов с низким и высоким уровнем осведомленности. Если исследователь в состоянии оперировать только тремя или четырьмя вопросами, они, по крайней мере, должны различаться по степени сложности от самого простого до самого сложного¹.

Что касается ВПФ-модели, она достаточно чувствительна по отношению к надежному измерению политических предрасположенностей. Например, мои выводы об изменении установок в отношении вмешательства США в Центральной Америке полностью зависят от доступной шкалы милитаризма, основанной на восьми вопросах; она по чистой случайности тестировалась в опросе, проводившемся во времена ирангейта.

Объем выборки. В двухэтапном исследовании, данные которого использовались для изучения изменения установок 360 респондентов по отношению к Центральной Америке, скорее всего, содержится едва ли не минимальное необходимое число случаев для адекватного тестирования модели восприятия-приятия. Я говорю это потому, что величина и паттерн изменения установок, как видно по первичным данным, соответствуют теоретическим ожиданиям и переменные, которые необходимы для того, чтобы зафиксировать это изменение, были настолько соответствующими, насколько они вообще могли быть, в том числе и шкала осведомленности с 22 вопросами, и α Кронбаха, равная 0,87, и вопросы Пеффли-Гурвица о милитаризме, на которые я уже ссылался. Несмотря на это, ВПФ-модель дала такие оценки коэффициентов, которые, хотя и были достаточно большими, все же вряд ли могли достигнуть приемлемого уровня статистической значимости, даже после введения в модель ограничений.

¹ Тесты на знание, состоящие из простых и сложных вопросов, из-за ограниченной дисперсии обычно дают обманчиво низкие корреляции между отдельными вопросами и общим суммарным показателем (см. примеры в [256]). Исследователи, желающие сконструировать сильный показатель осведомленности, не должны игнорировать корреляцию простых и сложных вопросов или использовать приемлемые нелинейные и нестандартизированные показатели статистической связи (например, коэффициенты, полученные при исследовании связи между показателями по отдельным вопросам и общим показателем при помощи логит- и пробит-анализа).

Разумеется, очень сложно получить большие выборки в опросах, предназначенных для того, чтобы измерить изменение установок, поскольку нечасто удается предсказать изменение установок и то, какие вопросы понадобятся для его фиксации.

Варьирование информационных потоков. Надежные показатели и большие выборки, несмотря на их важность, могут лишь немногим помочь при тестировании ВПФ-модели. Большое значение имеет сильное варьирование главной независимой переменной модели, а именно показателя агрегированного уровня, который характеризует поток убеждающих сообщений, вызывающих изменение. Чтобы получить такое варьирование, нужно отказаться от рассмотренных в гл. 7 и 8 простых случаев, где на всю общественность между двумя этапами опроса воздействует один и тот же коммуникативный поток, и попытаться вместо этого найти другие случаи, при которых на агрегированном уровне наблюдается соответствующее варьирование информационного потока. Материал гл. 9 (в ней анализируется изменение установок за шесть лет вьетнамской войны) и гл. 10 (в которой исследуется влияние 77 разных кампаний по выбору в палату представителей на установки избирателей) показывает, что можно тогда получить. Прекрасные исследования Эрбринга, Голденберга и Миллера [61], а также Маккуена [162] и Бартелса [14] представляют дополнительные примеры тестирования сложных моделей формирования и изменения установок на индивидуальном уровне при варьировании потоков политической информации.

Техника моделирования. Ничто в четырех аксиомах ВПФ-модели не требует, чтобы ее операционализировали и тестировали посредством сложных нелинейных уравнений, какие я использую в этой книге. Но при неизбежных ограничениях эмпирических данных, доступных для тестирования модели, важно выжимать из этой доступной информации столько смысла, сколько возможно. В случае ВПФ-модели, по крайней мере, сказанное означает частое обращение к сложным нелинейным уравнениям. Мое исследование изменения установок было бы гораздо менее успешным, если бы вместо того, чтобы обращаться к логистическим моделям, я полагался бы на стандартные линейные регрессионные уравнения, в том числе на те варианты этих уравнений, которые учитывают взаимодействие переменных.

Разумеется, операционализации, при помощи которых я оценивал ВПФ-модель, неидеальны. Я этого не утверждаю.

Однако они обладают преимуществом в том плане, что в первую очередь учитывают сложное взаимодействие между политической осведомленностью, политическими предрасположенностями и потоком политической информации. Больше того, некоторые типы нелинейных уравнений могут указанное взаимодействие успешно описывать — обстоятельство при тестировании ВПФ-модели очень важное.

Техника моделирования представляет собой только один из факторов успешной проверки ВПФ-модели, который могут контролировать исследователи общественного мнения. И надеюсь, они не преминут сделать все возможное в этом отношении.

Последний методический вопрос касается измерения показателя агрегированного уровня, характеризующего информационный поток. Хотя поток сообщений элиты в СМИ является важнейшей независимой переменной в моем исследовании, я не пытался измерить его очень точно. Это относится даже к моему исследованию установок в отношении вьетнамской войны, где я рассчитал число статей в поддержку и против войны в нескольких журналах.

Как я объяснял выше, сложность заключается в том, что интенсивность потока сообщений означает не просто число и яркость историй, которые представляют СМИ. Она также включает в себя характеристики массовой аудитории, которая находит или не находит данный сюжет интересным. В конечном счете было бы желательно в проникающей способности каждого сообщения четко различать внимание к нему в СМИ и восприимчивость к СМИ, что я в целом и определяю как интенсивность сообщения. Прогресс в решении проблемы измерения показателя агрегированного уровня, характеризующего информационный поток, означает нечто большее, чем просто использование техники подсчета статей. Он скорее всего предполагает объединение более усовершенствованной теории получателя сообщения с близкой теорией контент-анализа СМИ. В то же время исследователи, сравнивая отдельные случаи изменения установок, зависят от своих *экспертных оценок* интенсивности коммуникативных потоков, вызвавших эти изменения, даже когда они будут точно подсчитывать число медиа-публикаций. Другими словами, их проверки моделей всегда будут проводиться *ad hoc*.

Сделав все возможное для оценки моей формулировки и проверки ВПФ-модели, я хотел бы рассмотреть ее возможные обобщения.

Ценность минимализма

Центробежная сила в академических исследованиях (я имею в виду склонность предлагать новые понятия и новый концептуальный аппарат для каждой новой существенной проблемы) применительно к исследованиям политического поведения очень сильна. Более того, наиболее одаренные исследователи наиболее подвержены этой склонности. В результате — я по этому поводу сетовал в начале книги — исследования общественного мнения стали глубоко и без нужды разрозненными, практически лишенными какой бы то ни было теоретической согласованности; каждый новый вопрос для интервью становится объектом специализированной исследовательской литературы.

Настоящая книга сознательно противопоставляется отмеченному центробежному стремлению. Моя цель заключается в том, чтобы зафиксировать ограниченный набор ключевых идей и объяснить с их помощью максимально возможное число явлений. Подобное стремление можно совершенно нелегко характеризовать как империалистическое, тем не менее минималистическое понимание обладает живительной силой. При прочих равных условиях чем больше понятий и различий мы используем для описания некоторого множества явлений, тем меньше мы будем понимать эти явления.

Скорее в духе минимализма, а не империализма мне хотелось бы предположить, что некоторые отдельные явления, отдельные проблемы, которые в настоящее время признаются отдельными темами исследования, могут, как я думаю, плодотворно анализироваться в рамках ВПФ-модели. Здесь имеются в виду оценка личности президента, доверие правительству и народная поддержка авторитарных режимов.

Оценка личности президента

В классической работе о голосовании Стоукс [231] утверждал, что неустойчивость оценок личных качеств кандидатов на пост президента является важнейшим фактором в объяснении перебежания избирателей на следующих выборах на сторону других кандидатов. В недавних исследованиях была сделана попытка более точно определить природу такой оценки личности. Возникло два исследовательских направления: одно уделяет больше внимания эмоциональной реакции на кандидатов — чувствам страха, надежды, гордости и т. д.; другое сосредоточено на

общественных оценках личности президента (например, в какой мере, по мнению публики, кандидат обладает такими личностными чертами, как честность и компетентность).

Оба направления исследований склонны фокусировать внимание на структуре факторов общественной реакции на личность президента, т. е. на латентных признаках, которые лежат в основе оценок общественности (см., например, [123]). Тому, как и почему у людей формируются те или иные оценки личности президента, почти не уделяется внимания. В этой области исследований общественного мнения, как и во многих других близких областях, имплицитно допускается, что все граждане уделяют достаточно внимания политике, чтобы сформировать структурированное представление о главных политических фигурах страны.

В используемом далее подходе информация о личности президента, как и все остальные убеждающие сообщения, напротив, рассматривается как сообщение кампании. Это позволяет использовать модель восприятия-принятия для описания паттернов распространения данного сообщения. Идея здесь заключается в том, что люди, которые уделяют политике больше внимания, получают больше информации о личности президента; они и реагировать на эту информацию будут на основе своего общего уровня политической осведомленности, своих идеологических ценностей и партийной принадлежности. У менее внимательных к политике граждан, обладающих меньшей информацией о личности президента, ниже способность к идеологическим и партийным оценкам тех данных, которые до них доходят.

Такой подход, по крайней мере на первый взгляд, кажется достаточно правдоподобным. Кандидаты на пост президента всегда пытаются в целом продемонстрировать свои безукоризненные качества и скрыть свои изъяны. Иногда их усилия становятся заметными, как в случае попыток Картера показать свою надежность в кампании 1976 года или Рейгана продемонстрировать свое хладнокровие на выборах в 1980 году. Но какими бы незаметными или очевидными ни были эти сообщения кампаний, граждане могут проявлять к ним разный уровень внимания, предрасположенности принимать их.

Обратимся к анализу оценок Рейгана в предвыборной кампании 1984 года. Рейган к тому времени был настолько известен, насколько хотелось бы многим кандидатам на пост президента. При стабильном экономическом положении, при отсутствии скандальных моментов в биографии можно было бы ожи-

дать по меньшей мере среднего рейтинга по компетентности, а учитывая способность Рейгана изображать искренность, — даже высокого рейтинга по честности. Чтобы измерить оценки Рейгана по этим двум показателям (важнейшим, по которым американцы оценивают личность президента [123]), я использовал следующие вопросы из интервью исследования NES: «Теперь мне хотелось бы узнать ваше впечатление о Рональде Рейгане. Я собираюсь прочитать список слов и фраз, которые люди обычно используют для описания политических деятелей. Я попрошу вас после каждого из них сказать, насколько это слово или фраза соответствует вашему впечатлению о Рональде Рейгане: а) *нравственный*; б) *осведомленный*».

Общественность считала одним из главных достижений Рейгана на посту президента то, что он заставил Америку вновь хорошо относиться к себе. При Рейгане США «заняли выгодную позицию» в международных делах — эта идея рефреном повторялась в течение всего времени, пока он был президентом. В то же время многие либералы признавались в своих опасениях: что-то в Рейгане их пугало. Исследование NES выборов 1984 года включало вопросы, направленные на измерение эмоциональной реакции избирателей на Рейгана по обоим признакам: «Теперь нам бы хотелось узнать что-нибудь о чувствах, которые вы испытываете по отношению к кандидатам на пост президента. Я собираюсь называть кандидата, а вы будете говорить мне что-нибудь о нем или о том, что он делал, что заставляет Вас испытывать по отношению к нему определенные чувства, такие, как гнев или гордость. <...> Подумайте о Рональде Рейгане. Скажите, вследствие ли его каких-то личных особенностей или того, что он делал, заставляет ли он вас испытывать: а) *гнев*; б) *гордость*».

Чтобы измерить реакцию общественности на эти вопросы, я использовал базовую модель восприятия-принятия, воплощенную в уравнении (7.5). Результаты оценки приведены в табл. 11.3 и на рис. 11.2¹. (Первичные данные очень близки оценкам на рис. 11.2, так что они отдельно не представлены.)

Результаты эти примечательны в нескольких отношениях.

Прежде всего, для американцев в оценке личности президента большое значение имеет партийная приверженность. Ра-

¹ Хотя графики на рис. 11.2 построены на оценках Рейгана в постэлекторальном исследовании NES, в данных предэлекторальных опросов появляются паттерны очень похожие. В частности, осведомленность вызывает эффект противления только относительно интеллектуального рейтинга.

Таблица 11.3

Коэффициенты оценки президента

Переменные	Черты личности		Эмоциональные реакции	
	Осведомленность	Нравственность	Гордость	Опасение
<i>Функция восприятия</i>				
Отрезок	1,18	2,95	2,94	0,90
Политическая осведомленность	0,74 (0,28)	1,59 (0,75)	1,52 (0,36)	0,96 (0,35)
<i>Функция принятия</i>				
Отрезок	0,48	0,32	1,27	-0,72
Политическая осведомленность	-1,25 (0,24)	-0,17 (0,17)	-0,21 (0,13)	0,20 (0,21)
Партийность (от -2 до +2)	-0,56 (0,11)	-0,52 (0,08)	-0,88 (0,11)	0,66 (0,12)
Идеологическая самоидентификация (от -3 до +3)	-0,37 (0,10)	-0,20 (0,07)	-0,34 (0,07)	0,30 (0,09)
Расовая принадлежность (1 — чернокожие, 0 — прочие)	0,11 (0,35)	-1,09 (0,28)	-1,47 (0,26)	0,05 (0,28)
<i>N</i>	1921	1923	1932	1987

Примечания:

1. За основу модели взято уравнение (7.5), оцененное методом максимального правдоподобия.

2. Вопрос о чертах личности закодирован так: 1 — сильное согласие, 0 — все остальное; вопрос по эмоциональным реакциям: 1 — да, 0 — все остальное. В других шкалах наибольшее значение относится к либералам.

3. Зависимая переменная берется из постэлекторального исследования.

4. Респонденты, ответившие на вопрос об идеологии (V369 и V370), что у них нет мнения, кодировались как занимающие среднюю позицию.

5. Стандартные ошибки указаны в скобках.

Источник. Исследование NES 1984 года.

зумеется, подобное утверждение ни в коей мере новостью не является [32; 47]. Новостью, по крайней мере для академической литературы, является то, насколько сильно при оценке личности президента индивидуальные различия в политической осведомленности взаимодействуют с партийностью и идеологией. На наименее осведомленных граждан партийность

оказывает меньшее влияние, а среди наиболее информированных эффект партийности более заметен.

Другая заметная особенность — это отличие реакции публики на интеллект Рейгана от реакции на все остальные характеристики. В соответствии с представленными данными, Рейгану менее всего удавалось демонстрировать компетентность. Хорошо разбирающиеся в политике консервативные республиканцы (а они сильнее всего поддерживали Рейгана в других вопросах) не признавали за ним эту составляющую эффективной деятельности президента. Уверенно ориентирующимся в политике Рейгана признавали консервативные республиканцы со средним уровнем осведомленности. Можно сказать, только в этом случае среди республиканцев наблюдалась сильно немонокотная зависимость между политической осведомленностью и верой в хорошие качества Рейгана.

Данный паттерн, как я думаю, лучше всего объяснять исходя из различий интенсивности доминантного и оппозиционного сообщений. Доминантное сообщение — это имидж, тщательно разрабатываемый президентскими медиа-технологами, которые искусно расписывали все появления Рейгана на публике и эффективно продвигали идею, что Рейган является безусловным лидером правительства страны. Именно с таким сообщением сталкивались большинство людей, когда получали какую-то информацию о Рейгане из СМИ. Однако было и оппозиционное сообщение, менее заметное на страницах политических комментариев и в аналитических телепередачах и изображавшее Рейгана неинформированным, не интересующимся отдельными проблемами правительства. Оппозиционное сообщение было менее интенсивным и поэтому доходило только до наиболее политически осведомленной части ответственности. Именно в ее сознании оно противостояло влиянию доминантного прорейгановского сообщения. Отсюда и появилась немонотонность, которая заметна на рис. 11.2.

Следует отметить, что, по данным табл. 11.3, политическая осведомленность имеет большое значение в функции принятия только в модели интеллектуальных качеств президента, но не в трех остальных. Это соответствует моей аргументации, представленной в гл. 7. В соответствии с ней причиной связи осведомленности с сопротивлением доминантному сообщению является то, что она косвенно характеризует подверженность оппозиционному потоку сообщений, который недостаточно интенсивен, чтобы воздействовать на всю общественность.

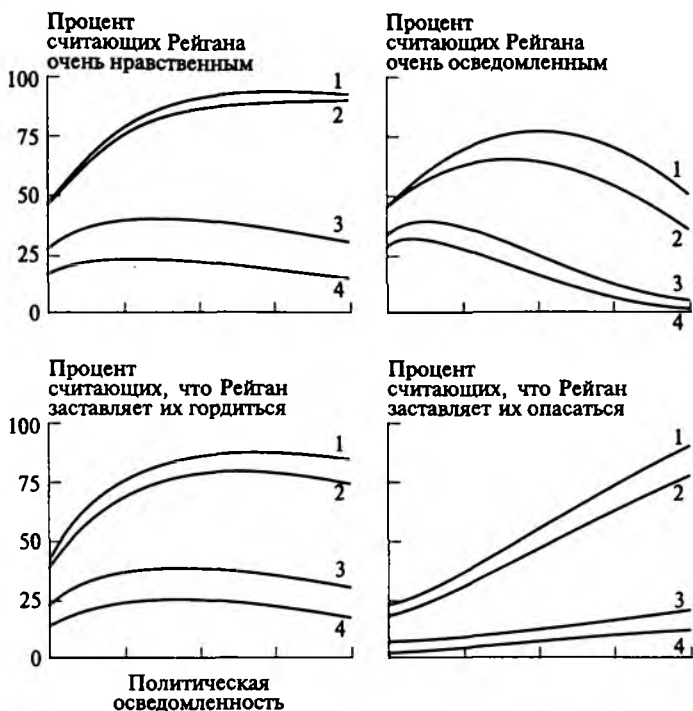

Рис. 11.2. Партийные и идеологические реакции на кандидатуру Рейгана в 1984 г.; оценки основаны на коэффициентах из табл.11.3; осведомленность изменяется от $-1,97\sigma$ до $+2,02\sigma$. Типичные сторонники партий имеют значения $\pm 1,3$ по шкале партийности и ± 1 по 7-балльной шкале идеологической самоидентификации, убежденные сторонники имеют ± 2 балла по каждой из этих шкал; 1 — крайне консервативные республиканцы; 2 — типичные республиканцы; 3 — типичные демократы; 4 — крайне либеральные демократы

Источник. Исследование NES 1984 года.

К несчастью, у нас нет возможности прямо измерить действительную интенсивность прорейгановских и антирейгановских сообщений по каждой из характеристик, представленных на рис. 11.2. Поэтому мы не в состоянии проверить валидность представленных выше утверждений, не обращаясь к интуиции читателя. Тем не менее моя идея открывает новую и, надеюсь, интересную точку зрения на общественные суждения о личности президента. Повторю: речь идет о том, что динамика общественного мнения по вопросу оценки личности президен-

та такова же, как и по всем остальным вопросам. Политические сообщения исходят от элит, в данном случае из политических кампаний, от медиа-технологов, а также из результатов деятельности президента; реакция же масс на эти сообщения зависит от индивидуальных различий в ценностных ориентациях и степени внимания к политике, а также от относительной интенсивности различных потоков сообщений.

Доверие правительству

В середине 1960-х годов, когда США только собирались вступить в войну с Вьетнамом, доверие населения правительству было просто впечатляюще высоким [138]. Но затем, начиная с 1965 года, доверие начало ослабевать, и эта тенденция вскоре затронула установки в отношении не только правительства, но и практически всех американских институтов, включая даже церковь [175; 39; 146].

Причины снижения доверия так никто и не выяснил, однако многие утверждали, что все дело в беспокойных событиях 1960-х годов (имеются в виду, в частности, непопулярная война во Вьетнаме, протест против нее, черные городские бунты).

Должна ли волна цинизма, прокатившаяся тогда по стране, соответствовать динамике модели восприятия-принятия?

Если считать, что снижение доверия есть разновидность изменения настроения, расположения духа, отражавшего то тяжелое положение, в котором оказалась страна, то ответ, вероятно, будет отрицательным. Модель восприятия-принятия должна описывать распространение определенных идей и сообщений, а не аморфных настроений. Однако, с другой стороны, если предположить, что уменьшение доверия является реакцией общественности на нападки безумных бунтарей и левых интеллектуалов на национальную целостность, то ответ будет положительным. Сообщения «либерального безумия» распространяются точно так же, как и любые другие сообщения.

Поскольку я никак не мог решить, какое из этих пониманий более соответствует действительности, поскольку я чувствую себя обязанным говорить о плюсах и минусах своей модели, соответствующая проверка модели представляется просто вынужденной. Однако недавно Ситрин, который специализируется на анализе доверия правительству, пришел к выводу, что модель восприятия-принятия скорее всего вполне приложима здесь,

Рис. 11.3. Кривые снижения доверия правительству; доверие измеряется на основе двух вопросов о том, можно ли считать, что правительство делает то, что нужно, и верно ли, что правительство управляется несколькими крупными лоббистскими группами

Источник. Исследования CPS 1964 и 1972 годов.

и попросил меня посоветовать ему, как лучше конструировать шкалы политической осведомленности. Я послал ему данные обо всех шкалах, использованных в опросах NES, и стал ждать результатов анализа.

Некоторые из этих результатов приведены на рис. 11.3. Как видим, усиление недоверия правительству во время вьетнамской войны соответствует паттерну распространения либерального сообщения. Среди либералов наблюдается почти положительная линейная зависимость между осведомленностью и изменением в направлении либерального сообщения; среди консерваторов имеем резко немонотонное отношение (центристы, которые на рисунке не показаны, следуют нечеткому среднему паттерну).

Анализируя паттерны изменения доверия правительству за другие периоды времени, Ситрин не нашел больше сколь угодно существенных свидетельств в пользу модели восприятия-принятия¹. Одной из причин этого является, несомненно, то, что необходимо действительно серьезное изменение установок, которое позволит выделить паттерн несмотря на фоновый уровень ошибки измерения; ведь чаще всего колебания уровня доверия правительству с 1972 года были достаточно умеренными. И еще одна причина (возможная и более существен-

¹ Результаты исследования Ситрина являются частью его незаконченной рукописи «Управление разочарованными» («Governing the Disenchanted»), Калифорнийский университет, Беркли.

ная) заключается в следующем: ни один из информационных потоков, приводивших к изменениям, не имел явной идеологической окрашенности. Другими словами, не всегда было ясно, либералы, консерваторы или же центристы должны быть более восприимчивы к сообщению, вызывающему изменение.

Исследование Ситрина об адекватности модели восприятия-принятия при анализе проблемы доверия правительству подчеркивает важный теоретический момент: модель приложима только в тех случаях, когда можно продемонстрировать или правдоподобно предположить, что сообщения, приводящие к изменениям, имеют определенную идеологическую окраску. Если же условие не выполняется, модель восприятия-принятия не работает; в таких случаях совсем не следует ожидать, что она будет столь же эффективна, как в моем исследовании.

Народная поддержка авторитарных режимов

ВПФ-модель возникла при исследовании американского общественного мнения и американской политической психологии. Однако нет оснований считать, что она приложима только к Соединенным Штатам. Модель является очень обобщенной и поэтому может использоваться для описания любой ситуации формирования и изменения общественного мнения под воздействием распространяющихся политических сообщений. В подтверждение сказанного я совместно с Геддс, специалистом по сравнительной политологии, разработал приложение ВПФ-модели для менее развитой демократии¹.

Проблема, которую изучали Геддс и я, была связана с народной поддержкой авторитарных режимов. Как известно, каждое авторитарное правительство пытается контролировать поток новостей и информации, предназначенной для публики. Но какой эффект дает подобный контроль? ВПФ-модель, где делается акцент на распространении сообщений элиты, идеально подходила для ответа на этот вопрос.

Можно предположить, что наиболее осведомленные представители общественности воспринимают больший объем правительственной пропаганды и именно они в состоянии оказы-

¹ Написать совместную статью предложила Геддс, которая, познакомившись с моделью восприятия-принятия, заявила, что, если эта модель является настолько обобщенной, насколько я утверждаю, она должна подходить для объяснения паттернов народной поддержки авторитарного режима и сопротивления ему в Бразилии. Так началось очень плодотворное сотрудничество.

вать ей сопротивление. Соответственно люди со средним уровнем осведомленности скорее всего выражают поддержку политике авторитарного режима. Наше исследование [80] именно это и обнаружило. Используя данные об общественном мнении, полученные в Бразилии в период расцвета авторитаризма в начале 70-х годов, Геддс и я показали, что самый высокий уровень поддержки наблюдался среди граждан со средним уровнем осведомленности. Поддержка действий авторитарного правительства монотонно возрастала с уровнем политической осведомленности (который измерялся, как и в настоящей книге, при помощи тестов на фактуальное знание о политике) вплоть до 90-го перцентиля осведомленности. Затем поддержка приостанавливается и далее начинает падать.

Однако такой немонотонный паттерн не был получен по всем вопросам о действиях правительства. В тех областях, где авторитарное правительство просто продолжало основную линию предшествовавшего демократического режима, немонотонность не наблюдалась: наиболее осведомленные граждане проявляли максимальную поддержку политики правительства. Следовательно, в Бразилии, как и в Соединенных Штатах, сообщения, касающиеся господствующей нормы, не встречают сопротивления. Немонотонный паттерн проявился только в таких вопросах, как цензура в СМИ, т.е. там, где действия авторитарного правительства шли вразрез с политической предшествовавшего режима.

Данных о Бразилии недостаточно, чтобы показать, почему именно более осведомленные индивиды не желают принимать авторитарную политику. В частности, нет четкого ответа на вопрос, основано ли их нежелание на инерциальном, оппозиционном сопротивлении или же на сопротивлении приверженности. Тем не менее в бразильском исследовании содержится сокращенная версия классической Ф-шкалы, и это позволило нам распространить ВПФ-модель в другом направлении.

Ф-шкала, как могут вспомнить читатели, была предложена авторами работы «Авторитарная личность» [5] в качестве показателя предрасположенности к фашистской идеологии. Вопросы шкалы затрагивают такие темы, как повиновение родителям, уважение старших и презрение к слабым. Пусть ни в одном из вопросов явно не говорится о политическом содержании; они все равно предназначены для выявления глубоко укорененных предрасположенностей личности к авторитарным политическим действиям и авторитарной идеологии.

Рис. 11.4. Ф-шкала и поддержка авторитарного режима в Бразилии. В качестве зависимой переменной взята 8-балльная шкала, характеризующая поддержку авторитарных действий, таких, как цензура в прессе и подавление профсоюзов; основные процедуры, использованные при построении графика, повторяют те, что описаны в связи с рис. 3 в работе Геддс и Цаллера [80]; кривые, описывающие авторитарных и неавторитарных респондентов, рассчитывались на интервале $\pm 1,25\sigma$ по Ф-шкале; другие фоновые переменные зафиксированы на типичных значениях

Источник. Исследования университета в Рио-де-Жанейро и Мичиганского университета, 1972–1973 годы.

К несчастью, эффективность шкалы никогда полностью не проверялась в условиях влияния на массы рядовых граждан авторитарного доминантного сообщения. Следовательно, бразильские данные предоставляют нам ценную возможность выяснить, дает ли эта шкала ожидаемые результаты.

Обратимся к рис. 11.4. Здесь Ф-шкала состоит из пяти вопросов, откорректированных в отношении переменных «образование», «пол», «расовая принадлежность» и «место жительства». Как видим, и Ф-шкала, и политическая осведомленность положительно связаны с поддержкой авторитарной политики, но связь эта не прямая¹. Вероятность поддержки действий военного правительства людьми, уделяющими политике мало внимания, оказывается не выше, даже если их личностные предрасположенности, измеренные по Ф-шкале, показывают, что они должны правительство поддерживать. Так получается скорее всего именно потому, что политике уделяется мало внимания; люди просто не могут знать, какие действия собирается осуществить авторитарное правительство (следует

¹ Обе зависимости являются статистически значимыми при общем тестировании модели ($p < 0,01$), см. [80, table 3].

отметить, что люди, набравшие низкие баллы по шкале политической осведомленности в Бразилии, по американским меркам о политике вообще ничего не знали; это были безграмотные люди, они даже не знали имени президента своей страны). Люди со средним уровнем осведомленности демонстрировали большую поддержку авторитарного режима, но не более высокий уровень идеологической искушенности. Так же, как и избиратели, голосовавшие на выборах в палату представителей за кандидата не от своей партии, они некритически реагировали на доминантный поток политических сообщений. Только среди наиболее осведомленных граждан наблюдалось значимое отношение между авторитарными предрасположенностями и поддержкой политики авторитарного режима. Наверное, в Бразилии, как и в Соединенных Штатах, только хорошо разбирающиеся в политике граждане способны реагировать на политические сообщения в соответствии с идеологией, которой они придерживаются.

Материалы исследования [5] указывают на важное ограничение теории авторитарной личности. Речь идет прежде всего о том, что подверженность авторитарной пропаганде не менее важна для поддержки авторитарного режима, чем авторитарные предрасположенности личности. Кроме того, предрасположенность личности — это всего лишь предрасположенность. Будут ли проявляться авторитарные предрасположенности в виде поддержки авторитарной политики и насколько сильно они будут проявляться, зависит, как всегда, от решающего взаимодействия с политической осведомленностью.

Предрасположенность к авторитаризму не является, разумеется, единственным фактором, влияющим на поддержку авторитарной политики. Важно и образование. Более образованные бразильцы были значительно сильнее критически настроены по отношению к авторитарным сообщениям, когда воспринимали их. Очевидно, грамотность позволяла воспринимать оппозиционные сообщения, не прошедшие военную цензуру. В итоге сформировался паттерн, очень похожий на тот, который изображен на рис. 11.4, только вместо баллов по Ф-шкале на нем указывалось образование.

Неожиданно проявил себя в нашем исследовании возраст. Мы предполагали, что пожилые бразильцы, хорошо разбирающиеся в политике и привыкшие к демократическим нормам предшествовавшего режима, будут более критически, нежели их молодые современники, относиться к политике авторитар-

ного правительства. Однако никакого видимого влияния возраста не было; здесь проявились два взаимопогашающих эффекта — приверженность демократическим нормам предшествовавшего режима и предпочтение порядка и стабильности, обеспечиваемых авторитарным правительством.

Не следует слишком сильно подчеркивать частности поддержки режима в Бразилии. Модель восприятия-принятия предполагает значительное варьирование паттернов в разных странах. Типология паттернов поддержки режима в зависимости от того, насколько энергично правительство стремится внушать свои идеи гражданам и насколько доступна гражданам оппозиционная информация, представлена на рис. 11.5.

В странах, в которых правительство предпринимает энергичные меры, чтобы «промыть мозги» своим гражданам, но при этом последним доступны альтернативные политические ценности — примером может служить нацистская Германия, — даже для наименее политически осведомленных граждан характерен (в отличие от наименее информированных бразильцев) по крайней мере средний уровень поддержки норм режима (рис. 11.5а)¹.

В той же авторитарной Бразилии действия режима по мобилизации общественного мнения не были интенсивными (рис. 11.5б). Для многих граждан сохранялся доступ к книгам и издававшейся небольшими тиражами периодике, в которой говорилось об альтернативных ценностях, а некоторые помнили о демократических ценностях предшествовавшего режима.

График на рис. 11.5в отражает источник различий в народной поддержке авторитарных режимов. Речь идет о доступе граждан к оппозиционным, альтернативным политическим ценностям. Есть авторитарные страны — вспоминается Северная Корея, например, — где вряд ли какая-то группа населения помнит или же имеет доступ к антиавторитарным ценностям. Вследствие этого снижение поддержки политики режима, которое мы обнаружили среди наиболее осведомленных бразиль-

¹ График на рис. 11.5а можно отнести и к ныне исчезнувшему Советскому Союзу. Но, конструируя типологию поддержки правительственной политики, мы предполагали, что авторитарный режим проводит авторитарную политику. Правительство Горбачева в Советском Союзе, однако, является частичным исключением. Политику гласности и перестройки в контексте советской истории можно считать неавторитарной. Поэтому можно ожидать, что паттерны поддержки политических программ Горбачева отличаются от тех, которые прогнозируются в других случаях.

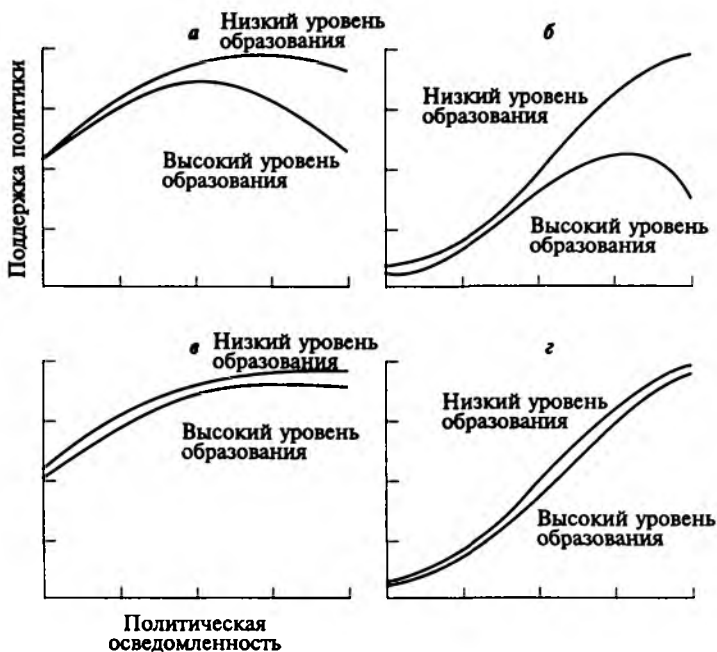

Рис. 11.5. Типология поддержки правительственной политики

цев, среди наиболее осведомленных граждан Северной Кореи проявилось бы слабее или же не проявилось бы вообще.

Трудно представить современную авторитарную страну, которая полностью соответствовала бы графику на рис. 11.5г. Здесь показана поддержка политики правительства Соединенных Штатов (только по вопросам, касающимся общепринятой нормы). Можно было бы вполне обоснованно считать Соединенные Штаты примером немобилизующего режима, элиты которого пришли к высокому уровню добровольного соглашения об определенных нормах в отношении капитализма, демократии, а иногда еще и внешней политики. Материал гл. 6 показывает, что, когда элиты приходят к такому консенсусу, американское общественное мнение на самом деле соответствует паттерну, показанному на рис. 11.5г (см. также рис. 6.5).

Геддс и я в предлагаемой нами типологии имеем в виду те случаи, когда правительство поддерживает хотя бы видимость компетентности и эффективности. Разумеется, это в полной мере распространяется на бразильский режим во время нашего

опроса. Когда правительство заметно менее эффективно (или менее успешно в экономическом плане), можно ожидать более высокой степени сопротивления его политике. Однако в модели можно легко учитывать эффект подобного усиленного сопротивления. Возвращаясь к рис. 8.2 и 8.3, мы видим, что при увеличении сопротивления паттерны поддержки политических действий становятся немонотонными и, наверное, негативными. Поэтому при неэффективном правительстве при прочих равных условиях следует ожидать несколько немонотонный паттерн поддержки среди граждан со средним и низким уровнем образования и почти нулевую или даже отрицательную связь с осведомленностью у граждан с высоким уровнем образования (мы можем просто перерисовать рис. 11.5, чтобы проиллюстрировать эти случаи)¹.

В целом же модель восприятия-принятия конкретизирует, каким образом множество факторов — распространение до этого в государстве других идеологий, интенсивность действий правительства по мобилизации общественности, доступ граждан к альтернативным источникам идей и эффективность правительства, — взаимодействуя, определяет в целом паттерн поддержки режима.

Некоторые свидетельства по странам, которые раньше, в догорбачевские времена, входили в восточноевропейский блок коммунистических стран, также подкрепляют ВПФ-модель. В исследовании польских ученых из Варшавского университета (1984 год) было обнаружено, что поддержка военного положения и оппозиция профсоюзу «Солидарность» были наибольшими среди людей со средним и низким уровнем образования. В 1985 году, когда правительство начало предпринимать действия для нормализации положения, многие граждане с низким уровнем образования «утратили мнение», так что поддержка военного положения оказалась наиболее высокой среди граждан со средним уровнем образования [136, р. 253]². Эти результаты достаточно просто объяснить, если допустить (на это есть все основания), что образование положительно связано с восприятием поддерживающих режим сообщений и отрицательно с предрасположенностью к некритическому их принятию.

¹ Интересно отметить, что, когда в бразильской экономике наступил спад, поддержка режима резко снизилась именно в тех квартилях, в которых наше исследование и предполагало, — среди наиболее образованных и вовлеченных в политику групп населения [8; 136].

² Я благодарю Гебетнера за то, что он обратил мое внимание на эти данные.

Аналогичные, хотя и несколько более фрагментарные, данные имеются и по бывшему Советскому Союзу. Роэдер [208; 209] обобщал исследования, свидетельствующие о следующем: максимальная оппозиция советскому режиму имела место среди наиболее образованной части общества, но образование тем не менее было положительно связано с индивидуальной восприимчивостью к идеологической обработке. Другими словами, поддержка режима усиливалась с ростом уровня образования, правда — только до некоторого очень высокого уровня, когда она несколько снижалась. Роэдер предполагает, что «связь между несогласием и социальной мобилизацией криволинейна, она снижается на ранней стадии социальной мобилизации под партийной опекой, но усиливается, когда еще сильнее возрастает уровень образования и усиливается урбанизация». Инверсия кривой несогласия Роэдера — это, разумеется, паттерн, в котором поддержка режима повышается вместе с ростом образования, но падает при достижении очень высокого уровня.

Самые провокационные данные среди тех, что связаны с бывшим восточноевропейским блоком, — это паттерны изменения поддержки войны в Афганистане среди советской общественности. Кажется, после первого периода (в начале 80-х годов), когда советские СМИ практически не освещали войну, правительство стало обращать внимание на признаки беспокойства публики и поэтому приняло «решение представлять о войне информацию, особенно по телевидению»¹. В результате, как показывает опрос выехавших на запад между 1984 и 1986 годами советских граждан, проведенный радио «Свободная Европа», «поддержка увеличилась среди тех, кто до тех пор не определился, в частности среди молодежи, людей с низким уровнем образования [и] граждан, проживающих в Средней Азии. С другой стороны, оппозиция была сосредоточена в Москве, Ленинграде, среди выпускников вузов и членов партии» [208].

К этому надо добавить, что доля колеблющихся респондентов, которая была наибольшей в 1984 году, на протяжении периода интенсивной проправительственной пропаганды снизилась, причем упала в основном в провинции. В Сибири,

¹ См. «*Foreign Opinions*» (June 1987). Центр анализа и прогнозирования, Министерство иностранных дел (Centre d'Analyse et de Prevision, Ministère des Affaires Etrangères, Number 4, Paris). Я благодарю Эйкана за то, что он обратил мое внимание на эти данные.

самом периферийном регионе Советского Союза, доля ответов «затрудняюсь ответить» между 1984 и 1986 годами понизилась с 59 до 31%, в то время как поддержка войны выросла с 24 до 51%; что касается уровня несогласия, он здесь не изменился. Но в Москве и Ленинграде, самых центральных регионах, наибольшее изменение касалось уровня несогласия — он повысился с 20 до 35%.

Эти данные из советских источников представляют поразительную параллель с паттернами изменения поддержки вьетнамской войны в Соединенных Штатах между 1964 и 1966 годами. Можно вспомнить, что в этот период в результате интенсивной провоенной кампании правительства поддержка войны выросла среди наименее осведомленных граждан, но в то же время она снизилась среди наиболее осведомленных «голубей», потому что только они воспринимали и интерпретировали антивоенные сообщения.

Трудно установить, каков был источник антивоенных сообщений в Советском Союзе во время афганской войны. Наши единственные свидетельства говорят о том, что настроенные против войны советские респонденты в качестве главного источника информации о войне упоминали только слухи. В этом, конечно, основное отличие тогдашней ситуации в Советском Союзе от той ситуации, которая была в период вьетнамской войны в США. Там, где СМИ контролируются правительством, оппозиционные сообщения должны распространяться через неформальные каналы. Но если данное обстоятельство не учитывать, влияния доминантного и оппозиционного потоков сообщений, как можно судить, в обеих ситуациях с непопулярными интернациональными войнами удивительно схожи.

Здесь требуется некоторое пояснение.

Многие данные свидетельствуют о том, что народная поддержка, основанная на одностороннем представлении вопросов в СМИ, может разрушиться чуть ли не за одну ночь, если начинает действовать еще и оппозиционный поток сообщений. Это убедительно продемонстрировала авторитарная Бразилия вскоре после того, как нами был собран по ней материал для исследования. В тщательно контролируемой предвыборной кампании, в которой доступ к СМИ имели только одобренные правительством кандидаты, последние, по данным опросов, настолько обошли оппозицию, что правительство решило: можно без риска предоставить ограниченный доступ к

СМИ кандидатам от оппозиции за несколько недель до выборов 1974 года. Но когда такой ограниченный доступ произошел, поддержка официальных кандидатов резко упала. Для многих из них выборы были очень напряженными, некоторые из них просто проиграли [136].

Способность общественного мнения к очень быстрым изменениям ни в коей мере не говорит о его незначимости. Даже еженедельно меняющиеся, поверхностные мнения, способствующие уступкам авторитаризму или же являющиеся основой для выбора между совершенно различными кандидатами, могут иметь огромные и далеко идущие последствия. Во многих случаях мнение масс становится силой, поверхностной в своей основе, но обладающей рычагами, которые воздействуют на правительство.

И еще. В некоторых авторитарных странах активисты оппозиции, бросая вызов режиму доминирующих политических идей, налаживают неофициальные сети. Так произошло на Филиппинах во времена режима Маркоса, недавно в Южной Корее¹. Удивительной была ситуация в Румынии в 1989 году. Она показала, что граждане могут поднять спонтанный бунт даже при отсутствии таких коммуникативных сетей². Очень важно, наверное, понять, как такое происходит. Динамика ВПФ-модели, однако, эти проблемы не проясняет.

В заключение

Система взглядов, представленная в настоящей книге, описывает взаимодействующие эффекты переменных четырех типов: на агрегированном уровне — варьирование *интенсивности* политических сообщений; *случайные факторы, которые актуализируют суждения в сознании людей* (такие, как новостные сообщения или порядок вопросов в интервью); на индивидуальном уровне — различия во *внимании* граждан к политике, их *политические предрасположенности* (особенно ценности). На перечисленных переменных основана модель, включающая четыре аксиомы и описывающая, как индивиды воспринимают политические суждения, циркулирующие в поли-

¹ В Южной Корее правительство, хотя и было авторитарным, давало СМИ определенную свободу в критике своих действий.

² Правда, в сообщении Национального общественного радио утверждалось, что румынская революция началась в периферийных районах страны, поскольку там доступ к альтернативным каналам коммуникации в виде новостных репортажей соседних стран был наибольшим.

тической среде, и используют их, чтобы формулировать ответы на вопросы о своих политических предпочтениях. Эта общая модель почти одинаково хорошо работает во многих политических контекстах, начиная от выборов и кончая поддержкой интернациональных войн и оценкой личности президента.

Четыре аксиомы ВПФ-модели в действительности можно свести к двум главным идеям.

Первая идея заключается в том, что по большинству политических вопросов у индивидов нет истинных установок в обычном техническом смысле этого термина; у них есть лишь определенный ряд суждений, которые обычно достаточно мало одно с другим связаны. Приближенная модель, которую я предлагаю, ничего не говорит о процессе, в котором конкурирующие суждения формируются, взаимодействуют и случайно определяют ответы людей на вопросы интервью. Но, как я пытался доказать, основной тезис ВПФ-модели, подразумевающий, что у людей обычно нет только одной установки в отношении каких-то вопросов, в принципе верен и заслуживает (в той или иной форме) центрального места в нашем представлении о природе общественного мнения.

Вторая идея состоит в том, что взаимодействие между политической осведомленностью и политическими предрасположенностями является фундаментальным в отношении процесса получения гражданами информации из политической среды и формирования мнений на ее основе. В исследованиях политического поведения в 1960-е и 1970-е годы этим взаимодействием практически пренебрегали, но в последние годы оно, по всей видимости, все больше привлекает внимание исследователей установок, хотя пока еще и не столь многих специалистов по электоральному поведению [61; 162; 75; 133; 230; 112; 195; 227; 74; 102]. Тем не менее стандартные процедуры в большинстве исследований политического поведения все еще предполагают, что граждане реагируют на стимулы, с которыми они сталкиваются — с политическими кампаниями, деятельностью президента, состоянием экономики, вопросами войны, мира или внутренней политики, — исходя лишь из своих ценностей и интересов. Обычно не признается представление о том, что различия в политической осведомленности предопределяют способность граждан действовать в соответствии со своими ценностями и интересами.

Разумеется, модель, которую я предложил, имеет и недостатки. Поскольку в модели не учитываются интеграция от-

дельных информационных единиц в более крупные ментальные структуры, а также процесс влияния на восприятие предыдущего опыта, ее можно считать только примерной и предварительной. Под вопросом остаются и те конкретные операционализации, которые используются для описания взаимодействия политической осведомленности и политических предрасположенностей, особенно в виде уравнений (7.7) и (9.8). Я считаю, что исследователям при построении своих собственных моделей нужно найти способ учитывать эти взаимодействия, поскольку они очень часто встречаются и являются весьма существенными.

Несмотря на различные ограничения, обобщенная ВПФ-модель позволяет в одной теоретической системе описывать огромное множество эмпирических феноменов; многие из них изучаются специалистами, которые редко или никогда друг с другом не общаются. Конечно, при специализации резко повышается эффективность научной деятельности, но в условиях, когда большинство исследователей концентрируются на проблемах, значимых только в области одной темы (даже если это такая важная тема, как, например, расовые установки, поддержка вхождения США в зарубежные военные конфликты или же выборы), а вне этой темы практически ничем не интересуются, специализация уже сопровождается большими издержками. Я уже отмечал, что эти издержки сегодня стали слишком ощутимыми и настало время устранить их, поступившись чем-нибудь в другом. ВПФ-модель смогла выявить огромный и в настоящее время нетронутый потенциал для синтеза в области исследований общественного мнения.

Я противопоставляю ВПФ-модель большинству текущих исследований политического поведения, где энергично подчеркивается разнообразие индивидуальных реакций на политику. Я делаю это потому, что убежден: адекватная научная реакция на разнообразие природы заключается не в восхищении этим разнообразием, а в удвоении усилий по построению четких моделей и широких обобщений; последние будут плодотворно упрощать реальности, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни.

12. Эпилог: О доминировании элит в общественном мнении

Глас народа — всего лишь эхо. Отдача эха неминуемо, неизменно связана с отражаемым звуком. Кандидаты и партии требуют внимания и соперничают в погоне за народной поддержкой, а решение народа есть не более чем избирательное отражение тех альтернатив и точек зрения, которые ему предлагаются.

В. О. Кей-мл. Ответственный электорат

В 1930–1940-е годы многие эксперты боялись, что развитие современных СМИ приведет к эпохе тоталитарного господства. Массовые тиражи газет, радио, кинематограф казались идеальными инструментами, при помощи которых можно играть на страхах новых массовых обществ. Огромный, хотя и временный, успех Гитлера в Германии, Муссолини в Италии и Сталина в Советском Союзе вроде бы подтверждал худшие предположения.

Знаменитый роман Оруэлла «1984» был, наверное, наиболее известным выражением этих недобрых предчувствий, и, надо признать, опасения Оруэлла разделяли многие ученые. Нет ничего удивительного в том, что вопрос о влиянии СМИ на общественное мнение стал основным в ранних исследованиях общественного мнения. Однако материалы ранних исследований выглядели достаточно обнадеживающими. По сравнению с тем эффектом, который ожидали от действия СМИ, их влияние было, по данным опросов, относительно незначительным [127]. Чаще всего СМИ не создавали, а только усиливали и активизировали уже существующее мнение; в значительной степени их влияние было опосредовано групповыми лидерами в «двухступенчатом процессе коммуникации» [142; 21].

Если медиа-эффекты, как свидетельствовали многие исследования, были минимальными, то снижалась и опасность, что политические элиты будут использовать СМИ для манипулирования мнением масс. Во всяком случае, именно таким было мнение большинства исследователей; они, несмотря на настойчивые возражения горстки исследователей левой ориентации [173], предпочитали игнорировать возможность доминирования элит в общественном мнении посредством СМИ.

Однако общепринятая в недалеком прошлом вера в минимальность эффектов СМИ подверглась достаточно серьезным атакам. Используя разные методологические подходы, несколько исследовательских групп обнаружили доказательства значительного влияния СМИ [191; 190; 107; 105; 14; 64; 30; 189; 188]. Скорее всего, ни один новостной сюжет, передаваемый по телевидению или радио, сам по себе не в состоянии оказать большого влияния, но кумулятивный эффект множества сюжетов за несколько месяцев или лет является тем не менее значительным [104]. Хотя и не была возрождена старая модель, в которой СМИ играют роль той самой подкожной инъекции, внедряющей по команде идеи в политическое тело, многие исследования коммуникации позволяли достаточно высоко оценивать эффекты действия СМИ и тех политиков, которые их используют.

Поскольку представление о минимальном влиянии СМИ перестало среди ученых пользоваться доверием, поскольку ученые стали признавать возможности элит манипулировать посредством СМИ общественным мнением, я в заключительной главе счел целесообразным вернуться к этому вопросу. Опираясь я буду на те категории, которые появились в моем эмпирическом исследовании.

Что такое доминирование элит?

Представленная в настоящей книге аргументация относительно определяющего влияния элит на мнение масс не очень, на первый взгляд, оптимистична. Как утверждалось, многие граждане уделяют политике слишком мало внимания; они неспособны критически отреагировать на политическую информацию, с которой сталкиваются. Наоборот, эти граждане отданы на произвол потоков информации и следуют по течению сильнейшего из них. Меньшая часть граждан, тех, кто уделяет политике много внимания, но вряд ли более критичен, реагируют на новые вопросы на основе партийной или идеологической ориентации той элиты, которая эти сообщения производит. Если действительность такова, если многие граждане в основном некритично относятся к политическим сообщениям в СМИ, если большинство других реагируют на эти сообщения механически, на основе партийных подсказок, то как же можно отрицать доминирование элит в общественном мнении.

Ответ здесь зависит от того, что мы понимаем под доминированием элит. Если это означает любую ситуацию, в кото-

рой общественность изменяет свое мнение, принимая предлагаемые элитами информацию и подсказки лидеров мнения, то практически все сомнения отпадают. Не только данная работа, но и многие другие исследования предоставляют свидетельства такого рода доминирования элит [105; 189; 64].

Однако все не так просто. Разумеется, публика реагирует на информацию и подсказки, которые продвигают элиты. В мире, где все неоднозначно, где публика должна иметь мнение о вопросах, которые, если опять обратиться к формулировке Липпмана, «вне досягаемости, вне пределов видимости, за пределами понимания» [144, р. 21], иначе и быть не может.

Пэйдж и Шапиро [188], признавая неизбежную зависимость общественного мнения от дискурса элит, формулируют эту проблему в терминах «качества предлагаемой публике информации и интерпретации событий». Они утверждают:

«Политические предпочтения могут считаться аутентичными только тогда, когда общественность получает квалифицированные интерпретации и корректную и полезную информацию, т. е. информацию и интерпретации, которые помогают осознанно сделать политический выбор... Можно считать, что индивиды или институты, которые воздействуют на общественное мнение, обеспечивая корректную, полезную политическую информацию, *образовывают* публику...

С другой стороны, если люди получают ошибочную интерпретацию или ложную, вводящую в заблуждение, искаженную информацию, они могут неправильно оценивать политические альтернативы и выражать поддержку тем политическим действиям, которые противоречат их интересам и ценностям. Худшим результатом такой неправильной оценки будет системное «ложное сознание» или «гегемония», о которых говорят некоторые марксисты и другие теоретики...

Можно утверждать, что те, кто влияет на общественность, производя некорректную, искаженную или избирательную информацию, *вводят публику в заблуждение*. Если они делают это сознательно и обдуманно, при помощи лжи, обмана или утайвания, они *манипулируют* общественным мнением» [ch. 9].

При такой формулировке проблемы сложность, как признают Пэйдж и Шапиро, заключается в том, что требуется независимое знание (или допущение) того, какая из интерпретаций, какая информация является правильной. Такое знание чаще всего получить невозможно. Тем не менее Пэйдж и Шапиро пытаются определить случаи осуществляемого элитами

манипулирования. Например, они отмечают, что президент Рейган «вводил в заблуждение или манипулировал общественностью во многих вопросах, касавшихся внешней политики. Называя Советский Союз «империей зла» и утверждая, что его лидеры «лгут, обманывают и воруют» ради собственной выгоды, он необоснованно обвинял советскую сторону в нарушении советско-американских договоров об ограничении стратегических вооружений, представлял США как защитника контроля вооружения, а на самом деле же просто сопротивлялся достижению соглашений» [с. 9].

Не собираюсь защищать политику Рейгана или использовать подобную риторику. И все же я не стал бы ссылаться на такого рода примеры как на случаи манипулирования общественным мнением. Кто в конце концов может утверждать, что Советский Союз не был в некотором смысле империей зла или же что Соединенные Штаты проявляли большую неохоту, чем Советский Союз, в вопросе введения контроля за вооружениями? Суждения по этим вопросам являются по своему существу политическими, т.е. почти всегда зависящими от приверженности той или иной идеологии; по-моему, было бы ошибкой оценивать отношения между элитами и массами на основе допущения того, что чье-то суждение в целом может быть беспристрастным.

При всем при том представление Пэйджа и Шапиро об информации и интерпретациях, которые помогают людям «так выбирать альтернативное политическое решение, как если бы они были полностью информированы», является достаточно полезным. Во-первых, «информационно обеспеченные суждения», если они соотносятся с *доступной*, а не со всей возможной информацией, не всегда оказываются правильными. Можно принять наилучшее решение на основе доступной информации и при этом совершить чудовищную ошибку. Во-вторых, «полностью информированные» люди, как показывает опыт, могут не соглашаться с предлагаемыми решениями. Мы, таким образом, имеем два основания, обеспечивающие оппозиционным группам пространство для радикального несогласия без риска быть обвиненными теми, кто пытается манипулировать общественным мнением (или же, в моей терминологии, доминировать в общественном мнении).

С учетом сказанного я определяю доминирование элит как ситуацию, в которой *элиты заставляют граждан принять такое мнение, какое они не приняли бы, если бы им была доступна более качественная информация и они могли бы проводить анализ*

политической ситуации. Определение, к сожалению, не является безусловным; многое здесь зависит от оценки того, во что бы верила общественность, будь она лучше информирована. Уверен, что эту сложность можно преодолеть (см. далее).

Притча о Фиолетовой стране

Давным-давно существовала страна, которую населяли люди синие и красные. Они, хоть и разделяли многие ценности, по-разному относились к публичной политике. Синие люди предпочитали короткую, круглую политику ярких цветов, в то время как красные длинную, прямоугольную политику в пастельных тонах. Из-за этих разногласий, которые были вызваны (а может, и не были вызваны) материальными интересами, красные и синие находились в постоянном идеологическом противостоянии. Однако для каждой из сторон большое значение имели рациональность и фактические доказательства. И те, и другие постоянно консультировались со своими экспертами. Разумеется, синие в качестве таковых нанимали синих индивидов, а красные — красных. Они уполномочивали экспертов обсуждать вопросы, дискутировать и спорить друг с другом, чтобы приходиться, если только это было возможно, к наилучшим решениям различных политических проблем. Те эксперты, которые более аргументированно обосновывали свою позицию, поощрялись; предусматривались очень крупные призы, в том числе статус, поддержка исследований, даже общественное признание.

Как и во всех свободных странах, в Фиолетовой стране были профессиональные политики и политические активисты, которые становились лидерами в общественной деятельности. Но политики и активисты Фиолетовой страны были прагматиками и популистами и поэтому редко предлагали свои собственные идеи. Они предпочитали обращаться за идеями к экспертам своего окраса. Когда близкий по идеологическому окрасу эксперт предлагал что-то новое, политики и активисты не задавали много сложных вопросов. Их больше заботили готовность публики воспринять некоторую идею, привлекательное представление этой идеи в идеологических спорах и другие проблемы эффективного маркетинга. Политики и активисты редко рисковали выходить за рамки дискурса элит.

Красные и синие люди особенно не интересовались политикой. Отдавая все свое время в основном работе, семье и

национальной игре — бейсболу, они не утруждали себя внимательным знакомством с политическими дебатами; пусть лучше специалисты в области коммуникации информируют их о том, что думает каждая из политических групп, посредством обобщенных и легко понятных образов.

Граждане были очень аполитичны. Лишь немногие уделяли внимание тому, что рекомендуют эксперты или политики относительно конкретных политических вопросов. Те из них, которые узнавали об этих частностях, немедленно принимали точку зрения элиты своего цвета в том виде, в каком она представлялась специалистами в прессе. Остальные же высказывали любую идею, оказавшуюся в данный момент на поверхности их сознания, не придавая особого значения тому, что они сказали. Единственное, чего не делали граждане, — они не думали самостоятельно. Каждый просто выбирал что-то из того меню, которое предоставляли ему элиты.

Если доминирование элит заключается в том, что они заставляют принять установки, которые полностью проинформированные люди не приняли бы, то, несомненно, граждане Фиолетовой страны от информации освобождены. Граждане, даже если бы они посвятили всю свою жизнь исследованию какого-то политического вопроса, не пришли бы к выводам, существенно отличающимся от тех, которые защищают эксперты, потому что сообщество экспертов включает людей, разделяющих те же ценности, что и общество в целом, и к заключениям в сообществе экспертов приходили только после всестороннего анализа наилучшей доступной информации. Такое положение естественно, когда, несмотря на различия во взглядах, синие и красные эксперты соглашались друг с другом и большинство политиков и граждан соглашались с ними.

Доминирования элит нет и при их разделении; в этом случае граждане каждого типа автоматически принимают рекомендации политика или эксперта своего цвета, но они могут быть уверены, что, чем тщательнее изучили бы предмет, тем вероятнее пришли бы к тем же выводам, которых достигло экспертное сообщество, разделяющее их ценности.

Вот такая притча. О чем она говорит? Об условиях, при которых огромная зависимость мнения масс от информации и анализа фактов, производимых дискурсом элиты, сочетается с отсутствием доминирования элит в общественном мнении. Эти условия следующие.

1. Различия в предрасположенностях среди экспертов отражают различия среди публики в целом, так что эксперты мотивированы к всестороннему анализу проблем.

2. Существуют институциональные побуждения для того, чтобы эксперты выискивали эффективные решения актуальных проблем.

3. Пресса, наряду со всеми прочими функциями, обеспечивает достаточное представление всех экспертных точек зрения, причем термин «эксперт» здесь понимается широко — как каждый обладающий специализированным знанием о проблемном предмете.

4. Политики и активисты не выходят за рамки мнений экспертов.

5. При разногласиях между элитами граждане способны присоединиться к той элите, которая разделяет их предрасположенности.

Наверное, есть лучшие, более сильные гарантии от доминирования элит, но те, что предлагаются здесь, кажутся вполне эффективными. У перечисленных выше условий, гарантий есть еще одно достоинство — их вполне можно исследовать с помощью стандартных эмпирических техник. Исследователю не требуются какие-то экстраординарные или сверхполитические прозрения о «правильности» того, что предлагают элиты. Нужно только проанализировать процесс производства и распространения подсказок лидеров мнения.

Далее я буду обращаться к этим условиям как основе для изучения степени доминирования элит в Соединенных Штатах. Моя задача заключается не в решении проблемы, что, очевидно, невозможно на нескольких оставшихся страницах, а в привлечении внимания к тем вопросам, которые следует обсудить, в предоставлении дополнительных данных, необходимых для достижения убедительного заключения.

Система политических коммуникаций в Соединенных Штатах

Пресса

Ученые, заинтересованные в качестве информации и аналитических данных, предлагаемых публике, склонны концентрировать свое внимание на прессе как на непосредственном источнике такой информации. Нет ничего странного в том, что этому вопросу посвящено огромное количество работ.

Одно из наиболее ярких открытий в академических исследованиях прессы заключается в следующем: репортеры считают достойными освещения те вопросы, проблемы, события, которые достойны освещения по мнению их «серьезных» источников [40]. А Сигал [220] пишет: «Даже когда журналисты могут напрямую наблюдать событие, они неохотно предлагают собственные интерпретации, предпочитая вместо этого полагаться на свои источники новостей. Короче говоря, для репортера большинство новостей — это не то, что произошло, а то, о чем кто-то сказал, что это произошло» [р. 69].

Как сказал один журналист, «мы имеем дело не с фактами, а с приписываемыми мнениями» (цитата из [79, р. 130]).

Одной из причин столь распространенной практики доверия репортеров к своим источникам данных является то, что журналисты склонны «перенимать обычаи и образ жизни туземцев», отождествляясь с источниками информации, стремясь продвигать точку зрения последних. Именно это отмечал Бэйкер: «Репортер в государственном департаменте быстро научится говорить как консерватор и выглядеть серьезным, важным и непроницаемым. Корреспонденты из Пентагона всегда выглядят так, как будто они только что с маневров. Корреспонденты с аккредитацией на Капитолийском холме... производят впечатление посвященных во многие дела, но скрытных людей. Они, подобно политикам, о которых пишут, склонны к словоохотливости, грубым шуткам, консерватизму и отрицательно относятся к реформам» (цитата из [220, р. 49]).

Более фундаментальной причиной того, что журналисты так безоговорочно полагаются на свои источники, надо признать отсутствие реального выбора. У репортеров нет ни времени, ни подготовки, ни в большинстве случаев стремления проводить глубокое расследование. Вот что писал Халберстам в своей работе «Власть имущие» [90] о журналистах-международниках: «Они попали в журналистику обычными путями. Они писали требуемые истории о полиции, гонках на пожарных машинах и делали все это чуточку лучше, чем все их коллеги. В результате они продвинулись в своей профессии и в конце концов попали в Вашингтон. Если после прибытия в Вашингтон им приходится писать истории о внешней политике, они не решаются внести туда свою точку зрения, которой у них и нет, или же провести какую-то экспертную оценку, к которой они неспособны. Скорее, они почти исключительно полагаются на то, что им сказал на брифинге или за ланчем

какой-то американский или, возможно, британский чиновник. Чем ближе подходят журналисты к важным вопросам, тем более неуверенно они себя чувствуют» [р. 517—518].

Журналисты имеют репутацию чуть ли не головорезов, которые никогда не боятся сказать то, что они считают правдой. Можно, однако, выразиться точнее: журналисты никогда не боятся сказать то, что считают правдой другие люди. Но в мире, в котором постоянно существуют политические и экономические, основанные на предрассудках населения мотивы, заставляющие исказить истину, стремление сообщать о взглядах, существующих в разных источниках, является чрезвычайно ценным.

Было бы ошибкой описывать отношения между прессой и ее источниками в механистических терминах. Источники некоторой истории могут быть не упомянуты, не приняты во внимание или даже лично незнакомы корреспонденту. Ведь чаще всего пресса пытается представить новость со «всех легитимных точек зрения», где легитимность соотносится не только с правительством и лидерами групп интересов, но также и со специалистами в соответствующей области (а они в действительности поддерживаются такими господствующими институтами, как правительство, университеты, исследовательские институты или ведущие издательства). И если влиятельная группа доминирующих экспертов поддерживает определенную точку зрения, в прессе будут стараться использовать эту точку зрения в качестве основы для новостных репортажей. Когда корреспондент CBS¹ Сэйфер рассказал свою знаменитую историю об американском моряке, который сигаретой поджег соломенную крышу вьетнамского крестьянского дома [90], историю, которая несомненно была антивоенной по своему значению, он вряд ли сверялся с каким-либо конкретным источником для того, чтобы подать ее в таком виде. Тем не менее он отразил точку зрения на вьетнамскую войну, которая разделялась значительным числом экспертов по внешней политике.

Провозглашая столь сильную зависимость медиа-репрезентаций от мнений экспертов, я иду гораздо дальше большинства исследователей прессы, которые говорили о зависимости в терминах подчинения отдельным источникам, большей час-

¹ CBS («Columbia Broadcasting System»), или Си-би-эс; ABC («American Broadcasting Company»), или Эй-би-си; NBC («National Broadcasting Company»), или Эн-би-си — радио- и телевизионные компании США. — *Прим. пер.*

тью государственным чиновникам, занимающимся вопросами внешней политики. Нет, однако, оснований полагать, что пресса, изначально зависящая от государственных источников в отношении того типа сюжетов, где главным действующим лицом является правительство, будет независима во всех других ситуациях. Может быть, более широкую зависимость сложнее зафиксировать, но тем не менее она скорее всего существует.

Рассмотрим репрезентацию в СМИ темы гомосексуальности.

Когда Американская психиатрическая ассоциация (АПА), наиболее авторитетный источник светского понимания данного предмета, рассматривала гомосексуальность как болезнь, в медиа-публикациях доминировали антигомосексуальные стереотипы по этому вопросу. Так, в указателе к «Нью-Йорк таймс» за 1950 год можно найти лишь отсылки к упоминаниям об извращениях и скандалах. Но когда АПА после опроса своих членов в 1974 году объявила, что гомосексуальность больше не считается болезнью, пресса, помимо прежних ссылок на «безнравственность», начала обращаться к «гражданским правам»; в итоге общественность стала иначе понимать вопрос о гомосексуальности.

Изменение в телевизионном вещании о гомосексуальности достаточно неожиданно произошло после голосования в АПА в 1974 году. За пять предшествующих лет в теленовостях всего 14 мин были посвящены историям, где эксплицитно или имплицитно упоминались гомосексуалисты как меньшинство, которое борется за свои права. За следующие пять лет в телевещании историям такого типа было уже посвящено 135 мин, т.е. почти в десять раз больше¹. О том же свидетельствует и рис. 12.1, только здесь не телевизионное время, а количество сюжетов.

Мое исследование новых публикаций о гражданских правах, которые в целом, хотя и не всегда, поддерживали гомосексуалистов², показывает, что большинство из них попадало в одну из следующих категорий.

¹ По данным Теленовостных архивов Университета в Вандербилте.

² Некоторые новости под рубрикой гражданских прав относятся к выступлениям граждан против гражданских прав гомосексуалистов. Так, например, широко освещались выступления против указа, запрещавшего дискриминацию по признаку сексуальной ориентации певицы Брайант в округе Дэйд Флориды.

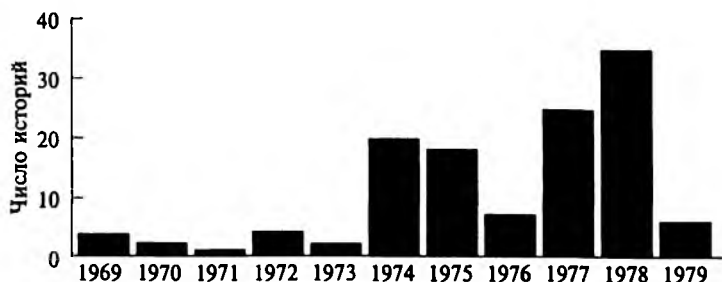

Рис. 12.1. Число историй, в которых используется фрейм «гражданские свободы» в новостных программах ABC, CBS и NBC в 1969–1979 годах

Источник. Теленовостные архивы Университета в Вандербилте.

1. Освещение судебного иска лейтенанта воздушных сил Матловича, который пытался оспорить решение военного суда о его отставке из-за гомосексуальности. В течение нескольких дней все три телевещательные компании уделяли этой истории значительное внимание.

2. Освещение референдумов о правах гомосексуалистов в штатах и округах. После голосования в АПА пресса сочла эти референдумы, начиная с того, который прошел в округе Дэйд Флориды, имеющими общенациональное политическое значение.

3. Сюжеты об организациях геев и лесбиянок, особенно тех, которые формировались в кампусах колледжей. В этих сюжетах рассказывалось об одиночестве студентов-гомосексуалистов, их попытках сформировать организации, которые поддерживали бы их, проводили танцевальные вечеринки и противостояли дискриминирующим правилам.

Можно было бы возразить, что публикации ни по одной из категорий не имеют прямой связи с голосованием в АПА и что в действительности изменилось скорее поведение самих гомосексуалистов, которые становились все более активными и добивались все больших успехов в борьбе за свои права.

Разумеется, рост активности гомосексуалистов повлиял на изменение в объеме медиа-публикаций. Но вряд ли это единственное объяснение. Само по себе движение за права геев не требовало большого количества достаточно положительно представленных историй, например об организациях, выступающих за права гомосексуалистов в кампусах. Так, репортер NBC Бетти Роллинс отмечала: «Вопрос заключается в том, по-

ощряют ли организации гомосексуалистов гомосексуализм. Психиатры, с которыми мы говорили, утверждают, что нет. По их мнению, в нашем обществе никто не хотел бы быть гомосексуалистом, если он уже не является им на самом деле. Если ребенок доходит до намерения вступить в клуб гомосексуалистов, он на самом деле гомосексуалист. Клуб только позволяет ему чувствовать себя менее одиноким и менее угнетенным сексуальными чувствами, которые у него есть и которым он не может противостоять»¹.

Явная ссылка здесь на мнение экспертов не является, однако, типичной для новых публикаций о гомосексуальности. Мнение экспертов довлело над большинством сюжетов, но оно было только фоном. В 1970-е годы изменилось только то, что пресса уже смотрела на гомосексуалистов не как на социальных девиантов, а как на обычных граждан, страдающих от гомофобии. Такой сдвиг во мнениях, как я покажу позднее, произошел явно вследствие изменения позиции экспертов в области психиатрии; все остальное последовало за этим более или менее автоматически.

Рассмотрим разницу между последней историей о правах геев на канале CBS до голосования в АПА и первой историей, появившейся после голосования.

В первой истории до голосования в АПА геи выиграли дело в суде и получили разрешение провести демонстрацию во время общенационального съезда демократической партии в Майами в 1972 году. Кронкит во время, которое обычно посвящалось развлекательным новостям в конце его программы, следующим образом сообщил об этой победе: «В Майами-Бич существовали правила, запрещавшие мужчинам изображать женщин. Сегодня федеральный судья в Майами отменил их, сказав, что они чересчур расплывчаты и, помимо этого, дискриминируют мужчин. Прошение было подано Союзом за гражданские свободы на основании жалоб геев-активистов, которые планировали проведение демонстрации во время общенационального съезда демократической партии в следующем месяце. Несомненно, репортерам, пишущим о моде, будет на что посмотреть»².

Как видим, геи в 1972 году еще были мишенью, предметом насмешек в общенациональных новостях.

¹ Вечерние новости NBC, 13 апреля 1973 года.

² 22 июня 1972 года.

Второй сюжет о правах геев, появившийся на CBS вскоре после голосования в АПА, рассказывал о попытках геев-активистов в Нью-Йорке в течение нескольких лет добиться антидискриминационной поправки в законах штата. Кронкит следующим образом представил эту историю: «Изменение установок по отношению к гомосексуалистам — это часть новой морали 1960-х и 1970-х годов. Мужчины и женщины гомосексуальной ориентации ведут борьбу за принятие в обществе. В местном законодательстве многих районов страны они добились равных прав, но в самом крупном городе нашей страны их борьба продолжается»¹.

Об изменениях в поведении прессы свидетельствует и освещение дела Матловича. Матлович был далеко не первым гомосексуалистом, выступившим против увольнения с государственного поста из-за сексуальной ориентации. Однако его действия впервые получили широкое и достойное уважения освещение в вечерних теленовостях. Конечно, тот факт, что эта история появилась вскоре после объявления АПА о гомосексуальности, не кажется простым совпадением.

Важно, однако, отметить следующее: изменение в медиарепрезентациях механически связывать с вотумом АПА нельзя. Гомосексуалисты уже несколько лет боролись за равные права. Тем не менее влияние решения АПА отражает общую восприимчивость СМИ к авторитету экспертов.

Кстати, голосование в АПА получило отражение не только в прессе. Изменение коснулось многих популярных политиков, которые стали вести себя иначе. Когда калифорнийские избиратели должны были в 1978 году проголосовать за введение мер по облегчению увольнения школьных учителей-гомосексуалистов, три известных во всей стране политика выступили против этой меры: губернатор Калифорнии Брайн, бывший губернатор и претендент на пост президента Рейган и президент Картер. Сложно было бы представить себе такое поведение столь честолюбивых политиков во времена, когда эксперты единогласно считали гомосексуальность формой психической болезни, когда пресса категоризовала гомосексуальность как извращение.

Представленный выше материал дает основания считать, что специалисты в разных областях, в том числе и государственные чиновники, в значительной степени определяют то,

¹ 6 мая 1974 года.

как будет представлять свои новости пресса. Я попытался кратко описать природу этой зависимости. По моему мнению, пресса в целом пытается представлять новости со всех легитимных точек зрения, а легитимность определяется тем, к чему серьезно относятся доминирующие эксперты¹.

Эксперты

Если сделанный ранее вывод верен, то, значит, ответственность за выбор идей, которые доходят до публики, несут источники, из которых пресса черпает информацию. Как отмечал Кей-мл., представление о прессе «как о чем-то, что по своей собственной воле получило огромную власть, не соответствует фактам» [121, р. 394]. Менеджеры СМИ «не более ответственны за материалы, которые проходят через их канал, нежели управляющие транспортными компаниями за качество печатных материалов, которые они перевозят с места на место. На характер и качество содержания медиа оказывают все большее, если не решающее, влияние те, кто производит новости» [р. 395].

Если мы заинтересованы в качестве информации, получаемой публикой, надо понимать, как она производится. Другими словами, надо понимать политику экспертных сообществ, поскольку они связаны с производством и распространением легитимного знания, политических рекомендаций, различных точек зрения. Нам особенно нужно знать, насколько сильны идеологические разногласия в экспертных сообществах, насколько возможно оспаривание их решений, насколько эти экспертные сообщества институционально поддерживают серьезные попытки решения насущных проблем.

Представляется, что ученые данному вопросу уделяли немного внимания. Есть много сообщений о том, как конкретные группы индивидов пытались решить определенные политические проблемы, но попыток генерализовать все сообщения, на систематической основе ответить на возникающие в существующей литературе по политологии и исследованиям коммуникации вопросы практически нет.

В связи с этим я предлагаю бросить беглый взгляд на деятельность сообщества экспертов, специализирующихся по

¹ Подобная аргументация во многом схожа с той, которую предлагал Беннет [20] в своей гипотезе индексации. Правда, у Беннета более узок круг источников, которые он считает влиятельными.

проблемам ядерной стратегии. Здесь не обойдется без обращения к личным контактам, что, наверное, выходит за пределы существующих исследований коммуникации. Тем не менее, как мне кажется, такое обращение является очень важным для понимания тех сил, которые формируют общественное мнение.

Несколько лет назад группа ученых предположила, что широкое использование ядерных вооружений Советским Союзом или Соединенными Штатами приведет к экологической катастрофе грандиозных размеров. Идея заключалась в том, что взрыв большого количества атомных бомб (возможно, уже нескольких дюжин) вызовет выброс в атмосферу невероятных объемов пыли, осколков и дыма, которые закроют доступ солнечным лучам. А далее десятилетия долгой «ядерной зимы», когда на Земле наступит почти полная тьма и все замерзнет. В конечном счете использование ядерного оружия, даже использование для самозащиты, означает самоубийство не только одной нации, но и всего человечества, всех живых существ на планете [211].

Идея ядерной зимы, как нетрудно было ожидать, стала наиболее популярной среди либералов, которые использовали ее в качестве аргумента в пользу ограничения производства ядерного оружия.

В то время, когда эти идеи обсуждались в СМИ, я организовывал в своем университете публичную дискуссию о морали ядерной войны. Одним из тех, кого я пригласил туда, был хорошо известный эксперт, консерватор, много писавший о ядерной войне, в том числе и о стратегии ведения достаточно ограниченных ядерных войн, которые в соответствии с теорией ядерной зимы могли все же иметь катастрофические последствия. Я попросил либерального эксперта по политике в отношении ядерных войн представить этого человека и выступить в качестве ведущего в дискуссии, но он категорически отказался. Либеральный эксперт сказал, что идеи консервативного военного эксперта глубоко аморальны, что он (либеральный эксперт) вряд ли сможет придти на дискуссию, не говоря уже о том, чтобы вести ее. Только после длительных уговоров (был и такой аргумент — ему, как ведущему дискуссии, будет легче противостоять пагубному влиянию консервативного эксперта) он согласился выступить в качестве модератора.

В день дискуссии, в момент, когда я разговаривал с консервативным экспертом, вошел либерал. После того как я тра-

диционно представил их друг другу, либеральный эксперт спокойно спросил своего коллегу:

— А над чем Вы сейчас работаете?

— Над ядерной зимой, — ответил консерватор.

— Это интересно, — сказал либерал. — И к какому же выводу Вы пришли?

— Ее, по существу, никогда не будет, — ответил консерватор.

Я отступил и начал оглядываться вокруг, пытаюсь найти какое-нибудь укрытие, опасаясь, что сейчас произойдет ядерный взрыв. Однако мои опасения были безосновательными.

— Да, это во многом сходится с тем, как я понимаю проблему, — сказал либерал, который по образованию был физиком. — Я провел огромное количество расчетов, и нет ни одного, который позволил бы представить ядерную зиму как реальную возможность¹.

После этого они принялись энергично дискутировать о том, каков уровень концентрации пепла от сжигания различных веществ и сколько именно и каких горючих веществ будет найдено в типичных городах, обсуждать другие технические параметры процесса, при котором могла бы начаться или не начаться ядерная зима. Создавалось впечатление, что либерал и консерватор соглашаются практически во всем.

Вскоре дискуссии о ядерной зиме практически исчезли из популярных СМИ, вопрос казался забытым.

Беседа двух экспертов, которая похожа на анекдот и которая вполне в духе Фиолетовой страны, говорит о нескольких очень важных моментах. Во-первых, несмотря на консенсус в отношении ядерной зимы, существуют явные свидетельства идеологических разногласий и они вряд ли проявят себя в других ситуациях. Во-вторых, сильные идеологические различия не являются непреодолимыми препятствиями для рационального обсуждения и достижения согласия по определенным вопросам. Ключом к преодолению идеологических различий оказывается существование конвенционального научного знания, в данном случае химических и физических законов, которые признают оба эксперта. Это знание, вероятно, достаточно хорошо развито и упорядочено, что позволяет тем, кто его использует, приходиться даже к таким выводам, против которых они предрасположены. И в-третьих, пресса скорее всего утра-

¹ Изложение беседы приблизительное.

тила интерес к вопросу после того, как соответствующие эксперты с каждой из сторон пришли к выводу, что ядерной зимы не будет; такой вывод был сделан несмотря на то, что на потребительском рынке истории о ядерной зиме, возможно, котировались по-прежнему высоко.

Трудно сказать, насколько часто эти тенденции распространяются на другие вопросы, на другие экспертные сообщества. Разумеется, можно легко представить себе экспертные сообщества, которые или повышают свою идеологическую однородность, или (если они не допускают разнообразия) столь жестко поляризованы, что между ними исключена рациональная дискуссия, или же не имеют конвенционального знания, достаточно сильного, чтобы заставить экспертов с разными predispositionами принять его.

Я настаиваю на том, что все это очень существенно. Речь идет о сути системы политических коммуникаций Соединенных Штатов, об элементах, влияющих не только на общественное мнение, но и на решения правительства. В той или иной мере серьезное исследование соответствующих вопросов выходит за пределы настоящей книги. А для предварительного, но, надеюсь, многообещающего объяснения я возвращаюсь к вопросу о гомосексуальности.

Выше уже было показано влияние мнения экспертов на медиа-репрезентации данной проблемы. Теперь же кратко опишем, как мнение экспертов формировалось.

К середине XX века уже существовала длительная история борьбы групп гомосексуалистов за право признания в обществе. Но эти группы были небольшими, существовали недолго, успеха они не добивались. Тем не менее некоторые ранние группы верили, что, как отмечали Лорицен и Торстад, «прошло время закрывать глаза перед проблемой [гомосексуальности] и игнорировать ее» [141, p. 22]. Они же отмечали: «Раннее движение за права гомосексуалистов было подорвано в 1930-е годы, после 70 лет существования, практически не достигнув никаких длительных улучшений. Маленькие, изолированные группы, которые появлялись то здесь, то там в течение двух десятилетий, не создавали даже видимости действия, поскольку мало у кого можно было найти поддержку».

Представляется, что гомосексуалисты столкнулись с двумя проблемами. Как меньшинство, которое практически все считали девиантным, они не могли преуспевать, не имея хотя бы нескольких союзников внутри системы, но таких союзников у

них вообще не было. Кроме того, многие гомосексуалисты не готовы были бросить вызов тому положению, в которое поставило их общество в целом; напротив, они принимали и интериоризировали его. Мартелло, борец за права гомосексуалистов в 1960-е годы, писал: «Гомосексуалисты с рождения или же ставшие такими позже (и столкнувшиеся с невыносимостью психиатрических аргументов) должны были думать о себе как... о ком-то, кого следует презирать. Обнаружив, что он «другой», гомосексуалист начинает жадно читать все, что находит по этому вопросу. И что же он находит? Еще больше оснований для презрения к самому себе. Авторитет психиатров говорит ему, что он «болен». И он начинает говорить себе *не* «психиатры говорят мне, что я болен», а «я болен». Он программирует себя на чувство неполноценности»¹.

В конце 1940-х годов, однако, некоторые психиатры и психологи представили гомосексуальность в новом свете. Конечно, исследования и теории о данном предмете существовали и до этого, но новые исследования имели небольшое, но крайне существенное отличие, позволившее сделать их более доскональными: вместо того чтобы изучать гомосексуалистов, которые были заключены в тюрьму за какое-то преступление, зачастую сексуального характера, или тех, кто обращался за психиатрической помощью, в новых исследованиях нашли способ изучать гомосексуалистов, которые жили обычной жизнью [16]. И результаты удивили почти всех. Кинси в своем исследовании мужской сексуальности, основанном на интервью, нашел свидетельства того, что множество мужчин имели в своей жизни хотя бы один гомосексуальный опыт, завершившийся оргазмом. «Мнение, что гомосексуальные действия сами по себе являются свидетельством психопатической личности, подрывается этими распределениями и частотами. 40 или 50% мужчин имели гомосексуальный опыт; безусловно, большинство из них никак не могут быть признаны психопатическими личностями, поскольку в их жизненных историях для этого нет больше никаких оснований» [126, р. 659].

Хукер, исследователь из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, проводила тестирование личности, чтобы сравнить выборки гомосексуальных и гетеросексуальных мужчин в начале 1950-х годов. Она не нашла различий в их адаптированности.

¹ Цит. по: [169, р. 103].

Подобные эксперименты проводили и другие исследователи. Достаточно быстро был получен значительный объем психиатрических свидетельств, которые серьезно поднимали вопрос о том, действительно ли гомосексуальность является формой психической болезни.

Примечательно, что Хукер, чье исследование оказалось наиболее влиятельным, использовала стандартные техники социального исследования. Она применила стандартные тесты адаптированности личности и интерпретировала их результаты обычным образом. Результаты теста чернильных пятен Роршаха, которые интерпретировали эксперты, не знавшие, что его проходили гомосексуалисты, могут не особенно высоко котируются вне среды профессиональных психиатров, но в отношении вопроса о гомосексуальности они являются приложением нейтрального научного знания.

Первоначальная реакция значительной доли сообщества психиатров на работу Хукер была немедленной и положительной. Работа была сразу принята к публикации в важном журнале, сама Хукер сделала выдающуюся карьеру. Администрация Никсона даже попросила ее в 1969 году возглавить специальную федеральную комиссию по гомосексуализму, а составители Международной энциклопедии социальных наук (International Encyclopedia of the Social Sciences) заказали ей статью о гомосексуализме. Как видим, сообщества психиатров и политиков и не думали наказывать Хукер за ее идеи; они, напротив, поощрили ее.

Исследование Хукер и последовавшие за ним работы дали гомосексуальности (возможно, впервые в американской истории) твердое основание для благожелательного мнения в господствующих институтах. В психиатрии новое понимание не утвердилось повсеместно; психотерапевты-традиционалисты продолжали утверждать, что гомосексуализм является болезнью, и относились к пациентам-гомосексуалистам как к больным. Но психиатрия уже не была едина в понимании гомосексуальности. Если мое общее представление о стремлении СМИ выражать в новостях «все легитимные точки зрения» является верным, то и такого отсутствия единого мнения было достаточно, чтобы привести к значительному изменению общественного мнения по данному вопросу.

Самая ранняя и наиболее внимательная аудитория новых исследований гомосексуальности состояла из гомосексуалистов. Их первоначальной реакцией, по данным Байера [16], был

сильный, но достаточно осторожный интерес. Гомосексуалисты, желая больше знать о новых исследованиях, не торопились вместе с тем с заключениями. На своих собраниях, в публикациях они придавали примерно равное значение и этим исследованиям, и взглядам традиционной школы. «Когда медики, психоаналитики и социологи не могут придти к согласию, — писал один из авторов гомосексуалистского издания, — специалисты могут только молча затаиться»¹.

Для гомосексуалистов, которых поставили перед выбором, кем они себя считают — психически больными или же нормальными и здоровыми, скорее всего было совершенно естественно склониться к последнему представлению. Благодаря усилиям гомосексуалистов, направленным как на самоорганизацию, так и на борьбу за социальные изменения, новое представление о гомосексуальности в психиатрии стало весьма влиятельным.

Камени, лидер группы геев в Вашингтоне, говорил: «Все движение за права гомосексуалистов зависит от вопроса о том, является ли гомосексуальность болезнью»². Сам он отрицал авторитет психиатрии в определении статуса гомосексуалистов, но тем не менее признавал ценность научного знания и новых свидетельств, найденных в психиатрии, и использовал последние, чтобы убедить членов своей организации открыто заявлять, что их сексуальные предпочтения являются нормальными и здоровыми. (Конечно, до 1965 года Камени не смог бы добиться одобрения подобной формулировки, даже будь она достаточно уклончивой и осторожной. Например, такой, какая прошла в резолюции общества Маттачина округа Колумбия (Mattachine Society, DC): «по причине отсутствия доказательств обратного гомосексуальность является не болезнью... а просто предпочтением»³.)

В последующем гомосексуалисты начали публично отрицать авторитет психиатрии. При этом, правда, дружелюбно настроенные эксперты-психиатры приветствовались как союзники. Такие эксперты, как отмечает Байер, «обеспечивали гомосексуалистов доказательствами и критическим словарем, которые были бесценны в их стремлении подорвать авторитет тех, кто утверждал, что сама наука доказала, что гомосексуаль-

¹ Цит. по: [16, p. 74].

² Там же.

³ Цит. по: [52, p. 164].

ность является проявлением психопатологии. В целом же сначала эксперты на собраниях гомосексуалистов обеспечивали последних пониманием происхождения их сексуальных предпочтений; потом же на собраниях обосновывалась незаконность авторитета психиатрии» [16, р. 86].

Интересно отметить, что поведение гомосексуалистов в период их уже изменившейся реакции на новые свидетельства психиатрии соответствовало общему представлению о модели господствующей тенденции и модели поляризации. Когда практически все специалисты и пресса считали гомосексуальность болезнью, гомосексуалисты в целом принимали эту господствующую норму, оставаясь, как говорится, «в чулане». Такая позиция основывалась, очевидно, на вполне реалистичных страхах по поводу того, что может произойти, если все раскроется. Ясно, что во многих случаях господствующая норма, осуждавшая гомосексуальность, была в значительной степени интериоризирована. А когда некоторые эксперты в области психиатрии предоставили возможность выбора — считать ли себя больными или же имеющими другую сексуальную ориентацию, — гомосексуалисты, естественно, признали более дружественную точку зрения.

Часть попыток преодолеть общественные предрассудки относительно гомосексуальности представляла многолетние конфронтации активистов гомосексуальных организаций и Американской психиатрической ассоциации (АПА), которая продолжала в своих официальных публикациях определять гомосексуальность как болезнь. Так, в 1970 году АПА проводила съезд в Вашингтоне. Камени в это время помогал организовывать акцию протеста. «Спланированная акция была проведена 3 мая, когда геи и антивоенные активисты взяли приступом престижное собрание членов ассоциации (Convocation of Fellows). Во время начавшегося беспорядка Камени схватил микрофон и объявил об отмене права психиатров обсуждать вопрос о гомосексуальности. Заимствуя лозунги антивоенного движения, он объявил: «Психиатрия является воплощением врага. Психиатрия вела с нами войну на уничтожение. Можете понимать мои слова как объявление войны вам». Шокированные психиатры, которые были просто взбешены подобным вторжением, сравнивали тактику геев с действиями нацистских штурмовиков» [16, р. 105].

Произошедшие нарушения порядка заставили лидеров АПА более внимательно подходить к вопросу о гомосексуаль-

ности. В результате, когда члены правления АПА, а позднее и подавляющее число рядовых членов на референдуме проголосовали за исключение гомосексуальности из официального списка психических болезней, и те, кто был в большинстве, и те, кто оказался в меньшинстве, чувствовали, что эта акция имеет огромный политический смысл.

Представляется очевидным и другое: более значительную роль здесь сыграла политика экспертного сообщества, а не тактика давления в духе 60-х годов. Как отмечал Байер, некоторые члены правления ассоциации были твердо убеждены, что гомосексуальность не обязательно является болезнью; другие «лично считали, что гомосексуальность на самом деле является болезнью... [но] тем не менее признавали, что доказательства, на которых основывается их позиция, недостаточно» [р. 136]. Другими словами, стандартные психиатрические данные, каким бы ни было их качество, заставляли с ними считаться.

Это представление может показаться наивным. Проанализируем, однако, значимость новых психиатрических свидетельств в чисто политических терминах. С тех пор как начали накапливаться свидетельства Хукер и других исследователей, перед психиатрией возникла истинная дилемма, которая оставалась в повестке дня вне зависимости от того, требовали ли этого активисты движения гомосексуалистов или нет. Либо психиатры удаляли гомосексуальность из списка психических заболеваний на основании данных, полученных посредством стандартных техник оценивания (они не выявили психических проблем у гомосексуалистов), либо они должны были подорвать значимость стандартных техник оценивания — основу авторитета психиатрии в других областях — на основании того, что им не удалось обнаружить патологию, изначально присущую гомосексуалистам. В конце концов, выбор был достаточно легким.

Важно подчеркнуть, что я не оцениваю здесь правильность представления о гомосексуальности, которое утвердилось в психиатрии. Вопрос о правильности взглядов элиты (в той перспективе, которую я предлагаю) совершенно неуместен. Значение имеет только процессуальная корректность: есть ли в экспертных сообществах идеологические разногласия и существуют ли институционализованные системы поощрений, которые побуждали бы членов экспертных сообществ делать все возможное, чтобы решать насущные проблемы.

С этой точки зрения сообщество психиатров заслуживает, по всей видимости, самой высокой оценки. Исследовательница, у которой первоначально не было никакой репутации в своей области, штатный научный сотрудник совсем небольшого тогда еще университета, смогла пробить первую и весьма заметную трещину в прежде несокрушимой властной структуре, причем сделать это в середине 1950-х годов, в не очень подходящее время для подобных предприятий. Без всяких сомнений, внушительное достижение не только для индивида, но и для институциональных структур, которые сделали это возможным. В институциональных же структурах наиболее важным было наличие в сообществе психиатров стандартных техник личностной оценки, на которые я сослался как на конвенциональное научное знание.

На последних нескольких страницах мне для рассмотрения политики экспертного сообщества удобно было обратиться к конкретному случаю. Я думаю, однако, что следует попытаться составить обобщенное представление о том, как экспертные сообщества производят идеи и как эти идеи распространяются. Ключевыми вопросами такого представления должны быть, наверное, тенденции в рекрутировании в экспертные сообщества, профессиональные системы поощрения в этих сообществах и развитие корпуса конвенционального знания, достаточно прочного, чтобы экспертов с разными предрасположенностями можно было привести к единому мнению.

Существует достаточно много работ, посвященных первому вопросу. В них отмечается, что индивиды с разной идеологической ориентацией привлекаются в разные дисциплины [145] и, надо полагать, в разные профессиональные группы. Приводит ли это к идеологической однородности в указанных группах или же в них оказывается давление, так что тем, кто в меньшинстве, становится гораздо труднее работать, до сих пор неизвестно, хотя это очень важный вопрос. Сужение в процессе привлечения индивидов в экспертные сообщества круга типов личностей, которые могут стать экспертами (независимо от того, почему это происходит — в результате ли самостоятельного выбора или же под целенаправленным нажимом идеологических стандартов), ведет к ограничению вариативности дискурса элиты и расширению спектра ее доминирования.

Что касается второго вопроса, литературы по нему практически нет. Тем не менее можно предположить, что по крайней мере для некоторых экспертов, профессионалов и специ-

алистов других типов в разных областях существуют системы поощрений, которые придают особое значение развитию знания и решению насущных общественных проблем. Выдающийся пример таковой системы поощрений можно найти в медицинском исследовательском сообществе, где статус, поддержка исследований и заработок зависят от практической или теоретической значимости проведенных исследований, которые оценивают коллеги. Аналогичные системы поощрений можно найти в большинстве академических дисциплин; во всяком случае, люди, которые работают в университетских комитетах по привлечению и развитию кадров, прилагают много усилий, чтобы обеспечить их успешное функционирование. Не нужно исходить только из предположения, что эксперты и профессионалы альтруистичны и искренне заинтересованы в производстве нового знания для оптимизации публичной политики. Нужно согласиться с целесообразностью существования систем поощрений, которые подогревали бы в них такой интерес. Наверное, разные механизмы поощрения не могут исключить искажений или же гарантировать правильность заключений. Но они в состоянии стать эффективными стимулами в стремлении достичь нужных целей.

Механизмы поощрения, распространенные в экспертных сообществах, особенно если они интериоризированы, могут оказывать сильное влияние на поведение индивидов. Однажды я разговаривал с социологом, который проводил совместное с медиками исследование, направленное на то, чтобы изолировать вирус СПИДа на ранних этапах эпидемии и попытаться определить способ его передачи. Многие из этих исследователей, сказал социолог, или сами были геями, или им симпатизировали, так что они очень хотели обнаружить, что СПИД не передается так же легко, как многие вирусы. Во время короткого начального периода казалось, что эта предварительная гипотеза оказывала влияние на их исследовательские планы. Но очень скоро все исследователи, и геи, и негеи, начали концентрироваться на том, чтобы получить «главный приз», т.е. первыми, независимо от их личных интересов, выяснить истинную природу ВИЧ.

Я повторяю, что эмпирический вопрос о том, насколько чувствуются эти поощрения в разных экспертных и профессиональных группах, к которым репортеры и политики обращаются за информацией, остается открытым, но он, этот вопрос, вполне заслуживает изучения.

Мое представление о профессиональных и экспертных сообществах основано, очевидно, на идеализированном представлении о научном сообществе [171; 87]. Здесь, однако, не должен отходить на второй план тот критически важный факт, что в большинстве областей исследования, имеющих значение для политики, личные и политические предрасположенности экспертов и профессионалов могут воздействовать (и постоянно делают это) на те выводы, к которым они приходят или которые пытаются получить. Я не знаю исследований, посвященных данному вопросу, но вряд ли кто-то выступит с возражениями. Конечно, во всех сферах социальной науки мы знаем исследования, отражающие идеологические ориентиры исследователей, которых по другим основаниям можно было бы определить как более или менее либеральных или консервативных. Наверное, то же явление можно обнаружить и в других профессиональных и экспертных сообществах. Так (вернемся к примеру со СПИДом), скорее всего существовали исследователи-медики, которые хотели, вследствие своих предрасположенностей, своих интересов, показать, что СПИД не может передаваться случайно, и существовали другие ученые, которые вследствие своих предрасположенностей или интересов были мотивированы к противоположному заключению.

Я не вижу противоречия в сравнении профессиональных и экспертных сообществ, с одной стороны, и научных, с другой. Это еще более расширяет область действия идеологических предубеждений. Как отмечал мой коллега по Калифорнийскому университету в Лос-Анджелесе Склар, социальные теории чаще рождаются в «идеологическом грехе», нежели в «научной добродетели». Однако люди, хотя их могут подталкивать разные предубеждения для поддержания высокого статуса в специализированных сообществах, должны обосновывать свои окончательные заключения в терминах такой аргументации, которую признают все, включая и тех, кто не разделяет их предрасположенностей и предубеждений.

Более того, можно привести примеры, как идеологическая тенденциозность, поскольку она проявляется в профессиональных и экспертных сообществах, где существуют разногласия, производит благотворный эффект. В конечном счете скажется многостороннее рассмотрение каждого спорного вопроса с позиций, основанных на разных идеологических предубеждениях. В той степени, в какой люди с разными предубеждениями могут придти к единому ответу на вопрос, как они

часто и делают, в той же степени остальная часть общества, т.е. неспециалисты, могут быть уверены в том, что предложенные экспертами ответы качественны или, по крайней мере, сделано все возможное, чтобы ответы были таковыми. И насколько люди с разными мотивациями будут не соглашаться друг с другом, настолько они будут, как источники информации для журналистов и штатные советники политиков, распространять эти разногласия среди публики, тем самым предупреждая обычных граждан о наличии неясностей.

Здесь мы переходим к третьему ключевому вопросу.

Когда, несмотря на различные предрасположенности, все специалисты в некоторой области приходят к согласию о проводимой политике, любой эксперт, консультирующий журналистов, будет говорить одно и то же; в результате в обществе будут наблюдаться консенсус элиты и господствующая норма, причем последнюю сильнее будут поддерживать те граждане, которые проявляют больше внимания к политике. Но когда предрасположенности вынудят специалистов в какой-то области к разногласиям, журналисты станут освещать эти разногласия, освещать зачастую в безоговорочно идеологических терминах и тем самым активизировать образы добра и зла. Естественно, политики и публицисты, поддерживающие контакт с близкими по духу специалистами, также будут находиться в оппозиции друг другу¹. А результатом станет поляризация общественности в целом по тем линиям, которые отражают идеологический конфликт элит; самые внимательные к политике граждане будут и более поляризованными.

Идеология, таким образом, является механизмом, посредством которого обычные граждане налаживают контакт со специалистами, обладающими знанием о спорных вопросах и разделяющими предрасположенности граждан. Как таковая, идеология может внести ценный вклад в демократическую политику в обществе, в котором люди должны не только иметь мнения о ряде невероятно сложных вопросов, но также и использовать эти мнения в качестве основы для того, чтобы выбирать лидеров и заставлять их нести ответственность.

Идеология (в том смысле, который здесь используется) не является, как ее часто понимают исследователи в области об-

¹ Комитеты конгресса, служебный персонал, политические институты, мозговые центры, а также пересекающиеся части федерального госаппарата часто имеют определенный политический окрас. Это связывает политиков и членов специализированных сообществ, которые разделяют их взгляды.

ественного мнения, цельным произведением индивидуального творчества гениев, таких, как Маркс, Бёрк или Локк. Напротив, она представляет собой агломерацию взглядов различных специалистов, разделяющих общие идеологические предрасположенности¹. К примеру, консервативная экономика или консервативная внешняя политика — это то, что нужно делать, по мнению соответственно консервативных экономистов или консерваторов-международников. Когда эксперты изменяют свою точку зрения (так сделали либеральные эксперты во время войны во Вьетнаме), массовые системы представлений склонны следовать за мнением элит с задержками, какие я описывал в предыдущих главах. У представителей широкой общественности для того, чтобы занять такую позицию, которая консистентна с их предрасположенностями, нет необходимости быть в курсе технических деталей дискуссии экспертов по тем или иным вопросам или же знать, почему данные политические решения являются консервативными или либеральными; им нужно только распознавать, какие элиты разделяют эти предрасположенности, и принимать их подсказки.

Я обрисовал идеализированную систему публичной информации, в которой различные эксперты по политическим вопросам развивают политические идеи, а затем политики и СМИ распространяют эти идеи среди публики. Подобная идеализированная система не дает, разумеется, полной картины, поскольку пренебрегает чрезвычайно важной ролью политических институтов, соперничеством партий и политической цензурой в регулировании потока информации в обществе. И тем не менее о двух важных моментах, о двух достоинствах системы следует сказать. Во-первых, она описывает набор идеализированных условий, при выполнении которых значительно уменьшились бы нежелательные эффекты чудовищной зависимости мнения масс от дискурса элит. А во-вторых, система показывает, что в действительности некоторые из идеализированных условий (те же экспертные сообщества, действующие хотя бы некоторое время в рамках благотворных систем поощрений) отчасти, но выполняются в современной информационном системе Соединенных Штатов.

¹ Эти общие идеологические предрасположенности предположительно включают и неспецифические предрасположенности в отношении порядка, стабильности и социального контроля (некоторые эмпирически обоснованные гипотезы см. в [156, ch. 7; 49]).

Политика и информация

Избегая до сих пор любых рассуждений о влиянии политики на поток информации, я предполагал, что производство информации первично и что политические факторы (в том числе и действия государственных чиновников, других политиков, групп интересов и пр.), которые регулируют распространение, являются вторичными. Основания для такого предположения совершенно просты. Политическая информация предшествует политическому действию. Все политические акторы, включая правительство, прежде чем предпринимать какое-либо действие, включая и цензуру, и манипулирование потоком информации, предназначенной для общественности, должны сформировать некоторое представление о том, что происходит в мире; это представление всегда является продуктом различного рода специалистов по политике и информации. Более того, поскольку преобладающая часть информационной системы существует вне правительства, способность политиков подавлять или контролировать информацию ограничена, хотя и остается значимой. Но в каждой конкретной области существует экспертное сообщество, в котором потенциально заложены идеологические противоречия и у которого есть налаженные контакты с правительственными чиновниками, принимающими решения, с политической оппозицией и (через прессу) с общественностью.

Такое представление о потоке информации в Соединенных Штатах не является общепринятым. В большинстве подходов, основанных на исследовании «источников», дающих информацию прессе, подчеркивается роль правительства в производстве информации, в манипулировании ее потоками и цензуре [40; 220; 92; 20].

Важно подчеркнуть: эти подходы, в той мере, в какой они стремятся ответить на общий вопрос об источниках информации, которую получает общественность, слишком узко концентрируются на том, что сравнительно легко наблюдать и изучать. Правительственные чиновники могут быть лишь ближайшим источником большей части информации, достигающей общественности, но они не обязательно являются ее производителями; они также часто не могут контролировать, как эта информация будет сформулирована в прессе или чем пресса заинтересуется. Роль правительственных чиновников не одинаково важна в вопросах разных типов.

Яркий случай того, как представители неправительственной информационной системы могут оказывать влияние независимо от правительства, был описан репортером «Вашингтон пост» Бродером через двадцать лет после того, как он произошел. В начале вьетнамской войны, когда вмешательство США еще находило поддержку большинства доминирующих политиков и когда правительство почти не обеспечивало антивоенную информацию, Чёрч, молодой сенатор из Айдахо, проявляющий сильный интерес к внешней политике, организовал так называемый семинар за обедом о Вьетнаме для нескольких репортеров. «Гостем Чёрча за обедом был Ханс Дж. Моргентау из Чикагского университета, эксперт по внешней политике. Эти два человека делали все возможное, чтобы заставить группу очень скептически настроенных репортеров пересмотреть господствующие представления о Вьетнаме. Борьба, которая имеет там место, утверждали они, является не опосредованной агрессией Китая или Москвы, а местной революцией, которую возглавляет Хо Ши Мин, единственный там истинный лидер... Если американцы... последуют примеру французов, говорили Чёрч и Моргентау, мы очень дорого заплатимся за это. В тот вечер я ушел домой совершенно не убежденный ими, но в последующие лет двенадцать у меня было множество возможностей вспомнить это предупреждение» [29].

Подробности этого семинара за обедом, хотя в нем и предвосхищается антивоенная политика либералов, совершенно несущественны. Существенно другое: Чёрч и, возможно, Моргентау явно и сознательно пытались влиять на сообщения ведущих журналистов, представляя им академическую точку зрения.

Неформальные дискуссии подобного рода, отнюдь не редкие в журналистике, представляют один из способов, при помощи которых идеи ведущих экспертов в области политики доходят до журналистов и представляются через их публикации. Книги, наверное, столь же важны. Яркие молодые репортеры, приехавшие за сенсацией, а они о ней почти ничего не знают и не в состоянии интеллектуально сориентироваться, обычно просматривают наиболее известные книги о новом для них предмете. В случае с Вьетнамом такими книгами были работы историка Фолла, которые, по всей видимости, прочитали все журналисты, писавшие о Вьетнаме [90]. Вьетнамскую войну, указывал Фолл, следует понимать в свете антиимпериализма и вьетнамского национализма, а не, подобно большинству американских чиновников, — как борьбу между демокра-

тией и коммунизмом¹. Если, приняв такого рода идеи, репортеры уже не могли быть настолько упорными антикоммунистами, если они активно разыскивали правительственных чиновников с другими взглядами, если своими вопросами, которые они задавали на пресс-конференциях, они постоянно и настойчиво заставляли высоких чиновников предъявить «результаты», если, наконец, они часто пытались осветить затруднения в политике США (коррупция в правительстве Южного Вьетнама, плохое обращение американских военных с вьетнамскими крестьянами и др.), то по крайней мере одной из причин подобных действий репортеров было влияние неправительственных экспертов, создавших интеллектуальные рамки, которые помогали мотивировать эти действия.

Подчеркивая негосударственное происхождение большей части официальной информации, я ни в коей мере не отрицаю, что правительство постоянно использует свое влияние, чтобы исказить или подвергнуть цензуре ту информацию, которая предназначена для публики. Верно и другое: политические махинации (склонность партийных элит не соглашаться друг с другом, несмотря на то, что говорят эксперты; склонность потворствовать интересам кого угодно, кто может помочь остаться на своем посту; склонность правительственных чиновников сдерживать поток информации и манипулировать им) легко могут в скором времени аннигилировать влияние специалистов в области политики и академических экспертов, причем на достаточно долгий срок, и в конечном счете подвинуть нацию к опрометчивым действиям.

Не стоит, однако, преувеличивать порочное влияние партийной политики. Например, вопрос о вирусе СПИДа, о гомосексуалистах и потребителях наркотиков, которые первоначально были основными носителями вируса, в 1980-е годы был, несомненно, одним из наиболее опасных и потенциально дающих негативную реакцию вопросов. Отрицательная политическая реакция тем не менее не проявилась. Национальная стратегия публичного образования и интенсивные научные исследования были признаны лучшими способами разрешения проблемы обеими политическими партиями и практически всей политической элитой. Появившиеся разногласия были

¹ По моему мнению, политики, когда они начинают заниматься новым вопросом, нередко обращаются к мнению экспертов. Наверное, и на сенатора Фулбрайта, который достаточно рано начал критиковать войну во Вьетнаме, оказали влияние книги Фолла.

связаны исключительно со скоростью реакции на исследования и уровнем государственного финансирования, а не с самой стратегией решения проблемы. Таким образом, СПИД остался проблемой медицины и здравоохранения, т. е. здесь, несмотря на огромные возможности для партийного противостояния, доминировали эксперты [42]. Можно ли сомневаться в том, что этот вопрос незамедлительно стал бы жестко партийным и идеологическим, если бы эксперты-медики не были согласны друг с другом относительно фундаментальной стратегии, если бы, например, значительное число экспертов выступало за политику карантина?

Аналогичную аргументацию можно представить и в отношении расового вопроса. Ни один вопрос в американском обществе не был столь глубоко политическим, как этот. Множество экспертов, в основном психологов, очень озабоченных особенностями интеллектуального развития разных по расовому признаку групп населения и пагубными последствиями расовой сегрегации, на протяжении всего XX века проявляли значительную активность; они стали очень влиятельными в области расовой проблематики. Как уже отмечалось в гл. 2, в начале XX столетия большинство экспертов были скорее расистами. Однако уже в 1920-е годы, во время, которое, между прочим, считается периодом культурного консерватизма в стране в целом, во мнении экспертов о групповых различиях в интеллекте фактически произошла революция. К 1930-м годам господствующим стало новое мнение, разделяемое практически всеми учеными. В соответствии с этим мнением существование и особенно значимость любых возможных групповых различий в интеллекте свелись к минимуму. Можно с большой степенью вероятности предположить, что именно новый консенсус ученых, который вскоре получил отражение во мнениях наиболее образованных белых, послужил причиной того, что властные структуры страны после столетий подавления любых попыток чернокожих получить равенство начали видеть свои ошибки [181].

Без сомнения, существуют мириады способов, при помощи которых политические власти и другие заинтересованные силы могут расстроить обрисованную мною идеализированную систему и исказить информацию, предназначенную для общественности. Даже в самих экспертных сообществах может проявиться множество внутренних дисфункций. Существующая литература о прессе и массовой коммуникации в некото-

рой степени концентрируется на этих проблемах, из-за чего, пусть и ненамеренно, возникает ситуация, когда мы иногда лучше знаем о неполадках в системе, нежели о том, как она вообще работает. Именно поэтому в данной главе я стремился направить внимание читателей на более широкий круг факторов (по сравнению с тем, который обычно исследуется), особенно на существование специалистов в области политики, относительно не зависимых от политических авторитетов и их интересов, играющих большую роль в постановке и формулировке вопросов, связанных с общественным мнением через прессу и политиков, разделяющих их идеологические предрасположенности.

В заключение

В любом сложном обществе (таком, например, как Фиолетовая страна) при проведении политически релевантных дискуссий должно существовать разделение труда. Это с необходимостью предполагает отрицание моего общего тезиса. Если, как я предполагал, только специалисты достаточно компетентны, чтобы вести политические дискуссии, то почему же вообще в это дело вовлекается публика? Почему бы правительству не выражать мнение наиболее влиятельных экспертов?

Здесь существует несколько ответов. Один из них, совсем простой, заключается в том, что право народа — решать любые проблемы, которые он ощущает потребность решать. Есть и другой ответ: политическое участие, как утверждали Милль и другие, ценно само по себе, оно облагораживает тех, кто в него вовлечен, и создает возможности для самореализации. Однако я не считал бы убедительным ни один из этих ответов, ни один из аргументов, если бы полагал, что общественность, пусть и осуществляя свои несомненные права и стремясь к самореализации, постоянно принимает решения, которые я считаю технически глупыми и отвратительными в моральном плане. И поэтому предлагается третий ответ — правительство, когда его не проверяют, неизменно сбивается с пути и становится деспотическим или даже еще более ужасным.

Несколько специалистов не обеспечивают достаточный контроль за политическими властями. Их легко игнорировать, заключить в тюрьму, убить или же заставить молчать каким-то иным способом. Эти специалисты могут надеяться на влияние, только если публикуются и политизируются любые появляю-

щиеся разногласия, если обычные граждане могут рассудить их споры. Я не вижу никаких очевидных оснований считать, что все граждане в целом мудрее, чем специалисты, которые набираются из широкого круга претендентов и которым дается свобода действия в рамках благоприятной системы поощрений. Имеет значение не коллективная мудрость, кажущаяся мне сомнительной, а именно способность граждан в демократических странах оказывать коллективное давление на лидеров в нужном направлении и при необходимости свергать их.

Разумеется, все это предполагает, что независимое общественное мнение может ограничивать политическую власть. В условиях постоянной конкуренции партийных элит в борьбе за общественную поддержку, свойственной современной политической системе Америки, я не считаю это допущение особенно проблематичным. Реальная проблема заключается в гарантии существования равных возможностей при конкуренции противостоящих идей.

Библиография

1. *Abramowitz A.I.* A comparison of voting for U.S. senator and representative // *American Political Science Review*. 1980. Vol. 74. P. 633–640.
2. *Abramson P.* Political attitudes in America. New York: Freeman, 1983.
3. *Achen C.H.* Mass political attitudes and the survey response // *American Political Science Review*. 1975. Vol. 69. P. 1218–1231.
4. *Achen C.H.* Toward theories of data: The state of political methodology. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association. Washington, D.C., 1983.
5. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., et al.* The authoritarian personality. New York: Harper, 1950.
6. *Allport G.* The nature of prejudice. New York: Doubleday, 1954.
7. *Altemeyer B.* Right-wing authoritarianism. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1981.
8. *Alves M.H.M.* Estado e oposição no Brasil. Petrópolis. Brazil: Vozes, 1984.
9. *Anderson B., Silver B., Abramson P.* Interviewer race and attitudes of blacks // *Public Opinion Quarterly*. 1988. Vol. 52. P. 289–324.
10. *Anderson N.* Information integration theory: A brief survey // *Measurement, psychophysics, and neutral information processing* / Ed. by D. Krantz, R. Atkinson, R.D. Luce, P. Suppes. San Francisco: W.H. Freeman, 1974. P. 236–305.
11. *Arnold D.* The logic of congressional action. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1990.
12. *Atkinson R., Bower G., Crothers R.* An introduction to mathematical learning theory. New York: Wiley, 1965.
13. *Bachrach P., Baratz M.* The two faces of power // *American Political Science Review*. 1962. Vol. 56. P. 947–952.
14. *Bartels L.* The dynamics of presidential primaries. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.
15. *Barton A.H.* Consensus and conflict among American leaders // *Public Opinion Quarterly*. 1974–5. Vol. 38. P. 507–30.
16. *Bayer R.* Homosexuality and American psychiatry: The politics of diagnosis. New York: Basic, 1981.

17. *Belknap G., Campbell A.* Party identification and attitudes toward foreign policy // *Public Opinion Quarterly*. 1951–2. Vol. 15. P. 601–23.
18. *Bennett S.* “Know-nothings” revisited: The meaning of political ignorance today // *Social Science Quarterly*. 1989. Vol. 69. P. 476–90.
19. *Bennett W.L.* Public opinion in American politics. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1980.
20. *Bennett W.L.* Toward a theory of press-state relations in the U.S. // *Journal of Communication*. 1990. Vol. 40. P. 103–25.
21. *Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W.* Voting. Chicago: University of Chicago Press, 1954.
22. *Bishop G.R., Oldendick R., Tuchfarber A.* What must my interest in politics be if I just told you ‘I don’t know’? // *Public Opinion Quarterly*. 1984. Vol. 48. P. 210–219.
23. *Bobo L., Licari F.C.* Education and tolerance: Testing the effects of cognitive sophistication. A target group affect // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. P. 285–318.
24. *Bowen G.* Presidential action and public opinion about U.S.–Nicaraguan policy // *Political Science*. 1989. Vol. 22. P. 793–799.
25. *Brady H., Johnston R.* What’s the primary message: Horse race or issue journalism? // *Media and Momentum* / Ed. by G. Orren, N.W. Polsby. New York: Chatham, 1987. P. 127–86.
26. *Braestrup P.* The big story. New Haven, Conn: Yale University Press, 1979.
27. *Brigham C.* A study of American intelligence. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1923.
28. *Brigham C.* Intelligence tests of immigrant groups. // *Psychological Review*. 1930. Vol. 37. P. 138–65.
29. *Broder D.* Frank Church’s challenge. // *Washington Post*. 1984. January 22.
30. *Brody R.* Assessing presidential character: The media, elite opinion, and public support. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.
31. *Cain B., Ferejohn J., Fiorina M.* The personal vote. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1987.
32. *Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D.* The American Voter. New York: Wiley. 1960.
33. *Cantril H.* Gauging Public Opinion. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1944.
34. *Carmines E., Stimson J.* Racial issues and the structure of mass belief systems // *Journal of Politics*. 1982. Vol. 44. P. 2–20.
35. *Carmines E., Stimson J.* Issue evolution: race and the transformation of American politics. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1989.
36. *Chaiken S.* Heuristic versus systematic information processing and the use of source versus message cues in persuasion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 37. P. 1387–1397.

37. *Charters W.W.Jr., Newcomb T.* Some attitudinal effects of experimentally increased salience of group membership // *Readings in social psychology* / Ed. by E. Macoby, T. Newcomb, E. Hartley. 3d ed. New York: Holt, Rinehart, 1958.
38. *Chong D., McClosky H., Zaller J.* Social learning and the acquisition of political norms // *The American Ethos* / Ed. By H. McClosky, J. Zaller. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984.
39. *Citrin J.* Comment: The political relevance of trust in government // *American Political Science Review*. 1974. Vol. 68. P. 973-88.
40. *Cohen B.* The press and foreign policy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963.
41. *Cohen B.* The public's impact on foreign policy. Boston: Little, Brown, 1973.
42. *Colby D., Cook T.* The mass-mediated epidemic: AIDS on the nightly news, 1981-1987 // *AIDS Contemporary History* / Ed. by E. Fee, D. Fox. Berkeley: University of California Press, 1991.
43. *Converse P.* Information flow and the stability of partisan attitudes // *Public Opinion Quarterly*. 1962. Vol. 26. P. 578-599.
44. *Converse P.* The nature of belief systems in mass publics // *Ideology and Discontent* / Ed. by D. Apter. New York: Free Press, 1964. P. 206-261.
45. *Converse P.* Public opinion and voting behavior // *Handbook of political science*. Vol. 4 / Ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. P. 75-169.
46. *Converse P.* Comment: Rejoinder to Judd and Milburn // *American Sociological Review*. 1980. Vol. 45. P. 644-646.
47. *Converse P., DePeux G.* Politicization of the electorate in the U.S. and France // *Public Opinion Quarterly*. 1962. Vol. 26. P. 1-23.
48. *Converse P., Markus G.* Plus ça change The new CPS panel study // *American Political Science Review*. 1979. Vol. 73. P. 32-49.
49. *Costantini E., Craik K.* Personality and politicians: California party leaders, 1960-1976 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 38. P. 640-66.
50. *Cotton J.L.* Cognitive dissonance and selective exposure // *Selective Exposure to Communication* / Ed. by D. Zillmann, J. Bryant. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1985.
51. *Dawson M.C., Brown R.E., Cohen C.* Racial differences in presidential approval. Unpublished paper. Department of Political Science, University of Michigan, Ann Arbor, n. d.
52. *D'Emillio J.* Sexual politics, sexual communities. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
53. *Dean G., Moran T.* Measuring mass political attitudes: Change and uncertainty // *Political Methodology*. 1977. Vol. 4. P. 383-424.

54. *Degler C.* In search of human nature. New York: Oxford University Press, 1991.
55. *Delli Carpini M.X., Keeter S.* The structure of political knowledge: Issues of conceptualization and measurement. Paper given at annual meetings of American Political Science Association, San Francisco, 1990.
56. *Delli Carpini M.X., Keeter S.* Stability and change in the U.S. public's knowledge of politics // *Public Opinion Quarterly*. 1991. Vol. 55. P. 583–612.
57. *Downs A.* An economic theory of democracy. New York: Harper, 1957.
58. *Dryer E.C.* Media use and electoral choices: Some political consequences of information exposure // *Public Opinion Quarterly*. 1971. Vol. 35. P. 544–53.
59. *Duch R., Gibson J.* Cultural barriers to European integration? A cross-national analysis of democratic tolerance. Unpublished paper. Department of Political Science, University of Houston, n. d.
60. *Edelman M.* The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964.
61. *Erbring L., Goldenberg E., Miller A.* Frontpage news and real world cues: A new look at agenda setting by the media // *American Journal of Political Science*. 1980. Vol. 24. P. 16–49.
62. *Erikson R.* The advantage of incumbency in congressional elections // *Policy*. 1971. Vol. 3. P. 395–405.
63. *Erikson R.* The SRC panel data and mass political attitudes // *British Journal of Political Science*. 1979. Vol. 9. P. 89–114.
64. *Fan D.* Predictions of public opinion from the mass media. New York: Greenwood, 1988.
65. Federal planning assumptions: Prevalence of AIDS virus infection // *The New York Times*. 1987. February 27. P. 11.
66. *Feldman S.* Reliability and stability of policy positions: Evidence from a five-wave panel // *Political Analysis*. 1989. Vol. 1. P. 25–60.
67. *Feldman S., Zaller J.* Political culture of ambivalence: Ideological responses to the welfare state // *American Journal of Political Science*. 1992. Vol. 36. P. 268–307.
68. *Fenno R.* Homestyle: House members in their districts. Boston: Little, Brown, 1978.
69. *Fiorina M.* Congress: Keystone of the Washington establishment. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1977.
70. *Fiorina M.* Retrospective voting. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1981.
71. *Fiske S.T., Kinder D.* Involvement, expertise, and schema use: Evidence from political cognition // *Personality, Social Cognition, and Social Interaction* / Ed. by N. Cantor, J. Kihlstrom. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981.

72. *Fiske S., Lau R., Smith R.* On the varieties and utilities of political expertise // *Social Cognition*. 1990. Vol. 8. P. 31–48.
73. *Franklin C.H.* Estimation across data sets: Two-stage auxiliary instrumental variables estimation (2SAIV) // *Political Analysis*. 1989. Vol. 1. P. 1–24.
74. *Franklin C.H.* Learning the consequences of actions: Public opinion and the Persian Gulf War. Paper presented at Conference on the Consequences of War, Brookings Institution, Washington, D.C., 1992.
75. *Franklin C.H., Kosaki L.C.* Republican schoolmaster: The U.S. Supreme Court, public opinion, and abortion // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83. P. 751–772.
76. *Fredrickson G.M.* The black image in the white mind. New York: Harper, 1971.
77. *Gamson W., Modigliani A.* Knowledge and foreign policy opinions: Some models for consideration // *Public Opinion Quarterly*. 1966. Vol. 30. P. 187–199.
78. *Gamson W., Modigliani A.* The changing culture of affirmative action // *Research in Political Sociology*. Vol. 3 / Ed. by R.D. Braungart. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1987. P. 137–176.
79. *Gans H.* Deciding what's news. New York: Vintage, 1980.
80. *Geddes B., Zaller J.* Sources of popular support for authoritarian regimes // *American Journal of Political Science*. 1989. Vol. 33. P. 319–347.
81. *Gelb L., Betts R.* The irony of Vietnam: The system worked. Washington, D.C.: Brookings, 1979.
82. *Gerber E., Jackson J.* Endogenous preferences and the study of institutions. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, San Francisco, 1990.
83. *Ginsberg B.* The Captive Public. New York: Basic, 1986.
84. *Glenn N.D.* Cohort Analysis. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1977.
85. *Graber D.* Processing the news: How people tame the information tide. White Plains, N.Y.: Longman, 1984.
86. *Grossman M., Kumar M.* Portraying the president. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
87. *Hagstrom W.O.* The scientific community. New York: Basic, 1965.
88. *Hahn H.* Correlates of public support for war: Local referenda on the Vietnam issue // *American Political Science Review*. 1970. Vol. 64. P. 1186–1198.
89. *Halberstam D.* The best and the brightest. New York: Random House, 1972.
90. 1979. *The Powers That Be*. New York: Dell.
91. *Hallin D.* Vietnam and the myth of the oppositional media // *Journal of Politics*. 1984. Vol. 46. P. 1–24.

92. *Hallin D.* The uncensored war. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
93. *Hamilton R.F.* A research note on public support for 'tough-minded' military policies // *American Sociological Review*. 1968. Vol. 33. P. 439-49.
94. *Hanushek E., Jackson J.* Statistical methods for social scientists. New York: Wiley, 1977.
95. *Hastie R., Park B.* The relationship between memory and Judgment depends whether the task is memory-based or on-line // *Psychological Review*. 1986. Vol. 93. P. 937-25.
96. *Hibbing J.* Contours of the modern congressional career // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85. P. 405-28.
97. *Higgins E.T., King G.* Accessibility of social constructs: Information-processing consequences of individual and contextual variation // *Personality, cognition, and social interaction* // Ed. by N. Cantor, I.F. Kihstrom. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981. P. 69-121.
98. *Hochschild J.* What's fair? Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981.
99. *Hollis M.* The public's social policy preferences: structure and antecedents. Unpublished dissertation. University of California, Los Angeles, 1991.
100. *Hurwitz J., Peffley M.* How are foreign policy attitudes structured? A hierarchical model // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. P. 1099-1130.
101. *Hurwitz J., Peffley M.* Report to the NES Board of Overseers on new militarism items from the pilot. Ann Arbor, Mich.: National Election Studies, 1988.
102. *Hurwitz J., Peffley M.* International Events and Foreign Policy Beliefs: Public Response to Changing Soviet-U.S. Relations // *American Journal of Political Science*. 1992.
103. *Iyengar S.* Shortcuts to political knowledge: Selective attention and the accessibility bias // *Information and the democratic process* / Ed. by J. Ferejohn, J. Kuklinski. Urbana: University of Illinois Press, 1990. P. 160-185.
104. *Iyengar S.* Is anyone responsible? Chicago: University of Chicago Press, 1991.
105. *Iyengar S., Kinder D.* News that matters. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
106. *Iyengar S., Kinder D., Peters M., Krosnick J.* The evening news and presidential evaluations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 46. P. 778-787.
107. *Iyengar S., Peters M., Kinder D.* Experimental demonstrations of the 'not-so-minimal' consequences of television news programs // *American Political Science Review*. 1982. Vol. 76. P. 848-858.

108. *Jackman M.* General and applied tolerance: Does education increase commitment to racial integration? // *American Journal of Political Science*. 1978. Vol. 22. V. 302–324.
109. *Jacobson G.* Money in congressional elections. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1980.
110. *Jacobson G.* The Politics of Congressional Elections. 3d ed. Boston: Harper, Collins, 1991.
111. *Jacobson G., Kernell S.* Strategy and choice in congressional elections. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1981.
112. *Jacoby W.* Ideological identification and ideological issue attitudes // *American Journal of Political Science*. 1991. Vol. 35. P. 178–205.
113. *Johannes J.R., McAdams J.C.* Determinants of spending by House challengers, 1974–1984 // *American Journal of Political Science*. 1987. Vol. 31. P. 457–83.
114. *Judd C., Drake R., Downing J.W., Krosnick J.* Some dynamic properties of attitude structures: Context-induced response facilitation and polarization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 60. P. 193–202.
115. *Judd C., Krosnick J.* The structural bases of consistency among political attitudes: Effects of political expertise and attitude importance // *Attitude Structure and Function* / Ed. by A.R. Pratkanis, S.J. Beckler, A.G. Greenwald. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989. P. 99–128.
116. *Judd C., Milburn M.* The structure of attitude systems in the general public: Comparison of a structural equation models. // *American Sociological Review*. 1980. Vol. 45. P. 627–643.
117. *Judd C., Milburn M., Krosnick J.* Political involvement and attitude structure in the general public // *American Sociological Review*. 1981. Vol. 46. P. 660–669.
118. *Just M., Neuman W.R., Crigler A.* Who learns what from the news: Attentive publics versus a cognitive elite. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1989.
119. *Katz E., Lazarsfeld P.* Personal influence. Glencoe, Ill.: Free Press, 1955.
120. *Kelley S., Jr.* Interpreting elections. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1983.
121. *Key V.O., Jr.* Public opinion and American democracy. New York: Knopf, 1961.
122. *Key V.O., Jr., Cummings M.* The responsible electorate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.
123. *Kinder D.* Presidential character revisited // *Political Cognition* / Ed. by R. Lau, D. Sears. Hillsdale N.J.: Erlbaum, 1986. P. 233–56.

124. *Kinder D., Sanders L.* Mimicking political debate with survey questions: The case of white opinion on affirmative action for blacks // *Social Cognition*. 1990. Vol. 8. P. 73–103.
125. *Kinder D., Sears D.* Public opinion and political action // *Handbook of Social Psychology* / Ed. by G. Lindzey, E. Aronson. 4th ed. New York: Random House, 1985. P. 659–741.
126. *Kinsey A., et al.* Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948.
127. *Klapper J.T.* The effects of mass communications. Glencoe, Ill.: Free Press, 1960.
128. *Kluger R.* Simple justice. New York: Vintage, 1975.
129. *Knight K.* Ideology in the 1980 election: Ideological sophistication does matter // *Journal of Politics*. 1985. Vol. 47. P. 828–53.
130. *Krosnick J.* Attitude importance and attitude change // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1988. Vol. 24. P. 240–55.
131. *Krosnick J., Berent M.* Comparisons of party identification and policy preferences. Unpublished manuscript. Department of Psychology, Ohio State University, Columbus, 1992.
132. *Krosnick J., Boninger D., Chuang Y., Carnot C.* Attitude strength: One construct or many related constructs? Unpublished manuscript, Department of Psychology, Ohio State University, Columbus, 1992.
133. *Krosnick J., Kinder D.* Altering the foundations of support for the president through priming // *American Political Science Review*. 1990. Vol. 83. P. 497–512.
134. *Krosnick J., Milburn M.* Psychological determinants of political opinionation // *Social Cognition*. 1990. Vol. 8. P. 49–72.
135. *Krosnick J., Schuman H.* Attitude intensity, importance, and certainty and susceptibility to response effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54. P. 940–52.
136. *Kultura Polityczna Społeczeństwa Polskiego (1983–1985)* / Ed. by R. Frahcisek. Warsaw: University of Warsaw, 1987.
137. *Lane R.* Political ideology. New York: Basic, 1962.
138. *Lane R.* Politics of consensus in an age of affluence // *American Political Science Review*. 1965. Vol. 38. P. 874–94.
139. *Lane R.* Patterns of political belief // *Handbook of Political Psychology* / Ed. by J. Knutson. San Francisco: Jossey-Bass, 1973. P. 83–116.
140. *Lang G., Lang K., Larson J.* Press as prologue: Saddam's Iraq in Britain, Germany, and the U.S.A. Paper given at the SSRC workshop on the Media and Foreign Policy. University of Washington. Seattle. 1991. September 27.
141. *Lauritsen J., Thorstad D.* The early homosexual rights movement (1864–1935). New York: Times Change Press, 1974.

142. *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The people's choice. New York: Duell, Sloane, and Pearce, 1944.
143. *Lichtenstein M., Srull T.* Processing objectives as a determinant of the relationship between memory and recall // *Journal of Experimental Psychology*. 1987. Vol. 23. P. 93–118.
144. *Lippmann W.* Public Opinion. New York: Penguin, 1946.
145. *Lipset S.M., Ladd C.* The divided academy. New York: Basic, 1970.
146. *Lipset S.M., Schneider W.* The confidence gap. New York: Free Press, 1982.
147. *Lodge M., McGraw K., Stroh P.* An impression-driven model of candidate formation // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83. P. 399–420.
148. *Lord C., Ross L., Lepper M.* Biased assimilation and attitude polarization: The effects of prior theories on subsequently considered evidence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol. 37. P. 2098–2109.
149. *Lord F., Novick M.* Statistical theories of mental test scores. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1968.
150. *Luker K.* Abortion and the politics of motherhood. Berkeley: University of California Press, 1984.
151. *Lusk C., Judd C.* Political expertise and structural mediators of candidate evaluations // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1988. Vol. 24. P. 105–126.
152. *Luskin R.* Measuring political sophistication // *American Journal of Political Science*. 1987. Vol. 31. P. 856–899.
153. *Luskin R.* Explaining political sophistication // *Political Behavior*. 1990. Vol. 12. P. 331–61.
154. *McClosky H.* Personality and conservatism // *American Political Science Review*. 1958. Vol. 52. P. 27–45.
155. *McClosky H., Brill A.* Dimensions of Tolerance. New York: Basic, 1983.
156. *McClosky H., Zaller J.* The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984.
157. *McGraw K., Lodge M., Stroh P.* On-line processing in candidate evaluation: The effects of issue order, issue salience, and sophistication // *Political Behavior*. 1990. Vol. 12. P. 41–58.
158. *McGraw K., Pinney N.* The effects of general and domain-specific expertise on political memory and judgment // *Social Cognition*. 1990. Vol. 8. P. 9–30.
159. *McGuire W.J.* Personality and susceptibility to social influence // *Handbook of Personality Theory and Research* / Ed. by E.F. Borgatta, W.W. Lambert. Chicago: Rand-McNally, 1968. P. 1130–87.

160. *McGuire W.J.* The nature of attitudes and attitude change // *Handbook of Social Psychology* / Ed. by G. Lindzey, E. Aronson. 2nd ed. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969. P. 136–314.
161. *McWethy J.* The Power of the Pentagon. Washington, D.C.: CQ Press, 1972.
162. *MacKuen M.* Exposure to information, belief integration, and individual responsiveness to agenda change // *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. 372–391.
163. *MacKuen M., Brown C.* Political context and attitude change // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 83. P. 471–490.
164. *Mann T.* Unsafe at any margin: interpreting congressional elections. Washington D.C.: Brookings Institution. 1978.
165. *Mann T., Wolfinger R.* Candidates and parties in congressional elections // *American Political Science Review*. 1980. Vol. 74. P. 617–32.
166. *Mansbridge J.* Why we lost the ERA. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
167. *Marcus G., Tabb D., Sullivan J.* The application of individual differences scaling to the measurement of political ideologies // *American Journal of Political Science*. 1974. Vol. 18. P. 405–20.
168. *Markus H., Zajonc R.* The cognitive perspective in social psychology / Ed. by G. Lindzey and E. Aronson // *Handbook of Political Psychology*. 4th ed. New York: Random House, 1985. P. 137–230.
169. *Marotta T.* The politics of homosexuality. Boston: Houghton, Mifflin, 1981.
170. *Mayhew D.* Congress: The electoral connection. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1974.
171. *Merton R.* Social research and the practicing professions. Cambridge, Mass.: Abt, 1982.
172. *Milburn M.* Ideological self-schemata and schematically induced attitude consistency // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1987. Vol. 23. P. 383–398.
173. *Miliband R.* The state and capitalist society. New York: Basic, 1969.
174. *Millar M., Tesser A.* Effects of affective and cognitive focus on the attitude-behavior relation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51. P. 270–276.
175. *Miller A.* Political issues and trust in government // *American Political Science Review*. 1974. Vol. 68. P. 951–972.
176. *Miller W.E., Levitan T.* Leadership and change. Cambridge, Mass.: Winthrop, 1976.
177. *Mohr C.* Once again – Did the press lose Vietnam? // *Columbia Journalism Review*. 1983. Vol. 22. P. 51–56.

178. *Monroe J.P.* Political values and the structure of mass attitudes. Unpublished manuscript. Department of Political Science, University of California, Los Angeles, 1990.
179. *Mueller J.* War, presidents, and public opinion. New York: Wiley, 1973.
180. *Mueller J.* American public opinion and the Gulf War: Trends and historical comparisons. Paper given at Conference on the Consequences of War, Brookings Institution, Washington, D.C., February 28, 1992.
181. *Myrdal G.* An American Dilemma. New York: Harper & Row, 1944.
182. *Nelson C.* The effects of incumbency on voting in congressional elections // *Political Science Quarterly*. 1978–9. Vol. 93. P. 665–78.
183. *Neuman W.R.* The paradox of mass politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.
184. *Neuman W.R.* The threshold of public opinion // *Public Opinion Quarterly*. 1990. Vol. 54. P. 159–76.
185. *Nie N., Verba S., Petrocik J.* The changing american voter. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976.
186. *Niemi R., Westholm A.* Issues, parties, and attitudinal stability: A comparative study of Sweden and the United States // *Electoral Studies*. 1984. Vol. 3. P. 65–83.
187. *O'Neill T.P., Novak W.* Man of the house. New York: Random House, 1987.
188. *Page B., Shapiro R.* The Rational Public. Chicago: University of Chicago, 1992.
189. *Page B., Shapiro R.Y., Dempsey G.R.* Television news and changes in Americans' policy preferences // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 83. P. 23–44.
190. *Patterson T.* The mass media election. New York: Praeger, 1980.
191. *Patterson T., McClure R.* The unseeing eye. New York: Putnam, 1976.
192. *Petrocik J.* Issues and agendas: Electoral coalitions and the 1988 election. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1989.
193. *Petty R.T., Cacioppo J.E.* Communication and persuasion. New York: Springer-Verlag, 1986.
194. *Pierce J., Beatty K., Hagner P.* The Dynamics of American Public Opinion. Glenview, Ill.: Scott, Foresman, 1982.
195. *Pollock III P.H., Lisle S., Vittes M.E.* Hard issues, core values, and vertical constraint. Unpublished paper. Department of Political Science, The University of Central Florida, 1991.
196. *Polsby N.* Consequences of reform. New York: Oxford, 1983.

197. *Popkin S.* The reasoning voter. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
198. *Price D.J.* Science since Babylon. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1961.
199. *Price V.* Social identification and public opinion // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. P. 197–224.
200. *Price V.* Priming ideological leanings: The impact of salience and commitment. Report to the National Election Studies Board of Overseers, Ann Arbor, Mich, 1991.
201. *Price V.* Communications Concept IV: Public Opinion. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992.
202. *Price V., Zaller J.* Measuring individual differences in likelihood of news reception. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association, San Francisco, 1990.
203. *Pringle P.* Disarming proposals // *New Republic*. April 21, 1982. P. 15–17.
204. *Rao R., Miller R.* Applied Econometrics. Belmont, Calif.: Wadsworth, 1971.
205. *Rasinski K.* The effect of question wording on support for government spending // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. P. 388–394.
206. *Rhine R., Severance L.* Ego-involvement, discrepancy, source credibility, and attitude change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol. 16. P. 175–90.
207. *Rivers D.* Heterogeneity in models of electoral choice // *American Journal of Political Science*. 1988. Vol. 32. P. 737–757.
208. *Roeder P.* Dissent and electoral avoidance in the Soviet Union. Presented at the annual meeting of American Political Science Association, New Orleans, 1985.
209. *Roeder P.* Modernization and participation in the Leninist developmental strategy // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83. P. 859–854.
210. *Rokeach M.* The nature of human values. New York: Free Press, 1973.
211. *Schell J.* The fate of the earth. New York: Avon, 1982.
212. *Schuman H., Presser S.* Questions and answers in attitude surveys. New York: Wiley, 1981.
213. *Schuman H., Scott J.* Problems in the use of survey questions to measure public opinion // *Science*. 1987. Vol. 236. P. 957–959.
214. *Schuman H., Steeh C., Bobo L.* Racial attitudes in America. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985.
215. *Sears D., Freedman J.* Selective exposure to information: A critical review // *Public Opinion Quarterly*. 1967. Vol. 23. P. 194–213.

216. *Seligman C., Fazio R., Zanna M.* Effects of salience and extrinsic rewards on liking and loving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 38. P. 453–460.
217. *Sheatsley P.* White attitudes toward the Negro // *Daedalus*. 1966. Vol. 95. P. 217–238.
218. *Shipler D.* Poll shows confusion on aid to the Contras // *New York Times*. April 15, 1986. P. A6.
219. *Sidanius J.* Political sophistication and political deviance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 55. P. 37–51.
220. *Sigal L.* *Reporters and Officials*. Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1973.
221. *Sigelman L., Conover P.* Knowledge and opinions about the Iranian crisis: A reconsideration of three models // *Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. P. 477–491.
222. *Smith E.R.A.N.* *The unchanging american voter*. Berkeley: University of California Press, 1989.
223. *Smith M.B., Bruner J., White R.W.* *Opinions and Personality*. New York: Wiley, 1956.
224. *Smith T.W.* Non-attitudes: A review and evaluation // *Surveying Subjective Phenomena* / Ed. by C. Turner, E. Martin. New York: Russell Sage Foundation, 1984. P. 215–255.
225. *Sniderman P.* *Personality and democratic politics*. Berkeley: University of California Press, 1975.
226. *Sniderman P., Brody R., Kuklinski J.* The principle-policy puzzle: The paradox of American racial attitudes // *Sniderman P., Brody R., Tetlock P.* *Reasoning and Choice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. Ch.4.
227. *Sniderman P., Brody R., Tetlock P.* *Reasoning and choice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
228. *Sobel R.* The Polls: U.S. intervention in El Salvador and Nicaragua // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. P. 114–128.
229. *Stimson J.* Belief systems, constraint and the 1972 election // *American Journal of Political Science*. 1975. Vol. 19. P. 393–417.
230. *Stoker L.* Judging presidential character: The demise of Gary Hart. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association, San Francisco, 1990.
231. *Stokes D.* Some dynamic elements of contests for the president // *American Political Science Review*. 1966. Vol. 60. P. 19–28.
232. *Stouffer S.* *Communism, conformity, and civil liberties*. New York: Wiley, 1954.
233. *Sullivan J., Pierson J., Marcus G.* *Political Tolerance and American Democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

234. *Sussman B.* Do Blacks approve of Reagan? It depends on who's asking // *Washington Post*. Weekly edition. February 10, 1986.
235. *Taylor S.E., Fiske S.* Salience, attention, and attribution: Top of the head phenomena // *Advances in Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz. New York: Academic Press, 1978. P. 249–288.
236. *Tesser A.* Self-generated attitude change // *Advances in Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz. New York: Academic Press, 1978. P. 289–338.
237. Thinking about Politics: Comparisons of Experts and Novices: Special issue of *Social Cognition* / Ed. by J. Krosnik. 1990. Vol. 8. No 1.
238. *Tichenor P.J., Donohue G.A., Olien C.N.* Mass media flaws and differential growth of knowledge // *Public Opinion Quarterly*. 1970. Vol. 34. P. 159–170.
239. *Torgerson W.* Theory and Methods of Scaling. New York: Wiley, 1958.
240. *Tourangeau R., Rasinski K.* Cognitive processes underlying context effects in attitude measurement // *Psychological Bulletin*. 1988. Vol. 103. P. 299–314.
241. *Tourangeau R., Rasinski K., Bradburn N., D'Andrade R.* Carryover effects in attitude surveys // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. P. 495–524.
242. *Tversky A., Kahneman D.* The framing of decisions and the psychology of choice // *Question Framing and Response Consistency* / Ed. by R. Hogarth. San Francisco: Jossey-Bass, 1982.
243. Voto de Desconfianca // Ed. by B. Lamounier. Sao Paulo: Vozes/Cebrap, 1980.
244. *Westlye M.* Senate Elections and Campaign Intensity. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.
245. *White G. E.* The American judicial tradition. New York: Oxford University Press, 1976.
246. *Wicklund R.A., Brehm J.* Perspectives on Cognitive Dissonance. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1976.
247. *Wiley D., Wiley J.* The estimation of measurement error in panel data // *American Sociological Review*. 1970. Vol. 35. P. 1122–1127.
248. *Wilson G.D.* The psychology of conservatism. New York: Academic Press, 1983.
249. *Wilson T., Dunn D.S., Kraft D., Lisle D.* Introspection, attitude change, and attitude-behavior consistency: The disruptive effects of explaining why we feel the way we do // *Advances in Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz. Vol. 19. P. 123–205, Orlando, Fla.: Academic Press, 1989.
250. *Wilson T.D., Hodges S.D.* Attitudes as temporary constructions // *The Construction of Social Judgment* / Ed by A. Tesser, L. Martin. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1991.

251. *Wilson T., Kraft D., Dunn D.S.* The disruptive effects of explaining attitudes: The moderating effect of knowledge about an attitude object // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1989. Vol. 25. P. 379–400.
252. *Wyckoff M.* Measures of attitudinal consistency as indicators of ideological sophistication // *Journal of Politics*. 1987. Vol. 49. P. 148–168.
253. *Wyer R., Srull T.* Memory and cognition in their social context. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1989.
254. *Zaller J.* The Role of Elites in Shaping Public Opinion. Unpublished Ph.D. dissertation, University of California, Berkeley, 1984.
255. *Zaller J.* Toward a theory of the survey response. Paper presented at annual meeting of the American Political Science Association, Washington, D.C., 1984.
256. *Zaller J.* Proposal for the measurement of political information. Report to the NES Board of Overseers. Center for Political Studies, University of Michigan, 1985.
257. *Zaller J.* Analysis of information items in the 1985 pilot study. Report to the NES Board of Overseers. Center for Political Studies, University of Michigan, 1986.
258. *Zaller J.* The diffusion of political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. P. 821–833.
259. *Zaller J.* Vague questions vs. vague minds: Experimental attempts to reduce measurement error. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association, Washington, D.C., 1988.
260. *Zaller J.* Bringing Converse back in: Information flow in political campaigns // *Political Analysis*. 1989. Vol. 1. P. 181–234.
261. *Zaller J.* Political awareness, elite opinion leadership, and the mass survey response // *Social Cognition*. 1990. Vol. 8. P. 125–153.
262. *Zaller J.* Information, values and opinion // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85. P. 1215–1238.
263. *Zaller J.* Political awareness and susceptibility to elite opinion leadership on foreign policy issues. Paper given at the annual meeting of the American Political Science Association, Chicago, Illinois, 1992.
264. *Zaller J., Feldman S.* A simple model of the survey response: Answering questions versus revealing preferences // *American Journal of Political Science*. 1992. Vol. 36. P. 579–616.
265. *Zaller J., Price V.* A study in everyday memory: Learning and forgetting the news. Paper given at the annual meeting of the Midwestern Political Science Association, Chicago, 1990.

Указатель переменных

Политическое знание

Поскольку политическая осведомленность в настоящем исследовании является ключевой независимой переменной, я тщательно изучал вопрос наиболее адекватного ее измерения [256; 257; 261; 202]. Хотя некоторая часть работы направлена на прояснение понятий, в основном она чисто эмпирическая, поскольку я старательно протестировал альтернативные показатели на большом количестве данных по различным проблемам. Рутинная эмпирическая работа, однако, дала ценные результаты: она подтвердила, что влияние, приписываемое политической осведомленности, сильно зависит от того, как она измеряется.

Как измерять политическую осведомленность

Опросы, которые проводились в рамках NES и которые обеспечивали большую часть новых данных, анализируемых в книге, содержат различные показатели. Все они кажутся подходящими для измерения политической осведомленности. Это уровень политического участия (вовлеченность в политические дискуссии с друзьями, пожертвования денег в пользу предпочитаемых кандидатов), уровень интереса к политике, уровень использования СМИ, образование и нейтральное фактуальное знание о политике.

В существующей академической литературе нет единого мнения о том, какой из показателей лучше¹. Даже Конверс не

¹ Некоторые исследователи используют одну контрольную переменную — чаще всего образование или информированность, реже интерес к политике (например, [53; 227; 116]); иногда исследователи используют одновременно пять или шесть контрольных переменных — либо по отдельности [3], либо агрегированных в индексе [63]; наконец, в ряде случаев предлагаются отдельные контрольные переменные в дихотомической форме [70]. Вообще же создается впечатление, что аналитики просто используют любой доступный

дает однозначного ответа на этот вопрос. В своем классическом исследовании систем массовых представлений [44] он приходит к заключению, что существует целая группа переменных, необходимо связанных с системами представлений; имеются в виду информированность, активность, искушенность (*sophistication*), образование, принадлежность к политической элите и интерес к политике. Две последние (особенно самая последняя) являются центральными для его модели. А в работе, написанной примерно в то же время [43], Конверс обращается к использованию СМИ (переменной, которой он уделял мало внимания в исследовании о системах представлений) как к показателю, характеризующему одновременно степень подверженности индивидов влиянию избирательных кампаний и способность сопротивляться этому влиянию. В своей статье в «Настольной книге политолога» [45] Конверс сообщает, что «после продолжительного и скорее малопродуктивного поиска» он обнаружил, что показатель политической вовлеченности оказывается наиболее важной детерминантой стабильности установок, хотя и необязательно влияет на другие свойства систем представлений [р. 104]. Он повторяет этот тезис в 1980 году, комментируя работу, в которой «образование» используется как контрольная переменная, и выдвигает в качестве ключевой переменной просто политическую вовлеченность.

Даже при отсутствии эмпирических данных о сравнительной эффективности использования различных показателей осведомленности можно было бы считать некоторые операционализации более удачными. К примеру, люди, у которых в результате формального образования лучше развиты навыки абстрактного мышления, вероятно, лучше усваивают политические идеи. Тем не менее образование имеет лишь умеренную корреляцию с политическим интересом и воздействием СМИ.

показатель осведомленности, позволяющий решать основные задачи их исследования.

Показатели, входящие в одну и ту же группу переменных, называются по-разному: политический интерес и вовлеченность [44; 46]; когнитивные способности [229]; политическая грамотность [38; 63; 183; 219; 153]; политическая экспертиза [71; 72]; идеологическая грамотность [129]; индикаторы рациональности человека, наделенного гражданским сознанием [70; 122]. Конверс [46] критикует Джудда, Кросника и Милберна [117] за то, что они используют образование как показатель осведомленности; по его мнению, результаты использования переменных «образование», «интерес» и «политическая активность» не различаются. Ласкин [152] и Фьюрина [70] также тестировали несколько различных показателей на ограниченном числе критериев переменных.

Этот факт подсказывает, что многие образованные люди, хотя и обладают достаточными когнитивными навыками для развития политической осведомленности, не имеют интереса или мотивации, чтобы находиться в курсе политических событий [153].

Стандартные показатели воздействия СМИ могут, на первый взгляд, показаться прекрасным вариантом измерения политической осведомленности. Однако у них есть существенные недостатки. Один из них, как доказывали Прайс и я [202], заключается в том, что следует, вероятно, различать подверженность влиянию популярных, так называемых желтых, СМИ (вроде action-новостей по телевидению, журнала «People», ток-шоу на радио, местных еженедельных газет) и серьезных, аналитических (таких, как Национальное общественное радио — НРО и «Wall Street Journal»). Только последние предоставляют разнообразие национальных и международных новостей, достаточное для развития политической осведомленности. Однако показатели воздействия СМИ, используемые в большинстве обследований, не позволяют различать популярные и аналитические медиа. Другой недостаток: даже если использовать отдельные показатели, сложно определить, как оценивать их вес; неустойчивое внимание к Национальному общественному радио может в большей степени способствовать политической осведомленности, нежели постоянное внимание к местным теленовостям. Еще один недостаток — показатель подверженности влиянию СМИ, основанный на свидетельстве респондента, — варьируется в зависимости от субъективных различий в самооценке, а также преувеличивается как социально одобряемый. К примеру, Прайс и я [202] обнаружили, что в соответствии с самоотчетами респондентов 40% американцев слушают Национальное общественное радио несколько раз в неделю, что является невероятно высоким уровнем и превышает собственные внутренние оценки аналитиков НРО на 10%. А некоторые респонденты, утверждавшие, что они читают «Wall Street Journal», на контрольный вопрос отвечали, что они читают его семь дней в неделю. Такого рода дезинформация, даже если и случается не слишком часто, может нанести ущерб моделям, зависящим от способности точно дифференцировать уровень политической осведомленности респондентов (в тех случаях, когда он оказывается очень высоким). И наконец, воздействие СМИ, даже если его удастся хорошо измерить, является всего лишь показателем подвер-

женности политическому влиянию, а не склонности воспринимать саму информацию, как этого требует модель.

Политическое участие как показатель политической осведомленности тоже обладает значительными недостатками. Например, городской рабочий, который должен платить партийные взносы или работать на партию, чтобы сохранить свою работу, по данному показателю не будет отличаться от активиста из политического клуба по интересам, даже если разница в политической осведомленности будет очень велика. Более того, вполне возможно достигать весьма высокого уровня политической осведомленности, не давая денег кандидатам, не работая на партии, не участвуя в политике какими-то иными способами.

Сказанное подводит нас к выводу, что нейтральное фактуальное знание о политике и есть та переменная, которая в большей степени, нежели все остальные, передает истинную степень осведомленности в политических вопросах — те политические идеи, с которыми индивид столкнулся, которые он понял и усвоил. Это именно то, что мы хотим измерить.

Фактуальное знание предпочтительно и исходя из других теоретических оснований. Из всех возможных показателей осведомленности только тесты на знание о политике относительно застрахованы от смещения вследствие фактора социального одобрения, т. е. индивиды не могут преувеличивать степень своей информированности, даже если они считают, что высокая политическая осведомленность социально одобряема¹. Тесты фактуального знания относительно невосприимчивы к влиянию ответов на предыдущие вопросы, о которых писали Бишоп и др. [22]; они указывали, что выражаемый респондентом уровень интереса к политике зависит от контекста, в который помещены соответствующие вопросы. И наконец, в отличие от таких показателей, как подверженность воздействию СМИ и политический интерес, тесты информированности не требуют, чтобы респонденты субъективно оценивали свое поведение или внутреннее состояние — они просто выполняют задания, либо успешно, либо неуспешно.

Пытаясь решить проблему измерения в эмпирическом плане, я проверял эффективность различных показателей по-

¹ Некоторые респонденты могут попытаться угадать правильные ответы, но за догадки может вводиться корректирующее результат снижение баллов. Я проводил эксперименты со снижением баллов за догадки и обнаружил, что они не улучшают надежности шкал информированности.

литической осведомленности в предсказании ряда релевантных зависимых переменных [257; 261]. Показателями осведомленности были образование, подверженность влиянию СМИ, участие в политике (денежные пожертвования, посещение собраний и т. д.), интерес к политике и политическое знание. В качестве зависимых переменных рассматривались стабильность и консистентность установок, а также степень корреляции между голосованием и партийной принадлежностью. Прайс и я [202] исследовали также сравнительную эффективность политического знания, образования и подверженности влиянию СМИ в определении индивидуальной восприимчивости к ярким новостным нарративам; мы также сравнивали эффективность показателей «знание» и «внимание к СМИ» в модели восприятия-принятия информации при изменении установок. Результат этой проверки однозначен: в каждом из тестов нейтральное фактуальное знание было весьма конкурентоспособно и давало наиболее надежные результаты. Ни один из других показателей не был столь эффективен. Эти результаты совпадают с теми, что в ряде более узкоспециализированных тестов получил Ласкин [152].

Соответственно нейтральная фактуальная информация и в теоретическом, и в эмпирическом плане более предпочтительна как показатель политической осведомленности; в этом качестве она и используется на протяжении всей книги. Когда в наличии недостаточно вопросов, определяющих политическое знание, они дополняются переменными, характеризующими интерес и образование, как это описывается ниже.

Проблемы измерения политической осведомленности

Признав, что политическое знание является лучшим показателем политической осведомленности, можно перейти к тому, как лучше измерять это знание. Один из вопросов здесь следующий: лучше ли измерять информацию общими тестами политического знания или же надо использовать специализированные показатели для каждой области, в которой ожидается его влияние [103].

С теоретической точки зрения осведомленность нужно по мере возможности измерять отдельно для каждой из специфических областей политики, в которой она может повлиять на мнение. Это вытекает из аксиомы A1, утверждающей, что вос-

приятие зависит не от общей осведомленности, а от внимания к конкретным проблемам. Таким образом, следует ожидать, что специализированные показатели осведомленности сильнее связаны с мнением по данным проблемам, нежели общие показатели.

Результаты исследований подтверждают это предположение [103; 257; 158]. Однако существуют определенные сложности в формировании специфических эффектов. И одна из них заключается в том, что на практике люди, уделяющие внимание одному из аспектов политики, склонны уделять его и прочим аспектам. Из-за этого затруднительно построение специализированных шкал, дающих достаточно обоснованную классификацию.

Иенгару [103] удалось получить надежные шкалы, но только за счет исключения некоторых центральных вопросов из разных областей, которые слишком сильно коррелированы; их выбраковка значимо снизила надежность его шкал. Исходя из тех же эмпирических данных, я разработал специализированные показатели, основанные на тех вопросах, которые были доступны [257], и обнаружил, что корреляция между показателями, касающимися экономики, международной политики и отношения к меньшинствам, достигает 0,7 (без корректировки надежности шкалы). Эти специализированные показатели лучше общих предсказывали релевантные зависимые переменные (такие, как стабильность установок), но выявленное различие не было статистически значимым. Исходя из этого, я пришел к следующему выводу: «Ясно, что влияние политической информированности на общественное мнение в некоторой степени проявляется в данной конкретной области политики... В то же время преимущество специализированных шкал лишь незначительно и проявляется не всегда... Вместе эти выводы позволяют предположить, что политическая информированность является относительно общей характеристикой, которая может быть эффективно измерена общим показателем информированности».

В последующем исследовании, проведенном мною совместно с Прайсом, были получены аналогичные результаты.

В настоящей книге я опираюсь почти исключительно на общие, а не на специализированные шкалы политической осведомленности. Конечно, специализированные показатели были бы предпочтительнее, но их отсутствие — лишь незначительная потеря.

Типы тестов на осведомленность

Ответы на вопросы, используемые для измерения политической информированности в 24 обследованиях ICPSR, на которые я опираюсь в этой книге, сильно отличаются по объему выборки, качеству и формату. В ряде опросов, особенно в исследованиях NES 1986 и 1988 годов и в бразильском исследовании общественного мнения, есть хорошая подборка вопросов; они были специально разработаны как тесты фактуального знания. В других случаях (среди них наиболее серьезными были исследования NES перед выборами в конгресс в 1978 году и в сенат в 1990 году, а также исследование «Раскаты грома» перед президентскими выборами в 1984 году) таких вопросов было меньше или же не было вообще¹. Чаще всего какое-то количество хороших тестов на информированность присутствовало, но все же их было слишком мало, чтобы можно было конструировать высоконадежные шкалы — я подразумеваю под надежными такие шкалы, в которых α^2 достигает значений от 0,85 и выше³. Поэтому необходимо определить вопросы, которые, хотя и не являются сами по себе показателями политической осведомленности, легко могут быть превращены в таковые. Я часто использовал три типа вопросов на информированность.

1. Определяющие способность правильно соотносить группы и кандидатов по каким-то параметрам (этот тест я условно называю тестом соотнесения). С 1968 года в опросах CPS/NES

¹ Опрос 1984 года содержал показатели осведомленности граждан о разных кандидатах в президенты, но они не очень хорошо подходят для моих целей. Сложность в том, что такие показатели, как писал Бартелс [14], регистрируют повышение уровня осведомленности о ходе избирательной кампании по мере того, как люди что-то узнают о кандидатах. А моя теория предполагает, что люди с постоянно высоким уровнем осведомленности иначе реагируют на свежую информацию, с которой они сталкиваются, по сравнению с людьми, имеющими постоянно низкий уровень осведомленности. Значит, необходимо измерять постоянный уровень осведомленности; показатели же, связанные исключительно с текущей кампанией, не способны это обеспечить.

² Альфа Кронбаха (α) — часто используемый коэффициент внутренней согласованности измерительного инструмента. Он учитывает число вопросов, на которых основывается шкала, дисперсию каждого из вопросов и общую дисперсию шкалы. Изменяется от 0 до 1,00. — *Прим. пер.*

³ Шкала, состоящая из 3–4 делений и обычно используемая во многих массовых опросах, обычно имеет степень надежности 0,65. Такая шкала скорее всего не сможет зафиксировать слабую связь (mild nonmonotonicity) типа показанной на рис. 8.5. Для целей, поставленных в данной книге, необходимо более дробная шкала.

респондентов регулярно просили соотнести как себя, так и определенные политические объекты (кандидатов в президенты, партии, либералов и консерваторов) с определенной шкалой. К примеру, респондента могли попросить расположить на 7-балльной шкале в зависимости от склонности поддерживать бюджетные затраты на оборону (где 1 — крайняя позиция против затрат и 7 — полная поддержка затрат) сначала себя, а затем кандидатов в президенты в 1988 году Джорджа Буша и Майкла Дукакиса. Достаточно сложно сказать, где «истинная» позиция Буша, однако можно уверенно утверждать, что он должен получить больше баллов по этой шкале, чем Дукакис. Поэтому респондент, располагающий Буша правее Дукакиса, может рассматриваться как правильно ответивший на вопрос.

Аналитик должен использовать экспертные оценки при трансформации вопросов в шкалы осведомленности, поскольку при некоторых вопросах невозможно сказать, чем один кандидат или одна партия отличаются от других. Так, совсем не очевидно, кто придерживался более левых взглядов в вопросе о правах женщин — Картер или Форд, и это делает такой вопрос неприемлемым для измерения политического знания. Во многих случаях, однако, правильное относительное расположение достаточно понятно для любого информированного американского эксперта¹.

2. Определяющие готовность оценить тех или иных политиков по «термометрам симпатии», которые можно охарактеризовать как вопросы на узнавание. В опросах NES респондентов регулярно просят оценить различных политических персонажей, включая президентов, сенаторов и выдающихся политиков (таких, как Нэyder), по стоградусному «термометру симпатии». Респондентам предлагается также и вариант ответа, допускающий, что они не знают этого политика; те, кто

¹ До 1970 года в опросах CPS респондентов иногда прямо спрашивали, какая из партий более склонна поддерживать определенную политику (например, выступает за бесплатное медицинское обслуживание для пожилых). Я обнаружил, что во все годы, когда задавались такого типа вопросы, ими сложно было пользоваться как тестом знания в том смысле, что его надежность была относительно низка. Думаю, что причина этого в том, что подобные вопросы слишком кратки и просты и в то же время, как вопросы соотнесения, требуют сразу трех ответов — самооценки и оценки каждого из двух сравниваемых политических объектов. Многошаговые измерения обеспечивают большую возможность отсеивания догадывающихся. Я вообще отбраковывал ненадежные вопросы, независимо от их номинальной валидности (face validity), за исключением тех случаев, когда низкая надежность была следствием сильной смещенности.

выбирает этот вариант, могут рассматриваться как не прошедшие тест политического знания.

Такие вопросы часто используются исследователями как тесты политического знания [14; 165]. Тем не менее, поскольку тест этого типа несколько подвержен смещениям вследствие социального одобрения ответа, я использую его только вместе с другими и только за отсутствием лучших альтернатив.

3. Определяющие политическую информированность респондентов (во многих опросах CPS/NES требуется, чтобы интервьюеры, заполняя анкеты, оценивали их примерно по 5-балльной шкале). Я внимательно проанализировал надежность таких оценок и пришел к выводу, что по крайней мере при длительных и содержательных с политической точки зрения¹ интервью лицом к лицу они весьма надежны [256]. В частности, одна оценка интервьюером по 5-балльной шкале работает так же хорошо, как шкала, сконструированная на базе прямых 10–15 тестов на уровень политического знания (критерием эффективности я считаю здесь способность предсказания релевантных показателей).

Опасность полагания на такие оценки интервьюеров состоит в том, что в них возможно систематическое смещение в пользу высокостатусных респондентов, в особенности белых и мужчин. Я провел тщательную проверку на возможность такого смещения и никаких его следов не обнаружил [256].

Большинство шкал осведомленности, которые использованы в книге, было сконструировано на основе вопросов этих трех типов, особенно на основе тестов соотнесения, а также более стандартных прямых тестов на знание (например, «Какая партия контролирует палату представителей?», «На какой срок в США выбирают сенаторов?»). Естественно задаться вопросом, фиксируют ли действительную осведомленность интегральные (catch-all) шкалы того типа, который я использую, так же хорошо, как и более обычные тесты знания. Пилотажное исследование NES 1985 года дало возможность изучить этот вопрос. В нем предлагалось 27 прямых тестовых заданий на политическое знание, которые требовали от респондентов ответа на фактуальные вопросы о политике. При сравнении шкалы, построенной на основе 27 вопросов, с одной из моих интегральных шкал между ними не обнаружили существенной

¹ Это очень важное условие. Трудно ожидать, что интервьюер верно оценит осведомленность респондента, если не получит достаточно примеров того, как последний отвечает на политические вопросы.

разницы в способности предсказывать три показателя: стабильность установок, их консистентность и значимость вопроса (т. е. вероятность того, что он выдвинется на передний план сознания респондента) [257]¹.

Принципы кодирования

Преображая группу вопросов в тесты политической осведомленности, или информированности, я исходил, за некоторыми исключениями, которые будут пояснены ниже, из следующих условных принципов кодирования.

1. Всем вопросам придавался одинаковый вес. В тех случаях, когда один вопрос мог дать большое количество информации, каждую единицу информации рассчитывали отдельно. В опросе 1966 года, например, респондентов просили назвать имена стольких членов Верховного суда, скольких они вспомнят; я приписывал по баллу за каждое правильно названное имя (всего можно было набрать до 4 баллов). В другом примере шкала, по которой интервьюер оценивал осведомленность респондента, состояла из пяти пунктов; я прибавлял респонденту один балл за каждый уровень оценки выше самого низшего уровня.

2. С учетом предыдущего соображения я чаще всего строил простые дополнительные шкалы².

3. Респонденты, которые затруднялись ответить, приравнивались к давшим неправильный ответ. Сюда включались и случаи, когда респонденты не соотносили кандидатов по оп-

¹ Интегральные шкалы в данном случае были основаны на вопросах, отобранных из обследования NES 1984 года. Этим вопросам 22, коэффициент надежности α для них 0,87. Единая шкала, основанная на 27 вопросах, имела коэффициент надежности 0,89.

² Эксперименты, чтобы получить наиболее общие факторы для множества вопросов, проводились с анализом основных компонент (вариант факторного анализа. — Прим. пер.). Хотя это немного изменяло результаты, я тем не менее неохотно использовал такую технику, поскольку она приписывала лишь небольшой вес тем вопросам, которые (пусть они и были сильно смещенными) имели большую различительную силу. В техническом плане проблема заключается в том, что метод основных компонент предполагает линейные зависимости между переменными и скрывающимся за ними фактором осведомленности, а такое допущение явно неверно для асимметрично распределенных переменных. Мною асимметрично распределенные переменные рассматриваются как сильные, поскольку они отделяют респондентов на краях шкалы осведомленности [256], а в методе основной компоненты они считаются слабыми, поскольку не объясняют дисперсию фактора, стоящего за этими переменными.

ределенным шкалам, поскольку у них вообще не было мнения по данному вопросу.

4. Респонденты, в интервью с которыми были пропуски, не исключались, если только эти пропуски не составляли более двух третей всех вопросов. По тем же вопросам, по которым не было данных, давались средние значения.

Все шкалы осведомленности, которые я использую, за исключением шкалы по 1951 году, по предвыборному (в парламент) 1978 году и сенатскому исследованию 1990 года, имеют коэффициент α от 0,80 до 0,90; при этом большинство из них имеют α около 0,85. В трех случаях коэффициент надежности α составлял от 0,60 до 0,70. Однако поскольку допущения, которые предполагает статистика данного коэффициента, и особенно допущение одинаковой сложности всех вопросов, не удовлетворяются в тех данных, которые я использую, и так как другие оценки надежности шкал не столь доступны, нет, наверное, смысла рассчитывать надежность для каждой шкалы.

Построение шкал

Номера переменных соотносятся с соответствующими номерами в стандарте кодирования ICPSR (кодификация для SPSSx с целью построения этих шкал доступна через Bitnet¹ любому исследователю, желающему использовать ее).

Малое предвыборное исследование CPS 1951 г. Осведомленность измерялась по трехбалльной шкале оценки интервьюером явного понимания респондентом текущей политики (col. 65); один балл добавлялся за упоминание конкретно в ходе интервью старейшины палаты представителей Эчсона (col. 67).

Предвыборное исследование CPS 1956 г. В нем было недостаточно вопросов для построения шкалы информированности. Поэтому я использовал 12 тестов, разбросанных по всем трем волнам панельного исследования 1956–1958–1960 гг., — переменные V142, V145, V317, V318, V394 (два вопроса), V395, V608, V609, V611, V612, V613, V615, V798. Распределение нестандартизованных показателей давало среднее значение 7,8 и стандартное отклонение 3,08.

¹ Академическая компьютерная сеть, поддерживающая интерактивную электронную почту и пересылку файлов, впоследствии объединенная с Компьютерной научной сетью CSnet (Computer Science Network). — Прим. пер.

Предвыборное исследование CPS 1964 г. 16-балльная шкала была основана на следующих вопросах: штат, откуда родом и к какому вероисповеданию принадлежат Джонсон и Голдуотер (V294 и V297); какая из партий более консервативна (V302); большинство в конгрессе (V305 и V306); имена кандидатов в конгресс, их предвыборный статус — находились ли они уже на посту (три вопроса, V309, V312); какая из партий больше поддерживает развитие государственного сектора (V346); какова форма правления в Китае и входит ли он в ООН (два вопроса, V352); форма правления на Кубе (V354); представление об Акте о гражданских правах 1964 г. (V406, V407). Нестандартизованное среднее значение составляло 10,4, стандартное отклонение 4,13.

Предвыборное исследование CPS 1966 г. 15-балльная шкала была основана на следующих вопросах: имена кандидатов в конгресс и их предвыборный статус (три вопроса, V90, V92); большинство в конгрессе (V100, V101); имена судей в Верховном суде (до четырех баллов, V167); интервьюерская оценка уровня информированности респондента (до четырех баллов, V242). Поскольку данная шкала использовалась для измерения восприимчивости к новостям о Вьетнаме, я добавлял до двух баллов за выражение интереса к международной политике (V65). Нестандартизованное среднее составляло 7,48, стандартное отклонение 4,7.

Предвыборное исследование CPS 1968 г. 17-балльная шкала была основана на следующих вопросах: форма правления в Китае и входит ли он в ООН (два вопроса, V107); форма правления на Кубе (V109); какая из партий более консервативна (V361); имена кандидатов в конгресс и их предвыборный статус (три вопроса, V386, V387); большинство в конгрессе (V305, V306). До двух баллов добавлялось за выражение интереса к международной политике (V102). Информированность респондента оценивалась интервьюером по усредненному значению по двум шкалам (V269 до выборов и V531 после выборов); здесь можно было получить до четырех баллов. Были, кроме того, два теста на соотнесение позиций политиков по определенным параметрам — это сравнение позиций Джонсона и Валлэйса по Вьетнаму (V466 и V469) и Хэмфри и Валлэйса по уличным беспорядкам (V461 и V463). Нестандартизованное среднее составляло 11,39, стандартное отклонение 4,41.

Шкала осведомленности по данным CPS 1970 г. 18-балльная шкала, следующие вопросы: внимание к войне во Вьетнаме

(V40); какая из партий более консервативна (V177); имена кандидатов в конгресс (V203); процент налога на оборону (V256); кто имеет право изменять законы (V258); число допустимых сроков на президентском посту (V259); срок, на который избирают сенаторов и представителей в конгресс (V260 и V261 соответственно); интервьюерская оценка информированности респондента (до четырех баллов, V396). Четыре теста были на соотношение — это сравнение позиций демократов и республиканцев по Вьетнаму (V93 и V94); отношение Маски и Валлэйса к помощи меньшинствам (V110 и V111); позиция демократов и Никсона в отношении инфляции (V114 и V116); позиция Маски и Валлэйса по уголовному праву (V124 и V125). Два теста — на определение позиции лишь одного политика по шкале: Валлэйса по отношению к уличным беспорядкам и по Вьетнаму (V90, V97). Нестандартизованное среднее составляло 9,54, стандартное отклонение 4,44.

Панельное исследование NES 1972–1974–1976 гг. Шкала описана мною ранее [261].

Предвыборное исследование NES 1978 г. Шкала была построена на разнообразных вопросах. Это определение понятий «либерализм» и «консерватизм» (V410, V413); партия, контролирующая палату представителей до и после выборов (V500, V501); три вопроса на узнавание — Рейгана (V139), Брауна (V141) и Нэйдера (V144); четыре вопроса на соотношение позиций — демократов и республиканцев по трудовым гарантиям (V359, V360), по правам обвиняемых (V375, V376), по государственному медицинскому страхованию (V383, V384), по либерализму и консерватизму (V401, V402); интерес к политике (V43); оценка интервьюером информированности респондента (V636). Поскольку я не был уверен в том, что все эти переменные должны иметь одинаковый вес, я скомпоновал их в шкалу, опираясь на те веса, которые получил методом основной компоненты. Поскольку переменная «политический интерес» коррелирует с интенсивностью проходящих предвыборных кампаний, измеренной как интенсивность медиа-потока (см. гл. 10), я очистил ее от этого влияния перед тем, как добавить в шкалу осведомленности. Нестандартизованное среднее 7,4, стандартное отклонение 3,3. (При анализе одобрения/неодобрения в гл. 10 переменная «интерес» использовалась отдельно.)

Предвыборное исследование NES 1980 г. 25-балльная шкала. Десять вопросов на соотношение: Картера и Рейгана (V268,

V269); Кеннеди и Конолли (V270, V271); партий республиканцев и демократов по идеологии (V278, V279); позиций Картера и Рейгана по вопросу о затратах на оборону (V282, V283); партий по вопросу о государственном секторе (V296, V297), об увязке рабочих мест с инфляцией (V306, V307), о трудовых гарантиях (V1121, V1122); позиций Картера и Рейгана по поводу аборт (V312, V313) и по вопросу о сотрудничестве с Россией (V1079, V1080), Рейгана и Кеннеди по вопросу помощи меньшинствам (V1064, V1066). Дополнительные вопросы: слышал(а) ли о результатах опросов (V219); мнение о выдвинутом предложении снизить налоги (V322); имена и от какой партии баллотируются кандидаты в конгресс (четыре вопроса, V826—V829); имена кандидатов в сенат (четыре вопроса, V837—V840); респондентам не снижали баллы, если они жили в штатах, где в тот год не проходили выборы в сенат); партия, поддерживающая усиление федерального правительства (V1131). Предлагались также две шкалы оценки интервьюером информированности респондента (V726 перед выборами и V1186 после выборов), до 4 баллов. Нестандартизованное среднее 9,6, стандартное отклонение 5,7.

Предвыборное исследование NES 1982 г. 25-балльная шкала. Три вопроса на узнавание имен — Андерсона, Буша и Мондэйла (V125, V134, V135); пять вопросов на соотнесение: демократов и республиканцев по идеологии (V404, V405), по вопросам о затратах на оборону (V409, V410), трудовых гарантиях (V427, V428) и государственном секторе (V445, V446); либералов и консерваторов по вопросу о помощи меньшинствам (V422, V423). Были также два теста на определение позиции лишь одного политика — Рейгана справа от центра по идеологии (V394) и по затратам на оборону (V408). Кроме того: имена и партийная принадлежность кандидатов в конгресс (четыре вопроса, V102, V106); имена и партии кандидатов в конгресс (четыре вопроса, где это было уместно — V115—V118); партия, контролирующая конгресс и сенат, и партия, проводящая большинство в палату представителей (от V523 до V525); интервьюерская оценка информированности респондента (до четырех баллов, V768). Нестандартизованное среднее 11,7, стандартное отклонение 6,3.

Продолжительный мониторинг NES 1984 г. 24-балльная шкала, следующие вопросы: V136 (три вопроса), V407 (четыре вопроса), V614, V622, V626, V805 (по два вопроса), V876, одиннадцать вопросов на узнавание имен (V220 и с V222 по V231).

Поскольку я не был уверен в том, что эти переменные должны иметь равные веса, я скомбинировал их в шкале, придав им те веса, которые рассчитал методом основной компоненты.

Предвыборное исследование NES 1984 г. 24-балльная шкала. Одиннадцать вопросов на соотнесение, некоторые из которых требовали расположения объектов на расстоянии 2–3 делений шкалы один от другого: Рейган и Мондэйл по идеологии (V371 и V372; по крайней мере, на расстоянии двух делений друг от друга), по проблеме государственного сектора (V376 и V377; по крайней мере, на расстоянии двух делений друг от друга), помощи меньшинствам (V383, V384), вмешательству США в войну в Центральной Америке (V389 и V390), затратам на оборону (V396 и V397), сотрудничеству с Россией (V409 и V410), трудовым гарантиям (V415 и V416); идеологические позиции Рейгана и Мондэйла (для правильного ответа требовалось расстояние в три деления шкалы, V1017 и V1018); позиции либералов и консерваторов по проблемам государственного сектора (V1034 и V1035; на расстоянии трех делений шкалы), вмешательству США в Центральной Америке (V1045 и V1046; на расстоянии трех делений), трудовым гарантиям (V1054 и V1055; на расстоянии трех делений). Дополнительные вопросы: имена и партийная принадлежность кандидатов в конгресс (четыре вопроса, V741, V745); какая из партий более консервативна (V875); какая из партий больше представлена в палате представителей и сенате до и после выборов (от V1006 до V1009); узнавание имен Буша и Ферраро (V292 и V304). Две оценки информированности респондента интервьюером (V713 до выборов и V1112 после выборов) были усредненными и давали до четырех баллов. Нестандартизованное среднее 9,8, стандартное отклонение 5,9.

Предвыборное исследование NES 1986 г. и пилотажное исследование NES 1987 г. 19-балльная шкала была основана на следующих вопросах: способность назвать должности Буша, Уайнбергера, Ренквиста, Фолкера, О'Нейла и Доула (V635–V642); имена баллотирующихся в палату представителей (V202, V206); два задания на узнавание имен Харта и Джексона (V242, V244); четыре вопроса на соотнесение — демократов и республиканцев по идеологии (V730 и V731), по вопросу о затратах на оборону (V749 и V750), по вмешательству США в Центральной Америке (V811 и V812), по государственному сектору (V831 и V832). Чтобы получить баллы за правильный ответ, нужно было расположить две партии на расстоянии, по крайней мере,

в два деления шкалы. Дополнительные баллы прибавлялись за расположение Рейгана на консервативной части шкалы идеологии в несравнительном тесте соотношения (V723). Нестандартизованное среднее, использованное для анализа изменения установок по отношению к политике в Центральной Америке, составляло 7,9, стандартное отклонение 4,2.

Пилотажное исследование NES 1989 г. 22-балльная шкала, следующие вопросы: представление о бюджете (V835); какая из партий более консервативна (V5656); название должностей Кеннеди, Шульца, Ренквиста, Горбачева, Тэтчер и Арафата (с V5827 по V5833); партия, имеющая большинство в конгрессе (V834, V835); имена кандидатов в конгресс (V5106); семь тестов на соотношение — сравнительное соотношение демократов и республиканцев по идеологии (V421 и V422), проблемам государственного сектора (V606 и V607), затратам на оборону (V610 и V611), медицинскому страхованию (V620 и V621), трудовым гарантиям (V627 и V628), сотрудничеству с Россией (V712 и V713). Дополнительно прибавлялись баллы за расположение Дукакиса на два или более деления левее Буша по шкале идеологии (V417 и V418). Кроме того, добавлялась оценка интервьюером — до четырех баллов (V1241). Нестандартизованное среднее 10,5, стандартное отклонение 5,7.

Исследование NES 1990 г. 14-балльная шкала, следующие вопросы: должности Куайла, Митчелла, Ренквиста, Горбачева, Тэтчер, Манделы и Фоли (V835-V841); большинство в конгрессе (V842, V843); оценка интервьюером информированности респондента (V1231). Нестандартизованное среднее 4,95, стандартное отклонение 2,74.

Исследование NES перед выборами в сенат 1990 г. Здесь было только пять вопросов на политическое знание: тесты на расположение Джорджа Буша, демократической и республиканской партий по 7-балльной шкале консерватизма-либерализма (V517, V533, V534) и знание имен баллотирующихся в палату представителей (V41, V45). Я также прибавлял по баллу за способность оценить работу Буша на президентском посту (V36) и за выражение мнения по поводу помощи меньшинствам (V537). Среднее значение 3,04, стандартное отклонение 1,53. Перевзвешенное значение переменной «интерес к политике» (см. шкалу осведомленности за 1978 г.) и шкала были стандартизованы, скомбинированы и затем заново стандартизованы, в результате чего всем компонентам в окончательном варианте шкалы был присвоен одинаковый вес.

Политические предрасположенности

Во всех исследованиях, за исключением исследований 1951 и 1956 годов, моя переменная «политическая осведомленность» является достаточно сильной и соизмеримой. Показатель политических предрасположенностей гораздо более неточен и в целом намного менее адекватен. Я всегда (если не считать пилотажного исследования NES 1987 года, в котором используется переменная «политические предрасположенности в области международной политики» Гурвица-Пеффли [101], и пилотажного исследования 1989 года, где содержатся вопросы, прекрасно подобранные Коновер и Фельдманом) сталкивался с переменными, которые казались мне более или менее неадекватными по отношению к тем задачам, для решения которых я их использовал. Хотя многие обследования содержали приемлемые и достаточно качественные вопросы о ценностях, в них не были представлены те конкретные показатели, по которым происходило изменение общественного мнения. В гл. 2 теоретически доказывается возможность обоснованного использования любых доступных переменных.

Наименее адекватные показатели использованы в исследованиях 1951 и 1956 годов. В 1951 году единственным вопросом о политических приверженностях был вопрос о том, за кого респондент голосовал в 1948 году. Хотя на этом вопросе основывался первоначальный тезис мичиганской теории партийных идентификаций [17], соответствующая переменная оставляет желать лучшего. В исследовании 1956 года содержится несколько хороших вопросов о политических предпочтениях, но, кажется, ни один из них не отражает предрасположенностей, связанных с расовыми установками.

С 1984 года в исследованиях NES используется в целом отличная подборка вопросов о ценностях.

Принципы кодирования

При построении шкал ценностей мною в полной мере использовалась информация, которую можно было получить из вопросов. Другими словами, я не перекодировал варианты ответов в меньшее количество категорий. На базе вопросов строилась шкала, рассчитываемая на основе средних значений и весов; последние же получались методом основной компоненты, кроме тех случаев, когда все вопросы были одного и того же порядка и я выстраивал лишь простые дополнительные индексы.

Построение шкал

Предвыборное исследование CPS 1956 г. Здесь содержалось два типа вопросов — о внутренней и внешней политике. На основании вопросов каждого типа были отдельно построены шкалы, рассчитанные на основе метода основной компоненты. Вопросы о внутренней политике — это V32, V38, V53, V59, вопросы о внешней политике — V35, V50, V68, V71.

Предвыборные исследования CPS 1964, 1966, 1968 и 1970 гг. См. Приложение II к гл. 9.

Предвыборное исследование NES 1978 г. Вопросы, использованные для измерения установок, — V357, V365, V373, V399, V443. Более подробно об этом см. сноску 1, с. 360.

Предвыборное исследование NES 1982 г. Анализ распространения экономических новостей предусматривал три вопроса об экономической политике: трудовые гарантии (V425), государственный сектор (V443), государственное регулирование экономики (V459). При исследовании мнения о замораживании ядерных вооружений использовались два вопроса о затратах на вооружение (V317 и V407).

Предвыборное исследование NES 1984 г. Здесь применялись четыре вопроса: либеральная/консервативная самоидентификация (V369), государственный сектор (V375), помощь меньшинствам (V382) и трудовые гарантии (V414).

Пилотажное исследование NES 1987 г. Континуум «голуби»-«ястребы» был построен на основе серии вопросов Гурвица-Пеффли (V2245, V5233, V5249, V5251, V5252, V5253), а также двух дополнительных вопросов (о России и затратах на вооружение — V742 и V907). Шкала идеологии социального обеспечения состояла из 14 вопросов, предложенных Коновер и Фельдманом (с V620 по V622, V624, V626, с V701 по V706, V2176, V2178, V2179), а также (V722 и V1010). Шкала оценивания установок по отношению к государственным расходам основывалась на вопросах V716–V725.

Указатель аксиом и выводов

Аксиомы

A1 — аксиома восприятия. Чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет воспринимать, т. е. обращать внимание и понимать, политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом.

A2 — аксиома сопротивления. Люди склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политическими предрасположенностями, но только лишь в той мере, в какой они обладают контекстной информацией, необходимой для понимания отношений между этими аргументами и своими политическими предрасположенностями.

A3 — аксиома доступности. Чем ближе по времени данное представление было актуализировано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в памяти, сознании.

A4 — аксиома реакции. Индивиды отвечают на вопросы интервью, обдумывая только те суждения, которые оказываются немедленно доступны или мобилизованы в их сознании.

Выводы

D1. Люди склонны к амбивалентности. Граждане обычно не обладают высоким уровнем сопротивляемости аргументам, не согласующимся с их ценностями, интересами и прочими предрасположенностями, т.е. в информационной среде, где примерно равномерное соотношение сообщений, выражающих противоположные позиции, люди, наверное, будут воспринимать много противоречивых представлений, что может привести к формированию суждений, которые одновременно и «за», и «против» некоторой политики.

D2. Между ответами респондентов на закрытые вопросы о политике и идеями, которые приходят им при этом в голову, существует сильная зависимость. Если респондент в открытом

вопросе высказывает больше либеральных суждений, можно ожидать, что в среднем он займет либеральную позицию при ответе на закрытый вопрос. Аналогично можно ожидать, что человек, высказывающий преимущественно консервативные суждения, выберет консервативный вариант ответа на закрытый вопрос.

D3. Если респонденты высказывают противоположные суждения, следует ожидать, что ответы будут сильно колебаться во времени.

D4. Если люди находятся в среде с изменяющимся соотношением потоков либеральных и консервативных сообщений, соотношение суждений в их сознании будет изменяться в направлении более близкой по времени информации, что может привести к систематическим изменениям установок. Но если поток сообщений остается неизменным, баланс позитивных и негативных суждений в памяти каждого человека должен на протяжении какого-то времени в среднем быть примерно одинаковым. В соответствии с моделью варьируются только конкретные суждения, приходящие респонденту в голову во время интервью. И тогда следует ожидать достаточно высокого случайного отклонения вокруг стабильной центральной тенденции.

D5. Более информированные граждане, насколько можно ожидать, обладают подсказывающей информацией, необходимой для того, чтобы отвергать сообщения, не консистентные с их ценностями.

D6. Политические суждения более информированных граждан более консистентны с их ценностями.

D7. Большая консистентность суждений более информированных граждан влечет за собой большую устойчивость их ответов.

D8. Население в целом обладает более стабильными установками в отношении тех проблем, по которым политические элиты разделяются ясно и четко, обеспечивая, таким образом, более ясные подсказки для каждого. Наоборот, стабильность установок должна быть слабее в тех вопросах, где линии противостояния элит размыты или несущественны; в таких случаях публика получает меньше сообщений-подсказок.

D9. Когда степень внимания публики к вопросу в целом высока, аттитюдные высказывания респондентов по данному вопросу при прочих равных условиях более постоянны по сравнению с высказываниями по темам более далеким или абстрактным.

D10. Индивиды, более озабоченные некоторой темой или же относящиеся к тем, кого Конверс окрестил «тематическими публикациями», будут уделять этой проблеме больше внимания, что выразится в меньшей неустойчивости их аттитюдных высказываний.

D11. При условии, что информационный поток остается стабильным, ответы людей на конкретные вопросы могут изменяться вокруг некой точки равновесия; сами же точки равновесия будут постоянными, пока среда остается неизменной.

D12. Если человек высказывает преимущественно либеральные замечания при обсуждении проблемы в первом интервью и преимущественно консервативные во втором, следует ожидать, что ответы на закрытый вопрос также изменятся от либеральных к консервативным, и наоборот.

D13. Респонденты, не высказывающие неконсистентных суждений, должны были быть *очень* стабильны в своих ответах на закрытые вопросы. Люди, высказывавшие одинаковое число противоположных суждений, должны были быть стабильны только с вероятностью, предполагаемой чисто случайным распределением, т. е. 50%.

D14. Разный порядок вопросов может привести к тому, что в памяти всплывают разные суждения; значит, возрастает вероятность того, что это повлияет на ответы на последующие вопросы.

D15. У некоторых людей могут иметься суждения определенной направленности, не допускающие влияния противоположных соображений. Другие же люди, напротив, могут быть совершенно амбивалентными по данному вопросу, обладающими в целом сбалансированным набором суждений за и против определенной позиции. Последние и склонны в наибольшей степени «изменять» мнение под воздействием порядка вопросов.

D16. Расовая принадлежность интервьюера оказывает влияние на ответы респондентов (например, как в опросе «Вашингтон пост», где использовались чернокожие интервьюеры, которые сообщали чернокожим респондентам, что они участвуют в исследовании установок чернокожих американцев, что, вероятно, и заставило респондентов «рассуждать как чернокожие» при оценке деятельности Рейгана).

D17. Напоминание о референтной группе оказывает влияние на ответы респондентов (например, изменение ответов религиозных респондентов после кратковременного появле-

ния священника в комнате незадолго до того, как проводилось интервью).

D18. Недавние телевизионные новости влияют на ответы респондентов. Новостные передачи актуализируют некоторые идеи, делая их более доступными для того, чтобы на них можно было опереться при ответе на вопросы, при этом определяются выражения установок, но не сами стоящие за ними установки.

D19. Эффект актуализации может быть объяснен при допущении, что индивиды обычно обладают не «одной установкой» по некоторому вопросу, а множеством мнений (см. импликацию амбивалентности); и то, какое из этих возможных мнений будет выражено, зависит от информации, которая была незадолго до того актуализирована.

D20. Актуализировав свою идеологическую ориентацию перед тем, как отвечать на вопросы о политике, респонденты, обладавшие таковой, чаще опирались на нее как на аргумент при формулировке ответов на последующие вопросы; это сделало их ответы более жестко связанными с их идеологической позицией, более консистентными по отношению друг к другу.

D21. При повышении политической осведомленности увеличивается и критическая способность; повышается, таким образом, внутренняя консистентность суждений, воспринимаемых человеком. Поэтому следует ожидать, что более политически осведомленные граждане будут не центристами, а более крайними при выражении политических установок.

D22. И отсюда еще один вывод. Если политическая осведомленность является причиной более крайних выражений установки, то следует ожидать, что политически более осведомленные респонденты могут быстрее вербализовать крайние установки, т. е. меньше колебаться перед ответом, нежели граждане с менее крайними установками.

D23. Стабильность ответа при повторном опросе должна быть выше в тесте «остановись-и-подумай», чем при ответе на обычный вопрос интервью.

D24. В тесте «остановись-и-подумай» мера связи между ответом и соотносящимися с ним установками выше, чем при ответе на обычный вопрос интервью.

D25. При прочих равных условиях больший уровень политической осведомленности предполагает поддержку основной направленности политики.

D26. Подытожим: в случае равного разделения партийных элит и сбалансированного потока убеждающих сообщений по-

литическая осведомленность влияет на выражаемые гражданами установки таким образом, что усиливается их *поляризация*, т.е. более осведомленные либералы склоняются к либеральной позиции, а более осведомленные консерваторы с большей вероятностью склоняются к консервативной позиции.

D27. Политически осведомленные граждане обладают достаточно консистентными политическими установками.

D28. Повышение уровня политической осведомленности ведет к возрастанию консистентности установок, то есть к повышению корреляции между ответами на отдельные вопросы о политике.

Указатель таблиц

- Таблица 2.1. Устойчивость ответов респондентов при повторных интервью (%) 73
- Таблица 4.1. Распределение индексов амбивалентности по политическим вопросам (%) 117
- Таблица 4.2. Связь между направленностью комментариев в открытых вопросах и направленностью ответов на закрытые вопросы 121
- Таблица 4.3. Воздействие политической осведомленности на восприятие подсказок лидеров мнения (%) 123
- Таблица 4.4. Влияние суждений второго интервью на повторяемость ответов 131
- Таблица 4.5. Влияние консистентности суждений на повторяемость ответов 133
- Таблица 5.1. Влияние формулировки вопроса о поддержке контраст 150
- Таблица 5.2. Влияние теста «остановись-и-подумай» на идеологическую консистентность 154
- Таблица 5.3. Эффекты связи в тестах ретроспективном и «остановись-и-подумай» 155
- Таблица 6.1. Вопросы по проблемам, в отношении которых наблюдались эффект основной тенденции или противостояние 184
- Таблица 6.2. Оценки коэффициентов по вопросам, по которым наблюдается единодушие или противостояние элит 189
- Таблица 6.3. Оценки коэффициентов регрессионной модели мнений о войне в Персидском заливе 196
- Таблица 7.1. Изменение установок вследствие влияния гипотетического сообщения 205
- Таблица 7.2. Изменение установок в ситуации «затрудненности обучения» 208
- Таблица 7.3. Изменение установок в ситуации «легко идущего обучения» 209
- Таблица 7.4. Изменение установок в результате восприятия либерального сообщения тремя идеологическими группами 210

- Таблица 7.5. Поддержка сокращения затрат на оборону, 1980 и 1982 годы 215
- Таблица 7.6. Поддержка усиления вмешательства США в Центральной Америке, 1986 и 1987 годы 216
- Таблица 7.7. Коэффициенты изменения установок по вопросу о затратах на оборону 231
- Таблица 7.8. Коэффициенты изменения установок по вопросу о вмешательстве США в Центральной Америке 235
- Таблица 8.1. Взаимозависимость политической осведомленности и замечаний о деятельности Рейгана 266
- Таблица 8.2. Идеология, осведомленность и консистентность суждений 271
- Таблица 8.3. Отношения между партийной принадлежностью, осведомленностью и замечаниями об ирангейте 273
- Таблица 8.4. Возрастные различия у либералов в поддержке вьетнамской войны в 1966 и 1970 годах 278
- Таблица 8.5. Коэффициенты модели изменения (одобрение деятельности Рейгана) 284
- Таблица 8.6. Коэффициенты распространения новостей 285
- Таблица 8.7. Коэффициенты моделей формирования мнения о десегрегации школ, об экономических новостях, замораживании производства ядерного оружия и войне в Корее 286
- Таблица 9.1. Коэффициенты распространения провоенных и антивоенных сообщений о войне во Вьетнаме 307
- Таблица 9.2. Первый этап построения инструментальной шкалы «ястребы»-«голуби» 329
- Таблица 10.1. Коэффициенты модели голосования на выборах в палату представителей среди сторонников партии, оппозиционной переизбирающемуся кандидату 340
- Таблица 10.2. Осведомленность и интериоризация электоральных суждений 350
- Таблица 10.3. Коэффициенты распространения положительных и отрицательных суждений в кампании по выборам в палату представителей в 1978 году 363
- Таблица 10.4. Влияние интенсивности кампании на формирование суждений среди сторонников оппозиционной партии с типичной приверженностью 373
- Таблица 10.5. Коэффициенты, предсказывающие голосование за кандидата, переизбирающегося в сенат, среди избирателей не его партии 392

Таблица 10.6. Коэффициенты распространения положительных и отрицательных сообщений о кандидатах в кампании по выборам в сенат в 1990 году 393

Таблица 10.7. Коэффициенты модели выдвижения кандидатов в президенты 398

Таблица 11.1. Отношения между силой оценки и лежащими в ее основе суждениями 418

Таблица 11.2. Два показателя изменения мнения о политике США в Центральной Америке 425

Таблица 11.3. Коэффициенты оценки президента 446

Указатель рисунков

- Рисунок 2.1. Расовые установки республиканцев и демократов в 1950–1980-х годах 49
- Рисунок 2.2. Оценка распространения информации о решении Верховного суда США 56
- Рисунок 2.3. Голосование за кандидата, переизбирающегося в конгресс (общие выборы 1978 года), среди тех, кто не поддерживает его партию 60
- Рисунок 2.4. Реакция на два вопроса о политике в отношении Центральной Америки 67
- Рисунок 4.1. Политическая осведомленность и идеологическая консистентность суждений 125
- Рисунок 4.2. Снижение связи между консистентностью и стабильностью в зависимости от величины ошибки измерения 134
- Рисунок 6.1. Иллюстрация эффектов господствующей тенденции и поляризации 177
- Рисунок 6.2. Позиции сторонников партий по вопросу о вводе войск; статистические оценки — на основе данных табл. 6.3 178
- Рисунок 6.3. Поддержка сохранения войск США в Персидском заливе; оценки — на основе коэффициентов из табл. 6.3 181
- Рисунок 6.4. Поляризация сторонников разных партий по вопросу об использовании военной силы; оценки — на основе коэффициентов из табл. 6.3 182
- Рисунок 6.5. Влияние осведомленности на поддержку по вопросам, по которым наблюдается поляризация мнений или единодушие 187
- Рисунок 7.1. Три вида зависимости между переменными 219
- Рисунок 7.2. Варианты логистической функции 222
- Рисунок 7.3. Учет взаимодействия переменных в логистической функции 225
- Рисунок 7.4. Оценки влияния восприятия и принятия на изменение поддержки сокращения затрат на оборону 233
- Рисунок 7.5. Изменение установок по отношению к вмешательству США в Центральной Америке 237

- Рисунок 7.6. Оценка поддержки усиления вмешательства США в Центральной Америке до и после ирангейта 237
- Рисунок 8.1. Распространение политических новостей 246
- Рисунок 8.2. Моделирование влияния интенсивности и знакомства с сообщением на изменение общественного мнения 249
- Рисунок 8.3. Моделирование влияния интенсивности и знакомства с сообщением на изменение общественного мнения (трехмерный график) 250
- Рисунок 8.4. Изменение мнений о деятельности президента Рейгана на протяжении скандала Иран-контрас 254
- Рисунок 8.5. Паттерны изменения мнения по двум вопросам среди центристов 256
- Рисунок 8.6. Оценка паттернов изменения мнения по трем вопросам 261
- Рисунок 8.7. Влияние политической осведомленности на формирование consistentных и inconsistentных суждений 271
- Рисунок 8.8. Влияние возраста на связь между осведомленностью и поддержкой войны в Корее 275
- Рисунок 8.9. Различия между поколениями в поддержке десегрегации школ в 1956 году 280
- Рисунок 9.1. Две оценки тенденций направленности медиа-сообщений по вопросу о Вьетнаме 291
- Рисунок 9.2. Паттерны поддержки вьетнамской войны среди либералов в 1964 и 1966 годах 295
- Рисунок 9.3. Оценка интенсивности потоков провоенных и антивоенных сообщений в 1963–1970 годах 310
- Рисунок 9.4. Паттерны поддержки вьетнамской войны среди «голубей» и «ястребов» в 1964–1970 годах 314
- Рисунок 9.5. Процент «неответов» среди «голубей»; оценки — на основе коэффициентов модели с ограничениями табл. 9.1 316
- Рисунок 9.6. Тенденции поддержки вьетнамской войны чернокожим населением в 1964–1970 годах 318
- Рисунок 9.7. Изменение поддержки вьетнамской войны в 1968–1970 годах 320
- Рисунок 9.8. Идеологическая поляризация в период войны во Вьетнаме 323
- Рисунок 10.1. Уровень восприятия, принятия и голосования за переизбирающегося кандидата не от своей партии на слабоконкурентных выборах в палату представителей 343
- Рисунок 10.2. Влияние информационного потока на голосование избирателей с типичной приверженностью за кандидата не от своей партии на выборах в палату представителей 345

- Рисунок 10.3. Формирование суждений при выборах в палату представителей 352
- Рисунок 10.4. Типы суждений о кандидатах, сформированные во время кампании по выборам в палату представителей 353
- Рисунок 10.5. Влияние информационного потока на формирование суждений среди сторонников партии оппозиции с типичной приверженностью на выборах в палату представителей 371
- Рисунок 10.6. Голосование за кандидата не от своей партии на общенациональных выборах в США 377
- Рисунок 10.7. Оценки кандидатов на общенациональных выборах в США 380
- Рисунок 10.8. Тенденции в поддержке Харта и Мондэйла среди демократов 386
- Рисунок 10.9. Оценки изменения предпочтений в конкуренции Мондэйла и Харта 389
- Рисунок 11.1. Вероятность изменения мнений о вмешательстве США в Центральной Америке в соответствии со стандартной моделью и при исключении политической осведомленности из функции принятия 438
- Рисунок 11.2. Партийные и идеологические реакции на кандидатуру Рейгана в 1984 году 448
- Рисунок 11.3. Кривые снижения доверия правительству 450
- Рисунок 11.4. Ф-шкала и поддержка авторитарного режима в Бразилии 453
- Рисунок 11.5. Типология поддержки правительственной политики 456
- Рисунок 12.1. Число историй, в которых используется фрейм «гражданские свободы» в новостных программах ABC, CBS и NBC в 1969–1979 годах 473

Предметный указатель

- Авторитарная личность 452–460, *см. также* предрасположенности
- Актуализация 86, 100, 113, 120, 139, 141–143, 147–152, 160–161, 163, 198, 264, 403, 417, 529, 532, *см. также* доступности аксиома
- Амбивалентность 11, 111, 114–121, 125, 131, 136–137, 140, 143, 149, 161–162, 164, 167, 427, 432, 529, 531–532, 534, *см. также* нестабильность ответов, эффекты грунтовки, эффекты актуализации
- Американская психиатрическая ассоциация 472–475, 483–484
- Американский консервативный союз 360, 391
- Американцы за демократические действия 360, 391
- Афганистан, война в Афганистане 458, *см. также* Советский Союз
- Афро-американцы 21, 44–47, 50, 109–110, 117, 121, 131, 141, 145–146, 153, 155, 180–181, 183–184, 187, 190, 196, 258, 269, 271, 307, 317–318, 367, 446, 493, 531, 538, *см. также* расовые установки
- Аффирмативные действия 145–146
- Верховный суд 13, 44–45, 48, 50, 54–56, 172, 193, 244–245, 247–248, 257–258, 280, 281, 405, 520, 522, 537
- Возраст 57, 99, 185, 189, 270–282, 286–287, 321–322, 384, 411–412, 535, 538
влияние переменной «возраст» на поддержку авторитарных режимов и агрессивная установка (букв. склонность быть «ястребом») 260, 276–277, 328–329, 452, 454–455
сопротивление убеждающим сообщениям 270–272, 274–276
- Война во Вьетнаме 37, 42–43, 47, 50, 53, 169, 171–172, 176–178, 183–184, 187, 189, 194, 227, 272, 276–279, 281–282, 289–298, 300–308, 310–324, 327–329, 331, 339, 347, 356, 374, 400, 403, 407–410, 414, 417, 424, 428–430, 432, 435, 441–442, 449–450, 459, 471, 489, 491–492, 522–525, 535, 538
- Война в Персидском заливе 26, 113, 163, 176, 178, 180, 181, 183, 196, 328, 406, 534, 537
- Вопросы (в массовых обследованиях) 6–7, 10–14, 19, 25, 32–33, 36, 51, 56–57, 62, 66–67, 69–70, 76, 80–87, 89, 91–96, 98–99, 101–104, 106–107, 109, 113–116, 127–130, 135, 137–138, 141, 143, 160,

162–164, 165–167, 171, 173, 175–176, 178, 180, 182–195, 198, 201, 212–215, 218–220, 223, 231, 233, 235–236, 238–239, 243–245, 249–253, 255–262, 264–265, 269–270, 272, 275, 277–278, 280–287, 291, 296–297, 300–306, 308–312, 318, 321–324, 326, 329, 331, 335, 337–338, 348, 351, 357, 359–361, 364–365, 367, 369–370, 372, 374, 376, 379, 390–391, 394–395, 400–402, 405, 412, 415, 417–427, 429–430, 432–435, 439–453, 456, 459–461, 464–471, 494, 511–535, 537–538

и суждения 11, 32, 66–68, 73, 75–77, 79–80, 100–101, 107–109, 111–113, 116–117, 119, 122, 124–126, 131, 140, 145–152, 159, 161, 164, 191, 197, 271

порядок вопросов в интервью 72, 77–78, 139–140, 143–144, 152, 163

ретроспективный тест 109, 110, 112, 117–118, 121, 131–134, 159, 265

тест «остановись-и-подумай» 110, 118, 120–121, 132–133, 153–156

Восприятия аксиома

как составляющая ВПФ-модели 91–94, 104, 113, 169, 173, 201, 400

критическая оценка 412–413

Восприятия-принятия модель, см. также изменение установок, восприятия аксиома

в приложении к авторитарным режимам 451–460

вмешательство США во Вьетнаме 289–329

вмешательство США в Центральной Америке 235–237

выборы в палату представителей, в которых доминирует переизбирающийся кандидат 331–343

выдвижение кандидата на пост президента от демократической партии в 1984 году 383–389, 396–399

затраты на оборону 233, 535

оценка личности президента 443–449

снижение доверия американским институтам 449–451

Восприятия-принятия модель

и предрасположенности 224–226

как общая модель распространения 410–411

критическая оценка 423–442

основные утверждения 204–211

Восточная Европа 277

Выборы в конгресс

в 1990 году и война в Персидском заливе 176–177

выборы в палату представителей 58–59, 330–384

выдвижение кандидатов от демократической партии в 1968 году 409–410

по сравнению с президентскими выборами и выборами в сенат 376–383, 390–395

Гегемония 18–19, 465

Гетерогенность, межличностная 100

Гомосексуальность 51, 472–475, 479–484, 492

Господствующей тенденции модель

в отношении к авторитарным режимам 452–453

в сравнительной перспективе 488

значение политической осведомленности 175–190

и вьетнамская война 290, 323, 407–408

и либеральный интернационализм 273–276

и пресса 473

и экспертные сообщества 456

оппозиционная информация 383

определение 169–173

отношение к модели с двумя информационными потоками 288–289

Десегрегация школ 48, 256–258, 260, 280, 286–287, 405, 535, 538

Доверие правительству 449–451

Доминирование элиты, см. лидерство мнения элиты

Доступности аксиома

в ВПФ-модели 100–101, 113, 121–122, 139, 142, 151–152, 400

критическая оценка 416–417

Доступность суждений

в ВПФ-модели 83, 100, 416–417

в модели с двумя потоками сообщений 296–303

и влияние порядка вопросов 139

и крайность установок 151–152, 418–419

и эффект грунтовки 143–151

Замораживание производства ядерных вооружений 73, 258–261

Затраты на оборону 52–54, 84, 123–124, 136, 140, 143, 212–216, 228

Знакомство с темой сообщения

измерение 251–252

ожидаемые паттерны изменения установок 247–252

определение 247

тестирование влияния 260–263

Идеология, см. также предрасположенности, ценности, «ястребы»-«голуби»

в оценке фигуры президента 443–449

- в Фиолетовой стране 467–468
- и активизм судебной власти 280–281
- и война во Вьетнаме 276–278, 303–304, 317–321, 417
- и снижение доверия правительству 449–450
- и эффект грунтовки 150–151
- и ядерная зима 477–478
- концептуализация как канала коммуникации элиты — массы 488–489, 493–494
- роль в сообществах экспертов 478, 484–488

Избирательное восприятие 226, 412–423

Изменение установок

- в ВПФ-модели 197–201, 412–413, 423–426, 438–441
- в предвыборный период 330–390
- и возраст 270–282
- как формирование установок 256–263
- критическая оценка модели 428–437
- модель с двумя потоками сообщений 296–303
- основные формы сопротивления 197–203
- простая модель с одним потоком сообщений 204–206, 217–240
- характеристики сообщений, оказывающие влияние 243–256
- характерные паттерны 206–217, 344

Интенсивность сообщения

- вопрос о Вьетнаме 290–318, 323–324
- и вопрос о личности Рейгана 445–449
- как интенсивность кампании 330–331, 344–346, 369–383, 390–395, 401
- ожидаемое влияние на паттерны изменения установок 247–251
- определение 243–246
- при выдвижении кандидата на пост президента от демократической партии в 1984 году 384–389, 396–397
- проблемы измерения 243–244, 336–337, 425–426, 441–442
- проверка ожидаемого влияния на изменение установок 257–263

Ирак, см. также война в Персидском заливе 163, 176, 180, 182, 195–196, 406

Ирангейт 144, 227, 236–237, 264–267, 270, 273, 283, 288, 404–405, 440, 535, 538

Исследование

- CPS 29–30, 38, 177, 261, 275, 277–278, 280, 287, 295–296, 302–304, 306, 309, 314, 316–318, 320, 323, 327–329, 450, 498, 517, 519, 521–522, 528
- ICPSR 37, 109, 116, 521

NES 29–30, 38, 54–56, 59–60, 66–67, 73, 106–107, 109, 115, 117, 121, 123, 125, 127, 131, 133–134, 145, 148, 150, 153–155, 164, 178, 180–184, 187, 189, 196, 212–216, 231, 233, 235, 237, 244, 246, 254, 258–261, 264–266, 269, 271, 273, 283–285, 287, 328–329, 331, 338, 340, 343, 345, 348, 350, 352, 353, 357, 360, 364, 371, 373, 376–377, 380, 384, 392, 394, 398, 418, 425, 427, 438, 445–446, 448, 450, 511, 517–520, 523–528

панельное 10, 73, 126–127, 129, 164, 183–184, 187, 189, 280, 426, 523
пилотажное 11, 38, 56, 106–107, 109, 112, 115, 117, 119, 121, 125, 131, 133–134, 145–146, 148, 150, 153–155, 159, 214, 216, 244–246, 260, 264–266, 269, 271, 273, 283, 285, 519, 525, 527–528

Католики и влияние религии на их установки 141, 329

Китай 62, 184, 186–187, 189, 277, 414, 429–430, 522

Кодирование 75, 110–111, 116, 118, 120, 132–133, 178–179, 186–187, 195, 265, 269, 314, 329, 338, 359, 362, 364, 391, 394–395, 446, 520–521, 527

ошибки 132–134

Консистентность установок

и война во Вьетнаме 321–322

и политическая осведомленность 191–192

объяснения 192–195

Крайность установок 151–152, 417–418

Кронбаха альфа 440, 517, *см. также* шкала, надежность

Кувейт 176, 182, 195, 406, *см. также* война в Персидском заливе

Либертарианцы 70, 171–172

Лидерство мнения элиты, *см. также* изменение установок

в выдвижении кандидата от демократической партии в 1984 году 388

в отношении норм государственного устройства 456

в Фиолетовой стране 467–469

защита против 469

и афро-американцы 317

и более образованные 170, 192, 329

и личность президента 443–449

и менее осведомленные 342–343

и направление влияния элиты — массы 343, 404–412

и организаторы массовых опросов 164

и политические предрасположенности 63–64

как возможная причина доминирования элиты в массовом мнении 463–467

как источник информации для прессы 469–476

как источник подсказывающих сообщений 95, 402
как негосударственная информационная система 490–494
как элиты, поддерживающие одну из позиций 51, 125–126, 330, 493–494
о войне в Персидском заливе 176–182
о войне во Вьетнаме 176–178, 288–323
по вопросу о расе 44–50, 493
под влиянием сообществ экспертов 476–490
условия формирования 39–40
эффект господствующей тенденции 169–173, 190, 413
эффект поляризации 173–178, 414

Личный электорат, в кампаниях по выборам в конгресс 58–59, 332–335, 346–347, 371, 378

Логистическая функция 178, 185, 189, 196, 218–225, 295, 298–299, 337, 350–352, 357, 365, 441, 537

Маккартизм 194

Масс-медиа

в Бразилии 459

в выборах 336–337, 342, 347, 359, 361–363, 383–384, 387, 390–395

в Советском Союзе 458–459

в Фиолетовой стране 467

государственные и негосударственные источники 469–472, 490–494

доступ элит 52, 182, 190

и актуализация ответов 401

и вмешательство США в Центральной Америке 252–253

и война в Персидском заливе 406

и Вьетнам 176, 292–293, 310, 313–314, 327, 407–409, 442

и гомосексуальность 473–476

и затраты на оборону 52–54

и информация, подсказывающая идеологическую направленность 368, 413–414

и ирангейт 253

и менее осведомленные граждане 439

и мнения экспертов 469–476, 479, 490

и отставка Райта 55, 413

и предрасположенности 63–64

и Рейган 444–445

и телереклама 335

и тоталитарное доминирование 368, 463

и эффект господствующей тенденции 169–173, 177
и ядерная зима 478
об абортах 55–56
об экономике 42, 89
частично определяют интенсивность потока сообщений 244–248, 250–251, 260, 442
эффект грунтовки 141, 143–146, 148–149

Метод

интервью 7, 10–11, 13, 32, 72–73, 75–76, 78–84, 100–103, 106–113, 115, 117–119, 122, 130–131, 134–135, 138–141, 145, 149, 153, 157, 161, 163, 165, 177, 197, 213–214, 223, 228, 268, 282–283, 296–297, 300, 303, 362, 390, 400–402, 417, 420, 422, 424–426, 428, 443, 445, 460–461, 480, 519–526, 529–532, 534
оценки надежности структурного уравнения Вилея-Вилея 129

Национальная ассоциация развития цветных 405

Национальное общественное радио 513

Нестабильность ответов, *см. также* амбивалентность, изменение установок, политическая осведомленность, вопросы в ВПФ-модели 81–84, 92, 108–109, 121–137, 161, 417
значение для демократии 164–167
и открытые вопросы 109–112
примеры 72–77, 106–107

снижение благодаря интегрирующим когнитивным структурам 422

Никарагуа 66, 68, 91, 140, 148, 213, 252–253, *см. также* Центральная Америка, вмешательство США

Нью-Гемпширское собрание по выдвижению кандидата от демократической партии

в 1968 году 410

в 1984 году 383–389

Образование, *см. также* предрасположенности, политическая осведомленность

как альтернативная объясняющая переменная политических установок 192–194

как альтернативный показатель политической осведомленности 62, 439, 511–512

как фактор поддержки тоталитарных правительств 456–458

эффект внушения 169–173

Оппозиционное сообщение, *см. сопротивление убеждающим сообщениям*

Осведомленность, *см. политическая осведомленность*

Палата представителей, *см* выборы в конгресс

Партийная приверженность или идентификация

в оценке деятельности президента 251–256, 270

в оценке личности президента 443–449

и расовые вопросы, установки в отношении 45–47

и реакция на источники элиты 464

и установки в отношении войны в Персидском заливе 175–183

и установки в отношении затрат на оборону 213–214, 224–226

как переменная индивидуального уровня, характеризующая принятие сообщений 340–341, 358–362, 366, 391–393

как показатель идеологии 303

косвенное влияние на стабильность ответов 126

при анализе электорального поведения 351

Пентагон 53, 62, 84, 89, 136, 470

Перестройка 455

Подсказывающие сообщения, *см.* сообщения-подсказки

Пол, *см.* также предрасположенности

и установки по отношению к войне 312

Политическая осведомленность, *см.* также изменение установок; модель восприятия-принятия

в ВПФ-модели 99–100, 104–105, 412–414, 460–462

влияние на восприятие новостей 246–248

и доверие правительству 449–451

и изменение установок 201–211, 238–239, 243

и надежность выражения установок 151–160

и народная поддержка авторитарных режимов 451–460

и обработка сообщений о вопросах, по которым наблюдается господствующая норма и партийные разногласия 173–193

и ответы «не знаю» 424

и популярность президента 254–256, 283–287

и связи между установками 191–192

и сопротивление убеждающим сообщениям 201–203, 263–282, 374–375, 402

и стабильность ответов 132

и установки в отношении Центральной Америки 66–68, 235–237

и установки по вопросу о затратах на вооружение 212–215, 231–234

и формирование идеологически consistentных суждений 122–125

и формирование установок 256–263

измерение при помощи тестов политического знания 61–62, 511–520

- как опосредующий фактор масс-медиа и межличностных информационных потоков 92–93, 410
- надежность измерения 439–440
- определение как интеллектуальной вовлеченности в политику 61, 91–92
- помимо влияния элиты 434
- при взаимодействии с возрастом как фактором сопротивления 270–282
- при взаимодействии со знакомством с темой и интенсивностью сообщения 248–251

Политические партии

- вопросы, по которым наблюдается господствующая норма или партийные разногласия 182–184
- выдвижение кандидата от демократической партии в 1984 году 383–389, 396–399
- и либерализм 277
- и одобрение Рейгана 255–256
- и расовая проблема 45–50, 257–258
- как фактор сопротивления убеждающим сообщениям 337–338, 402–403
- о введение контроля заработной платы и цен 168
- о войне в Персидском заливе 176–178, 180–183
- о затратах на оборону 212–216, 224–225, 236
- о либеральном интернационализме 273–276
- об ирангейте 270
- соотнесение партий с позицией по определенным вопросам 123–124

Поляризации модель или эффект

- более интенсивные кампании 379
- в отношении гомосексуальности 484
- в отношении политики в Центральной Америке вследствие ирангейта 236–237
- и взаимосвязанность установок 191
- и два потока информации 288–289
- и идеология 323, 414, 488
- и расовые вопросы 48–50
- о войне во Вьетнаме 42, 290
- определение 173–175
- проверка модели поляризации 186–195, 312–324, 414–415

Поправка к конституции о равенстве прав 42

- Предрасположенности, см. также возраст, пол, «ястребы»-«голуби», идеология, раса

в ВПФ-модели 94, 98–99, 104–105, 113–114, 441–442, 460–462
и сообщения-подсказки 90
и сопротивление из-за приверженности 201
измерение 239, 266
роль в функции принятия 223–224
теоретическая роль в регулировании интериоризации убеждающих сообщений 63–64, 431
типы 63–65

Президента личности оценка 443–449

Президентские выборы

1952 года 333, 378
1960 года 52
1976 года 444
1980 года 53, 444
1984 года 142, 376–380, 444–449
интенсивность информационного потока 403
партийная поляризация 376–383, 437–438
подсказывающая информация 87

Раса как переменная, *см. также* афро-американцы, расовые установки

и оценка Рейгана 141
и поддержка войны в Персидском заливе 180–181
и поддержка вьетнамской войны 307

Расовые установки, *см. также* афро-американцы, раса как переменная

влияние дискурса элиты 44–50, 493
влияние образования 47, 170, 193–194
и контекстуальная информация 99
и отрицательная реакция белых 434
как обобщающее суждение 162–163
как установки по поводу десегрегации школ 256–261
различия между поколениями 270–272, 279–282

Реакции аксиома

как часть ВПФ-модели 100, 103, 118, 142, 297, 401, 529
критическая оценка 417–421

Северная Корея 37, 79–80, 275–277, 286–287, 429–430, 455–456, 535, 538

Системы поощрения экспертов 485–487, 489

Советский Союз 52, 75, 78, 84, 258, 434, 455, 458–459, 463, 466, 477

«Солидарность», польский профсоюз 457

Сообщения-подсказки

антивоенные и провоенные сообщения о Вьетнаме 290–296, 306–324

в аксиоме сопротивления ВПФ-модели 94–95, 412–414

в выдвижении кандидатов на пост президента в 1984 году от демократической партии 386–389

в масс-медиа 464

и доступность близких идей 417

и политическая осведомленность, обеспечиваемая партийными элитами 125–126

и сопротивление приверженности 201, 270, 368, 403

и эффект господствующей тенденции 169–173

и эффект поляризации 173–174

как внешние подсказки 98

определение 90

при действии двух информационных потоков 299–300

Сопротивление убеждающим сообщениям, приверженности и инерционное

в выборах 331–347, 352–353, 359–360, 368, 374–375, 381, 389–390, 402–403

и политическая осведомленность 201–202, 212, 238–239, 264–267, 348–356, 374–375, 427–433

определение 201–203

при ирангейте 256

у пожилых либералов 276–279

у пожилых республиканцев 274–275

Сопротивление убеждающим сообщениям, оппозиционное

в выборах 331–336, 339–341, 348–354, 368, 374–375, 383, 388–389, 402–403

в отношении затрат на оборону 212, 240

в отношении компетентности Рейгана 445–447

во время вьетнамской войны 290, 319

и политическая осведомленность 201, 264, 348–356, 374–375, 427

определение 201–203

Сопротивления аксиома

как составляющая ВПФ-модели 94–99, 113–114, 144, 170, 401, 529

критическая оценка 412–416

СПИД 171, 411, 486, 492–493

Стаж переизбирающегося кандидата

в высоко- и слабоконкурентных выборах 343–347, 365

как переменная в кампаниях, в которых доминирует переизбирающийся кандидат 336–337, 339–341, 391–392
как переменная, характеризующая избирательный округ 359
неоднозначный эффект 339–341, 347, 361–365
формирование положительных суждений о переизбирающемся кандидате вследствие 369–372

Суждения

в выводе об амбивалентности 114, 117–118, 164
в отличие от «истинных» установок 461
и инерционное сопротивление 201, 238–239, 264–267, 427–432
и нестабильность ответов 121–137
и оппозиционное сопротивление 201
и сила и радикальность установок 417–418
и сопротивление приверженности 267–270, 356–364
и эффект поляризации 174
критическая оценка их роли в ВПФ-модели 412–423
о кандидатах и партиях в выборах 330–395
определение 88–89
по правам прокоммунистически настроенных журналистов 78
проблемы измерения 111–112, 423, 426
роль в изменении установок 197–203, 424–426

Теория восприятия и ВПФ-модель 416

Тонкинский залив, решение 293–294

Точка зрения как переменная 111, 116

Убеждающие сообщения

в модели господствующей тенденции 169–170
в модели поляризации 173–174
определение 90–91

Уравнения структурные 12–13, 129, 185, 187–188, 201, 204–207, 217–218, 221, 224–235, 237, 240–241, 246–248, 250–251, 254, 261, 275, 280, 283–286, 299–302, 304–305, 307–310, 316–317, 320, 325–327, 329, 336–337, 339–340, 350–351, 356–357, 364, 366, 369, 379–380, 392, 394–398, 428–429, 437, 441–442, 445–446, 462

Установки, см. также изменение установок

измерение 130–143, 145–167, 527–528
«истинные» 11, 76, 79, 82, 102, 107–108, 163
нестабильность 11–12, 32, 65, 77–80, 85, 92, 96, 102–103, 114–120, 122, 126, 130
связанность 13, 191–192

Ценности, см. также предрасположенности

определение 64–69

отношение к идеологии 70–72

Центральная Америка, вмешательство США 66–67, 91, 99, 143–145, 148, 212–214, 216–217, 228, 234–237, 239, 249, 252–255, 259, 262, 284–285, 404, 424–426, 437–438, 440, 525–526, 535–539

Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 408

Швеция, нестабильность установок 126

Шкала

надежность 303, 514, 516–517

построение 54, 56, 59, 66, 68, 70–71, 73, 112, 122, 124, 127–128, 150, 153, 160, 178–179, 181, 185–187, 189, 212, 214, 230, 234, 236–237, 254–255, 259–260, 269, 278, 287, 303–305, 312–313, 321, 327–329, 342, 344, 351, 359, 363–364, 370, 391, 395, 418, 424–426, 437, 440, 446, 448, 450, 452–454, 514, 516, 518–528, 535, 539

Ф-шкала 452–454, 539

Экономические условия

нестабильность экономики Бразилии 456–457

спад в 1981–1982 годах и формирование установок 256–261

Элита, см. также лидерство мнения элиты

определение 39

Эффекты

актуализации 139–140, 142–150, 198

грунтовок 141–149, 161

ответа 78–79, 82, 86, 96, 139–140

Южная Корея 460

Ядерная зима 477–479

«Ястребы»-«голуби», см. также предрасположенности

и политика в Центральной Америке 66–68, 91, 216–217, 228, 235–237, 424–426

и установка по отношению к войне во Вьетнаме 294–295, 304–316, 319–321

измерение 179–180, 327–329

Указатель имен

- Алмонд (Almond), Габриэль 16
Андерсон (Anderson), Норманн 87
Арендт (Arendt), Ханна 12
Арнольд (Arnold), Дуглас 167
- Байер (Bayer), Рональд 481, 482, 484
Бакли (Buckley), Уильям 415
Баратц (Baratz), Морион 257
Бартелс (Bartels), Ларри 8, 29, 252, 388, 441, 517
Бекрэк (Bachrach), Питер 257
Белнап (Belknap), Джордж 175, 176
Беннет (Bennett), Б. 476
Берельсон (Berelson), Бернард 10, 15, 411
Бёрк (Burke), Эдмунд 489
Бишоп (Bishop), Джордж 138, 139, 514
Бобо (Bobo), Лари 193
Боуэн (Bowen), Гордон 213
Браун (Brawn), Джерри 523
Браун (Brawn), Кортни 411
Брилл (Brill), Аида 171, 172
Брихам (Brigham), Карл 45
Бродер (Broder), Дэвид 491
Броди (Brody), Ричард 159, 171, 194, 199, 433
Брэди (Brady), Генри 29, 388
Буш (Bush), Джордж, младший 7, 8
Буш (Bush), Джордж, старший 54, 89, 90, 91, 123, 176, 177, 180–182, 195, 400, 406, 518, 524–526

- Вайер (Wyer), Роберт 86, 101
Верба (Verba), Сидней 16, 57
Вестолм (Westholm), Андерс 126
Вилсон (Wilson), Тимоти 29, 82, 156–158, 160, 416, 420
Вольфингер (Wolfinger), Рэймонд 335
- Гамильтон (Hamilton), Р.Ф. 193, 194
Геддс (Geddes), Барбара 30, 451–453, 456
Гелб (Gelb), Лесли 407
Гербер (Gerber), Элизабет 50
Гибсон (Gibson), Джеймс 194
Гинсберг (Ginsberg), Бенджамин 400
Голденберг (Goldenberg), Эдди 441
Голдуотер (Goldwater), Барри 48, 183, 522
Горбачев (Gorbachev), Михаил 455, 526
Грабер (Graber), Дорис 40
Грамши (Gramsci), Антонио 19
Гувер (Hoover), Герберт 44
Гурвиц (Hurwitz), Ян 65, 214, 304, 440, 527, 528
Гэмсон (Gamson), Уильям 170, 175, 176
- Данн (Dunn), Дана 157, 160, 420
Даунс (Downs), Энтони 11, 18, 54
Дач (Duch), Раймонд 194
Деглер (Degler), Карл 46
Делли Карпини (Delli Carpinì), Майкл 21, 57
Джекмен (Jackman), Мэри 194
Джекобсон (Jacobson), Гари 29, 362
Джексон (Jackson), Джесси 123, 525
Джексон (Jackson), Джон 50
Джемс (James), Уильям 33
Джонсон (Johnson), Линдон 48, 177, 278, 290, 293, 306, 313, 318, 322, 407, 522
Джонстон (Johnston), Ричард 388
Джудд (Judd), Чарльз 125, 152, 512
Драйер (Dryer), Эдвард С. 378
Дукакис (Dukakis), Майкл 123, 518, 526

Иенгар (Iyengar), Шанто 29, 42, 57, 141, 149, 516

Камени (Kamenu), Фрэнк 482, 483

Канеман (Kahneman), Даниэл 18, 80

Кантрил (Cantril), Хэдли 192, 193

Картер (Carter), Джеймс 52, 127, 475, 518, 523, 524

Касиоппо (Casioppo), Джон 96–98

Катц (Katz), Элиу 10, 411

Кей (Key), В.О. 170, 407, 463, 476

Келли (Kelley), Стэнли 29, 87, 89

Кеннеди (Kennedy), Джон 49, 306, 524

Кеннеди (Kennedy), Роберт 409

Кеннеди (Kennedy), Эдвард 365

Кернелл (Kernell), Сэм 362

Киндер (Kinder), Дональд 29, 143, 145, 149, 166, 285

Кинси (Kinsey), Альфред 480

Китер (Keeter), Скотт 57

Козаки (Kosaki), Лайен 50

Конверс (Converse), Филипп 8, 10, 11, 15, 16, 25, 27, 28, 57, 76, 77, 90, 95, 99, 127, 162, 164, 191, 192, 321, 322, 333–335, 339, 374, 378, 382, 413, 423, 428, 511, 512, 531

Коновер (Conover), Памела 527, 528

Коттон (Cotton), Джон 227

Крафт (Kraft), Долорес 157, 160, 420

Кросник (Krosnick), Ян 29, 76, 122, 127, 128, 143, 145, 175, 285, 512

Кэйн (Cain), Брюс 171

Кэмпбелл (Campbell), Ангус 10, 11, 175, 176

Кэрминс (Carmines), Эдвард 48–50

Лазарсфельд (Lazarsfeld), Пауль 10, 15, 411

Ласкин (Luskin), Роберт 29, 195, 512, 515

Ликари (Licari), Ф.К. 193

Липпман (Lippmann), Уолтер 9, 10, 39–41, 51, 465

Липсет (Lipset), С.М. 142, 143

Лисли (Lisle), Дуглас 157

Лодж (Lodge), Милтон 29, 120

Локк (Locke), Джон 15, 489

Лукер (Luker), Кристин 42

Луск (Lusk), Синтия 125

Лэйн (Lane), Роберт 192

Макгайр (McGuire), Уильям 25, 27, 28, 35, 95, 96, 206, 207, 209, 210, 239, 423

Макгроу (McGraw), Кэтлин 29, 57, 120

Маккლოსки (McClosky), Герберт 28, 171, 172, 175, 176

Маккуен (MacKuen), Майкл 411, 441

Макфи (McPhee), Уильям 411

Манн (Mann), Томас 335

Маркс (Marx), Карл 489

Маркус (Markus), Хэйзел 77, 192, 193

Милберн (Milburn), Майкл 149, 175, 512

Миллар (Millar), Мюррей 158, 159, 416

Миллер (Miller), Артур 441

Милль (Mill), Джон Стюарт 494

Мирдал (Myrdal), Гуннар 45, 46

Модильяни (Modigliani), Андре 170, 175, 176

Мондэйл (Mondale), Уолтер 142, 143, 383–385, 387–389, 396, 397, 524, 525, 539

Мюллер (Mueller), Джон 29, 72, 74, 79, 80, 171, 172, 315, 328

Най (Nie), Норманн 57

Найеми (Niemi), Ричард 126

Найт (Knight), Кэтлин 110

Никсон (Nixon), Ричард 168, 177, 278, 294, 306, 314, 407, 429, 430, 481, 523

Нойман (Neuman), Рассел 29

Норт (North), Оливер 213, 245–247, 285, 413

Ньюком (Newcomb), Теодор 141

Олпорт (Allport), Гордон 193

Оруэлл (Orwell), Джордж 463

Петросик (Petrosik), Джон 50, 57

- Петти (Petty), Ричард 96–98
Пеффли (Peffley), Марк 65, 214, 304, 440, 527–528
Пинней (Pinney), Нэйл 57
Пирсон (Pierson), Джеймс 193
Полсби (Polsby), Нельсон 28
Попкин (Popkin), Сэм 29, 385
Прайс (Price), Винсент 29, 56, 93, 149, 150, 227, 513, 515, 516
Прессер (Presser), Стэнли 78, 127
Пэйдж (Page), Бенджамин 258, 465
- Райн (Rhine), Р. 96
Расински (Rasinski), Кеннет 72, 82, 101, 135
Рейган (Reagan), Рональд 38, 52, 53, 123, 127, 141–145, 149, 213, 234–236, 239, 245, 253–256, 262, 264–267, 283, 285, 286, 404–406, 418, 466, 475, 523–526, 531, 535, 538, 539
Риверс (Rivers), Дуглас 29, 241
Рузвельт (Roosevelt), Франклин Делано 7, 48, 193, 280
- Салливан (Sullivan), Джон 192, 193
Сандерс (Sanders), Линн 145, 166
Сасмен (Sussman), Барри 141
Северанс (Severance), Л. 96
Ситрин (Citrin), Джек 29, 449–451
Снайдерман (Sniderman), Пол 29, 159, 171, 194, 207, 433
Собел (Sobel), Ричард 213
Срулл (Srull), Томас 86, 101
Стауффер (Stouffer), Сэмуэль 193
Стимсон (Stimson), Джеймс 48–50, 57
Стро (Stroh), Пэт 120
- Табб (Tabb), Д. 192
Тверски (Tversky), Амос 18, 80
Тейлор (Taylor), Шелли 32, 83, 86, 87
Тессер (Tesser), Абрахам 85, 158, 159, 416
Тетлок (Tetlock), Филипп 159, 171, 194, 433
Тиченор (Tichenor), Р. 246

- Токвиль (Tocqueville), Алексис 15
Трумэн (Truman), Гарри 48, 258, 273, 275, 276, 286, 407
Туранжо (Tourangeau), Роже 82, 101, 135, 140
- Фельдман (Feldman), Стенли 106, 109, 110, 527, 528
Фирджон (Ferejohn), Джон 171
Фиске (Fiske), Сьюзан 32, 83, 86, 87
Франклин (Franklin), Чарльз 50, 304
Фридман (Freedman), С. 11
Фьорина (Fiorigina), Моррис 171, 512
- Хамфри (Humphrey), Губерт 48, 258
Хан (Hahn), Харлан 193
Харт (Hart), Гари 384, 385, 387–389, 396, 397, 525, 539
Ходжс (Hodges), Сара Д. 82
Хохчайлд (Hochschild), Дженнифер 115, 118
Хукер (Hooker), Эвелин 481
Хусейн (Husseini), Саддам 176
- Цаллер (Zaller), Джон 6–22, 56, 89, 175, 187, 227, 311, 453
- Чартерс (Charters), У. 141
Чейкен (Chaiken), Шелли 96
Черч (Church), Фрэнк 294
Чонг (Chong), Денис 175
- Шапиро (Shapiro), Роберт 258, 465
Шуман (Schuman), Говард 78, 127
Шютц (Schutz), Альфред 17
- Эйзенхауэр (Eisenhower), Дуайт 48, 280
Эйкен (Achen), Кристофер 13, 28, 135, 136, 162, 164, 458
Эрбринг (Erbring), Лутц 441

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Джон Цаллер
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИРОДА
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Все права сохранены
Перевод с английского языка по изданию,
опубликованному
Cambridge University Press

Перевод с английского *А.А. Петровой*
Научный редактор перевода *И.Н. Тартаковская*
Дизайн обложки, компьютерная верстка *А.Р. Кима*
Корректор *С.А. Мирзоян*

Институт Фонда «Общественное мнение»
Лицензия ИД № 03822 от 25.01.2001 г.

Сдано в набор 03.12.2003. Подписано в печать 11.03.2004.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура TimesET.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 9741

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"»,
121099 Москва, Шубинский пер., д. 6.

Издательская программа Института Фонда «Общественное мнение»

Публикуются переводы и оригинальные издания по теоретическим и прикладным проблемам массовой коммуникации, общественного мнения, публичного дискурса, идеологий и социальных представлений, оказывающих значительное влияние как на функционирование политических институтов современных обществ, так и на повседневную жизнь миллионов людей. Издания Фонда предназначены для специалистов по социальным и гуманитарным дисциплинам, а также для всех, кто интересуется массово-информационными процессами.

Вышли в свет следующие издания:

Монографии

Диллингенский Г.Г. Люди среднего класса.
Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента.
Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян.
Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.
Блехер Л.И., Любарский Г.Ю. Главный русский спор. От западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья.
Галицкий Е.Б. Методы маркетинговых исследований.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. Пер. с англ.
Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента. Пер. с англ.
Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. Пер. с англ.
Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Пер. с англ.
Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ.
Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ.

Серия «Хроника социологических наблюдений»

Поговорим о гражданском обществе.
Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября.
Десять лет социологических наблюдений.

Готовится к публикации:

Монография

Кертман Г.Л. Власть и публичная политика в картине мира среднего россиянина.

Информацию об изданиях можно получить по адресу:

117421 Москва, ул. Обручева, 26, корпус 2

Телефон: (095) 745-87-65. Факс: (095) 745-89-03.

Электронная почта: izdat@fom.ru